БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

РУССКАЯ АРМИЯ В ИЗГНАНИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой тринадцатый том серии, посвященной Белому движению в России и истории Русской Армии генерала П.Н. Врангеля после 1921 года, когда было принято решение о ее перебазировании в Болгарию и Югославию. Показано, как постепенно чины армии стали рассеиваться по всей Европе и другим континентам, как в 1924 году был создан Русский общевоинский союз (РОВС), крупнейшая военная организация русской эмиграции. В нескольких мемуарах рассказывается об участии, в ряде случаев выдающемся, русских воинских подразделений в событиях внутренней жизни в Албании, Болгарии, Иране, Парагвае.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Русская Армия в изгнании
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Раздел 1
    - ■ В. Даватц1
      - ■ Девятый вал
      - ■ В славянских странах
      - ■ По лицу земли
    - ■ В. Каменский29
    - ■ П. Шатилов46
      - ■
      - ■ Новая моя поездка на Балканы и в Париж
    - ■ В. Витковский63
    - ■ М. Каратеев81
      - ■ В Югославии
      - ■ Клуб самоубийц
      - ■ Дальнейшие приключения «самоубийц»
      - ■ Черная дама
      - ■ Случай на кладбище
      - ■ Сергиевское артиллерийское училище. В Великом Тырнове
      - ■ Вынужденное путешествие
      - ■ Трудовое крещение
      - ■ Разъезд
      - ■ Производство

- На «офицерских вакансиях»
- Пасынки судьбы
- Калугерово
- Рисовое извержение
- Житейские мелочи
- Пасхальные события
- Саман
- Каждый развлекается по-своему
- Сельский этикет и методы воздействия
- Дела военно-политические
- Митю Ганев
- Кирпичи и то, что было после
- Новозеландские туристы
- Улыбки осени
- Отъезд

- А. Рябинский127
- В. Баранов130
- Е. Обозненко135
- В. Берестовский138
  - Предисловие. 1924 год
  - Формирование Русского отряда
  - Общая обстановка
  - Бой за город Пешкопею
  - Пешкопея
  - Поход на Тирану
- А. Сукачев143
  -
  - Албания и король Зогу
  - Воспоминания о полковнике Кучук Улагае
- Доброволец Иванов149
- Г. Турчанинов155
  -
  - Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина159
  - Выдержка из статьи полковника А.Г. Ягубова193
- М. Левитов194
  -
  - Из жизни на местах
- В. Витковский
  - Париж. 13 февраля – 24 июня 1941 года240
- М. Стефановский244
- П. Тригуль260

- Раздел 2
  - С. Калугин264
  - С. Булацель267
  - П. Фадеев270
  - И. Захарин274
- Раздел 3
  - С. Голубинцев276
  - Н. Керманов285
    -
    - Белые русские офицеры в Парагвае288
  - Н. Стогов296
- Комментарии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Русская Армия в изгнании
Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Белое движение

Том 13

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Тринадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен пребыванию чинов русских белых армий в эмиграции после окончания Гражданской войны.

После того как стала очевидна беспочвенность надежд на возобновление военных действий, армию было невозможно сохранять в неизменном виде, и, по мысли П.Н. Врангеля, она должна была существовать в «полускрытом виде». Было принято решение о перебазировании армии в Болгарию и Югославию.

Переезд войск (сохранивших часть оружия) закончился в середине декабря 1921 года. На севере и северо-востоке Болгарии разместился 1-й армейский корпус со штабом в Велико Тырново, а в южной части страны – Донской корпус со штабом в Стара Загоре. Части армии размещались на работы по строительству дорог, на шахты и т. д., по возможности сохраняя свою организацию. Отношение болгарского социалистического правительства, находившегося под сильным советским влиянием, к армии было крайне неприязненным. Среди командного состава проводились обыски и аресты, и более 100 представителей ее комсостава были высланы в Югославию. Переворот 9 июня 1923 года, приведший к власти правительство Цанкова, резко изменил положение армии, тем более что русские отряды, под руководством генералов Туркула и Витковского, сыграли важнейшую роль в подавлении осеннего коммунистического восстания.

Постепенно чины армии стали рассеиваться по всей Европе, причем основной поток устремился в Чехословакию (где были созданы условия для завершения и получения высшего образования), Бельгию и Францию, куда переезжали в организованном порядке в отдельные города (иногда имея контракты на работу на местных предприятиях) целые группы офицеров определенных воинских частей. Офицеры, имеющие ранее осевших в Европе родственников, стремились воссоединиться с семьями. Но большинство чинов армии в начале 20-х годов было сосредоточено на Балканах.

К середине 1920-х годов армия не могла более существовать как армия. Ввиду недостатка средств, все трудоспособные военнослужащие перешли на собственное содержание, а поиски работы делали невозможным сохранение частей в прежнем виде. Выход был найден бароном П.Н. Врангелем в сохранении армии в виде Русского общевоинского союза (РОВС), состоящего из различных воинских объединений и союзов, а также штабов и

кадра отдельных частей и соединений. Центром продолжала пока оставаться Югославия и частично Болгария. Некоторое количество русских офицеров осело в Африке. В Бизерту, куда эвакуировалась Русская эскадра, прибыло 5200 человек, в том числе около 1 тысячи морских офицеров и гардемарин Морского корпуса. Оттуда, не считая 0,5 тысячи раненых, еще ранее помещенных во французские госпиталя, свыше 3 тысяч человек выехало во Францию, а до 1,5 тысячи остались в Тунисе. Наиболее известная русская колония в Южной Америке до Второй мировой войны сложилась под руководством генерала И.Т. Беляева в Парагвае, куда организованно переезжали эмигранты из Европы. Русские офицеры сыграли там выдающуюся роль в ходе войны с Боливией в 1932–1935 годах.

Вторая мировая война послужила важным рубежом в судьбах русской военной эмиграции, и судьбы эти сложились в зависимости от стран проживания: жившие на Балканах, в Восточной Европе в основном служили в созданном 12 сентября 1941 года Русском корпусе (через его ряды в общей сложности прошло свыше 17 тысяч человек) и других русских антисоветских объединениях, и после войны многие из них были схвачены большевиками и частью расстреляны, частью сгинули в лагерях. Жившие в Западной Европе (прежде всего во Франции) избегли этой участи. Но после 1945 года начался массовый исход и тех, и других в США и Южную Америку (прежде всего в Аргентину).

После войны основными центрами проживания уцелевших русских офицеров, помимо Нью-Йорка, Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, в США стали Лейквуд, Патерсон, Наяк, Вайнленд, Ричмонд, Сиэттл, в Аргентине – Буэнос-Айрес, в Бразилии – Сан-Паулу, в Австралии – Сидней и Мельбурн, в Англии – Лондон и Манчестер, в Бельгии – Брюссель, во Франции, помимо Парижа, Ниццы и Канн, – места расположения старческих домов: Монморанси, Кормей-ан-Паризи, Сент-Женевьев-де-Буа, Ментон, Ганьи и Шелль. Именно там после 1945 года умерло абсолютное большинство русских офицеров (последние из них умерли в 1990-х годах).

В настоящем издании собраны воспоминания русских белых офицеров о жизни в эмиграции. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на три раздела. В 1-м разделе публикуются воспоминания о расселении армии по Балканским странам и жизни в рассеянии. В двух других собраны воспоминания о службе русских в Персидской казачьей дивизии (2-й раздел) и о жизни в Парагвае (3-й раздел).

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий, географических названиях и названиях организаций и воинских частей (использовании прописных и строчных букв); их правильное написание – в комментариях.

Книга иллюстрирована большим количеством фотографий из архива личного секретаря генерала Врангеля Николая Михайловича Котляревского. Фотографии предоставлены его дочерью и внучкой графинями М.Н. и Е.В. Апраксиными, за что автор-составитель и издатели выражают им глубокую благодарность.

Раздел 1

В. Даватц[1]
Годы. Очерки пятилетней борьбы[2]

Девятый вал

Едва ли часто создавалось в мировой истории такое сложное положение, которое испытывала Русская Армия, очутившись на кораблях у Золотого Рога. Та буря, которая выбросила на эти берега Русскую Армию, обрушивалась на нее своим девятым валом.

Те затруднения внутреннего характера, которые описаны в предыдущем томе, с большим напряжением сил преодолевались в течение целых пяти лет. У ворот Стамбула армия встретилась с более сложными, внешними затруднениями; причем с такими затруднениями, которые должны были разрешиться во что бы то ни стало, и разрешиться в самый кратчайший срок. Положение неимоверно усложнялось полной непримиримостью взглядов союзных правительств и Главного командования армии.

С падением Крыма союзные правительства усвоили взгляд на окончательную ликвидацию «вооруженной борьбы с большевиками». Англия восприняла его уже ранее, после Новороссийска; Франция делала последнюю ставку на Польшу и ради Польши помогала крымскому правительству, теперь необходимости в этом не было. В сознании европейских правительств не возникало мысли, что во многом происшедшие неудачи объясняются их собственной политикой полумер, а иногда – как это было с армией Юденича и с эвакуацией Одессы – было связано с прямым предательством общего дела. Причину искали то в «стихийности» большевизма, то в недостаточности «демократичности» антибольшевистской коалиции. До сознания европейских правительств не доходила мысль, что, отступив раз перед «стихийностью», они должны будут рано или поздно столкнуться с этой «стихийностью» у себя дома. О будущем не хотелось думать. Каждое правительство было озабочено своим долголетием и не думало о том тяжелом наследии, которое могло передаться последующим кабинетам. Момент настоящего заслонял собой перспективы будущего, и каждый из государственных деятелей мог сказать про себя: «Apres nous – le deluge» («После нас – хоть потоп»)…

Конечно, из такого мировоззрения вытекало желание как можно скорее развязаться с воспоминаниями о противобольшевистской борьбе. А те, которые немного думали о

грядущем «deluge»(«потопе»), стали строить уже новые перспективы приобщения этой «стихийной» силы к семье европейских наций и обуздания ее обычными методами европейской культуры: прежняя непримиримость психологически отпадала.

Русская Армия оказывалась ненужной – не только для настоящего, но даже для отдаленного будущего. И не только ненужной, но, пожалуй, вредной. Из различных предпосылок руководители иностранной политики приходили к одному и тому же выводу, что и наши русские социалисты в компании с г. Милюковым: Русскую Армию надо распылить.

Главное командование считало своей обязанностью не только сохранение в полной неприкосновенности Крымских частей, но объединение всего зарубежного русского воинства для одной ясной и определенной цели – борьбы с большевиками. Но для этого в первую очередь надо было не только сохранить, но еще больше спаять основное ядро, размещенное в лагерях Константинополя, Галлиполи и Лемноса. В шифрованной телеграмме генерала Врангеля, посланной 10 декабря 1920 года в Париж на имя П.Б. Струве[3], Главнокомандующий дает инструкцию о направлении переговоров о судьбе армии. В этой телеграмме настаивается: 1) чтобы было улучшено ее крайне тяжелое материальное положение; 2) чтобы был сохранен фактический строй армии и воинская дисциплина и 3) чтобы армия и ее Командование не были поставлены в зависимость от какой бы то ни было политической или общественной организации. «Между Новороссийском и Севастополем та разница, – заканчивалась телеграмма, – что нам удалось вместо бесславного конца спасти честь армии и того дела, за которое она дралась. Мы не можем и не должны допустить, чтобы нас теперь не только лишили надежды на будущее, но и развенчали наше дело и понесенные армией кровавые жертвы».

Эта разница между Новороссийском и Севастополем чувствовалась всеми. Но тем не менее потрясения, перенесенные во время эвакуации, были так сильны, неизвестность – так ужасна, лишения – так непереносимы, что перед командованием ставилась задача не только сохранить физическую жизнь людей, не только спасти воинскую организацию, но в этих труднейших обстоятельствах – в условиях изгнания, противодействия великих держав, попустительства и предательства русских людей – возродить ядро Русской Армии.

Тотчас же по прибытии транспортов в Константинополь, 18 ноября 1920 года, начальник штаба французского Оккупационного корпуса, полковник Депре, издал приказ, коим

предписывалось отправить 10 000 человек на остров Лемнос и 20 000 человек в Галлиполи. Исполнение приказа, минуя Главнокомандующего, возлагалось на нашего военного представителя, генерала Черткова, которому предлагалось организовать в лагерях «русское командование» с подчинением его французским комендантам.

В тот же день генерал Врангель сообщил командиру французского Оккупационного корпуса, генералу Шарпи, что вся организация Русской Армии уже проведена. «Ввиду изложенного прошу Вас приказ в части, касающейся организации Русской Армии, отменить и предписать вашим представителям в вопросах организации Русской Армии руководствоваться моим приказом, обращаясь за выяснением всех вопросов к назначенным мною начальникам, коим предоставить все полномочия по организации и внутренней жизни войск. В противном случае я и назначенные мною генералы не можем нести ответственности за могущие произойти нежелательные явления в русских войсках». Письмо заканчивалось лаконично и твердо: «Из указанных в моем приказе корпусов – 1-й направляется в Галлиполи, а Кубанский – на остров Лемнос».

Первая попытка самостоятельно распоряжаться «русскими беженцами» потерпела неудачу – и распределение между Галлиполи и Лемносом было совершено согласно приказу Главнокомандующего.

Вторая попытка такого же рода была сделана вскоре после этого, 23 декабря 1920 года, новым приказом полковника Депре. В приказе этом указывалось, что «в согласии с русским командованием» (?!) в каждом лагере учреждается должность «командующего лагерем», каковая обязанность возлагается на французского офицера. При этом офицере будет состоять русский комендант лагеря, который будет ему во всех случаях подчинен, каковы бы ни были их чины». Далее излагался план организации «русских лагерей». Русскому коменданту вменялось в обязанность организовать отделы: 1) личного состава; 2) артиллерийский (собирание и содержание оружия всякого рода); 3) инженерный (постройки в лагере); 4) интендантский и 5) санитарный.

Таким образом, не только в вопросе подчинения, но в вопросе всей организации была сделана новая попытка французов взять инициативу в свои руки.

При личном свидании Главнокомандующего с генералом Шарпи последний назвал приказ своего начальника штаба «недоразумением» и обещал, что он не будет проведен в жизнь.

Между тем в декабре 1920 года командир французского отряда в Галлиполи, подполковник Томассен, обратился с

требованием к генералу Витковскому[4], временно командующему 1-м корпусом за болезнью генерала Кутепова[5], сдать оружие и мотивировал это приказом Депре о «подчинении русского коменданта во всех отношениях». Генерал Витковский, конечно, отказался выполнить это требование и рапортом Главнокомандующему просил разъяснить: 1) действительно ли 1-й корпус подчинен французскому коменданту и в каких именно отношениях и 2) надлежит ли сдать французам оружие согласно их требованию.

О характере разъяснения видно из дальнейшей переписки между начальником штаба Русской Армии генералом Шатиловым и полковником Депре. Указав, что новый комендант Галлиполи, подполковник Томассен, предъявил требование безусловного ему подчинения командира 1-го корпуса, генерал Шатилов писал: «Главнокомандующий приказал мне поставить Вас в известность, что им вместе с сим посылается разъяснение вр. командующему 1-м армейским корпусом генералу Витковскому, а также и прочим командирам корпусов, что в решении принципиальных вопросов распоряжение должно исходить исключительно от Главнокомандующего, почему требование подполковника Томассена о сдаче оружия в исполнение приводиться не должно». (Два описанных эпизода, насколько мне известно, не отмечены в галлиполийской литературе. Между тем они имеют большое значение для понимания событий.)

Перечитывая эти документы недавнего прошлого, трудно поверить, как при всей совокупности тяжелых обстоятельств уцелела Русская Армия. Один неправильный тон, одно чуть заметное колебание могли испортить все дело и закончить эпопею славной борьбы позором нового разложения и дезорганизации.

Но тон был дан сверху – и этот тон оказался правильным. Он был понятен – и он единственный был приемлем, потому что все действительно ощущали, что между «Новороссийском и Севастополем» – громадная разница.

Вместо развала и упадка корпуса Галлиполи и Лемноса не только не разлагались, но духовно росли и укреплялись.

Я не буду говорить здесь о тех страданиях, которые испытывали лемносцы, и о тех духовных достижениях, которыми по праву гордятся галлиполийцы; эта эпоха имеет свою, уже достаточно обширную литературу. Осторожный и скрытный генерал Абрамов[6] и железный, волевой «творец Галлиполи» генерал Кутепов войдут в историю этих лет, со своей яркой индивидуальностью, а порой – и с красивыми легендами, окружающими эти имена.

Моя задача – дать в этой книге только некоторые штрихи, может быть доселе неизвестные, и, потушив в себе невольное пристрастие к дорогим воспоминаниям и дорогим именам, посмотреть на Галлиполи и Лемнос с того птичьего полета, когда даже высокие храмы кажутся небольшими хижинами. Но с этой высоты теряется лабиринт улиц, вырисовывается общий план, видны дороги, которые загораживались строениями, видны строения, которые загораживались деревьями. С этой высоты – каждое здание получает свое место, свой смысл, свою роль в общем плане.

В Галлиполи и Лемнос попал голос Главнокомандующего не напрасно. Как в хорошем резонаторе, отразился он в тысячах людей, возбудил их дух, их самодеятельность, заставил поверить в себя, осознать свои силы, обрести великую радость человеческого единения.

И это новое, что зарождалось на дарданелльских берегах, шло обратно, в Константинополь, к сердцу Русской Армии, и давало Главнокомандующему новые силы для борьбы. А борьба была каждый день и каждый час.

Сохраняя всеми способами Русскую Армию от распыления, протестуя против перевозки отдельных людей, без плана и подготовки, на неизвестные условия жизни в Бразилии, оберегая против агитации «возвращенцев», Главнокомандующий уже в декабре 1920 года ясно видел необходимость расселения армии по различным странам и начал соответственные переговоры.

В первую очередь стояли, конечно, славянские страны: Королевство С.Х.С. и Царство Болгарское. Но было совершенно несомненно, что расселение по этим странам встретит очень большие препятствия. И в Болгарии и, главным образом, в Сербии было расселено уже достаточное число гражданских беженцев, предшествовавших эвакуаций. Поэтому переговоры о размещении частей велись также с Чехословакией, Грецией, Венгрией – и даже самые незначительные возможности не были упущены из виду. С японским военным представителем, майором Такахаси-сан, велись переговоры об отправке уроженцев Сибири на Дальний Восток в распоряжение дальневосточного правительства. С согласия старшин кумыков, кабардинцев и осетин (которых насчитывалось в наших лагерях до 500 человек) было возбуждено в декабре 1920 года ходатайство перед правительством Грузии о возвращении их на родину. Были попытки устроить некоторое количество инвалидов в Афонских монастырях. Но все эти переговоры не противоречили главной цели – сохранению армии.

Переговоры с Грецией и Чехословакией не дали должных результатов. Российский посланник в Афинах г. Демидов

телеграфировал, что, несмотря на сочувствие Короля Эллинов, едва ли можно рассчитывать на удовлетворительные результаты вследствие начавшейся войны с кемалистами. В Чехословакии, несмотря на благоприятное общественное мнение и горячую поддержку верного друга русских К.П. Крамаржа, вопрос – как, впрочем, и повсюду – встретил большие осложнения вследствие отсутствия соответствующих кредитов. Отправка на Дальний Восток отпадала, так как Япония, в принципе отнесясь благоприятно, дала понять, что это может быть осуществлено только общими усилиями великих держав, а 17 июня 1921 года верховный комиссар Японии Ушида уже официально, в любезных дипломатических выражениях, сообщал об отказе от транспортирования намеченной партии в 4000 человек. Оставалась одна надежда – на Сербию, Болгарию и Венгрию. Между тем положение русских частей становилось трагическим.

В начале 1921 года премьер-министр Франции заявил о прекращении финансовой и материальной помощи армии с 1 февраля 1921 года. После целого ряда принятых мер со стороны Главного командования, командующий Оккупационным корпусом генерал Шарпи уведомил официально, что «французское правительство не намерено оставлять на произвол судьбы русских беженцев».

Но в середине марта верховный комиссар Франции генерал Пелле сообщил Главнокомандующему, что, согласно полученным из Парижа распоряжениям, довольствие армии прекращается с 1 апреля; поэтому чинам армии необходимо прийти к одному из трех решений: 1) выехать в Советскую Россию; 2) эмигрировать в Бразилию; 3) искать себе частного заработка.

Главнокомандующий ответил, что он не может рекомендовать ехать в Советскую Россию – на верную смерть или в Бразилию – на полную неизвестность.

Тогда началась та постыдная страница франко-русских отношений, когда – из желания снять лишних людей с отпускаемого пайка – местные агенты французской власти повели открытую агитацию против русского командования и уговорами и угрозами пробовали привести приказ в исполнение.

В Галлиполи, переживавшем в это время расцвет своих духовных сил, приказ этот не отразился совсем – его просто игнорировали. На Лемносе это привело к целому ряду трагических сцен, вплоть до насильственной отправки группы казаков в Советскую Россию. Среди множества доказательств печальной участи казаков, отправленных в Советскую Россию, приведем надпись, обнаруженную на пароходе «Решид-паша» при перевозке частей из Галлиполи в Болгарию. Надпись эта,

вырезанная в нижнем трюме, гласила: «Товарищи! Мы приехали в О дес 3500 казаков, и своих было 500 растрелено Аснальных по тюрьмам и по военым лагер. И на принудительн. работы. Я козак Мороз ст. 11 Гнутов со мною не знаю что будет».

В негодующем письме по этому поводу на имя генерала Пелле генерал Врангель говорил: «Не только для солдат, но даже для рядового офицерства истинная роль Франции в истекшей великой борьбе не будет столь ясной, как жгучее чувство негодования и обиды при виде жестокой расправы последних дней».

Обращаясь к маршалам Франции, генерал Врангель указывал, что им делается все возможное, чтобы снять с Франции финансовое бремя содержания Русской Армии. «Усилия наши далеко не бесплодны. Из 150 000 ртов, прибывших из Крыма, уже теперь осталось меньше половины – около 60 000 человек». Но мероприятия последних дней оскорбительны для чувства русского солдата; агенты французской власти пренебрегли «узами крови, коими скреплены народные армии двух великих наций, начиная с Марны и Восточной Пруссии, продолжая Соммой и Брусиловским наступлением и кончая самоотверженной гибелью русских офицеров, почти одних отважившихся на «революционное» выступление 1917 года».

Широкая волна негодования, отразившаяся даже во французской печати, спасла на этот раз армию от уничтожения. Российский посол в Париже В.А. Маклаков, в полном согласии с Совещанием Послов, предпринял энергичные шаги в Париже. Г. Перретти, ведающий русскими делами в Министерстве иностранных дел, заявил, что применение мер к распылению не требует немедленного и буквального исполнения. Но каждую минуту острота положения могла вновь усилиться. Упрекая генерала Врангеля в том, что он противодействует расселению войск, генерал Пелле писал 1 апреля 1921 года: «В последний раз, генерал, я обращаюсь к Вашему уму и испытанному характеру, чтобы Вы выяснили для тех, кто последовал за Вами, всю печальную действительность в ее настоящем виде. Без этой помощи, мне кажется, невозможно предотвратить от катастрофы 60 000 солдат, остающихся в Галлиполи и на Лемносе, которая им угрожает со дня на день, и ответственность, за которую они впоследствии могут поставить Вам в вину».

Вслед за угрозой начался новый поход на армию. Французское правительство не остановилось перед дальнейшим ее разложением. Агентство Гаваса опубликовало 17 апреля 1921 года сообщение, в котором обвиняло генерала Врангеля в том, что «он противится всем мерам, которые принимают французские

военные власти, чтобы положить предел расходам, взятым на себя Правительством Республики из чувства гуманности», для чего «производит постоянное давление на своих бывших солдат». «Французское правительство твердо решило в согласии с державами, что эти эвакуированные более не представляют армии». «Ввиду образа действий, принятого генералом Врангелем и его штабом, наши международные взаимоотношения заставляют нас вывезти эвакуированных из Крыма из подчинения его власти, не одобряемой, впрочем, всеми серьезными и здравомыслящими русскими кругами». «Необходимо прекратить его общение с солдатами».

Были получены тревожные сведения о решении ареста Главнокомандующего. Опасаясь быть арестованным на яхте «Лукулл», генерал Врангель с дивизионом своего конвоя спешно переехал в здание российского посольства в Константинополе.

Перед риском вызвать кровопролитие, которое сейчас же отразилось бы на выступлении 1-го корпуса в Галлиполи, французы остановились в нерешительности. Создавалось тревожное состояние неустойчивого равновесия.

В то время как французское правительство почти официально обвиняло Главное командование в сопротивлении мерам, чтобы «положить предел расходам», русский военный представитель в Венгрии вел энергичные переговоры с венгерским правительством. После длительной трехмесячной подготовки полковник фон Лампе[7] обратился 1 апреля 1921 года с официальной просьбой принять часть военных контингентов.

Учитывая значение голоса представителей Антанты, полковник фон Лампе частным образом беседовал с верховными комиссарами в Будапеште. Верховный комиссар Франции, г. Фуше, обещал сохранять в этом деле «нейтралитет». В том же смысле – что это вопрос исключительно венгерского правительства – высказался верховный комиссар Англии, г. Джонсон. Верховный комиссар Италии, князь Кастаньето, ответил, что вопрос этот – сложный, что сам он решить его не может и что донесет своему правительству.

На просьбу о размещении наших контингентов королевский венгерский министр государственной обороны, г. Беличка, запросил 9 апреля Междусоюзническую военную миссию, которая только 19 апреля сообщила, что «дело это касается вопросов общей политики», «не может быть решено компетенцией военных миссий» и должно быть передано Конференции дипломатических представителей союзных держав.

Конференция не торопилась с ответом.

Министр обороны г. Беличка, видимо сам с нетерпением

ожидавший ответа, сообщил полковнику Лампе 6 июля 1921 года, что «невзирая на симпатии, с которыми мы, как едва освободившийся от большевистской опасности народ, идем навстречу чинам армии генерала Врангеля», решить этот вопрос, «вследствие Трианонского мирного договора», возможно только после ознакомления со взглядом союзных держав. Министр иностранных дел венгерского правительства, по примеру министра государственной обороны, подтвердил о полной готовности Венгрии принять часть армии. Все зависело теперь от согласия представителей Антанты.

Конференция представителей Антанты вынесла по этому делу решение 21 июня, но постановление это было сообщено венгерскому министру государственной обороны почти через месяц – 19 июля. Постановление это подписано верховным комиссаром Италии, князем Кастаньето, и настолько чудовищно по своему содержанию, что я считаю необходимым привести его текстуально.

Бумага эта гласит:

«Конференция Дипломатических Представителей Главнейших Союзных Держав в Будапеште.

Конференция Дипломатических Представителей получила через Между союзную миссию ноту от 9 апреля 1921 г., в которой Венгерский Министр Государственной Обороны передал ей копию отношения полковника фон Лампе, в котором он испрашивает в Венгрии убежища для 36 000 солдат и 12 000 офицеров – беженцев армии Врангеля. Верховные Комиссары Главнейших Союзных Держав ограничиваются тем, что обращают внимание Венгерского Правительства, что, несмотря на большую желательность, чтобы указанные контингенты были рассредоточены в кратчайшее по возможности время, они считают безусловно необходимым указать Венгерскому Правительству, что внедрение этих элементов на венгерской территории и принятие в полной мере ходатайства фон Лампе могло бы ускорить беспорядки и облегчить антибольшевистские интриги, противные истинным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира.

Кастаньето, председатель *Будапешт, 21 июня 1921 г.».*

Ответ князя Кастаньето, как мы видим, не только почти парализовал ту помощь, которую мы могли получить от Венгрии; в трагических условиях чуть ли не голодной смерти для недавних союзников он не только прозвучал величайшим равнодушием и неблагодарностью; в мотивировке его, препровожденной

министру страны, только что пережившей зверства Белы Куна, представитель Антанты счел возможным цинично говорить об «антибольшевистских интригах, противных истинным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира»…

Последняя надежда была, конечно, на славянские страны на Балканах. Генерал Шатилов, А.С. Хрипунов[8] и Н.Н. Львов[9] спешно выехали в столицы Сербии и Болгарии хлопотать о срочной помощи. Прибыв в Белград, генерал Шатилов представился 13 апреля Н. Пашичу и вручил ему письмо генерала Врангеля для Престолонаследника Александра, Регента Королевства. Королевич Александр принял генерала Шатилова в милостивой аудиенции. Но перед правительством самим стоял вопрос: что реальное оно может оказать?

Момент был чрезвычайно тяжелый. Экономические раны от Великой войны были еще свежи. Финансы были расстроены. Белград еще был в развалинах. Вокзалы стояли обугленными – и подвижного состава, с выбитыми дверями и стеклами, не хватало для самых минимальных потребностей. К тому же Сербия была уже наводнена русскими беженцами – и удвоить их число было почти не под силу.

Внешнее политическое положение было тоже неблагоприятным для постановки вопроса о принятии армии. Правда, Сербия была доблестным членом союза держав-победительниц; но Адриатическое море – это яблоко раздора между Сербией и Италией – заставляло итальянцев чутко прислушиваться ко всем деталям размещения наших контингентов. Возможность размещения их на Далматинском побережье уже вызвала у итальянского посланника некоторое беспокойство.

Внутреннее положение тоже было неблагоприятно. Приезд генерала Шатилова в Белград совпал с окончанием разработки основных законов и началом заседаний Учредительного собрания. Министру внутренних дел предстояло отвечать перед парламентом на запрос коммунистов по поводу принятых правительством энергичных мер, не предусмотренных законом: от результата голосования зависела участь кабинета. Смерть военного министра Иовановича и покушение на жизнь заместителя его, министра внутренних дел Драшковича, отодвигали на второй план вопрос о спешной переброске частей.

К самому вопросу о принятии войск для расселения в Сербии существовало некоторое недоверие. Во-первых, правительство Королевства могло принять их не на свое иждивение, но как рабочую и отчасти военную силу – на постройки дорог и на пограничную стражу. Надо было получить гарантии, что хотя бы

на первое время части армии будут обеспечены собственными ресурсами: денежный вопрос встал во всей своей полноте. Во-вторых, способность русских контингентов, в которых прежде всего видели «аристократов» и «белоручек», была для сербских властей под большим сомнением. Министр путей сообщения не доверял искусству наших солдат и казаков и почему-то сомневался в способности даже военно-технических специалистов. Военный министр колебался в решении принять наши части на пограничную стражу: его смущала мысль о возможности проникновения через ее ряды большевистских агентов.

Можно смело сказать, что благоприятному решению вопроса мы обязаны исключительно доброй воле и желанию председателя совета министров Н. Пашича. Но все изложенное выше показывает, с каким трудом разрешался этот жизненный для армии вопрос.

Очень крупную роль в деле переговоров сыграл российский посланник в Белграде В.Н. Штрандтман[10]. В самые тяжелые минуты для Сербского Королевства, в момент наступления австро-германской армии, он являлся представителем Российской империи: конечно, он должен был пользоваться большим влиянием. Теперь, когда трагические минуты жизни армии как-то стерли противоречия между Главным командованием и Совещанием Послов, В.Н. Штрандтман мог оказывать действительную помощь, не вступая в коллизию с Парижем.

Общими усилиями – обращением Русского Совета, Главнокомандующего, общественных организаций, телеграммами российского посла в Константинополе А.А. Нератова[11], оказавшего неоценимые услуги Русской Армии, – были получены необходимые средства от Совещания Послов. С получением их создавалась некоторая база для переговоров.

Тем не менее они шли туго. В самом начале, 13 апреля, говорилось о 5000 человек на шоссейные работы, 5000 человек на пограничную стражу и, предположительно, о 2000 человек на службу на железных дорогах; к 26 апреля был вопрос всего о 4000 рабочих в район Скоплье. На следующий день Министерство общественных работ гарантировало всего прием 3500 человек, и только в середине мая была установлена возможность поставить на работы до 5000 человек. Вопрос о пограничной страже сперва был решен отрицательно, и только 21 июня В.Н. Штрандтман телеграфировал о благополучном его разрешении.

Между тем события требовали спешного выезда или хотя бы начала его. Греческое правительство дало пропуск и бесплатный проезд по железной дороге от Салоник до пограничной станции

Гевгели. Российский посланник телеграфировал о настоятельной необходимости везти с собой палатки и кухни, ибо никаких способов разместить людей в Македонии на первых порах не было. Спешные приготовления были сделаны. Оставалось привести разработанный план в исполнение.

В самый последний момент возник новый и совершенно непредвиденный конфликт с французским командованием из-за плана реэвакуации и его общего характера.

Главнокомандующий считал необходимым в первую очередь разгрузить Лемнос. Помимо того что казаки на Лемносе терпели особенно острые лишения и скорее вывезти их из этой «водяной тюрьмы» представлялось наиболее справедливым, Главнокомандующий учитывал те возражения и колебания, которые высказывали сербские министры, давая согласие на постановку людей на работы: казаки, по самому складу их жизни и быта, казались более походящим элементом для тяжелых физических работ, тем более что в казачьих частях был ничтожный процент офицеров в сравнении с процентом офицеров в 1-м армейском корпусе.

Французы, наоборот, требовали в первую очередь разгрузки Галлиполи. Несомненно, в этом лежала глубокая политическая и стратегическая причина. Как только 1-й корпус, совершенно восстановивший старую дисциплину и традиции армии, бесконечно преданный своему командиру генералу Кутепову, уходил с Галлиполийского полуострова, – в тот момент Главное командование теряло могучую физическую поддержку: штаб армии в Константинополе оставался предоставленным самому себе.

По вопросу о характере самой эвакуации возникла вновь резкая переписка между верховным комиссаром Франции и Главнокомандующим Русской Армией. Напомнив, что «все русские, еще живущие в лагерях, должны знать, что армия генерала Врангеля больше не существует и что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им какие-либо приказания», генерал Пелле писал генералу Врангелю: «Я заключаю из Ваших слов, что контингенты должны перевозиться в Сербию с палатками, походными кухнями, госпитальным и хозяйственным имуществом. Я позволю себе напомнить, что сербское правительство до сих пор всегда подчеркивало свое намерение оказать приют беженцам, а не армии. Важность этого различия с международной точки зрения не может от Вас ускользнуть. Поэтому я считал бы недопустимым, чтобы имущество, которое возьмут беженцы, носило характер военного груза».

Генерал Врангель ответил письмом 16 мая 1921 года: «Желание французского правительства, чтобы «армии генерала Врангеля» не существовало и чтобы «русские в лагерях» не выполняли приказаний своих начальников, несомненно, разделяемое Вашим Превосходительством, отнюдь не может быть обязательным для «русских в лагерях», и, пока «лагери» существуют, русские офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменить своим знаменам и своим начальникам».

Указав на меры, предпринятые им по рассредоточению армии, генерал Врангель писал: «Что касается принятия мною самостоятельных решений, чему, по Вашему заявлению, Вы намерены воспротивиться, то я, к глубокому сожалению, вынужден право это все же оставить за собою. В заключение я позволю себе остановиться на вопросе о снабжении отправляемых в Сербию людей. Вполне разделяя Ваши соображения о необходимости избегать всякого намека на военный характер материальной части отправляемых партий, я все же полагаю, что кров и пища одинаково необходимы и солдату, и рабочему».

Резкий обмен письмами и целый ряд дипломатических шагов и на этот раз заставили французов уступить. Армия начала грузиться по плану, разработанному штабом Главнокомандующего, со своим необходимым имуществом – ив первую очередь был разгружен Лемнос.

В самый разгар французского давления целый ряд русских общественных организаций, во главе с председателем Совета общества единения русских в Болгарии господином Молловым, обратился к министру председателю болгарского правительства господину Стамболийскому с горячим воззванием.

Изложив то безвыходное положение, в какое попала армия, авторы воззвания писали: «Нижепоименованные русские общественные организации в Болгарии не осведомлены в точности о намерениях генерала Врангеля. Но они знают об истинном отношении болгарского народа к русским. Организации эти твердо верят, что русский воин – не чужеземец для болгарского крестьянина, а свой брат славянин. Они убеждены, что нет дома болгарского селянина, где не нашлось бы места русскому солдату». «Русские общественные организации почитают себя вправе ожидать, что болгары, чтущие прошлое, протянут руку помощи оказавшимся в тягостнейших условиях русским». На основании этого русские организации просили срочно поставить в Совете министров вопрос «о приеме и размещении в сельских местностях Болгарии части армии генерала Врангеля».

Генерал Шатилов, после своих переговоров в Белграде, направился в Софию, где ему было оказано горячее содействие российским посланником в Болгарии А.М. Петряевым. В записке председателю Совета министров, поданной 21 апреля, генерал Шатилов, ссылаясь на благоприятные результаты в Сербии, просил господина Стамболийского «от имени Русской Армии, отцы которой обагрили своей кровью поля Болгарии за освобождение от ее поработителей», принять сейчас же 7000 казаков, томящихся на Лемносе.

Как и в Венгрии, вопрос этот в Болгарии зависел от взгляда держав-победительниц. Но в Софии вместо противодействия он встретил горячее содействие французского посланника господина Пико. Затруднения были главным образом финансового свойства. Интересно, что, характеризуя общее положение в Софии, господин Петряев писал: «Ассигновать особые кредиты на это дело болгарское правительство не может без согласил Союзной финансово-контрольной комиссии, со стороны которой, ввиду присутствия в ней англичан, несомненно встретятся затруднения».

Вопрос об использовании для этой цели болгарского государственного долга России был явно безнадежным. Министерство финансов было склонно считать его совершенно исчерпанным расходами на содержание наших военнопленных и отправку материалов на Юг России (в таком же положении очутился вопрос об использовании долга Греции). Перед командованием встал снова вопрос об изыскании денежных средств.

Тем не менее 2 мая болгарское правительство дало разрешение на прием 1000 человек и 10 мая увеличило это количество до 2000 человек, которые принимались на работы. Однако, несмотря на это, французское командование тормозило дело отправки как в Болгарию, так и в Сербию. «Все бывшие препятствия к перевозке первых партий казаков в Сербию и Болгарию ныне устранены, – телеграфировал 14 мая генерал Шатилов военному представителю в Париже, генералу Миллеру[12]. – Тем не менее французское командование все же тормозит перевозку. Главнокомандующий усматривает определенное нежелание местного командования идти на расселение контингентов в условиях нам благоприятных, так как перевозка в Совдепию или Бразилию совершалась мгновенно. Главнокомандующий просит Вас при содействии г. Гирса[13] побудить французское правительство принять энергичные меры и заставить Пелле и Шарпи немедленно приступить к перевозке».

Пассивное противодействие французов вскоре вылилось в

активные действия. Вопреки выработанному плану, французы потребовали снова разгружать сперва Галлиполи. Вечером 21 мая французское командование сообщило генералу Кутепову, что утром 23 мая в Галлиполи прибудет пароход, который погрузит 50 офицеров и 950 солдат для отправки на работы в Болгарию. Два дня шла соответствующая агитация. Генерал Кутепов немедленно отдал приказ по корпусу, воспрещающий самовольные отправления. Указав, что отправление должно производиться целыми частями, ибо только в таком порядке перевозки не будет распыления, генерал Кутепов писал: «Всех, кто пожелает исполнить предложение французского командования и тем прикрывать свои личные шкурные интересы в тяжелые дни армии, – перевести на беженское положение и предоставить им затем полную свободу отъезда». Пароход все-таки набрал 1011 человек, главным образом из нестроевых частей.

Генерал Врангель заявил решительный протест и сообщил болгарскому правительству, что он не берет на себя никакой ответственности за прибывших. Французский посланник в Софии, господин Пико, в свою очередь телеграфировал генералу Пелле, что допущение в Болгарию элементов, за надежность которых Главное командование не может поручиться, было бы крайне нежелательно и могло бы заставить болгар взять обратно с таким трудом полученное согласие. Из Парижа были посланы тоже соответствующие инструкции – и дальнейшего вмешательства в план переселения больше не происходило.

Но весь этот инцидент служит ярким доказательством того недоброжелательства, которым были пропитаны все действия французских представителей в Константинополе. Кроме главной цели – избавиться от беженцев – ими руководила и побочная: добить армию. Может быть, и они руководствовались той мыслью, которую так ярко выразил князь Кастаньето, и боялись укреплять «противобольшевистские интриги», «противные интересам всего цивилизованного мира»?

Вопрос о дальнейшем расселении в Болгарии затруднялся и материальными, и политическими причинами. Подобно тому как Трианонский договор лишал Венгрию свободного решения о принятии наших контингентов, в Болгарии действовал другой – Нейльский договор. И там, и здесь такой шаг не мог быть совершен без контроля и согласия союзников. Уже одно возбуждение вопроса о размещении войск в Венгрии или Болгарии могло неблагоприятно отразиться на ходе переговоров с Сербией; но, с другой стороны, эти же переговоры могли побудить обе группы держав к увеличению приема частей для

сохранения известного равновесия.

Для самой Болгарии принятие русских войск могло иметь и некоторые заманчивые стороны. В то время земледельческая партия Стамболийского резко отмежевывалась от коммунистов – и усилить антибольшевистский элемент в стране было выгодно. В некоторых болгарских кругах мелькала даже мысль составить из чинов армии добровольческие кадры – единственный вид военной организации, разрешенный в Болгарии Нейльским договором. Но самая отдаленная возможность такого исхода должна была особенно обострить внимание к этому вопросу со стороны соседей – Югославии, Греции и Румынии, и сами болгары боялись принятием контингентов создать повод для вмешательства во внутренние болгарские дела. Одним словом, завязывался клубок очень сложных и противоречивых интересов, который заставлял быть особенно осторожным в этих переговорах.

К счастью для нас, господин Пико был всецело на стороне армии и не только не мешал, но существенно помогал господину Петряеву в его деятельных переговорах. В середине июля обнаружилось, что в случае обеспечения взносом в 300 000 долларов можно рассчитывать на прием 6–7 тысяч. Благодаря усиленным хлопотам соответствующие ассигнования от Совещания Послов были обеспечены и было приступлено к самому договору. В августе месяце было сделано письменное соглашение между российским посланником господином Петряевым и управляющим Министерством финансов господином Даскаловым и параллельно с этим подписано соглашение между русским военным представителем генералом Вязьмитиновым[14] и начальником штаба болгарской армии полковником Топалджиковым.

Постановлением Совета министров одобрялся прием 6000 русских «бывших солдат, ныне беженцев в Константинополе, при условии внесения по 100 000 долларов за каждую группу в 2000 человек», а в соглашении между генералом Вязьмитиновым и полковником Топалджиковым детализировались условия приема, определялся внутренний распорядок, причем вся группа принятых трактовалась в подчинении Главнокомандующего, ответственного за своих чинов, предоставлялось право дисциплинарного воздействия назначенным Главнокомандующим начальникам, сохранялась военная форма и даже устанавливалось взаимное воинское приветствие между русскими и болгарскими чинами.

Сумма, депонированная в обеспечение приема, должна была покрываться частичными взносами, по израсходовании двух третей внесенного аванса. Надеяться на новый приток средств от

Совещания Послов было невозможно. Надлежало принять все меры к увеличению числа принимаемых в славянские страны – и подумать об изыскании новых средств. Для первой цели были употреблены все дипломатические усилия; для второй – Русский Совет поднял вопрос о ликвидации Петроградской ссудной казны.

В то время как почти были закончены работы по расселению армии, судьбе (или людям?) захотелось сделать еще одну попытку разом разрушить все строившееся здание и ударом в голову совершить то, что не удавалось, несмотря на упорные усилия. В 5 часов вечера 15 октября 1921 года пришедший из Батума итальянский пароход «Адрия» протаранил стоящую на рейде Босфора яхту Главнокомандующего «Лукулл». Получив громадную пробоину, яхта продержалась на воде после удара около двух минут – и пошла ко дну.

Подробности катастрофы, как они вырисовываются со слов очевидцев, следующие. Около 4 часов 30 минут дня на яхте обратили внимание на шедший от Леандровой башни большой пароход под итальянским флагом. Повернув от Леандровой башни, он стал брать направление на «Лукулл» и с большой скоростью, необычной для маневрирующих судов, приближался к «Лукуллу». На «Лукулле» возникла даже мысль – не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной инерции, которую он имел, он едва ли мог свернуть, даже положив руль круто на борт; однако тревожных гудков пароход не давал. Шагов около 300 от яхты отдали якорь – и стало ясно, что удара не миновать. Дежурный офицер, мичман Сапунов[15], крикнул, чтобы давали кранцы, и побежал на бак вызывать команду. На «Адрии» отдали второй якорь, но она продолжала надвигаться, и через 10 секунд раздался оглушительный удар от столкновения. Во все стороны брызнули щепки и обломки от поломанного фальшборта, привального бруса и верхней палубы. «Лукулл» сильно наклонился на правый борт и поддался в сторону движения парохода, удерживаясь кормовым и швартовым якорным канатом на бочках, на которых он стоял. Удар пришелся в левый борт, над помещением Главнокомандующего, и форштевень парохода застрял в борту «Лукулла». Пароход стал отходить задним ходом; в широкую пробоину, пришедшуюся непосредственно в каюту Главнокомандующего, с шумом врывалась вода, и через несколько секунд «Лукулла» не стало.

По счастливой случайности Главнокомандующий за час до столкновения сошел на берег и избежал неминуемой смерти. Но вся эта картина потопления русского судна пароходом, только что прибывшим из Советской России, у всех на глазах, при условиях, как бы исключающих несчастные возможности, наводит на мысль

о том, каким опасным «случайностям» подвергалось русское дело…

К концу 1921 года нечеловеческие усилия по вывозу войск из Галлиполи и Лемноса были закончены. В грубых цифрах – к июню 1921 году в Галлиполи было 20 000, а на Лемносе – 9000 человек. Лемнос был теперь разгружен. В Галлиполи оставался небольшой отряд около 2000 человек в ожидании посадки. Работа расселения армии была сделана – и Главнокомандующий мог покинуть Константинополь.

По пути в Сербию Главнокомандующий остановился в Галлиполи 26 февраля 1922 года. Обращаясь к выстроенному отряду, генерал Врангель сказал: «Год тому назад я обещал вам, что не уеду из Константинополя до тех пор, пока последний солдат не будет отправлен отсюда. Теперь я могу выполнить свое обещание. Родные славянские страны широко открыли двери своих государств и приютили у себя нашу армию до тех пор, пока она снова сможет возобновить борьбу с врагом Отчизны. Сербы только что сообщили мне, что они согласны принять оставшиеся в Галлиполи части и перевести их в конце марта на присоединение к родным частям. Со спокойной душой я отправляюсь далее. Целый год я пробыл узником в Константинополе и всегда смело и громко поднимал свой голос в защиту правды, потому что я знал, что за мной стоит 20 000 людей, готовых в любой момент поддержать меня. Спасибо вам за вашу службу, преданность, твердость, непоколебимость. Спасибо вам – и низкий поклон».

«Последние галлиполийцы» – в числе около 2000 человек оставшиеся в ожидании посадки – пробыли после отъезда Главнокомандующего полтора года на пустынном полуострове.

Для того чтобы понять весь трагизм последнего оставшегося отряда, надо принять во внимание ту уверенность и твердость, которые чувствовали галлиполийцы от одного сознания, что в их среде находится генерал Кутепов. Генерал Кутепов в сознании 1-го армейского корпуса был живым воплощением Главнокомандующего, принужденного жить где-то далеко, в Константинополе. Даже кратковременные отлучки генерала Кутепова по делам службы создавали некоторое уныние и внутреннюю растерянность. С его приездом вновь приливала бодрость и удесятерялись силы к сопротивлению.

В декабре 1921 года большая часть корпуса уехала в Болгарию. С ним вместе убыл и генерал Кутепов. Вместе с восторженно провожавшим его населением хмуро стоял на берегу небольшой отряд, которому не хватало места, который оставался сейчас как бы предоставленным самому себе. Чувство остающихся

было не только тоскливое, но жуткое…

Верный своему слову, генерал Врангель покинул Константинополь только тогда, когда из Сербии получилось принципиальное согласие на принятие «последних галлиполийцев». Но между принципиальным согласием и фактическим осуществлением оказалась громадная разница. Английское правительство, давно уже желавшее освободиться от «гостей английского короля», вело переговоры с Королевством С.Х.С. о вывозе последних русских беженцев из Египта и с острова Крит. Перспектива принятия новой партии в 2000 человек создавала непредвиденную конкуренцию – и вопрос о приеме галлиполийцев, как бывает в таких случаях, стал тормозиться.

Главнокомандующий уже прибыл в Сербию. Прошел обещанный март, наступил апрель, а «арьергард Русской Армии» терпеливо ждал своей очереди. В конце апреля заместитель премьер-министра Королевства известил официально, что «правительство затрудняется дать разрешение на немедленный прием контингентов, ввиду того что оно лишь недавно отказало в приеме русских беженцев с Египта и Крита».

Галлиполийский отряд под командой генерал-майора Мартынова[16] сжался теперь весь в нескольких городских помещениях. Оставленный, по первоначальным предположениям, на 2–3 недели, генерал Мартынов должен был наскоро сколачивать управление отрядом из разрозненных остатков различных частей: здесь были и технические части, и кавалеристы, и казаки. Однако старые галлиполийские традиции подчеркивались с исключительной любовью.

С того момента, когда уехал генерал Кутепов и главные части корпуса, из экономических и политических соображений к распылению оставались только первые и почти сошли на нет вторые. Все это позволяло местной французской власти принять более достойный тон – и почти все донесения генерала Мартынова характеризуют эти отношения как «превосходные». Мало-помалу между русскими и французами установились взаимоотношения двух расквартированных гарнизонов.

Подходила Пасха. Подполковник Томассен по собственному почину возбудил ходатайство о выдаче на первый день Пасхи, 16 апреля, удвоенной порции продуктов. Результат, однако, получился неожиданный. Генерал Шарпи прислал из Константинополя срочное приказание – прекратить совсем выдачу продуктов, отпустив их в последний раз в Страстную субботу, 15 апреля. Генерал Мартынов созвал начальников частей – и решил в пешем порядке направиться через Фракию в Болгарию на соединение с нашими частями. По расчетам, отряд

мог бы быть обеспечен на 10–12 дней. Тогда французами была принята политика частичных сокращений. До 18 апреля (третий день Пасхи) паек был оставлен полностью. С 18 апреля выдача уменьшалась на 25 процентов; с 25 апреля – на 30 процентов и с 7 мая прекратилась совершенно. Французский бюджет был освобожден от непосильного расхода.

Для спасения людей потребовались экстренные расходы Главного командования. «Львиная доля расходов», как писал генерал Чертков, шла теперь на подкрепление отряда, который не выпускали с полуострова и который не хотели кормить. Заработка не было: полевые работы не начинались. При отсутствии торговли, промышленности людям действительно грозила голодная смерть.

В начале июля был объявлен приказ Главнокомандующего. «После полуторагодовой борьбы мне удалось устроить Армию в славянских странах. Войска были перевезены. Вы ждали очереди. Спокойный за вас, я оставил Царьград, – говорилось в приказе. – Ныне сербское правительство отказывается вас принять… Теперь прошу Лигу Наций найти вам работу. Дотоле из скудной казны будут помогать вам. И вы помогите мне. Кто может найти себе заработок – тот облегчит помощь другим. Держите связь со своими частями. Временно оставляя ряды Армии, вы останетесь членами ее…» Переговоры с Лигой Наций в лице господина Нансена не привели ни к каким результатам. Как предварительное условие помощи, господин Нансен потребовал получения от генерала Врангеля заверения, что с момента поступления галлиполийцев на иждивение Лиги Наций он отказывается от осуществления в отношении их своих прав как Главнокомандующего. Хотя генерал Врангель и выразил готовность «decliner toute intervention personelle» («отказаться от всякого личного вмешательства») в смысле вторжения в вопрос их устройства, тем не менее это было признано недостаточным. Было вновь потребовано от генерала Врангеля отказаться от своих прав именно как Главнокомандующего, что было генералом Врангелем отклонено. Для совершения гуманитарного акта д-р Нансен, известный друг большевиков, потребовал политического акта.

Можно себе представить, какое впечатление произвел этот приказ на терпеливо переносивший страдания последний галлиполийский отряд. Но и это испытание было выдержано. Часть семей и неработоспособных выехали в Константинополь на попечение «Ара». Подоспело разрешение Венгрии принять около 300 человек – и часть технического полка выехала в Будапешт. Оставшийся отряд продолжал сохранять свою военную спайку и

стал готовиться к новой трудовой жизни: с 1 августа должна была почти прекратиться и помощь Главного командования.

В сентябре месяце была получена телеграмма о возможной отправке всех остающихся чинов отряда. Приступлено было к оповещению всех работающих на полуострове, начали упаковывать вещи. Интересно отметить в донесениях генерала Мартынова трогательный эпизод. Генерал Мартынов пишет: «Приступлено к ремонту памятника на городском братском кладбище. Мной приказано завтра всем чинам отряда принести к памятнику по нескольку мелких камней, необходимых для бутовки цокольной площадки. Если отправка отряда состоится раньше окончания ремонта памятника, то в Галлиполи будет оставлен производитель работ с несколькими рабочими».

Случайные обстоятельства задержали отправку отряда. Греческие войска были разбиты Кемалем. По Дарданелльскому проливу крейсировал военный английский флот. В Галлиполи стали долетать слухи о катастрофе. Греческое население укладывало свои пожитки – и наиболее состоятельные уезжали. Почувствовалась близость военных операций. Надо было возобновить прерванные работы, ибо все время пребывать в напряженном бездействии ожидания было невозможно. Главная часть работающих направилась в Килию и Майдос. Следует отметить, что заведующий работами в Килии английский полковник Уэльс сообщил, что из Константинополя ожидается партия русских рабочих, с которыми он предлагает слиться в одну артель и заключить контракт. Условия были очень выгодны. Генерал Мартынов, однако, сообщил полковнику Уэльсу, что «чины отряда ни в коем случае не могут войти в состав рабочего батальона, составленного из случайных людей с импровизированным управлением».

Галлиполийцам оставили их воинскую организацию, и была гарантирована полная изолировка от константинопольских беженцев. Разница в дисциплине и работоспособности тех и других стала вскоре для англичан очевидной.

Жизнь кое-как налаживалась, хотя постоянное ожидание отъезда, усиливаемое фиксированием сроков погрузки и внезапной ее отменой, держало всех в напряженно-нервном состоянии. Политические события усиливали эту нервность. Победоносный Кемаль гнал греков – и на галлиполийском берегу водрузился турецкий флаг. Пришлось иметь дело с совершенно неизвестной властью.

Прошла зима. Наступила весна 1923 года. Подошла, наконец, давно жданная – и на этот раз оправдавшаяся – весть о вывозе. 5 мая последние остатки галлиполийского отряда с генералом

Мартыновым погрузились для отправления в Сербию. Русский флаг, поднятый генералом Кутеповым и развевавшийся в Галлиполи в течение двух с половиной лет, был спущен при воинских почестях – и последние галлиполийцы тронулись в путь.

По дороге пристали к Килии и забрали людей. Генерал Мартынов благодарил английского коменданта, полковника Эллиота, за его теплое отношение к русским. Полковник Эллиот ответил: «Я преклоняюсь перед твердостью русских людей, которые и в тягчайших условиях чернорабочего не только не теряли своего облика, но подчеркнули свой великий патриотизм и сохранили свое военное чисто русское благородство и гордость. Мы учимся у вас героическому величию духа и ставим вас в пример своим офицерам».

Так уехали «последние галлиполийцы». С их отъездом «район Константинополя» был совершенно очищен от русских частей. «Русские в лагерях» не смущали больше верховных комиссаров. Другие страны ожидали их. Другие испытания стояли перед ними. Но пошли они в новые страны, навстречу новым испытаниям, не изменив своим знаменам в угоду кому бы то ни было. На берегах Босфора они пережили натиск жестокой бури. Одна на другую вздымались волны – и шел на них всепожирающий «девятый вал». «Девятый вал» поднявшейся бури был побежден. Много раз после этого враждебная стихия пробовала захлестнуть остатки Русской Армии. Но армия уже окрепла в этой борьбе и могла спокойно идти в неизвестную даль, не боясь потерять своего вновь обретенного лица…

В славянских странах

С переброской главных частей армии из Галлиполи и Лемноса кончался тот первый период жизни ее в изгнании, который можно охарактеризовать как стремление усилить воинскую спайку, расшатанную неудачами и эвакуацией, создать могучее ядро, связанное дисциплиной, заложить те начала, которые сохранились бы при возможном физическом распылении ее по лицу земли. Перспектива эта учитывалась с самого начала; и уже через шесть месяцев изгнания, когда переговоры о расселении по Балканским странам дали реальные результаты, вопрос этот был поставлен совершенно открыто.

В предписании Главнокомандующего командирам корпусов 10 мая 1921 года говорится: «По переброске армии в Сербию и Болгарию части армии, перевозимые в первую голову (казаки), будут устроены на различного рода работы (постройка шоссе, железнодорожные и пр. и служба), остальные же (1-й армейский корпус), за отсутствием пока аналогичных предложений, сохранят порядок жизни войсковых организаций и будут расположены казарменно (лагерем). Однако ограниченность денежных средств у нас, отсутствие таковых у сербского правительства вынуждают нас принять меры к тому, чтобы обеспечить оплачиваемыми работами большую часть армии. Таким образом, армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни, коренным образом разнящимся с формами ее внешнего существования; армия будет существовать в полускрытом виде, но армия должна быть сохранена во что бы то ни стало».

Вследствие этого предписывалось подготовить части к новому взгляду. «Существенно важно, – говорилось в этом предписании, – чтобы все сознательно встретили формы переходного состояния армии и усвоили себе необходимость и возможность в этих условиях сохранить в полной мере твердость дисциплины, многолетнюю боевую спайку и преданность идее служения Родине, как армия сохранила это здесь в течение шести месяцев со дня эвакуации Крыма».

Армия вступала теперь во второй период – период подготовки к новой трудовой жизни, период, может быть, наиболее трудный, ибо приходилось приводить в согласование два противоположных начала: воинской дисциплины и свободного труда.

К началу января 1922 года наши части не только были перевезены в Сербию, но уже до некоторой степени осели. В общих чертах – Кавалерийская дивизия получила назначение в пограничную стражу, причем старшие начальники являлись

инспекторами отделов («отсеков»); Кубанская казачья дивизия получала в районе Вранье большую работу по сооружению шоссейного пути к границе Болгарии; технический полк, выделенный из 1-го армейского корпуса, получил работы по сооружению железных дорог; часть офицеров различных частей поступила на службу в сербскую жандармерию.

Кроме этого, в Белой Церкви расположилось Николаевское кавалерийское училище, и на средства Державной комиссии продолжали существовать уже ранее открытые три кадетских корпуса: Крымский, Донской и так называемый Русский кадетский корпус.

Тяжела была жизнь русских частей в этих «новых условиях жизни». Грандиозная дорога, сооруженная казаками в окрестностях Вранье, закончена только недавно – и я имел возможность лично видеть и оценить этот «Русский Путь», как называют ее сербы. В совершенно дикой местности, среди громадных гор в несколько тысяч метров, вьется капризной лентой этот путь, и порою кажется, что только старые римские дороги могут соперничать с этим творением русских изгнанников. По пути, в землянках и сколоченных наскоро бараках, на такой высоте, когда облака ходят внизу, жили русские воины. Зимою на этих высотах заносило снегом на несколько недель – живущие там бывали отрезаны не только от мира, но и от своих же соседних постов.

В таких суровых условиях существовала и пограничная стража, особенно в диких албанских горах. На постах, куда часто доставлялась почта и провиант раз в месяц, в землянках, сооруженных собственными руками, в постоянном напряжении и ежедневных перестрелках с албанскими разбойниками жили наши пограничники. Жалованье было самое скромное: «контрактуальный чиновник» получал 1000 динар, «наредник» – 450 динар, «капрал» – 365 динар и рядовые – 350 динар. Неудивительно, что в одном из первых же донесений начальника штаба Кавалерийской дивизии генерал-майора Крейтера, от 30 апреля 1922 года, указывается, что «в связи со все возрастающей дороговизной, с одной стороны, а с другой – вследствие совершенно недостаточно получаемого содержания, положение с довольствием катастрофическое. Если раньше получаемого содержания хватало одиноким, то теперь и этого сказать нельзя. Уже офицер и солдат не могут позволить себе мясной пищи хотя бы 2–3 раза в неделю. Питаются исключительно картофельной похлебкой, фасолью и чаем».

Эта тяжелая служба не была замаскированной благотворительной помощью «русским братьям». Контрабанды

было задержано на 3 НО 931 динар; кроме того, значительное количество валюты и целые партии коммунистической литературы. По окончании годичного срока службы командир пограничной стражи, полковник Ристич, лично выразил генералу Врангелю свое полное удовлетворение, и пять старших русских начальников были награждены орденами Святого Саввы и восемь – медалями «За усердие».

За время службы русских в пограничной страже учитывалось значение нашей военной организации: русские старшие офицеры – «контрактуальные чиновники» – везде занимали должности «водников»; громадное число командиров страж были русские офицеры; канцелярии «чет», хозяйственная часть и вся переписка, за самым малым исключением, велась русскими. Командир пограничной стражи, полковник Ристич, считал, что сами интересы службы диктуют сохранение нашей спайки и воинских отношений между русскими, что возможно при влиянии старших на младших. Им была издана специальная инструкция о службе русских, о их взаимоотношениях, о размере и характере сохраненной русской организации.

Но неожиданно и здесь наши части постигло жестокое испытание. В апреле 1922 года Скупщина приняла законопроект о ликвидации пограничной стражи и о замене ее «финансовым контролем», с подчинением Министерству финансов на основаниях гражданских чиновников. С окончанием контракта, 1 сентября 1922 года, можно было ожидать постепенного снятия наших чинов и замены их новыми лицами: повышение оклада увеличивало интерес к этой службе у коренного населения, не имевшего ранее выгоды идти на нее. Министерство финансов сообщило, что на службу в финансовом контроле могут рассчитывать только отдельные лица; в составе же пограничной стражи было свыше 4500 наших офицеров и солдат. В самое трудное время года, к началу зимы, громадная часть пограничников могла остаться без службы, пропитания и крова.

К октябрю месяцу 1922 года Министерство финансов согласилось принять 1700 человек. Остальные должны были как-нибудь быть обеспечены различными работами. В мае 1923 года правительству С.Х.С. понадобилось для восстановленной пограничной стражи 1000 человек, которые были даны немедленно. Однако прежнее отношение доверия, которое клал в основание наших взаимоотношений полковник Ристич, было теперь заменено новыми инструкциями и директивами его заместителя, полковника Еремича. Все служащие трактовались как «отдельные лица». Старшие офицеры были лишены возможности поддерживать связь со своими младшими

офицерами и солдатами. Из 1000 принятых за один месяц было уволено 210 человек, в то время как в первый период из 4500 в течение 15 месяцев было уволено всего 15. Увольнение грозило каждому за малейшую провинность и даже без всякой провинности, без объяснения причин.

Главное командование должно было постоянно иметь в виду резерв таких групповых работ, куда можно было бы направить внезапно потерявшего службу; главным таким местом были работы по постройке шоссе в районе Кральево. Осуществление громадного казенного подряда по переустройству шоссе Кральево – Рашка было принято техническими силами русских инженеров, объединившихся около товарищества «Техника», с участием средств Главного командования в сумме свыше 5 миллионов динар. Это был обширный резервуар для групповых работ – и его создание относится к началу 1923 года и вызвано было, главным образом, заботами об устройстве на работы около 200 человек, которых в связи с гонениями, воздвигнутыми на Русскую Армию во время дружбы Стамболийского с московскими коммунистами, предполагалось перебросить из Болгарии в Сербию.

На пути к осуществлению этого проекта стали затруднения с получением необходимых виз; затем в Болгарии произошли изменения в благоприятную для наших контингентов сторону. Предполагавшаяся переброска 2000 человек не состоялась. Однако работы по переустройству шоссе Кральево – Рашка с участием средств Главного командования были организованы и служили местом, куда стекались не имевшие заработка части, расположенные в Сербии. Здесь в разное время и на разные сроки нашли себе применение: некоторые части Кавалерийской дивизии; последние галлиполийцы; корнеты, выпущенные из Николаевского кавалерийского училища; неожиданно среди зимы 1923/24 года выброшенные из финансовой стражи чины Кавалерийской дивизии; искавшие летних заработков кадеты старших классов Крымского кадетского корпуса и много отдельных чинов многострадальной армии. Число чинов армии, занятых в предприятии, постепенно увеличивалось с 1 марта 1923 года, к которому относится начало нашего участия в работах, и достигло своего максимума (около 600 человек) к декабрю 1923 года.

Продержавшись на этом уровне до мая 1924 года, оно опустилось к августу 1924 года до 400 человек; затем, когда в связи с задержками в получении предприятием денег за выполненные работы выяснилась невозможность для Главного командования финансировать предприятие и встал вопрос о выходе из него, воинские части, работавшие в деле, были частью

переведены на другие работы в Сербии, частью переброшены во Францию, и в конце 1924 года, когда Главное командование вышло из дела, на работах в предприятии оставалось лишь небольшое число чинов армии.

Стоявшие на работах части за все время работ получили в виде заработков около 5 миллионов динар, причем заработная плата чинами контингентов исчислялась в одинаковом размере со средним заработком местных рабочих соответствующих категорий; независимо, однако, от этой платы, на поддержание воинской организации работающих в предприятии частей начислялось из средств предприятия 6 процентов на общую сумму заработной платы русских рабочих. Таким образом, в Кральеве осуществлялась и материальная помощь людям, и сохранение в возможной неприкосновенности воинских кадров.

Необходимо отметить, что затруднения, встречаемые к размещению наших войск в пределах Королевства, были не только материального характера, но в известной мере и политического; и эти политические причины были не только внешней природы, но зависели и от чисто внутренних условий.

Вскоре после прибытия генерала Врангеля в Сербию и торжественной встречи его русским населением член Народной Скупщины Милош Московлевич внес правительству интерпелляцию по поводу Русской Армии и генерала Врангеля. «Интересно, – говорилось в интерпелляции, – что его армию расформировали на Галлиполи сами французы за свой счет и официально она более не существует, однако она со всем своим аппаратом возродилась у нас, получая активную и моральную поддержку нашего правительства. Хотя бывшие ее члены прибыли в Югославию «как беженцы», тем не менее каждая беженская колония имеет своего военного коменданта, выполняющего приказы врангелевского военного представителя генерала Потоцкого и его уполномоченного». «Мы не знаем, – говорилось дальше, – не находится ли Королевство С.Х.С. в войне с Россией, ибо не можем понять возможности согласования с суверенитетом державы и международными обычаями создание государства в государстве и гостеприимство, оказываемое иностранной военной организации, замышляющей военные походы из нашей державы против другой».

Интересно, что интерпеллянт принадлежал не к коммунистической, но к «земледельческой» партии и теоретически считал себя, как демократ, врагом коммунистического строя. Эсеровская «Воля России» приветствовала этот запрос целой статьей. «Земледельческая партия, – писала газета, – бесконечно далека от какого бы то ни

было сочувствия большевизму. Она так далека от него, что самые личности Троцкого и Врангеля для нее равнозначущи: и в том и в другом она видит врагов России – ее разрушителей. Запрос этой партии является запросом подлинной югославянской демократии» («Окончательное разоблачение Врангелевщины». «Воля России» 22 марта 1922 года, № 922).

Интерпелляция Московлевича заканчивалась вопросом: «Что думает предпринять правительство, чтобы прекратить отравление нашего общества со стороны этих последних остатков мрачного периода русской истории как раз в то время, когда большевики переживают последние дни и рождается новая демократическая Россия?»

Правительство государства, спасенного этим «мрачным периодом русской истории», не дало Московлевичу удовлетворяющего его ответа. В пределах возможного оно продолжало и продолжает оказывать «последним остаткам» свою братскую помощь. Но самая возможность такого запроса заставляла его проявлять эту помощь в чрезвычайно осторожной форме.

«Рождение демократической России», которого ждали от Генуэзской конференции, затянулось. Путь «демократизации» советской власти через приобщение ее в лоно европейских держав доставил с тех пор много и много разочарований. Каждое новое признание Советской России совершается теперь как-то буднично с обеих сторон и не вызывает преувеличенных надежд. Но в то время такой «пересмотр» старых отношений казался новым и что-то сулящим. Всем невидимо дирижировал всемогущий и еще не развенчанный Ллойд Джордж, сторонник такого взгляда. Надо было иметь или слишком резко противоположные интересы, как в Румынии, или слишком глубокие корни в народном чувстве, как в Югославии, чтобы удержаться на своем пути и не соблазниться демократическими напевами.

Запрос Московлевича остался в Югославии без последствий. Но этот же запрос получил неожиданный отзвук в событиях в соседней стране – Болгарии и вызвал там целый ряд тяжелых и почти катастрофических потрясений. Вспоминая о них, мы можем смело сказать, что организация, пережившая их и не развалившаяся, уже этим одним доказала свое несомненное право на существование.

В самом конце 1921 года закончилась переброска наших частей в пределы Болгарии. Штаб 1-го корпуса, с генералом Кутеповым во главе, расположился в древней столице Болгарии – Великом Тырнове. Штаб Донского корпуса поместился в Старой Загоре, где имел местопребывание генерал Абрамов. В Софии

были объединяющие центральные учреждения – военный представитель, управление снабжения и отделение штаба Главного командования по Болгарии. Все части обоих корпусов, военные училища, лазареты были разбросаны по всей стране.

Встреча наших частей была восторженная. На банкете, устроенном в Софии в зале болгарского Офицерского собрания в честь генералов Кутепова и Абрамова, собрались высшие представители Болгарской армии и общественности. В многочисленных речах выражалась радость по поводу того, что Болгария сподобилась великой чести – принять потомков героев Шипки и Плевны, и выражалась надежда, что воскреснет Россия и, «как могучий дуб, покроет своим зеленым шатром свою младшую сестру». Начальник штаба Болгарской армии, полковник Топалджиков, сказал в своей приветственной речи, обращаясь к русским генералам: «Мы с вами по-братски, рука об руку, будем идти вперед». Командиры корпусов разъехались по домам – и началась будничная обыкновенная жизнь.

Радостное начало стало быстро обволакиваться тучами. Уже 17 февраля 1922 года начальник Софийского гарнизона полковник Личев отдал приказание, чтобы русские офицеры, находящиеся в Болгарии, ходили без оружия. Оружие и пулеметы частей предлагалось передать на хранение в болгарские склады. Предложение это мотивировалось стремлением «избежать каких-либо оснований для вмешательства со стороны находящихся здесь военных представителей Антанты». Вопрос этот был временно урегулирован сдачей некоторой части имевшегося оружия; однако причины этого распоряжения вовсе не основывались на требованиях Антанты, а лежали значительно глубже.

Готовилась Генуэзская конференция, та самая конференция, от которой ждали всеобщего признания советской власти. Представители Советской России впервые выходили из своего зачумленного района на открытый путь европейских дипломатических сношений; в этом одном уже была такая победа, которая не могла не импонировать. «Завтра» могло перевернуть все отношения, сложившиеся «сегодня». Надо было подготовить все возможности – ив первую очередь правящая партия должна была пересмотреть свое отношение к коммунистам.

Отношения эти были достаточно попорчены. В конце 1919 года и в начале 1920 года болгарские коммунисты объявили всеобщую забастовку и хотели взять в свои руки власть, чтобы объявить в Болгарии советскую республику. Земледельческая партия Стамболийского вместе с народной партией Гешева и прогрессивной партией Данева составили коалиционное

правительство и подавили восстание мобилизацией земледельцев, явившихся по вызову Центрального комитета Земледельческой крестьянской партии.

Эта сравнительно легкая победа дала основание Земледельческой партии составить очень преувеличенное мнение о своей силе, что как раз совпадало с тем общественным предрассудком, который не изжит до сих пор и который состоит в убеждении, что для «демократической» партии и «демократического» режима не страшен коммунизм. В письме от 22 марта 1922 года 1-й секретарь болгарского посольства в Белграде господин Людсканов-Цанков, обрисовывая генералу Врангелю внутреннее положение страны, повторяет это модное и ходячее мнение. «Коммунисты в стране немногочисленны, – пишет он, – хотя хорошо организованы и располагают при посредстве Москвы материальными средствами. При трезвом характере болгар идеи коммунизма не могут найти применения. Для нынешнего земледельческого правительства в Болгарии коммунисты совершенно не опасны».

Такое преувеличенное мнение о безопасности коммунистического яда привело к мысли о возможности безопасного использования их для своих внутренних и внешних целей. На внутреннем фронте коммунисты годились для борьбы с общим врагом – «буржуазным блоком» (коалиция была нарушена, и кабинет стал однородным), который после своего разгрома начал организовываться и становился уже опасным правительству. На внешнем фронте блок с коммунистами мог дать неисчислимые выгоды в случае вступления советской власти в концерт великих держав. Возникла та пагубная склонность к игре с огнем, которая проводилась и проводится до сих пор целым рядом демократических правительств.

Но то что до поры до времени сходило и сходит в демократических государствах с вековой историей, было совершенно неприложимо к Болгарии. Чистые идеологи демократического флирта с большевиками не учли существенного обстоятельства: полной подкупности и продажности тогдашнего болгарского правительства.

После падения кабинета Стамболийского о корыстных действиях убитого премьер-министра было широко опубликовано новым правительством; к сожалению, я не имею под рукой этих документов. В дознании же, произведенном по поручению нового министра внутренних дел специальной комиссией «О злоупотреблениях и преступлениях земледельческого правительства в отношении контингентов Русской Армии в 1922 году», под председательством господина Добриновича,

установлено, что «русское советское правительство… (перечисляются подкупившие лица) подкупило: Райко Даскалова (министра внутренних дел), Георгия Косовского (главного секретаря Министерства внутренних дел), Димитрия Мустанова (начальника жандармерии и общественной безопасности) и Станчо Трифонова (помощника софийского градоначальника), с тем чтобы они совершали в Болгарском Царстве противозаконные деяния, с корыстной целью, в пользу русского советского правительства, т. е. совершили преступления, наказуемые по ст. 146, 428, 431 Закона о наказаниях».

Председатель Совета министров господин Стамболийский уехал в Геную и имел тесное общение с приехавшим из Москвы Чичериным. Флирт с большевиками переходил скорым темпом в блок, а блок – в прямое подчинение; у всех на глазах совершалась «советизация» Болгарии, причем совершалась она без переворота и восстания, а мирной сдачей позиций, и не при помощи штыков и пулеметов, а при помощи одного московского золота.

«Границы Болгарии, – пишет господин Добринович в своем обвинительном акте, – открываются для большевистских агентов, которые прибывают с целями шпионажа, пропаганды, разрушения и провокации. Первым прибывает генерал Комиссаров – всем известный мошенник-провокатор… немедленно после него прибывает моряк Сергей Чайкин. Оба образуют шпионскую, конспиративную и провокаторскую группу, становясь открытыми советниками Даскалова. Комиссаров делается одновременно интимным другом начальника жандармерии, полковника Мустанова; каждый день оба совещаются в канцелярии начальника жандармерии. Чайкин становится интимным другом помощника софийского градоначальника Станчо Трифонова, постоянно сидит в градоначальстве, как свой человек». К этой группе «присоединяются еще: Иван Дмитриевич Анисимов (полковник и член большевистского военного совета в Москве), начальник сети шпионажа на Балканах, Борис Николаевич Краснославский (Шапошников), Роберт Петрович Озоль (Озоль, Комиссаров, Чайкин и дю Шайля[17] образовали русскую большевистскую чрезвычайку, по приговору которой был убит Агеев – за измену большевикам и – как опасный противник – генерал Покровский[18]), по прозвищу Барон, подписывающийся Ловягиным (убийца незабвенного болгарского генерала Радко Дмитриева[19]), Семен Фирин (Гольдштейн), родственник Троцкого, Александр Грузенберг, Булацель, юнкер Володя – художник-каллиграф, гардемарин Шурка, Филька, Юрий Грузин и Герман – все русские большевики». К этой почтенной группе присоединился «болгарский коммунист Александр Димитров,

присланный из управления болгарских коммунистов» и «русский большевик, французской народности, граф дю Шайля». Имеются доказательства, что с графом дю Шайля неоднократно совещался сам министр-председатель Стамболийский.

При таких условиях вовсе не требовалось вмешательства Антанты для ущемления Русской Армии. Все совершалось по указке интернациональной Москвы руками того правительства, которое объявляло себя «крестьянским» и «национальным».

Каждый день, начиная с марта 1922 года, приносил все новые и новые требования – о снятии вывесок с казарм русских частей, о сдаче оружия и пр., и каждый раз эти требования повторялись все в более и более оскорбительном тоне. В постановлениях «Верховного Административного Совета» 23 марта 1922 года, наряду с подобными требованиями, прозвучала еще одна характерная нота: в пункте 4 постановлено, что «правительство неотложно должно приложить усилия к тому, чтобы воинским частям можно было поскорее возвратиться на свои родные места, для чего войти в сношения с правительством Советской России, чтобы от него им не было никаких утеснений». Положение русских частей становилось нестерпимым.

Я не знаю другого народа, более склонного к страстным дебатам на политические темы и более впечатлительного к кричащим лозунгам партийной прессы и партийных плакатов, чем болгарский. Вся Болгария заговорила о «возмутительных случаях непристойного поведения частей Врангелевской армии, расквартированных в стране, каковые случаи вызывают возмущение в среде населения и в общественном мнении» – так начиналось сообщение о заседании Административного Совета. Действуя на известный болгарский патриотизм, то пробовали представить русские части как соглядатаев Антанты, то стремились внушить убеждение, что настоящая Россия и настоящие потомки плевненских героев – это РСФСР и Красная армия. Под влиянием коммунистической агитации и образовавшегося из подонков эмиграции «Союза возвращения на родину» был запрещен приезд генерала Врангеля в Болгарию и создалась обстановка, напоминающая пребывание во враждебной стране.

Для 1-го армейского корпуса положение было особенно нестерпимо. Генерал Кутепов и все Галлиполи воспитали особо обостренное чувство воинской чести и особое отвращение ко всяким компромиссам. Весь корпус готов был силой отстаивать права, предоставленные ему договором с болгарами. Генерал Кутепов делал болгарам небольшие уступки, не задевающие принципиальных вопросов. Штабом Главнокомандующего было

указано идти в этих уступках возможно далее; но если требования болгар будут неприемлемы – внезапно, по выработанному плану, сниматься с мест и идти через границу Сербии на соединение с русскими частями, в расчете, что безвыходность положения откроет нашим частям сербскую границу. При всем этом русским частям вменялось соблюдать строжайший нейтралитет во внутренней борьбе болгарских политических партий.

Оценивая обстановку, начальник штаба Главнокомандующего генерал Шатилов писал генералу Врангелю 25 апреля 1922 года: «Положение Русской Армии в Болгарии, в случае вооруженного выступления земледельцев, будет чрезвычайно затруднительным. В этом случае нам необходимо соблюдать полнейший нейтралитет, дабы не вызвать к себе нового взрыва вражды со стороны болгарского народа и иностранных держав; этого же требует наш долг в отношении гостеприимно принявшей нас страны. При этом положение наше будет значительно облегчено, если болгарская армия в этом вооруженном выступлении окажется на стороне нового правительства, а следовательно, и на стороне Короны. Если же она расколется и в большей своей части окажется на стороне земледельцев, то обстановка для нас сложится значительно тяжелее, но и в этом случае я не вижу оснований отказаться от нашего нейтралитета, так как конец борьбы будет знаменовать возвращение к существующему ныне политическому положению. Только в одном случае обстановка может заставить нас выйти из положения нейтральных зрителей, именно если это выступление будет организовано земледельцами совместно с коммунистами, так как успех в борьбе, одержанный левыми партиями при этой группировке сил, имел бы первым последствием расправу с нами». В соответствии с этим и были отданы директивы Главнокомандующим.

События развивались быстро – и 4 мая был арестован в Софии полковник Самохвалов, работавший с ведома болгарского правительства по организации охраны генерала Врангеля на случай его приезда в Болгарию (как известно, коммунисты заявили открыто, что они «не ручаются за его безопасность»). При обыске были подкинуты подложные документы, якобы исходящие от Главнокомандующего и изобличающие его в подготовке государственного переворота в пользу буржуазных партий.

В том же обвинительном акте господина Добриновича описывается обстановка обыска у полковника Самохвалова следующим образом: «Чтобы плохо настроить болгарское общественное мнение против врангелевских войсковых частей в Болгарии и вообще против русских беженцев, пользуются самыми низкими гнусными мошенническими средствами. Комиссаров,

Чайкин и Трифонов пишут несколько подложных писем, будто бы исходящих от полковника Самохвалова генералу Врангелю и его штабу в Сербии, с доносами, неприятным для Болгарии содержанием, особенно для дружбашского правительства, и один приказ, будто бы исходящий от генерала Врангеля как Главнокомандующего, будто бы отданный им в городе Дубровнике, в котором он отдал распоряжение, чтобы с помощью его войсковых частей, расположенных в Болгарии, и одной его армии из Сербии, а другой из Галлиполи, оккупировать и захватить Болгарию и установить свое русское управление. Отмычкой открываются двери в комнате Самохвалова в отеле «Континенталь»; когда его не было там, эти подложные документы кладутся между его бумагами, комната опять запирается. Немного спустя Трифонов, как помощник градоначальника, который принял участие во всех этих деяниях, поощряемый своим министром Даскаловым, идет со своими агентами и берет эти подложные документы».

Апокрифический приказ этот был датирован 9 апреля 1922 года, издан в городе Дубровнике и якобы скреплен начальником штаба генералом Шатиловым. В письме от 8 мая 1922 года на имя полковника Топалджикова генерал Шатилов, доказывая его подложность, писал: «Ни генерал Врангель, ни я никогда в Дубровнике не были, что может быть Вами во всякое время проверено через Вашу дипломатическую миссию в Белграде. Кроме того, до 10 апреля я был в Софии, что также легко проверить по книгам «Сплендид-отеля», где я в то время квартировал». Однако даже такие неопровержимые данные не остановили последствий гнусной провокации.

Днем 11 мая, в отсутствие генерала Кутепова, болгары произвели обыск у него на квартире и избили дежурного офицера. Возбужденные русские части, стоявшие в Тырнове, выступили с винтовками и пулеметом для охраны дачи командира корпуса. Прибывший вместе с начальником болгарского гарнизона генерал Кутепов остановил готовое произойти столкновение. Оружие пришлось отдать болгарам.

Вечером 12 мая полковник Топалджиков пригласил генерала Кутепова по телефону прибыть в Софию, дав честное слово офицера, что ему гарантировано возвращение назад, в Тырново, к своим частям. Генерал Кутепов поверил офицерскому слову – и был 13 мая арестован в Софии и вместе с генералом Шатиловым и генералом Вязьмитиновым выслан из пределов Болгарии.

Положение русских войск, морально потрясенных арестом командира корпуса, было трагическое. Началась в полном смысле слова травля. В Тырново прибыл командующий корпусом

генерал-лейтенант Витковский. Центр в Софии был разрушен, связи с Главнокомандующим и с Сербией не было никакой. Из газет узнали о телеграмме Главнокомандующего председателю Совета министров Стамболийскому. Указав на измену болгарского правительства России, спасшей народ от турецкого ига, измену, выразившуюся в участии в войне на стороне ее противников, генерал Врангель телеграфировал: «Радушно встреченные населением русские люди воочию убедились, сколь чужд был болгарский народ предательству правительства страны. Теперь болгарское правительство вторично толкает народ в объятия смертельных врагов национальной России». Указав далее, что «болгарское правительство в сознании своего бессилия ищет опоры у тиранов России», он заканчивал телеграмму следующими словами: «В жертву им оно готово принести Русскую Армию. Преследуемые клеветой и злобой, русские воины могут быть вынуждены сомкнуть ряды вокруг своих знамен. Встанет вновь жуткий призрак братоубийства – Бог свидетель, что не мы вызвали его».

Телеграмма генерала Врангеля в точности оправдалась: братская кровь пролилась ровно через год, и русским воинам пришлось «сомкнуть свои ряды». Но тогда телеграмма эта, конечно, не могла быть признана сигналом к немедленному выступлению. Оставалась в силе директива, что выступление возможно только тогда, когда будет совместное действие земледельцев и коммунистов; теперь этого не было – и коммунисты являлись только закулисными подстрекателями.

Связь прервалась не только с центром, но даже с отдельными частями. На поездах ловили и арестовывали русских офицеров. Неожиданный арест генерала Кутепова создал задержку в принятии на месте какого-либо ответственного решения, которая всякое действие делала теперь уже невозможным.

Генералу Витковскому пришлось самостоятельно принимать меры к выходу из создавшегося положения, пока, с большими трудностями, не прибыла новая директива Главнокомандующего: при сложившихся обстоятельствах надлежало попытаться, не уходя из Болгарии, восстановить положение, хотя бы ценою полускрытого существования Армии. Явный провал Генуэзской конференции должен был заставить болгар быть более уступчивыми; с другой стороны, уход из Болгарии, возможный только в случае его внезапности, теперь не мог встретить поддержки ни одного из европейских государств. Генералу Витковскому было предписано организовать в возможно широкой мере групповые работы, чтобы перевести армию на самообеспечение. Такая организация, напоминающая «рабочие

артели», с одной стороны, сохраняла на более долгий срок имеющиеся средства, а с другой – была наиболее удобной формой для полулегального существования армии. При этом было подчеркнуто, что «взаимоотношения между чинами армии остаются старые», и, «временно оставив родные ряды, они остаются русскими воинами, чинами Русской Армии». Сохранялась и внешняя эмблема Русской Армии – военная форма. В самый разгар успешно начатых усилий по устройству русских частей на работы (главным образом, на мине Перник), последовали, после некоторого перерыва, новые гонения.

В июле 1922 года Верховным Административным Советом было вынесено постановление: 1) о принудительном распылении русских небольшими рабочими группами по 15–20 человек, с подчинением этих групп особым поставленным лицам из болгар; 2) о высылке из Болгарии всех начальствующих лиц; 3) об уничтожении штабов и военной организации и 4) о полном разоружении «врангелистов».

Назначенный незадолго до этого начальником штаба Главнокомандующего генерал Миллер был командирован в Болгарию, и ценою невероятных усилий и исключительного такта ему удалось достигнуть компромисса, при котором постановление не приводилось в действие; но постановление не было отменено – и висело над нами дамокловым мечом. Для его применения болгарское правительство искало только повода и начало целый ряд провокаций. Производились обыски «с целью отыскания оружия»; целые части изгонялись из казарм; в ночь на 16 августа в Великом Тырнове без всякого повода был убит болгарским солдатом юнкер Сергиевского артиллерийского училища Лобода[20]; в воздухе носилась возможность террора.

Всего этого оказалось мало: Русская Армия не поддавалась на провокацию. Тогда был применен старый способ – подложные документы, тем более что в Тырнове собирался «Великий Собор» буржуазного блока, и правительство хотело, связав этими подложными документами Русскую Армию и буржуазные партии, одним взмахом распылить Русскую Армию и уничтожить ненавистный блок.

Как были составлены эти документы и какого они были содержания – об этом с эпическим спокойствием рассказывает обвинительный акт комиссии Добриновича: «К концу месяца июля 1922 г. Чайкин и его товарищи нанимают пишущую машину Леонида Джунковского, улица Аспарух, номер 55, переписывают на ней подложные документы, будто бы исходящие от генерала Врангеля и скрепленные начальником штаба генералом Шатиловым, генералу Миллеру и другим; подписи на них

(Врангеля, Шатилова и др.) подделаны юнкером художником-каллиграфом Володей, который имел перед собой настоящие их подписи на других бумагах.

Документы следующие: 1) От 17 августа 1922 г., секретно, в собственные руки, Командующему 1-м армейским корпусом (в то время командующим этим корпусом был генерал-лейтенант Витковский, со своим штабом в городе Тырнове). Приказом производятся только распределения должностей в корпусе и замена одних начальствующих лиц другими; цель его составителей была, чтобы поверили, что он не конспиративный. 2) От того же числа за № 2642, г. Белград, совершенно секретно, в собственные руки, адресованный генерал-лейтенанту Миллеру, подписанный генералом Врангелем как Главнокомандующим и начальником штаба генерал-майором Шатиловым (последний – генерал от кавалерии и в то время не был начальником штаба); им предписывается как начальникам русских войсковых частей, расположенных в Болгарии, вступить в переговоры с болгарскими буржуазными и военными партиями по вопросу о сформировании нового министерства, о перевороте и занятии больших центров в Болгарии русской врангелевской армией, для того чтобы Болгария стала исходным пунктом для войны с советской Россией; в новом министерстве (правительстве) военным министром должен быть русский генерал, назначенный Врангелем; совместно с представителями болгарских буржуазных партий должен выработаться список начальствующих лиц в Болгарии, которые должны быть арестованы и преданы военно-полевому суду, составленному из русских офицеров; немедленно представить генералу Врангелю план местонахождения важных пунктов в Софии, как телеграфа, арсенала и др., которые должны быть заняты войсковыми частями при перевороте; представить ему же мобилизационный план всех русских до 50 лет. 3) От начальника штаба генерала Шатилова от 16 августа 1922 г. за № 2641, г. Сремски Карловцы, командиру 1-го корпуса (тогда был генерал-лейтенант Витковский, со штабом в городе Тырнове), совершенно секретно, в собственные руки, которым ему сообщается, что начальнику отряда русских войск в Галлиполи, генерал-майору Мартынову, Главнокомандующим был отправлен следующий приказ: немедленно приготовиться к походу, войти в переговоры с главным французским начальником в Галлиполи и с начальником Адрианопольской греческой дивизии, по вопросу о беспрепятственном походе через греко-болгарскую границу, пройти Свиленград и Хебибчево и соединиться с Николаевским инженерным училищем и Кубанскими войсками из училища имени генерала Алексеева и тронуться в поход через

Адрианополь, как только получится телеграмма – в добрый путь, – чтобы овладеть Болгарией. Примечание: генерал Шатилов перестал быть начальником штаба еще 27 марта 1922 г. по поданной им отставке, которая принята того же числа приказом генерала Врангеля за № 242, который в подлиннике прилагается при настоящем докладе; видно, что фальсификаторы не знали об этом приказе. 4) От начальника штаба 1-го армейского корпуса, полковника Бредова[21], от 24 августа 1922 г., без №, г. Тырново, начальнику контрразведывательного отделения, совершенно секретно, в собственные руки, – которым ему предписывается, по приказанию командира корпуса, представить, самое позднее до 13 сентября этого же года, список болгарских военных начальников, которые относятся враждебно к Русской Армии, чтобы они были поставлены под постоянный надзор и, в случае необходимости, арестованы и преданы военно-полевому суду из офицеров Русской Армии. 5) От этого же начальника штаба, этого же числа, г. Тырново, вместо № – раз., начальнику контрразведывательного пункта штаба 1-го армейского корпуса, совершенно секретно, в собственные руки, – предписывается ему, чтобы не позже 15 сентября этого же года представить ему для доклада командиру корпуса план важных пунктов в Софии, как вокзал, арсенал, радиостанция, почта и телеграф, водопровод, казармы, станция электрического освещения, министерства и другие учреждения, между которыми жандармские и полицейские, которые могли бы безболезненно перейти в русские руки; для этой цели – плана – начальник немедленно должен назначить своих сотрудников».

Документы были подделаны, как видно из предыдущего, грубо (полковник Бредов, например, с июля месяца находился в городе Свищове и не мог 24 августа подписывать бумаги в Тырнове); но подписи были сфабрикованы так хорошо, что наш военный представитель, генерал Ронжин[22], не зная о содержании документа, склонен был признать их за подлинные.

Фотографические снимки с этих документов тотчас появились в печати. Произошло невиданное еще возмущение против Русской Армии. При самом деятельном участии большевистского агента, исключенного по суду бывшего капитана Щеглова, производились по всей Болгарии обыски и аресты. Все старшие начальники были арестованы и препровождены в Софию, где провокатор Щеглов позволил себе предложить генералу Витковскому отдать по корпусу приказ о признании Советов и переходе к ним на службу. В «весьма секретной» сводке (корреспонденция чрезвычайного значения 5584) «заведующего восточным отделом» коммунистической организации, товарища

Пастухова, на имя политического отдела РСФСР в Австрии и политического отдела РСФСР в Германии, деятельность Щеглова не встретила одобрения. «Деятельность Щеглова, – говорится в сводке, – за последнее время стала чрезвычайно развязной. В своих разговорах с Витковским он далеко превзошел те полномочия, какие ему были даны. Поэтому было бы желательным поспешить подыскать ему соответствующего заместителя, по возможности из числа служащих берлинского отдела ГПУ, как, например, товарища Безозарева или Курдиченко, которые бывали в Болгарии и, кроме того, имеют связи в среде добровольческих офицеров. Излишняя болтливость Щеглова дала возможность врангелевскому штабу заранее предпринять шаги против мер воздействия, предположенных Болгарией по отношению к интернированным частям. В силу этого Даскалов в настоящий момент лишен возможности исполнить свои обещания по отношению к Тырновскому району без осложнений с французской военной миссией, которая, по настоянию Врангеля, уже вошла с соответствующими представлениями к болгарскому правительству». При участии помощника градоначальника Трифонова, для возбуждения общественного мнения, во двор русского посольства было подброшено «найденное» затем оружие.

Главное командование настаивало перед болгарским правительством о производстве расследования и назначении суда над всеми якобы скомпрометированными генералами, в уверенности, что таким путем удастся доказать подложность документов.

Как тогда, когда французы пытались уничтожить Русскую Армию в Галлиполи и на Лемносе, так и теперь пронеслась могучая волна протеста против «болгарских зверств», как окрестило эту полосу гонений русское офицерство. В резком письме на имя министра-председателя Стамболийского, подписанном рядом русских организаций Парижа, выражался «категорический протест против возмутительных действий болгарского правительства в отношении расселенных по его же приглашению в Болгарии сынов русского народа, который своею кровью добыл свободу болгарскому народу». «Мы обращаем Ваше внимание, – говорилось в письме, – что коммунисты, толкающие Вас на эти преступные по отношению к русским действия, не вечны в России; близок их конец. И тогда освобожденная Россия потребует Вас к ответу, на который Вам уже не придется отмалчиваться». Протест подписали: от Русского Национального Комитета – М. Федоров и Ю. Данилов; от Финансово-Промышленного Союза – С. Третьяков и Т. Белозерский; от

Комитета Представителей Русских Банков в Париже – граф В. Коковцев и Я. Самвич; от Союза Русских Инженеров за границей – П. Финисов и Н. Зурабов; от Союза Русских Офицеров – Участников Войны – К. Сычев; от Союза Офицеров Генерального Штаба – М. Суворов; от Русского Отдела Лиги Комбаттантов – П. Половцов; от Юридического Общества – П. Старынкевич; от Союза Русских Адвокатов За границей – Мандельштам; от Русского Парламентского Комитета – В. Гурко. Российский посланник в Софии А.М. Петряев в полном согласии с французским посланником господином Пико, принявшим самое ближайшее участие во всем этом деле, оказал большое давление на Министерство иностранных дел. Дипломатический корпус категорически заявил, что ни о какой «высылке в Советскую Россию», как угрожали болгары, не может быть и речи.

Правительство должно было умерить свою коммунистическую услужливость. Однако вместо назначения гласного суда правительство выслало всех начальствующих лиц и большое число русских офицеров из пределов Болгарии. Высланные нашли себе приют в Сербии.

Насилие, учиненное болгарским правительством над Русской Армией, не погубило все же военной организации. Были сняты погоны – эта внешняя эмблема, – но под беженским платьем еще сильнее забилось сердце и еще острее почувствовалась необходимость – моральная и практическая – держаться вместе, сохранять свою спайку и свой воинский дух. На место высланных начальников в тот же миг встали новые, их заместители, чисто автоматически, согласно воинскому уставу. Все знали, что, если и они будут высланы, их место автоматически займется следующими. Организация оставалась прежней; произошло только своеобразное «омоложение» командного состава.

Весь этот командный состав глубоко законспирировался. Корреспонденция направлялась по частным адресам, в форме личных писем, приказания передавались часто в виде условного кода – но организация жила и выполняла свою ответственную задачу данного момента – устроить на работах тысячи людей, брошенных судьбою в самую мрачную обстановку.

Кроме нестерпимого политического положения, перед всеми частями была чисто материальная угроза. Остаток депонированного фонда в 11 000 000 левов был болгарами арестован; большое количество принадлежащего армии имущества было конфисковано; многие предприятия боялись брать на работу русских из опасения всяких осложнений. Ко всему этому – надвигалась зима. Однако и в этих условиях воинская спайка не распалась. В распоряжении начальников

частей оставался так называемый «запасный паек», дававший возможность нетрудоспособным и больным кое-как перебиваться. Зарекомендовавшие себя прекрасными работниками, русские, несмотря ни на что, получали работу.

Политическая обстановка тоже несколько рассеялась. На Лозаннской конференции Стамболийскому дали понять, что игра болгарского правительства с коммунистами не встречает сочувствия. Попытки представителя большевистского Красного Креста смущать наши части возвращением на родину окончательно провалились. Наступал 1923 год.

В этот год «дружбашское правительство» понесло наказание за свои многочисленные преступления. Действующий в полной конспирации «Народный сговор» – блок буржуазных политических партий – в ночь с 8-го на 9 июня арестовал все правительство. Болгарская армия оказалась на стороне восставших. Стамболийский и ряд видных земледельческих деятелей были убиты.

Единственный из остававшихся в Болгарии высших чинов Русской Армии, генерал Ронжин, по приказанию Главнокомандующего, подал 25 июня 1923 года новому военному министру Царства Болгарского докладную записку о положении русских частей. Изложив историю принятия Русской Армии Болгарией и нарисовав всю картину гонений, генерал Ронжин писал: «Приветствуя в Вашем лице, господин Министр, и в лице членов нынешнего Совета Министров Болгарии новую власть, являющуюся символом законности и порядка, я имею честь покорнейше просить: 1) Реабилитировать всех чинов Русской Армии в форме особой декларации от имени правительства о том, что чины этой Армии всегда были лояльны по отношению к болгарской власти, никогда не вмешивались во внутренние дела Болгарии и ни в каком заговоре в ниспровержении бывшего земледельческого правительства с блоком не участвовали. 2) Разрешить вернуться всем высланным из Болгарии, как невинно пострадавшим; список их при сем прилагается. (В списке значатся: 1) генерал от инфантерии Кутепов, 2) генерал от кавалерии Шатилов, 3) генерал-лейтенант Вязьмитинов, 4) полковник Алатырцев, 5) генерал-майор Георгиевич, 6) генерал-майор Федоров, 7) полковник Гордиенко, 8) генерал-майор И кишев, 9) генерал-майор Штейфон, 10) генерал-лейтенант Миллер, 11) генерал-лейтенант Витковский, 12) генерал-лейтенант Репьев, 13) генерал-майор Кельнер, 14) генерал-майор Сниткин, 15) генерал-майор Бредов, 16) полковник Лукошков, 17) генерал-майор Пешня, 18) генерал-майор Туркул, 19) генерал-майор Манштейн, 20) полковник Хабаров, 21) генерал-майор

Зинкевич, 22) генерал-майор Шведов, 23) генерал-майор Ползиков, 27) генерал-майор Эрдман, 28) полковник Осипов, 29) генерал-майор Буров, 30) генерал-майор Казьмин, 31) генерал-майор Градов, 32) полковник Марков, 33) генерал-майор Власенко, 34) генерал-лейтенант Абрамов, 35) полковник Ясевич, 36) генерал-лейтенант Татаркин, 37) полковник Зимин, 38) генерал-майор Лобов, 39) полковник Афанасьев, 40) генерал-майор Максимов, 41) полковник Чарвинов, 42) генерал-майор Попов, 43) полковник Сорокин, 44) корнет Аксенов, 45) поручик Думбадзе, 46) подпоручик Даватц, 47) штабс-капитан Рыбинский, 48) штабс-капитан Бровкович, 49) полковник Краснописцев, 50) подполковник Федоровский, 51) генерал-майор Российский, 52) полковник Сергеевский, 53) полковник Антонов, 54) полковник фон Эссен, 55) полковник Иванов, 56) полковник Рейс, 57) подполковник Котляр, 58) подполковник Щепин.) 3) Возвратить все принятые при различных обысках бумаги и документы как не содержащие в себе ничего преступного и в то же время имеющие для нас историческое значение, и 4) Восстановить нас во всех правах, которыми мы имеем право пользоваться, согласно договору, заключенному нами при переезде в Болгарию».

Несмотря на полное сочувствие совершающемуся перевороту, все наши части остались в полной мере нейтральными. Привожу целый ряд донесений. Из Орхания писали: «Несмотря на полную нашу непричастность к случившемуся, есть сведения, что нас все же в некоторых кругах считают соучастниками и, если последует контрпереворот, особенно с участием коммунистической партии, то чувство самосохранения, вероятно, заставит и нас выступить, даже если бы мы этого не хотели». Из Горно-Паничерова доносили: «Мы везде руководствовались ранее бывшим приказом Главнокомандующего. Во многих местах большевики обвиняют русских в участии в перевороте, что, к сожалению, не лишено иногда оснований; но со стороны чинов армии этого замечено не было». Из Пловдива сообщают: «В первые дни переворота были приглашения со стороны отдельных болгарских офицеров и нам взяться за оружие для поддержания нового правительства, но мы на это отвечали, что это их чисто внутренние дела и что русским не следует вмешиваться». В Бургасе на аналогичное предложение генерал Греков заявил, что «без разрешения генерала Врангеля он не может начать формирования дружин из русских». «На прощание, – говорилось в донесении, – собеседник, улыбаясь, спросил: «Ну а если в городе выступят коммунисты, можем ли мы тогда рассчитывать на ваше содействие?» На это старший корниловской группы ему ответил, что коммунисты – наши исконные враги и в случае их восстания чины армии едва ли

могут остаться безучастными зрителями».

Нужно поистине удивляться выдержке русских войск при этих исключительно трудных обстоятельствах. Едва ли нужно говорить, какая ненависть окружала имена падающего правительства и как трудно было этим «ландскнехтам», как любят выражаться наши левые недоброжелатели, удержаться на нейтральной позиции и остаться верными приказу Главнокомандующего. Но во всех этих донесениях чувствуется тревога за будущее. Всеми чувствуется ожидание того момента, когда оставаться нейтральными станет невозможно. Один из видных общественных деятелей, профессор К.Н. Соколов, пишет генералу Шатилову 6 июля 1923 года: «В стране полное спокойствие, но масса взрывчатого материала, и осенние месяцы будут критическими. В случае контрпереворота нас всех, и штатских, и военных, просто и без остатка перережут».

Тревожный прогноз этот оправдался уже в конце сентября, когда по всей Болгарии началось выступление коммунистов, переходящее порою в настоящие бои; но тут уже был открытый враг – и имелась директива Главнокомандующего. Русские части спешно организовали отряды самообороны и по заранее подготовленному плану стянули работавших в определенные сборные пункты, вооружаясь как возможно. В тех случаях, когда требовали обстоятельства, русские части уже были способны оказать сопротивление.

Особенно тяжелое положение создалось на северо-западе Болгарии, в районе Белоградчика, где располагался Марковский полк, под командованием генерал-майора Пешни. К вечеру 23 сентября коммунисты повсеместно захватили власть в свои руки и объявили советскую республику. Генерал Пешня[23], в предвидении этого, подробно разработал план самообороны и наметил частные сборные пункты для работающих в различных районах: по этому плану, собравшись в отдельных пунктах, марковцы должны были идти крупными партиями на соединение с полком в городе Белоградчике.

Болгарский гарнизон в Белоградчике насчитывал всего 30 человек и фактически был бессилен. Генералу Пешне со своими марковцами приходилось рассчитывать на собственные силы. Город был со всех сторон окружен восставшими коммунистами; оставалась только связь по направлению к городу Вид ину. Генерал Пешня сформировал отряд русских из 400 человек, в котором находился двухорудийный гаубичный взвод, и, оставив небольшую охрану в городе, выступил из него на соединение с прочими частями полка в районе Братцы. В охваченном восстанием районе генерал Пешня собрал отдельные группы

марковцев, не успевших соединиться, и направился на Вид ин.

Группа марковцев в количестве 21 человека в районе Рахово два дня защищала город под командованием капитана Керна[24], но, уступая силе, погрузилась на австрийский пароход и была перевезена в Вид ин, где влилась в организованный русский отряд, под командой генерал-майора Курбатова. Отряд этот двинулся по железной дороге и соединился на станции Брусарцы с ядром генерала Пешни. Генерал Пешня обладал теперь уже значительными силами и имел возможность не только отбить все атаки коммунистов, но очистить весь район. Восстание, быстро распространившееся, было столь же быстро и энергично ликвидировано.

То же произошло в целом ряде других мест, где наши части, собираясь вокруг старших офицеров, неизменно одерживали верх. Правительственные болгарские войска, хотя и крайне ничтожные по численности, вследствие требования Нейльского договора, проявляли высокие боевые качества и преданность новому правительству. Красному знамени не удалось развернуться над Болгарией.

Злое семя, посеянное Стамболийским на болгарской земле, и его преступная связь с большевиками дали ядовитые плоды. Плоды эти были вырваны. Слова генерала Врангеля, что «прольется братская» кровь, и русские части принуждены будут «сомкнуть свои ряды», блестяще оправдались. Но, «сомкнув ряды», они также скромно разомкнули их и, по прекращении опасности, разошлись по своим работам.

«Счастлив отметить, – писал генерал Врангель в приказе 16 октября 1923 года, – что в эти тяжелые дни все гг. офицеры, солдаты и казаки снова проявили полную выдержку и самообладание, в точности выполняя указания мои о невмешательстве во внутренние дела приютившей их страны и в то же время по мере сил мужественно защищая находящихся при частях женщин, детей и инвалидов в часы опасности. Горячо благодарю всех дорогих соратников, выполнявших беззаветно свой долг. Отдельную благодарность приношу славным марковцам, во главе с доблестным генералом Пешней, мужественной защите которых многие русские семьи обязаны жизнью».

После подавления коммунистического мятежа жизнь русских частей вошла в обычную трудовую норму. Болгарское правительство удовлетворило просьбу генерала Ронжина. Расследование преступлений дружбашского правительства, завершившееся заключением комиссии господина Добриновича, сняло с русских несправедливое обвинение и закончилось

преданием действительных виновников болгарскому суду. Арест с имущества и денежных вкладов в Болгарский банк был снят. Высланные начальники получили разрешение вернуться к своим частям. И все эти «болгарские зверства» еще более спаяли чинов армии друг с другом и дали еще новый запас сопротивляемости против ударов судьбы.

По лицу земли

Второй период жизни Русской Армии – период подготовки к переходу на трудовое положение – можно считать законченным после наступления спокойствия в Болгарии. Для Сербии он начался еще раньше; но болгарские события не давали возможности закрепиться новым формам и начать третий период – переход армии на самообеспечение.

«Самообеспечение» армии вовсе не знаменует собою такого состояния, когда всем отдельным чинам ее обеспечен минимум средств к существованию. Дать русским воинам возможность своим трудом зарабатывать себе хлеб было одной из насущнейших задач Главного командования; но это была главная, но не главнейшая задача. Армия не могла превратиться в посредническую контору или биржу труда; помощь отдельным лицам не могла сделаться самоцелью. Сохраняя основу каждой армии – человеческий материал – Главное командование, раз оно не отказалось от мысли о значении армии, должно было заботиться прежде всего о сохранении всей организации.

Сама организация могла и должна была принимать новые формы, в зависимости от внешней обстановки. Подобно тому как во время боя походная колонна развертывается в резервную, заменяется линией колонн, переходит в развернутый строй и заканчивается рассыпным строем, так и во время этого тягчайшего боя в обстановке изгнания пришел момент принять рассыпной строй.

Для постороннего зрителя, на которого действует вид военных перестроений, рассыпной строй может показаться беспорядком, но он тем и отличается от неорганизованной толпы, что, предоставляя свободу личной инициативы, он сохраняет, не менее походной колонны, общее управление над людьми.

То, что было заложено в Галлиполи и на Лемносе, то, что было закалено в борьбе с коммунистическим натиском в Болгарии, наконец, то, что приобреталось в тяжелом повседневном труде, – все это позволяло уже не беспокоиться за прочность военной спайки. Все эти лица уже не нуждались больше в казарменном режиме. Смотря по обстоятельствам им

можно было придавать различную организацию, начиная от чисто полковой организации отдельных рабочих групп в Сербии, переходя к форме рабочих артелей и кончая совершенно свободными студенческими землячествами.

Но воинскими частями, прибывшими из Крыма, не ограничивалась Русская Армия. Кроме них, по лицу земли были разбросаны русские офицеры и солдаты, принимавшие участие в противобольшевистской борьбе на других фронтах или совсем не принимавшие в ней участия, но являющиеся такими же чинами Русской Армии. Они, как отдельные лица, были брошены в водоворот жизни. Они, естественно, сразу же окунулись в эту жизнь, сразу же захлестнулись интересами окружающей среды. Каждый из них оставался по-прежнему воинским чином; но все вместе они не представляли из себя воинской организации.

Однако и в этой обстановке они неизменно стремились друг к другу и образовывали слабые профессиональные военные союзы. Учитывая это и придавая значение возможно большему единообразию в их конструкции, уже в апреле 1921 года был утвержден Главнокомандующим «нормальный устав» и военным представителям разных стран дано задание – не только содействовать образованию союзов, но и объединять их по каждой стране общим руководством.

В письме генералу Шатилову еще от 26 сентября 1923 года генерал Врангель так обрисовывает значение союзов: «…Армия, нашедшая себе приют на Балканах, ныне стала на ноги, за участь ее мы можем быть спокойны. Вокруг нее надо собрать тех воинов, которые рассеяны по всему миру. В дальнейшем, по мере того как наше изгнание будет длиться и чины армии в поисках работы будут постепенно оставлять ряды родных частей и, прибывая в ту или иную страну, входить в офицерские союзы, это различие между собственно армией и объединенным в союзы офицерством будет сглаживаться».

Союзы мало-помалу крепли – и, конечно, не могли не тянуться к основному ядру – Русской Армии. Ядро это явилось могучим объединяющим и организующим центром. Но на пути к этому объединению встали значительные препятствия. Препятствия эти были двух родов: внутреннего и внешнего.

Внутренние препятствия проистекали от условий самого образования союзов. Они возникли в совершенно мирных гражданских условиях жизни и, естественно, восприняли многое, что не укладывалось в рамки военной организации, несмотря ни на какие уставы: между формами совершенно свободной ассоциации и формами воинской жизни должно было быть внутреннее несогласие.

Внешнее препятствие состояло в том, что военные союзы легко подпадали под влияние политической агитации извне, – из воинских частей они превращались в политические клубы.

Перед Главным командованием встала задача: приблизить формы жизни союзов к воинскому укладу и тем сделать возможным широкое объединение всех воинских чинов за границей. Приказ № 82, о котором шла речь выше, был вызван именно этими обстоятельствами. Приказ этот ограждал союзы от влияния политических группировок и впервые применял к независимым общественным организациям воинское приказание.

Мы уже видели, как после некоторой борьбы привычное чувство офицеров одержало верх над непривычным чувством гражданской свободы: приказ был принят подавляющим числом союзов. Но с того момента, как он был принят, уничтожалась принципиальная грань, разделяющая две части Русской Армии. Оставалось углубить и закрепить новое положение, и 1 сентября 1924 года был отдан приказ об образовании Русского Обще-Воинского Союза.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все воинские части и воинские союзы и общества, принявшие к исполнению приказ № 82, а также те, которые в будущем пожелали бы присоединиться к объединению. Внутренняя жизнь, регламентируемая уставом отдельных обществ, сохранялась в силе; Русский Обще-Воинский Союз как бы объединял все воинские организации. В своем административном управлении союз делился на отделы, во главе которого становились начальники отдела, непосредственно подчиненные Главнокомандующему, которым давалось общее руководство по деятельности отделов.

Таким образом, устанавливалось существенно новое положение, которое несомненно было присуще офицерским организациям, но которое не фигурировало ни в одном из уставов. По этим уставам выбранный председатель являлся только исполнительным органом избравшего его коллектива; теперь возможны были общие указания, и идущие не снизу, но сверху. Такое переходное – и внутренне противоречивое – положение продолжалось до приказа Верховного Главнокомандующего, приравнявшего военные союзы к воинским частям. Согласно этому приказу председатели офицерских союзов назначались властью Верховного Главнокомандующего: принцип выборности заменился постепенно принципом назначения (из общего числа военных союзов исключен только Союз Военных Инвалидов, как организация чисто гуманитарная). В руки Великого князя переходила теперь военная организация, с таким

большим трудом сохраненная среди всеобщего распыления.

Для того чтобы завершить большое дело объединения, потребовалась планомерная, упорная и продолжительная работа. Случайные средства Главного командования истощились к осени 1922 года; ликвидация к этому времени Ссудной Казны давала возможность впервые составить сметные предположения на более или менее продолжительный срок и расходную смету на период с 1 октября 1922 года до 1 апреля 1924 года. Однако практически смета утверждалась только на ближайшую четверть года – ив каждый последующий период проводились новые и новые сокращения.

Уже к осени 1922 года почти все чины армии стали на работу, но дальнейшее проведение в жизнь намеченного плана не прекращалось, и 16 апреля 1923 года начальнику штаба Главнокомандующего, генералу Миллеру, было дано предписание «…в срочном порядке разработать меры для постепенного перехода работающих чинов армии на самообеспечение; наметить сообразно с условиями работ обязательные отчисления с заработной платы для образования капиталов больничных, страховых, организационных и т. д.; разработать положение о кассах взаимопомощи, взаимного кредита, сберегательных и т. д. В зависимости от условий работ и государства, где работают чины армии, меры эти могут быть разнообразны, но в конечном итоге должны привести к тому, чтобы в ближайшее время и по возможности не позже как к весне будущего года все части армии стали бы полностью на ноги».

Во исполнение указанного предписания стали копиться суммы про черный день. Отпускаемые Главнокомандующим в распоряжение начальников войсковых групп суммы на хозяйственные нужды частей, на помощь безработным и т. д. были обращены в «предельные»: неиспользованные кредиты возвращению Главному командованию не подлежали, оставаясь в распоряжении старших начальников и составляя так называемые «хозяйственные суммы» войсковых групп.

Эти суммы давали возможность в случае сокращения или прекращения казенных отпусков на ту или иную надобность покрывать наиболее насущные нужды. Из этих же сумм в дальнейшем частично покрывался расход по содержанию кадрового состава частей, так как содержание это за счет работы чинов части признавалось недопустимым, и этот принцип строго проводился в жизнь.

Одновременно накапливались капиталы и в самих частях. Суммы эти были двух родов. Части, стоящие на работах, обязаны были делать определенные отчисления в особый капитал,

являющийся собственностью самих вкладчиков. Это были своего рода сберегательные кассы, но вкладчик, пока он состоял в части, лишен был возможности свободного пользования этими деньгами. Командир части являлся до некоторой степени опекуном над таким вкладчиком и, выдавая деньги в случае безработицы, болезни и пр., мог отказать в выдаче по первому немотивированному требованию. Деньги возвращались обязательно только лицам, уходящим из части совершенно. Подобные капиталы существовали и в мирное время в Русской Армии, в казачьих полках, и носили название «ремонтных».

Второй вид сумм состоял из обязательных взносов, которые не составляли уже собственности частных лиц, а являлись собственностью части. Эти обязательные взносы в различных местах установлены различно. В частях 1-го корпуса установлен единообразный ежемесячный взнос. По донесению генерала Витковского, процент вносящих колеблется от 32 процентов до 77 процентов списочного состава. Процент этот не имеет тенденции к понижению. В кавалерии и казачьих частях взнос этот определяется различно, по месту и доходности работ, и изменяется с изменением этих условий.

Накопление всех этих сумм давало возможность в случае временного прекращения работ обеспечивать перевозку рабочих групп с одного места на другое, оборудовать, где это является необходимым, околодки, оказывать помощь отдельным безработным, временно потерявшим трудоспособность, поддерживать связь, давать информацию и пр. Странное и трогательное явление – чины армии, не получающие содержания, но вносящие свои взносы за великую честь состоять в ее рядах!

По мере того как части переходили на трудовое положение, отдельные чины и группы разъезжались в поисках работы в другие страны. По условиям рынка труда такое дробление было совершенно необходимо для нахождения работы, иногда это создавало даже возможность получения более выгодных условий.

Благодаря содействию Главного командования в различные страны Европы, главным образом во Францию, были перевезены на работы большие партии, по возможности целыми частями. Отдельные лица, переезжающие благодаря личным хлопотам и собственной инициативе, попадая на новые места, с особой радостью соединялись со своими однополчанами и входили в ту организацию, которая охватила теперь все места, где работают офицеры и солдаты Русской Армии.

Из Польши были вывезены, наконец, остатки той 3-й армии[25], которая начала свое формирование в последние месяцы обороны Крыма, была затем интернирована и невыносимо страдала после

заключения Рижского мирного договора и падения Крыма. Положение ее было нестерпимо. Многие были заключены в концентрационные лагеря вместе с пленными красноармейцами и после подписания мира и обмена военнопленными рисковали быть отправленными в Советскую Россию. На положении «опекуна», пользующегося большими связями благодаря близости к главе государства маршалу Пилсудскому, стоял Борис Савинков с особым полусоциалистическим комитетом. Дисциплина падала, а жизненные условия ухудшались. Постановка на работы этих частей была воспринята ими как выход из плена.

Кроме Франции, групповые работы организовались в Бельгии – и везде устанавливалась та дисциплина, которая так выгодно отличала русских рабочих даже среди предпринимателей. Всюду налаживалась связь, ибо и в новом рабочем виде армия должна была оставаться неизменной.

В то время как в Болгарии и Сербии роль объединяющего рабочие группы облегчалась известной инерцией и старой привычкой к установившимся отношениям, в других странах приходилось прилагать особые усилия, чтобы не дать затеряться отдельным прибывшим лицам или даже целым небольшим партиям. Обычно по прибытии в ближайшие пограничные города партии разбивались на несколько групп и направлялись по различным предприятиям. Если предприятия эти не имели еще на своей территории наших военных организаций, то такие маленькие партии легко могли затеряться. Типичная рабочая среда, рабочая жизнь врывались каким-то новым враждебным потоком – и ощущение оторванности, тяжелый и беспросветный труд создавали пониженное и угнетенное настроение.

Приходилось «разыскивать» таких случайно затерявшихся. Делалось это опросом различных лиц, прибывающих в крупные пункты по своим личным делам, путем частной переписки, путем специальной командировки начальников армейских рабочих групп в промышленные районы и т. д. Нахождение таких «утерянных» и приобщение их к общей организации сразу поднимало и бодрость, и самочувствие. Назначался начальник такой затерявшейся группы. Ему давались инструкции – и новая ячейка была создана.

Кроме общего идейного значения таких организаций, сразу учитывалось и их практическое значение. Начальники рабочих групп единогласно отмечают то исключительно сильное и благоприятное впечатление, которое производит на администрацию промышленных предприятий организованность и дисциплинированность русских рабочих групп. Является совершенно обычным, что просьбы отдельных чинов группы,

заявленные через начальника группы, почти не встречают отказа, в то время как просьбы от своего имени часто не удовлетворяются.

Администрация предприятий, видя организованность русских рабочих групп, очень часто выражает готовность идти на значительные материальные траты, если только они имеют целью улучшить обстановку всей группы. Были случаи, когда по просьбе начальника группы ассигновались крупные суммы на пополнение библиотек русскими книгами, оборудовались домовые церкви и священнику давалось от завода довольствие и квартира.

Кроме этого, отдельные организованные группы получали информацию, помощь при создании своих библиотек, при желании перевестись на другое место на работу, при просьбах об оказании юридического совета и т. д. Все это уже практически содействовало укреплению организации. И такими группами покрыта вся Европа, и, кажется, нет страны в мире, где не было бы таких «опорных пунктов» Русской Армии.

Если в первое время, пока не окрепло ядро, было так важно сохранить части по возможности в одном месте, то теперь уже не было опасности «распыления», которого так жаждал господин Милюков. Главное командование уже само стремилось рассредоточить армию по различным странам в лучших условиях работы. Еще 18 июля 1923 года Главнокомандующий в циркулярном предписании старшим начальникам указывал на необходимость «дальнейшего рассредоточения армии с целью улучшения условий жизни и работы». В подобном же предписании 28 марта 1924 года вновь подтверждается, что «нам отнюдь не следует опасаться дальнейшего неизбежного рассредоточения армии, отъезда отдельных лиц и групп на работы в самые отдаленные государства. Физическое разрежение армии не страшно. Духовная сплоченность ее остается недоступной для каких-либо внешних ударов. Это положение необходимо внедрять в сознание подчиненных вам начальников и младших чинов». Наконец, в предписании 24 марта 1925 года указывается, что, «как показал опыт, переброшенные во Францию и Бельгию кадры частей не только не уменьшились численно, но в некоторых случаях и возросли, включив в себя и часть тех чинов, которые, не выдержав тяжелых условий работы на Балканах, временно оставили ряды родных частей; в новых условиях работы, во много раз более легкой и лучше оплачиваемой, они получили возможность соединиться со своими соратниками», а потому начальникам войсковых групп на Балканах предлагалось «принять меры, способствующие переброске с Балкан войсковых частей».

С учреждением Русского Обще-Воинского Союза войсковые части, рабочие группы и отдельные лица, которые состояли в каком-либо офицерском союзе, были объединены – и таким образом повсеместно осуществлялась связь между всем зарубежным воинством.

О жизни Русской Армии в новом «рабочем виде» можно составить представление как по многочисленным письмам, так и по той информации, издание которой вменено в обязанность начальникам частей.

Письма друг к другу стали большой потребностью. Устроившийся более или менее хорошо в большинстве случаев тянет за собою своих друзей и однополчан. Таким образом, процесс устройства прочными группами облегчается естественным стремлением сохранить прежнюю связь. Из писем можно установить общую картину, которая с несомненностью говорит о том, что везде сохраняется военная спайка и что везде люди живут сознанием того, что жизнь их рано или поздно будет нужна Родине. Это проглядывает во всех без исключения письмах, даже самых пессимистичных. Даже в минуты слабости (ведь и такие бывают!) отчаяние происходит не оттого, что тяжело жить, что тянутся дни изгнания, а от страха за то, что эти годы рабочей жизни в каких-нибудь шахтах, такой далекой от нормального воинского быта, могут поколебать нравственные устои, столь нужные для будущей службы России. Разве такие пессимистические письма не должны возбуждать самый определенный оптимизм? Но для таких пессимистических страхов нет никаких оснований. Теперь, через столько лет, можно уже смело сказать, что моральный облик Русской Армии остался прежним и дух непоколебимым.

Вот выдержки из письма одного подпрапорщика, работающего в селе Кричиме (Болгария). «Праздники встретили группами, что доказывает, что не ослабела еще наша спайка. Все находящиеся в Кричиме дроздовцы и алексеевцы объединились и провели сочельник и первый день праздника вместе за общей трапезой. Встреча нового года была еще многолюдней: присоединились несколько человек, находящихся на беженском положении. Пили здравицу за Многострадальную Родину Нашу, за Верховного Вождя и Главнокомандующего – и всех, кому дорога Великая Россия». Студент-сергиевец из Праги пишет: «Отрадно заметить, что вновь прибывающие сергиевцы сейчас же получают от своих однокашников решительно все: приют, советы, помощь; его накормят, помогут устроиться и даже, если есть, дадут и денег. По выражению капитана К., он «ехал все время от сергиевцев к сергиевцам – Станимака, Пловдив, София, Аом,

Прага, Пшибрам». В Праге все сергиевцы живут в одном месте». Из Франции пишут: «Значительная партия корниловцев, во главе с капитаном Б., продолжает работать на заводе Жоффрекур, по разрядке старых снарядов. В общем работу на заводе легкой назвать нельзя, но нежелание уходить из своей полковой ячейки, а также постепенное улучшение материального положения, в связи с предоставлением администрацией лучших мест, привели к тому, что партия имеет тенденцию к увеличению. Все чины корниловской партии поддерживают тесную связь между собой и начальником партии, который, в свою очередь, сообщает нам полученные информации и распоряжения. Все чины партии обложили себя ежемесячными взносами в свою часть, на содержание инвалидов и на выдачу пособий. За последний год партия отправила в Болгарию на содержание инвалидов своего полка 1600 франков, израсходовала на содержание инвалидов, находящихся при ней, 1400 франков и выдала пособия нуждающимся чинам партии – 1200 франков. С самого начала работ на заводе корниловской партии удалось установить с администрацией завода прекрасные отношения, что дало возможность капитану Б. выхлопотать у директора завода до 70 сертификатов для вывоза из Болгарии своих однополчан».

Интересно сообщение начальника Николаевского инженерного училища: «По общему постановлению офицеров училища, каждый из чинов его ежемесячно вносит в училище по 5 левов на библиотеку. В настоящее время в библиотеке собрано 1000 томов, но она еще продолжает пополняться и дальше покупкой новых книг партиями – 2–3 раза в год. Книгами пользуются не только на месте, но они высылаются для пользования начальникам рабочих групп в Кричим, Перник и Пловдив».

А вот сообщение из Пловдива, от казаков: «Каледино-Назаровский полк отпраздновал 25 мая свой полковой праздник. Дабы не нарушать обычных работ, празднование было назначено на вечерние часы. Офицерское собрание полка было заботливо украшено зеленью, цветами и разноцветной бумагой. Празднование началось торжественным выносом полкового штандарта перед выстроившимися в собрании гг. офицерами и казаками. Штаб-трубач сыграл «под знамя». После этого был отслужен молебен с поминовением Государя Императора Николая Александровича и Его Августейшей Семьи, шефов полка, атаманов Каледина и Назарова, и всех калединцев и назаровцев, на поле брани живот свой положивших и в смуту убиенных, и с провозглашением многолетия Е.И.В. Великому князю Николаю Николаевичу, Государыне Императрице Марии Феодоровне и

всем вождям Русской Армии. По окончании молебна, когда штандарт был поставлен в строй, командир полка поздравил каледино-назаровцев с полковым праздником и сказал им прочувствованное слово, упомянув, что мы имели счастье, богатство, могучую и необъятную Родину, но мало ее ценили – и потеряли, и теперь идем тяжелым путем изгнания, живя лишь верой и надеждой в воскресение нашей дорогой Родины. Единственно, что у нас осталось, – это наша Армия, полковая семья. Совместно легче переносить горе и изгнание. Надо поэтому ценить нашу белую подвижническую и бессмертную Армию».

И по всем местам, где работают русские воины, они ценят и берегут эту «подвижническую и бессмертную Армию». Берегут ее, как бережет моряк свое судно, стоящее в порту в ожидании дальнего плавания. Любовно ремонтирует он свой корабль, сбивает ржавчину, красит обнажившиеся части – и знает, что стоит он здесь для того, чтобы крепким и могучим врезаться в океанские волны…

Русский Флот есть частица великого русского воинства. Но роль Русского Флота неоценима для всего русского дела: не будь его – великий русский исход превратился бы в великую русскую катастрофу. Приведенные в Бизерту русские суда стояли несколько лет под русским Андреевским флагом. Их личный состав, как и на других фронтах нашего изгнания, совершал чудеса долготерпения и рыцарской верности.

Как и на других фронтах, функционировал Морской корпус, где молодежь воспитывалась в духе патриотизма и долга, и, разделенная от армии дальностью расстояния, наша эскадра выявляла трогательное единство чувств и действий. Бережно поддерживались суда, сданные в «долгосрочный ремонт»; производились занятия; отстаивалась свобода и честь людей; охранялись суда от попыток захвата и продажи. Знакомая борьба, как две капли воды похожая повсюду!..

Так же, как и везде, благородное поведение русских моряков вызывало удивление и преклонение французских властей; так же, как и везде, эти же власти требовали, под давлением своего правительства, ряда тяжелых уступок, и так же, как и везде, – наступил день, когда официально Русский Флот перестал существовать.

И может быть, только нигде в других местах мы не встречали благородного французского офицера, который бы, как командующий эскадрой адмирал Эксельманс, предпочел выйти в отставку, чем исполнить приказание – впустить большевистскую комиссию для осмотра русских судов, приготовленных к сдаче.

Русский Флот и Русская Армия не забывают своих друзей, потому что нельзя забыть того, что пережито.

Флот стоял в состоянии «долговременного хранения». Казалось бы, в этих условиях не было места героическим подвигам. Но нашему флоту выпала великая честь и тут, когда кончились военные действия, покрыть себя неувядаемой славой. Тогда, когда на рейде Босфора, среди других кораблей с развевающимися флагами, потонула маленькая яхта «Лукулл» под белым Андреевским флагом, дежурный офицер, мичман Сапунов, с изумительным спокойствием отдавал последние приказания и, спасая честь Андреевского флага, не пожелал оставить судна и пошел с ним ко дну…

«Лукулла» не стало. «У древних греков, – писал в «Новом Времени» А. Ренников[26], – существовала легенда о плавучем острове Делосе. Яхта «Лукулл» была для нас именно таким русским Делосом, заменившим нам государство, и эпоха «Лукулла» впоследствии также станет легендой, и потомки наши на материке великой России поймут всю красоту и печаль скитавшейся по чужим морям родной государственности». Но не только о ней будут помнить русские люди. Они будут помнить о подвиге русского офицера, мичмана Сапунова, перед флотом всего мира показавшего верность своему долгу…

Что пережил наш флот, загнанный в далекую Бизерту?

Можно было бы много и подробно написать об этом. Написать по целой серии докладов доблестных адмиралов Кедрова[27] и Беренса[28], по газетным заметкам, которые время от времени проникали в печать.

Но мне хочется использовать другой материал, в полном смысле слова «человеческий документ». Нам не так важно, сколько судов стояло в Бизерте, сколько пришло в негодность, сколько было продано нашими «союзниками»; гораздо важнее, что в этих плавучих домах жили люди, так же остро воспринимающие гонения на русский флаг, так же любящие родную эскадру, как и те, кто – отделенные тысячами верст – в Балканских горах отстаивали по силе своего разумения русскую честь.

Передо мной переписка двух братьев. Один – подпоручик в Сербии. Другой – гардемарин в Бизерте. Моряку всего 20 лет. В серии писем – целый калейдоскоп положений и событий. Матрос, юнга, кадет, гардемарин… Крым, эвакуация, Константинополь, Бизерта… И во всех этих письмах, через все эти исписанные листки, тянется красной нитью одно настроение, общее для всех нас за все эти годы. Читаешь эти письма – и чувствуешь, что то же ощущали мы в Галлиполи, под угрозой французского распыления,

в Болгарии, под террором «болгарских зверств», во всей Европе – при равнодушии и враждебности. И эти письма, эти «человеческие документы», ярче всего расскажут о том, что пережил наш флот.

Вот первое письмо. Форт Джебель-Кебир, 23 мая 1922 года. Молодой мальчик (ему тогда еще не было 19 лет) находит следы своего брата, с которым виделся в последний раз в Симферополе в 1920 году. Письмо полно эпизодами из его жизни за эти два года. Почти захлебываясь, стараясь не опустить мелочей, пишет он, как стал «моряком», как пережил эвакуацию, стоял под карантинным флагом в Константинополе и попал в Бизерту. «… Все очень интересно. Много нового, ценного, крепкого получил я. Много пришлось увидеть, пережить и перенести тяжелого, но ничто не сломило во мне бодрости духа…»

И вот, с бодрым духом поступает юноша в Морской корпус, и начинается упорная работа. «…Мы страшно заняты и положительно работаем круглые сутки… Лекции 8 часов, рабочий труд самый правильный, масса нарядов по хозяйству, по службе, по роте… По вторникам и четвергам репетиции… И это так хорошо: забываешь наше изгнание, вечно идет энергичная кипучая работа. Я очень доволен. Сыт, одет, о завтрашнем дне не думаю – и учусь, учусь… Мы проходим очень хороший курс учения, подбор преподавателей великолепный, винтовок хватает, и мне так нравится этот русский кипучий муравейник с заветами старины, с традициями, с крепким военным морским духом…»

Учение кончается. «…Знаешь, как-то жалко расставаться с корпусом, синим воротником и узенькими погонами, хотя, расставшись с ними, мы будем носить козырьки и широкие погоны и будем свободными людьми… Не хочется покидать наше «государство в государстве», где не услышим ни одного слова не по-русски… Кажется, что, покинув Бизерту, мы покидаем последний клочок русской земли…»

Но время идет. «…В моей жизни много перемен с тех пор, как я тебе писал. К 1 ноября я кончил корпус, а 19 ноября на традиционном обеде по случаю дня основания Петром Великим Навигацкой школы произведен в корабельные гардемарины. Всех нас перевели на эскадру, меня назначили на один из наших вооруженных ледоколов… Французское правительство продает наши корабли за долги, таков был договор. Они не могут продать только «Пылкого», «Дерзкого», «Беспокойного», крейсер «Генерал Корнилов» и линейный корабль «Генерал Алексеев» – их будут содержать пять лет. Они увели отсюда наши лучшие в мире плавучие мастерские, транспорты «Кронштадт» и «Добычу»… Взяли «Дон» и нефтяник «Баку»… Адмирал сказал, что в новом

году средства совсем иссякнут, и если кто имеет что в виду, пусть уезжает… Когда «Всадника» продадут, меня переведут на «Корнилова», а там, может быть, на все четыре стороны… Как хотелось бы поехать в Прагу учиться…»

Пробил час. «Всадника» продали. Он на «Корнилове». «На крейсере жизнь гораздо лучше. Здесь сохранилось больше порядка, и жизнь идет правильнее и здоровее. До обеда с 8 часов 15 минут до 11 часов 30 минут – работы по кораблю, починка, приборка, подкраска, палубные работы, а после обеда начинается моя личная жизнь. У меня байдарка и корабельная «шестерка», на которых я хожу под парусами, гоняясь с двумя ботами с «Генерала Алексеева»… Затем я занимаюсь стиркой: стирать я люблю, но с каждой стиркой замечаю, что бязь становится все тоньше и реже… Но главное для меня – мой письменный стол: здесь я читаю, учусь, пишу письма и обдумываю все интересующие меня вопросы… Есть еще часы в моей жизни – это музыка и пение в кают-компании. У нас есть механик, лейтенант М., удивительно хорошо поющий, а мой сожитель – прекрасный пианист… О России я не думаю так много, как ты. Я употребляю это время для личного усовершенствования, чтобы отдать ей как можно больше. И вот я учусь, учусь – и думаю о Праге…»

Через некоторое время юноша пишет: «…Я чувствую себя прилично, здоров, бодр, нагоняю мускулы работой, греблей, гимнастикой. Мы ведем теперь очень здоровую жизнь, весь день на палубе, жаримся на солнце… Спим тоже на палубе, купаемся каждый день… Помнишь, каким я был узким и слабогрудым, а теперь я считаюсь одним из первых и с удовольствием вижу, как становлюсь все шире в плечах…»

Проходит еще год. «…Живем мы по-прежнему. Утром работаем, сбиваем и закрашиваем ржавчину, ремонтируем моторные катера, приводим в порядок шлюпки, смазываем судовые машины и механизмы, ходим за провизией… У нас вторая по мореходным качествам шлюпка: лучший вельбот (английский) у адмирала на эскадренном миноносце «Дерзкий»… Мы все ждем начала движения и жадно ловим каждую политическую новость. Дух по-прежнему высок, но мой несколько упал из-за моего нервного нездоровья. Необходимо уехать, хотя бы на время, иначе заболею совсем. Я наблюдаю, как с каждым днем мои нервы все слабее и слабее… «Нужно переменить обстановку, нужно переменить место и людей», – говорит врач. Числа 25-го я уеду. Буду добиваться заработка на поездку в Прагу…»

Я пропускаю мелочи, подробности. Вот уже май 1924 года. «…Сейчас я пишу тебе в то время, когда настал, может быть,

последний час нашей эскадры. Французское правительство с 1 июня будет возглавляться социалистами, и уже говорят о пересмотре русского вопроса, о торговых сношениях с большевиками, а затем и о признании Советской России… За признанием Советов очевидно последует возвращение наших кораблей… Те корабли, на которых мы честно служили, на которых мы так много и долго работали, на которые мы отдали лучшие годы своей жизни, будут отданы большевикам… И вся наша трудная, тяжелая работа, которая все эти годы велась для сохранения кораблей, послужит на пользу врагов Родины… Хочется думать, что все эти мысли о будущем нашей эскадры не оправдаются… Господь не допустит до этого!.. Что слышно у вас? Что говорят Великий князь Николай Николаевич и генерал Врангель? Мы все еще бодры духом и телом… Команды «разойдись» подано не было… Но страшно. Заползает в голову мысль: а не умерла ли Армия, не кончилась ли она в сырых шахтах Болгарии, на пыльных дорогах Сербии? Так немного нужно, чтобы эти сомнения рассеялись. Мы бодры духом. Уверены в победе Добра над Злом… Достаточно одного слова».

И вот последнее письмо: «28 октября 1924 г. Крейсер «Генерал Корнилов». Рейд Бизерта… За время между этим и последним моим письмом я успел побывать в Тунисе, поработал там два месяца и снова вернулся сюда. Слава Богу, что у меня хватило сил вернуться сюда сразу после задуманной цели – расплатиться с долгами. Слава Богу, что не захлестнули волны материальных интересов, которые потопили многих таких же русских, как и я. Слава Богу, что есть еще Русская эскадра, служа на которой я со счастьем в сердце могу исполнить мой долг корабельного гардемарина. Если бы ты знал, как страшно и тяжело думать о той жизни, которой живут там наши русские! Жизнь без Родины, на сантимы и франки… Когда я там работал и думал, что было бы, если бы не было эскадры и я не мог снова вернуться сюда, то у меня так больно сжималось сердце. Ведь эскадра – эта наша Россия, это кусочек нашей родины, кусочек силы ее, ведь над нашими кораблями поднят Андреевский флаг!.. 15-го числа этого месяца к нам на крейсер назначено 15 человек кадет, только что произведенных в гардемарины. И если бы ты знал, как теперь у нас хорошо! Правда, работы не меньше, а больше, и весь день проходит в судовых работах. Пока еще «молодые» не научились, ходим с ними на шлюпках, и я с искренним удовольствием обиваю ржавчину и учу это делать других, учу управлять парусами, занимаюсь какой-нибудь приборкой запущенных помещений… Ржавчина отпадает, как листья осенью, железо краснеет от сурика, и весь корабль

становится чище… Теперь у нас горнисты, и вся жизнь идет у нас по настоящим сигналам. Каждое утро в 8 часов флаг подымается, а вечером с заходом солнца опускается после «зори». Когда флаг спущен, горнист снимает фуражку и читает «Отче наш». И если бы ты знал, как это торжественно просто, как радуется сердце!..»

На том же листке нервным дрожащим почерком приписка: «… 30 октября в 10 часов утра французский префект прибыл в наш штаб на эскадренный миноносец «Дерзкий», куда было приказано собраться всем гг. офицерам и корабельным гардемаринам. Сегодня, 30 октября 1924 г., в 10 часов наступило начало конца нашей русской эскадры: Франция признала Советы». И еще одна приписка: «…Сегодня в 17 часов 24 минуты в последний раз был спущен Андреевский флаг, более 200 лет носимый кораблями Российского Императорского Флота. Сегодня в последний раз мы сняли фуражку перед спускаемым в последний раз Андреевским флагом…»

Я не знаю, где теперь этот юноша. Но я знаю, что он уже не затеряется среди человеческой пыли. Куда бы он ни попал, он встретит тот электрический провод, который соединит его с десятками тысяч одинаково думающих и чувствующих людей.

Ценой невероятного напряжения, выдержки, воли создан неистребимый аппарат Русской Армии. Для нее уже не страшна нужда: она привыкла к тяжелой и черной работе. Для нее не страшны гонения: она способна изменить внешние формы и уйти в подполье. Для нее страшна только мысль перестать быть Русской Армией – и потому она не способна только на одно: изменить своей сущности и отказаться от своего предначертания…

В. Каменский[29]
Воспоминания курьера генерала Врангеля. 1921–1924 годы[30]

Служба дипломатического курьера считалась одной из самых спокойных и хорошо оплачиваемых служб. Я поступил на эту службу уже в эмиграции, когда жизнь европейских держав, перекроенных Версальским договором, еще не вошла в свое новое русло, когда смена правительств сопровождалась всевозможными волнениями, когда валютная проблема была совершенно не уравновешена и жизнь всюду дорожала, вызывая этим неудовольствия, забастовки и пр.

Русскому беженцу путешествовать из одной страны в другую было особенно трудно, так как получение визы было крайне затруднительно и сопровождалось всегда потерей массы времени и хлопот.

Первое время я не получал дипломатических виз, но ставились они бесплатно как курьез, но уже на второй год службы я завел себе дипломатический паспорт, то есть собственноручно начертал эти слова на своем паспорте, который был переплетен в изящный переплет с золотыми буквами. После этого почти все страны, за очень малым исключением, ставили дипломатические визы, и мои путешествия через границы проходили без всяких затруднений. Лишь германские власти не ставили мне никогда никакой визы. К этому времени Германия одна из первых признала большевиков, но в то же время ее правительство очень сочувственно относилось к нашему Белому движению.

Министерство иностранных дел по просьбе нашей военной делегации выдавало мне перед каждой поездкой особый лист – «laissez passer», в котором указывалось, что я курьер Русской Делегации. Этот лист при моем обратном возвращении на немецкой границе отбирался – я был освобожден от таможенных осмотров и приравнивался к дипломатическим курьерам. Такое положение существовало все время в течение моей курьерской службы и ни разу не вызывало на немецкой границе никаких недоразумений или затруднений.

Переносясь мыслями в то далекое время, я вспоминаю эту эпоху и службу дипломатического курьера генерала Врангеля как самую интересную за всю мою жизнь.

Еще до получения этой интересной должности, я в 1920 году был дважды командирован от русской военной делегации в Берлине, в которой я служил, в Белград. Посланный с какими-то

бумагами в Белград кирасир Ее Величества Великий князь Розенберг имел какие-то неприятности в Вене, и начальник делегации, Генштаба полковник Брандт[31], предложил мне срочно выехать в Вену и уничтожить все, что вез Розенберг. Пользуясь этой командировкой, я испросил разрешение проехать дальше до Белграда, где собирался повидать своего одноклассника по Пажескому корпусу, Королевича Александра Сербского.

Получив это разрешение, я на следующий день выехал в Вену, причем председатель делегации русского Красного Креста в Берлине, барон Врангель, снабдил меня письмом, в котором значилось, что, «может быть, Вам, при посещении дружеских нам государств, удастся создать настроение для оказания посильной помощи Русскому Красному Кресту».

Догнав Розенберга в Вене, мы сожгли всю его почту, а затем вместе отправились дальше. Наше путешествие было крайне трудным: угля было мало, поезда ходили редко, всегда очень переполненные, редко соблюдая расписание. С продуктами тоже было очень трудно. Но переехав сербскую границу, у местечка Spiel, картина резко менялась – на вокзале изобилие всего: и белый хлеб, и сыры, и колбасы. А когда на этой же станции я подошел к кассе, чтобы взять билет до Белграда, то кассир, узнав, что я русский, отказался принять деньги за проезд, выдавая мне особое разрешение на право проезда в Белград во 2-м классе. В это время волна беженцев еще не докатилась до этих мест, чем и объясняется такой жест со стороны кассира.

По приезде в Белград, где в то время нанять комнату было крайне трудно, я остановился в Земуне – городке на другом берегу Савы, связанном с Белградом сообщением. На следующий день, облачившись в военную форму, я явился нашему военному агенту генералу Артамонову[32] и от него отправился во дворец, где маршал двора принял меня очень любезно и, узнав о цели моего визита, просил зайти на следующий день, чтобы узнать, когда мне назначена аудиенция у Королевича Александра. Но уже вечером того же дня на квартиру, где я остановился, пришел жандарм и передал мне записку, что аудиенция назначена на следующий день в таком-то часу.

Королевич Александр принял меня как старого приятеля, говорил со мною на «ты», расспрашивал про судьбу наших одноклассников, про мою семью, которую он знал, так как бывал у нас в доме в Санкт-Петербурге, и когда я ему сказал о цели моей поездки и показал ему бумагу барона Врангеля, то он попросил оставить ее на 2 дня, когда мне следовало зайти за ответом. Через 2 дня я снова был принят Королевичем, который предложил мне кофе и сообщил, что просьбу Красного Креста, по-

видимому, удастся удовлетворить, но у него в данное время нет правительства, которое снова соберется на днях, и тогда вопрос и будет улажен. Деньги будут переведены в Париж нашему послу и оттуда уже в Берлин, причем помощь должна идти для стариков, детей и больных. К концу нашей беседы подошел бывший сербский посланник в России, Спайкалович, который с исключительной любовью вспомнил Россию и искренно горевал о гибели Царской Семьи.

Королевич Александр заявил мне, что я могу считать мою миссию выполненной и могу спокойно возвращаться в Берлин. На прощание он подарил мне фотографию с надписью, которая и висит у меня в комнате. Деньги, если не ошибаюсь 200 000 динар, были действительно ассигнованы Скупщиной, но в это время в Сербию хлынула первая волна русских беженцев из Константинополя, и ассигнованная сумма не дошла до нашего посла в Париже и целиком ушла на удовлетворение нужд этих первых беженцев и послужила началом той громадной помощи, которую так щедро оказывало правительство Югославии в течение многих лет русским, которые осели в этой гостеприимной стране.

Регулярная курьерская служба началась лишь в 1921 году и продолжалась до 1924 года. Кроме меня, был еще другой курьер штаба Главнокомандующего, Н.В. Мандровский, который начал эту службу еще до меня, но не успевал один быстро проделывать этот сложный по тем временам маршрут. Мы почти никогда друг друга не видели, так как он выезжал с севера, а я с юга, или наоборот, и наши поезда скрещивались на маленькой станции в Венгрии, где мы махали друг другу шляпами.

Вначале мой маршрут был Берлин – Прага – Вена – Будапешт – Белград – София – Константинополь и обратно, затем, с упразднением военного агента в Праге, я миновал Чехословакию, а с переходом штаба генерала Врангеля в Сремски Карловцы доезжал лишь до Белграда и уже в 1924 году совершал рейсы Париж – Белград.

Первая моя поездка была очень трудная. После больших хлопот дошли необходимые визы, а их было много и самых разнообразных (так, например, чтобы попасть в самый Константинополь или выехать из него, необходима была, кроме турецкой визы, еще виза французская, или английская, или итальянская, чтобы проехать территорию Греции, нужно было заручиться испанской визой и т. д.), и я благополучно прибыл в Прагу, сдал почту в Управление военного агента, пересел с другого вокзала на будапештский поезд и, доехав до маленькой пограничной станции Parkan Nana (австро-венгерская граница),

попал в железнодорожную забастовку.

В этой дыре я просидел в ужасных условиях 3 дня, не зная венгерского языка и опасаясь за свою дипломатическую почту, которую вез в первый раз. Я вздохнул свободно, когда влез в первый отходивший поезд на Будапешт, который крайне медленно доставил меня в эту венгерскую столицу.

В Будапеште я обыкновенно в начале моей службы останавливался на сутки, но впоследствии помощник военного агента, мой тезка Владимир Алексеевич Иловайский, приходил на вокзал и, пользуясь тем, что поезд там стоял около часу, принимал и передавал мне почту.

Военным агентом был Генштаба полковник фон Лампе, а нашим представителем – светлейший князь Волконский. У них с венграми наладились хорошие отношения, и благодаря их связям я впоследствии получил французскую дипломатическую визу на год, а швейцарскую постоянную.

Вечера я проводил в семье Иловайских, иногда ходили слушать цыганские оркестры, напоминавшие нам наш милый Петербург. Все были вежливы и услужливы, а в смысле языка я следовал мудрому совету А.А. Лампе, который советовал просто говорить по-русски, так как половина Венгрии была в плену в России и там научилась нашему языку. Берега Дуная очень красивы, особенно красив другой берег, наверху которого стоит памятник с крестом, напоминающий немного Киев, а напротив – самая лучшая гостиница – «Dunapalato». Уже в Венгрии сказывалось улучшение продовольственного положения и, как мне помнится, никаких карточек на продовольственные продукты не было.

Путь от Будапешта до сербской границы не представляет ничего интересного. Куда ни глянешь, всюду безграничные, ровные поля, и изредка попадаются селения. Как-то раз летом я позволил себе проделать этот путь до Белграда на пароходе и любовался на пейзажи, напоминающие наши русские степи.

С переездом штаба генерала Врангеля в Сремски Карловцы, я останавливался там на 4–5 дней. Сремски Карловцы – маленький городок, лежащий на железной дороге линии Белград – Субботица (венгерская граница), примерно на половине пути. Эта местность до войны 1914–1917 годов входила в состав Австро-Венгрии и после Версальского договора отошла к Югославии. В то время, когда туда переехал штаб генерала Врангеля (1922), этот городок был центром Сербского Патриархата – там жил патриарх и на улицах встречалось много духовенства.

Штаб помещался в большом доме, носившем название «Стара Школа», занимая несколько комнат под различные канцелярии.

Там же была большая столовая, в которой по субботам и воскресеньям совершались богослужения. Семейные чины штаба жили по частным квартирам, да и холостые также нанимали комнаты у местного населения, столуясь в Собрании. Сам генерал Врангель жил со своими родителями, с женой и детьми отдельно. В одну из моих поездок я доставил ему дочь Елену и сына Петра, которые ехали из Бельгии.

Жизнь в Сремски Карловцах напоминала жизнь тылового штаба: утром и днем – занятия в канцелярии, в 12 часов дня в Собрании завтрак под председательством старого генерала Экка[33]. По вечерам хождение в гости; холостые собирались в кофейной у Тарановича или у Носики и пили ракию или сливовицу и слушали заводную шарманку. По субботам устраивали любительские концерты и летом пикники или на берегу Дуная, или в горах Старожилово.

Начальником штаба у генерала Врангеля был в то время генерал Абрамов, генерал-квартирмейстер – генерал Кусонский[34], дежурный генерал – генерал Архангельский[35], генерал Климович[36] ведал полицейской частью, начальник информационного отдела Генштаба полковник Архангельский[37] (мое ближайшее начальство) и его 2 помощника Генштаба полковник Станиславский[38] и ротмистр Асмолов[39]. Кроме этих лиц, в штабе состояли генерал Экк, генерал князь Туманов, генерал Трухачев[40] и др. Старшим адъютантом штаба был бывший семеновец Генштаба полковник Подчертков[41].

Население хорошо относилось к русским, так как имело от них кое-какой доход. Когда я приезжал в Сремски Карловцы из Берлина, генерал Врангель часто приходил меня встречать на вокзал, живо интересуясь привезенной почтой и газетами. Всю запечатанную почту я вез на следующий день в Белград и сдавал в наше посольство, где почта вскрывалась, и затем пакеты на имя штаба (а их было подавляющее число) отдавались мне, и я их отвозил обратно в Сремски Карловцы. Останавливался я всегда у милых братьев Асмоловых, а после их переезда в Париж – у братьев Подчертковых.

На следующий день после моего приезда традиционный обед у Станиславских, затем у генерала Архангельского и у супруги генерала Миллера. Генерал Врангель обычно приглашал на чашку чая. Я смею думать, что все немногие, оставшиеся в живых, вспоминают тепло и с удовольствием время, проведенное в этом тихом городке, особенно после всех ужасов Гражданской войны и эвакуации. Кто же хотел немного развлечься, мог проехать в Новый Сад – 20 минут езды, – где были и синема, и хорошие кафе.

Следующим этапом был Белград. Белград в ту пору находился в начале своего расцвета: он, правда, еще не успел залечить свои раны после тяжелой войны и оккупации (например, мост через Саву, соединяющий Белград с Будапештом, был сильно надорван и поезда по нему ходили крайне медленно), но все же чувствовалось во всем стремление поднять вид столицы до уровня других европейских городов. По городу уже бегали новые чистые трамваи, наряду с одноэтажными и невзрачными домами начали строиться многоэтажные дома со всеми удобствами.

Самая лучшая и большая гостиница, носившая название «Москва», находилась в самом центре города. Новый дворец еще не был готов, и Королевич Александр Сербский жил в одноэтажном особняке около русского посольства. После первой волны русских беженцев, хлынувших в Югославию из Константинополя, въезд в нее был сильно ограничен, и, чтобы получить сербскую въездную визу, надо было долго и упорно хлопотать. Улицы Белграда были наполнены русскими, которых легко можно было узнать среди местного населения: военные ходили или еще в своих формах, или в перешитых френчах, но уже без погон, женщины – обычно в том же, в чем им удалось бежать из Крыма.

Привлекало русских в Югославию не только хорошее тогда отношение со стороны правительства и жителей и возможность получить работу, но еще также так называемый «размен», на который имели право все русские беженцы, проживающие на территории Королевства. Один раз в месяц беженцы получали 400 динар – сумма, на которую было нельзя жить, но что было большой помощью, особенно в первое время, до нахождения подходящей квартиры и работы.

В городе открылись русские рестораны, лавочки, кафе, появились модные дома, в театрах подвизалась русская труппа, репертуар был часто также русский. Русские специалисты, особенно инженеры и врачи и пр., сразу пошли в гору, так как на них был большой спрос. Русским посланником в то время был В.Н. Штрадтман, оставшийся в нашем прежнем посольстве, а военным агентом после генерала Артамонова – Генштаба полковник Базаревич[42]. Хотя службу русским и было легко найти, квартирный вопрос разрешался крайне трудно, так как квартиры в новых домах были чрезвычайно дороги.

Что очень хромало в Югославии в то время – это железнодорожный график. Поезда хронически опаздывали, причем это опаздывание выражалось не в минутах, а в часах. Как-то раз я попал на поезд, который опоздал ровно на сутки, придя действительно по расписанию, но на другой день. Я возвращался

из Константинополя и, будучи атакован клопами в классном вагоне, решил перейти на вторую ночь в спальный вагон, в котором ехал в Белград профессор И.П. Алексинский. На станции Ниш поезд стоял довольно долго, и мы, поболтав с профессором, разошлись каждый в свое купе.

На следующее утро заспанный профессор вышел в коридор и спросил меня:

– Что, подъезжаем к Белграду?

– Какое там, – ответил я. – Все еще стоим в Нише.

Ночью поезд проделывал какие-то маневры, что и создало впечатление, что мы находились всю ночь в пути. Путь от Белграда до Ниша проходит по живописной долине реки Моравы. После Ниша, который с поезда производит вид нашего маленького уездного города, проезжали знаменитое Косово поле, памятное битвой в 1389 году с турками. День этот в Сербии до сего времени чтился и назывался «Видав дан».

На последней станции перед болгарской границей Цариброд был устроен русский этап. При станции была устроена чайная, где все русские беженцы имели возможность выпить чаю с бутербродами и даже захватить таковые с собой в дорогу. Заведовали этим гостеприимным домом полковник Долгов со своей женой. Кругом была совершенно дикая природа, большие лесистые горы, внизу шумела горная речка.

Как-то раз я был предупрежден полковником Долговым, что, ввиду политических перемен в Болгарии, я должен вернуться в Белград, о чем его предупредил генерал Шатилов, находящийся в Софии. Я провел в ожидании обратного поезда тихий спокойный вечер в обществе милой четы Долговых.

Переехав границу и попав в Болгарию, вы чувствовали, что Европа осталась позади и вы находитесь на Балканах. Из всех столиц, которые мне суждено было проезжать, София оставляла самое неотрадное впечатление. Уже самый вокзал грязный, наполненный солдатней и селяками; около него жалкая площадь с одинокими провинциальными извозчиками и рядом трамвай, тоже общипанного вида. Сам город расположен на высоте 550 метров над уровнем моря у подножия горы Витоша. Климат довольно суровый, температура колеблется между +35 градусов летом до —20 зимой.

София в то время еще не оправилась от войны 1914–1917 годов: оккупация союзников и революционные выступления, которые заставили Царя Фердинанда отречься от престола и спешно уехать в Австрию. На престол вступил его сын, Царь Борис, крестник нашего Государя, который искусно справился с народным положением и сумел завоевать любовь и доверие

своего народа.

В центре города, около дворца и русской церкви, город имел характер хорошего русского губернского города. Дома здесь были выше и лучше, публика более нарядная. Главная улица этой части города – бульвар Царь-Освободитель – представляет собой широкий бульвар, упирающийся в громадный парк «Борисова Градина». В знак благодарной памяти России за освобождение Болгарии от турецкого рабства в 1877–1878 годах многие улицы получили названия или в честь прославившихся в ту войну русских генералов (бульвар Скобелев, бульвар Дондуков, бульвар Граф Игнатьев), или в память особенно упорных боев (улица Шипка), а также наименования русских городов (например, Московская улица).

В различных частях города были поставлены памятники: Царю-Освободителю – благодарная Болгария; медицинскому персоналу, погибшему во время войны (Докторский памятник), и вообще русским, павшими за освобождение Болгарии (Русский памятник). На шоссе, идущем в Софию из Этрополя, при въезде в город стоял памятник начальнику 3-й гвардейской пехотной дивизии генералу Каталею, павшему на этом месте при занятии Софии.

Хорошие гостиницы, которых было немного, стоили очень дорого, а гостиницы средней руки и многие дома кишели клопами (дервеница). Все местные жители безусловно понимали по-русски, многие из них окончили средние учебные заведения и корпуса в России. Почти все говорили на «ты», причем при отрицании качали утвердительно головой и наоборот, что часто бывало причиной комических недоразумений.

Из достопримечательностей города в первую очередь следует поставить построенный по проектам русских архитекторов, с чудной живописью внутри русских (Васнецов), чешских и болгарских художников, прекрасным, художественно исполненным иконостасом и великолепным троном для Царя собор-памятник святого Александра Невского. Затем большой парк «Борисова Градина», русская церковь, построенная и расписанная в русском стиле, и отличные бани, действительно прекрасное заведение, построенное с большим восточным комфортом и с горячей минеральной водой, бившей тут же из-под земли и обладавшей целебными свойствами.

Продовольствия было вдоволь и сравнительно недорого, но жизнь была тяжелая и жирная, рестораны и пивные были по вечерам полны публикой, ужинавшей под звуки румынской музыки и подхватывающей хором куплеты любимых песен, среди которых большим успехом пользовалась песня «Шуми Марица».

Жители были гостеприимны и относились к русским, за исключением «германофилов», в общем хорошо. Русским посланником был в то время Петряев, военным агентом – генерал Ронжин.

Дальше путь от Софии до Адрианополя опять очень живописен, особенно около Пловдива (Филиппополя). Он лежит вдоль долины шумной Марицы, пересекая ее много раз. Природа дикая, много туннелей. Но после Адрианополя дорога до Константинополя проходит по почти безлюдной и совершенно открытой местности.

Вот появляются знакомые названия – Гаталджа, где проходила турецкая позиция в войне 1914–1917 годов, и далее столь знакомое нам Сан-Стефано. Пейзажи меняются, у Гаталджи появляются горы, и далее уже видно Мраморное море. Хочется представить себе биваки наших гвардейских частей в 1878 году, перед их отправкой морем через Константинополь в Одессу после подписания Сан-Стефанского мира.

Меня предупредили еще раньше, что на вокзале в Константинополе надо быть особенно осторожным со своим багажом, и это предупреждение было не лишнее. Еще не успел поезд подойти к платформе, как в вагон врываются несколько носильщиков, ругаясь и отпихивая один другого, – они буквально вырывают багаж из ваших рук, даже не спрашивая вашего согласия. После недолгой борьбы я сохранил свои вещи и предпочитал нести их сам, чем вызвал у этих бандитов большое возмущение и разочарование.

Как результат Версальского мира, Константинополь был оккупирован англичанами, французами, итальянцами и даже греками. Вокзал в Стамбуле (часть города, где жили главным образом турки) являлся тупиком железнодорожной сети, связывающей Европу с Константинополем. Чтобы попасть в другие части города – Торговую Палату и нагорную Пера (где главным образом жили греки), – надо было перейти мост, перекинутый через Золотой Рог (залив Босфора). По правую сторону от моста находились пристани пароходов, совершавших рейсы между городом и Скутари на азиатском берегу, где было большое кладбище, и Принцевыми островами и далее. От этих пароходов шел дым, который преследовал всех шедших по мосту. Чтобы перейти мост, надо было платить особую таксу (гроши), для чего на тротуарах при входе на мост с обеих сторон стояли особые сборщики с кружками, и сзади них – особый контролер, задачей которого было следить, чтобы эта монета попадала бы в кружки, а не в карманы сборщиков, а также ловля уклоняющихся от этой повинности. Можно было подняться в город на грязном,

но довольно вместительном фуникулере или же пешком по Галатской лестнице, которая начиналась внизу, в Галате, и кончалась наверху, около улицы Пера. На этой лестнице шла очень оживленная торговля всем чем попало, немало русских продавали здесь и свои вещи, и свои изделия.

Отношение иностранцев-союзников к русским в общем было благожелательное, но русские все же ожидали большего. Что же касается местного населения, то можно с уверенностью сказать, что турки относились очень хорошо и русские военные в форме могли появляться во всех частях города, даже в Азиатской части (Скутари), чего не могли себе позволить другие иностранцы, так как на них часто нападали, преимущественно по ночам. Часто входя во двор мечетей, где почти всегда помещались кофейни, можно было видеть приветственные жесты турок и возгласы: «Урус карош!»

Нашим посланником был Нератов, секретари – Извольский и князь Гагарин. Военным агентом – генерал Чертков[43], которому генерал Врангель поручил организовать вывоз беженцев на Балканы. Генерал барон Нолькен[44] был привлечен к работе по агентуре, но его работа главным образом выражалась в наборе переводчиков для сопровождения полицейских патрулей и улаживания всяких недоразумений между русскими и иностранцами.

В смысле продовольствия в Константинополе было полное изобилие плодов земных, главным образом было много всяких сладостей в виде жирных сладких пирожков. Но цены на все были очень высокие по сравнению с ценами в Европе. Турецкий фунт котировался очень дорого, и за обед в среднем ресторане платили около половины турецкого фунта. Деньги были бумажные, кроме мелких монет, причем, как и всюду на Балканах, чрезвычайно грязные и рваные, особенно такие ходкие, как 2 с половиной пиастра (юс пара).

Торговля шла и днем и вечером, и парикмахерские были открыты даже 24 часа в сутки. Турки очень любили бродить по ночам и питаться пирожками и бараньими головами, которые разносчики разносили всюду, особенно в районе Золотого Рога. Население было чрезвычайно смешанное, и теперь к нему прибавилось еще большое количество русских беженцев из Крыма и из Новороссийска, которых было, так же как в Белграде, очень легко узнать среди этой разношерстной толпы. Особенно много русских толпилось во дворе русского посольства на улице Пера.

С приездом русских в городе появилось много русских ресторанов с русскими названиями, русский театр (оперетка) под открытым небом, ночные кабаре и пр. Вообще же

изобретательность и находчивость русских была поразительна. В Стамбуле, где жили почти одни турки, наши предприимчивые сородичи открыли бега тараканов с тотализатором, который приносил немало дохода владельцам этих бегов.

Нельзя сказать, чтобы все мои путешествия проходили гладко. Пришлось и «посидеть», и пережить несколько неприятных моментов. Первая неприятность произошла на небольшой железнодорожной станции в Турции. Я возвращался из Константинополя в Белград и спокойно дремал в своем купе, как вдруг в него вошел французский офицер в сопровождении жандарма (он догнал нас на скором поезде «Ориент-Экспресс», который на этой станции обогнал наш поезд). Проверив мои документы, офицер назвал себя – он оказался инспектором специальной полиции – и предложил мне сойти с поезда со всем моим багажом, который он в помещении вокзала вскрыл и бегло прочитал всю корреспонденцию, не исключая и частных писем генерала Врангеля к его жене, проживавшей в то время в Венгрии. Он мне сообщил, что лично я свободен, но всю почту он арестовывает. Так как обратного поезда в этот день не было, нам пришлось просидеть на этой станции всю ночь, и лишь на следующий день мы вернулись обратно в Константинополь. Я немедленно отправился в наше посольство и доложил об этом инциденте нашему послу Нератову. Последний, я знаю, заявил протест, в результате чего часть почты ему вернули через два дня, а часть оставалась долгое время задержанной.

В это время в Болгарии вспыхнула железнодорожная забастовка, и мне было предложено вернуться в Белград через Салоники. Я сел на пароход Триестинского Ллойда «Африка» и в результате проделал прекрасное морское путешествие по Мраморному морю. Затем мы заходили в Дедеагач и Каваллу, где пароход долго грузился табаком.

Меня предупредили, что в Греции, особенно в Салониках, очень рискованно оставлять багаж на хранение, и поэтому я с пристани прямо проехал через грязный и пыльный город на не менее грязный вокзал и вечером сел в поезд, отходивший на Белград. Перед отходом поезда на каждую площадку вагона стали один-два вооруженных русских офицера, которые на мой вопрос, что означает их присутствие здесь, ответили мне, что они являются охраной пассажирских поездов от грабежей разбойничьих банд, которыми полна эта горная местность около Салоник. Конвой этот сопровождал ежедневно поезда в оба конца.

Вторая неприятность случилась позже в Болгарии. Возвращаясь из Константинополя, я, как обычно, на сутки задержался в Софии и попал в очередной политический

переворот. Правительство Стамболийского пало, и власть перешла в руки левых. Я ужинал у нашего военного представителя, генерала Ронжина, у которого в этот вечер собралась компания поиграть в карты. Среди присутствующих находился и начальник болгарской полиции, к которому генерал Ронжин обратился с таким вопросом: «Ведь вы не будете чинить препятствий к переезду через границу нашему курьеру?» На это начальник полиции заверил генерала, что он никаких распоряжений по этому вопросу не получал и что я могу свободно продолжать свой путь. Прощаясь же со мной, генерал Ронжин сказал мне: «Не верю им и поэтому ограничусь самой малой почтой».

Я благополучно выехал из Софии. На вокзале меня, как всегда, провожал некто Герман. Этот Герман носил форму русского солдата, вернее, санитара и делал на вокзале много одолжений не только мне, но и многим беженцам, проезжавшим через Софию. Всегда очень услужливый, он был незаменим в тех случаях, когда нужно было достать билет на поезд, место в вагоне, комнату в гостинице и пр., причем всякий раз отказывался от каких-либо вознаграждений. Это ставило меня в необходимость привозить ему какие-нибудь подарки. По моей же просьбе генерал Врангель наградил его серебряной медалью с надписью «За усердие», которую Герман носил с гордостью. Как-то в одну из моих поездок Герман, провожая меня на вокзал, просил моего разрешения сфотографировать меня в окне вагона, что и исполнил. Эта фотография до сих пор хранится у меня.

Доехав до границы (станция Драгоман), я был арестован болгарским полицейским в штатском платье. Его сопровождал некий господин Гайкин, русский, о котором говорили, что он бывший морской офицер и ныне служит у большевиков. Перерыв все мои вещи, но не тронув дипломатической почты, полицейский забрал у меня рубашку, двести французских франков и плитку шоколада. Этот болгарский страж порядка забрал также несколько бриллиантов, которые мне дала одна знакомая дама в Белграде с просьбой продать их в Константинополе и которые я вез обратно, так как продать их там не удалось. Я заявил Гайкину мой энергичный протест относительно этих бриллиантов, указывая, что эти вещи не мои, и в результате переговоров Гайкина с полицейским последний вернул их мне, присвоив себе все остальное.

Поздно вечером меня доставили обратно в Софию, где привезли в помещение градоначальника и заперли в его кабинете. Там я провел трое суток, сильно страдая по ночам от громадного количества насекомых. Я был в отчаянии от неизвестности и от

невозможности дать знать генералу Ронжину о моем аресте. На третий день моего заключения (меня отпускали обедать и ужинать в ресторан в сопровождении жандарма) в кабинет неожиданно вошел начальник болгарского Генерального штаба, который на чистом русском языке (он окончил курс Николаевской военной академии в Петербурге) расспросил меня о причине и подробностях моего ареста и обещал оказать полное содействие и взять меня под свою защиту. На следующий день меня вызвали на допрос в Главный суд, где предъявили обвинение в том, что я, будучи арестован, дал полицейскому взятку – двести франков – за то, чтобы меня отпустили. Я рассказал всю правду, и все дело этим и окончилось. Меня доставили на вокзал и в сопровождении жандарма отправили до границы. Небольшая почта, что я вез с собою, как мне помнится, была мне возвращена.

Через месяц я опять спокойно проезжал через Софию, но Германа уже на вокзале не видел, как ни в тот раз, так и в мои последующие поездки. Мне стало ясно, что мой арест был не без его участия и снятая им фотография лишь облегчила ему эту задачу.

Третья задержка в пути произошла, очевидно, по ложному доносу. Прибыв из Берлина на станцию Суботица (сербская граница), я был довольно грубо арестован сербским жандармом, который вынес из вагона мои чемоданы на перрон и пригласил следовать за ним. Кто-то в штатском подверг меня самому тщательному обыску, а затем приступил к осмотру моих чемоданов. На мое несчастье, на самом верху одного из них лежало несколько советских газет, продажа которых в Сербии была запрещена, но в Германии они продавались свободно. Эти газеты посылались регулярно в разведывательное отделение штаба генерала Врангеля, и обычно они были в дипломатической почте, а те, что попались взору производившего осмотр моих вещей, были доставлены мне в самый последний момент и не попали в «дипломатическую вализу». Меня сразу же обвинили в принадлежности к большевикам, и я понял, что дело серьезное. На вопрос, кто меня знает в Югославии, я промолчал о моей дружбе с Королевичем Александром, но ответил, что знают меня и генерал Врангель, и наш посланник. Не могу сказать, убедительны ли были мои ответы, но все же, не тронув почты, они отправили меня в сопровождении жандарма в Сремски Карловцы, где мое алиби было сразу же доказано.

Но этим дело не кончилось. В тот же день адъютант генерала Врангеля, Н.П. Аяхов[45], который ехал в поезде из Сремски Карловцев в Белград, подвергся обыску и допросу, причем жандарм ставил ему в вину то, что он ехал под вымышленной

фамилией, то есть что он на самом деле Каменский, а не Аяхов…

На следующий день я пил чай у генерала Врангеля и рассказывал ему про свой арест на станции Суботица. В это время вошел его денщик и доложил генералу, что прибыли сербские жандармы для моего ареста. Видя, что это недоразумение еще не окончилось, генерал Врангель попросил генерала Климовича отправиться в Белград и разобраться, в чем дело. Меня же генерал просил не выезжать из Сремски Карловцев. Через три дня все выяснилось. Генерал Климович мне рассказал, что в Белграде были получены сведения, которые сообщали, что я опасный коммунист, готовящий покушение на жизнь генерала Врангеля, вследствие чего было отдано приказание о моем аресте не только на пограничные пункты, но и во все гостиницы.

После переезда разведывательного отделения штаба в Париж мои поездки совершались лишь по линии Париж – Сремски Карловцы— Белград и обратно (через Вену и Будапешт). Дорога эта была много легче, так как был прямой поезд из Парижа до Белграда.

Насколько большевики интересовались почтой, которую мне приходилось возить, служит следующий факт. Как-то раз во дворе нашего посольства в Париже ко мне подошел какой-то человек и, назвав мою фамилию, сообщил мне, что у него есть ко мне дело и для переговоров он просит меня зайти с ним в ближайшее кафе. Так как физиономия его мне не внушала доверия, я отказался от этого приглашения, предложив ему здесь же сказать, в чем заключалось его дело. А заключалось оно в следующем. По словам этого субъекта, одна «правая» организация (какая именно, он не может сказать) очень заинтересована перепиской генерала Миллера с генералом Врангелем и предлагает мне одолжить на одну ночь (конечно, за хорошее вознаграждение) всю почту, с тем условием, что все печати останутся в полной сохранности. Я категорически отверг это предложение, но мой собеседник все же настаивал на этом и назначил мне свидание в тот же вечер в каком-то кафе. Я доложил обо всем этом генералу Миллеру, предложив обмануть эту «правую» организацию путем передачи ей совершенно невинных и специально для этого изготовленных бумаг, но генерал Миллер, посоветовавшись с полковником Архангельским, отклонил мое предложение на том основании, что это очень опасно, так как большевики могут в таком случае сами положить компрометирующие документы и передать их французскому правительству с целью дискредитировать белые военные организации. Да и самый факт, что курьер генерала Врангеля «продал» доверенную ему почту, не говорил бы в нашу пользу. Были приняты лишь меры, чтобы оградить меня от

всякого посягательства на дипломатическую почту. Я прибыл на вокзал без нее, а она была доставлена мне туда и уложена в чемодан уже в вагоне поезда.

П. Шатилов[46]
Расселение армии по Балканским странам[47]

Стремление союзного оккупационного командования в Константинополе распылить находившуюся в лагерях армию заставило генерала Врангеля наметить выполнение ряда реальных шагов с целью в быстрейший срок осуществить расселение армии по Балканским и другим дружественным нам странам. В числе таких мероприятий было решение о моей поездке в Софию и Белград. Целью моей поездки было личное обращение к представителям правительственной власти, к президиуму парламентов и монархам Королевства С.Х.С. и Царства Болгарии с просьбой о принятии наших контингентов.

К этому времени, то есть к концу марта 1921 года, закончились переговоры об образовании в Константинополе Русского Совета; этим достигалась возможность обратиться к парламентам Балканских государств от имени объединенной русской общественности в Константинополе. Перед моим отъездом Главнокомандующий собрал у себя не только лиц, намечавшихся к участию в Русском Совете, но и наиболее видных представителей тех общественных группировок, которые относились к выработанному «положению о Русском Совете» отрицательно. К этим последним принадлежали казаки из Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека и председатели Земского и Городского Союзов.

Однако при обмене мнений выяснилось полное единодушие присутствующих – ив вопросе существующего напора союзников в целях распыления армии, и в одобрении той позиции, на какую стало русское Главное командование, и в необходимости скорейшего перемещения армии в Балканские страны. Тут же было решено написать от имени Главнокомандующего, казаков и общественных организаций обращение к председателям Скупщины Королевства С.Х.С. и Народного Собрания Болгарии, с просьбой оказать содействие к принятию контингентов армии. Составление обращения было поручено В.В. Шульгину, и оно должно было быть написано по-русски. Одновременно было решено, что генерал Врангель непосредственно обратится с письмами к Королевичу Александру и Царю Борису.

Вместе с тем, для подкрепления моих обращений и для создания наиболее благоприятной обстановки на местах, было решено командировать со мной двух представителей

общественных организаций. Выбор пал на Н.Н. Львова и А.С. Хрипунова. Один являлся представителем правого крыла общественности, другой – левого. На следующий день эти письменные обращения должны были быть готовы, и присутствовавшие на совещании должны были прийти и под ними подписаться.

Тексты обращений были составлены под свежим впечатлением острых недоразумений, происшедших на Лемносе между представителями нашей армии и представителями французского командования, и носили несколько тенденциозный характер. Действия французов были обрисованы в преувеличенном виде. Вернее, были сильно сгущены краски. Так, например, при упоминании мотивов, приводимых к просьбе «дать приют Русской Армии на славянской земле», говорилось, что «в ту минуту, когда армия может оказаться всего нужнее, безжалостно разрушают ее. Разрушают, несмотря на то что в тяжелом изгнании, на чужой земле, она дала высшее доказательство патриотизма, твердости духа и безусловного повиновения своим начальникам». Далее говорилось, что «на острове Лемносе, под прикрытием пулеметов и судовой артиллерии, офицеры были насильственно отделены от солдат. Лишенной своих руководителей солдатской массе, под угрозой немедленного лишения пищи и голодной смерти, приказано было сесть на пароходы, чтобы ехать в Советскую Россию…».

Подписание этого обращения не прошло без инцидента. Представители казаков, председатели донского правительства генерал Апостолов[48] и кубанского – Д.Е. Скобцов, не пожелали поначалу его подписать вовсе, так как оно было редактировано от имени Главнокомандующего и представителей разных политических направлений и казачества, объединившихся в Русском Совете. Казаки мотивировали свой отказ тем, что они от участия в Совете отказались. Когда же им было сказано, что если они не хотят, то это их дело и никто их на подписание не вызывал, то они сами обратились с предложением изменить редакцию, формулировав ее таким образом, что обращение делается от имени Главнокомандующего, представителей казачества и представителей различных политических течений, объединенных в Русском Совете. По существу, они никакого изменения не вносили, почему им отказано не было. Это лишь отняло время и затруднило подписание обращения, так как под обращением в первой редакции уже стояло много подписей, а созывать подписавшихся вновь было очень затруднительно.

Пришлось прибегнуть к резинке и перочинному ножу. В тот же день только что образованной «Политической частью» были

составлены на французском языке письма Главнокомандующего – Королевичу Александру и Царю Борису. В этих письмах обстановка, складывавшаяся для армии, была обрисована в более мягких тонах. В конце письма генерал Врангель просил монархов принять в их страны «русских патриотов, взоры и сердца которых направились на братские народы и на их Державных Вождей». В заключение же говорилось, что письма эти доставляются мною, начальником штаба Главнокомандующего, и в случае, если бы монархам угодно было выслушать дополнительные сведения, то «генерал Шатилов немедленно же для этого представится по первому требованию» монархов.

Перед отъездом я получил от генерала Врангеля указание, по которому при разрешении вопросов о расселении армии надлежало придерживаться следующих положений.

1) Чтобы части армии принимались при обязательном условии сохранения их военной организации.

2) Чтобы при предоставлении государственных, общественных или частных работ расселенным частям принимались бы меры к постановке их целыми воинскими организациями.

3) Если подходящих работ на весь состав армии не окажется возможным найти, то просить до приискания работ расселить части армии по пустующим казармам организованными частями.

4 апреля 1921 года я выехал в Белград. Проезжая через Софию, где на вокзал ко мне выехали навстречу наш посланник А.М. Петряев и военный представитель Главнокомандующего генерал Вязмитинов, я им сообщил о целях моей поездки, о врученных мне письмах и обращениях и просил их к моему приезду в Софию, куда я рассчитывал попасть дней через десять, подготовить почву, как в общественных, так и в правительственных кругах. Обещав все это выполнить, А.М. Петряев вместе с тем заметил, что успех моих переговоров в Софии будет зависеть исключительно от результатов переговоров в Белграде. По его словам, болгарское правительство чрезвычайно чутко следит за позицией Белграда и, желая установить с Сербией возможно близкие отношения в русском вопросе, будет придерживаться точки зрения победившего ее соседа. Это же мне подтвердил и генерал Вязмитинов, недавно говоривший о возможности переселения частей армии в Болгарию с начальником штаба Болгарской армии полковником Топалджиковым. Таким образом, выходило, что центром тяжести моих переговоров является Белград.

После получасовой стоянки в Софии наш поезд отправился в Белград, куда мы прибыли днем 6 апреля. В тот же день я

побывал у нашего посланника В.Н. Штрандтмана и нашего военного агента Д.Н. Потоцкого[49]. Из разговоров с ними я выяснил, что и Штрандтман, и Потоцкий уже предприняли шаги к тому, чтобы склонить правительство Королевства принять наши контингенты для постановки на работу массового порядка. Однако эти шаги до того времени существенных результатов не дали. Потоцкий мне доложил, что в военном министерстве имеется предположение использовать чинов армии на службу в пограничной страже, к организации которой будет приступлено в ближайшее время.

Со Штрандтманом мы наметили порядок моей работы, который должен был явиться в таком виде. Прежде всего надо было добиться свидания с председателем правительства Н. Пашичем, затем представиться Королевичу Александру и параллельно сделать визиты всем министрам и наиболее влиятельным политическим деятелям. Штрандтман предложил сопутствовать мне при нанесении визитов и при беседе с Пашичем. Передачу же обращений председателю Скупщины он просил сделать без него, так как по установленным международным правилам официальные переговоры дипломатических представителей с президиумом парламентов иметь место не должны. Письмо Королевичу-Регенту решено было отправить через Пашича, с особым от меня письмом, в котором просить о передаче письма Его Высочеству и о назначении мне Пашичем приема в возможно непродолжительном времени.

Установив этот порядок официальной работы, мы приступили с Штрандтманом к визитам министрам и другим лицам. Заставали мы очень немногих. Из разговоров же с теми, которых заставали, мне стало ясно, что все дело зависит исключительно от решения Пашича. Некоторые министры это определенно и заявляли. Между тем приехавшие со мной Н.Н. Львов и А.С. Хрипунов посетили русских общественных деятелей Белграда и наметили с ними устроить целый ряд докладов о положении Русской армии в лагерях. На эти сообщения решено было привлечь возможно больше влиятельных сербов, дабы путем общественного давления повлиять на решение правительства на делаемое мною представление. На тех же лекциях присутствовал и я и делал доклады о положении армии, об усилиях союзников распылить ее и о необходимости для ее спасения принять все меры к расселению армии в славянских странах.

Кроме того, я принял меры и к воздействию на сербскую печать, в чем мне самую существенную помощь оказал бывший сотрудник петербургского «Нового Времени» – Ксюнин. Он познакомил меня с заведующим бюро печати в Министерстве

иностранных дел, который и оказал нам свое содействие помещением в некоторых наиболее ходких газетах благоприятной нам информации. Одновременно с этим появились статьи о тяжелом положении армии и о долге сербского народа помочь, как некогда русский народ помог Сербии в ее бедствии.

Почти одновременно со мной в Белград прибыли и атаманы – генералы Богаевский[50] и Науменко[51]. Они побывали у Штрандтмана и участвовали вместе со мною на докладах, организованных Львовым и Хрипуновым. На одном из докладов генерал Богаевский подчеркнул особенную тягость положения казаков на Лемносе и высказал надежду, что Главное командование выведет их в первую очередь. Я на это ответил, что Главнокомандующий не раз подтверждал, что все части армии ему одинаково дороги и близки и что, конечно, в первую очередь будут перевезены те части, которым тягостнее всего; если обстановка ко времени переезда не изменится, в первую очередь будут перевезены части, находящиеся на Лемносе. После этого моего заявления генерал Богаевский сказал, что теперь за участь казаков он совершенно спокоен.

К сожалению, нарушение наших добрых отношений с атаманами, вернее, с их правительствами сказалось и здесь, в Сербии. Один из здешних их представителей, Мельников, стал проявлять определенную «самостийность» и желание отмежеваться и от нашего правительственного уполномоченного по делам беженцев С.Н. Палеолога, и даже от русского посланника. Правда, старания его добиться от сербов официального признания представительства казаков встречали полное противодействие, но зато некоторые русские члены Державной комиссии (ведающей ассигнованиями сербских денег на беженцев) старались поддержать домогания Мельникова и Сушкова, представителя кубанского атамана. Эти лица не останавливались ни перед чем, чтобы проводить свои сепаратистские и левые убеждения.

Что касается В.Н. Штрандтмана, то он старался быть возможно более внимательным к атаманам, но всегда подчеркивал свое отрицательное отношение ко всяким проявлениям самостийного направления. На это его толкала, главным образом, позиция правительства Королевства, которое не признавало никаких государственных образований, возникших на территории бывшей России.

Наконец, 10 апреля состоялось посещение нами председателя Скупщины. Он принял нас в своем служебном кабинете, во временном здании Скупщины. На этот прием, кроме меня, Н.Н. Львова и А.С. Хрипунова, прибыли и два атамана. Говорили мы

по-русски, председатель отвечал по-сербски. Я ему вручил обращение к Скупщине, переданное мне в Константинополе, которое за несколько дней перед приемом пожелали подписать и атаманы. В кратких чертах я ему изложил неблагоприятно сложившуюся для армии, в районе проливов, обстановку и просил оказать содействие в принятии ее контингентов на территорию Королевства.

В ответ мы получили заверение в полном нам сочувствии, но вместе с тем и напоминание, что распорядительные функции власти в Королевстве принадлежат правительству, поэтому участие его, как председателя Скупщины, почти вовсе исключается. Мы все же просили его поговорить с Николой Пашичем и оказать на него давление. Получив довольно уклончивый ответ, мы с ним расстались.

Для меня становилось все яснее и яснее, что только от Пашича зависит решение нашей участи. В тот же день я был у В.Н. Штрандтмана и высказал ему это мое убеждение, на что получил ответ, что это не совсем так. Штрандтман говорил, что если бы вопрос зависел только от Пашича, то дело было бы решено в положительном смысле и в полном объеме, но Пашич не достаточно самостоятелен и ему в решении русского вопроса мешают министры-демократы, обработать которых он и должен до внесения нашего дела на обсуждение в Совете министров. Этим Штрандтман и объяснял задержку Пашичем моего приема.

Когда прошло около пяти дней после подачи мною Пашичу письма с просьбой назначения приема и с приложением обращения генерала Врангеля к Королевичу, а из секретариата председателя правительства ни Штрандтман, ни я не получали ни одного слова, я обратился к посланнику с просьбой лично обратиться в секретариат и просить срочно меня принять. После некоторого упорства Штрандтман, наконец, согласился и написал Пашичу об этом письмо, которое и отвез личному его секретарю. Я пошел вместе с Штрандтманом, дабы своим присутствием подтолкнуть необычайно осторожного Василия Николаевича в своих действиях. Секретарь обещал в тот же день лично доложить письмо Пашичу и дать ответ по телефону.

Прошел день, прошел другой, а ответа все нет. Пошел я опять к посланнику и выразил ему свое беспокойство. Я предложил Штрандтману избрать другой путь – непосредственно обратиться к Королевичу-Регенту, которому я должен был представиться уже после приема у Пашича. Штрандтман запротестовал и просил меня этого не делать. Я тогда предложил ему написать, уже от себя, письмо Пашичу, в котором упомянуть, что больше я ждать не могу, что обязанности моей службы призывают меня в

Константинополь и что возвращение мое без определенного ответа повлияет на войска угнетающим образом. Сначала посланник протестовал, но затем согласился на эту меру, взяв с меня обещание, что письмо Пашичу будет написано не в очень горячем тоне. Я ему на это ответил, что как и раньше, так и впредь всякое мое обращение к правительственным лицам Королевства я обязательно буду давать ему на просмотр еще в черновом виде. Кроме того, я по-прежнему буду просить его брать на себя их передачу. Штрандтман успокоился, и письмо на следующий день было отправлено.

Уже к вечеру этого дня я получил извещение через посланника, что 14 апреля я буду принят Пашичем. Мы решили с Штрандтманом идти вместе. К этому времени я заготовил справку, в которой изложил обстановку в военных лагерях, дал цифровые данные и просил согласия на принятие около 15 тысяч на работы и около 10 тысяч на службу в пограничную стражу. Захватив эту справку с собой, я отправился со Штрандтманом в Министерство иностранных дел, где помещался служебный кабинет «Председника Влады» (председателя правительства), в котором Пашич нас и принял.

Пашича я увидел в первый раз. Это был глубокий старик, небольшого роста, довольно плотный, с серой бородой и с добрыми, потухшими глазами. По первому впечатлению, мне стало страшно за успех моих действий. Мне казалось, что такой старик, как Пашич, не сможет уже понять нашу идеологию, наше стремление сохранить армию, не сумеет оценить ее значение и не разберется в том влиянии на ее моральное состояние, какое имеют действия союзных оккупационных властей. Мне также показалось более чем странным, что управление новым, созидавшимся государством поручено в самый сложный для него период такому старику, как Пашич. Однако мои опасения и первое впечатление оказались совершенно неверными. Уже после первых же слов я почувствовал, что Пашич не таков, каким он мне показался с первого взгляда.

Беседа наша с Пашичем продолжалась около часу. Мы разговаривали на русском языке, который Пашич понимал совсем хорошо и на котором понятно объяснялся. Подав справку, я просил Пашича дать мне определенный ответ. Пашич это сделать не хотел и лишь обещал сделать все возможное, чтобы оказать нам помощь в тяжелое для нас время. Однако я к нему так пристал, что он должен был дать мне обещание в ближайшее же заседание Совета министров провести вопрос о принятии на работы первой партии наших контингентов, в числе 5 тысяч человек. Кроме того, он выразил согласие на принятие еще

нескольких тысяч человек на службу в пограничную стражу, причем с деталями о точном числе принимаемых в эту службу предложил мне обратиться к военному министру. Что же касается дальнейшего приема наших частей, то Пашич считал необходимым в будущем приискать для них соответствующие работы, каковые в настоящее время, распоряжением правительства, еще не производятся. На это я просил Пашича дать мне определенный ответ – даст ли правительство приют армии и ее командованию на территории Королевства, если мы изыщем средства для ее содержания?

Ответ был положительный. Этим разговор наш закончился. Конечно, результатом его не было полное решение судьбы армии, но все же начало было положено, и можно было ожидать в дальнейшем постепенного выполнения плана вывода армии из лагерей.

На следующий день, вместе с генералом Потоцким, мы посетили военного министра, генерала Иовановича, чтобы выяснить возможности принять в пограничную стражу часть наших контингентов. Я передал министру сущность моего разговора с Пашичем и просил его высказать свои соображения. Он отнесся сочувственно к вопросу о принятии наших контингентов, особенно после того, как я его заверил, что для заполнения предоставленных нам вакансий в пограничной страже мы выберем наиболее дисциплинированные и наиболее приспособленные для этого части.

Целый ряд вопросов, осложняющих прием наших контингентов, например о положении офицеров, о предоставлении нам командных должностей ит. п., я умышленно не поднимал, чтобы сразу не провалить дело. Эти вопросы я решил поднять уже после того, как принятие наших частей на границу выльется в реальные формы. Наиболее существенным являлся тогда вопрос о числе принимаемых. Этот вопрос я старался выяснить, но вполне определенного ответа не получил, так как и сам военный министр на него положительно ответить не мог. Примерное число определялось от 5 до 7 тысяч человек. Кроме того, меня, конечно, интересовал и вопрос о сроке приема, который также точно определен не был, но он намечался на май или июнь месяцы.

Ко времени моего пребывания в Белграде король Петр уже совершенно устранился по болезни от дел и его замещал королевич-регент Александр. Личность Королевича давала мне большие надежды на оказание нам помощи. Прежде всего, королевич Александр, как получивший воспитание в России, с особой симпатией относился к судьбе нашей армии, которая

подняла свой меч на защиту Сербии в 1914 году. Кроме того, являясь народным героем во время войны и освободителем своего отечества, он, несмотря на конституционные условия правления, казалось, должен был бы иметь значительное влияние в решении государственных вопросов. Личная близость к нему Пашича должна была этому содействовать. По этим соображениям я придавал моему представлению Королевичу не только значение выполнения акта обязательства, но и рассчитывал попытаться достигнуть и его вмешательства в решение вопроса о переселении нашей армии.

15 апреля я получил от Штрандтмана уведомление о том, что на следующий день, в 5 часов вечера, я буду принят королевичем Александром.

Я тотчас стал подготовлять подробную справку, которую я решил подать при моем представлении в виде доклада по поручению Главнокомандующего. Я заготовил донесение в двух экземплярах, из которых одно, еще до представления Королевичу, послал при особом письме Пашичу для сведения. Донесение это я дал предварительно для просмотра нашему посланнику, который попросил внести несколько редакционных исправлений, что мною и было исполнено.

В назначенный час я прибыл во временный дворец Королевича. Я был принят им в его гостиной. Начал разговор Королевич на русском языке, иногда переходя на французский. Я предложил Королевичу говорить по-французски, чем он немедленно же и воспользовался, так как русский язык он стал, по-видимому, забывать. По его предложению я ему прочел (по-русски) поданный ему мною доклад, который он очень внимательно выслушал. Затем он мне сказал, что он имел уже по этому вопросу беседу с председателем правительства, который ему передал о нашем с ним разговоре. Я очень просил Королевича посодействовать Главнокомандующему в вопросе размещения армии в Королевстве и дать толчок к скорейшему разрешению этого вопроса, а также и к увеличению числа принимаемых в первую очередь. Королевич дал свое обещание и, перед тем как меня отпустить, просил меня передать ему, как именно понял я ответ Пашича на заданные мною ему вопросы. На это попросил я разрешения ответить ему по-русски, так как я хотел бы, ввиду важности вопроса, подчеркнуть все детали. Получив на это согласие, я доложил следующее.

1) Председник Влады дал принципиальное согласие на принятие Русской Армии на территорию Королевства С.Х.С., с тем чтобы содержание контингентов, не принятых на работы или в пограничную стражу, нисколько не легло бы на средства страны.

2) К переезду в Королевство вместе с армией и ее командования – препятствий не встречается.

3) На работы в ближайшее время будет принято около 5 тысяч человек.

4) Дальнейший прием на работы будет возможен по мере приискания подходящих массовых работ.

5) На службу в пограничную стражу будет принято несколько тысяч человек, точное количество и срок принятия которых будут определены военным министром.

Королевич мне на это сказал, что это именно то, о чем говорил ему Пашич. На мой вопрос, смогу ли я передать этот ответ Главнокомандующему от имени Его Высочества, Королевич ответил мне положительно.

Представление мое королевичу Александру произвело на меня самое благоприятное впечатление, как той деловитостью, которая была проявлена Королевичем, так и его сердечностью и внимательностью к нашему тяжелому положению. Что же касается впечатления, произведенного лично им, то оно до некоторой степени напоминало то обаяние, которое производил наш покойный Государь. Та же простота обращения, то же доброжелательство в разговоре; не хватало только того ясного и бесконечно доброго взгляда, выражение которого сразу подкупало к себе всех, видевших Государя впервые.

После представления королевичу Александру, возложив на генерала Потоцкого ведение дальнейших переговоров о принятии первой партии на работы и на службу в пограничную стражу и получив от Штрандтмана обещание постепенно подталкивать решение нашего дела, я 17 апреля выехал в Софию.

Перед отъездом из Белграда, посоветовавшись со Штрандтманом, я написал письмо нашему послу в Вашингтоне Бахметеву. В нем я указал на тяжесть сложившейся для нас в Константинополе обстановки и на согласие правительства С.Х.С. принять наши контингенты, если будут на их содержание изысканы средства. Поэтому я просил Бахметева выполнить его патриотический долг и обеспечить имеющимися в его распоряжении средствами существование, хотя бы на первое время, части армии, перевезенной в Сербию. Письмо это я прочел В.Н. Штрандтману, который вполне его одобрил и обещал с первой же оказией послать его через Париж, с аналогичным своим письмом своему американскому коллеге. Ответа на мое письмо я не получил, но спустя некоторое время Штрандтман мне передал, что он получил ответ Бахметева, который просил передать и мне, что им будет сделано все возможное для ассигнования достаточных средств на переселение армии.

Приехав в Софию, я узнал от генерала Вязьмитинова, что недавно довольно серьезно заболел председатель болгарского правительства А. Стамболийский, поэтому ни ему, ни Петряеву не удалось ничего сделать, чтобы подготовить для моих будущих разговоров благоприятную обстановку. Из разговоров с Петряевым я выяснил, что, несмотря на достигнутые результаты в Сербии, рассчитывать на то, что болгарское правительство пойдет так же широко нам навстречу, нельзя. Он, кроме того, тоже говорил, что время для переговоров неблагоприятное ввиду болезни Стамболийского.

Таким образом, чтобы «схватить быка за рога», мне не представлялось той возможности, какая оказалась в Сербии, и пришлось наметить лишь непосредственные переговоры со второстепенными правительственными деятелями и постараться привлечь на свою сторону наиболее влиятельные болгарские круги. Кроме того, я попросил аудиенции у царя Бориса, но на него рассчитывать, по его положению в царстве, совершенно не было надежды. Он был тогда лишь слепым орудием в руках своего премьера Стамболийского, грубого и решительного мужика. Влияние последнего на решение всяких важных государственных вопросов было еще более могущественным, чем влияние Пашича в Сербии, так как в Болгарии существовал не коалиционный кабинет, а партийное правительство земледельческой партии, во главе которой стоял тот же Стамболийский. Не имея же возможности побывать у него, я ясно сознавал, что при такой обстановке очень трудно было рассчитывать на успешность переговоров.

Однако в Софии я неожиданно нашел себе сторонника в лице французского посланника, господина Жоржа Пико. Занимая в Софии среди дипломатов исключительное влияние, он пользовался таковым и у болгарского правительства. Примирительная тогда позиция Франции в отношении Болгарии ему в этом много содействовала. Большую помощь обещал и болгарский епископ Стефан, русский воспитанник, горячий в то время сторонник России. Кроме того, нам широко пошли навстречу искавшие всегда сближения с Россией болгарские буржуазные круги. Впрочем, влияние их на правительство было минимальное, так как они в составе его не имели ни одного представителя.

Наконец, наиболее реальным двигателем нашей просьбы о принятии армии являлся начальник штаба болгарской армии полковник Топалджиков. Он, по существу, был управляющим военным министерством, во главе которого стояли попеременно политические деятели, ничего не смыслящие в военном деле.

Посещая то с генералом Вязьмитиновым, то с Петряевым, а иногда и один не только упомянутых выше, но и других лиц, я пришел к убеждению, что необходимо пока результат переговоров основывать на содействии Топалджикова. Он произвел на меня впечатление человека чрезвычайно благожелательного в отношении вопроса о переводе наших контингентов в Болгарию. Другим двигателем моего ходатайства должен был явиться посланник Пико, который был заинтересован в содействии константинопольским французским властям к сокращению военных лагерей. Вместе с тем Пико являлся истинным русофилом и чрезвычайно охотно готов был оказывать всякое содействие свое только для того, чтобы помочь нам сохранить организацию и ту реальную силу, которая еще может оказаться нужной для борьбы с захватчиками власти в России. Третьим реальным мне сотрудником был наш посланник Петряев.

Царю Борису я представился через несколько дней после моего приезда в Софию. Был у него вместе с генералом Вязьмитиновым. Мы прибыли во дворец за четверть часа до назначенного нам времени и были встречены секретарем царя – Груевым. Нас провели сначала к дежурному адъютанту, с которым мы беседовали минут десять. Нам он показал знамена расформированных решением Нейльского договора болгарских полков, портреты наших Государей и картины из эпохи Освободительной войны. Здесь все отдавало русским духом, всюду было видно русское влияние, несмотря на все старания царя Фердинанда выколотить из болгар симпатии к России.

У царя Бориса мы пробыли около получаса. Он очень интересовался положением армии, недоумевал о решении французских властей в Константинополе ее распылить и обещал оказать нам посильную помощь. При этом он оговорился, что личное его участие в этом деле возможно только в пределах его конституционных прав. Ясно, что он мог обещать только то, на что согласится Стамболийский.

Говорили мы с царем частью по-русски, частью по-французски. Он извинился, что плохо говорит по-русски, и ссылался на недостаток практики. Впечатление на нас он произвел необычайно симпатичное. Особенно привлекали к нему его ясные, красивые глаза. Ему было в это время 27 лет, хотя благодаря своему небольшому росту казался он несколько моложе. Выходя от него, я ясно почувствовал, что нами исполнен акт вежливости, который ни на шаг не подвинет наше дело.

Как я сказал выше, из-за невозможности видеть Стамболийского результат моих переговоров не мог быть особенно существенным, но все же – из переговоров с

Топалджиковым и министром общественных работ – была установлена возможность теперь же принять несколько тысяч человек и поставить их на работы по исправлению шоссейных дорог. Обеспечив себе полное содействие Петряева и возложив на генерала Вязьмитинова выяснение деталей приема, я, по настойчивым вызовам генерала Врангеля, выехал в Константинополь, куда прибыл 25 апреля.

Перед отъездом я подал Стамболийскому письмо с просьбой о приеме наших контингентов, которая по его выздоровлении и была внесена на обсуждение Совета министров.

* * *

Еще перед поездкой в Болгарию и Сербию я поручил моему заместителю, генералу Кусонскому, предпринять шаги через наших военных агентов в Греции, Чехословакии и Венгрии о принятии этими странами хотя бы части наших контингентов, с условием их постановки на массовые работы. Особенно горячо взялся за это дело наш представитель в Буда-Пеште, полковник фон Лампе. Однако он сразу столкнулся с тем, что откликнувшиеся на его просьбу венгры постарались использовать вопрос переселения армии для получения облегчения в выполнении условий Трианонского договора. Если бы, в связи с принятием части армии, им удалось бы достигнуть изменений пунктов договора, то они соглашались на принятие части армии без каких-либо возмещений ее содержания. На выполнение этих надежд оснований было мало.

Хлопоты нашего военного агента в Праге, генерала Леонтьева[52], поначалу также не увенчались успехом. Это происходило, главным образом, вследствие его необычайной осторожности и малой активности. Однако месяца через полтора мы получили возможность предпринять в этом отношении самостоятельные шаги в самом Константинополе, куда прибыла особая комиссия из Праги для приглашения нескольких тысяч беженцев на сельскохозяйственные работы.

Вопрос о переселении в Грецию возник вследствие заявления командира Кабалджинского лагеря, генерала Фицхелаурова[53], что к нему поступило официальное предложение от Греческой военной миссии о принятии для внутренней военной службы в Греции около 2–3 тысяч казаков. В результате дело это вылились в предложение поставить на службу в пограничную стражу около 4 тысяч человек, примерно на тех же условиях, на каких были приняты наши кавалерийские части на пограничную службу в

Югославии.

Не оставляли мы попытки и к отправлению уроженцев Сибири на Дальний Восток. Со времени Меркуловско-Семеновского переворота такая возможность открылась. Желающих было много, и не только в районе Константинополя, но даже в Сербии и Болгарии. Однако материальных возможностей к осуществлению этой перевозки было очень немного. Французы обещали снабдить продовольствием отправляемых на все время пути, но нам необходимо было добиться еще их бесплатного отправления. Наши попытки добиться одного из пароходов Добровольного флота не увенчались успехом, ввиду тяжелого финансового положения этого пароходства. Французы же на такую перевозку не имели кредитов. Вот почему после долгих, но тщетных попыток мысль об отправлении на Дальний Восток была нами оставлена.

В самом конце апреля сербский дипломатический представитель в Константинополе, Шапонич, уже получил от своего правительства телеграмму о принятии первой партии наших контингентов на работы. Им это было сейчас же сообщено А.А. Нератову с указанием, что 3500 человек могут быть немедленно же отправлены через Салоники и что разрешение об отправке еще 1500 человек последует в ближайшее время.

К началу мая от генерала Миллера из Парижа поступило донесение об ассигновании послом Бахметевым 400 000 долларов на нужды, связанные с перевозкой армии по Балканским странам. В этом же донесении указывалось, что при ассигновании этих денег Бахметев поставил условием, чтобы деньги эти расходовались через Земско-городское объединение, в распоряжении председателя которого, князя Львова, они и должны были поступить.

Мы, конечно, ассигнованию денег были бесконечно довольны, но зависимость от того самого «Земгора», представлявшего «серьезные круги русской эмиграции», стремящегося настаивать на распылении армии, не обещала ничего хорошего. Врангель немедленно же телеграфировал Миллеру о необходимости добиться отмены передачи средств на армию через князя Львова и избрать для их расходования другие пути. В конце концов было установлено, что деньги поступят в распоряжение дипломатических представителей, о чем, по нашей просьбе, хлопотал генерал Миллер. В начале мая мы получили, наконец, донесение генерала Вязьмитинова о возможности немедленного же отправления в Болгарию, на Бургас, 1000 человек, на разные работы.

Перед отправлением частей у нас происходили с генералом

Врангелем совещания, при участии гражданских его помощников, а иногда и членов Русского Совета, о времени перехода штаба, гражданских управлений и Русского Совета в Сербию или Болгарию. В результате этих совещаний было решено, что большую часть штаба я переведу теперь же в Сербию. Что же касается гражданских учреждений и Русского Совета, то было решено, что они останутся в Константинополе до тех пор, пока там будет находиться Главнокомандующий. Только несколько членов Русского Совета должны были выехать в Сербию и Болгарию и начать там работу для привлечения русской общественности к объединению около армии и Русского Совета. Полученные мной визы я распределил между учреждениями, в зависимости от принятого решения.

Сам я должен был стать во главе части штаба, предназначенной к отправке. При Главнокомандующем оставался во главе других отделов штаба генерал Кусонский. Чины штаба должны были следовать в Сербию на пароходе «Керасунд», который должен был зайти за гвардейскими казаками и кубанцами на Лемнос.

22 мая началась, наконец, давно жданная отправка первой части наших войск в Болгарию и Сербию. К этому времени состав армии достигал следующих цифр: в Константинополе расположился штаб, Конвой Главнокомандующего и Штабной Ординарческий эскадрон, в составе всего 109 офицеров и 575 солдат и казаков.

В Галлиполи 1-й армейский корпус, в составе 9363 офицеров и 14 698 солдат; Донской корпус, в составе 1977 офицеров и 5690 казаков; и в Кабадже бригада генерала Фицхелаурова, в составе 218 офицеров и 1059 казаков. Всего в армии состояло 12 833 офицера и 29 816 казаков и солдат. При армии состояло 2000 женщин и 459 детей.

В двадцатых числах мая 1921 года было получено разрешение сербского правительства об отправке еще полуторы тысячи человек на работы по сбору военной добычи, оставленной болгарами и немцами на Салоникском фронте. Таким образом, первая партия должна была следовать в Сербию уже в составе 5000 человек, а не 3500.

За исключением 400 человек Конвоя Главнокомандующего, все эти 5000 должны были, по приказанию генерала Врангеля, грузиться с Лемноса. Для этого были предназначены гвардейские казаки (л. – гв. Казачий дивизион и л. – гв. Атаманский), Кубанская дивизия[54] и Донской Технический полк. Кубанская дивизия была составлена из всех частей Кубанского корпуса. К сведению частей мы приступили для сокращения неизбежных

расходов по содержанию командного состава, а также вследствие незначительного состава самих частей, что явилось следствием выхода из них казаков, убывших в Совдепию, в Грецию и записавшихся в Бразилию. Кубанская дивизия была составлена из трех полков и Кубанского гвардейского дивизиона[55] (бывший Конвой Его Величества). К ней был прикомандирован Донской Технический полк.

Гвардейские казаки и Конвой Главнокомандующего составляли особый Гвардейский казачий отряд, во главе которого был поставлен полковник Упорников. Для командования Кубанской казачьей дивизией был назначен генерал Фостиков[56]. После погрузки кубанцев на Лемносе осталось еще около 1000 офицеров и казаков и Алексеевское военное училище, перешедшие в непосредственное подчинение генералу Абрамову.

Для перевозки были назначены французами «Кюрасунд» и «Решид-паша». 28 мая из Константинополя на Лемнос вышел пароход «Решид-паша». На него накануне был погружен Конвой Главнокомандующего. 2 июня отошел «Кюрасунд», на который погрузились назначенные к отправке в Сербию части моего штаба. Перед посадкой Конвоя французы потребовали его разоружения. Дабы избежать новых осложнений, я приказал полковнику Упорникову сдать им неисправное оружие, а остальное перегрузить на «Решид-пашу», укрыто от французов. (Союзники считали, что присутствие на занятой ими территории русской вооруженной силы противно международным правилам об интернировании и разоружении. Генерал Врангель же опасался, что разоружение поставило бы войска в полную зависимость от союзников, и решительно отказывался. Когда же выяснилась возможность перевода на Балканы, союзники требовали эвакуации в первую очередь Галлиполийского гарнизона, как расположенного вблизи Константинополя. Генерал Врангель хотел сохранить этот козырь в своих руках до конца. Поэтому между двумя сторонами начались столкновения, принявшие по временам очень острый характер.) Это и было сделано и прошло без всяких осложнений. Конечно, французы отлично знали, что оружие везется с собой, но французские офицеры делали вид, что не замечают наших винтовок и пулеметов.

29 мая вечером «Решид-паша» вышел в Мудросский залив и 30 числа приступил к погрузке. На него погрузились Донской технический полк и часть кубанцев. 31 мая «Решид-паша» вышел в Салоники, куда прибыл к вечеру того же дня. «Керасунд» подошел к Лемносу 3 июня и приступил к погрузке гвардейских казаков и другой части кубанцев.

Но не обошлось все же без инцидентов. Очень нехорошее впечатление произвело на греков прибытие наших частей на пароходах под турецким флагом, в то время как греки находились с турками в войне. Когда «Решид-паша» подошел к пристани, то немедленно же к месту выгрузки были подведены греческие войска, дабы изолировать наши части от города. Становясь кругом выгружавшихся, греки зарядили винтовки. Положение создавалось несколько напряженное, впрочем, скоро все успокоилось, чему способствовало то, что трубачи Конвоя сыграли греческий гимн и что наши салютовали грекам.

При отправлении наших частей с «Керасундом» выяснилось, что на обоих пароходах находилось не 5000 человек, а 5300. Генерал Шарпи дал категорическое приказание с пароходов больше 5000 человек на берег в Салониках не спускать. Генерал Врангель телеграфировал тогда в Париж генералу Миллеру о необходимости давления из центра на местные власти, дабы они не мешали нам в нашей работе по расселению армии. Результат переговоров был для нас вполне удовлетворительным, так как генерал Миллер получил заверение, что генералу Шарпи будет указано из Парижа о необходимости все вопросы о расселении предоставить генералу Врангелю.

Новая моя поездка на Балканы и в Париж

Имея уже определенные данные об ассигновании 400 000 долларов Бахметевым, я вновь, по желанию генерала Врангеля, отправился в Болгарию. Болгария уже приняла 2000 казаков на работы, и теперь надо было добиваться принятия новых контингентов с содержанием их на наш счет. С другой стороны, надо было договориться с болгарскими и сербскими властями о тех условиях в отношении административного устройства и сохранения нашей организации, в каких будут находиться прибывшие наши части.

Тут необходимо остановиться на тех сотрудниках, которые должны были прийти мне на помощь. Наш посланник Петряев не принадлежал к дипломатическому корпусу, а состоял до революции консулом. Но, несмотря на это, он завоевал себе исключительное положение как среди дипломатов других стран, так и среди болгарских властей. Человек это был общительный, очень умный и большой знаток болгарской психологии. Хорошо расценивал политическое положение Болгарии, находившейся в то время под управлением Земледельческой партии, склонной к уклону налево. Армия во многом ему обязана в отношении своего приема Болгарией. Но он не раз предупреждал меня, что со

стороны Стамболийского можно ожидать всяких сдвигов, и советовал не очень доверять его заявлениям. В вопросе приема наших контингентов Болгарией имели значение многие побуждения.

Во-первых, несмотря на то что Болгария участвовала в войне против союзников и даже имела две дивизии против нас на Румынском фронте, в болгарском народе сохранились исключительные симпатии к России. Во-вторых, Болгария искала в то время сближения с Сербией и хотела повторить ее жест по отношению к нам. В-третьих, она хотела быть приятной Франции, облегчая вывод от забот ее по содержанию наших контингентов в лагерях проливов. Наконец, при ее затруднительном финансовом положении, она рада была получить иностранную валюту на содержание наших контингентов, обменивая ее на обесцененные левы. Все это и использовали мы с Петряевым для того, чтобы добиться приема наших частей.

Другим моим сотрудником был наш военный агент генерал Вязьмитинов. Он долгое время был в штабе генерала Деникина. Это был глубоко образованный человек. Очень спокойный, крайне симпатичный, он сумел установить близкие отношения с начальником штаба болгарской армии, полковником Топилджиковым, бывшим слушателем нашей Академии Генерального штаба. Сотрудничество генерала Вязьмитинова было мне необычайно полезно. Он быстро освоился с болгарским языком, что немало способствовало ускорению всяких сношений.

Прибыв в Софию, я немедленно же приступил к шагам по получению согласия на принятие наших контингентов в дополнение к принятой уже бригаде генерала Гусельщикова[57]. Я просил принять дополнительные контингенты, с обещанием содержания их на наш счет, причем сообщил об ассигновании для этого, через Петряева, 300 000 долларов. Но в это время в Болгарии был правительственный кризис, и мое ходатайство не могло быть рассмотрено. Кризис затягивался.

Оставалось действовать в Королевстве С.Х.С., куда я и отправился. Перед отъездом я посетил французского посланника в Болгарии Жоржа Пико, который обещал употребить все свое влияние, чтобы добиться от Стамболийского принятия новых контингентов нашей армии. Дальнейшие переговоры должны были вестись в Болгарии генералом Вязьмитиновым, которому я дал указания, на каких основаниях он должен добиваться от военного министерства организации управления бригады генерала Гусельщикова.

14 июня состоялось соглашение по этому вопросу, по которому бригада сохраняла свою внутреннюю воинскую

организацию. Командный состав сохранял оружие, все имели право носить военную форму, были сохранены дисциплинарная власть начальников и суд чести. Это соглашение вылилось в виде официального письма полковника Топилджикова. Сохранением в Болгарии нашей организации мы всецело обязаны Топилджикову. Он проявил себя истинным в то время нашим другом и взял на себя это решение, не проводя его через Совет министров.

В Белград я приехал в начале июля и тотчас же вошел в связь с нашим посланником Штрандтманом и военным агентом генералом Потоцким. К этому времени вопрос о принятии новых частей не сдвинулся с места. Получить вновь прием у председателя Совета министров Пашича было очень трудно, и Штрандтману и мне приходилось ограничиваться письмами, на которые долго не поступало ответов.

Что касается содействия посланника и военного агента, их положение было более слабое, чем положение Петряева и Вязьмитинова. Штрандтман усвоил все положительные и отрицательные качества дипломатов довоенного времени. Осторожность его была часто ненужной и только тормозившей наше дело, но он безусловно старался использовать все свои связи, чтобы добиться осуществления наших домоганий. Он был участником на сербской службе войны, что ему много способствовало в отношениях с представителями власти. Потоцкий, по своим качествам, далеко уступал Вязьмитинову. Правда, он проявил много энергии, но возможности его были довольно ограничены.

Подав новую записку Пашичу, я поехал в Сремски Карловцы, куда уже прибыла часть моего штаба. Во главе ее находился генерал Архангельский, бывший дежурный генерал у генерала Деникина, а затем и у генерала Врангеля в Крыму.

В штаб приехал отдохнуть и повидаться со своей матерью и женой, которые прибыли туда из Константинополя. Оттуда я вел сношения с генералом Миллером, представителем Врангеля в Париже, по вопросу об ассигнованиях на армию. Одновременно я старался подтолкнуть дело о принятии наших частей на службу в пограничную стражу Королевства, для чего много раз ездил в Белград. Уже 19 июня этот вопрос стал продвигаться в военном министерстве, во главе которого оказался в то время верный друг России, генерал Хаджич, участник Великой войны на русском фронте, где он командовал формированиями из пленных сербов и хорватов.

* * *

В середине июля я выехал в Париж в сопровождении генерала Георгиевича[58]. Там я должен был, как указывалось выше, просить новых ассигнований на перевозку армии и снестись с военными властями о сохранении достаточного пайка в лагерях впредь до завершения начавшейся уже перевозки. Предупредив письмом генерала Миллера, я после 20-летнего перерыва вновь попал в Париж. Много в нем нашел нового, но город все же за это время изменился меньше, чем за следующие 20 лет. Следов от войны заметно не было. Жизнь была налажена. Цены были небольшие. С генералом Миллером я встретился впервые. Первое впечатление он произвел на меня довольно суровое, но уже через день-два я составил о нем правильное суждение. В высшей степени воспитанный человек, большой эрудиции, скромный, спокойный, хорошо владеющий многими языками, пробывший много лет за границей и в мирное, и в военное время. Однако он не приобрел того налета, который выявлял многих военных агентов, вращавшихся в дипломатической среде, своими манерами, и которые лишаются часто военной выправки и определенности суждений в разговорах.

Миллер мне очень понравился. Я был рад, что по моему предложению, зная только Миллера по его деятельности в период Великой войны, я посоветовал в свое время генералу Врангелю назначить его своим военным представителем в Париже. Миллер сопровождал меня повсюду. Мы побывали с ним у М.Н. Гирса, возглавителя нашего дипломатического корпуса, у Маклакова, признававшегося нашим послом в Париже, и, наконец, у генерала Вейгана, начальника штаба маршала Фоша. В то время штаб Фоша еще существовал, и ему были подчинены все французские войска, оставшиеся вне Франции. Вейган нас принял очень любезно и выслушал очень внимательно мою просьбу о сохранении нам в лагерях прежнего пайка и об оказании давления на штаб Оккупационного корпуса в Константинополе, чтобы он не мешал нашим распоряжениям по перевозкам в Сербию и Болгарию.

Вейган, видимо, не был в курсе чинимых нам затруднений, но обещал свое содействие. Но в то же время он указал, что частично эти вопросы выходят из ведения его штаба и что где ему придется столкнуться с распоряжениями министерства, там роль его и даже маршала чрезвычайно незначительна. Как-то было странно слушать, что только что после одержанной победы военные власти сразу же отошли на задний план. Результат от этого визита все же сказался, и вопрос о сохранении пайка и ликвидации довольствия в лагерях фактически не осуществлялся.

В Париже я повидал Кривошеина и Гучкова. В это время

Гучков был занят выяснением вопроса о возможности использования нашей армии на Дальнем Востоке, ввиду перехода власти к Меркулову. Оба они с большим интересом прислушивались к деятельности Врангеля и признавали, что его стремление сохранить армию в организованном виде заслуживает полного одобрения.

Несколько иначе звучали слова Гирса. Он не решился прямо высказать обратное мнение, но в разговорах с ним чувствовалось желание ликвидации военной организации, что прежде всего, по его понятию, должно было бы облегчить наше расселение. Пробыв в Париже около 10 дней, я выехал обратно на Балканы.

Остановившись в Белграде, я получил указание генерала Врангеля не возвращаться в Константинополь, но продолжать работу по дополнительным перевозкам на Балканы. Это время для меня было самой отрадной порой. Просматривая сейчас сохранившуюся у меня переписку по вопросу о перевозках на Балканы, я не мог не признать, что мною были приняты все решительно меры, использованы все связи и возможности, чтобы добиться в конце концов полного выполнения данного мне Главнокомандующим поручения по сосредоточению армии на Балканах.

При этом вопрос заключался не только в получении согласия Балканских стран на прием всех наших контингентов, но я должен был добиться от соответствующих правительств сохранения нашей воинской организации. В этом отношении пришлось также много поработать и проявить известную изворотливость. Председатели правительств, связанные давлением союзников, в переговорах со мною не упоминали о желательности или нет сохранения нашей организации, и было бы ошибкой добиваться от них согласия на сохранение наших частей.

Нет сомнения, что в этом отношении они испытывали давление и английских, и французских посланников. Французы действовали в желании поддержать авторитет Константинопольского штаба, англичане же, вероятно по установившейся традиции, не допускали расширения русского влияния на Балканах. Никакой реальной опасности для них наша армия не представляла.

Но как только приходилось вести переговоры с исполнителями и даже министрами или Военным, или Общественных работ, то положение менялось в корне. Они были заинтересованы в получении дисциплинированных контингентов и не только соглашались, но подчас и настаивали на отправлении из лагерей целых частей. Это облегчало добиваться от сербов и

болгар распоряжений своим представителям в Константинополе о необходимости предоставить генералу Врангелю право назначения тех или иных контингентов, что нам позволило в конце концов ликвидировать затруднения, чинимые нам Шарпи.

Как мною указывалось выше, первое соглашение о нашем статуте было достигнуто в Болгарии. Оно касалось бригады генерала Гуселыци-кова. Это соглашение было важно потому, что в случае дальнейших перевозок прибывающие части автоматически получали те же права. Интересно отметить в этом соглашении, что начальник штаба болгарской армии подчеркивает: «Болгарское Правительство согласилось на принятие русских людей из Армии генерала Врангеля, при соблюдении двух обязательных условий: а) что люди эти прибудут в строго организованном виде и со своим командным составом; б) что Главное Командование будет ручаться за их благонадежность». Далее в этом же соглашении говорится: «Болгарское Правительство считает безусловно необходимым в отряде генерала Гусельщикова сохранение установленной Главным Командованием Русской Армии организации и командного состава. Только при соблюдении этой организации Болгарское Правительство считает возможным предоставить частям отряда правительственную работу».

Когда же последовало согласие болгарского правительства на прием новых контингентов для содержания их за счет сумм, ассигнованных послом Бахметевым, то генерал Вязмитинов, сообщая об этом в своей телеграмме от 9 июля, доносил, что «Болгарское Правительство согласно принять на русское содержание часть Армии лишь при соблюдении следующих условий: 1) Части назначаются исключительно по выбору Главнокомандующего. 2) Принимаются только части, имеющие полную воинскую организацию и дисциплинированные, за которых ручается Главное Командование и 3) Никакие другие неорганизованные группы или партии, без ручательства Главного Командования, приняты не будут».

Что касается этого вопроса в Королевстве С.Х.С., то там его поднимать почти не приходилось, так как первая партия была принята на работы по расчистке полей после боев и сбору брошенного имущества, с непременным условием сохранения военной организации, и что касается приема в пограничную стражу, то уже воинский ее характер не требовал каких-либо условий по сохранению наших частей, которыми она была пополнена. Наши части составили четы (роты) и более крупные соединения.

Приходилось только выяснить вопрос о праве ношения

оружия и военной формы, на что последовало согласие сербских властей. Как известно, пока не износилась военная форма у наших офицеров, они ее носили почти до самой последней войны, не вызывая никаких возражений со стороны сербов.

Как видно, все заявления союзников в Константинополе о требовании со стороны балканских правительств отправления только беженской массы совершенно не соответствовали действительности. Так же заблуждался и М.Н. Гире, находившийся под влиянием наших левых милюковских кругов, считавший, что желание наше сохранить армию помешает только спасению и выводу из лагерей ее чинов.

Скоро после прибытия в Белград я получил от генерала Миллера уведомление о последовательном ассигновании на устройство наших контингентов на Балканах еще 200 000 долларов и 1½ миллиона франков. Это давало мне новые возможности для размещения в Болгарии и Королевстве С.Х.С. еще новых контингентов для содержания на наш счет, в ожидании возможности разместить их на работы. С другой стороны, я чуть ли не еженедельно стал получать то непосредственно от Главнокомандующего, то от моего заместителя в Константинополе, генерала Кусонского, телеграммы, предписания и просто письма о неизбежном прекращении довольствия наших частей в лагерях, о начавшемся ухудшении настроения среди них и на необходимость спешного решения вопроса о вывозе всех наших контингентов на Балканы. С другой стороны, генерал Врангель был очень недоволен, что до тех пор неизвестной нам организации – Кубанскому Земледельческому союзу Фальчикова – болгары разрешили перевезти 1000 человек с Лемноса. Какие-то левые связи способствовали получению этого разрешения помимо меня и Петряева. Но никаких предварительных мер на Лемносе принято не было, и когда обрадованные союзники получили возможность грузить казаков без участия генерала Врангеля, то таковых земледельцев не оказалось и генерал Абрамов, главный наш начальник на Лемносе, стал грузить донских казаков. Но Фальчиков принял меры, чтобы воспрепятствовать их приему Болгарией, как не отвечающих условиям их приема для размещения на сельскохозяйственные работы, и этот эшелон простоял на рейде Константинополя довольно долгое время.

Все это вызвало ряд сношений Врангеля с нашими посланниками на Балканах и в Париже с предложением, чтобы ни одна перевозка и ни одно ходатайство о переселении на Балканы не производилось бы помимо меня. В результате с этих пор никаких самостийных выступлений по этим делам уже не

производилось. Имея возможность обосновать мои просьбы о приеме на наше содержание состоявшимся ассигнованием крупных средств послом Бахметевым, я усилил мои настояния о согласии на новые перевозки одновременно в Королевстве С.Х.С. и Болгарии. По многим данным, нам было много интереснее сосредоточить возможно больше частей в Королевстве С.Х.С., но условия финансового порядка позволяли нам, ввиду низкого курса болгарской валюты, за одну и ту же сумму содержать в Болгарии в 4 раза больше людей. Кроме того, болгары, в желании получить иностранную валюту, склонялись более легко принять наши контингенты. В августе месяце, наконец, стали прибывать через Гевели наши кавалерийские части для распределения по постам пограничной стражи. Туда же должны были быть направлены гвардейские казаки по окончании осенних работ по расчистке полей сражений в Южной Сербии (Македонии).

Ввиду затяжки вопроса о приеме Балканскими славянскими государствами наших контингентов, мне пришлось принять меры к устройству наших контингентов в Чехословакию, Грецию и Венгрию. Возобновилась переписка с Леонтьевым, Поляковым и Лампе.

Поначалу как будто бы выявились какие-то перспективы, но постепенно все наши надежды улетучились, и только Чехословакия приняла около 100 человек, по просьбе нашей академической группы в Праге, для поступления в высшие учебные заведения и 1000 человек на сельскохозяйственные работы. Независимо от меня принимались и дети в среднюю школу. Приняла и Венгрия около 200 человек.

Одновременно с мерами по принятию наших контингентов на Балканы я должен был озаботиться и вопросом о санитарной их помощи. Еще в бытность мою в Париже я вошел в связь с Главноуполномоченным Красного Креста сенатором Иваницким для организации этого дела. М.Н. Гире мне сообщил, что для получения дополнительных ассигнований на эту надобность всего лучше передать заботу о попечении наших больных Красному Кресту. В этом случае Бахметев легче согласится на новое ассигнование. Я так и поступил, и действительно наш Красный Крест получил возможность организовать на Балканах наши лечебные заведения.

В заботах об организации нашей жизни на Балканах я получил согласие генерала Врангеля на открытие, по прибытии в Болгарию наших частей, Военной академии. Болгария была избрана мною по двум причинам. Во-первых, мы там ожидали сосредоточения большого числа наших частей, притом таких, какие обещали дать наиболее подготовленный для поступления в

академию состав слушателей, и, во-вторых, мы могли получить для этого значительную поддержку во всех отношениях со стороны Топилджикова. Болгария, по мирному договору, была лишена права иметь свою Военную академию, почему она охотно должна была, по моему мнению, использовать нашу академию для своих офицеров, подобно тому как она посылала их в мирное время в Петербург. Действительно, Болгарское военное министерство охотно отозвалось на мое предложение, и мы достигли определенного соглашения по этому вопросу.

Генерал Врангель послал в Париж предложение генералу Головину[59] возглавить академию, был подобран серьезный состав профессоров, но генерал Головин отказался. Тогда было предложено возглавить академию генералу Юзефовичу[60], который охотно откликнулся, но вопрос стал осложняться, главным образом, тем, что мы наткнулись на определенное противодействие со стороны нашего посланника в Сербии, который, узнав о нашем проекте, стал горячо против него возражать. Он ожидал провала наших стараний по намечавшимся перевозкам в Сербию при одном только намеке на возможность болгарским офицерам поступать слушателями в академию. Пришлось это дело отложить, и затем оно отпало в связи с намечавшимся скоро изменением отношений к нам со стороны правительства Стамболийского.

Весь конец июля и август месяц я добивался согласия Болгарии и сербов на принятие новых контингентов. Как указывалось выше, болгары были склонны на принятие новых контингентов на наше иждивение, сербы же предпочитали устраивать наши части, с тем чтобы они своей работой сами добывали средства на свое содержание. Этим, конечно, выявлялось более серьезное отношение сербов, которые должны были предвидеть неизбежность, в короткий сравнительно срок, израсходования наших средств, что поставило бы их в необходимость принять на себя наше содержание.

Весь указанный период я переезжал то в Софию, то возвращался в Белград. То там, то здесь получал я тревожные данные о возможности отказа. Приходилось искать свидания то со Стамболийским, то с Пашичем, то с министром общественных работ и военным. А в то же время тревожные сведения из Константинополя о неизбежном прекращении французского довольствия и о падении духа частей продолжали поступать.

Наконец, в начале августа я получил согласие на принятие Королевством С.Х.С. 3000 человек на общественные работы по прокладке новых железнодорожных линий и в конце августа от болгар согласие на прием на наше иждивение 7000 человек. Так

как 7000 наших контингентов должны были прибыть в Болгарию организованными воинскими частями, то пришлось договариваться об условиях их внутренней жизни и выработать меры к их довольствию при помощи болгарского интендантства. Заключенное, по моим указаниям, генералом Вязмитиновым с генералом Топилджиковым соглашение вполне нас удовлетворяло. Мы сохранили полную нашу организацию, дисциплинарные права начальников, суды, имели казарменное расположение, и в отношении продовольствия наши интендантские органы имели возможность взаимной деятельности с таковыми же органами болгарского военного министерства. Наш контроль, работавший при участии нашего посланника, следил за расходованием переданных болгарскому правительству долларов, переведенных по существующему курсу на болгарские левы.

В Болгарию были назначены генералом Врангелем 6000 человек с Галлиполи и 1000 человек с Лемноса. С ними должны были прибыть штаб генерала Витковского и штаб Донского корпуса с генералом Абрамовым. Кавалерийская дивизия с генералом Барбовичем[61], ее начальником, становилась на пограничную стражу в Королевстве С.Х.С.

Начальник Кубанской дивизии генерал Фостиков уже находился в Сербии вместе с большей частью своей дивизии, отправленной на работы. Таким образом, большая часть наших контингентов и их старшие начальники со своими штабами должны были к сентябрю месяцу уже покинуть лагеря Константинополя.

Медленно, но постепенно шла отправка, и к 15 ноября, по точным данным, по донесениям наших военных агентов, в Болгарии сосредоточились: группа генерала Абрамова, считая и бригаду генерала Гусельщикова, – 4573 человека и группа генерала Витковского (1-й корпус) – 8336 человек. Из всего этого числа на работах находилось 3848 человек. К тому же времени в Королевстве С.Х.С. находились: на пограничной страже (Кавалерийская дивизия) – 4203 человека. Отряд генерала Фостикова, в составе 3000 кубанцев и 1500 человек Технического полка, находился на работах. Итого, к этому времени на Балканах сосредоточилось примерно 21 600 человек. Кроме того, всякими дополнительными ходатайствами мне удалось еще перевезти 3 кадетских корпуса. Кавалерийское училище, Галлиполийскую гимназию, семьи офицеров, казаков и солдат, лазареты – старался все сосредоточить на Балканах – в дополнение к разрешенным перевозкам. Конечно, тщательного контроля при погрузках на пароходы и при разгрузках не производилось, кроме первой

партии, поэтому на Балканы просочилось больше, чем нам было разрешено.

Но к зиме 1921 года в лагерях еще осталось около 12 000 человек. Добившись приема второй партии в оба государства, после короткого промежутка времени, я должен был начать новые попытки. Новое ассигнование в 200 000 долларов и 1 000 000 франков должно было этому способствовать. Новые усилия по приему обещали быть самыми трудными. При помощи Штрандтмана удалось заручиться содействием посла Королевства в Париже – Спойлаковича, бывшего сербского посланника в Петербурге, и нашего друга – посланника в Константинополе Шаповича, очень сблизившегося с генералом Врангелем.

Одновременно съездив в Болгарию, я скоро получил соглашение на принятие на счет нашего содержания еще 1000 человек, и наконец, к зиме получено согласие болгар на принятие на работы еще около 7000 человек. От сербов я получил в августе согласие на прием новой партии в 1000 человек, из которых 500 были обеспечены работой.

Передо мной мое письмо М.Н. Бирсу, которому я сообщил в ноябре о результатах усилий по размещению наших частей. В нем я писал, что согласно уже последовавшим соглашениям к концу года в Болгарии мы сосредоточим около 17 300 человек и в Королевстве С.Х.С. – 9700. К этому времени, писал я дальше, в лагерях Константинопольского района остается около 2500 человек, которые обеспечены сербскими предложениями работы с начала 1922 года. Таким образом, моя работа по передвижению наших частей на Балканы была выполнена. Оставалось лишь ждать начала 1922 года, чтобы завершить перевозку. Оставшиеся 2500 человек в Галлиполи были сняты с французского пайка, и они перешли на довольствие из средств Главного командования, при существенной помощи, оказанной нам Лигой Наций и организацией Ара.

Я всегда с удовлетворением выполненного долга вспоминал это тяжкое для меня время. Не только армия была выведена из лагерей, но она сохранила полностью свою организацию, и были подготовлены пути для сохранения ее в будущем, при условии прекращения существования на отпущенные средства.

Вспоминая время нашего пребывания в Константинопольских лагерях и переселение на Балканы, невольно останавливаешься на роли французов. Франция оказала нам выдающуюся помощь при Крымской эвакуации. Без нее мы не могли бы не только сохранить армию, но и неизвестно, как бы мы вышли из создавшегося положения, когда на Босфоре появилось свыше 100 вымпелов и 150 000 людей, ушедших из Крыма.

Прием наш в лагерях и продолжавшееся почти год содержание наших частей и гражданского населения потребовали от Франции громадных расходов, которые, конечно, не могли быть возмещены старыми судами, отданными Франции в залог нашего содержания. Увы, несколько начальников, и главным образом Шарпи и Бруссо, своим высокомерием и пренебрежением к нашим нуждам и желаниям достигли того, что вместо благодарности все русское население лагерей прониклось чувством недоброжелательности.

Даже исключительное благожелательство французских моряков, и главным образом адмиралов де Бона и особенно Дюмениля, не смогло изменить нашего отношения к французам. Лично я давно переборол это чувство и не могу не проникнуться благодарностью ко всему тому, что для нас сделала Франция в тяжкие для нас годы эвакуации и переселения по Балканским странам.

При моих переговорах на Балканах мне пришлось столкнуться с представителями нашей общественности. Как в Болгарии, так и в Сербии наша эмиграция была представлена в подавляющем большинстве своим правым крылом. В Болгарии она была, по существу, по своим настроениям ближе к нашей белой идеологии, чем белградские круги. Там партийно-монархические элементы были очень сильны. Но в период усилий по нашему переселению монархические круги высказывали нам полное сочувствие и готовы были чем только могли прийти на помощь. По инициативе этих кругов была даже открыта подписка денежных средств на усиление средств армии, которая дала если не существенные, то, во всяком случае, трогательные результаты.

Генерал Врангель им представлялся как искренний монархист, только в силу своего положения возглавителя Белой армии официально придерживавшийся белой идеологии. При первых же его выступлениях политического значения, носивших определенно все принципы белой идеологии, не склонной стать на путь подчинения какой-либо иной партийной доктрины, многие лица стали искать виновников среди его окружения, удерживавших, по их мнению, Врангеля от проявлений его монархических настроений. Конечно, как ближайший сотрудник Петра Николаевича, я был первым взят на подозрение. Когда же мне приходилось в Белграде или Софии высказываться по политическим вопросам, то поневоле я выявлялся ярким сторонником непредрешенческих принципов, и людская молва приписала мне вредное, с ее точки зрения, влияние на Врангеля.

Тогда же впервые послышались голоса о моей будто бы принадлежности к масонству. Постепенно определенная

неприязнь монархических элементов эмиграции в отношении меня росла. С другой стороны, по своим взглядам я был также неприемлем и для левого милюковского и социалистического крыла. Сохранившие к генералу Деникину свои симпатии круги также проявили в отношении меня свои отрицательные чувства. Лишь в той части общественности и вообще эмиграции, которая была органически связана с армией, я чувствовал моральную близость. Находилось немало завистников. На мою долю выпала очень трудная, но одновременно и ответственная роль, дававшая мне большие возможности общения с выдающимися деятелями той эпохи и выдвигавшая меня в исключительное положение. Кроме того, в этот период я был материально обеспечен довольно широко, так как мне было ассигновано на расходы, связанные с моими передвижениями, от финансового отдела в Париже около одного английского фунта в день, что при падении валюты на Балканах представляло довольно значительную сумму, несмотря на то что на этот фунт я должен был нести расходы и на сопровождавшего меня офицера Генерального штаба. Наконец, мне в то время не было еще полных 40 лет, почему в глазах многих, более старших, я представлялся молокососом.

К концу моих шагов по переселению армии на Балканы, я уже стал определенно чувствовать недоброжелательство со стороны известных кругов эмиграции.

После отправки в Болгарию третьей партии из Галлиполийского лагеря, с которой отбыл и штаб Кутепова, дальнейшее пребывание Врангеля в Константинополе уже не представлялось необходимым, особенно ввиду получения согласия, правда еще в принципе, со стороны белградского правительства на прием последней партии. Ввиду этого я предпринял шаги перед сербами о возможности переезда в Королевство С.Х.С. Врангеля и его штаба. К этому времени международная обстановка на севере Балкан несколько осложнилась.

В Венгрии только что была выполнена со стороны бывшего императора Карла попытка к восстановлению императорской власти и, кроме того, со стороны венгров последовали заявления о том, что, по их сведениям, прибывшие в Королевство С.Х.С. наши контингенты привлекаются на усиление состава его армии. Это вынудило Штрандтмана и меня действовать с известной осторожностью и не поднимать вовсе вопроса о сохранении за Врангелем, в Сербии, его прав Главнокомандующего. Кроме того, со стороны Штрандтмана, ввиду его переговоров с министром иностранных дел, был выдвинут вопрос и о нежелательности деятельности в Белграде Русского Совета, организованного

Врангелем в Константинополе. Лично я присоединился к этой точке зрения, но не был уверен в согласии на это со стороны Врангеля. Поэтому я решил еще в августе месяце отправиться в Константинополь, чтобы переговорить с ним по этому вопросу лично. Мы долго обсуждали с Петром Николаевичем вопрос о дальнейшей судьбе Русского Совета, причем я высказал Врангелю мое мнение, что раз его деятельности на Балканах будет оказано определенное препятствие, то едва ли, лишенный председательствования Врангеля, он будет в состоянии оказать какую-либо нам пользу. В общем и Петр Николаевич был того же мнения, но, связанный определенными договорами с Советом и получая от него определенную моральную поддержку, Петр Николаевич искал наиболее безболезненный выход, дабы не восстановить против себя ставших близкими нам представителей общественности.

Практически было решено пригласить к Главнокомандующему двух товарищей председателя, профессора Алексинского и князя Долгорукова[62], и обсудить с ними создавшееся положение. Мы считали, что они более объективно, чем другие члены Совета, отнесутся к самой возможности ликвидации Совета. На следующий день Алексинский и Долгоруков явились к Врангелю, и я им изложил создавшееся положение, при котором ни в Болгарии, ни в Королевстве С.Х.С. официальное существование Совета не представлялось возможным. Подробно остановившись на переговорах, которые я вел по этому вопросу с нашими посланниками и с представителями власти в обоих государствах, я посоветовал Русскому Совету самому принять решение о сложении с себя правительственных функций, являвшихся к тому же одной фикцией, сохранив за собой лишь финансовые и контрольные функции и ограничив свою деятельность политической работой.

Ни со стороны Алексинского, ни Долгорукова препятствий к этому не встречалось. Врангель, перед тем как нам расстаться, просил их никому не говорить о нашем совещании, чтобы лишь на предстоящем на следующий день общем собрании Совета поднять этот вопрос, на котором и получить содействие обоих товарищей председателя. Они это определенно обещали. Но в тот же день все члены Русского Совета были осведомлены о нашем секретном собрании, и уже стало известно о том, что, за редким исключением, члены Совета обвиняли меня в давлении на Врангеля покончить с Советом.

К числу моих недоброжелателей прибавилось еще значительное число общественных деятелей. Все члены Совета получали приличное содержание из нашей казны, и в

ограничении их деятельности, и при грозящей ликвидации они чувствовали возможность прекращения казенного денежного довольствия. Вполне понятно, что и это играло известную роль в проявлении затем определенной с их стороны ко мне не до брожелательности.

На состоявшемся заседании Русского Совета, под председательством профессора Алексинского, я изложил сначала Совету вопрос о принятии наших контингентов на Балканы, сообщил о результатах моей поездки в Париж и, наконец, коснулся болезненного для Совета вопроса о возможности его переезда на Балканы.

При этом князь П. Долгоруков задал мне вопрос о моем отношении к Русскому Совету и о моих переговорах по поводу него в Сербии, Болгарии и Париже. На это я ответил, что в Париже я уклонился высказываться по вопросам политического значения, так как туда одновременно со мною был командирован Главнокомандующим С.Н. Ильин, его помощник по политической части, но мне все же пришлось высказываться однажды лично от себя на вопрос – о том, считаю ли я лично за Русским Советом преемственность власти адмирала Колчака. На что я ответил, что преемственность власти принадлежит Главнокомандующему, который лишь разделяет ее с Русским Советом. На вопрос о переезде Русского Совета в Сербию я сообщил, что вопрос этот крайне осложнился и что из последнего моего разговора с Пашичем следует, что даже вопрос о переезде туда Врангеля находится в неопределенном положении, так как Скупщиной только что принята Конституция Королевства, по которой не допускается на территории Королевства пребывание чужой армии. «Генерал Врангель будет нашим высоким гостем, но признавать его Главнокомандующим мы не можем», – заявил Пашич. В силу этого, с точки зрения сербских властей, официальное функционирование какого-либо нашего правительственного органа в Белграде не представляется возможным. Поэтому я высказал пожелание о роспуске Русского Совета, хотя бы временно.

По этому вопросу не было прений, и мое сообщение было лишь принято к сведению. Петра Николаевича на этом заседании не было. Я ему посоветовал не присутствовать, чтобы дать членам Совета сначала пережить неизбежную необходимость и лишь потом приступить к обсуждению этого болезненного вопроса о постепенной самоликвидации. Но члены Совета не скоро примирились с необходимостью если не ликвидации, то, по крайней мере, ограничения своих эфемерных правительственных функций.

На следующем заседании Совета, уже под председательством Врангеля, послышались упреки по отношению самого Петра Николаевича, который в своем выступлении заявил, что и он, и армия никогда не забудут поддержки, оказанной Русским Советом, громко выступавшим перед иностранцами и нашей левой общественностью, в нашу защиту, что создавшаяся обстановка вызывает ряд сомнений в возможности в дальнейшем наличия при нем правительственного аппарата и внешнего проявления его власти, как правителя. «Не пришло ли время, – говорил Петр Николаевич, – и правительственным органам, и Русскому Совету уйти в подполье или как-нибудь замаскировать свою деятельность?» В заключение Врангель заявил, что никто другой больше, чем он сам, не может судить, какую огромную моральную поддержку оказал ему Русский Совет в пережитое трудное время. Он добавил, что никакой у него задней мысли нет и что никакой недоговоренности у него в отношении Совета никогда не было и не будет.

На последнем заседании Президиума Совета, 23 сентября 1922 года, Петр Николаевич обратился к нему с речью, в которой заявил, что он предполагал лишь временно прекратить деятельность Русского Совета, считая невозможным произвести в создавшихся условиях новые выборы в широком масштабе. Но Совет вынес постановление о своей ликвидации, которое он, как председатель Совета, утверждает. Ознакомившись с прениями, он счел необходимым добавить, что упреки ему некоторых членов Совета, что ликвидация его являлась преднамеренным решением из опасения засилья одной из политических группировок, и обвинение одного крыла другим о взрыве Совета свидетельствуют о том, что дальнейшая его работа протекала бы в атмосфере партийной борьбы.

При переходе армии в Сербию и Болгарию в Русский Совет вошло большое число, говорил далее Петр Николаевич, лиц, искренно сочувствующих армии, но более далеких ей в прошлом. Поэтому он должен отказаться от создания вокруг армии государственно-национального центра, могущего объединить работу общественно-политических кругов. Ныне она ставила себе задачей облегчить на чужбине тяжелое существование своих соратников и сохранить Русскую Армию, единственно реальную политическую ценность за рубежом. «Я верю, – закончил Врангель, – что наступит время, когда утихнут политические страсти и русские люди объединятся перед лицом общего врага».

В отношении ликвидации Совета я не принимал никакого участия. Я уже не состоял начальником штаба армии и в политической деятельности Врангеля не принимал никакого

участия. Но я еще немного раньше считал необходимым ограничить политическую деятельность за рубежом Главного командования и еще год назад считал нужным ликвидировать Русский Совет. Несомненно, что в нашей борьбе за сохранение армии Русский Совет оказывал нам существенную моральную поддержку и давал опору на русскую зарубежную общественность, но Русский Совет имел лишь местное, константинопольское значение. Никакие, даже вполне поддерживающие нас политические организации в других странах не признавали за ним тех прав, которые были так дороги членам Русского Совета. Особенно были против Русского Совета наши дипломатические представители.

Они всецело впряглись в работу по приему наших контингентов Балканскими государствами, хорошо были осведомлены о тех затруднениях, которые могли препятствовать этой работе, и видели в появлении на Балканах Русского Совета ненужное армии препятствие. В этом отношении и я был на их стороне.

* * *

Чтобы составить себе точное представление о всей широте мероприятий, какие мне пришлось проводить для того, чтобы поставить наши усталые от лагерных условий жизни части в наиболее лучшую обстановку и в моральном и в материальном отношениях, интересно иметь представление, как наши части были устроены на Балканах.

Армия ушла из лагерей с чувством наступающего избавления от моральных невзгод и материальных лишений. Будущее давало надежду на лучшие материальные условия, и состоявшиеся перевозки вносили моральное удовлетворение одержанного успеха в борьбе за свое сохранение. С прибытием в славянские страны части армии, закаленные суровыми испытаниями, вступили в новую фазу жизни и борьбы за свое существование.

Расселение армии прежде всего действительно повлекло за собой улучшение материальных условий жизни, а теплое отношение родственного ей населения обещало дать возможность отдохнуть и душой.

Наши части, расселенные в Королевстве С.Х.С. и Болгарии, устраивались там не в одинаковых условиях. В этом отношении они резко разделялись на две группы, в зависимости от источников средств на их содержание.

Первая группа, общей численностью в 12 тысяч человек, сразу

по приезде на новые места была поставлена на различного рода работы или службу и добывала своим трудом средства к существованию, требуя от нас лишь дополнительных расходов на различного рода нужды войсковых частей. Группа эта, в свою очередь, по условиям жизни, труда или выполняемых обязанностей подразделялась на две категории, равные по численности: первая категория – это были гости, находящиеся на работах. Вторая категория – части, принятые на государственную службу, – в пограничную стражу и отчасти в жандармерию Королевства С.Х.С.

Вторая группа состояла из частей, находящихся «на иждивении Главного командования», то есть из частей, расселенных в той или другой стране, живущих почти нормальной жизнью воинских частей и содержащихся полностью на средства, ассигнованные послом Бахметевым.

Группа эта была большей по численности и в первое время доходила до 18 000 человек.

Такое положение рассматривалось нами как временное, до подыскания для них подходящих работ. Численность ее постоянно менялась, в зависимости от того, сколько нам удавалось подыскать подходящих работ. Постановка этой группы на работы освобождала имеющиеся в распоряжении Главного командования средства на улучшение тех сторон быта армии, которые не могли быть удовлетворены с достаточной полнотой. Нужды это были – культурно-просветительная работа в войсках, широкое развитие образовательных и воспитательных мероприятий, призрение и помощь нетрудоспособным чинам армии и инвалидам.

Кроме того, возможно большее сокращение чинов армии, содержимых за счет Главного командования, допускало обеспечение целого ряда других условий, важных для дела сохранения армии на более долгий срок. Это давало средства жизни тем учреждениям, которые составляли жизненные ее органы, по характеру своей деятельности не могли быть поставлены на работу. Это допускало сохранение ячеек войсковых организаций, на которые должна была лечь обязанность по осуществлению вслед мероприятий по улучшению быта работающих людей части. Наконец, это же позволяло предусмотреть более полное удовлетворение духовных потребностей армии и на более долгое время и иметь резерв средств на случай каких-либо осложнений в ее существовании.

Среди частей армии, содержимых на счет Главного командования, находились те военные и гражданские учебные заведения, которые были эвакуированы вместе с армией с Юга

России или же вновь созданы во время ее жизни на чужбине. Вместе с армией в Королевство С.Х.С. были перевезены три кадетских корпуса и 2 женских института, которые удалось устроить на содержание державных средств Королевства. Эти учебные заведения требовали от нас лишь некоторых дополнительных расходов на улучшение их быта и учебно-воспитательное дело.

По негласным условиям, заключенным мною с правительствами принявших части армии стран, как указывалось выше, вся армия в местах ее расположения сохраняла воинскую организацию, дисциплину, внутренний распорядок жизни и подчиненность своим начальникам и была ограничена только в пользовании оружием, которое было оставлено лишь для учебных целей, в установленных соглашением размерах.

Расселение контингентов армии в двух различных странах и различные причины местного характера вызвали необходимость некоторого изменения в организации органов ее управления. С переездом армии в славянские страны были сохранены следующие органы управления: штаб Главнокомандующего, его политическая канцелярия, финансовая часть и часть контроля. Нахождение частей армии в двух государствах и различные условия отдельных групп потребовали некоторой реорганизации штаба Главнокомандующего. Затруднительность в существовавших условиях международных отношений поддержания регулярной связи между ними вынудила генерала Врангеля иметь в каждой стране орган, при помощи которого его власть действовала бы непрерывно. Это соображение вызвало разделение моего штаба на две части, постоянно связанные друг с другом и подчиненные в одинаковой мере мне, но расселенные каждая в одной из стран. Во главе каждой части штаба был поставлен ее начальник, во время моего отсутствия в данной стране пользовавшийся большей, чем обычно, самостоятельностью и правами и являвшийся на это время моим заместителем. Эта организация давала одновременно возможность генералу Врангелю при ожидавшихся переездах из одной страны в другую сохранять при себе орган своего штаба.

Фактически я всегда находился в той стране, где отсутствовал Главнокомандующий, и являлся для войск, в этой стране расположенных, его заместителем. Применение этой меры вполне оправдало себя, особенно в Болгарии, в те дни, когда события внутренней политической жизни прерывали связь частей, там находящихся, с Главнокомандующим, и иногда на продолжительное время.

Местом постоянного своего пребывания генерал Врангель

наметил Королевство С.Х.С., предполагая выезжать в Болгарию только для посещения войск. Однако последующие события помешали этому и лишили генерала Врангеля возможности видеть части, расселенные в Болгарии. Только принятые Королевством С.Х.С. части армии с переездом его туда получили, наконец, возможность видеть своего Главнокомандующего в своей войсковой среде.

С конца 1921 года в Королевстве С.Х.С. были расселены и устроены следующие войсковые части: Кавалерийская дивизия; Кубанская казачья дивизия; Гвардейская казачья группа, состоящая из Конвойного полка Главнокомандующего, лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Атаманского и Гвардейского Кубанского дивизионов и Гвардейской Донской казачьей батареи, Донского технического полка; Саперная, понтонная и техническая роты 1-го армейского корпуса; Николаевское кавалерийское училище; 3 кадетских корпуса: Крымский, Русский сводный и Донской.

Кавалерийская дивизия под начальством генерала Барбовича была принята на Королевскую службу в Корпус Пограничной стражи всем своим составом. Первоначально каждым чином дивизии был подписан контракт с правительством, обязывавший его службой в стране в течение одного года. Впоследствии по истечении года условия службы были изменены, в связи с изменением организации пограничной стражи Королевства, и часть дивизии перешла на работы. В первую очередь были приняты: на классные должности, соответствующие по правам офицерским, 64 человека из числа старших офицерских чинов дивизии; на унтер-офицерские должности – 17 офицеров и в качестве рядовых «граничар» – 2540 солдат. Всего 3382 человека. С течением времени чисто воинских чинов, вступивших на службу в пограничную стражу, было увеличено приемом всей Галлиполийской казачьей группы общей численностью офицеров и казаков – 1100 человек, а также дополнительным приемом на свободные вакансии около 300 человек, прибывших с последним эшелоном войсковых частей из Галлиполи.

Условия службы чинов Русской Армии в сербской пограничной страже, их обязанности и отношение к сербским чинам и начальникам были точно регламентированы особой инструкцией, выработанной штабом Кавалерийской дивизии совместно с командиром корпуса пограничной стражи полковником Ристичем.

Доброжелательное отношение к чинам Русской Армии со стороны сербского командира корпуса и всех высших сербских его чинов помогло русскому командному составу при выработке

этой инструкции ввести в нее все те требования, которые давали возможность русским чинам корпуса выполнять свои обязанности в наилучших и привычных им условиях. Значение русского командного состава и отношение его к русской части пограничной стражи той инструкцией было сохранено с точностью. Везде русские солдаты оставались в подчинении своим офицерам и через этих офицеров сносилось с ними сербское начальство. Генерал Барбович, с небольшим штабом, находился при командире корпуса пограничной стражи и являлся высшим русским начальником, именовавшимся высшим инспектором.

Сложнее оказалось наладить нормальные отношения с младшим сербским командным составом в частях, непосредственно несущих службу, где возникло немало недоразумений из-за незнакомства сербов с характером русских младших чинов, в большинстве случаев вполне интеллигентных и вполне развитых. Недоразумения эти, однако, почти всегда благополучно разрешались. Материальные условия службы были не одинаковы для всех. Офицеры, принятые на чиновничьи должности, и солдаты условиями оплаты их службы были поставлены в благоприятную обстановку. В особенности это касалось положения солдат.

Получая сравнительно небольшое жалованье, в среднем 350 динар в месяц, они, однако, пользовались казенным отпуском натурой – квартиры и обмундирования. Кроме того, почти все они были холостые, что также значительно облегчало условия их жизни. Гораздо труднее было материальное положение семейных офицеров, принятых на должности унтер-офицеров или капралов и получавших всего на 50— 150 динар больше солдат, но имевших несравненно большие потребности и поставленных перед необходимостью нанимать на эти средства и помещение для жилья.

Положение семейных чинов армии всегда нас озабочивало, и в этом отношении мы шли навстречу, по мере имеющихся у нас средств. Первоначально мы периодически поддерживали семейных чинов Кавалерийской дивизии отпуском денежных средств, в виде особого пособия, а впоследствии получили возможность установить регулярный отпуск на каждого члена семьи небольшого ежемесячного пособия в 125 динар. Кроме того, нам пришлось взять на себя заботы и расходы по организации санитарного обеспечения и удовлетворения духовных потребностей этих частей армии.

Известное число врачей было устроено на должности унтер-офицеров пограничной стражи, и они получили содержание в

установленном чиновникам размерах. Но нам все же было необходимо принять на себя полностью расходы по снабжению их медикаментами. Части снабжались на наши средства газетами, библиотеками и т. д. Было обращено внимание и на удовлетворение религиозных потребностей частей кавалерийской дивизии, в которых командировались священнослужители для совершения религиозных треб.

На исходе первого года службы Кавалерийской дивизии в Сербской пограничной страже наметились коренные изменения в организации самой пограничной службы Королевства. Правительством предположена передача ее из ведения Военного министерства в Министерство финансов и реорганизация Корпуса пограничной стражи в так называемую финансовую стражу. Переход этот повлек за собой некоторое повышение ставок жалованья для служащих, но вместе с тем и общее сокращение их числа. Всем чинам дивизии, желающим оставаться на службе в финансовой страже, было предложено возобновить контракт на новый год в новых, более благоприятных условиях; остальная же часть дивизии должна была стать на работы.

Кубанская казачья дивизия, с приданным ей Донским Техническим полком, под начальством генерала Зборовского, общей численностью около 4000 человек, по прибытии в Сербию были сразу же поставлены на различные государственные работы, в трех группах в районе Ниш-Вранья.

Характер работ, условия жизни и оплата труда в различных группах работающих частей дивизии несколько разнились, в зависимости от того, какое ведомство становилось производителем работ. Однако доброжелательное отношение к русским со стороны сербских инженеров, стоявших во главе этих работ, дало возможность на всех ее участках вырабатывать более или менее сходные основные положения. Условия эти, заключаемые ими с предпринимателями, регламентировали порядок их производства работ, заработную плату и обеспечение временно нетрудоспособных чинов дивизии. Они в то же время давали гарантию полного сохранения воинской организации, дисциплины, внутреннего распорядка воинской жизни и нормальную схему подчинения своим начальникам.

Командный состав и все хозяйственные, распорядительные и санитарные органы воинских частей, сохраненные в самых необходимых размерах, поступили на содержание производителей работ. Средняя заработная плата рядового работника в первое время была установлена в 18 динар. В тех группах, где было организовано артельное хозяйство с получением продуктов через сербские рабочие секции, на руки

рабочему выдавалось в сутки около 11 с половиной динар, а 6 с половиной удерживалось на его довольствие.

Те чины дивизии, которые выполняли какую-либо специальную работу, получали большую плату. Колебания оплаты труда этих, особых работников были определены контрактами в границах от 20 до 40 динар в сутки. Нормальным рабочим днем было установлено считать на работах ведомства государственного строительства 9 часов, а на работах ведомства путей сообщения – 8 часов. Сверхурочные работы оплачивались отдельно. Заключительными соглашениями предусматривались также случаи обеспечения материальной помощи от секции нетрудоспособных чинов дивизии и членов семей работающих, а также обеспечение санитарной помощи.

Если рабочий чин дивизии получил на работах какое-либо увечье, связанное с потерей трудоспособности, то секции принимали на себя заботы об устройстве его на правительственные субсидии существующих в стране законоположений. Главному командованию в отношении частей Кубанской дивизии приходилось нести лишь дополнительные расходы на улучшение быта работающих. Части снабжались газетами, различным учебным и информационным материалом, библиотеки пополнялись книгами, организовывалось чтение лекций, сообщений. Впоследствии, с переходом некоторых групп частей дивизии на новые работы, несколько менялись установленные вначале нормы и условия оплаты их труда, то в ту, то в другую сторону. Однако эти колебания не изменили существенно первоначальное положение.

Только вопрос обеспечения семейных денежной помощью от учреждений, дававших работу, на некоторых работах получил отрицательное решение, и заботы о них в этом случае перекладывались полностью на нас.

Первое время по прибытии в Сербию части Кубанской дивизии жили в палатках, вывезенных из военных лагерей. С наступлением же осенних холодов везде было приступлено к сооружению землянок, которые к зиме были всюду отстроены из материала, предоставленного секциями. Только в тех местах, где не хватало необходимого материала или где работы производились в районе значительных селений, части были расквартированы в частных домах с весьма незначительной оплатой помещений – самими работающими. Плата за помещение в месяц с человека не превышала 3–5 динар.

В некоторых более тяжелых условиях находились первое время по прибытии в Сербию части Технического полка 1-го армейского корпуса, переброшенного из Галлиполи с последним

эшелоном. Самый приезд их в глубокое осеннее время и постановка их на железнодорожные работы в район Горно-Милоновац, где предпринимателями работ заранее ничего не было подготовлено к приему значительного числа рабочих, не позволил им сразу создать себе сносных условий жизни. С большим трудом устраивались эти части на зиму, и только к весне им удалось устранить все недочеты.

Впоследствии их удалось устроить на работах в районе Белграда, где условия работы были сходны с теми, которые существовали в частях Кубанской дивизии. Все эти части, с самого начала поставленные на работы, к концу первого года оказались, по сравнению с другими, в наилучших условиях и более других обеспечены материально. Отношения с сербскими инженерами и другими представителями рабочих или строительных секций поддерживались отличные. Большое значение имело при этом то обстоятельство, что работоспособность казаков этой дивизии, в сравнении с обыкновенными сербскими рабочими, стояла неизмеримо выше, благодаря чему многие работы были закончены значительно ранее, чем это было намечено при строительных предположениях. Некоторые затруднения в первое время вызывали заботы о поддержании в должном виде обмундирования. На некоторых работах верхнее платье изнашивалось очень быстро, и своевременная и дешевая починка его приобретала большое значение. Мы посильно помогали казакам, выдавая что могли из сохранившихся у нас запасов обмундирования, и затем во всех частях были налажены разного рода починочные мастерские, которые со временем расширили свою деятельность и обслуживали местное население. Появившиеся вскоре у казаков свободные деньги пробудили почти везде желание восстановить свою военную форму. В праздничные дни и на различных смотрах, полковых молебствиях и обедах, по случаю старых войсковых праздников, казаки оказались поголовно и по форме одетыми. Во время пребывания Кубанской дивизии на территории Сербии руками ее казаков был создан целый ряд грандиозных сооружений.

Все созданное их трудом должно явиться памятником Русской Армии на землях братского народа. Частями дивизии к концу 1923 года было закончено сооружение прекрасного шоссе Карбовац – Васильград, протяжением в 40 километров по прямой линии, в горной местности, с перевалами Босна-Кобыла, высотой около 1950 метров, и участка железной дороги Ниш – Княжевац, произведенной в дикой местности, потребовавшей устройства значительного числа туннелей. Кроме того, ими производились

работы по разработке лесных дорог в районе Чуп-рия – Сенький Рудник, по постройке казарм в Васильграде, организован целый ряд мастерских в Нише. Некоторые части дивизии перешли затем на постройку новой железнодорожной линии Топчидер— Крона. Продолжительное нахождение частей Кубанской дивизии на работах не оказало вредного влияния на их воинскую организацию, дисциплину и их военное воспитание. Сплоченность частей и крепость духа сохранились прежние, несмотря на совершенно исключительные для всякой военной организации условия их существования. Объезд генерала Врангеля в апреле 1922 года частей, находившихся на работах, восторженно встретил своего вождя, и разговоры его с офицерами и казаками произвели на него прекрасное впечатление. Блестящий внешний вид, сознательное отношение каждого к положению армии и твердое убеждение в необходимости полного единения были выявлены в полной мере.

В. Витковский[63]
Пребывание Русской Армии в Болгарии и коммунистическое движение в 1922–1923 годах[64]

После оставления Крыма в ноябре 1920 года Русская Армия была расположена в Галлиполи, на Лемносе, в Чаталдже и в других, более мелких лагерях Константинопольского района.

Главнокомандующим, генералом бароном П.Н. Врангелем, было достигнуто соглашение с французским правительством, по которому Франция приняла под свое покровительство русских, эвакуированных из Крыма, и в обеспечение своих расходов получила в залог наш военный и торговый флот.

Вскоре, с декабря месяца, начались всевозможные затруднения и трения с французскими властями, которые хотели как можно скорее распылить армию и расселить людей на постоянное жительство в разные страны, включая и возвращение в СССР.

Генерал Врангель решил обратиться к славянским странам, к Болгарии и Сербии, чтобы расселить там нашу армию. В это время там существовали наши русские посольства. В Болгарии посланником был А.М. Петряев. В Софии было управление нашего военного представителя. Представителями были сперва генерал штаба генерал-майор Романовский, а затем генерал штаба генерал-лейтенант Вязмитинов. Задача была весьма трудная, ибо много было препятствий как политического, так и финансового характера. В составлении договора с болгарским правительством с нашей стороны принял участие и начальник штаба Главнокомандующего, генерал П.Н. Шатилов.

Ниже приводится текст документа, подписанного в 1921 году.

«ВЫПИСКА ИЗ ДОГОВОРА О ПРИЕМЕ РУССКИХ ВОЙСК В БОЛГАРИЮ

РАЗДЕЛ 1. Прием, распределение и размещение.

А. *Прием.* Болгарское правительство изъявляет согласие на прием: 1) Не отдельных людей, но только вполне организованных частей, имеющих полную воинскую организацию, с командным составом по назначению Главнокомандующего Русской Армией. 2) При обязательном условии, что части назначаются исключительно по выбору и указанию Главнокомандующего Русской Армией. 3) При ручательстве Главного командования

Русской Армии, что части эти вполне дисциплинированы и что во время пребывания их на Болгарской территории добропорядочность их поведения и полная внутренняя дисциплина будут поддерживаться русским командным составом, для чего ему, последнему, предоставляется право осуществлять необходимые дисциплинарные меры.

Б. Распределение. 4) Прибывающие части направляются на порты Бургас или Варну по указанию Штаба Болгарской Армии, в зависимости от пунктов размещения предназначенных стоянок, по соглашению Штаба Болгарской Армии с Военным Представителем Главнокомандующего Русской Армией в Болгарии. 5) В указанных портах распоряжением Штаба Болгарской Армии подготовляются приемно-питательные пункты для размещения и довольствия прибывающих частей впредь до отправления их по пунктам размещения. Вся распорядительная часть возлагается в этих пунктах на особо назначенных Штабом Болгарской Армии лиц. Для облегчения связи и сношения с прибывающими частями от Русского Военного Представителя в этих пунктах назначаются на время пребывания частей особые уполномоченные. 6) Необходимые карантинно-дезинфекционные меры упрощаются до возможного минимума при засвидетельствовании судовым врачом санитарного благополучия в пути.

В. Размещение. 7) По выполнении всех формальностей приема в порту части по возможности без замедления, обеспечиваясь довольствием по расчету на все время пути – плюс однодневный запас, направляются распоряжением Штаба Болгарской Армии в указанные им пункты стоянок, каковыми предположительно намечаются: а) Орхание, б) Ловеч, в) Севлиево, г) Никополь, д) Новая Загора, е) Тырно-во-Сеймен, ж) Казанлык, з) Карлово, и) Кызыл-Агач, к) Берковица и л) Ески-Джумая. 8) В указанных пунктах распоряжением Штаба Болгарской Армии назначаются особые приемщики-квартирьеры – офицеры, которые указывают командирам прибывающих русских частей предназначенные для них помещения и сдают им таковые по заранее приготовленным описям, с необходимым казарменным инвентарем. 9) Русские части размещаются в указанных казармах с уплотнением намеченной для мирного времени нормы не менее 25 %, например: Орхание в мирное время – 4 роты, на 500 человек – размещается не менее 625 человек. 10) Для обеспечения немедленного довольствия частей по прибытии их в указанные места там должно быть подготовлено распоряжением Штаба Болгарской Армии соответствующее количество хлеба и провианта, а равно обеспечена возможность приготовления

горячей пищи и кипятку на прибывающих людей. 11) Русским частям предоставляется право пользоваться в пунктах их расположения банями на общих основаниях с чинами Болгарской Армии. Очередь устанавливается Начальником Гарнизона.

РАЗДЕЛ 2. Довольствие.

12) До прибытия и размещения по пунктам стоянок, а равно и первые несколько дней по прибытии, части обеспечиваются, где это возможно, горячей пищей и кипятком, распоряжением Штаба Болгарской Армии, а где невозможно, сразу становятся на собственное артельное довольствие. 13) Довольствие производится по обыкновенным кормовым окладам и по нормам продовольственного пайка, установленного для Болгарских войск. Эти нормы пайка и кормовых окладов сообщаются Штабом Болгарской Армии Русскому Военному Представителю для объявления частям отряда и к руководству. 14) Довольствие части ведут собственным попечением, получая авансы в месячном размере и производя закупки провианта. 15) Ввиду возможности недостатка у прибывающих частей котлов, ведер, черпаков, вилок и других подобных принадлежностей для приготовления и раздачи пищи, Штаб Болгарской Армии, в пределах возможности, снабжает части названным имуществом во временное пользование, выдавая таковые по описям и по просьбам командиров частей. 16) Для выдачи людям на руки денег на личные расходы (табак, мойка белья и пр. мелкие расходы) распоряжением Штаба Болгарской Армии отпускается ежемесячно, в начале каждого месяца, по письменным требованиям командиров частей о числе состоящих в части людей, аванс в размере 100 левов в месяц на каждого, состоящего в списках части чина. 17) Вся денежная отчетность частей производится приказами по частям и контролируется на общих основаниях поверочными комиссиями и Представителем Государственного Русского Контроля. 18) Все расчеты с Болгарскими довольствующими учреждениями производятся по соглашению Штаба Болгарской Армии с Русским Военным Представителем, на основании письменных документов и приказов по частям. 18) Всякого рода могущие быть недоразумения по вопросам довольствия или пожелания, не имеющие основных положений, разрешаются соглашением Начальника Штаба Болгарской Армии и Военного представителя Русской Армии с дополнительным объявлением такового болгарским и русским чинам.

РАЗДЕЛ 3. Применение к работам.

20) Русские части принимаются на территорию Болгарии на содержание за счет русских средств согласно вышеуказанного

основного договора о порядке оплаты расходов – могут быть привлекаемы Болгарским Правительством в порядке особых частных соглашений с Военным Представителем Русской Армии, на неопасные для жизни и здоровья людей правительственные работы, с оплатой труда по средней рыночной рабочей цене, с выдачей одной половины заработной платы работающим и с зачислением другой половины заработной платы в основной фонд, на содержание людей. 21) Болгарское Правительство считает допустимым на указанных в п. 20 основаниях участие частей и отдельных команд на работах у населения в пределах районов стоянок частей, по обоюдному соглашению работодателя и командира части, с письменного разрешения Русского Военного Представителя. 22) В случае общественных бедствий (пожары, обвалы, наводнения) русские части на общегуманитарных началах принимают участие в оказании помощи населению по первому зову Болгарских военных властей безвозмездно.

Примечание: Русские части не могут принимать никакого участия во внутренних делах страны или в ее внешних недоразумениях, равно как и не могут быть привлекаемы в таких случаях кем бы то ни было».

Только осенью 1921 года, то есть почти через год после оставления нами Крыма, части армии стали покидать лагеря – Галлиполи, Лемнос, Чаталджи – и переселяться в Болгарию и Сербию. Перевозка закончилась в январе 1922 года.

В Болгарию прибыли: 1-й армейский корпус, под начальством генерала А.П. Кутепова, и Донской корпус, под начальством генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. Из состава этих корпусов, из 1-го армейского – Кавалерийская дивизия и из Донского корпуса – Кубанская дивизия были направлены в Сербию.

Расположение в Болгарии было следующее.

Штаб 1-го армейского корпуса – город Велико-Тырново. Штаб 1-го пех. дивизии – город Свищов. Штаб Донского корпуса – город Старая Загора. Части корпусов были расположены по городам, в казармах, причем 1-го корпуса – преимущественно в Северной Болгарии, а Донского – в Южной.

Необходимо указать, что со времени оставления нами Крыма советская власть неизменно принимала все меры к тому, чтобы ухудшить положение нашей армии, внести разложение в воинскую среду и добиться возвращения в СССР возможно большего числа ее чинов.

Не достигнув желаемых результатов во время пребывания армии в Галлиполи и на Лемносе, большевики обратили особое внимание на Болгарию, куда прибыла наибольшая часть Русской Армии и где они считали более подходящими условия

возможности воздействовать на болгарское правительство, развить коммунистическую пропаганду в стране и вместе с тем добиваться разложения частей Русской Армии. Для достижения своих гнусных целей большевики не стеснялись в деньгах и применении обычных для них средств – обмана, клеветы, подкупа и т. п.

Уже через несколько месяцев нашего пребывания в Болгарии, с весны 1922 года, стали сказываться результаты большевистской работы – начались всякого рода недоразумения, осложнения и придирки со стороны болгарских властей. Я постараюсь, по возможности в хронологическом порядке, отметить то, что нам пришлось испытывать и переживать под все усиливающимся влиянием большевистской деятельности.

На 2 апреля в штабе корпуса (Велико-Тырново) генерал Кутепов назначил съезд старших начальников. Предварительно некоторые из них прибыли ко мне в Свищов, и мы вместе выехали в Тырново. Со мною были: генерал-майоры Фок[65], Буров[66], Зинкевич[67], Ползиков[68], Баркалов[69], Пешня, Скоблин[70], Туркул[71], Бредов и полковник Христофоров[72]. На рассвете 2 апреля, когда поезд наш приближался к станции Павлекени, произошло крушение поезда, вследствие того что были развинчены рельсы. Дело это было рук коммунистов, узнавших о поездке русских начальствующих лиц. К счастью, никто из нас не пострадал. В течение апреля мне, как заместителю генерала Кутепова, пришлось быть в Тырнове еще два раза, вследствие все осложнявшейся для нас обстановки.

В первых числах мая в Софии был произведен обыск у полковника Самохвалова, состоявшего в управлении нашего военного представителя, и затем последовал его арест. При этом обращение с ним было возмутительное, и он подвергался даже побоям.

12 мая генерал Кутепов был вызван болгарскими властями в Софию. Прибыв в военное министерство, к начальнику штаба Болгарской армии Генерального штаба полковнику Топилджикову (окончил в России Академию Генерального штаба), генерал Кутепов оказался арестованным. 14 мая туда же был вызван генерал Шатилов, также там арестованный.

15 мая я прибыл в штаб 1-го армейского корпуса (Велико-Тырново) и вступил во временное командование корпусом.

16 мая генералы Кутепов, Шатилов и наш военный представитель генерал-лейтенант Вязмитинов были высланы из Болгарии. Военным представителем был назначен военно-судебного ведомства генерал-лейтенант И.А. Ронжин.

15 мая болгары оцепили расположение Корниловского полка

в Горно-Паничереве, произведя обыск. 16-го они произвели обыск в аптечном складе в Тырнове и в корпусном лазарете в Арбанасе.

Со всех концов Болгарии стали поступать донесения о всевозможных трениях, обысках и арестах. Затем последовало распоряжение болгарских властей о воспрещении чинам Русской Армии проезда по железной дороге без особого на то разрешения властей.

19 июня было получено распоряжение генерала Врангеля о принятии мер к постановке чинов нашей армии на частные работы ввиду материальных затруднений командования.

23 июня заболел начальник штаба корпуса Генерального штаба генерал-майор Штейфон[73] и был отправлен в госпиталь на Шипку. Врид начальника штаба я назначил Генштаба генерал-майора Бредова, который прибыл из Свищова 26 июня.

3 июля был произведен обыск в Горной Джумае в Корниловском военном училище, и затем были арестованы и высланы из Болгарии начальник училища Генштаба генерал-майор Георгиевич со старшими чинами училища, в числе 7 человек.

4 июля я выезжал в Софию, где совместно с генералом Е.К. Миллером, командированным туда генералом Врангелем, нашим посланником А.М. Петряевым и генералом Ронжиным нами принимались меры к прекращению творившегося произвола и насилий. К сожалению, наши усилия не имели успеха.

6 июля обыск в городе Белоградчике, в Марковском полку, арест и высылка командира полка генерал-майора Пешни с 12 старшими офицерами. По донесению вступившего во временное командование полковника Емельянова, население города Белоградчика отнеслось очень сочувственно к нам, пыталось даже протестовать, а провожая наших арестованных на вокзале, бросало им цветы.

16 июля в Тырнове болгарские жандармы напали на группу юнкеров Сергиевского артиллерийского училища. В результате нападения юнкер Аабода был убит и 4 юнкера было ранено.

В таких тяжелых условиях приходилось проводить устройство наших чинов на частные работы. Чины корпуса устраивались главным образом на тяжелые работы, преимущественно на шахты, наибольшая из которых была угольная шахта «Мина Перник» к югу от Софии.

Нельзя не отметить, что дисциплина и поведение наших воинских чинов оставались на высоте. Связь со всеми частями корпуса поддерживалась, несмотря на трудности, всевозможными средствами. Для сохранения организационных начал и связи повсеместно образовывались партии отдельных войсковых частей

и группы корпуса, со старшими партий и начальниками групп, по назначению.

Отношение к нам болгарского населения в массе оставалось все время хорошее, и только власти на местах, исполняя распоряжения свыше, создавали чрезвычайно тяжелое для нас положение.

Большевикам удалось очень быстро подкупить власть имущих, во главе с премьер-министром Стамболийским, доказательства чего были обнаружены и подтверждены последующим болгарским правительством, сменившим коммунистов 12 июня 1923 года.

Произвол и насилия продолжались и увеличивались. 24 августа было получено донесение от Корниловского полка (Горно-Паничерево) и от Технического батальона (Шумен) о требовании снять форму. 31 августа в Нова-Загоре были избиты 9 молодых офицеров Николаевского инженерного училища. В начале сентября были случаи задержания выдачи корреспонденции, адресованной штабу корпуса.

2 сентября в Велико-Тырнове был арестован инспектор классов Сергиевского артиллерийского училища, полковник Безак[74], с несколькими офицерами, без предъявления какого-либо обвинения, и все были отправлены в Варну.

6 сентября днем, когда я находился в штабе корпуса, расположенном в болгарских казармах в Велико-Тырнове, внезапно явился вооруженный отряд болгарской полиции, арестовал меня и всех чинов штаба и опечатал помещение штаба.

7 и 8 сентября я находился под домашним арестом, у себя на квартире, где у меня был произведен обыск, причем были взяты все находившиеся у меня бумаги и сложены в один общий пакет. 9-го я был переведен под стражей в жандармерию, а с вечерним поездом меня и чинов штаба, в числе 45, отправили в Софию. Ко мне был приставлен болгарский офицер, подпоручик Балабанский.

В Софию мы прибыли 10 сентября утром. С вокзала, по указанию болгарского офицера, вместе с ним я отправился в военное министерство. У подпоручика Балабанского был с собой опечатанный пакет взятых у меня бумаг. По прибытии в военное министерство пришлось некоторое время ждать, а затем меня провели к начальнику штаба Болгарской армии Генштаба полковнику Топилджикову, причем я сразу обратил внимание на то, что на письменном столе последнего находился пакет с моими бумагами, уже распечатанный. Встретил меня полковник Топилджиков довольно сухо и затем, перебирая мои бумаги, задал мне вопрос: «Что это опять у вас?» – на что я ответил, что

не у нас, а у них происходит что-то совершенно непонятное, и высказал свое возмущение действиями болгарских властей. Полковник сказал мне, что имеются документы, доказывающие наше участие во внутренних делах Болгарии, и при этом показал мне две бумаги из числа взятых у меня при обыске. На одной была подпись генерала Шатилова и печать штаба Главнокомандующего, на другой подпись генерал-майора Бредова, и на них значилась моя пометка в виде буквы «В». Прочитав содержание этих бумаг, совершенно бессмысленных с нашей точки зрения, и увидев скверно подделанное мое «В», я сразу понял, что это были фальшивые бумаги с подделанными подписями и печатью, подсунутые во взятые у меня при обыске бумаги. Я сейчас же с возмущением сказал об этом полковнику Топилджикову. После некоторых дополнительных объяснений между нами полковник стал несколько сдавать свои позиции, я же настаивал на производстве расследования по этому делу. Затем мне было сказано, что все мы, прибывшие из Велико-Тырнова, освобождаемся, но на условиях оставаться в Софии без права выезда, впредь до особого распоряжения. Будучи на свободе, я в тот же день посетил нашего посланника Петряева и генералов Миллера и Ронжина. Решено было действовать.

11 сентября я был у главного секретаря Министерства внутренних дел Коссовского, которого поставил в известность о происшедшем. Затем посетил полковника Топилджикова и секретаря премьер-министра Кисинова.

12 сентября я подал официальное заявление министру правосудия о производстве расследования. В тот же день я, вместе с генералом Ронжиным, был вызван в военное министерство, где полковник Топилджиков объявил нам, что Высший административный Совет решил выслать из Болгарии меня и некоторых старших чинов штаба корпуса, но время высылки не было указано.

Днем, когда я находился в ресторане «Шишман», куда был приглашен председателем Всероссийского Земского Союза А.С. Хрипуновым, приехавшим из Парижа, мне было подано письмо от Щеглова, офицера, исключенного из армии по суду, с просьбой принять его по весьма важному делу. Щеглов ожидал моего ответа при входе в ресторан. Я вышел к нему, но, не находя возможным вести с ним разговор в такой обстановке, назначил ему свидание у себя в гостинице в 7 часов вечера. В назначенное время Щеглов прибыл. На мой вопрос, какое же у него важное дело, Щеглов ответил, что он уполномочен советской властью предложить мне, как командующему в настоящее время 1-м армейским корпусом, перейти со всем корпусом к ним, причем

советская власть гарантирует оставление в неприкосновенности всей организации и состава корпуса, во главе со мною и всеми начальствующими лицами. Подобная наглость, естественно, вызвала желание выгнать этого предателя, ибо в наших условиях большего сделать было нельзя. Но тут же у меня явилась мысль попробовать добыть от Щеглова некоторые сведения, могущие быть нам полезными. Я стал задавать ему вопросы. Прежде всего – как советская власть может распоряжаться в чужой стране, в Болгарии? На что Щеглов ответил: «Болгарское правительство у нас в руках». Затем он признался, что это советская организация в Болгарии сфабриковала все фальшивые документы и потребовала нашего ареста. Учитывая важность этих признаний, в особенности если бы их мог услышать представитель болгарского правительства, я сказал Щеглову, что сразу не могу дать ему ответа на сделанное предложение, и просил его прибыть ко мне на следующий день, то есть 14 сентября, в 6 часов вечера, на что он, видимо с радостью, согласился.

План мой был следующий: с утра 14-го повидать полковника Топилджикова, рассказать ему о своей беседе со Щегловым и постараться затем официально зафиксировать признания Щеглова. Для этой цели снять соседний номер гостиницы, в котором ко времени прихода ко мне Щеглова должны будут находиться два офицера, от нас и от болгар, которые, слыша весь мой разговор со Щегловым через приоткрытую задрапированную дверь между номерами, должны будут записать и подписать слышанное, что и явится документом, свидетельствующим признания Щеглова – что болгарское правительство в руках советской власти и что все так называемые документы, якобы найденные у нас, поддельные.

14 сентября утром я отправился в военное министерство, к полковнику Топилджикову, чтобы приступить к выполнению намеченного плана. Полковник Топилджиков выразил большое удивление по поводу признания Щеглова, но после некоторого колебания все же согласился с моим предложением, назначив от себя полковника Генштаба Радева (русской Академии Генштаба), я же назначил полковника Генштаба Зайцова[75]. К 6 часам вечера полковник Зайцов уже находился в соседнем номере, ожидая полковника Радева. В 6 часов прибыл ко мне Щеглов, а Радев так и не явился. Полковник Топилджиков обманул меня, видимо, не в интересах болгарского правительства были признания большевистского агента. Мой план не удался, а следовательно, терялась и цель разговора со Щегловым. Я перешел в наступление, высказал ему свое глубокое возмущение его изменой и предательством, посоветовал ему раскаяться в своих

преступлениях, на чем и закончились эти чрезвычайно неприятные переговоры.

Последующие дни проходили в хлопотах о прекращении гонений, о возможности вернуться в Велико-Тырново, о возвращении нам опечатанного имущества и т. д. Одновременно нужно было хлопотать и об улучшении тяжелого положения наших чинов, работавших на Мине Перник, в особенности в отношении жилищных условий.

Желая осуществить давно задуманную поездку на Мину Перник с целью ознакомления с условиями быта и нужд наших рабочих, 27 сентября утром я с уполномоченным Красного Креста А.Е. Фельдманом отправился на автомобиле на Перник, куда и прибыл в $10V_2$ часов. Дабы избежать излишней огласки и считая свою поездку неофициальной, я не посетил дирекцию рудника, а прямо направился к питательному пункту Красного Креста, куда и вызвал начальника группы корпуса полковника Дядюру[76]. Решив на месте вопрос о расширении питательного пункта и устройства при нем амбулатории, я в сопровождении полковника Дядюры обошел некоторые рудники и осмотрел бараки, где помещались наши рабочие. При обходе помещений я беседовал с нашими, расспрашивал их о нуждах и отвечал на их вопросы. Около 15 часов я прибыл в комнату полковника Дядюры, жившего в здании Кметства (общинское управление). Туда же стали приходить старшие партий частей корпуса. Я ознакомил их с текущими новостями, организацией починочной маетерской, чайной, читальной и амбулатории на Пернике, а также с распределением белья и обмундирования, которым я располагал. При этом передо мною на столе лежала памятная записка и листки с разными справками. Когда наша беседа подходила к концу, внезапно вошли кмет (староста) и рабочий, видимо коммунист, ибо в петлице у него была красная звезда. Кмет в резкой форме спросил, что у нас за собрание? Я ответил, что воспользовался случаем, прибыв из Софии, побеседовать со своими соотечественниками. Кмет схватил лежавшие передо мною записки и, сочтя их за какие-то «документы», объявил, что он всех нас арестовывает за устройство неразрешенного собрания, после чего вышел, приставив к дверям одного из служащих кметства.

Считая обвинение кмета неправильным, самый арест самочинным и не желая подчиниться произволу, я вышел из помещения, не обращая внимания на караульного, и направился к питательному пункту Красного Креста. Там в $16^1/_2$ часов мы должны были встретиться с Фельдманом, чтобы вернуться в Софию. Однако в назначенное время Фельдман не прибыл, и я

остался поджидать его. Минут через 10 подошли болгары, вместе с коммунистом с красной звездой, сопровождавшим кмета, которые вновь объявили меня арестованным и в грубой форме потребовали моего возвращения в Кметство. Кроме меня, арестованы были: полковник Дядюра, генерал-майор Мельницкий[77], полковники Солонина, Михайлов, Ершевский[78] и Ульянов, капитаны Уранов, Немудрый, Боанэ[79] и Кречетов[80]. Здесь были уже вооруженные стражники и к дверям был приставлен часовой. Коммунист с красной звездой, по фамилии Миленов, приступил к грубому личному обыску и отобрал у нас находившиеся при нас бумаги.

Через некоторое время появился кондуктор Рафалович с полицейским приставом. Рафалович принес мне от имени дирекции извинение за происшедшее и отправился в Кметство для присутствия при осмотре отобранной переписки и документов. Затем туда провели и меня. При переводе Рафаловичем отобранных у меня бумаг у болгар-коммунистов, во главе которых находился Миленов, возникло подозрение в неправильности перевода, вследствие непонимания ими значения слова «организация» в применении его к Земскому Союзу и Красному Кресту. Рафалович был взят под подозрение, и перевод бумаг был поручен другому лицу.

Ввиду прибытия к этому времени на Перник в дирекцию агента Общественной безопасности, меня под конвоем, в сопровождении пристава и Рафаловича, повели в дирекцию. По пути я видел в стороне от дороги значительную толпу рабочих. Это происходил митинг коммунистов.

В дирекции разговор, в присутствии чинов администрации и прибывшего агента Общественной безопасности, сперва носил мирный характер, и, убедившись, после просмотра отобранной переписки, в совершенно невинном ее характере, чины полиции были склонны признать все происшедшее недоразумением. Однако тем временем, под влиянием принятых на митинге решений, значительная толпа болгарских рабочих, в сильно возбужденном состоянии, с угрожающими выкриками подошла к дирекции и частью вломилась в ее помещение. Вмешательство толпы резко изменило мирный характер улаживания инцидента, и как полиция, так и дирекция, опасаясь тысячной толпы, решили продлить наш арест до утра следующего дня, а затем отправить всех арестованных в Софию. Настроение толпы все более повышалось, и к требованиям ареста присоединились требования «народного суда» надо мною, с угрозами дирекции, и требование ареста и Рафаловича. Последнее было сейчас же удовлетворено.

Вскоре, несмотря на возбужденное состояние толпы, пристав

распорядился отвести меня и Рафаловича, под конвоем 4 стражников, обратно в Кметство, где оставались остальные арестованные. При проходе сквозь враждебную толпу более тысячи болгарских рабочих, распропагандированных коммунистами, мне пришлось подвергнуться оскорблениям в виде брани, плевков и пинков, не перешедших лишь случайно и благодаря вооруженному конвою в настоящее избиение. В кметстве все мы, арестованные, провели ночь на голом полу. За ночь, по требованию коммунистов, отправка нас была отложена до полудня, дабы последние могли проверить отправку арестованных под конвоем в Софию.

Около полудня 28 сентября у кметства снова собралась толпа болгарских рабочих. Вдали виднелась небольшая группа наших рабочих. Все арестованные под конвоем были отведены на станцию железной дороги, где пришлось около часа ожидать поезда. Тем временем вокруг нас стала собираться толпа коммунистов, оттеснившая группу наших рабочих.

По прибытии поезда нас погрузили на открытую угольную площадку, под вызывающие крики и угрозы болгарской толпы, из которой некоторые даже вскочили на буфера площадки, угрожая расправой. В это время наши рабочие, в числе около 100 человек, стали приближаться к поезду. Видя это, коммунисты ринулись в сторону наших рабочих и напали на них. Этой минутой воспользовались, и поезд был отправлен, под гром ругательств коммунистов и крики «Ура!» наших, спасших таким образом нас от озверевшей толпы. Из числа наших рабочих пострадало 9 человек, получивших увечья.

По прибытии в Софию все арестованные со мною были под конвоем пешком отведены в управление околийского начальника на улице Позитано, где нас заперли в арестном помещении. Примерно часа через два нас под конвоем пешим порядком через весь город повели в Министерство внутренних дел, в Управление общественной безопасности. Здесь я увидел начальника Административно-Полицейского отделения господина Стоянова, который, после просмотра привезенных с нами отобранных у нас бумаг, согласился отпустить меня и остальных арестованных, под мое поручительство, с обязательством являться по первому его требованию.

30 сентября мне сообщили, что Высший Административный Совет постановил выслать меня из пределов Болгарии. Я тотчас же приступил к энергичным хлопотам об отмене этого постановления. Я говорил в отдельности почти со всеми членами Высшего Административного Совета, причем мой разговор сводился к следующему: каждому должно быть понятно, что

после всего пережитого здесь, в Болгарии, и особенно в последние дни в Пернике, можно только радоваться случаю покинуть эту страну, но у меня прежде всего есть чувство долга перед моими соратниками. И вот это чувство долга, несмотря на все перенесенные оскорбления, заставляет меня все же просить об оставлении меня в Болгарии. Я указывал, что путь уступок коммунистам, на который встала болгарская власть, кончится очень печально, и ссылался на пример «керенщины».

Конечно, наш посланник и военный представитель также принимали все возможные меры к отмене высылки начальствующих лиц и прекращению враждебных действий против нас, создававшихся под влиянием коммунистов. Насколько это влияние было велико и какими провокационными методами действовали коммунисты, может служить газетная статья (см. Приложение 1).

Прошло еще несколько дней в хлопотах и ожидании. 10 октября, около полудня, когда я находился в управлении военного представителя на Регентской улице, туда прибыл агент сыскной полиции и предъявил мне требование помощника софийского градоначальника Трифонова в тот же день покинуть пределы Болгарии, угрожая в противном случае арестом. В сопровождении поручика Кордуньяна и полицейского агента, который меня уже не оставлял, я сейчас же отправился в наше посольство, чтобы поставить в известность посланника и просить о срочном получении визы в Сербию. После этого мы втроем прибыли в градоначальство, где Трифонов подтвердил требование выехать в тот же день с поездом, отходящим в 15 часов в направлении пограничной станции Драгоман. Дальнейшее сопротивление было уже невозможно.

Времени оставалось очень мало. Проезжая по пути к вокзалу мимо гостиницы, мне удалось распорядиться о своих вещах. Поезд опаздывал, что дало возможность унтер-офицеру Козлову успеть прибыть с вещами на вокзал. Около 16 часов поезд отошел, полицейский агент продолжал следовать со мной. На станции Драгоман пришлось пробыть два дня в ожидании паспорта и визы. 12 октября был доставлен мой паспорт с въездной сербской визой, и с вечерним поездом я покинул пределы Болгарии. После соблюдения обычных формальностей на соседней сербской пограничной станции Цареброд поезд отбыл в Белград, куда я прибыл утром 13 октября.

После моего подробного доклада генералу Врангелю о положении в Болгарии и последних событиях генерал Врангель поручил профессору А.А. Башмакову составить соответствующую книгу, издать ее на французском языке и затем использовать в

дипломатических сферах, дабы наглядно показать вредную и опасную работу коммунистов. Профессору Башмакову я передал много материала, собранного мною, и имел с ним продолжительные беседы. Книга была издана под заглавием «Memoir e sur le Mouvement Communiste en Bulgarie, dur ant annees 1922-2. A.A.B. 1923».

Нельзя не упомянуть о том хорошем впечатлении, которое произвело на меня отношение к нашей армии со стороны короля Александра, его правительства и сербского народа. Это хорошее, братское отношение к нам неизменно проявлялось во всех областях жизни.

Из Болгарии продолжали поступать донесения о работе коммунистических деятелей, но сплоченность и дисциплина помогали нам и в этом трудном положении. Все могущие работать прилагали усилия, чтобы встать на работы, хотя бы и тяжелые, и тем самым облегчить материальное положение нашего командования.

Генерал Врангель со своим штабом продолжал напряженную работу по сохранению нашей воинской организации и облегчению тяжелого положения ее чинов.

11 июня 1923 года пришло сообщение, что в Болгарии в ночь с 8-го на 9-е произошел переворот. Арестованы все министры во главе со Стамболийским, и образовано новое, антикоммунистическое правительство. Вскоре из Болгарии получены были известия, что в стране спокойно и жизнь начинает принимать нормальный характер. Положение наших стало улучшаться.

Главнокомандующий приступил к хлопотам о возможности возвращения высланных из Болгарии начальствующих лиц, и в конце июня было получено соответствующее разрешение. В июле уже началось возвращение начальников к своим частям. Генерал Кутепов вскоре по прибытии в Сербию был назначен в распоряжение Великого князя Николая Николаевича и уже не числился командиром 1-го армейского корпуса.

По приказанию генерала Врангеля я выехал в Болгарию 26 июля и прибыл в Софию 27-го, где и обосновал штаб корпуса. Начали налаживаться отношения с новой болгарской властью. Я был принят министром внутренних дел, генералом Русевым, оказавшим мне весьма любезный прием. Затем в том же министерстве я давал показания о действиях прежнего правительства в отношении нас, русских.

Несомненно, что упорная коммунистическая пропаганда оказывала свое вредное влияние на болгар, ибо с середины сентября начали вспыхивать в разных местах Болгарии восстания

коммунистов, и новому правительству пришлось принимать энергичные меры к их ликвидации. В Софии был введен полицейский час – 20 часов, после которого, до утра, движение по городу прекращалось. Пришлось и нам принять меры предосторожности и отдать распоряжение на случай восстания коммунистов. В конце сентября в стране было объявлено военное положение, введены военно-полевые суды, объявлен призыв запасных и прекращен прием частных телеграмм. Быстрые и решительные меры со стороны правительства способствовали восстановлению порядка в стране.

В связи с материальными затруднениями нашего командования необходимо было ускорить постановку на работы всех трудоспособных, включая и начальствующих лиц. По распоряжению генерала Врангеля, с начала 1924 года были приняты меры к отправкам наших чинов на работы во Францию и Бельгию. Весной эти отправки начались.

1 сентября 1924 года генерал Врангель объявил Приказ № 35 – об образовании Русского Обще-Воинского Союза. В Русский Обще-Воинский Союз включались все воинские части и воинские союзы и общества всех белых армий, боровшиеся на разных фронтах и рассеянные по всем странам зарубежья, а также и те, которые в будущем пожелали бы присоединиться к объединению. Внутренняя жизнь, регламентируемая уставом отдельных обществ и союзов, сохранялась в силе. В своем административном управлении Русский Обще-Воинский Союз делился на отделы, а отделы – на отделения. В созданном Русском Обще-Воинском Союзе генерал Врангель стремился объединить всех, кто оставался верным Родине – России.

16 ноября 1924 года Великий князь Николай Николаевич принял на себя Верховное возглавление Русского Зарубежного Воинства.

С разрешения генерала Врангеля, оставаясь во главе 1-го армейского корпуса, 6 июня 1926 года я отбыл из Болгарии во Францию. Начальником группы 1-го армейского корпуса в Болгарии я назначил генерал-майора Генштаба Зинкевича.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Статья в выдержках болгарской газеты коммунистического толка от 29 сентября 1922 года. В переводе.

Подготовлявшийся военный контрреволюционный переворот на Мине Перник.

Тайное «созаклятническо» собрание врангелевских генералов в Общинном Управлении. – Власть бездействует. – Арест генералов и захват всего их архива рабочими. – Рабочая

демонстрация и митинг перед дирекцией шахт. – Рабочие шахтеры защищают свою правду и свободу под знаменем коммунистической партии. – Дирекция шахт провоцирует рабочих.

В течение лета дирекция шахт разместила около 2000 врангелевцев в шахтерских казармах и бараках при шахтах. Еще тогда мы писали на этом месте, что «дружбашкото» правительство и его перниковская дирекция размещают военные врангелевские части и их штабы и обращают шахты Перника в контрреволюционный военный лагерь против работающих на шахтах и всего рабочего и малоимущего класса в стране.

Вопреки много раз объявленным союзом работающих на шахтах фактам, напечатанным в рабочем вестнике, что в шахтах помещаются явно военные врангелевские части, правительство, дирекция и «блок» публично заявили, что это не военные части, а обыкновенные рабочие шахтеры.

Эти ложные, преступные заявления не помешали дирекции шахт назначить многих генералов и других офицеров на работу в шахты, с тем что они никогда не пойдут на работу, а под прикрытием шахтеров совершают свободно свою военную контрреволюционную и организационную работу по перевороту на Пернике.

С начала сентября штабы разных полков сильно разрослись и наняли несколько частных помещений под клубы для своих штабов под разными названиями – «Русский Красный Крест», «Русская столовая», «Русская лавка» и другие подобные заведения. А перниковские хозяева перед призраком коммунистического революционного движения рабочих и малоимущих с большим удовольствием предлагали и давали свои дома разным врангелевским штабам, генералам и другим офицерам.

Партийная организация, местный комитет и все рабочие бодрствовали и проникли в штабы и их заведения.

27 сентября узнали, что в самом Общинном Управлении в нижнем этаже состоится заседание штабных генералов, полковников и других офицеров во главе с генералом Вл. Витковским из Велико-Тырнова, приехавшим для инспекции своей армии на Пернике.

Др. Александр Миленов, как коммунистический общинский советник, заявил городскому голове, что тот допускает в самом помещении Общинного Управления заседание военного штаба Врангеля для конспирации и организации контрреволюционного нападения на рабочих и малоимущих.

На это заявление и протест городской голова сначала не обратил никакого внимания, и только когда ему объяснили его

большую ответственность за кровавые последствия и что если он будет продолжать бездействовать, то для самозащиты шахтеры Перника и малоимущие крестьяне сами будут действовать и разгонят контрреволюционный военный штаб, только тогда он был вынужден спуститься вместе с др. Ал. Миленовым в комнату, где заседал врангелевский штаб.

На заседании присутствовали 21 офицер и 3 часовых у внешних дверей. При входе др. Миленов им заявил, что они арестованы, но, пока городской голова поставил стражу, 6 человек бежало вместе с генералом Вл. Витковским в русский Красный Крест. Др. Миленов с 4 рабочими нашел их там с готовым уже для побега автомобилем с охраной 15 других офицеров, арестовал генерала Вл. Витковского и агронома Успенского и отвез их в Общинное Управление. При обыске были захвачены все документы и бумаги всей военной организации, из которых самые важные были зашифрованы.

Весть о захвате контрреволюционного штаба моментально распространилась по району шахт, и рабочие собрались перед шахтерским домом в числе более 2000 рабочих. Им были показаны захваченные документы врангелевского штаба и его организации. Это вызвало сильное возмущение среди собравшихся, и все единодушно решили устроить демонстрацию перед управлением шахт и требовать немедленного интернирования и высылки всех военных начальников с шахт.

Тысячное собрание тотчас развернулось в демонстрацию, стройными рядами по 4 в ряд и при полной дисциплине, во главе с местным комитетом и избранной собранием рабочей комиссией, и направилось к управлению шахт. Там образовался большой 3000-ный митинг, на котором власть была вынуждена объявить, что не освободит арестованных и их вышлет из Мины Перник, ибо в противном случае сами рабочие на другой день их арестуют и связанными отправят правительству, чтобы последнее видело своих «обыкновенных мирных рабочих» – генералов и других офицеров-врангелистов.

Избранная рабочая комиссия, с одобрения собрания, решила явиться к министрам и предъявить требования всей шахтерской массы.

Каков будет ответ гг. министров – неизвестно, но дирекция шахт, которая защищает предательские врангелевские штабы, играет с огнем.

Рудничар

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Газета «Демократический Сговор» № 1055 от 30 апреля 1927

года. Статья Г. Добриновича в переводе и выдержках «Из Анкетного Дела о «Дружбашских» злодеяниях».

Среди многих злодеяний, сотворенных «дружбашами» за время их власти, есть и следующее, малоизвестное болгарскому обществу.

В августе 1921 года правительство Стамболийского по договору разместило в Болгарии часть Русской Врангелевской Армии и получило от русского представительства в Париже 100 миллионов левов для поддержания этой части врангелевского войска.

Советское правительство, опасаясь врангелевской армии, хотело ее разложить. Для этой цели были посланы в Болгарию агенты: генерал Комиссаров, Чайкин и др. Они договорились с «дружбашскими» сановниками, тогдашними министрами: Ал. Стамболийским, Райко Даскаловым и председателем Народного Собрания Неделко Атанасовым, чтобы разложить упомянутую армию. Исполнение этого было возложено на тогдашнего помощника градоначальника Станчо Трифонова, который вместе с большевистскими агентами должен был выполнить эти планы. Начались шпионство, подкупы и агитация между врангелевскими солдатами, но результат не был достигнут. Болгарские коммунисты, прилагая все усилия, действовали для достижения той же цели, теми же средствами, под руководством указанных большевистских агентов.

Весной 1922 года помощник градоначальника Трифонов с большевистскими агентами Комиссаровым и Чайкиным написали фальшивые письма и приказы, как бы исходящие от генерала Врангеля полковнику Самохвалову, который был офицером для особых поручений. Содержание фальшивых писем и приказов заключало заговор против Болгарии. Трифонов отмычкой открыл комнату Самохвалова, положив эти письма и приказы в бумаги и объявив Самохвалова заговорщиком, взял у него два револьвера, пишущую машинку и присвоил их, а его деньги, 12 000 левов, поделил со своими агентами. Самохвалова держали 12 дней арестованным при 6-м участке, нанесли ему при участии начальника участка Христова сильные побои и выслали его из Болгарии, без отдачи под суд. «Документы», сфотографированные, были напечатаны в «дружбашских» и коммунистических газетах с лозунгами: «Конспирация врангелевских офицеров против Болгарии», «Гоните их вон из Болгарии!».

Прибывает еще множество большевистских агентов, которых назначают агентами в градоначальство и общественную безопасность. Они становятся распорядителями, вместе с

болгарским коммунистом Мулетаровым. В этих учреждениях начались сильные гонения против офицеров врангелевской армии в Болгарии. Для обезглавления этой армии большевистские агенты составляют планы, а Райко Даскалов распоряжается, как министр внутренних дел, об их исполнении. Высылается много офицеров врангелевской армии, но она все еще остается неразложенной.

В течение августа месяца 1922 года Трифонов с большевистскими агентами Комиссаровым, Чайкиным, Анисимовым (большевистский полковник) и Володей (каллиграф-художник) составили вторую серию фальшивых документов, содержащих заговор против «дружбашских» министров, исходящих от того же генерала Врангеля к командиру корпуса в Тырнове – генералу Витковскому, генералу Ронжину в Софии и другим офицерам той же армии. Документы были написаны на бланках с оттиснутой печатью, выкраденной из штаба генерала Врангеля, подделывается его подпись и подпись генерала Шатилова как начальника штаба. Фальсификатором подписей является каллиграф Володя. Эти «документы» Трифонов при произведенном им обыске в Тырнове в штабе и на квартире генерала Витковского прятал в рукаве, незаметно всунул их между бумагами генерала Витковского, которые собрал в один мешок, запечатал и передал его в Министерство внутренних дел. То же самое он произвел и в Софии, в доме генерала Ронжина. Сразу началось гонение против офицеров врангелевской армии и массовая высылка их из Болгарии. Никакие оправдания не помогли генералу Витковскому. Один из большевистских агентов, который ему предлагал объявить себя большевистским генералом, сообщил ему, как были подделаны документы. Генерал Витковский потребовал установить это, ссылаясь на факты, перед начальником штаба полковником Топилджи-ковым и министром Даскаловым, но те ему отказали.

При «дружбашской» власти в течение этого же, 1922 года большевистские агенты были почти хозяевами положения в Болгарии. Комиссаров стал близким приятелем тогдашнего начальника жандармерии Мустакова, он же и начальник общественной безопасности, с которым много раз вместе кутили. Госпожа Комиссарова неоднократно ночевала в доме Мустакова. Новоприехавший большевистский агент Борис Николаевич Краснославский, который располагал большими суммами, тоже стал близким приятелем Мустакова и однажды вечером, когда вместе кутили в его доме, пришел по службе начальник 4-го участка Митович, и при уходе Краснославский догнал его во дворе и совал ему в карманы около 20 тысяч левов, крупными

банкнотами. Митович возмутился, вернул их и с трудом отделался от непрошеного доброжелателя.

Вскоре Комиссаров с двумя своими приятелями и Трифоновым ночью бросили через забор во двор русского посольства десяток ружей с целью обвинить представителя Петряева в заговоре против «дружбашских» министров. Митович открыл истину и доложил министру Даскалову. Последний не пожелал его выслушать.

Комиссаров начал шпионить и доносить французской разведке фальшивые сведения о нашем оружии и военных материалах с целью ухудшить положение Болгарии. Об этом узнали наши власти и хотели арестовать его, но Трифонов и другие снабдили Комиссарова фальшивым польским паспортом на имя Хриктера и выслали из Болгарии, чтобы не был арестован.

В Софии основалась большевистская Чека под руководством большевистского агента с кличкой Граф Душ ель и членами Чайкиным и Озолом (последний убийца незабвенного болгарского генерала Радко Димитриева). «Дружбашские» руководители не могли не знать этого, но не беспокоили убийцу. Еще больше, Душель ездил даже в Чам Корию для свидания со Стамболийским. Эта Чека издавала смертные приговоры. Она осудила одного из деятельных против советского режима беженца генерала Покровского к смерти. Большевистский агент Краснославский дал Трифонову особое вознаграждение – 50 тысяч левов, и тот с большевистскими агентами-исполнителями поехал в Кюстендил как с чинами софийского градоначальства. Завязывается перестрелка с Покровским, ранят его, затем переносят на окраину города и убивают. Другие такие приговоры исполнялись в Софии.

Трифонов получал от большевистских агентов по 10 тысяч левов в месяц плюс особую награду в 50 тысяч левов и золотой портсигар с драгоценными камнями, подаренный ему на банкете этими же большевистскими агентами. Если так щедро эти агенты платили Трифонову, можно себе представить, сколько давали они более высоким сановникам.

Изложенное и много других преступлений, совершенных «дружбашами», должны оставаться незабываемыми памятниками их злодейств, но некоторые руководители партий с короткой памятью, обещающие законность и порядок, выбранные к власти и руководству, целуются с ними, не стыдясь того, что в рядах «дружбашей» имеется множество патентованных предателей Болгарии, преступников, мошенников и вообще способных на всякие злодеяния и мерзости.

Г. Добринович

М. Каратеев[81]
Белогвардейцы на Балканах[82]

В Югославии

Через несколько дней, добравшись до северных берегов Адриатического моря, мы вошли в бухту Бакар и высадились в каком-то небольшом и чрезвычайно неблагоустроенном порту, в непосредственной близости от Фиуме. Этот важный портовый город, раньше принадлежавший Италии, по версальской перекройке Европы отошел к Югославии и был переименован в Риеку. Но незадолго до описываемых мною событий его снова захватили итальянцы, а точнее – отряд головорезов, собранных известным итальянским поэтом Габриелем д'Аннунцио (это событие послужило главным поводом к тому, что итальянский король вскоре пожаловал Габриелю д'Аннунцио титул князя де Монтеневозо), вследствие чего тут было еще далеко не спокойно. Наглядное подтверждение этому мы получили в тот же день: от места высадки до ближайшей железнодорожной станции нам пришлось по гористой местности идти километров десять пешком, и по дороге кто-то, очевидно по недоразумению, обстрелял нашу колонну из винтовок. Жертв, к счастью, не было.

Расположившись табором вокруг маленькой станции, как обычно голодные и щелкая зубами от холода, мы несколько часов ожидали, пока туда не пришел большой железнодорожный состав, в который все погрузились. Тронулись в путь уже ночью, а часов в десять утра прибыли в хорватскую столицу Загреб. Тут гостеприимные братья хорваты заблаговременно организовали нам теплую встречу: перрон был густо заполнен разношерстным сбродом, который, едва остановился наш поезд, принялся бесноваться вокруг него, с дикой руганью и криками, из которых нам удалось понять лишь то, что мы проклятые белогвардейцы, всю жизнь пившие русскую народную кровь, а теперь приехавшие пить хорватскую. В двери наших теплушек было даже запущено несколько камней, а потому начальство не разрешило нам выходить из вагонов, и вместо предполагавшегося тут завтрака мы потуже подтянули пояса и поехали дальше.

Отсюда наш путь пошел через всю Словению, по умиротворяюще живописной местности, среди невысоких гор, покрытых лесами, – открывающиеся перед нами виды напоминали Тироль, где мне довелось побывать вместе с родителями, еще до поступления в корпус. Вечером поезд

остановился возле крохотной станции Сан-Лоренцо, в лесистых предгорьях Альп. В полуверсте от нее находилась конечная цель нашего путешествия – лагерь Стернище, построенный во время войны для австрийских военнопленных.

Здесь, на обширной поляне, стояло с полсотни дощатых, обитых толем бараков, вместимостью человек на сто каждый. Все они теперь пустовали, и правительство Югославии целиком предоставило этот лагерь русским. В нем, кроме нашего корпуса, поместился Донской, а также порядочное количество семейных беженцев, эвакуированных из Крыма.

За чертою лагеря находился небольшой словенский поселок, где имелись две-три харчевни и несколько лавок, а вокруг расстилался чудесный, преимущественно хвойный лес, полный белок. От барака, отведенного нашей первой роте, до его опушки было не более двадцати шагов. Место было уютное, чарующее какой-то особой, почти русской прелестью окружающей природы, что в значительной степени скрасило нам дальнейшее существование. Добрая половина нашей жизни проходила в лесу: туда удирали от уроков; там, под какой-нибудь разлапистой елью, закладывалась «пулька», когда игра в преферанс в бараке была запрещена; там, в тишине, хорошо было готовиться к экзаменам, а еще лучше – ухаживать за барышнями, которых в лагере было немало, устраивая совместные прогулки и пикники.

Однако все прелести этой «дачной» жизни мы в полной мере познали с наступлением весны, а сейчас нас встретила зима, и притом довольно суровая. Даже лучшие, пригодные к обитанию бараки были к ней плохо приспособлены. В помещении каждой роты стояло по две железные печки, они топились день и ночь, но обогревали вокруг себя лишь небольшое пространство, а дальше царил вечный холод – в углах барака по ночам замерзала вода. Спали мы на деревянных топчанах – каждому было выдано по два тощих солдатских одеяла, а на подстилку употреблялись шинели, так как матрацев не было. Иными словами, приходилось изрядно мерзнуть, особенно тем, кому достались места далеко от печей. Такие часто, не выдержав лютого холода, среди ночи вскакивали с постелей и бежали греться к ближайшей печке. Снаружи нередко бушевали метели и все было покрыто глубоким снегом.

В лагере имелась небольшая электрическая станция для освещения, водопровод и хлебопекарня, – все это обслуживалось местными рабочими-словенцами. По случаю нашего приезда они немедленно забастовали, заявив, что не станут работать на русских буржуев и кровопийц. Однако среди нас нашлись соответствующие специалисты, водопровод и электростанция в тот же день были пущены в ход, а когда двое или трое бастующих

попробовали устроить скандал, им легонько накостыляли по шее. Видя такое дело, словенские поклонники русской революции сменили гнев на милость и снова взялись за работу. В ту пору вообще как в Словении, так и в Хорватии людей, настроенных прокоммунистически и совершенно не скрывающих этого, было такое количество, что мы просто диву давались и думали, что тут тоже вот-вот вспыхнет гражданская война.

Нашим лагерем официально заведовал югославский «предстойник» – нечто вроде коменданта, в подчинении которого находилось три или четыре жандарма, но в жизнь корпуса они почти не вмешивались и нам нисколько не докучали. По внутренней же линии мы были непосредственно подчинены русскому военному агенту, генералу Потоцкому, проживавшему в Белграде, а экономически зависели от так называемой Державной комиссии, через которую шли правительственные субсидии всем русским учреждениям и беженцам. Эта комиссия нашими симпатиями отнюдь не пользовалась, ибо распределение средств в значительной степени зависело там от усмотрения некоторых русских общественных деятелей, которые явно не сочувствовали «военщине» и старались держать кадетские корпуса в черном теле. И вероятно, они бы просуществовали недолго, если бы не покровительство короля Александра, который сам окончил в России Пажеский корпус. По его личному распоряжению на каждого из нас вскоре стали отпускать по 400 динар в месяц вместо двухсот сорока, определенных Державной комиссией. На эти деньги корпус существовать, конечно, не мог, даже при том условии, что преподаватели и воспитатели не получали за свой труд никакого вознаграждения.

Из этой суммы кадетам первой роты выдавали на руки по пятьдесят динар – этого хватало на табак и мелкие расходы, – а остальное шло в общий котел. Довольствие наладилось не сразу, но, когда наладилось, кормить стали вполне сносно. Не говорю «досыта», ибо, как известно, приличный кадет, сколько его ни корми, всегда не прочь поесть еще. И в этом отношении нас первое время выручал содержатель одной из местных харчевень, словенец и, видимо, большой оптимист, так как за порцию гуляша или сосисок с картофельным пюре он вместо четырех динар принимал врангелевскую тысячу, уповая на то, что когда-нибудь восстановится ее номинальная стоимость и он станет богачом. Только собрав два или три мешка этой валюты, он начал сомневаться в целесообразности своей финансовой авантюры и стал требовать плату динарами.

В Стернигце мы быстро обжились, а вскоре начались и занятия. Они велись в весьма примитивной обстановке, особенно

первый год. Помещений, приспособленных под классы, почти не было, так как в пустых бараках, за отсутствием печей и оконных стекол, свирепствовал мороз, а потому уроки обычно давались в спальне. Вокруг преподавателя рассаживалось на постелях соответствующее отделение, на некотором расстоянии располагалось другое. Если в числе трех или четырех педагогов, одновременно выступающих в бараке, бывал один, который читал свой предмет интересно и увлекательно (как, например, профессор Малахов), публика из других отделений постепенно откочевывала к нему, оставляя при своем преподавателе лишь несколько человек, «для представительства». На это, так же как на «самодралы» (то есть непосещение уроков), первое время смотрели довольно снисходительно, понимая, что после двух лет пребывания на фронте трудно нас сразу обуздать и превратить в примерных школяров.

В частности, мы, семиклассники, если не все по возрасту, то по жизненному стажу были уже вполне оформившимися, самостоятельными людьми, и потому начальство нас почти не прижимало, рассудив, что благоразумнее всего скорее от нас избавиться, дав нам возможность окончить корпус без лишних осложнений. Даже выпускные экзамены нам было разрешено сдавать не в обычном порядке, а «по-студенчески», каждому отдельно, по мере подготовки к тому или иному предмету. Чтобы наверстать потерянное время, летних каникул не было, и вместо июля нас выпустили в сентябре. Следующий выпуск, тоже почти сплошь состоявший из кадет, побывавших на войне, прибрали к рукам покрепче, а остальных уже нетрудно было ввести в русло нормальной кадетской жизни.

Стоит отметить, что неподалеку от нас, в городе Мариборе, находился югославский, вернее, бывший австрийский кадетский корпус. Узнав о нашем прибытии, несколько офицеров и старших кадет оттуда явились к нам с визитом, который вскоре был отдан, и с тех пор между нашими корпусами установилась довольно тесная дружеская связь. Весною вся наша первая рота была приглашена в Марибор, где югославские кадеты приняли и угостили нас на славу. Мы приехали со своим духовым оркестром, который после обеда исполнил несколько концертных вещей и произвел фурор.

Наш оркестр и в самом деле был очень хорош и вскоре стал известен на всю Югославию. Этим мы были обязаны нашему капельмейстеру Цыбулевскому, который окончил консерваторию и в России был, если не ошибаюсь, капельмейстером лейб-гвардии Преображенского полка. За границей он уже был известен как выдающийся дирижер, и его часто приглашали

дирижировать концертными выступлениями больших симфонических оркестров в Белград, Вену, Прагу и другие европейские столицы. Это давало ему прекрасный заработок, а он, в свою очередь, не жалел денег на пополнение нашего оркестра новыми музыкальными инструментами, доведя его состав до шестидесяти человек и добившись от них безукоризненного исполнения даже очень трудных концертных вещей. Когда умер престарелый югославский король Петр Первый (отец короля Александра), на его похоронах играл наш оркестр, специально для этого вызванный в Белград.

Между прочим, несколько наших кадет-музыкантов для заграничных выступлений Цыбулевского расписывали ему нотные партитуры. Платил он за это довольно скупо, а придирался нещадно, что привело к забавному инциденту: на очередном концерте в Праге Цыбулевский должен был с тамошним оркестром исполнять «Светлый праздник» Римского-Корсакова. С партитурой он очень спешил, нервничал и так извел переписчиков, что они со злости в самом патетическом месте увертюры в «соло» виолончели вставили ему «Яблочко». Конечно, перед концертом всегда бывала хоть одна репетиция, так что Цыбулевский на этом не пострадал, но развеселил чешских музыкантов изрядно. По возвращении он чуть не оторвал виновникам головы, но, так как это были хорошие музыканты и его любимцы, вскоре сменил гнев на милость.

По отношению к Мариборскому корпусу мы, разумеется, в долгу не остались и некоторое время спустя пригласили всю его старшую роту к себе. Был устроен прекрасный общий обед, для которого – помимо умеренного количества вина, разрешенного начальством, – нами были заготовлены и тайные резервы, благодаря чему трапеза прошла исключительно весело, и некоторых гостей, чтобы им не влетело от своих офицеров, пришлось увести в лес отсыпаться. Вечером местными любительскими силами был дан спектакль, за которым последовали танцы. Уехали гости только под утро.

Вообще первый год нашего пребывания в Югославии был богат впечатлениями и событиями внутреннего порядка. Бывали тут и «бенефисы», время от времени устраиваемые особо въедливым воспитателям, чересчур рьяно стремившимся обуздать нашу вольницу; не раз случались массовые драки со словенскими рабочими-коммунистами; участвовали мы в тушении крупных лесных пожаров, устраивали облавы на белок, охотились за призраком «Черной Дамы», который, согласно местной легенде, появлялся в окружающем лагерь лесу. Обо всем этом можно было бы написать не одну главу, но я здесь остановлюсь только на

одном событии, вернее, на целой истории, получившей в ту пору громкую известность, с резонансом на всю Югославию.

Клуб самоубийц

Когда апрельское солнце обогрело землю и пробудившаяся природа приобрела особо чарующую прелесть, более остро почувствовалась тоска по Родине. Эта первая наша весна на чужбине, несмотря на всю ее внешнюю щедрость, была для нас бедна надеждами и вместо естественного прилива жизнерадостности на многих навеяла щемящую, подсознательную грусть. Заметно захандрил кадет моего отделения Женя Беляков и кончил тем, что бросился под поезд. Это был добрый и скромный малый, георгиевский кавалер и отличный товарищ, у нас его все любили.

Этот трагический случай, конечно, всколыхнул умы, о нем было много толков – просто как о печальном факте. Но когда две недели спустя застрелился кадет шестого класса Ильяшевич, это уже взволновало всех, и начальство почему-то решило, что в первой роте организован клуб самоубийц, члены которого будут стреляться по жребию, через определенные промежутки времени.

Поднялся страшный переполох. Заседали педагоги, собираясь кучками, о чем-то таинственно шушукались воспитатели. За многими кадетами, которые казались начальству подозрительными, началась довольно неуклюжая слежка – офицеры пытливо вглядывались в наши физиономии и подслушивали разговоры. Мы, старшие кадеты, не зная, в какой мере правдивы все эти слухи, тоже расспрашивали друг друга, судачили и наблюдали, стараясь обнаружить какие-нибудь реальные признаки существования «клуба». Но все говорило за то, что он является плодом чьей-то досужей фантазии или чрезмерной «проницательности» начальства. В частности, было совершенно очевидно, что между двумя самоубийцами не существовало никакой связи: Беляков был кадетом Полтавского корпуса, а Ильяшевич – Владикавказского, вместе они никогда не служили, учились в разных классах, спали в противоположных концах барака и едва ли когда-нибудь перемолвились хоть словом.

Всех нас по очереди вызывали к Римскому-Корсакову на допрос. Вызвали и меня. Дед держал себя по-отечески, выспрашивал, что я знаю о клубе, кого подозреваю в склонности к самоубийству, и «ради спасения жизни многих моих товарищей» уговаривал сознаться или указать известных мне участников этой «зловещей организации», клянясь, что никому из них ничего

плохого не сделают. Я со своей стороны, нисколько не кривя душой, клялся, что ничего не знаю и что, по моему искреннему убеждению, никакого клуба вообще не существует. То же самое отвечали, видимо, и все другие. Может быть, на этом дело бы заглохло, но тут последовало – и на беду опять через две недели – новое покушение на самоубийство, скорее всего явившееся следствием той психической атмосферы, которая создалась в корпусе благодаря панике, поднятой начальством.

После этого случая директор решил, что надо действовать быстро и энергично. Целый день у него на квартире шли какие-то совещания, а вечером произошло следующее: я после ужина отправился в один из ближайших бараков, где жила барышня, за которой я ухаживал, и там, в компании молодежи, превесело проводил время. Было часов одиннадцать, когда из помещения роты прибежал мой закадычный друг Костя Петров и, вызвав меня наружу, сообщил:

– Миша, у нас в бараке полно югославских жандармов, они делают обыск и арестовывают многих кадет. Ищут и тебя, а все твои тетради уже забрали.

– Ты что, Кот, разыграть меня вздумал? – спросил я, настолько все это показалось мне неправдоподобным.

– Какой там розыгрыш! Прибежал, чтобы предупредить тебя. Хочешь – иди туда, а хочешь – драпай, тебе виднее!

Совесть моя была чиста, никаких крупных «художеств», особенно таких, которые могли бы заинтересовать полицию, за мной не числилось, и потому я поспешил в роту. У входа в наш барак стоял полицейский автомобиль-фургон, в который жандармы впихивали нескольких кадет. В том, что Петров сказал правду, сомнений теперь не оставалось. Я вошел в помещение. Тут были все офицеры нашей роты и человек десять жандармов, которые по имевшемуся у них списку арестовывали кадет и забирали из тумбочек их тетради и прочую писанину. Я направился прямо к своему отделенному воспитателю, капитану Трусову:

– Что случилось, господин капитан?

– Ничего особенного, ты не волнуйся, голубчик, – ответил добряк Трусов. – Директор корпуса хочет выяснить, кто состоит в клубе самоубийц, и не видит иной возможности это сделать. Вас только допросят в жандармерии и сразу отпустят. Ты, главное, будь спокоен и говори всю правду.

Кажется, я был последним, кого искали. Меня сунули в автомобиль, который сейчас же тронулся по дороге на ближайший город Птуй, находившийся в нескольких верстах от лагеря. Сидевшие с нами жандармы разговаривать друг с другом

нам не позволяли.

Было уже за полночь, когда нас привезли в город и высадили во дворе старинного, мрачного замка, часть которого в ту пору была приспособлена под тюрьму. По крутой каменной лестнице с выщербленными ступенями всех провели в подвальное помещение и тут распределили по одиночным камерам, – только меня и Лазаревича, шедших сзади, за недостатком места посадили вдвоем. Наша камера – сырой и узкий склеп с маленьким зарешеченным окошком где-то наверху – живо напомнила мне так красочно описанный Александром Дюма каменный мешок, в котором был заточен граф Монте-Кристо. В такой обстановке даже у самого жизнерадостного человека могли зародиться мысли о самоубийстве.

Оглядевшись, мы уселись на стоявший здесь топчан, закурили и для облегчения души долго и с искренним чувством ругали Деда и всех его пособников. Затем погрузились в молчание, предавшись каждый своим думам. В существование клуба самоубийц я до этого дня не верил. Но тот оборот, который теперь получило дело, невольно заставлял думать, что начальство знает больше, чем я, и располагает какими-то важными уликами. Не может же быть того, чтобы просто так, за здорово живешь, почти два десятка кадет, как уголовные преступники, были отданы в руки югославской полиции и посажены в это подземелье! Значит, клуб все-таки есть, думал я. Очевидно, Дед собрал о нем достоверные сведения и приказал арестовать его членов, а меня включили в их число просто по ошибке. Придя к такому заключению, я толкнул локтем дремавшего Лазаревича и сказал:

– Слушай, Аонгин! Даю тебе слово, что я никого не выдам, если даже нас начнут поднимать в этом учреждении на дыбу. Но расскажи мне толком об этом вашем клубе, чтобы я, по крайней мере, знал, за что и за кого страдаю. Ведь меня-то к вашей компании пригребли совершенно зря!

– Миша! Честью тебе клянусь: я ни в каком клубе не состою и ровно ничего о нем не знаю! Сам как раз думал о том, что, наверно, вы все здесь самоубийцы и только одного меня схватили по ошибке.

– Погоди, что же это получается? Нас в этом каменном гробу двое, и обоих арестовали ни за что ни про что. Это наводит на мысль, что и со многими другими дело обстоит точно так же. Значит, людей выбирали для ареста просто по наитию или потому, что их рожи кому-то не понравились?

– Выходит, что так. Я думаю, никакого клуба вообще нет, дураки стреляются каждый сам по себе. Ну а Деду, конечно, что-

то предпринять надо, вот он и намудрил с переляку.

– Да, можно сказать, наломал дров старый хрен! Но если весь этот «клуб» высосан из пальца, интересно – почему именно нас арестовали, а не других? Я, например, совсем не меланхолик и никаких надежд на самоубийство начальству не подавал.

– А черт их знает, чем они руководствовались! Наверно, каждый зверь (зверями кадеты называли воспитателей и прочее начальство) на совещаниях у Деда записывал в самоубийцы тех, на кого имел зуб. Небось ни одного пай-мальчика или директорского любимца среди арестованных нет, а у них-то как раз самые скучные морды.

– Это верно! Взять хотя бы главного фаворита «Жоню» Соколова: поглядишь на него – ходячая мировая скорбь, ряжка такая, будто уже петлю себе приготовил. А его и пальцем не тронули!

Утром нас по очереди начали вызывать на допрос. Следствие вел какой-то сербский офицер, довольно симпатичный и сносно говоривший по-русски. Чувствовалось, что всей нашей истории он особого значения не придает или просто в нее не верит и допрашивает нас только для соблюдения формальности. Меня он спросил, состою ли я в клубе самоубийц, что о нем знаю, кого подозреваю и имел ли намерение застрелиться сам? Я на все эти вопросы ответил отрицательно, и был отведен обратно в камеру.

Часов в семь вечера, когда следствие было закончено, нас вывели на двор, усадили в автомобиль и доставили обратно в лагерь. Возвращая арестованных корпусному начальству, старший жандарм заявил, что ни допрос, ни просмотр наших бумаг ничего уличающего нас не обнаружил и что власти не считают возможным по одному лишь подозрению держать в тюрьме целую ораву кадет.

Мы полагали, что нас теперь отпустят, но не тут-то было: директор распорядился прямо из полицейского автомобиля пересадить нас в карцера. Под таковые в лагере был отведен целый барак, разделенный на отдельные камеры. Я здесь сиживал чаще других и у заведующего карцерами, милейшего полковника Навроцкого[83], считался своим человеком. Уважая мой стаж, он всегда сажал меня в облюбованный мною карцер номер семь и в случае надобности даже освобождал его при моем появлении от других сидельцев. Так же он поступил и на этот раз. А главная прелесть номера седьмого заключалась в том, что, вынув из его стены две доски, можно было вылезти наружу.

Когда совсем стемнело, к окошку одного из карцеров подобрался кто-то из кадет и сообщил, что, по слухам, начальство теперь собирается отправить всех нас в сумасшедший дом. Через

тонкие деревянные стенки мы свободно переговаривались, и новость мгновенно облетела весь барак. В том, что она вполне правдоподобна, после наших вчерашних злоключений никто не усомнился, и из всех шестнадцати карцеров в адрес Деда послышались такие пылкие и выразительные пожелания, что над бараком едва не поднялась крыша. Когда все немного разрядились, кто-то предложил выломать двери карцеров и разбежаться. Сделать это было нетрудно, но в кадетской форме и без гроша в карманах мы бы все равно не смогли выбраться из лагеря и таким поступком только дали бы лишний козырь в руки директора, а потому я внес другое предложение, которое всеми было принято.

В одиннадцать часов ночи я вылез из своего карцера и отправился прямо на квартиру к Римскому-Корсакову[84]. Дед еще не спал и был чрезвычайно удивлен моему появлению.

– Ты как здесь очутился? – спросил он, вводя меня в свой кабинет.

– Удрал из карцера, ваше превосходительство.

– Как же ты посмел это сделать?

– А чем я рискую? Мне совершенно безразлично, с каким баллом по поведению или с какой аттестацией меня посадят в тюрьму или в сумасшедший дом.

– Что за глупости ты говоришь! Кто тебя собирается сажать в тюрьму или в сумасшедший дом?

– В тюрьму нас отправили вчера, и если сегодня оттуда выпустили, то это было сделано сербскими властями, явно вопреки вашему желанию, – иначе вы бы нас не подвергли новому аресту. Мы уже знаем, что теперь нас собираются отправить в сумасшедший дом, и от имени всех арестованных я пришел вам сказать: до вчерашнего дня никто из нас о самоубийстве не помышлял, но такое обращение может довести до самоубийства кого угодно.

– Господи, только этого еще не хватало! Ну хорошо, если так, то я рад, что ты пришел. Садись и давай поговорим откровенно. Забудь на время, что я генерал и директор корпуса, а ты кадет. Перед тобою находится Дед, не только по прозвищу, но и по чувствам, дед, любящий тебя и всех других своих многочисленных внуков. Пойми, разве я могу оставаться равнодушным к тому, что среди вас происходит, и сложив руки ожидать того дня, когда мне придется хоронить очередную жертву этого ужасного психоза! Необходимо как-то пресечь это, разрядить наэлектризованную атмосферу. Я и стараюсь это сделать, и не моя вина в том, что благодаря вашему недоверию мне приходится действовать вслепую. У меня сердце кровью

исходит, а у тебя еще хватает жестокости упрекать меня и угрожать новыми самоубийствами!

– Я не угрожаю, ваше превосходительство, а только хочу, чтобы вы знали, что меры, принятые вами, могут привести к обратным результатам. Из шестнадцати совершенно нормальных и ни в чем не повинных кадет, которых ни с того ни с сего попытались усадить в тюрьму, а теперь собираются упрятать в сумасшедший дом…

– Да откуда вы взяли весь этот вздор? – перебил меня Дед. – Вас увезли на одну ночь в Птуй потому, что, по слухам, вчера ожидалось новое самоубийство и надо было как-то помешать ему. А теперь не в сумасшедший дом я вас хочу отправить, а в прекрасную санаторию, где вы, пользуясь полной свободой, отдохнете месяц или полтора, приведете свои нервы в порядок, а потом возвратитесь в корпус, продолжать занятия. Так и скажи всем остальным.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Но мы хотели бы получить ответ еще на один вполне законный вопрос: почему именно нас избрали для «разрядки атмосферы» и увоза куда-то? Какие за нами нашли грехи и какими уликами они подтверждаются?

– Мы не знаем, кто состоит в клубе самоубийц, и потому должны были руководствоваться различными косвенными данными: настроением каждого из вас, его поступками, склонностями и т. п. Может быть, в ком-либо мы ошиблись, но я уверен, что вся головка клуба находится среди арестованных.

– Вам кто-то наврал про этот клуб, ваше превосходительство, или его выдумали доморощенные пинкертоны. Если бы он действительно существовал, мы, кадеты, о том бы знали.

– Если не все, то некоторые, несомненно, и знают, но из чувства ложного товарищества не хотят выдавать своих. Ты, например, можешь мне поклясться, что клуба вовсе не существует?

– В этом поклясться не могу, хотя почти уверен, что все это сплошная брехня. Но клянусь вам своей кадетской честью, что я никакого отношения к этому делу не имею, ничего о клубе не знаю и сам стреляться не собирался.

– Я тебе верю, – сказал Дед, минутку подумав. – Можешь ты, не боясь ошибиться, дать такую же клятву относительно кого-либо из других арестованных?

– Относительно Лазаревича[85] могу дать без всяких колебаний.

– Хорошо, я сейчас же прикажу освободить вас обоих – отнеси эту записку полковнику Навроцкому. А всем остальным скажи,

чтобы не волновались. Ничего плохого с ними не будет, ни о каком сумасшедшем доме и речи нет! Пусть все спят спокойно, завтра я лично с ними побеседую, а потом посмотрим, как быть. Ну, иди с Богом! – добавил Дед и поцеловал меня на прощание.

Он был добрым человеком, даже слишком добрым, но, к сожалению, эта его доброта весьма неравномерно распределялась между подчиненными.

Дальнейшие приключения «самоубийц»

Около полуночи я возвратился в карцерный барак, передал товарищам слова Деда, а затем мы с Лазаревичем, получив освобождение, отправились в роту спать, наивно полагая, что «клубная чаша» нас окончательно миновала. Но в пять часов утра нас разбудил капитан Трусов[86].

– Вставайте и собирайтесь, – сказал он. – Через час отходит поезд, в котором повезут всех арестованных в Белград. С ними поедут три офицера-воспитателя, но и вас директор корпуса просит сопровождать их.

– Если это просьба, то можем ли мы отказаться от поездки? – спросил я, когда до моего сонного сознания дошел истинный смысл этого нового сюрприза.

– Нет, не можете, – ответил Трусов. – Просьба начальника, как вы знаете, равносильна приказанию.

– Понимаем, – пробурчал Лазаревич. – Несмотря на вчерашнюю «милость», от нас все же хотят так или иначе отделаться и отправляют в ссылку под фиговым листом «сопровождения арестованных».

– Что же, ехать так ехать, – добавил я. – С его превосходительством мы уже едва ли увидимся, так передайте ему, пожалуйста, господин капитан, нашу почтительную благодарность за науку. Весь этот трюк со вчерашним освобождением и сегодняшним сопровождением нам очень пригодится, если вместо корпуса придется оканчивать иезуитский колледж.

Трусов принялся нас успокаивать, но мы особенно и не волновались, рассудив, что плетью обуха не перешибешь и что гораздо благоразумнее будет, в случае чего, удрать по дороге. Час спустя мы уже вместе со всеми остальными сидели в поезде и катили по направлению к Загребу.

Вначале «самоубийцы» были сонны и мрачны, но вскоре юношеская беспечность взяла верх над всеми прочими чувствами и переживаниями. Завязался общий разговор, который быстро сосредоточился на комических фрагментах всей этой нелепой

истории, и публика развеселилась. Никаким директорским обещаниям мы больше не верили, общее мнение было таково, что в корпус нам едва ли суждено возвратиться, а потому бояться было нечего, и для начала мы решили попугать ехавших с нами офицеров. Их было трое: подполковник Постников, капитан Жоравович и полковник Потемкин, сын которого Дима[87], знаменщик нашего выпуска, тоже находился в числе арестованных.

Мы постепенно прекратили болтовню и придали своим физиономиям предельно мрачное выражение. Затем мой одноклассник Женя Яконовский[88] сказал:

– Ну, братцы, пора приступить к делу. Сегодня, как вы знаете, ритуальный день. Теперь терять нам нечего, так что можно действовать в открытую: давайте потянем жребий, кому бросаться под поезд.

При этих словах сидевшие с нами воспитатели беспокойно заерзали, но все же выдавили на своих лицах подобие улыбки – мы, мол, понимаем, что это шутка.

– Так вот, – продолжал Яконовский, вытаскивая из кармана карандаш и клочок бумаги, – я делаю шестнадцать билетиков и на одном из них ставлю крест. Каждый, вытянув жребий, должен сейчас же его уничтожить, никому не показывая. Но тот, кому достанется крест…

– Прошу прекратить эти неуместные шутки! – не выдержав, перебил его подполковник Постников.

– Никаких шуток тут нет, – возразили ему. – Нас сам директор, генерал-лейтенант Римский-Корсаков, назначил в клуб самоубийц, а мы люди дисциплинированные и свои обязанности привыкли выполнять честно. Пиши, Женька, билетики!

– Да вы что, с ума посходили?!

– Говорят, что да. Начальство у нас дюже умное, ему виднее. Не зря же вы везете нас в сумасшедший дом!

Разгорелась жаркая дискуссия. Мы уверяли, что быстрая смерть под колесами поезда нам куда приятней, чем та трагическая участь, которая ожидает нас в сумасшедшем доме. Офицеры клялись, что нас везут в великолепную санаторию, где мы будем свободно и беспрепятственно предаваться всем радостям жизни, и, наконец, признались, что на тот случай, если мы в дороге захандрим или очень разволнуемся, директор отпустил известную сумму денег, чтобы отвлечь нас от мрачных мыслей.

Это известие было нами учтено и должным образом использовано. В Загребе, где у нас была пересадка с трехчасовым ожиданием следующего поезда, мы выразили желание пообедать

в хорошем ресторане и, разумеется, без всякого зажима в области потребления спиртных напитков. Пошушукавшись между собой, воспитатели изъявили на это свое согласие, добавив, что надеются на наше благоразумие.

Отлично закусив и выпив, мы потребовали субсидий на визит в учреждение столь легкомысленного характера, что лица наших опекунов густо покраснели – то ли от стыдливости, то ли от возмущения. На успех такой наглости мы, собственно, не рассчитывали, но все же возникшие по этому поводу препирательства с нашим целомудренным начальством доставили нам большое удовольствие.

Продолжая в таком же духе, мы довольно весело скоротали день и около одиннадцати часов ночи прибыли в Белград. На пустынном перроне одиноко стоял среднего роста человек в русской офицерской форме, но без погон. Лица его не было видно, но в фигуре мне показалось что-то знакомое, и, вглядываясь, я высунулся из окна вагона.

– Скажите, кадет, – спросил офицер, заметив меня, – в этом поезде не едет ли клуб самоубийц Крымского корпуса?

– Это мы самые и есть, – с достоинством ответил я.

– Ага, отлично! Ну, вылезайте, я прислан военным агентом встречать вас, – промолвил мой собеседник, и в ту же минуту я узнал его: это был полковник Гиацинтов, под начальством которого я воевал при отступлении на Кавказское побережье, душа-человек и лихой офицер, очень ко мне благоволивший. Я выскочил на перрон и назвал себя. Гиацинтов меня сейчас же вспомнил, и мы с ним поздоровались самым сердечным образом. Всех приехавших он отвел ночевать в какое-то русское общежитие, где публика ютилась преимущественно в старых трамвайных вагонах, снятых с колес и расставленных под деревьями, а меня пригласил к себе. Я попросил его взять с нами и Лазаревича, на что немедленно получил согласие.

На квартире у Гиацинтова, за бутылкой вина, мы поведали ему всю нашу историю и, в свою очередь, от него узнали, что относительно пресловутого клуба самоубийц в Крымском кадетском корпусе по Белграду ходят самые фантастические слухи. То, что на месте было раздуто Римским-Корсаковым, тут, на основании приходящих из Стернища писем, раздули еще в десятки раз. В местной русской колонии говорили, что, кроме двух официально объявленных самоубийств, произошла еще целая серия других, которые наше начальство скрывает от югославских властей из боязни, что они закроют корпус. Наш мифический «клуб» тут возвели в степень зловещей и грозной организации, которая терроризировала весь стернищенский

лагерь. Позже мы узнали, что все эти дикие слухи злонамеренно распускались некоторыми из тех лиц, которых Дед по доброте своей прихватил по пути из Ялты, а после сам не знал, как от них отделаться.

Выслушав нас, Гиацинтов посочувствовал нашим злоключениям и сказал:

– Да, история вполне дурацкая, но все же вы в панику не вдавайтесь. Я наверное знаю, что ничего плохого с вами не сделают. Военный агент вас отправит на месяц или два в нашу воинскую санаторию, которая находится в Дубровнике, на Адриатическом побережье. Место на редкость красивое, множество хорошеньких курортниц, среди которых большой процент очень сговорчивых, и вы там отлично проведете время.

– Все это было бы прекрасно, – возразил Лазаревич, – если бы существовала гарантия того, что после санатории нас снова примут в корпус и оставят в покое. Я в нем проторчал десять лет, и теперь, когда осталось несколько месяцев до окончания, мне совсем не улыбается лишиться аттестата или, в лучшем случае, засесть на одиннадцатый год. А что на обещания нашего директора особенно полагаться нельзя, в этом мы убедились на собственном опыте.

– Что вы сможете возвратиться в корпус, в этом нет никаких сомнений, – сказал Гиацинтов. – Я старший адъютант военного агента и читал всю переписку по этому поводу. Никого из вас не исключат и не собираются исключать.

– На сегодня это, может быть, и так. Ну вот допустим такое вполне вероятное положение: возвратились мы из санатории в корпус, а там через неделю снова застрелится какой-нибудь неврастеник. Свалят, конечно, на нас – приехали, мол, и опять взялись за старое! И поди угадай, куда еще упекут нас после этого?

Действительно, все случившееся с нами никак не располагало к оптимизму и позволяло ожидать в будущем новых сюрпризов, а потому я поддержал Лазаревича и сказал, что всем прелестям санаторской жизни тоже предпочел бы возвращение в корпус и возможность его окончить. Гиацинтов немного подумал и сказал:

– Ну ладно, всех вас избавить от санатории я не могу, ибо все это уже, как говорится, решено и подписано в высших инстанциях. Но вас двоих постараюсь выручить. Всему «клубу» прием у военного агента назначен на десять часов утра, а мы с вами придем на час раньше, и, Бог даст, все устроится.

В девять часов мы были уже в приемной военного агента, генерала Потоцкого. Гиацинтов сейчас же вошел к нему в кабинет и оставался там довольно долго. Затем вызвали и нас. Задав нам

несколько вопросов, генерал сказал:

– Я лично думаю, что вы ничем не рискуете, отправляясь в санаторию. Но если не хотите туда ехать, можете возвращаться в корпус. Директор получит предписание принять вас обратно и дать вам возможность окончить курс. За вас и за вашу непричастность к клубу самоубийц ручается полковник Гиацинтов, мне этого достаточно. Надеюсь, что вы, со своей стороны, не подведете ни меня, ни своего бывшего боевого командира.

Через три дня мы были уже в корпусе, и надо сказать, что Дед, которому мы вручили запечатанный пакет, полученный от генерала Потоцкого, встретил нас с довольно кислой миной, столь скорого нашего возвращения он явно не ожидал. Но дальше все пошло нормально, и несколько месяцев спустя, сдав выпускные экзамены, мы получили аттестаты.

Ничего не потеряли и остальные «самоубийцы». Проведя полтора месяца в санатории, они вернулись раздобревшие, загорелые и довольные, были взяты обратно в корпус и учебного года не пропустили, так что мы с Лазаревичем потом очень сожалели о своей излишней осторожности.

В следующие годы застрелилось еще несколько кадет, как в стенах корпуса, так и уже окончивших, – в числе последних мои друзья Костя Петров и Жорж Перекрестов. Но к тому времени наше начальство уже потеряло вкус к пинкертоновщине и никаких «клубов» к этим печальным явлениям больше не пристегивало.

Черная дама

В составе первого выпуска Крымского корпуса находился подпоручик Хасанов, бывший кадет-пскович, на войне произведенный в офицеры за боевые отличия, но не окончивший корпуса. В русские зарубежные гимназии таких недоучившихся офицеров принимали запросто, в одной из них на амплуа гимназиста подвизался даже молодой подполковник, – но в кадетские корпуса путь им был закрыт, и только лишь одному Хасанову сделали почему-то исключение. (Это само по себе противоестественное положение, вызванное исключительными обстоятельствами, нетрудно понять: бывший офицер мог стать гимназистом, так как при этом он выходил из сферы военной субординации и временно обращался в штатского человека. Но поступить в кадетский корпус, то есть, оставаясь в военной орбите, перейти на положение кадета и фактически сменить офицерские погоны на кадетские он не мог – это выглядело бы

как разжалование.) Его приняли в седьмой класс, правда на несколько особом положении: он посещал уроки и сдавал экзамены вместе с нами, но жил не в роте, а в офицерском бараке и со своими одноклассниками общался мало, хотя, как офицер, пользовался среди них некоторым авторитетом.

И вот однажды, раннею весной, когда леса вокруг нашего лагеря оделись свежей зеленью и приобрели особо притягательную прелесть, четверо кадет-семиклассников, удравших от скучного урока и мирно резавшихся в подкидного дурака под раскидистой елью, с удивлением увидели долговязого Хасанова, во всю прыть бегущего по тропинке к лагерю. Заметив кадет, он свернул со своего пути и тяжело плюхнулся возле них на траву.

– Что случилось? – с естественным любопытством спросил один из игроков.

– Случилось такое, что и рассказывать неохота, – не сразу ответил Хасанов, – потому что сам понимаю – вы мне едва ли поверите.

– Ну а все же?

– Форменная чертовщина, и, что всего удивительнее, среди белого дня! Забрел я, понимаете, довольно далеко в лес. В самом спокойном и благодушном настроении медленно иду по тропинке, среди зарослей; в руках у меня конспект по космографии – поглядываю в него и зубрю на ходу Мишкины (Мишкой у нас прозывался полковник Михаил Михайлович Цареградский[89], преподававший в корпусе космографию) орбиты и созвездия, только вдруг взглянул ненароком вперед и вижу: навстречу мне, еще довольно далеко, движется женщина в черном платье и под черной вуалью. Меня это почти не удивило – мало ли в лагере всякого бабья, да и траур в наше время вещь вполне обычная. Иду спокойно вперед и разглядываю незнакомку. Фигура тонкая и стройная, только показалась она мне необычайно высокой. За травой и кустиками, которыми поросла дорожка, ее ног я вначале не видел, но вот когда между нами оставалось уже шагов двадцать, вдруг вижу, что ногами она земли не касается, а медленно летит над нею на высоте примерно полуаршина. Меня словно колом под сердце ударило. Упал я лицом в траву и, ни жив ни мертв, пролежал так минут, должно быть, пять, а когда очухался и поднял голову, никого уже поблизости не было.

Хасанов был человеком серьезным и уравновешенным, трудно было заподозрить его в злостном вранье. Большинство кадет ему поверило, а через два-три дня об его приключении знал весь лагерь. Местных жителей – словенцев – оно не удивило,

оказывается, «Черная Дама» была им хорошо известна, и они нам рассказали ее историю.

По их словам, лет сорок тому назад жену местного магната – барона, замок которого находился в нескольких верстах от Стернища, – нашли в этом лесу зарезанной. Тайна этого преступления никогда не была раскрыта, но с той самой поры призрак убитой баронессы временами появляется в лесу, обычно днем, и почти всегда предвещает какое-нибудь несчастье. И действительно, не прошло и двух недель после видения Хасанова, как возле баронского замка вспыхнул страшный лесной пожар, на тушение которого были брошены все окрестные пожарные команды, две старшие роты нашего корпуса и первая сотня Донского.

Вся эта история вызвала в лагере множество пересудов и на долгое время приковала к себе всеобщее внимание. Кадеты, крымцы и донцы, начали усиленно охотиться за Черной Дамой, небольшими группами рыская по зарослям и глухим лесным тропам. Но призрак больше не появлялся. Правда, некоторые из младших кадет уверяли, что его видели, и в связи с этим сочиняли всевозможные небылицы, но, по мнению старших, все это было порождено только мальчишеским воображением.

Однако, согласно известной коммерческой формуле, когда на что-либо возникает спрос, неизменно появляются и предложения. Так вышло и в данном случае.

Однажды вечером, готовясь идти с барышнями на очередную прогулку в лес, кто-то из нашей постоянной компании кадет-семиклассников мечтательно промолвил:

– Вот было бы здорово, если бы нам, наконец, повстречалась сегодня Черная Дама! Воображаю, какой писк подняли бы девочки!

– И ты бы выступил в роли защитника и спасителя Фимочки, – отозвался другой.

– С нами будет не одна Фимочка. Сообразно этому каждый мог бы должным образом проявить свое рыцарство и по мере способностей воспользоваться создавшимся положением.

– Это отличная идея, ребята, – сказал я. – Когда будет совсем темно, выводите барышень в лес, а встреча с Черной Дамой вам обеспечена. Это я беру на себя.

Договорившись со мной о маршруте, вся компания отправилась в семейный барак, за барышнями, а я приступил к превращению себя в Черную Даму. Учитывая, что ночью она должна обращаться в белую – иначе ее не будет видно, – я соорудил себе соответствующее одеяние из простыни, сверху накинул черную бурку и к десяти часам вечера был уже на

условленном месте.

В лесу стояла жуткая тишина, и мне невольно пришло в голову, что если сейчас появится настоящая Черная Дама, то встреча будет не особенно приятной – как-никак я дерзко посягал на ее прерогативы. От этих тревожных мыслей меня отвлекли звуки приближающихся голосов, а вскоре на просеке показалась и вся наша шатия. Я невидимкой двинулся навстречу, и, когда расстояние между нами сократилось шагов до десяти, внезапно распахнул бурку. Крики ужаса, истерический визг и суматоха, среди которой почти все барышни сразу оказались в объятиях у кадет, свидетельствовали о том, что я старался недаром. Выдержав небольшую паузу, я сделал еще два бесшумных шага вперед, чтобы попасть в густую тень сосен, и, снова завернувшись в бурку, мгновенно «исчез», как и подобает настоящему призраку.

Паника на дорожке постепенно улеглась, и некоторые из кавалеров отважно бросились вперед, к тому месту, где я стоял.

– Мишка, получилось замечательно эффектно, – шепнул натолкнувшийся на меня Лазаревич, – продолжай и дальше в том же духе!

И я продолжал. Вторичное мое появление вызвало почти такую же реакцию, но при третьем уже почувствовалось, что наши дамы заподозрили истину. Ввиду этого, когда вся компания уселась на уютной полянке, я разыграл роль привидения в последний раз, а потом во всем своем маскараде присоединился к остальным.

Было много смеха, и мы очень весело провели время до полуночи. Однако эта памятная прогулка едва не закончилась для меня плачевно. Уже по пути домой мы неожиданно услышали шум шагов и голоса на боковой тропинке. Не могло быть сомнений в том, что это другая гуляющая компания кадет, может быть тоже с барышнями, и я решил их мимоходом попугать. Но тут появление «призрака» произвело совершенно иной эффект.

– Ага, вот он, собачий сын! Лови его, ребята! Сейчас мы ему покажем, как людей морочить! – раздались голоса, и ко мне ринулось человек десять кадет-донцов.

Отношения между нашими корпусами на первых порах были далеко не дружественными – доходило даже до драк, – в основе этого лежали различие традиций и, конечно, известное соперничество. Мигом сообразив, что в случае поимки мне основательно наломают ребра, я, не теряя времени, бросился наутек. К счастью, нырнув в лесные заросли, мне благодаря бурке и быстроте ног довольно легко удалось уйти от преследования и благополучно возвратиться домой.

Случай на кладбище

Весною 1921 года, после того как в Крымском кадетском корпусе покончили с собой два кадета и начались разговоры о клубе самоубийц, все помыслы обитателей лагеря сосредоточились на этих событиях и быстро увлекли их в область потустороннего мира.

Среди кадет появились спириты, которые, собираясь ночью в пустых бараках, вызывали духов и напропалую морочили друг друга; вечерами в темных углах обсуждали рассказы местных жителей о призраке Черной Дамы или наперебой вспоминали всевозможные таинственные истории и сверхъестественные случаи; некоторые в поисках сильных ощущений по ночам ходили на кладбище, – словом, все ударились в мистику и в нашей первой роте она прочно овладела умами, а начальство своим выдуманным «клубом» и вылавливанием потенциальных самоубийц только подливало масла в огонь.

Но с другой стороны, юность, окружающая нас ласковая природа и обилие в лагере хорошеньких барышень тоже были факторами большой мощности. Они располагали к влюбленности и ухаживанию, так что этой земной и реальной жизни, со всеми ее прелестями, мы, конечно, тоже отдавали должное.

Обычно по вечерам, после ужина, компания выпускных кадет более или менее постоянного состава – человек пять-шесть, – наведя красоту и прихватив гитару и мандолину, заходила в семейный барак, там к ней присоединялось несколько барышень, а затем все вместе отправлялись бродить по лесным дорожкам и, выбрав уютную полянку, располагались на ней, хором пели и ухаживали за нашими дамами, изощряясь перед ними в остроумии, или рассказывали им страшные истории, в духе переживаемых событий. Домой возвращались обыкновенно за полночь.

Однажды, вдоволь нагулявшись по лесу, все мы вышли к железной дороге и уселись на старой деревянной платформе, которая совершенно изолированно стояла, неизвестно для чего, за добрую версту от станции. Уже подходило к полуночи, светила полная луна, придавая лесным чащам таинственную жуть, и разговор у нас зашел о потусторонних материях. Было рассказано немало историй с привидениями и мертвецами, поднимающимися из могил, а потом черт меня дернул за язык и я сказал:

– Ну, после такой настройки никто из вас наверняка не пошел бы сейчас на кладбище, если бы даже за это хорошо заплатили.

– А ты сам пошел бы? – с иронией спросил самый

рассудительный член компании, Миша Трофимов.

– Да, по правде говоря, и мне что-то не хочется, – ответил я.

– Ну, так нечего и других подзуживать, – резюмировал Трофимов. – Давайте-ка лучше споем что-нибудь душещипательное.

– Я пойду на кладбище! – неожиданно вызвалась Олечка Ревишина, именно та барышня, в которую я был пламенно влюблен.

Мы попытались обратить дело в шутку, а когда это не помогло, принялись отговаривать Олечку от ее рискованной затеи. Кладбище находилось далеко в лесу, от того места, где мы сидели, туда надо было идти километра два вдоль железной дороги, а потом еще с полкилометра по глухой лесной просеке. И если даже исключить всякую опасность со стороны нечистой силы, по пути легко мог встретиться какой-нибудь бродяга или пьяный рабочий-словенец. Все эти доводы мы пустили в ход, но ничто не действовало: Олечка стояла на своем: пойду, да и только!

– Ну что ж, тогда идемте вместе, – промолвил я, не без тайной радости, ибо тотчас сообразил, что по пути, да еще в такой исключительной обстановке, можно будет наедине славно полепетать с Олечкой, избавившись от моего соперника Юры Кодинца, который находился тут же.

– И не думайте! – решительно сказала она. – Я пойду одна, и предупреждаю: если замечу, что за мной кто-нибудь идет, с тем навсегда порву всякое знакомство.

Далее отважная дама моего сердца заявила, что в качестве вещественного доказательства оставит свой платочек на могиле нашего первого самоубийцы, Жени Белякова, и, попросив нас ожидать ее тут, на платформе, зашагала по направлению к кладбищу.

– Видишь, что ты наделал, ишак! – напустились на меня все приятели, едва она отошла на некоторое расстояние. – Угораздило же тебя ляпнуть о кладбище! Разве можно допустить, чтобы девушка ночью топала туда одна! Мало ли что может случиться. Иди теперь сзади за ней!

Я бы охотно сделал это и сам, без всяких понуканий, но знал, что Оля слов на ветер не бросает, и перспектива рассориться с ней пугала меня больше, чем все мертвецы, лежавшие на стернищенском кладбище. Вероятно, по тем же соображениям не вызывался идти и Кодинец, конечно понимавший, что если пойду я, то он на этом вдвойне выиграет. Мысленно все это взвесив, я ответил:

– Мне нельзя идти, небось сами понимаете мое положение.

Пусть идет Славка Ревишин – с родным братом она-то уж не поссорится.

– А ты не видал, как лягушки скачут? – насмешливо отозвался трусоватый Ревишин. – Нет, брат, заварил кашу, так и расхлебывай ее сам, а меня уволь!

Делать нечего, пришлось идти мне. На Олечке было белое платье, я ее отлично видел, а сам, в гимнастерке защитного цвета, был совершенно незаметен в тени деревьев и потому, догнав ее, пошел сзади, на расстоянии двадцати шагов, по опушке леса, окаймлявшего железную дорогу.

Ночь была ясна и прозрачна. Все вокруг спало в безмятежном спокойствии, и двигались мы без всяких осложнений, – только в одном месте Оля внезапно остановилась и даже сделала шага три назад. Я хотел броситься к ней, но, к счастью, не успел этого сделать, так как она сразу же пошла дальше, а через две-три секунды и я увидел то, что ее испугало, – это была белая крестьянская кляча, мирно щипавшая травку на опушке.

На довольно обширном кладбище, в самом центре которого стояла часовня, тянулись идеально выровненные шеренги одинаковых белых крестов, поставленных над могилами австрийских военнопленных, здесь окончивших свой жизненный путь (судя по количеству могил, военнопленным жилось в этом лагере не сладко). Оно было обнесено невысокой каменной стеной, и его окружал дремучий лес, но на самом кладбище деревьев не было, и все оно, освещенное луной, было видно как на ладони. Когда Олечка вошла в ворота и двинулась по дорожке в самый дальний конец, где, в стороне от других, были похоронены наши самоубийцы, мне пришлось приотстать. Но едва она миновала часовню, которая скрыла меня от ее глаз, я быстро перебежал туда и сел на скамеечку, с теневой стороны часовни. Оттуда мне хорошо было видно, как Оля нашла могилу Белякова, наклонилась над нею – очевидно, клала платок, – затем несколько раз перекрестилась и пошла обратно.

И тут я решил ее все-таки окликнуть, исходя из таких соображений: свою задачу она блестяще выполнила, будучи уверенной, что идет одна, – таким образом, слава ее ничуть не померкнет ни в собственных, ни в чужих глазах, если я теперь признаюсь, что следовал за ней, о чем она все равно узнает от других. «Ну, посердится немного для приличия, а потом дело обойдется и назад пойдем вместе», – подумал я и негромко сказал, когда она приблизилась к часовне:

– Олечка, не пугайтесь, это я.

Она вздрогнула от неожиданности, но сейчас же меня узнала и подошла к скамейке, на которой я сидел.

– Значит, вы все-таки увязались за мной, – промолвила она без особых признаков гнева. – Я же вас предупреждала…

– Олечка! – перебил я. – Вы предупреждали, что поссоритесь с тем, кого заметите идущим за вами. Но меня вы не заметили. Я провел дело тонко и дал вам возможность выполнить свое неблагоразумное намерение, даже не подозревая, что сзади следует верный страж, всегда готовый за вас на подвиг и смерть. Так что подвергать меня опале у вас нет оснований.

– Из вас мог бы получиться незаурядный иезуит, – улыбнулась Олечка. – Ну, бог с вами! Я, в конце концов, только себя хотела проверить, и в этом вы мне действительно не помешали.

– Значит, мир?

– Мир.

– Ну, садитесь сюда, на скамеечку. Тут какой-то особый, благостный покой и совсем не страшно. Отдохнем немного и пойдем назад.

Олечка без возражений села рядом, и у нас завязался оживленный разговор, который мы вели вполголоса, невольно поддаваясь обстановке. Я был вполне счастлив и потому не знаю, сколько времени прошло до того момента, когда, случайно взглянув в ту сторону, где находилась могила Белякова, я вдруг почувствовал, что у меня под фуражкой зашевелились волосы: там из земли медленно поднималась белая тень, принимая человеческие формы.

У меня все-таки хватило самообладания не выдать своего испуга. Этому способствовала промелькнувшая в мозгу трезво-эгоистическая мысль, что, если Оля увидит то, что увидел я, она свободно может хлопнуться в обморок, бросить ее и бежать одному мне будет невозможно, а тут-то покойник на нас и насядет. Я еще раз покосился туда в надежде, что это мне померещилось, но нет – привидение медленно двигалось между могилами и находилось уже ближе к нам. Я поднялся со скамейки и, став так, чтобы заслонить собой это жуткое зрелище от глаз моей спутницы, промолвил, стараясь говорить естественным тоном:

– Уже за полночь, пойдемте-ка, Олечка, назад. Ведь нас там ждут, на платформе.

Мои слова плохо вязались с тем, что я говорил всего за несколько минут до этого, уговаривая посидеть тут еще, а может быть, меня выдал и голос, но Оля явно почувствовала неладное. Она сразу встала, посмотрела на меня с тревогой, но ни о чем не спросила. Я взял ее под руку, и мы, выйдя на освещенную луной дорожку, довольно быстрым шагом направились к воротам. Я что-

то бормотал, стараясь продолжать прерванный разговор, и боялся обернуться, чтобы не обернулась и она. Но, пройдя шагов тридцать, Олечка сделала это сама и, затрепетав всем телом, вцепилась в мою руку. Я посмотрел назад и с ужасом увидел, что мертвец тоже вышел на дорожку и гонится за нами.

– Бежим! – крикнул я, и мы во всю прыть бросились к выходу с кладбища. То есть эта «прыть» была довольно относительной: будь я один – развил бы такую скорость, что за мной не угнался бы никакой покойник, но Оля в своей узкой юбке, несмотря на весь испуг, семенила мелким трухом, и я волей-неволей должен был придерживаться ее аллюра.

Но так или иначе мы благополучно выскочили за ворота, промчались по просеке и, только выбежав на железную дорогу и убедившись, что призрак нас больше не преследует, перешли на шаг.

– Какой ужас! Что бы это могло быть, как вы думаете, Миша? – приходя понемногу в себя, допытывалась Олечка.

– Не знаю что и думать. Говоря честно, до сегодняшнего дня я в привидения не верил, но теперь… Вы же сами видели.

– Слава богу, что вы за мной пошли! Одна я бы, наверное, умерла со страху.

На платформе нас ожидала вся компания, уже несколько встревоженная нашим долгим отсутствием. Кодинец был явно не в духе, и настроение его отнюдь не улучшилось, когда он увидел, что никакой ссоры между мной и Олечкой не произошло. Мы без прикрас рассказали о своем приключении. Нам поверили не сразу, но, когда наконец убедились, что мы говорим правду, было решено немедленно расследовать это дело. Ревишин пошел провожать барышень домой, а все остальные вместе со мной отправились на кладбище.

Придя туда, мы не вошли в ворота, а тихо двинулись с наружной стороны, вдоль ограды, к могилам наших самоубийц. Привидение оказалось тут как тут. Оно медленно переходило от могилы к могиле, то склоняясь к самой земле, то выпрямляясь, и при этом что-то тихонько бормотало. Это последнее обстоятельство рассеяло все наши страхи и сомнения. Перепрыгнув в разных местах через стенку кладбища, мы дружно ринулись вперед, и мгновение спустя смертельно перепуганный «покойник» был нами схвачен.

Он оказался личностью все нам хорошо известной: это был юродивый полудурачок, который жил в нашем лагере, всегда ходил в длинной, до колен, белой рубахе, без конца молился и был совершенно безобиден. Кажется, у него были родственники, которые вывезли его из Крыма, после чего какими-то судьбами он

попал в Стернище.

– Какого черта ты шляешься ночью по кладбищу? – спросили мы у него.

– Тут же наши покойнички, – залепетал бедняга, тряся жиденькой, почти бесцветной бороденкой. – Ну вот я и пришел их проведать. Могилок-то много, и возле каждой помолиться нужно, вот, значит, и хожу…

– Чего же ты за нами погнался, когда мы тут вдвоем с барышней были? – полюбопытствовал я.

– Увидел, что вы испугались, ну и бежал за вами, чтобы сказать, что это я.

Что и говорить, поправил дело!

Сергиевское артиллерийское училище. В Великом Тырнове

Осенью 1921 года в Югославии состоялся первый выпуск кадет Крымского корпуса. Окончивших и получивших аттестаты было восемьдесят три человека. Из них около сорока наиболее благоразумных поступили в различные высшие учебные заведения страны, человек двадцать устроились на работу, в пограничную стражу и т. п., а остальные желали продолжать военное образование и идти в русские военные училища.

Таковых эвакуировалось из Крыма восемь: Николаевское инженерное, Сергиевское артиллерийское, Николаевское кавалерийское, Константиновское, Александровское и Корниловское пехотные, Атаманское донское и Алексеевское кубанское – последнее со всеми четырьмя «факультетами». Все они из Галлиполи были перевезены в Болгарию, за исключением Николаевского кавалерийского, которое попало в Югославию, в город Белая Церковь. Из нашего выпуска в него поступило человек пятнадцать, а шестеро, в числе которых был и я, решили ехать в Болгарию, в Сергиевское артиллерийское.

Оно находилось в древней столице, городе Великое Тырново. По Версальскому договору, побежденная Болгария должна была сократить свою постоянную армию до 20 000 человек, таким образом, в стране пустовало много военных казарм, большинство которых было предоставлено частям нашей Белой армии. Кроме Сергиевского артиллерийского училища, в Великом Тырнове были размещены Офицерская гимнастическая и фехтовальная школа, штаб 1-го армейского корпуса, конвой генерала Кутепова и какой-то саперный или технический батальон. Все казармы находились в непосредственной близости друг от друга, и только одна из них была занята стоящим здесь болгарским пехотным полком.

В то время преодолеть югославско-болгарскую границу было довольно трудно, особенно бесподданному и беспаспортному человеку. Пятерым моим однокашникам посчастливилось: в штабе Главнокомандующего случилась оказия отправить их в Болгарию под видом служебной командировки, а мне Державная Комиссия почему-то задержала выдачу денег (в силу существовавших положений при отъезде мы имели право получить за три месяца беженское пособие, из расчета 240 динар в месяц, но без соответствующих знакомств и связей этого нелегко было добиться), и я эту возможность упустил. Другой в ближайшем будущем не предвиделось, и, чтобы не потерять

учебного года, начальство мне предложило поступить пока в Николаевское кавалерийское училище, с тем что позже, когда появится возможность, меня переведут в Сергиевское. Я так и сделал. Но в дальнейшем положение с переездом лишь ухудшилось, и наконец, мне прямо сказали, что на перевод я больше не могу рассчитывать.

В моем роду испокон веков все были артиллеристами, и потому, не желая отступить от семейной традиции, я пошел «ва-банк»: отчислился из Николаевского училища, с одним казаком-кубанцем, которому тоже нужно было попасть в Болгарию, перебрался через границу «по русскому способу» и благополучно прибыл в город Великое Тырново.

В силу всех этих событий в Сергиевское артиллерийское училище я явился с трехмесячным опозданием, и тут мне сразу заявили, что принять меня уже не могут. Но артиллерийская вежливость все же побудила начальника училища взглянуть на мой корпусный аттестат, и дело приняло более благоприятный оборот: генерал сразу подобрел и сказал, что мог бы сделать для меня исключение, если разрешит генерал Кутепов, к которому посоветовал мне сейчас же отправиться, благо его штаб помещался во втором этаже той же казармы.

Вкусы и требования Кутепова я хорошо знал по армии, а потому представился ему отчетливо, в самом подтянутом виде и, кажется, произвел хорошее впечатление. Генерал задал мне два-три вопроса и, видимо удовлетворившись полученными ответами, потребовал мой аттестат. С соблюдением всех правил устава я сделал два шага вперед, положил его на стол и замер в положении «смирно».

Просмотрев аттестат, Кутепов перевел взгляд на мои кадетские погоны.

– Удивительно, – сказал он, – аттестат замечательный, круглые двенадцать баллов, к тому же георгиевский кавалер, а на погонах нет даже вице-унтер-офицерских нашивок! Легко могу себе представить, каково было ваше поведение в корпусе!

Я скромно потупил глазки. В сущности, мое поведение в корпусе вовсе не было исключительно скверным, но так уж у нашего начальства повелось, что при всех «бенефисах» и общих проказах зачинщиком и козлом отпущения неизменно оказывался я. Сверх того, я не пользовался расположением директора, а получение нашивок всецело зависело от него.

– Впрочем, – продолжал Кутепов, – из таких архаровцев нередко получаются отличные боевые офицеры. В училище будете приняты, и не сомневаюсь, что быстро наверстаете пропущенное в занятиях. А за вашим поведением я буду следить особо, – добавил

он и размашистым почерком написал на полях моего аттестата: «Разрешаю принять».

В САУ, как в обиходе называли наше училище, было в то время три курса юнкеров, в общей сложности человек триста, разбитых на две батареи. Юнкера имели вид подтянутый, одеты были хорошо и однообразно: белые гимнастерки, черные брюки, высокие сапоги со шпорами и артиллерийские бескозырки. У всех были винтовки и шашки, кроме того, из Галлиполи с собою было привезено десятка полтора пулеметов различных систем и отдельные части русской трехдюймовой пушки, для учебных занятий. В город все выходили в форме, с погонами, и даже совершали строем военные прогулки, при винтовках и с училищным духовым оркестром. Точно так же первое время обстояло дело и в других русских военных училищах, расквартированных по различным городам страны.

Болгары в массе относились к нам доброжелательно, и на первых порах мы чувствовали себя почти как дома. Но такое положение длилось недолго: к власти пришло весьма левое правительство Стамболийского, которое вскоре установило с Советским Союзом дипломатические, а потом и дружественные отношения. В Софии обосновалась какая-то советская комиссия, во главе с матросом Чайкиным, который быстро приобрел в стране исключительное влияние и стал открыто вмешиваться во внутренние дела. Многие правые деятели были арестованы или бежали за границу, фактически под домашним арестом находился и царь Борис, которому порекомендовали ни во что не вмешиваться и не выходить из своего дворца. Болгария явно вступила на путь, ведущий к коммунизму.

Разумеется, тридцатитысячная Белая армия, расквартированная целыми частями по всей стране, закаленная в боях и сохранившая все свое оружие, кроме пушек, на пути у Чайкина и Стамболийского была не только камнем преткновения, но и грозной опасностью: в почти разоруженной Болгарии в ту пору она была главной силой, опираясь на которую болгарские монархисты могли произвести правый переворот, что год спустя и случилось. Несомненно, об этом уже и тогда велись какие-то тайные переговоры, о чем правительство Стамболийского, надо полагать, знало или догадывалось и потому решило нас исподволь и насколько возможно обезвредить.

Началось с того, что начальник тырновского гарнизона, ссылаясь на распоряжение, полученное из Софии, предложил нам сдать все имеющееся у нас огнестрельное оружие. Сверх полного комплекта у нас было что-то около тридцати винтовок, которые мы безропотно сдали, прибавив к ним два поломанных пулемета.

Относительно патронов наше начальство заявило, что у нас их отобрали французы еще в Галлиполи и что винтовки нам тут служили только для упражнения в ружейных приемах.

Ничему этому болгары, конечно, не поверили, ибо неоднократно видели, как весь наш дивизион маршировал по городу с винтовками. Но именно потому, что почти все оружие у нас осталось, и они это знали, обыска производить не рискнули и сделали вид, что удовлетворены. Мы же, не теряя времени, спрятали под полом нашей казармы остальные триста винтовок, патроны и десять пулеметов, а четыре, которые в этот тайник не поместились, отнесли в лазарет и забросали каким-то тряпьем. Как мы узнали позже, приблизительно так же прошло «разоружение» наших частей в других городах Болгарии. В некоторых местах начальники болгарских гарнизонов, не сочувствовавшие правительству Стамболийского, сами втихомолку советовали командирам русских частей сдать только то, что похуже, а остальное оружие припрятать.

Однако начальник тырновского гарнизона был из левых и в отношении нас начал применять систему все усиливающихся провокаций. В городе произошло несколько случаев ареста отпускных юнкеров, болгарские солдаты стали грубить русским офицерам, а вскоре дошло и до более серьезного инцидента.

Как-то часов в одиннадцать вечера, когда несколько юнкеров мылись возле родника, который находился на склоне горы, шагах в ста от нашей казармы, туда подошел болгарский патруль и в грубой форме потребовал, чтобы они удалились. Это был явный произвол – родник находился в нашем расположении, – а потому возник спор, вскоре перешедший в громкую перебранку. Дело происходило летом – спасаясь от одолевавших в казарме клопов, многие юнкера спали снаружи, под деревьями. Человек пятнадцать, услышав крики, выскочили из постелей и как были, в нижнем белье, побежали к роднику. Подпустив нас на несколько шагов, патруль без всякого предупреждения открыл огонь из винтовок, в результате чего юнкер моего отделения Лобода был убит наповал, а шестеро ранены – один из них, юнкер Бетхер, очень тяжело, он больше года пролежал в госпитале и выжил буквально чудом. Стреляли подло, с очевидным расчетом убить – все ранения были в головы. Потрясенные и возмущенные юнкера хотели достать винтовки и расплатиться за кровь своих товарищей, но училищные офицеры этому категорически воспротивились.

Видя, что русские этим происшествием чрезвычайно возбуждены, начальник гарнизона на следующий день официально выразил свои крайние сожаления и обещал предать

виновных военному суду, но, как мы позже узнали, их просто перевели в другой полк.

Занятия в училище шли между тем своим чередом. Программа была трудная, мы проходили не ускоренный, а нормальный, трехгодичный, курс артиллерийских училищ, требующий серьезного изучения всех разделов высшей математики в солидном объеме. Преподавательский состав в САУ стоял на исключительной высоте, достаточно сказать, что среди наших лекторов было восемь военных академиков. Но учебных пособий почти не было – все приходилось записывать на лекциях. Шесть часов в день уходило у юнкеров на классные и строевые занятия, кроме того, еженедельно сдавалась какая-нибудь репетиция, то есть частичный экзамен по пройденному курсу, к которому готовились по вечерам, нередко засиживаясь в аудиториях до глубокой ночи.

В августе юнкера старшего курса были произведены в подпоручики и, разобрав вакансии, разъехались по своим частям, а мы перешли на средний курс. Нового приема в училище не было, так как казна Главного командования была почти истощена и средств едва могло хватить для того, чтобы закончить обучение и выпустить офицерами тех, кто уже был принят. Таким образом, моему курсу суждено было стать в САУ последним.

Я полностью оправдал ожидания генерала Кутепова, быстро нагнал пропущенное и к концу учебного года как по учению, так и по строевым занятиям вышел в первые ряды. В это время курсовой офицер моего отделения, капитан Костецкий[90], покинул службу и отправился в Чехию, с намерением поступить в Горную академию. Перед отъездом он мне доверительно сообщил, что с переходом на старший курс намечал меня в фельдфебели, и рекомендовал впредь не уронить свою марку. Но увы, не минуло и недели после этого разговора, как марка моя безнадежно обанкротилась. Вместо Костецкого к нам должны были назначить одного из курсовых офицеров, освободившихся после выпуска старшего курса, – это были милейший и всеми любимый полковник Георгиевский[91] и капитан Коренев, крайне несимпатичный, злопамятный и желчный человек, прозывавшийся у нас Черепахой – такое прозвище он получил в Галлиполи, где прославился как виртуоз по ловле и поеданию черепах. Я одним из первых узнал, что назначен к нам именно он, и, влетев на переменке в нашу казарменную уборную, где в то время курило несколько юнкеров моего отделения, с ходу выпалил:

– Ну, братцы, беда: дали нам в курсовики проклятую Черепаху!

В это мгновение дверь офицерского «купе» отворилась и оттуда, подтягивая пояс, появился капитан Коренев. Он сделал вид, что моих слов не слышал, но после этого меня возненавидел, придирался нещадно и вместо фельдфебельства почти до самого производства продержал меня в третьем разряде.

Вынужденное путешествие

Вскоре болгары решили взяться за нас всерьез. Толкнула ли их на это только политическая солидарность с товарищем Чайкиным, или имелись более серьезные основания, сказать не берусь – мы, юнкера, во всяком случае, ничего не знали. Но вполне возможно, что основания были и что в Болгарии уже созрел заговор для свержения правительства Стамболийского, к чему, по всей вероятности, было причастно и наше командование. И это, конечно, была не авантюра, а вынужденная самозащита: в случае дальнейшего усиления советских влияний всем нам грозила выдача.

Так или иначе, но во второй половине августа внезапно были высланы в Югославию генерал Кутепов, его начальник штаба генерал Штейфон и еще несколько русских генералов, а вслед за этим, тоже, по-видимому, в вынужденном порядке, туда отправился и весь штаб нашего армейского корпуса. Училищное начальство пыталось все это объяснить юнкерам распоряжениями, якобы полученными из штаба генерала Врангеля, но мы понимали, что это говорится только для нашего успокоения, а в действительности дело обстоит гораздо хуже. Тем не менее все сохраняли полное спокойствие, и жизнь училища продолжала идти нормально.

Прошло еще несколько тревожных дней, и однажды поздней ночью, когда все юнкера мирно спали, нашу казарму, с соблюдением полной тишины, окружил болгарский полк. Этот маневр значительно облегчался тем, что к казарме со всех сторон близко подступали заросли кустов и деревьев, а наружные часовые у нас к этому времени были отменены: после «разоружения» выставлять напоказ юнкеров с винтовками было невозможно, а ставить безоружных часовых, по мнению начальства, не имело смысла.

Только завершив оцепление и установив против всех дверей и окон пулеметы, «братушки» отважились войти в казарму. Насколько рискованной представлялась им предпринятая операция, видно хотя бы из следующего: когда первый болгарский солдат с винтовкой в руках показался в дверях нашей спальни и увидевший его дневальный во все горло рявкнул:

«Тревога!» – храбрый вояка выронил винтовку и без чувств упал на руки следовавших за ним товарищей.

После этой заминки солдаты ворвались внутрь. Никакого сопротивления раздетые и безоружные юнкера оказать, конечно, не могли и не пытались. Всем нам приказано было одеться и выйти на переднюю линейку, вслед за тем в казарме начался обыск. Производили его солдаты и жандармы, под руководством нескольких офицеров, но при них находился и какой-то тип в штатском – как после выяснилось, это был сам товарищ Чайкин. Он суетился и всюду совал свой нос, но ни с кем из русских не заговаривал; болгарские офицеры держали себя сухо, но вежливо, а один, отлично говоривший по-русски, был даже любезен и вид имел явно смущенный – очевидно, учился в России и в душе нам сочувствовал.

Искали, конечно, оружие. Обшарили все, в некоторых местах даже поднимали половицы, но ничего не нашли – наш арсенал был надежно укрыт и находился под полом училищной канцелярии, которая не внушала обыскивающим особых подозрений и ее осмотрели лишь поверхностно. Затем направились в лазарет. Увидев в углу палаты кучу грязного белья, под которой покоились четыре станковых пулемета, один из болгарских офицеров спросил:

– А там у вас что такое?

– Матрасы и белье тифознобольных юнкеров, – не моргнув глазом ответил наш командир дивизиона, полковник Грибовскин. – Хотели это продезинфицировать, да нечем, придется, видимо, сжечь, во избежание заразы.

Офицер отскочил от кучи как ошпаренный, и, хотя Чайкин ему что-то зашептал на ухо, болгары из лазарета очень быстро ретировались.

После обыска были арестованы все наши офицеры, начиная с начальника училища. Их увели в город, а юнкерам, за исключением лазаретных больных, было приказано войти в казарму, уложить в ранцы свое обмундирование и личные вещи, а затем построиться на передней линейке. Кроме этого, из хозяйственной части разрешили взять несколько ящиков консервов и дневную выпечку хлеба, после чего всех под усиленным конвоем отвели на вокзал. Там уже стояли два готовых железнодорожных состава из вагонов-теплушек, в которые нас без всяких околичностей погрузили и немедленно отправили – первый эшелон в одном направлении, а второй в другом.

К вечеру того же дня в третий состав погрузили хозяйственную часть, все училищное имущество, лазарет и

нестроевую команду. Так как эти небоеспособные остатки училища особых опасений болгарам не внушали и строгого наблюдения за ними не было, лазаретному персоналу удалось до отъезда упрятать под пол оставшиеся там пулеметы. Когда полностью была закончена погрузка, этот третий эшелон тоже был отправлен из Великого Тырнова в неизвестность. Мы, во всяком случае, не имели ни малейшего представления, куда нас везут и чем все это кончится. Сопровождавшие нас конвойные команды знали, видимо, немногим больше нашего. Никого из русского начальства с нами не было – старшим первого эшелона, в котором находился я, оказался молоденький подпоручик Пенчо[92], единственный офицер, избежавший ареста; второй эшелон возглавлял наш священник, отец Феодор Миляновский[93], а третий – кто-то из врачей.

Было ясно, что вся эта операция проделана болгарами главным образом для того, чтобы нас действительно обезоружить. Хотя нашего оружия они и не нашли, но теперь могли быть уверены в том, что с нами его нет и что в дальнейшем мы им никак не сможем воспользоваться.

С долгими простоями на попутных станциях нас около двух недель возили по всей стране, очевидно еще не решив, что с нами делать, или, что более вероятно, – не желая поставить нас на твердую почву, пока правительство не убедится, что какая-либо опасность для него миновала. Каждый наш эшелон двигался самостоятельно, и в нем ничего не знали о маршруте и о судьбе двух других. Кормить нас «братушки» тоже считали излишней роскошью, но, к счастью, училищный казначей, полковник Берегов, тоже арестованный, успел разделить содержимое денежного ящика между старшими трех эшелонов, что позволило покупать в пути кое-какую еду. Среди юнкеров, видавших и не такие виды, никакого уныния не наблюдалось, ехали весело, с песнями и не отказывали себе в удовольствии позубоскалить над нашими конвоирами, которые, впрочем, вели себя добродушно и нам не докучали.

Таскали нас сначала по Северной Болгарии, потом перевезли через Балканский хребет, в Южную. Около середины сентября мы попали в небольшой городок Новая Загора, где, как нам было известно, стояло Николаевское инженерное училище. Наш эшелон, по обыкновению, надолго поставили на запасный путь, и очень скоро к нему подошла группа юнкеров-николаевцев. От них мы узнали, что накануне через Новую Загору проехали наши Сергиевские офицеры, которых в Великом Тырнове освободили из-под ареста и предписали им ехать в город Тырново-Сеймен, находившийся в двух часах езды от Новой Загоры, недалеко от

греческой границы. Из этого можно было заключить, что и нас решили направить туда.

Действительно, на следующий день все три наших эшелона один за другим прибыли в этот захолустный городишко, стоявший на берегу реки Марицы. Все наши офицеры были уже здесь, за исключением трех старших: начальника училища генерала Казьмина[94], командира дивизиона полковника Грибовского[95] и инспектора классов полковника Безака, – их выслали в Югославию. Впрочем, последнему вскоре удалось оттуда возвратиться, и он вступил в должность начальника училища.

В Тырново-Сеймене на возвышенной окраине города (по существу, это были два слившиеся вместе села – Тырново и Сеймен; первое было покрупнее и обратилось в городской центр, а второе – в окраину, сохранившую вполне сельский облик) стояла казарма какого-то расформированного после войны пехотного батальона. По прибытии в Болгарию русских частей эта казарма была предоставлена Алексеевскому Кубанскому военному училищу, которое незадолго до нашего приезда дало свой последний выпуск и занятия прекратило. За оставшимся здесь довольно многочисленным кадром училища и несколькими десятками молодых офицеров, которые работали в этом районе, сохранилась половина казармы, а во вторую ее половину водворили нас, сергиевцев.

Со своими новыми соседями, кубанцами, мы быстро познакомились, а позже и крепко сдружились. От них мы узнали, что гонения, обрушившиеся на русские воинские части, тут проявились в наиболее мягкой, вернее, даже в символической форме. В этом земледельческом и удаленном от крупных центров районе вся полнота власти фактически принадлежала полковнику Златеву, командиру шестого болгарского кавалерийского полка, который стоял в соседнем городке Харманли, в десяти километрах от нас. Златев окончил в России кадетский корпус, военное училище и Академию Генерального штаба, по духу это был вполне наш человек – русских он любил, а правительству Стамболийского ни в коей мере не сочувствовал. Поэтому, получив из Софии приказ разоружить кубанцев, он исполнил его в такой форме: отобранное оружие было сложено в каменный сарай, стоявший тут же, на казарменном дворе; Златев запер его на замок, от которого один ключ взял себе, а другой негласно вручил начальнику Кубанского училища, молодому и боевому генералу Лебедеву[96]. Для соблюдения внешних приличий в боковой комнатушке этого сарая был поселен болгарский стражник, якобы охранявший склад от каких-либо посягательств

со стороны обитателей казармы. Разумеется, при таком положении вещей воспользоваться этим оружием, в случае надобности, можно было в любой момент, и кубанцы нас поспешили заверить, что его там с избытком хватит и на всех нас.

С полковником Златевым и с офицерами его полка, из которых добрая половина тоже получила образование в русских военно-учебных заведениях, кубанцы поддерживали дружескую связь, в которую вскоре после приезда включились и мы. Златев и некоторые его офицеры неизменно присутствовали на всех наших больших праздниках и, в свою очередь, нередко приглашали к себе генерала Аебедева и русских офицеров, принимая их с полным радушием. Юнкерам Кубанского училища Златев для сменной езды предоставлял своих полковых лошадей, а позже, когда мы, юнкера-сергиевцы, окончили курс и стали устраиваться на заработки, несколько наших музыкантов были приняты вольнонаемными в духовой оркестр этого полка, причем все сразу же получали чин вахмистра (максимально для этой категории доступный) и приличное жалованье, живя на всем готовом.

В общем, под покровительством полковника Златева, о котором каждый из нас сохранил самую светлую память, все мы чувствовали себя как за каменной стеной и жили в Тырново-Сеймене совершенно нормальной военно-казарменной жизнью. И еще несколько лет, пока находились там, совершенно свободно разгуливали в офицерской форме, с погонами, ношение которых в других городах Болгарии было русским давно запрещено.

Трудовое крещение

Через три дня по приезде мы уже устроились на новоселье и приступили к продолжению занятий. Но наш вынужденный переезд и все связанные с ним непредвиденные события весьма ощутительно отразились на скромном бюджете училища, а на получение каких-либо дополнительных сумм из опустевшей армейской казны не было никакой надежды. Чтобы выправить положение, наше училищное начальство решило с 15 октября на полтора месяца сделать перерыв в занятиях и распустить юнкеров на заработки.

Нас это известие нисколько не огорчило, а скорее обрадовало. Мы сидели без денег, у большинства юнкеров их не было даже на курево, и для того, чтобы приобрести хоть малую толику на мелкие расходы, оставался только «загон» того или иного предмета казенного обмундирования. Но это было связанно с изрядным риском и трудностями, так как несколько раз в год, и притом неожиданно, производились так называемые проверки

арматуры, то есть всех казенных вещей, числившихся за юнкером. Таким образом, чтобы продать новую пару полученного белья, фуфайку или одеяло, надо было заранее раздобыть какую-нибудь подходящую рвань, чтобы представить ее при очередной проверке, с ангельским видом уверяя начальство, что вещь износилась. И это далеко не всегда проходило гладко.

В силу такого положения этот вынужденный перерыв в занятиях, открывающий возможность что-то подработать, был в наших интересах, а физического труда никто не боялся: все уже знали, что в недалеком будущем – по окончании училища – он должен стать нашим жизненным уделом, во всяком случае на первое время, и тут как раз можно было получить к этому некоторую подготовку. Но дело осложнялось тем, что каждый должен был сам найти себе работу, а поблизости не было никаких фабрик или крупных предприятий, и мы могли рассчитывать почти исключительно на сельский труд. На этом поприще отыскать себе какое-нибудь применение, не умея обращаться с крестьянами и говоря с ними коверканным на болгарский лад русским языком, было не так легко. Особенно досаждал неизменно задаваемый каждому вопрос: «А что ты умеешь делать?» Наиболее честные признавались, что в этой области они новички, другие придерживались иной системы и уверяли, что умеют делать все потребное в хозяйстве. Селяк давал такому энциклопедисту лопату или вилы и быстро убеждался, что он их никогда в руках не держал. Один поклонник Вертинского на этот вступительный вопрос гордо ответил: «Я могу из горничных делать королев», но королевы болгарским крестьянам были без надобности, а горничных у них не было.

Все же, в результате долгих хождений по городу и по окрестным селам, несколько десятков юнкеров устроились чернорабочими на мелкие постройки и на перекопку виноградников, так как в это время года иных сельских работ не было. Поиски остальных были тщетны, но, по счастью, выручили кубанцы, уже имевшие в этой области некоторые полезные знакомства и связи. Они получили предложение работы от одного болгарского подрядчика, который взялся где-то в Балканских горах провести проезжую дорогу от ближайшего шоссе до только что открытого месторождения каменного угля, где весною должны были начаться разработки. Требовалось человек сорок рабочих; условия – девяносто левов в день на хозяйских харчах, что было совсем неплохо, – на постройках платили не больше семидесяти и харчи свои. Жить предстояло в землянках, которые самим надо было сделать в счет работы.

Безработных кубанцев было в казарме человек пятнадцать,

остальные вакансии предложили нам. В числе записавшихся находился и я. На следующее утро весь наш отряд, сняв погоны, облачившись во все самое старое и, кроме шинелей, прихватив с собою по одеялу, тронулся в путь.

Часов шесть мы ехали поездом до какой-то маленькой станции, находившейся уже довольно высоко в горах. Там нас встретил болгарин, наш будущий надзиратель, и по хорошему шоссе в два приема перевез на грузовике километров за двадцать от этой станции, высадив среди гор, на крутом повороте, откуда должна была начинаться новая дорога. Но по каким-то неведомым нам соображениям, ее начали не от шоссе, а от будущего рудника, куда нам предстояло пройти еще пятнадцать километров пешком. Еле приметная тропинка вела совершенно дикой местностью, по склонам лесистых гор, извиваясь меж скал и крутых обрывов. Изрядно уставшие, к вечеру мы добрались до небольшой поляны, со всех сторон сдавленной надвинувшимися вплотную горами. Тут стоял бревенчатый домик-изба, в котором жил сам подрядчик, а возле него землянка, где помещалось несколько рабочих-болгар, и небольшой сарайчик со всяким инвентарем.

Подрядчик – крупный мужчина средних лет и бандитской внешности – встретил нас величаво-благодушно и сказал, что с утра нам надлежит приступить к сооружению себе землянок, на этой же поляне. Затем нас накормили вареной фасолью с хлебом, и мы тут же, под открытым небом завалились спать. Осенью на такой высоте ночи были уже очень холодными, и это нас побудило взяться за устройство своих жилищ с особым рвением.

Смастерить три землянки, вместимостью на четырнадцать человек каждая, оказалось делом нетрудным. По войне и по всем прошлым передрягам такого рода строительство большинству из нас было знакомо, кроме того, среди молодых кубанских офицеров нашлись два сапера – под их руководством мы быстро справились с этой задачей и третью ночь спали уже под кровом. Насчет довольствия договорились с подрядчиком, что он будет выдавать нам продукты – которые привозились откуда-то издалека, на вьючных ослах, – а готовить на всех еду будет один из наших, получая такой же оклад, как и все остальные.

Работа заключалась в том, чтобы по склонам гор и по дну ущелий выравнивать промеченную надзирателем полосу дороги, ширины достаточной для проезда конной повозки или автомобиля. Для этого надо было вырубать мешавшие деревья и корчевать пни, потом, действуя кирками и лопатами, срезать склон, а местами, наоборот, – подсыпать камни и землю, чтобы получить ровное полотно дороги.

Две недели мы проработали без каких-либо происшествий и в полной отрезанности от внешнего мира (радио тогда еще не было). Наконец наступил день первой получки. Подрядчик об этом, казалось, забыл, а когда мы напомнили, сказал, что денег из Софии ему еще не прислали и нам придется немного подождать. После долгих препирательств он все же выдал нам по четыреста левов в счет причитавшихся тысячи двухсот, и мы продолжали работу. Но тут сразу пошли холодные осенние дожди, и нам пришлось большую часть времени проводить не на работе, а в своих землянках, возле устроенных там импровизированных и невероятно дымивших очагов. Настроение публики падало с каждым днем, и, когда начались громкие разговоры о том, что следует бросить эту работу и уходить, подрядчик, чтобы поддать нам бодрости и оптимизма, уплатил все недоданное за первые две недели. Этим немедленно воспользовались кубанцы, которые сложили свои манатки и, презрев все уговоры и ругань подрядчика, отправились домой. Они советовали и нам сделать то же самое, пока еще можно унести отсюда ноги, но мы, зная, что пайка в училище не получим до первого декабря, решили остаться еще на две недели, исходя из тех соображений, что если даже ничего не заработаем, то во всяком случае тут нам обеспечена бесплатная кормежка.

Однако в этом мы жестоко просчитались: не минуло и недели, как пошел снег, не прекращавшийся несколько дней, вокруг наших землянок его навалило по пояс. О продолжении работы нечего было и думать, доставка продуктов тоже прекратилась, и нам стали выдавать одну фасоль, и то в уменьшенном количестве. Когда мы спросили у подрядчика, что он думает о создавшемся положении, тот заявил, что работу придется надолго прервать, кормить он нас тоже больше не может, но никого отсюда не гонит, а если нам здесь не нравится, мы можем убираться восвояси. На это мы ответили, что предпочитаем последнее, и потребовали расчета за несколько проработанных и еще не оплаченных дней. Болгарин плотоядно улыбнулся и сказал:

– Вы, «руснаци», меня еще не знаете, так я вам кое-что расскажу о себе: я человек очень нервный и, если рассержусь, способен натворить такого, что после и сам не рад. Был, например, случай, когда меня ночью до того извели клопы, что я выскочил из постели и спалил весь дом. Советую вам иметь это в виду и зря меня не раздражать.

Мы было загалдели, но «нервный» братушка вытащил внушительных размеров револьвер, а сзади как из-под земли выросли два его помощника с карабинами в руках. Перед такими

аргументами нам, безоружным, пришлось спасовать, и мы не солоно хлебавши отправились в свои землянки.

Надо было на рассвете следующего дня уходить, так как вечером мы сварили последнюю фасоль и ничего съедобного у нас больше не было. Путь предстоял трудный и опасный: через дикие горы и ущелья, по снежным завалам, совершенно скрывшим тропинку и до полной неузнаваемости изменившим местность, нужно было пройти пятнадцать километров, на каждом шагу рискуя сорваться в какую-нибудь запорошенную снегом расщелину или безнадежно заблудиться в хаосе гор. В довершение всех несчастий, вечером юнкер Липкин[97], окоченевшими от холода руками рубивший дрова, промахнулся топором и сильно поранил себе ногу. С большим трудом мы остановили кровотечение и перевязали ему рану. Утром, сколько он ни старался, надеть на эту ногу сапог оказалось невозможным, пришлось обмотать ее всяким тряпьем и мешками, превратив ступню в огромный, бесформенный пакет. В таком виде, опираясь на палку, Липкин попытался идти, но та его нога, которая была в сапоге, по колено погружалась в снег, а другая, обмотанная, оставалась на его поверхности. Покинуть товарища на попечение симпатичных братушек мы не рискнули и, соорудив из жердей и одеял носилки, всю дорогу по очереди несли его на руках.

Этот суворовский путь через горные трущобы, по рыхлому снегу, местами доходившему нам до пояса, был долог и исключительно богат впечатлениями. Шли гуськом. Труднее всего приходилось переднему, поэтому его часто сменяли и насколько возможно страховали, особенно после того, как один из таких ведущих внезапно провалился в глубокую яму, откуда мы его не без труда вытащили, к счастью невредимым. Не раз вываливался из носилок несчастный Липкин. Только к вечеру мы, голодные как волки и обессиленные, добрались до шоссе. А оттуда было еще двадцать верст до железнодорожной станции.

Около часу мы просидели там отдыхая и надеясь увидеть какой-нибудь проходящий автомобиль или телегу, куда можно было бы пристроить хоть раненого Липкина. Но никакого движения по шоссе в эту пору не было. Только один проезжавший верхом на ишаке крестьянин на наш вопрос – нет ли поблизости какого-нибудь жилья, где бы можно было достать хоть хлеба и нанять телегу, – ответил, что ближайшая деревенька находится верст за шесть оттуда, в стороне от шоссе, и объяснил, где с него надо свернуть на проселочную дорогу, ведущую к этой деревне.

После недолгих дебатов порешили на том, что двое, по жребию, отправятся туда, купят для всех хлеба и брынзы, наймут телегу и возвратятся на ней к остальным, которые будут ждать на

этом же месте.

Жребий идти выпал мне и юнкеру Куреному. Когда мы добрались до поворота на проселок, почти совсем стемнело. Мы сбились с пути и, двигаясь впотьмах неведомо куда, по колени в снегу, уже мечтали только о том, как бы выбраться обратно на шоссе. Но вдруг неподалеку замерцало несколько огоньков – это оказалась деревня. Еле живые от холода и усталости, мы доплелись до нее и постучали в первую же избу.

За шесть лет своей жизни в Болгарии я исходил множество сел и деревень, но таких людей, как здесь, и такого приема больше нигде не встречал. Это объясняется, вероятно, глухим местоположением и изолированностью этого горного поселка – тут, оказывается, даже не знали, что в Болгарии уже полтора года находятся части Русской Армии.

Поняв, наконец, кто мы такие, старик хозяин, еще помнивший Шипку и Плевну, по очереди нас обнял, приговаривая, что не чаял дожить до счастья снова увидеть в этих горах русских воинов. Нас усадили возле печки, разули, и какие-то женщины растерли наши окоченевшие ноги гусиным жиром. Тем временем чуть ли не вся деревня сбежалась, чтобы на нас посмотреть. Детям старик говорил: «Целуйте руки сыновьям наших освободителей!» Надо отметить, что в Болгарии старики повсеместно относились к нам с большой симпатией, а молодежь, воспитанная на немецких влияниях и сильно затронутая коммунизмом, обычно смотрела волками.

Едва мы сказали о наших затруднениях, сейчас же была запряжена и нагружена всякой снедью телега, на которой сын хозяина отправился туда, где ожидали наши, а Куреного и меня почти силою оставили ночевать, предварительно накормив и напоив до отвалу и обещав на следующий день отвезти на станцию.

Часа через два возвратился хозяйский сын и сказал, что на указанном ему месте он никого не обнаружил. Как после выяснилось, всех юнкеров подобрал ехавший порожняком грузовик и довез до станции.

Разъезд

Зима прошла в беспросветной зубрежке и при обстоятельствах более трудных, чем предыдущая. Казна Главнокомандующего была истощена, денег на содержание училища теперь отпускали в обрез, и это прежде всего сказалось на нашем питании, которое резко ухудшилось. Юнкера хронически недоедали, в результате чего у многих появилась так

называемая куриная слепота: с наступлением сумерек человек терял зрение, а если в помещении горела лампа, видел только светящееся пятно. Таким больным приходилось особенно трудно, так как по ночам заниматься они не могли, а начальство торопилось пройти положенную программу как можно скорее и подготовить юнкеров к производству раньше нормально рассчитанного срока. Помимо усиленных классных занятий, мы теперь нередко должны были сдавать по две репетиции в неделю, почти не имея времени для отдыха. Но иногда подобное умственное напряжение требовало какой-то разрядки. Память мне рисует такую картинку из нашего тогдашнего быта.

Весенним утром у раскрытого настежь окна казармы стоит группа юнкеров, с затаенной печалью глядя на красоты божьего мира. Все явно не в духе. Еще бы! В расписании лекций на сегодня значится интегральное исчисление, которое преподает очень строгий полковник Безак, – два часа подряд, потом фортификация. А за окном, как назло, весна во всю ширь развернула свои дразнящие прелести и легкий ветерок доносит откуда-то запах цветущих яблонь.

– И в такой день жевать в темной аудитории проклятые интегралы! – с горечью говорит довольно слабый в науках юнкер Пахиопуло.

– Будь другая лекция, еще полбеды, можно бы подремать где-нибудь на Камчатке, а Безак сразу накроет, – добавляет юнкер Липкин, не дурак поспать на лекциях.

– Хоть бы уж производство скорее, – мечтательно произносит юнкер Давыдов.

– До производства еще успеешь штаны протереть в аудиториях.

– Ребята, кто со мной в разъезд? – после довольно продолжительной паузы спрашивает третьеразрядник Борис Островский[98].

На всех присутствующих этот вопрос производит заметное действие и гирей тяжелого искушения нависает над голосом рассудка.

– У Безака слишком опасно, засыплет, – нерешительно говорит Пахиопуло.

– Небось не засыплет. Он нагнал на людей страху и теперь уверен, что никто от его лекции не увильнет, значит, особенно приглядываться не станет. Мишка, пойдешь?

– Что ж, пожалуй, пойду, – соглашаюсь я. – Твое рассуждение мне кажется логичным, к тому же терять мне нечего: Черепаха все равно найдет какой-нибудь предлог, чтобы поставить меня под шашку или припаять очередную пачку нарядов.

– Да и я поплетусь, – присоединяется Липкин.

Мы трое деловито начинаем собираться вместо лекции на речку. Остальные смотрят на нас с затаенной завистью. Кой у кого в мыслях проносятся портупейские лычки – ведь если поймают, не видать их как своих ушей.

– Я тоже пойду, – солидным баском заявляет юнкер Феоктистов[99] после короткой душевной борьбы.

– Не будь я сегодня дежурный трубач, тоже пошел бы, – раздумчиво говорит Пахиопуло[100]. – Впрочем, я попрошу Петьку Вицына[101] подать за меня сигнал к началу занятий.

Давыдов[102], чтобы устоять перед искушением, поспешно спускается в аудиторию, подбадривая себя тем, что знать интегралы необходимо каждому порядочному артиллеристу.

Участники разъезда поодиночке направляются из казармы к стоящей далеко в стороне уборной. На этом пути они вне подозрений. Опасен следующий этап: от уборной, хорошенько оглядевшись по сторонам, надо пробежать по открытому полю шагов двести, до ближайшего оврага. По его дну спуститься в долину небольшой речонки Юрочки уже нетрудно.

– Топаем к нашей заводи? – спрашивает Пахиопуло.

– Ну а куда же еще! Там выкупаемся и на солнышке полежим.

– Можно будет и в зубаря сыграть. Ножик у кого-нибудь есть?

– А то как же! Специально для этого прихватил, – успокаивает Липкин.

На полверсты ниже отлогий берег Юрочки расширялся в уютную полянку, хорошо защищенную от посторонних глаз кустами и плакучими ивами. Мелкая речонка здесь, на повороте, образовывала небольшую, глубиной по пояс, заводь, в которой можно было недурно выкупаться, а потому это место для юнкерских «разъездив» считалось идеальным. Не торопясь и на ходу поснимав гимнастерки, мы направляемся туда.

– Ого, да здесь уже кто-то есть, – говорит Феоктистов, идущий впереди. – Кажется, разъезд третьего отделения.

Действительно, на полянке сидели и лежали несколько юнкеров, которые сразу всполошились, услышав звуки шагов за кустами.

– Не боись, свои! – крикнул Островский. – От какой премудрости удрали?

– От оптических приборов, – отвечает юнкер третьего отделения Флейшер. – Разведка донесла, что капитан Колтунов в хорошем настроении, а если так, он пересчитывать людей в аудитории не станет.

– А вы что, в преферанс режетесь?

– Заложили пульку, чтобы убить время, хорошо идет на лоне

природы! Только вот Васька Смирнов[103] играет как сапожник, все настроение портит.

– Вали с больной головы на здоровую, – огрызается Смирнов. – Кто только что остался без двух на верной игре? Кстати, я и играть не хочу, мне надо постирать гимнастерку. Мишка, может, ты за меня сядешь?

– Да ну его к лешему, ваш преферанс! В такую погоду и думать лень. Я намерен прежде всего поваляться спокойно на травке, а потом полезу в воду.

– А вон еще кто-то идет, – указывает Липкин на две приближающиеся фигуры. – Никак Тихонов[104] и Поликарпович[105].

– Добро пожаловать, – приветствуют их. – Только вас тут и не хватало!

– Тихонов, хочешь вместо меня в преферанс? – предлагает Смирнов.

– Не могу, я обещал Поликарповичу позаниматься с ним здесь теорией артиллерии. Пахиопуло, Липкин, и вам полезно послушать!

– Иди ты в трещину! – обижается Липкин. – От Безака удрали, чтобы твою лекцию слушать!

– Ну, дело хозяйское. Вспомнишь меня, когда получишь кол на репетиции, – говорит Тихонов.

Он и Поликарпович усаживаются под деревом и разворачивают записки по артиллерии. Через некоторое время оттуда доносятся голоса:

– Да я же вчера тебе все это разжевал и втемяшил! Неужели за одну ночь забыл?

– Забыл, – признается Поликарпович, думающий о том, как хорошо было бы сейчас снова очутиться в отцовском поместье и выкупаться не в этой луже, а в родном Днепре. Черта ли тут сосредоточишься на этих формулах!

– Ну, слушай, дубина, – как сквозь сон доносится до его сознания голос Тихонова, – я объясню еще раз, но будь внимателен.

Поликарпович тяжело вздыхает и на минуту превращается в олицетворенное внимание.

– Фу, дьяволы, отравили всю красоту дня своей математикой, – негодующе говорит Феоктистов, приподнявшись на локте. – Ребята, кто в зубаря?

В желающих нет недостатка, но сначала решено выкупаться. Раздевшись, все лезут в заводь, под ругань Смирнова, который усадил за карты Крылова и стирает тут свою рубаху.

– Что за хамство, всю воду мне замутили! – возмущается он.

– Ничего, Васька, подождешь, пока она отстоится, тебе не к

спеху, – успокаивает его юнкер Кашкадамов[106].

– А тебе куда спешить с твоим купанием?

– Как куда? А Тита Васильевича изводить.

Тит Васильевич Письменный[107], здоровый как буйвол и нелюдимый юнкер, лежит поодаль с книгой в руках. Извести приставаниями Тита и довести его до бешенства было любимым занятием юнкеров третьего отделения, а Кашкадамова в частности.

Поплескавшись в воде, вся компания «зубаристов» вылезает на берег и усаживается в кружок. Липкин открывает большой перочинный нож и ловко подбрасывает его в воздух. Игра заключается в том, что все по очереди кидают его различными способами, с расчетом, чтобы, падая, он воткнулся в землю. По окончании партии в мягкую почву забивается небольшой колышек, причем каждый игрок имеет право два раза ударить по его верхушке рукояткой ножа. Проигравший должен выдернуть его зубами, без помощи рук.

Первую партию проиграл Борис Островский. Играющих было много, и колышек ему забили так, что он ушел в землю весь целиком.

– Ах, черти! Да тут же и ухватиться не за что!

– А ты используй дар природы, она тебя не зря таким носярой снабдила! Расковыряй им землю вокруг, вот и ухватишься.

После долгой возни и ругани Борис убеждается, что иного не придумаешь, и следует полученному совету. Зрители катаются по траве от смеха, глядя, как он длинным носом проворно подкапывает колышек. Наконец он выдернут, Островский бежит к воде мыть перепачканную физиономию, и игра возобновляется.

– Ты, Крылов, оказывается, еще хуже Васьки играешь, – доносится из-под соседнего дерева голос Флейшера[108]. – Я тебе вышел последнюю пику и жду ответа, чтобы крыть козырем, а ты знай черву засмаливаешь!

– А что мне родить было пику, если ее у меня нет?

– Тогда ходил бы трефу, ишак! А ты предпочел ему короля червей отыграть!

– Тит Васильевич! – кричит Письменному Кашкадамов, примостившись из благоразумия на другом берегу речки. – Так ты, значит, по гражданскому Тит, а по церковному как?

– Пошел ты к чертовой матери! – огрызается Тит, постепенно накаляясь.

Так проходит час. После «оптических приборов» – лекции капитана Колтунова[109] – из казармы приходят еще несколько юнкеров.

– Ну как, Колтунище никого не засыпал? – спрашивают у них.

– Какое там! Даже не посмотрел, сколько народу в аудитории. Все в окно поглядывал и вздыхал, видно, сам бы не прочь в разъезд, да чины не пускают.

Пополнение быстро распределяется по группам. На лужайке теперь человек пятнадцать, большинство без рубах, а некоторые и вовсе голые. Опасности никто не ожидает – начальство сюда не заглядывает, поэтому дозорного не выставили и никаких мер предосторожности не приняли. Общее внимание сосредоточено на зубаре – там над очередным колышком трудится теперь Липкин, вздернутый нос которого для подкапывания мало пригоден, и публика рвет животы от хохота, глядя, как он им пашет землю вокруг кола.

– Драпай, братва, Колтунов! – раздается вдруг сдавленный крик Кашкадамова.

Большинство не трогается с места, полагая, что это шутка. Некоторые вскакивают и озираются, и только самые стреляные воробьи не теряя мгновения бросаются в кусты. Через две-три секунды замешкавшиеся понимают, что бежать уже поздно: Колтунова заметили только тогда, когда он входил на поляну. Теперь, опустив голову и ни на кого не глядя, он медленным шагом брел мимо толпы растерявшихся юнкеров.

– Встать! Смирно! – скомандовал Феоктистов, окончательно обалдевший от неожиданности.

– Ты бы еще с рапортом подошел! – шепнул ему Пахиопуло.

На Колтунова команда не произвела никакого впечатления. Пройдя через лужайку с таким видом, словно пересекал самую безлюдную часть Сахары, он все так же медленно пошел дальше, по берегу речки.

Ничего не понимая, мы с недоумением переглядывались. Капитан Колтунов был помощником инспектора классов, следовательно, наш проступок – бегство с лекций – касался его в большей степени, чем кого-либо иного из начальства.

– Черт возьми, что же теперь делать? Докладывать курсовым офицерам, что мы поймались, или нет?

– Конечно, не докладывать! – горячо говорит Кашкадамов. – Человек определенно дал понять, что он ничего не хотел ни видеть, ни слышать!

– Ясное дело, – раздаются голоса. – Иначе он бы раскричался и всех переписал. Если доложим, не только сами себя высечем, но еще и его подведем, ведь он тоже не имел права оставить такое дело без внимания.

– Да может быть, и не оставит. Запомнил несколько физиономий и, возвратившись со своей прогулки, еще пропишет нам кузькину мать.

– Ну, такие замедленные действия не в его духе! Это тебе не Черепаха!

– Надо это выяснить, братцы, – говорит Феоктистов. – Чего там еще мудровать? Я сейчас у него самого спрошу!

– Брось, Сережка, неловко, – удерживают его, но Феоктистов уже бежит за Колтуновым и, догнав его, умильным голосом спрашивает:

– Господин капитан, ведь вы нас не видели?

– Я и сейчас вас не вижу, – мрачно буркнул Колтунов, не поднимая головы.

– Покорно благодарим, господин капитан! – с чувством произносит Феоктистов и спешит обратно.

Уже после нашего производства в офицеры, вспоминая эту историю, Колтунов объяснил, что в то утро он и сам был почти в «самодрале», бросив в инспекторской срочную работу и отправившись побродить по окрестностям, а потому совесть ему не позволила застукать удравших от лекции юнкеров, на табор которых он наткнулся совершенно случайно. Повернуть обратно и незаметно удалиться было уже поздно, так как его в этот момент увидели. Оставалось только пройти мимо никого «не заметив», что он и сделал.

Производство

Весною 1923 года получил производство в офицеры старший курс, полностью прошедший программу училища в нормальный срок. Мы, последние юнкера-сергиевцы, со среднего перешли на старший, но уже знали, что и наше производство не за горами: средств для дальнейшего содержания военных училищ не было, и потому все они получили от Главнокомандующего приказ – хотя бы сокращенным курсом подготовить последних юнкеров к выпуску 12 июля того же года в день святых Петра и Павла.

Усиленные занятия продолжались до последнего дня. Помимо очередных репетиций, некоторые юнкера, чтобы повысить свой средний балл, а следовательно и старшинство в общем списке выпускников, спешили пересдать те, по которым они получили слабую оценку. Почти все засиживались в аудиториях до глубокой ночи, взялись за ум даже отличавшиеся ленцой. Преуспевающие в науках помогали отстающим – решено было «натаскать» и спасти всех слабых, включая двух-трех почти безнадежных, которые сами не верили, что им удастся благополучно окончить училище. О каких-либо разъездах теперь не было и речи.

Вечером десятого июля последняя группа юнкеров

приступила к сдаче последней по курсу репетиции. В каждой группе в среднем бывало человек пятнадцать. Когда был вызван к доске последний из них, по училищной традиции на всех четырех углах казармы трубачи одновременно затрубили сигнал «великий отбой». В силу той же традиции, едва раздались звуки этого сигнала, преподаватель, не задав стоящему у доски юнкеру ни одного вопроса, поставил ему 12 баллов. Тут следует пояснить, что юнкера сдавали репетиции не по алфавитному списку группы, а в том порядке, который они устанавливали сами. Это позволяло на финальной репетиции поставить последним такого юнкера, для которого эта традиция нередко являлась спасением.

После этого, если данного преподавателя юнкера любили, его «качали» и выносили из аудитории на руках. Те немногие, которые не удостаивались этой чести, могли быть уверены, что в дальнейшей жизни никто из бывших юнкеров добром их не помянет.

У нас последняя репетиция была по оптике – предмет довольно трудный для людей плохо ладящих с математикой. Юнкер Поликарпович, вовсе с ней не ладивший, получил традиционные 12 баллов, а капитана Колтунова мы «качнули» с таким искренним энтузиазмом, что он взлетал под самый потолок, затем под крики «Ура!» отнесли его в инспекторскую. Курс был окончен.

Вопреки всем усилиям и прогнозам капитана Коренева, который не раз мне говаривал: «Вы, юнкер Каратеев, у меня училища не кончите», – я его окончил по первому разряду и с очень высокими оценками.

Как обычно, на следующий день, одиннадцатого июля, была разборка вакансий, которая производилась в порядке старшинства по среднему баллу. В нашем случае она была весьма несложна: мудро решив сохранить нас за границей как единую Сергиевскую семью, генерал Врангель приказал два последних выпуска целиком оставить в прикомандировании к училищу, превратив его, таким образом, в нашу общую воинскую часть. Но можно было получить производство в офицеры по полевой пешей или по конной артиллерии – к этому и свелась у нас разборка вакансий. Конная имела особую форму одежды – в частности, синий кант и серебряные пушки на погонах, золоченый драгунский тишкет и саблю вместо шашки, – а потому считалась шикарней и была мечтой почти каждого юнкера. Но на восемьдесят шесть окончивших в конную артиллерию было всего восемь вакансий. Одна из них досталась мне.

В полночь, накануне производства, каждый выпуск устраивал в зале традиционный ночной парад. Командовал им фельдфебель,

а принимал его «генерал выпуска», то есть юнкер, окончивший училище последним, – у нас им оказался Липкин. Для каждого из четырех взводов, участвовавших в параде, соответствующим приказом устанавливалась особая форма одежды. В нашем, последнем выпуске она была следующей:

1-й взвод: бескозырка, шинельная скатка через плечо, набедренная повязка из полотенца и сапоги со шпорами.

2-й взвод: кальсоны, фуфайка, коричневый кожаный пояс, сапоги, перчатки и вещевой мешок за плечами.

3-й взвод: пять белых казенных носков – два на ногах, два на руках, а пятый вместо фигового листа.

4-й взвод: тут дело обстояло сложнее. Перед началом парада этот взвод должен был построиться в одну шеренгу в обычной юнкерской форме; затем раздеться донага и аккуратно, в уставном порядке, сложить все с себя снятое тут же, перед собой, на полу. Каждому надлежало выйти на парад в том, что он снова успеет надеть в течение десяти секунд, которые громко отсчитывал фельдфебель. Успели надеть, конечно, очень немногое – самый нерасторопный только кальсоны и один сапог.

Все наше начальство, зная об этой традиции, в ночь парада деликатно куда-то исчезало, включая и дежурного офицера. Но это была только видимость, а в действительности из всевозможных темных закоулков, через ставни окон, щели дверей и т. п. парад наблюдали не только все наши строевые офицеры и педагоги, но и сам начальник училища, а по слухам, даже некоторые училищные дамы. Каждому было интересно прослушать читавшийся в зале «приказ», в котором окончившие юнкера продергивали своих начальников и преподавателей, корректно, но ядовито воздавая каждому по заслугам. Следовавшие за этим «опрос претензий» и смотр тоже изобиловали остроумными шутками и высмеиванием некоторых училищных порядков, но особенно захватывающее зрелище являл собою церемониальный марш батареи, которая в вышеописанных формах одежды повзводно проходила перед «генералом».

В эту ночь спать нам почти не пришлось. Парад окончился в два часа, после этого все приводили в окончательную готовность и примеряли свою новую офицерскую форму, витая в атмосфере радостного возбуждения. Улеглись около четырех, а в шесть нас, как обычно, разбудил трубный сигнал. Некоторые, уже чувствуя себя офицерами, попробовали было слегка задержаться в постелях, но дежурный по училищу, капитан Лавровский, их беспощадно расцукал, напомнив, что они еще юнкера.

В двенадцать часов дня все окончившие, в праздничной юнкерской форме, были выстроены в нарядно убранном зале.

Генерала Врангеля, производившего нас в офицеры, из Югославии в Болгарию не пустили, но все уже знали, что от него только что пришла телеграмма, которая гласила: «Сердечно поздравляю славных юнкеров-сергиевцев подпоручиками. Твердо верю, что молодые орлы будут достойны своих доблестных старших соратников».

Эту телеграмму торжественно прочел перед нашим строем приехавший из Главного штаба генерал Ронжин. После этого он пошел вдоль фронта, поздравляя и пожимая руки молодым офицерам. За ним следовал адъютант училища, каждому вручавший сложенный вчетверо приказ о производстве, – получивший сейчас же подсовывал его под левый погон, еще юнкерский, доживающий свои последние минуты на плече того, кто уже стал офицером.

После поздравлений и рукопожатий всего училищного персонала впервые раздалась для нас команда «господа офицеры», вместо обычного «разойтись». Все поспешно устремились в спальню, чтобы переодеться в офицерскую форму, которая уже в полном порядке лежала у каждого на постели.

Важнейшее и незабываемое для каждого военного человека событие свершилось: после долгих лет подготовки в кадетском корпусе, военном училище, а в нашем случае еще и на войне, – мы, наконец, вступили в русскую офицерскую семью. Но, увы, при обстоятельствах подлинно трагических и в истории Русской Армии небывалых: через три дня нам предстояло отправиться не в славные воинские части, а по окрестным городкам и селам, искать себе применения в качестве чернорабочих и батраков.

Вечером состоялся банкет, на котором, кроме нас, героев торжества, присутствовал весь училищный персонал и многие офицеры-сергиевцы прежних выпусков. Эта трапеза носила чисто семейный характер. Как водится, говорилось много тостов и здравиц, пелись хором артиллерийские песни, и превосходные болгарские вина лились рекой. За столами засиделись далеко за полночь – расходиться не хотелось, так как все понимали, что это не просто выпускной праздник, а лебединая песня училища и что в таком полном составе мы больше никогда не соберемся.

На следующий день был устроен уже более торжественный обед, с приглашением наших кунаков кубанцев, а также полковника Златева и некоторых болгарских офицеров. И в тот же вечер, уже в более интимной обстановке, нас приветствовали ужином офицеры предыдущего выпуска, большинство которых еще работало в окрестностях Тырново-Сеймена.

На третий день празднования закончились выпускным балом. В то «обскурантное» время фокстрот и уанстеп считались еще

неприличными танцами, зато можно было блеснуть своим искусством и изяществом в мазурке (воображаю в этом танце современного хиппи!), которую мы лихо отплясывали вперемежку с вальсом и другими старыми танцами. Дам, правда, было немного – только жены и дочери сергиевских и кубанских семейных офицеров, но вечер прошел весело, а главное, дал нам возможность покрасоваться в нашей новенькой офицерской форме.

Четвертый день был посвящен отдыху от всех трудов и увеселений, а на пятый с утра можно было наблюдать грустную картину: вчерашние блестящие офицеры, одетые во всякое старье, небольшими группами и в одиночку выходили из дверей казармы и разбредались по окрестностям в поисках заработка.

Кадр Сергиевского артиллерийского училища вскоре был переведен в Софию, увлекши за собой и большую часть молодых офицеров. Но все же в Тырново-Сеймене осталась значительная группа сергиевцев, работавших в этом районе, – возглавил ее наш командир дивизиона полковник Мамушин[110]. В казарме за нами сохранилось несколько комнат, помещение Офицерского собрания и в лазарете одна палата на четыре койки, причем больные были обеспечены бесплатным пайком и лечением. В распоряжении Мамушина была оставлена также известная сумма денег, которая позволяла ему, в случае необходимости, взаимообразно выдавать нуждающимся небольшие ссуды и оплачивать паек тем, кто временно оставался без работы и без денег.

Все это являлось подлинным спасением для нас, еще не втянувшихся в работу и не всегда могущих найти ее в этом бедном возможностями районе. Кроме того, близость казармы, с ее русским населением, каждому позволяла в любой момент явиться туда, чтобы отдохнуть душой и телом и, надев военную форму, хоть на несколько дней снова почувствовать себя офицером, а не рабочим.

Эта тяга к родной казарме значительно усилилась, когда несколько месяцев спустя в ее освободившуюся часть вселили привезенную сюда русскую смешанную гимназию и местное общество обогатилось изрядным количеством русских барышень. В силу всех этих обстоятельств, многие из нас, отложив всякие попечения о более благоразумном устройстве своей жизни, довольно весело и беззаботно прожили в Тырново-Сеймене еще несколько лет.

На «офицерских вакансиях»

Летом 1923 года Сергиевское артиллерийское училище дало в Болгарии свой последний выпуск и как военно-учебное заведение было закрыто. Теперь оно обратилось в простой артиллерийский дивизион и перешло на то же положение, в котором находились все другие части Белой армии, – иными словами, какие-либо денежные поступления из казны полностью прекратились, и впредь каждый из нас должен был собственным трудом добывать средства к существованию.

В этой области наши возможности были весьма ограничены. Поблизости не было ни фабрик, ни каких-либо предприятий, куда можно было бы устроиться на постоянную работу, и мы могли рассчитывать почти исключительно на сельский труд или на небольшие постройки. Только возле одной из ближайших железнодорожных станций имелась угольная шахта «Марица», директором которой был русский инженер Непокойчицкий. Он мог принять туда человек пятнадцать шахтерами, чем некоторые сразу же воспользовались.

Меня работа под землей не прельщала. С двумя приятелями я больше месяца блуждал по окрестным селам, изредка возвращаясь на денек в казарму, а во время странствований питаясь главным образом «уведенными» с баштанов арбузами и шелковицей, благо в этих краях она росла повсюду, так как почти все селяки подрабатывали разведением шелковичных червей. Кроме нас троих, в том же районе искали работу еще несколько десятков человек, что в достаточной степени насыщало рынок, и за все это время нам удалось в общей сложности пробатрачить дней пять или шесть. После этого, поняв, что на шелковичном довольствии долго не протянешь, скрепя сердце я отправился на шахту Марицу. Тут в одном из рабочих бараков нашим сергиевцам было отведено две или три отдельные комнаты, в которых они уже обжились, даже навели некоторый уют и на свою судьбу особенно не жаловались. Без всяких осложнений был принят на работу и я.

Шахта была горизонтальной – она начиналась прямым туннелем, входящим в недра горы, и там ветвилась на множество взаимно пересекающихся галерей. Работали в ней в две смены, парами: забойщик киркой отбивал уголь и «породу», а его помощник нагружал все это лопатой на вагонетки и вывозил наружу. Платили сдельно, от пройденного метра галерей, и, когда наши поднаторели, стали зарабатывать вполне прилично, а главное, работа была постоянной, и потому у «маричан» всегда водились деньги, тогда как работавшие по селам и на постройках обычно сидели в долгах, ибо их заработки проедались в периоды поисков новой работы.

Выступать мне пришлось сразу же в ночную смену. Перед этим моим дебютом «старики», как водится, целый день ублаготворяли меня рассказами о случавшихся тут обвалах, о взрывах гремучего газа и о погибших при этом шахтерах – тела некоторых никогда не были откопаны, и теперь их духи иногда появляются в штольнях. Особенно зловещим и жутким, по общим отзывам, был призрак трехлетнего мальчика, который как-то забрался в шахту, где в то время работал его отец, и был засыпан обвалом. С тех пор ночами, в белой рубашонке, он с плачем бегает по пустым галереям и ищет своего отца.

После такой обработки гонять вагонетку по темным и безлюдным штольням было жутковато. Каждый скрип деревянных креплений или падающий сверху комок земли казались началом обвала. Однако к этому быстро привыкаешь, и гораздо хуже бывало, когда тяжело груженная вагонетка соскакивала с рельсов и надо было своими силами поставить ее на место. При этом иной раз подвешенная к ней горняцкая лампа падала и гасла; во избежание взрыва газов зажигать ее самому было нельзя, и в этих случаях приходилось в кромешной тьме на ощупь пробираться по подземному лабиринту к тому месту, где специальный «лампистер» заменял потухнувшую лампу горящей.

Прошахтерствовал я, впрочем, не долго. Уже через несколько дней у меня началась малярия. В Болгарии она свирепствовала повсюду, и русские болели ею почти все. Приступы болезни повторялись периодически, у одних через день, у других через два, три и реже, – они сопровождались страшным ознобом и очень высокой температурой, но через несколько часов все это проходило, и человек чувствовал себя нормально до следующего приступа. Каждый малярик вскоре после заболевания уже точно знал свой период и перед приступом принимал хинин, что первое время помогало, но потом, несмотря на предельное увеличение дозы, хинин переставал действовать и оставалось только положиться на милость судьбы. Иногда малярия проходила сама, особенно при переезде в более здоровую местность, а иногда доводила человека до госпиталя и даже до могилы. Я лично избавился от нее только через несколько лет, когда уехал из Болгарии, но, к счастью, у меня была сносная форма болезни – приступы повторялись через пять дней в шестой.

Но после первого приступа, который случился у меня в свободный день, я еще не знал, когда будет второй. И начался он во время работы, что я понял не сразу, будучи еще неопытным в малярийных делах. Чувствовал, что в шахте становится все холоднее, в голове нарастает какой-то сумбур, и каждая вагонетка кажется тяжелее предыдущей. Наконец, обессилев, я остановился

с нею на полпути, присел рядом, чтобы отдохнуть, и, видимо, задремал или забылся. А когда очнулся и открыл глаза – увидел, что в двух шагах стоит маленький патлатый ребенок в белой рубашке и тянет ко мне худые, непомерно длинные ручонки.

В первый момент я не испугался и даже не очень удивился. Потом внезапно сообразил, кто это такой, – меня обдало как варом, я схватил стоявшую рядом лампу и бегом бросился к выходу. Когда меня уложили в постель и померили температуру, оказалось, что она близка к сорока одному. На другой день я с шахты ушел и возвратился в Тырново-Сеймен.

В казарме начальник нашей Сергиевской группы, полковник Мамушин, принимал таких неудачников не очень любезно. Все они являлись без гроша в карманах и все просили денежной ссуды из кассы взаимопомощи или зачисления на паек до нахождения новой работы, а получив то или другое, искали ее не слишком усердно. Таких было много, особенно первое время, а возможности Мамушина, в смысле помощи, были невелики. Очередного «клиента» он встречал сурово насупившись, сразу заявлял, что денег дать не может, ибо касса пуста и долгов никто не возвращает, затем пускался в горькие жалобы на нашу несознательность и нерадение, а облегчив этим душу, ссуду или паек все-таки давал и заканчивал приказанием долго в казарме не засиживаться.

Пройдя через все это и несколько освоившись с малярией, я устроился рабочим на постройку, тут же, в Тырново-Сеймене. Это был двухэтажный кирпичный дом, с уже возведенным остовом. С его окончанием, видимо, очень спешили, так как, помимо изрядного количества рабочих-болгар, дополнительно взяли еще трех русских.

Нужно сказать, что работа на постройках была самой нудной и невыгодной, и мы брались за нее лишь в крайних случаях. В Болгарии с рабочими в ту пору не церемонились, а о восьмичасовом рабочем дне они не начали и мечтать. Под грубые окрики и понукания надзирателей надо было «вкалывать» от восхода солнца до захода, с двухчасовым перерывом на обед, то есть не меньше одиннадцати часов, а платили за это 60–70 левов, на своих харчах (один доллар в то время стоил около ста левов), тогда как при сдельной работе в селах можно было заработать вдвое и даже втрое больше, на харчах хозяйских.

В силу такого положения работал я на этой постройке без всякого энтузиазма. Особенно томительны были последние часы, когда уже изрядно сказывалась усталость, а палящее солнце, казалось, застряло на месте и ни на волосок не приближается к закату. На третий или четвертый день, втащив на самый верх

очередную порцию кирпичей, я, поверх деревянных стропил, уложенных для крыши, с тоскою взглянул на это неподвижное солнце. На самом гребне будущей крыши по болгарской традиции был укреплен невысокий шест с подвязанным к нему пакетом – там находилась новая рубаха, а если хозяин бывал щедр, то и еще что-нибудь из одежды, – это получал в подарок старший мастер в день окончания постройки. И тут мне пришла в голову спортивно-озорная идея: взобравшись на стропила, я отвязал этот шест и на его месте выжал стойку на руках. Простояв так вверх ногами с минуту, я принял нормальное положение и сразу заметил, что все рабочие бросили работать и уставились на меня. Польщенный таким вниманием, я собирался изобразить еще что-нибудь, но надзиратель снизу яростно заорал:

– Эй, русский, ты не туда попал, – здесь тебе не цирк, и нечего мне развлекать рабочих! Слезай с крыши и получай расчет!

Потеря такой работы меня скорее обрадовала, чем огорчила, тем более что это упоминание о цирке оказалось пророческим. В скором времени в Тырново-Сеймене началась ежегодная ярмарка, сопровождавшаяся обычными в таких случаях увеселениями: тут были тир, карусель, беспроигрышная лотерея, несколько балаганов с различными диковинами вроде женщины-обезьяны и т. п. Приехал и небольшой бродячий цирк. Для вящего успеха ему не хватало музыки, а у нас в казарме без дела лежали все инструменты училищного духового оркестра. Среди безработных офицеров нашлись и музыканты. Быстро поладив с хозяином цирка, мы составили небольшой – человек десять – оркестр и с неделю сопровождали музыкой цирковые представления. Потом, в силу естественных причин, число посетителей стало быстро убывать, и циркач вынужден был от наших услуг отказаться.

Но за это время мы уже успели договориться с хозяином такого же бродячего кинематографа, который, обладая каким-то странным керосиновым аппаратом и четырьмя архаически-ветхими фильмами, ездил из села в село и вечерами, прямо под открытым небом, развлекал крестьян этим чудом техники.

Следует пояснить, что в Южной Болгарии, в таких небольших городах, как Тырново-Сеймен, кинематографов тогда еще не было, а в селах многие даже не знали об их существовании. Точно так же обстояло дело и с радио – оно было в ту пору абсолютной новинкой даже для нас, и мы его впервые услышали в Офицерском собрании болгарского кавалерийского полка, стоявшего в соседнем городе, куда нас специально пригласили, получив первый в этой области радиоприемник. Позже такие же мелкие дельцы ездили по селам с радиоаппаратом, и однажды я

был свидетелем того, как селяки, не поверившие, что передачу можно слышать «даже из Софии», едва не разбили аппарат, заподозрив, что их морочат и что в нем спрятан обыкновенный патефон.

Нашему кинопредпринимателю большой оркестр был не нужен, и, договорившись делить доходы пополам, с ним отправились в странствованье пятеро: корнет-а-пистон, баритон, кларнет, маленький барабан и тромбон, на котором играл я.

Прибыв в очередное село (инвентарь перевозился на ишаке, а персонал топал пешком), мы на площади били в барабан и объявляли, что вечером тут же будет дан потрясающе интересный и поучительный киносеанс, сопровождаемый оркестром музыки, – если к тому времени желающие присутствовать соберут такую-то сумму (она назначалась в зависимости от величины и зажиточности села). С наступлением темноты, когда собирался народ, перед установленным на площади экраном хозяин произносил пространную речь, поясняя сущность кинематографа и все его значение для развития мировой культуры, а затем громким голосом давал пояснения к фильму. Его жена крутила рукоятку допотопного кинопрожектора, а мы располагались сзади и начинали играть, не сводя глаз с экрана. Да не подумает читатель, что нас настолько захватывало содержание картины, нет, дело заключалось в том, что киноленты были склеены из кусков, плохо согласованных друг с другом. Начинался, например, героически-батальный фильм, мы дули вовсю какой-нибудь бравурный марш, но вдруг ни с того ни с сего в самый разгар сражения на экране появлялись виды альпийских озер или любовная идиллия, – тут надо было без заминки, с ходу перейти на вальс «Дунайские волны» или что-нибудь в этом роде.

Но в общем дело шло, и публике нравилось. Недели через две опьяненный этими успехами предприниматель заявил, что впредь не согласен делить с нами доходы поровну и требует себе две трети. Руководила им, по-видимому, не только жадность, но и другая, более глубокая причина: он, безусловно, заметил, что его жена – еще молодая и пышная женщина – очень уж ласково стала поглядывать на одного из нас. Так или иначе, но наше содружество распалось. Однако в том селе, где это произошло, на следующий день была назначена какая-то богатая свадьба, нас попросили остаться и играть на ней. Мы, конечно, согласились и очень недурно заработали, не говоря уж о том, что наелись и напились всласть. Это дало нам новую идею: мы стали самостоятельно ходить по селам, предлагая свои музыкальные услуги для всяких местных увеселений. Была осень – эпоха крестьянских свадеб, и следующие две-три недели, пока этот

счастливый сезон не кончился, мы сносно подрабатывали и сверх того всегда были сыты, а нередко и пьяны.

«Братушки» повсюду встречали и провожали нас дружелюбно. Но тут надо сделать пояснение: к тому времени в Болгарии уже произошел правый переворот, причем Стамболийский был убит, но сторонников прежнего, прокоммунистического правительства повсюду было много, и они деятельно готовились к реваншу. Поэтому мы избегали заходить в села, которые славились засильем коммунистов, но однажды – дело было к ночи и приближалась гроза – нам пришлось искать убежища в самом неблагополучном из таких селений, ибо иных поблизости не было. Там как раз начиналось какое-то празднество, и нас немедленно потащили туда играть.

Конечно, все знали, кто мы такие, но поначалу все шло благополучно и никаких враждебных выпадов против нас не было – наоборот, усердно угощали, но около полуночи, когда все уже были изрядно пьяны, распорядитель торжества громко крикнул нам, чтобы играли «Интернационал». Мы сделали вид, что не слышим, и продолжали играть свое. Тогда к нам с угрожающим видом подступило человек десять, и заправила повторил свое требование. Что было делать? Играть «Интернационал» не позволяло наше белогвардейское достоинство, а в случае отказа нам грозило по меньшей мере жестокое избиение.

– Дуй краковяк, ребята, – шепнул наш дирижер Калиновский[111], и мы с воодушевлением затрубили.

Сначала болгары слушали молча, потом «тамада» закричал:

– Что вы играете, дьяволы? Это не «Интернационал»!

– Вот и видно, что ты давно не вылезал из своего села, – спокойно ответил Калиновский. – Ты, наверно, слыхал только старый, третий «Интернационал», а мы вам играем четвертый, недавно утвержденный в Москве.

Дело кончилось благополучно. Нас в ту ночь еще не раз просили играть «четвертый «Интернационал», – мы исполняли это с такой готовностью, что стяжали всеобщие симпатии, и расплатились с нами щедро.

Пасынки судьбы

Сейчас много говорят и пишут о тех трудностях, которые приходится переживать в западном мире лицам, принадлежащим к так называемой третьей русской эмиграции. Но нам, представителям первой, они кажутся подлинными баловнями судьбы, ибо наше положение было неизмеримо хуже. В то время на всем земном шаре не было ни одного общественного,

политического или благотворительного учреждения, которое бы нам в чем-то помогло или проявило о нас хоть малейшую заботу. Только попавшим в Югославию правительство короля Александра первое время оказываю небольшую помощь, остальные везде и всюду были обречены на произвол судьбы и случая. Ни одна страна, как правило, не давала нам въездных виз, все двери перед нами были наглухо закрыты, а государственные и законодательные учреждения повсеместно заботились лишь о том, чтобы где только возможно урезать нас в правах, которыми пользовались граждане всех других стран мира.

Паспорта Лиги Наций, которые нам выдавали, правильнее было бы называть волчьими, а не нансеновскими (беженским отделом Лиги Наций заведовал норвежский путешественник Фритьоф Нансен, подписывавший наши паспорта), ибо они фактически обрекали нас на полную беззащитность и бесправие. С таким паспортом чего-либо добиться можно было только окольными путями – при помощи взяток, «ловчения», случайной протекции и т. п. Через границы приходилось перебираться нелегально, иной раз с опасностью для жизни (например, через болгаро-сербскую), а о получении какой-нибудь службы мы не могли и мечтать. Нам приходилось довольствоваться только физической работой, да и то преимущественно такой тяжелой и грязной, за которую неохотно брались местные рабочие. И при этом нас еще на каждом шагу упрекали, что мы у кого-то отбиваем хлеб.

В этом смысле в Южной Болгарии условия были особенно скверные. Тут у нас периоды самого тяжелого физического труда – от зари до зари – чередовались с периодами безработицы или бесплодных поисков работы, в продолжение которых приходилось жить впроголодь; вдобавок почти всех жестоко трепала малярия. Вскоре такое положение создало для некоторых серьезную угрозу: у четырех молодых офицеров нашей Сергиевской группы, в том числе и у меня, были обнаружены зачатки туберкулеза. К счастью, в Болгарии тогда еще существовала наша русская, армейская санатория, куда нас всех в скором времени отправили.

Эта санатория ютилась в тенистом саду, на окраине города Великого Тырнова. Богатством и роскошью она отнюдь не блистала, но нам, после многих лет чисто походной жизни, показалась необычайно уютной. Каждый больной получал тут хорошую постель в четырехместной палате, скромное, но здоровое питание, элементарный медицинский уход, а главное, полный покой и отдых. Заведовал санаторией военный врач, доктор Трейман[112], стяжавший в офицерской среде широкую известность не столько своими профессиональными познаниями,

как дуэлью с генералом Растегаевым[113], в исходе которой воинственный эскулап ранил своего противника. Персонал дополняли младший врач, две сестры и фельдшер, а больных было человек тридцать, преимущественно таких же, как мы, молодых офицеров, с болезнью, захваченной в начальных стадиях. Но были и более тяжелые. Из них запомнился мне поручик Громов. Он харкал кровью, температура по вечерам поднималась у него до 39 градусов, но утром, с трудом поднявшись с постели, он сейчас же начинал собирать партию в преферанс. И если кто-либо из его обычных партнеров отказывался, Громов сражал его таким доводом: «Да будь же человеком, ведь это, может быть, моя последняя пулька!» Он знал, что его дни сочтены, но замечательно владел собой, шутил и ожидал своего конца с каким-то озорноватым бесстрашием. Чтобы так умирать от чахотки, нужно, пожалуй, не меньше героизма, чем для доблестной смерти в бою.

В наших армейских частях кандидатов в санаторию было много, а потому попавших в нее счастливцев там долго не держали – месяца полтора, от силы два, а потом, в зависимости от состояния здоровья, или на выписку, или в русский госпиталь, находившийся там же, в Великом Тырнове. Последнее почти всегда означало, что положение человека безнадежно и ему просто предоставляют возможность умереть на больничной койке, а не на улице. К счастью, из Сергиевской четверки никто туда не попал, – подлечив нас и подкормив, всех выписали, и мы возвратились в Тырново-Сеймен.

В опустевшую после производства юнкеров казарму к этому времени вселили русскую Галлиполийскую гимназию, тут снова забурлила жизнь, но остаткам сергиевцев удалось сохранить за собой только Офицерское собрание, несколько комнат для чинов кадра да небольшое полуподвальное помещение, раньше служившее для каких-то хозяйственных надобностей, – туда пришлось переселиться всем молодым офицерам.

Когда мы приехали из санатории, в этом общежитии было неуютно, холодно и голодно. За тусклыми подвальными окошками на уровне глаз смотрящего расстилался унылый плац, покрытый смешанным с грязью снегом. Внутри, на земляном полу, стояло десятка полтора деревянных топчанов, застланных казарменными одеялами; на вбитых в кирпичные стены гвоздях были развешены шинели, куртки, штаны и прочие принадлежности офицерского и рабочего туалета. Обстановку дополняли деревянный стол, несколько табуреток и стоявшая посреди комнаты круглая печка, с жестяной трубой, выведенной наружу через дыру, проделанную в одном из окон. За неимением

дров, топилась она редко и чем бог пошлет: с наступлением темноты все чаявшие тепла отправлялись на добычу и не пренебрегали ни одним деревянным изделием, за которым не было надлежащего присмотра. Печка наша за зиму поглотила целиком казарменный сарай, курятник, большинство соседних заборов, все скамейки, которые на ночь забывали убрать со двора, и множество иных случайных находок, не говоря уж о сложенных на чердаке запасных топчанах и классных досках. Но все же в подвале почти всегда было холодно и сыро.

В эту пору года единственную возможность заработка давала тут так называемая «обрешта», то есть перекопка земли под виноградники. Но и эту работу далеко не всегда можно было найти, к тому же, в силу небольшой величины крестьянских участков, она быстро кончалась. Таким образом, из зимовавших в казарме офицеров кое-кто временами находил обрешту и отлучался, а человек десять – двенадцать всегда сидели в этом подвале, без работы и без денег. Полковник Мамушин из скудных средств, имевшихся в его распоряжении, скрепя сердце согласился в течение зимы оплачивать своим безработным три ежедневных пайка, получаемых из кухни гимназии, – их по-братски делили на всех. Вдобавок к этому кое-что удавалось брать в кредит из маленькой частной ловчонки, которая образовалась при Сергиевском училище еще в юнкерские времена. Все это давало возможность впроголодь существовать, а иной раз – когда кому-нибудь удавалось что-то подработать – в подвале устраивался пир, и в этих случаях, кроме колбасы и хлеба, на столе тут можно было увидеть даже халву и вино.

После санатории применяться к таким условиям жизни было трудновато. Шинель, положенная на голые доски топчана, и солдатское одеяло в качестве второй и последней постельной принадлежности весьма мало общего имели с мягкой и теплой санаторской постелью, а о довольствии что уж и говорить! Мамушин по случаю нашего приезда добавил на всю подвальную братию еще один, четвертый паек, и с таким приданным мы включились в общую жизнь группы.

Несмотря на подобную мизерию, эта жизнь особенно скучной или монотонной не была. Мы жили дружно, перед посторонними высоко держали свою марку, искусно притворялись сытыми и развлекались как могли: ухаживали за старшими гимназистками (что требовало постоянного напряжения ума и изобретательности, так как их держали взаперти), играли в винт и преферанс, время от времени общими силами выпускали рукописный журнал на злобу дня, благо в составе группы были люди, хорошо владевшие пером, и один отличный художник-

карикатурист.

Однажды ненастным утром в казарму пришел какой-то болгарин-селяк и сказал, что ему нужны рабочие на виноградник. В нашем подвале в этот момент никого не было, кроме меня и Кедрина[114] – одного из моих компаньонов по санатории. Работу мы не искали – к этому никак не располагал декабрьский холод, – но, когда она сама нас нашла, грешно было отказываться, так как пустой желудок тоже предъявлял свои претензии. Договорившись с болгарином и без труда найдя еще четверых желающих, на следующее утро мы отправились к месту действия. Это было небольшое село Райнево, в нескольких километрах от Тырново-Сеймена.

Обрешта была тяжелой и к тому же очень неприятной работой, ибо производилась она только в зимние, самые ненастные месяцы. Землю надо было вскапывать на глубину шестидесяти сантиметров, то есть на два лопатных штыка, причем к лопате для упора ноги еще прикреплялась особая скоба, позволявшая копать глубже. Отмерив полосу в метр шириной и во всю длину поля, один рабочий вскапывал ее на глубину тридцати сантиметров, выбрасывая весь этот верхний слой наружу; затем вскапывал на такую же глубину второй слой, оставляя землю на дне образовавшейся канавы. Другой рабочий, ведущий смежную полосу, свой верхний слой перебрасывал в канаву первого, третий в канаву второго и т. д. Работа оплачивалась сдельно, и для того, чтобы она шла споро и продуктивно, нужно было, чтобы все участники обладали одинаковой выносливостью, ибо один отстающий задерживал всех остальных.

День выдался теплый, лежавший на поле снежок быстро таял, обращаясь в слякоть. Почва нам попалась глинистая, земля мертвой хваткой липла к сапогам и к лопатам, то и дело надо было их очищать. После полудня временами принимался идти дождь, тогда работу приходилось бросать и отсиживаться в стоявшем тут же, на винограднике, шалаше. К вечеру мы изрядно намаялись, промокли, а выработали совсем мало, но несколько воспрянули духом после того, как хозяева накормили нас вкусным, невероятно перченым мясным соусом с фасолью и даже поднесли по стаканчику сливовицы. Наевшись до отвалу, все отправились спать в отведенный нам пустой овин.

В течение следующих трех дней погода стояла сносная, слегка подмораживало, и работа пошла лучше. Можно было бы выгонять приличную «надницу» (дневной заработок), но этому препятствовал своего рода тормоз, находившийся в механизме нашей группы. Дело в том, что с нами, пятью подпоручиками, выразил желание отправиться на обрешту училищный адъютант,

капитан Арнольд, – человек неуживчивый и неприятный. Хотя ему самому в ту пору не было и тридцати лет, сойтись ближе с молодыми офицерами он не умел или не хотел, любил при всяком удобном случае, а то и просто от плохого настроения «напоминать», «ставить на место», «подтягивать» – вообще держал себя так, чтобы мы чувствовали, что он нам не ровня. Это еще куда ни шло в казарме – там его старшинство было неоспоримо, – но совершенно нелепо выглядело на работе, где молодежь превосходила его и в сноровке, и в проявлениях товарищества. Естественно, его общество не доставляло нам никакого удовольствия, но отказать было неудобно, и мы его с собою взяли, а он со своей стороны сумел заставить нас горько об этом пожалеть.

Работал он медленно и вяло, брюзжал и портил настроение всем остальным. Приписывая это его «старости», мы деликатно старались в полную силу не гнать, но все же он далеко отставал, задерживая работу других. Наконец Земсков[115], самый дюжий из всех, закончив полосу в то время, когда Арнольд не дошел еще и до половины своей, направился на помощь последнему. Но едва он воткнул в землю лопату, адъютант перестал копать и прошипел:

– Вы что, желаете этим показать, что я плохо работаю?

– И в мыслях того не имел, – ответил Земсков. – Но мы работаем артелью, и, если я свою полосу закончил раньше других, не стоять же мне теперь сложа руки!

– Я прекрасно понимаю, почему вы свою полосу кончили раньше других: гнали нарочно и лезли из кожи, чтобы показать, что я не в состоянии с вами тягаться! Ну что ж, извините, я в батраки не готовился. На этой почве охотно уступаю вам пальму первенства, да и самую почву тоже. Честь имею кланяться, господа!

– Да полно, Олег Максимилианович, никто из нас и не думал… – попробовал я поправить дело, но Арнольд сразу оборвал меня:

– Я вам, подпоручик Каратеев, не Олег Максимилианович, а господин капитан! Понятно?

– Не совсем. В подобной обстановке величание по чинам мне кажется не особенно уместным.

– Так вот, пусть не кажется! Здесь вам не Совдепия – ни чинопочитание, ни уставы не отменены. Забываться начали, милостивый государь! Да потрудитесь смирно стать, когда со старшим разговариваете!

– Возьми ему, Миша, лопатой на караул, – громко сказал мой закадычный друг Вася Смирнов, стоявший сзади.

Арнольд круто повернулся и бросил на него испепеляющий взгляд, но ничего больше не сказал и ушел с поля.

Этот инцидент произвел на всех тяжелое впечатление. Дело пошло вяло. Излишне чувствительный Земсков, считая, что Арнольд бросил работу по его вине, в порядке самонаказания вечером тоже нас покинул. На следующий день заболел Кедрин, у него был сильный жар и болело горло, надо было вести его домой, что и для остальных послужило поводом к уходу. Не без труда вырвав у хозяина плату за сделанное и обещав прислать ему новых рабочих, мы возвратились в казарму.

У Кедрина оказалась ангина. Но, осмотрев его, наш училищный доктор, Павел Константинович Лебедев, нашел ухудшение и в легких. Затем принялся выстукивать и выслушивать меня и двух других легочников, все более при этом хмурясь. Закончив, молча зашагал по комнате из угла в угол, потом внезапно остановился и сказал:

– Ну вот что, господа: при таком образе жизни все санаторские достижения пойдут у вас насмарку и дело может обернуться совсем погано. Надо что-то предпринять, и тут я вижу только одну возможность: за нами в казарменном лазарете оставлена палата, и мы имеем право на паек для четырех госпитальных больных. Таковых у нас пока нет, занимайте-ка вы эти места и живите там до наступления лета, по крайней мере, будете спать в тепле и нормально питаться, без необходимости мерзнуть и мокнуть на обреште. К сожалению, это все, что я могу для вас сделать.

Но и это была отнюдь не малость. Ведь, по существу, никто из нас на положение госпитального больного претендовать не мог, и, если бы на месте этого гуманного и благородного врача сидел какой-нибудь формалист или сухарь, каких много повсюду, я сейчас, полвека спустя, едва ли писал бы эти строки. Троим из нас доктор Лебедев сохранил жизнь, а четвертый, Кедрин, умер года три спустя.

Калугерово

В двенадцати километрах от нашего городка, возле маленькой железнодорожной станции Калугерово, находился цементный завод, для которого добывался гипс в расположенном поблизости открытом карьере. Об этом мы знали давно, и кое-кто из сергиевцев попытался там устроиться сразу же после окончания училища. На самом заводе был небольшой и постоянный штат рабочих – туда никого из русских не приняли, а на гипсовый карьер человек десять взяли. Но проработали они там недолго, ибо условия были отвратительные: десятичасовой рабочий день, причем разработка велась на совершенно открытой местности, все время под палящими лучами солнца, а воды поблизости не было – ее откуда-то издалека подвозили на вьючном осле, но в количестве далеко не достаточном, и рабочие постоянно томились от жажды. Надзиратель, одноглазый болгарин, грубый и злой, как носорог, кричал и штрафовал за всякий пустяк; работа оплачивалась поденно и очень низко, да еще вдобавок при первой же выплате почти всех обсчитали. Вследствие этого все наши оттуда со скандалом ушли, и больше никто из русских на Калугерово не совался.

Но теперь, едва миновали холода и повсюду началось весеннее оживление, в казарму нежданно-негаданно явился представитель цементного завода и сообщил, что сейчас возле Калугерова пустили в ход второй гипсовый карьер, для которого требуется еще несколько десятков рабочих. Русским будет предоставлен отдельный барак и кухня для приготовления пищи, а если их наберется больше тридцати человек, то завод будет им по общей ставке оплачивать и «готвача» (кашевара). Питьевой воды гарантируется достаточное количество, а заработная плата всем, кто работал в прошлом году, будет по семьдесят пять левов в день, новичкам же – в зависимости от оценки надзирателя, но не меньше шестидесяти пяти.

– А надзирателем будет, конечно, одноглазый дьявол? – спросил кто-то из «прошлогодних».

– Нет, он остался на старом карьере, а на новом поставлен бай (у болгарских крестьян добавлялось к имени пожилых и почтенных людей, вроде русского «дядя») Койчо.

Этот ответ успокоил скептиков: Койчо в минувшем году был помощником Одноглазого, и все его знали как человека спокойного и справедливого.

В казарме к этому времени скопилось много безработных сергиевцев и кубанцев, все они за зиму по уши влезли в долги,

которые теперь надо было отрабатывать. В эту пору года получить какую-нибудь работу в селах было еще трудно, поиски ее, даже при удаче, отняли бы немало времени, а тут, на Калугерово, можно было начинать сразу же. Платили, правда, неважно, но зато работа была постоянной и к тому же обеспечивала возможность жить всем вместе. В итоге этих соображений желающих отправиться на разработку гипса нашлось сорок восемь человек, в том числе даже несколько штаб-офицеров. Сборы были недолги. В тот же день после обеда мы выехали поездом и час спустя были уже на месте.

Верстах в трех от железнодорожной станции, на пологом косогоре, покрытом кустарником и редкими деревьями, стояли два дощатых барака, каждый вместимостью человек на пятьдесят, – один из них предоставили нам, а в другом жили рабочие-болгары, приехавшие на заработки из северных провинций. Чуть в стороне ютился небольшой сарай, в котором хранились инструменты, и возле него примитивная, открытая кухонька. Самый карьер, где добывался гипс, находился на версту дальше. Внизу, у подножия косогора, протекал довольно широкий ручей с хорошей водой, а по другую его сторону, не далее полукилометра, разбросалось село Асеново.

В бараке по обе стороны узкого прохода тянулись двухъярусные нары, на которых мы расположились с нашим немудреным скарбом. Окна отсутствовали, но днем внутри было достаточно светло, так как стены изобиловали щелями и дырами, а вечерами зажигался керосиновый фонарь. Крыша протекала сравнительно умеренно, что позволяло во время дождя устроиться так, чтобы никого не поливало. В общем, все было бы терпимо, если бы не огромное количество клопов, которые гнездились в стенах и в нарах.

Нужно сказать, что клопы в Болгарии так же вездесущи и неистребимы, как муравьи в Южной Америке, но человеку они докучают стократ больше, ибо ночами от них нет никакого спасения. В этой стране ни одного жилья – будь то городской особняк, деревенский домишко или одиноко стоящая в лесу хижина – без клопов не существует. Они есть – или, во всяком случае, в мое время были – в любой гостинице, в вагонах и в залах ожидания железнодорожных станций, в школьных партах, в конторской мебели и даже в нежилых помещениях. Более того, и под открытым небом, если вы ляжете сравнительно недалеко от дома, они вас быстро найдут. Все ухищрения и методы борьбы с ними бессильны, – в казарме мы применяли кипяток, керосин, нафталин, полынь и всевозможные патентованные снадобья, выжигали клопов паяльными лампами, ставили ножки кроватей в

банки с водой, – все было тщетно.

Тут, на земляном полу калугеровского барака, вдобавок кишели блохи, так что первую ночь мы почти не спали. В дальнейшем сну способствовала усталость, да и блох удалось несколько смирить при помощи больших количеств керосина и персидского порошка.

Поднявшись с рассветом, мы напились чаю, получили у магазинера инструменты и отправились на карьер, где работа начиналась в семь часов утра и, с двухчасовым перерывом на обед, продолжалась до семи вечера. Велась она самым примитивным образом: ряд рабочих, человек двадцать пять, кирками подбивая и обрушивая стену невысокого обрыва, измельчали комья падающей глины, руками выбирали вкрапленные в нее куски гипса и сбрасывали их в кучи; позади каждого стояли два рабочих с лопатами, они нагружали отработанную глину на вагонетки и отвозили ее на свалку, а за гипсом приезжали запряженные лошадьми телеги и везли его на завод.

Так как вагонетки стояли на одной общей линии рельсов, ехать на свалку они могли только все одновременно, а потому грузить их следовало согласованно, поглядывая на соседей, ибо, если некоторые оказывались нагруженными раньше других, надзиратель начинал орать на отставших. При нормальном ходе работы темп давала передняя вагонетка, все остальные равнялись по ней. Таким образом, если на нее попадали толковые и рассудительные люди, они работали не торопясь и все шло хорошо: никто на линии не выбивался из сил, молчал и бай Койчо. Но если рабочие на первой вагонетке, желая перед ним отличиться, начинали грузить быстро, – жарко приходилось всем, и тогда не оставалось ничего иного, как проучить зарывающихся очень простым, но верно действовавшим способом: самые дюжие ребята на линии начинали гнать с такой быстротой, что первая вагонетка за ними, при всем напряжении сил, поспеть не могла, и тогда гнев надзирателя обрушивался на нее, ибо в ожидании, пока она догрузится, сзади люди демонстративно усаживались на землю и курили. Обычно два-три часа такой «дышловки» навсегда отбивали передним охоту выслуживаться, и все входило в норму.

Учитывая все это, мы предоставили переднюю вагонетку двум пожилым полковникам, полагая, что их возраст и благоразумие обеспечат всему карьеру спокойную и мирную жизнь. Но тут мы жестоко просчитались: в вожделениях о максимальной «наднице», полковники старались вовсю, упорно не понимая наших толстых намеков и предостережений. Оба они в частной жизни были хорошими и милыми людьми, но все же, ради общего блага, на

следующий день пришлось обуздать их вышеописанным способом, а сейчас все возвратились с работы изрядно усталыми и, наскоро поужинав, стали устраиваться ко сну.

Памятуя прелести предыдущей ночи, почти все собирались сегодня спать на лоне природы, но к вечеру небо оделось темными тучами, следовало ожидать дождя, и потому, после недолгих прений, большинство решило ночевать в бараке.

– А ты как думаешь, Васька? – спросил я Смирнова.

– Идем спать наружу, – ответил он. – Дождь едва ли начнется раньше полуночи, а до тех пор нам обеспечено несколько часов спокойного сна. В крайности, если вовремя не проснемся, ну вымокнем немного, пока добежим до барака, подумаешь, большая важность!

У нас нашлось человек семь-восемь единомышленников. Собрав свои манатки, хорошенько осмотрев их и вытрусив, мы отошли шагов на тридцать от барака и расположились табором на травке. Пока мы устраивались, совсем стемнело. Окрестности наполнились голосами цикад и лягушек, на горизонте попыхивали зарницы, да ветерок доносил из села запах цветущих яблонь.

– Экая благодать, – умилился лежавший рядом со мной Кедрин.

– И ни одного тебе клопа, – отозвался я, и в тот же миг почувствовал, что по лицу моему что-то оживленно забегало.

Я придавил это нечто пальцем, в надежде, что имею дело с какой-нибудь невинной букашкой, но отвратительный и столь знакомый запах сразу показал, что наши восторги были преждевременны. Между тем со всех сторон посыпалась ругань, свидетельствуя о том, что клопы атаковали и других. Снова вытрусив и выколотив свои постельные принадлежности, мы отошли от барака на добрых полкилометра и улеглись в чистом поле. Тут клопов как будто не было, а может, нас просто сморила усталость, и мы все почти сразу заснули мертвецким сном.

Было уже далеко за полночь, когда меня разбудил голос Кедрина:

– Миш! Мишка! Да проснись же, наконец, колода!

– А какого черта? – пробормотал я. – Дождь начался, что ли?

– Дождя нет, небо чистое. Но вот высунь-ка башку из-под одеяла и послушай.

Я приподнялся на локте и прислушался. К нам быстро приближался какой-то нарастающий шум, похожий на топот бегущей толпы.

– Что за дьявольщина? Будто сюда бежит целая рота солдат!

– Откуда им тут взяться? Это что-то другое.

– Да, но что? Может быть, подземный шум, и сейчас начнется землетрясение? Надо бы разбудить ребят, – промолвил Кедрин, и в ту же минуту мы увидели, что из темноты на нас катится какой-то бесформенный серый вал.

– Эй, народ! – заорал я во все горло, вскакивая на ноги. – Просыпайся живее и драпай!

– В чем дело? От кого драпать? – раздались голоса.

– А черт его знает…

Больше я ничего не успел добавить, так как в это время вал, оказавшийся огромным стадом чем-то перепуганных овец, налетел на нас. Я и все те, кто успел выскочить из постелей, мгновенно были сбиты с ног и сочли за лучшее лежать неподвижно, уткнувшись носами в землю и закрывая руками головы, до тех пор, пока овечьи копыта не перестали барабанить по нашим спинам.

– Ну как, все живы? – спросил я, поднимаясь на ноги.

Жертв среди нас не оказалось – если не считать того, что Кедрину слегка оттоптали ухо, – все были целы и невредимы, отделавшись легким массажем. Некоторые даже не успели вовремя проснуться и только теперь начали понимать, что произошло. Смирнов успел схватить за ногу одну из топтавших его овец и яростно тузил ее кулаком по спине; незадачливая овца, не столько от боли, как от испуга, отчаянно орала под аккомпанемент наших дружных проклятий, которые, впрочем, скоро сменились смехом.

Самым неприятным последствием этого налета было то, что овцы посеяли у нас в лагере изрядное количество блох, которые испортили нам остаток ночи.

Разбуженный чьей-то изощренной руганью, я высунул голову из-под одеяла и огляделся. Уже рассвело, вокруг нас стелился белесый туман, а посреди поляны в нижнем белье стоял Смирнов и, потрясая кулаками, весьма красочно и прямолинейно выражал свое недовольство Болгарией, царем Борисом и всеми его министрами, дирекцией калугеровского завода, овцами, клопами, блохами и в особенности почему-то собаками.

– Вот чертов будильник, когда же у тебя завод кончится? – садясь на своей постели, спросил хорунжий Крылов[116], вместе со мной и Смирновым составлявший дружную и почти неразлучную конноартиллерийскую тройку. Будучи по рождению казаком, он взял вакансию в Донскую артиллерию, но, как и все мы, был оставлен при Сергиевском артиллерийском училище. – А в чем все-таки дело? – полюбопытствовал он.

Дело оказалось в том, что у Смирнова, а также почти у всех остальных, пастушьи собаки повытаскивали из-под голов сумки, в

которых, вместе с умывальными принадлежностями, хранились хлеб и брынза для утреннего завтрака – мы их прихватили с собой, чтобы спасти от изобиловавших в бараке крыс. Теперь эти сумки, разгрызенные и опустошенные, валялись вокруг нас в поле. У Крылова, бывшего большим эстетом, собаки сожрали даже кусок душистого мыла, а у Кедрина – деревянную коробочку с цинковой мазью.

– Вот же проклятущая болгарская зоология! – возмущался последний. – Такого даже у Брэма не найдешь – овцы топчутся по ушам, а собаки питаются медикаментами!

Через несколько дней к этим прелестям ночевок на лоне природы прибавилась еще одна, уже более серьезная: в постель одного из кубанцев заползла сколопендра и его укусила. Укус этой твари очень опасен, нередко даже смертелен, особенно к концу лета, когда она нагуляет силу. Положение осложнялось тем, что до ближайшего врача или аптеки было пятнадцать километров и ночью отвезти туда пострадавшего не было никакой возможности. Пришлось действовать самим: мы выдавили ему из раны много крови, а затем прижгли ее раскаленным гвоздем, дав предварительно вместо анестезии чайный стакан крепкой сливовицы. Утром отправили в город, и все окончилось благополучно.

После этого случая клопиные акции сильно поднялись, и количество «дачников» заметно уменьшилось – из двух зол публика выбирала меньшее.

Рисовое извержение

Первая неделя работы на гипсовом карьере прошла без каких-либо происшествий, если не считать того, что однажды нас захватил сильнейший ливень с грозой, и, так как иного укрытия не было, пришлось перевернуть вверх колесами вагонетки и, забравшись по три человека под каждую, провести часа полтора в положении свернувшихся ежей.

В работу мы быстро втянулись. Надзиратель бай Койчо был мужик неплохой, он никого не заставлял лезть из кожи и покрикивал больше в целях самосохранения: в те далеко не синдикальные времена так надзирателю полагалось, и, если бы он на рабочих не кричал, его самого очень скоро выгнали бы вон.

Солнышко припекало уже изрядно, а потому мы, русские, снимали с себя рубахи и работали по пояс голыми, что вначале сильно возмущало «братушек». В Южной Болгарии в ту пору еще весьма заметны были следы турецкого влияния. Так, например, в селах ели не за столами, а на полу, усаживаясь в кружок, со

скрещенными ногами, причем женщины только прислуживали мужчинам, а насыщались потом отдельно; ничего похожего на какие-нибудь ухаживания, посиделки или совместное времяпровождение парней и девушек не допускалось, – даже при случайных встречах на улице они не могли обменяться несколькими словами и старались не глядеть друг на друга. В разговорную речь вплетали много турецких слов, и одевались мужчины тоже по-турецки, только вместо фесок носили черные барашковые шапки. Их костюм, сделанный из очень толстой шерстяной материи темно-коричневого цвета, состоял из суживающихся книзу штанов с широченной мотней, жилета и куртки, – все это надевалось на толстое шерстяное белье, сверх того на брюхо наматывался черный шерстяной шарф в несколько метров длиной, а на ноги, до колен, белые суконные онучи. Так болгары одевались зимой и летом, в таком же облачении и работали, в жару позволяя себе сбросить лишь куртку. Наиболее передовые снимали иной раз и жилет, но снять рубаху считалось уже вопиющим неприличием. Справедливость требует отметить, что это не была только лишь внешняя, показная целомудренность: как нравы, так и общий моральный облик простого болгарина были несомненно чище, чем у других славян. Здесь, например, совершенно немыслимо было услышать ту мерзкую ругань, которая буквально не сходит с языка югославов, даже в присутствии собственных жен и дочерей. Поэтому не удивительно, что наши облегченные туалеты шокировали болгар, и первое время они нас считали явными развратниками («развалена хора»). Потом попривыкли и только не переставали удивляться: как у нас на солнцепеке не облазят спины? Буквально ни один болгарин не мог пройти мимо, не задав осточертевшего нам вопроса:

– Братушка, неужели у тебя не обгорает спина?

Если спрошенному этот вопрос еще не набил оскомину и он отвечал благодушно, болгарин, в порядке продолжения беседы, задавал ему второй, столь же непременный вопрос, примерно такого рода:

– Братушка, а есть ли у вас в России лопаты? – Вместо лопаты тут могли фигурировать кирка, вагонетка, бутылка, сигарета, кирпич, даже дерево или пробегавшая мимо курица, вообще любой предмет, который в этот момент попадался на глаза спрашивающему.

И наконец, следовал третий традиционный вопрос:

– Братушка, а почему ты не возвращаешься к себе, в Россию?

Когда к кому-нибудь из нас на работе приближался незнакомый болгарин, человек уже знал, что ему не миновать

этих сакраментальных вопросов, от которых он – в зависимости от темперамента и настроения – или отшучивался, или отругивался. Впрочем, эти приставания носили добродушный характер, о чем свидетельствовало само обращение – «братушка». Значительно реже применялось к нам и другое – «русский». Оно сразу позволяло понять, что вы имеете дело или с коммунистом, или с человеком немецкой ориентации. Такие состоянием наших спин не интересовались и о наличии в России лопат и кирпичей не спрашивали, но зато третий вопрос задавали особенно прочувственно.

Рабочих-болгар изумляла также наша расточительность. Перед выходом на карьер мы утром пили чай с хлебом и салом или брынзой, а на обед и ужин готовили какое-нибудь густое варево, обильно приправленное жирами, причем ели вволю и после еще запивали сладким чаем. Такое довольствие обходилось в день по 14–15 левов на едока, то есть пятую часть того, что он зарабатывал, и мы считали, что это совсем недорого.

Болгарские крестьяне, хотя и были расчетливы, в еде себе тоже не отказывали. Но у приехавших сюда на заработки «севернаков» дело было поставлено иначе: в основном они питались размоченными в горячей воде сухарями, а иной раз баловали себя довольно хитроумными бутербродами: на большой ломоть хлеба клался крошечный кусочек брынзы или одна маслина, причем, по мере поглощения хлеба, эта декорация отпихивалась носом все дальше и съедалась только с последним глотком. При такой системе питания у наших коллег-болгар заработок почти целиком шел в кубышку, и, глядя на наши «пиршества», они говорили:

– Работаете вы на свое брюхо и до смерти останетесь бедняками. Луда хора (сумасшедшие люди).

Кстати, с довольствием у нас дело наладилось не сразу. На первых порах кашеваром был единогласно провозглашен один из кубанцев, войсковой старшина Дьяченко, прославившийся изготовлением замечательных закусок на всех наших казарменных празднествах. В первый же день работы он угостил нас супом, который не посрамил бы и первоклассного ресторана, но с точки зрения людей, нагулявших волчий аппетит на тяжелой работе, в нем было непростительно мало гущи, и перед этим блекли все его достоинства. Однако мы безропотно выхлебали этот суп, отчасти из уважения к штаб-офицерскому чину «готвача», а еще более потому, что молодой и веселый Дьяченко – гитарист и чудесный исполнитель цыганских романсов – был всеобщим любимцем. Несколько дней мы ели его изысканную стряпню, и чем тоньше делались наши талии, тем толще

становились намеки на неуместность всяких жюльенов и рататуев при таком тяжелом физическом труде. Кончилось тем, что под давлением общественного мнения Дьяченко подал в отставку и народ собрался для выборов нового кашевара.

На вопрос, кто возьмется готовить еду в соответствии с общими пожеланиями, то есть погуще и пожирней, последовало единодушное молчание. Затем было названо несколько кандидатов, но все они отклонили предложенную им честь, ссылаясь на скудность своих кулинарных познаний. И наконец кто-то выкрикнул мою фамилию, припомнив, что в период прошлогодних странствований я однажды сварил из подручных материалов очень недурной кулеш.

Застигнутый врасплох этим выдвижением, я начал было отказываться, но потом подумал: а почему бы нет? Не боги же варят кашу! Кроме кулеша, я вполне способен приготовить вареный картофель с луковым соусом и с салом, сумею сварить фасоль, не спасую, пожалуй, и перед макаронами. На этом уже можно продержаться два дня, до ближайшего воскресенья, а там смотаюсь в Сеймен и наберусь у знакомых дам еще какой-нибудь кухонной премудрости. Работать же кашеваром куда лучше, чем махать целый день киркой или лопатой, – никто на тебя не кричит, и, пока варится пища, можно заняться каким-нибудь своим делом, например написать письмо, постирать бельишко, а то и просто вздремнуть где-нибудь в холодке. Быстро прикинув все это в уме, я еще немного покочевряжился для приличия, а потом дал свое согласие.

Следующая неделя вполне оправдала мой оптимизм. Дама, за которой я ухаживал, была не очень сильна в области артельно-рабочей гастрономии, но все же она обогатила мой кулинарный репертуар рецептами изготовления бараньего рагу, галушек и мясного супа с овощами. С этим я уже почувствовал под собою твердую почву и был уверен, что в грязь лицом не ударю.

Чтобы сразу покорить свою прожорливую клиентуру, я начал с галушек. Строго придерживаясь полученной формулы, замесил тесто, раскатал его, порезал на кусочки и всыпал их в котел с кипящей водой. Они как камни пошли на дно, но это меня не обескуражило, так как я знал, что галушки сами должны всплыть на поверхность, когда будут готовы. Однако этого, по-видимому, не знали многие галушки: изрядная их часть, обратившись в монолит, настолько прочно прилипла к дну котла, что после мне пришлось отбивать их зубилом. Но по счастью, я наготовил столько теста, что и тех, которые благополучно всплыли, вполне хватило, чтобы насытить артель, и моя маленькая неудача прошла незамеченной. Зато суп и рагу удались на славу и

окончательно укрепили мою поварскую репутацию.

Больше недели публика ела мою стряпню и похваливала, но однажды какой-то недорезанный гурман во всеуслышание заявил:

– Готовишь ты, Миша, знатно, но вот о существовании риса, видимо, позабыл, а это штука неплохая. Расстарайся-ка на какое-нибудь рисовое шамало!

– Да, было бы недурно поразнообразить наше меню рисовой кашей или пловом, – поддержали другие.

Риса я с детства терпеть не мог и потому совершенно забыл поинтересоваться способами его приготовления. До воскресенья, когда можно было бы восполнить этот пробел, оставалось еще четыре дня, которые я попытался выгадать, но публика все настойчивее требовала риса, и наконец я решил: была не была, попробую сварить рисовую кашу без всяких шпаргалок. Задача эта в общем представлялась мне нетрудной, и не знал я только одного: засыпать ли рис в холодную воду или в кипяток? Пораскинув умом, решил, что надо сыпать в холодную, и принялся действовать.

Продукты я с вечера заказывал в лавочке соседнего села, до которой было от нас не более километра, и утром мне их доставляли на ишаке. По аналогии с картошкой и макаронами, я рассудил, что риса надо купить по полкилограмма на едока, для ровного счета двадцать пять кило на сорок восемь человек. Потом меня взяло сомнение – а вдруг не хватит? – и я на всякий случай прикинул еще десять кило, благо рис стоил очень дешево.

Кухня наша представляла собой стоявшую на полянке кирпичную плиту, в которую были вмазаны два железных котла, один большой, ведер на десять, для приготовления пищи, и другой поменьше, для чаю. Сверху, чуть выше человеческого роста, эта плита была прикрыта легеньким жестяным навесом, а отапливалась она дровами. Я налил в большой котел воды, высыпал туда полученный мешок риса, развел в топке огонь и, по опыту зная, что варево закипит только часа через полтора, прилег под ближайшим кустом и почти сразу заснул.

Привиделся мне сон чрезвычайно приятный: будто подходит ко мне сам генерал Врангель в белой черкеске и отечески ласково говорит: «Дорогой поручик, ну ваше ли дело варить тут этот паршивый рис? Пусть этим занимаются китайцы, а вас я давно ищу, чтобы произвести в следующий чин и назначить старшим офицером конно-артиллерийской батареи. Как раз есть свободная вакансия в третьей гвардейской!»

В восторге от такой блестящей перемены в моей судьбе я проснулся, открыл глаза и был потрясен зрелищем, которое мне представилось: там, где еще недавно стояла кухонная плита,

теперь возвышался громадный белый конус, своей вершиной почти достигавший крыши. Через равные промежутки времени оттуда, как из жерла вулкана, вырывались клубы пара, извергая новые потоки рисовой лавы, которые по склонам конуса медленно сползали на землю, вокруг плиты.

Совершенно не понимая причины этого катаклизма, я заметался вокруг рисовой горы, как хорек в курятнике. Ненароком взглянул на часы, до обеденного перерыва оставалось около полутора часов, – хватит ли этого времени, чтобы скрыть следы моего позора?

Схватив лопату, я наполнил рисом стоявший поблизости деревянный ящик и отволок его в гущу кустов. Возвращаясь обратно, с ужасом заметил, что ландшафт кухонной местности после этого почти не изменился. В моем распоряжении имелось еще три ведра и два пустых мешка из-под картошки, – тоже набил их рисом и запрятал в кустах. Теперь на свет божий, как египетский сфинкс из-под песка, выглянула плита, но, чтобы полностью ее откопать и овладеть положением, пришлось нагрузить рисом еще и большое корыто, которое служило нам для стирки белья. После этого, действуя метлой и тряпкой, я окончательно очистил местность, закопал рисовую грязь в землю и вздохнул с облегчением.

У меня еще хватило времени доварить оставшийся в котле рис и заправить его маслом. Подошедшая с работы братия с удовольствием уплетала рисовую кашу, не подозревая о разыгравшейся здесь трагедии.

На ужин я продублировал ту же кашу, использовав для этого рис, покоившийся в корыте, так как оно в любой момент могло кому-нибудь понадобиться и его принялись бы искать. Кое-кто удивился: опять рисовая каша?

– Не рассчитал и сварил на обед слишком много, – ответил я. – Не выбрасывать же ее собакам, там одного сливочного масла больше килограмма.

– Правильно, – раздались голоса. – Какие там собаки! Сами съедим, каша вкусная.

На следующий день я приготовил к обеду наваристый мясной суп и заправил его ведром риса из моих резервов, а на ужин соорудил грандиозный плов с бараниной. Ели его с обычным аппетитом, но все же кто-то заметил:

– Что-то наш готвач чересчур увлекся рисовыми блюдами.

– А не сами ли вы приставали ко мне целую неделю с этим рисом? – огрызнулся я. – Вот теперь и жрите его, покуда вам не обрыднет!

Все же использовать до конца этот «вулканический» рис мне

не удалось – остатки его пришлось тайно предать погребению. С той поры не только сам этот злак, но и все, что с ним ассоциируется, – до китайского народа включительно, – пробуждает во мне подозрительность и крайнее недоверие.

Работа наша на Калугерово продолжалась недолго и, в духе того времени и балканских нравов, закончилась внезапно и не вполне благополучно. Платить нам должны были каждые две недели, но, когда настал день первой получки, администратор завода с извинениями сообщил, что произошла задержка с высылкой денег из главного управления, которое находится в Софии, и потому с нами полностью рассчитаются в конце месяца, а пока могут дать лишь небольшой аванс. Это нам очень не понравилось – тут почувствовалась какая-то каверза, – но получки все-таки нужно было дождаться.

Наконец этот день наступил, и бай Койчо, выкликая нас по номерам, начал раздавать конверты с деньгами, присланные с завода. Сразу со всех сторон послышались недоуменные вопросы и проклятия: почти всем заплатили меньше, чем полагалось по условию. Мне было посчитано всего пять дней работы, нескольких дней не хватало и у Дьяченко. Мы заявили об этом надзирателю.

– За те дни, когда вы работали на кухне, дирекция не заплатила, – пояснил бай Койчо. – Готвачей должны оплачивать сами рабочие.

– Вот проклятые ворюги! – возмутились мы. – Да ведь по условию должен платить завод!

– Я об этом ничего не знаю. Что мне дали, то и раздаю, а если вы недовольны, идите и разговаривайте с тем, кто заключал с вами это условие.

После долгой ругани и недолгих дебатов все русские решили немедленно бросить работу. Собрав свои манатки, мы отправились прямиком на цементный завод и заявили, что хотим говорить с директором. Вышедший к нам чиновник сказал, что он в отъезде, а без него никто не вправе вступать с нами в переговоры и что-либо менять в условиях. На это мы ответили, что, если так, расположимся тут лагерем и будем ждать возвращения директора, а до тех пор никого из завода не выпустим и туда никого не впустим.

Через полчаса директор нашелся. Сам он выйти к нам побоялся, но уполномочил на переговоры кассира. В результате Дьяченко и мне тут же было уплачено все, что нам причиталось, а остальным еще раз торжественно обещали, что в случае возвращения на работу с этого дня всем будут платить максимальную «надницу», то есть 75 левов. Поверили этому и

остались человек пятнадцать, а остальные отправились прямо домой, в казарму.

Житейские мелочи

В казарме нас ожидали две новости: во-первых, все задержавшиеся в Тырново-Сеймене офицеры нашего училищного персонала, семейные и холостые, на днях уезжают в Софию, куда был официально переведен кадр Сергиевского артиллерийского училища. С нами остаются только начальник группы полковник Мамушин и капитан Федоров[117] – хозяин Офицерского собрания и находившейся при нем продуктовой лавочки. Это событие для нас, молодых офицеров, имело положительную сторону: в казарме освобождаются четыре большие, светлые комнаты, куда мы сможем теперь перебраться из подвала.

Вторая новость была еще приятней: приближалась Пасха, и Мамушин нам сообщил, что к этому празднику съедутся все сергиевцы, работающие в относительной близости, то есть около пятидесяти человек, с тем чтобы отговеть и провести Пасхальную неделю вместе, по-офицерски. После заутрени намечаются общие разговины, а потом еще два торжественных пиршества – одно в своем семейном кругу, второе с приглашением кунаков-кубанцев, которые, разумеется, ответят нам тем же. Повседневные трапезы тоже будут совершаться по возможности совместно, в нашем собрании, а в субботу праздничная программа закончится устройством шикарного «Белого бала» (офицеры должны быть в белых гимнастерках, а дамы в белых платьях), на который будут приглашены все дамы и барышни русского гарнизона, включая старших гимназисток. На оплату всех этих увеселений каждый участник должен внести чистоганом пятьсот левов и, конечно, помогать в устройстве празднеств своим личным трудом.

От всех этих пасхальных перспектив мы пришли в полный восторг и тут же выложили Мамушину по пять сотенных билетов из нашего калугеровского заработка, еще не тронутого перстами расточительности. Полковник, который знал, что надо ковать, пока горячо, записал полученное и наставительно сказал:

– Вижу, что на развлечения у вас деньги сразу нашлись. Но, как серьезные люди, вы, конечно, подумали и о своих долговых обязательствах? Ведь касса взаимопомощи пуста, и каждый из вас должен в нее по нескольку сот левов.

Мамушин любил длинные речи и потому после этой увертюры пустился в пространные рассуждения о пользе кассы взаимопомощи и о нашем легкомысленном отношении к жизни. Терпеливо все это выслушав, мы, в свою очередь, принялись

сетовать на тяготы бытия и на плохие заработки. В результате последовавшей за этим торговли пришлось уплатить еще по триста левов в кассу взаимопомощи.

За вычетом расходов на довольствие, табак и всякие мелочи, от месячного заработка у нас оставалось в среднем по 1200 левов, а у кого и меньше. Из того, что уцелело после свидания с Мамушиным, все поспешили заказать к предстоящему балу одинаковые белые гимнастерки, разумеется самые тонкие, из шелковистой материи и гвардейского фасона: длина от пояса вниз 35 сантиметров, широкие рукава с манжетами и накладные карманы-«клеш». Это каждому сократило капитал еще на полтораста левов. Ну и конечно, все считали, что возвращение в казарму необходимо ознаменовать общей пирушкой, иными словами, по сотне левов было сразу же пропито, и денег почти не осталось.

Правда, все, что связано с предстоящими праздниками, в основном было уже оплачено, но сверх того каждому хотелось располагать некоторой суммой карманных денег «для представительства», и остающиеся до Пасхи две недели позволяли кое-что подработать. А потому, проведя в казарме два-три дня, все разбрелись по окрестностям в поисках какой угодно «быстротечной» работы.

Из нашей конно-артиллерийской тройки Крылов примазался к кому-то из нашедших работу тут же, в Сеймене, а мы со Смирновым, прихватив вместо него Тихонова, наудачу отправились в село Свирково, расположенное километрах в семи от города. Здесь один крестьянин предложил нам выкопать у него во дворе колодец. По его предположениям, до воды тут было около девяти метров, – он судил по глубине соседского колодца, в который мы тоже не преминули заглянуть; попробовали грунт – он был твердым и глинистым. Рассчитывая при удаче закончить в четыре дня, мы договорились работать сдельно, за полторы тысячи левов, на хозяйских харчах.

И нам повезло: под метровым слоем глины пошел чистый песок, а воду нашли на глубине неполных восьми метров. Работу мы окончили на третий день к вечеру и, положив в карманы по пятьсот левов чистоганом, очень довольные возвратились в казарму, да еще в этом же селе получили заказ на десять тысяч штук самана (крупного формата необожженный кирпич из глины с примесью соломенной трухи), условившись, что начнем после Пасхи.

У Крылова дело обернулось значительно хуже. Он в компании с двумя другими сергиевцами за семьсот левов взялся покрыть черепицей небольшой домик на самой окраине города. С

утра хозяин уехал в поле, оставив им черепицу, лестницу и полную свободу действий. Как сам Крылов, так и оба его сподвижника о кладке черепицы имели весьма смутное представление, а потому, когда под вечер возвратился хозяин, едва взглянув на крышу, он схватил валявшийся во дворе кол и со страшными проклятиями устремился к приставленной к дому лестнице. Но сообразительный казак успел вовремя втащить ее наверх.

Началась осада: незадачливые мастера сидели, как коты, на крыше, а хозяин, захлебываясь матерщиной, бегал вокруг дома и бесновался внизу. Когда он выдохся и немного поостыл, начались переговоры, во время которых Крылов проявил замечательные дипломатические способности: он высказал предположение, что, если бы русские не освободили Болгарию, сейчас на крыше сидел бы сам хозяин, а внизу ожидал бы его турок с дрючком или даже с ятаганом. Братушкино сердце смягчилось, и в результате был заключен мирный договор, по которому все три «мастера» получили право беспрепятственно отправиться домой и даже выторговали себе по шестьдесят левов за проработанный день, так как в качестве полезной деятельности им было засчитано то, что половину черепицы они подняли с земли на крышу.

За несколько дней до Пасхи в казарме собралось уже много народу и полным ходом пошли приготовления к празднику. Мамушин взял в оборот всех без исключения: одни белили и приводили в порядок комнаты, куда мы должны были переселиться из подвала, другие украшали Офицерское собрание, третьи таскали из окрестностей древесные ветви и прочую зелень, из которой плели гирлянды и декорировали праздничный зал, словом, работа нашлась каждому.

Будучи «крепаком» (крепаками мы называли офицеров крепостной артиллерии), Мамушин «конников» недолюбливал и в душе не считал их полноценными артиллеристами. Не помню уж, куда он упек Смирнова и Крылова, а меня отправил за десять километров, в большое село Златицу, чтобы принести оттуда яйца, масло и творог, которые заготовил для пасхального стола работавший в этом селе сергиевец, подпоручик Иванов[118].

Шел я не торопясь и в Златицу прибыл около полудня. Иванов, который и по выпуску и по возрасту был старше меня, работал тут сборщиком яиц для какой-то экспортной фирмы. Без особого труда я разыскал его в каморке при местном дукьяне (трактир, кабак), где он имел свою постоянную резиденцию. Когда я вошел, он лежал в углу, на куче соломы, и мечтательно глядел в потолок.

– Исполать тебе, Левушка! – приветствовал я его. – Вижу, ты

тут изнемогаешь в непосильном труде.

– А, здравствуй, Миша! – бодро ответил Иванов, садясь на своем соломенном ложе. – Вот это здорово, что ты пришел, а то я уже почти два месяца живу один среди этих троглодитов и просто подыхаю от тоски.

– Ты, значит, лежишь, тоскуешь, а яички сами к тебе сбегаются?

– Да ну их к дьяволу! Я уже давно заработал себе все, что требуется на праздники, а чтобы преждевременно не растратить эти деньги, решил до самой Пасхи оставаться здесь, где жизнь мне ничего не стоит. И теперь собираю яиц ровно столько, чтобы хватало мне на яичницу.

– Что же, рассудил ты мудро. В казарме у Мамушина так не полежал бы, там от него никому нет спасения. Вот, к примеру, меня он пригнал сюда за продуктами для пасхального стола. Надеюсь, хоть их-то ты приготовил?

– Ну а как же! Уж для общего блага я расстарался: четыре кило масла и семь творога лежат у хозяина в леднике, а четыреста яиц вон в тех ящиках.

– Четыреста яиц! – ужаснулся я. – Жаль, что тебя не разбил паралич, прежде чем ты их собрал! Ведь мне придется переть их в Сеймен на своем горбе.

– Ничего, у меня есть две специальные корзины, которые пристраиваются на лямках, одна спереди, другая сзади. Да не так оно и страшно, все эти яйца весят не больше двадцати пяти кило, по опыту знаю. Выйдешь под вечер, когда спадет жара, и помаленьку дотащишь. А сейчас время обеденное, надо подзакусить.

– Яичницей?

– Не обессудь, чем богат, тем и рад. Моя обычная порция – двадцать яиц, разумеется, с подобающим количеством сала. Но если ты очень голоден…

– Нет, ежели с салом, то и мне двадцати, пожалуй, хватит, – скромно ответил я.

Как я уже упоминал, нам часто приходилось жить впроголодь, но, когда мы бывали при деньгах и где-нибудь в пути, за неимением иных яств, надо было заправляться яичницей, двадцать – двадцать пять яиц на брата считалось нормальной порцией. Болгар наши аппетиты приводили в трепет.

Помню, однажды мы с Калиновским, кое-что подработав, возвращались откуда-то издалека в казарму и часа в четыре дня, усталые и голодные, зашли в попутное село с намерением чем-нибудь подкрепиться. В такой час сельские дукьяны обычно пусты – хозяин одиноко сидел за стойкой и читал газету. Мы заказали

ему литр вина и яичницу из пятидесяти яиц. Не выразив ни малейшего удивления, он поставил нам на стол бутылку вина и стаканы, а сам отправился на кухню.

– Гляди, даже не покачнулся старик, – засмеялся Калиновский. – Сразу видно, что русские тут уже бывали.

Через четверть часа появился хозяин и, не взглянув на нас, снова уселся за газету.

– А яичница? – поинтересовались мы.

– Уже готова, – был лаконический ответ.

– Так где же она?

– Я ее поставил в духовку, чтобы не остыла, пока подойдет ваша компания.

– Какая еще компания?! Гони ее сюда!

– Как? Вы вдвоем собираетесь ее съесть? Это невозможно!

– А вот сейчас увидишь.

Болгарин принес огромный противень с яичницей и столбом стоял возле нас, пока мы ее поглощали. В это время он еще что-то бормотал, но, видимо, потерял дар речи, когда после яичницы мы съели еще большой арбуз.

Однако возвращаюсь к событиям дня. Желая внести свою лепту в предстоящую трапезу, я сказал Иванову, когда он появился из кухни и поставил на пол противень с благоухающей глазуньей:

– Не есть же ее всухомятку! Финансирую приобретение двух литров вина.

– Сейчас принесу, но денег не нужно: вино и водку тут мне отпускают бесплатно.

– Здорово! Чем же ты так обворожил кабатчика?

– А вот за едой расскажу, если хочешь.

Он снова вышел, принес бутыль вина, и мы подсели к яичнице, скрестив по-турецки ноги. Иванов наполнил стаканы и, когда мы немного заморили червяка, начал свое повествование:

– Так вот, дело в том, что у нашего дукьянщика есть компаньон. Он живет в Сеймене и финансирует предприятие, а дукьянщик дает свой труд. В силу такого положения, к двадцатому числу каждого месяца он должен подводить баланс для отчета этому компаньону. Бухгалтерия, конечно, несложная, но сам он малограмотен и справиться с этим не может – все подсчеты делал ему сельский учитель, единственный тут человек, способный на подобный взлет научной мысли. И за это учитель пользовался правом бесплатно пить в этом кабаке сколько угодно вина и ракии. Так у них шло издавна, но вот в прошлом месяце они из-за чего-то повздорили, и учитель наотрез отказался считать. Подходит двадцатое число, когда приезжает компаньон,

а баланса нет! Хозяин в панике, он по натуре трепло и балагур, а тут вижу – словно подменили человека. Ну, ненароком разговорились, и рассказал он мне о своей беде. Я и говорю: это дело плевое, давай сюда твои записи! «Неужто сможешь подсчитать? – спрашивает. – Наш солдат нипочем бы не смог!» Я им всем, конечно, говорю, что в России был простым солдатом. Принес он мне свою приходно-расходную тетрадь и десятка два счетов, сразу же засел я за них, подвел баланс и часа через три отнес ему: готово, братушка. Не хотел верить, собачий сын! «Врешь, – говорит, – просто хочешь выпить на шермака и наворотил тут чего попало. Разве это возможно за три часа сосчитать! Даже учителю для этого нужно было три дня!» Однако на следующий день приехал компаньон – человек городской и хорошо грамотный, – просмотрел он мой баланс и говорит дукьянщику: «Это первый раз у тебя отчетность в полном порядке и без ошибок». Вот с той поры я тут и в почете, а кроме того, служу предприятию живой рекламой: меня расславили как великого ученого, и народ валит в кабак, чтобы посмотреть на такое чудо. Уже предлагали, что попрут своего учителя, если я соглашусь занять его место.

– Ну а ты?

– Да ну их в болото! За полторы тысячи в месяц закопаться в такой дыре, где высшим олицетворением мировой культуры служит этот кабак! Благодарю покорно! Я здесь уже совершенно опупел за каких-нибудь два месяца и после Пасхи определенно меняю профессию. Пусть яйца собирает медведь, а я лучше подамся на шахту или в Калугерово, чтобы работать среди своих.

– А пока суд да дело, живешь, значит, на винно-водочном гонораре?

– Да, но дукьянщику и тут повезло: я пью мало, а учитель изрядный пропойца и обходился ему много дороже.

За разговорами мы прикончили яичницу, допили вино и, растянувшись на соломе, проспали до пяти часов вечера. Перед тем как пуститься в обратный путь, я еще успел, при содействии Иванова, до изумления дешево купить килограмм великолепного контрабандного табаку, которым славилась Златица. Непосвященный читатель, вероятно, удивится: в классической стране табаководства, где табачное поле имеет почти каждый крестьянин, и вдруг контрабандный табак? Поясню, что в Болгарии государство держало монополию на продажу сигарет и спичек, а все иные виды курева и способы зажигания были строжайше запрещены. В силу этого противоестественного закона, все местные селяки-табаководы, как и прочее население, обязаны были покупать дорого стоящие сигареты, а своего табака

не имели права ни резать, ни курить – надлежало сдавать его скупщикам в листьях. Но на деле, конечно, и резали, и курили, сворачивая цигарки из газетной бумаги, – с этим бороться было фактически невозможно, и местные власти на такие самокрутки смотрели сквозь пальцы. Но когда ловили кого-нибудь с трубкой, зажигалкой или папиросной бумагой, штрафовали нещадно, если дело не улаживалось при помощи взятки. Мы были в лучшем положении: несколько сергиевцев служили в пограничной страже, на близкой от Тырново-Сеймена греческой границе, они снабжали нас контрабандной папиросной бумагой, а табак мы покупали у окрестных крестьян. И надо сказать, что такого превосходного табака я за всю жизнь больше нигде не курил.

На заходе солнца, нагруженный как верблюд, я тронулся в путь. С такой кладью приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть, и ночь меня застала верстах в четырех от Сеймена. Это меня ничуть не встревожило, дорогу я знал хорошо и был уверен, что не собьюсь, а никакие иные опасности мне не угрожали. Так я, во всяком случае, думал, но дальнейшее показало, что в этом ошибался. В степи повсюду паслись стада овец, и при каждом из них непременно бывало по нескольку свирепых овчарок. Днем они на прохожих особого внимания не обращали, но ночью в каждом подозревали злоумышленника, и шутки с ними были плохи. Не успел я в темноте пройти и версту, как меня атаковало полдюжины здоровенных псов.

Подбежав к ближайшему кусту и тем защитив свой тыл, я поставил корзины с яйцами на землю и принялся шарить вокруг в поисках камней или комьев засохшей грязи, но их не было, и мне пришлось отстреливаться от собак яйцами. Я метал их одно за другим и, когда какое-нибудь с треском разбивалось о собачью морду, утешался тем, что труды Левушки Иванова пропадают не совсем зря. По счастью, к месту сражения довольно скоро подоспел пастух и унял свое четвероногое воинство. Остаток пути я совершил без приключений, и вынужденную растрату трех дюжин яиц Мамушин мне великодушно простил.

Пасхальные события

На Страстной неделе мы начали говеть, не прекращая в то же время предпраздничной деятельности. Особенно спешили с покраской и оборудованием новых апартаментов, куда мы должны были к Пасхе перебраться из подвала. Наконец, в четверг все четыре комнаты были готовы, и мы принялись там устраиваться.

По распоряжению Мамушина, чрезвычайно любившего

подобного рода литературу, на дверях каждой комнаты были наклеены поименные списки десяти ее обитателей, расписание богослужений и общих трапез, обязанности дежурного по помещению и полный перечень имевшегося в нем инвентаря. Последний состоял из десяти топчанов, стольких же ночных столиков, одного большого стола, двух скамеек, керосиновой лампы, двух ведер и деревянного корыта. Тут надо пояснить, что ни электричества, ни водопровода в казарме не было, и дежурный по комнате должен был приносить воду для умывания из колодца, находившегося довольно далеко, на плацу.

Мы, трое конников, опередив своих сожителей по комнате, заняли самый уютный угол возле большого окна и детально ознакомились с обстановкой, на что отнюдь не потребовалось много времени.

– Живем богато, – промолвил Смирнов, прочитав инвентарный список. – Особенно меня умиляет корыто. Это уже явный предмет роскоши.

– Шутки шутками, ребята, а действительно, не мешало бы повысить культурный уровень нашего бытия, – сказал Крылов. – Доколе, например, мы будем спать на голых досках, без матрацев?

– Ишь чего захотел, казак! Ты бы уж заодно размахнулся и на простыни! А деньги тебе царь Борис пришлет или американский дядя?

– Три матраца я попробую достать бесплатно. У кубанцев есть лишние, оставшиеся еще с юнкерских времен, они зря лежат где-то в цейхгаузе. Поговорю с полковником Кравченко, он душа-человек и наверняка нам это дело устроит.

– А у меня есть идея насчет простыней, – добавил я.

– Тоже достанешь бесплатно? – усомнился Смирнов. – Какая же это идея?

– Пока ее не проверю, ничего не скажу. После обеда выясню.

Сговорившись пока держать наши намерения в тайне от остальных, мы принялись действовать. Крылов отправился добывать матрацы, Смирнов взялся выяснить возможности приобретения подушек, а я приступил к осуществлению своей идеи. Заключалась она в том, чтобы для себя и своих друзей открыть кредит в универсальном и самом лучшем в городе магазине, где можно было приобрести все, что нам нужно. Хозяином этого магазина был очень симпатичный болгарин, отставной артиллерийский офицер Бургелов, который благоволил к русским, и все мы его хорошо знали. Поладить с ним удалось без всякого труда, и не только насчет простыней: он предложил давать нам в долг все, что потребуется, с тем что платить мы

будем по мере возможностей. Забегая вперед, скажу, что в дальнейшей жизни это нас сильно выручало, но, как водится, медаль имела и обратную сторону: из долгов мы не вылезали, и львиная доля наших заработков шла в кассу Бургелова.

Удача нам сопутствовала во всем: Крылов достал отличные матрацы, Смирнову в местном, летевшем в трубу отельчике согласились по сто левов продать три подушки – за них мы не поморщившись заплатили наличными. Затем все трое отправились к Бургелову, взяли у него простыни, наволочки, пижамы и большой отрез красивой материи, из которой одна знакомая дама к вечеру соорудила скатерти на наши столики и нечто вроде стенного ковра.

К ночи, когда сошлись все обитатели комнаты, они были сильно удивлены, узрев на наших топчанах матрацы и подушки. Удивление это возрастало по мере развития дальнейших событий: мы прибили в своем углу ковер, развесили на нем оружие, застелили столики красивыми скатерками, а матрацы – белоснежными простынями, после чего облачились в пижамы и полезли в свои роскошные постели.

– Ай да конники! – раздались голоса. – Вот это врезали! Как же вы ухитрились все это добыть?

Немного поломавшись, мы открыли карты. Как следствие этого, в течение двух ближайших дней все более или менее уравнялись с нами в области культурных достижений, и к Пасхе комната приняла вполне приличный и даже уютный вид. Было постановлено все рабочее барахло держать в ящиках, под постелями, дабы ничто тут не омрачало офицерских взоров и не напоминало о грустной действительности.

К началу заутрени наша гарнизонная церковь наполнилась народом. Слева, сверкая золотом погон на белых гимнастерках, стройными рядами стояло несколько десятков офицеров-сергиевцев; справа сияли серебряные погоны кубанцев. Службу с подобающей торжественностью вел священник Кубанского училища отец Димитрий Трухманов, пел великолепный хор, а путь крестного хода вокруг казармы заранее был украшен зеленью, цветами и разноцветными фонариками. Казалось, что все это происходит не в чужой стране, в обстановке изгнания, а в каком-нибудь небольшом гарнизоне нашей старой, патриархальной России. Впрочем, Болгария – хотя мы ее иной раз и поругивали – не была для нас такой уж чужой страной. Нигде мы себя не чувствовали настолько «своими», как здесь, и во всех других славянских странах к русским относились несравненно менее сердечно, а о неславянских что уж и говорить!

После заутрени был сделан получасовый перерыв, во время

которого все перехристосывались, а начальство, наше и кубанское, обменялось короткими поздравительными визитами в офицерские собрания. Затем все отстояли литургию и в два часа ночи приступили к розговинам.

Благодаря хозяйственным способностям Мамушина наш пасхальный стол выглядел совсем как в былые, счастливые времена. Белоснежные скатерти, на них куличи, сырные пасхи, окорока, жареные индейки, блюда приютившихся в зелени крашеных яиц, бесчисленные закуски, бутылки, цветы… В последний раз я по-настоящему встречал Пасху дома, в 1916 году, будучи двенадцатилетним кадетиком. Это было восемь лет назад, там, во граде Китеже… Сколько с тех пор пережито! Родного дома давно нет, и семья у меня теперь другая – вот эта, что, сияя золотом погон и молодостью лиц, усаживается со мною за стол.

Вид всего этого праздничного убранства, вероятно, не только у меня пробудил подобные мысли, но радость момента быстро отвлекла нас от грустных воспоминаний о безвозвратно ушедшем прошлом, – сегодня и настоящее искрилось счастьем. За веселыми разговорами розговины затянулись до пяти часов утра. И хотя заготовленным яствам в полной мере было отдано должное, всего еще осталось столько, что в одиннадцать часов, разбуженные, как встарь, трубным сигналом, мы привели себя в порядок и снова уселись за столы, доедать и допивать оставшееся. Впрочем, в этот день пили умеренно, чего, будучи честным, нельзя сказать о состоявшемся на следующий день обеде, – на него были приглашены кубанцы, и он проходил под тайным лозунгом «Накачать кунаков». Кунаков накачали, но и сами накачались изрядно. День спустя кубанцы дали блестящий реванш, однако внешне все было вполне прилично и благопристойно. Ни одного пьяного, или, как у нас было принято говорить, «усталого», офицера посторонний глаз не увидел, ибо трупы павших внутренними коридорами разносили по комнатам их более крепкие товарищи.

Весь остаток недели, но уже на более скромных началах, мы обедали и ужинали вместе, в нашем собрании. Наконец подошла суббота, день Белого бала. Он устраивался в большом казарменном зале, в котором имелась и театральная сцена с занавесом. Этим помещением пользовались для устройства вечеринок, балов, концертов и спектаклей все обитатели казармы, то есть сергиевцы, кубанцы и гимназия.

Кстати, стоит посвятить несколько слов этой последней. Она была основана во время пребывания Белой армии в Галлиполи, учились в ней исключительно дети военных, а в старших классах преобладали юноши, уже и сами отведавшие войны.

Педагогический персонал состоял из офицеров, имевших университетское образование, и все было поставлено на полувоенную ногу. По переезде в Болгарию, когда наша армейская казна иссякла, эта гимназия перешла на иждивение Союза Городов и новые хозяева начали искоренять в ней военный дух. Многих прежних преподавателей и воспитателей «земгусары» заменили своими людьми – эти смотрели на нас волками и нашими симпатиями, разумеется, не пользовались, но с остатками старого, военного персонала мы были в дружеских отношениях, так же как и с некоторыми гимназистами-офицерами, таковых было человек десять. Это были главным образом подпоручики, выпущенные из пехотных военных училищ, куда принимали людей с незаконченным средним образованием, а также некоторые добровольцы, на войне произведенные за боевые отличия, – среди этих был даже один гимназист в капитанском чине. Чтобы дать им возможность получить аттестат зрелости и поступить в высшие учебные заведения, их принимали в русские заграничные гимназии, хотя и не особенно охотно.

Старших гимназисток было немного, около двадцати, и большинство из них, в силу событий, тоже шло с некоторым опозданием, так что нам, молодым офицерам, тут не стыдно было ухаживать даже за пятиклассницами. Впрочем, одна пышная шестнадцатилетняя девица, так называемая «папина Маруся», была в ту пору всего лишь в первом классе. Жили они в особом интернате, и держали их в строгости.

В течение минувшей зимы гимназия устроила три концертно-танцевальных вечера, очень скромных по осуществлению и к тому же платных. В противоположность этому мы решили дать настоящий бал, со входом по именным пригласительным билетам и даже с бесплатным угощением дам и барышень мороженым и прохладительными напитками. Для мужчин был предусмотрен обильный и недорогой буфет. Чтобы не ударить лицом в грязь, приготовления к этому балу начались задолго, и в последний день оставалось лишь завершить кое-какие мелкие детали.

Зал был убран великолепно. Деревянные колонны, шедшие вдоль него двумя рядами, были сплошь декорированы свежей зеленью и увиты бумажными лентами национальных, георгиевских и романовских цветов. На окнах висели кремовые занавески, украшенные крупными Сергиевскими вензелями, а в простенках между окнами – одинаковые, превращенные в ковры коричневые одеяла и на них портреты белых вождей и всевозможное оружие. На театральный занавес, закрывавший сцену, почти во всю его величину было нашито изображение нагрудного знака Сергиевского артиллерийского училища –

двуглавый орел, под ним перекрещенные пушки, а в центре большое славянское «С», охватывающее щит с Георгием Победоносцем. В одном углу зала была оборудована уютная гостиная, с мягкими креслами и диванами, украшенная коврами и панно работы наших художников, а в другом – буфет с богатейшим ассортиментом закусок и бутылок. Но подлинной сенсацией и чудом нашей техники являлся фонтан, бивший из круглого бассейна, который был сооружен в центре зала, посреди выложенной дерном клумбы с красивой решеткой. Для осуществления этой идеи на чердаке была поставлена огромная бочка с водой, из нее по одной из колонн провели хорошо замаскированную трубку и под полом вывели ее конец к центру бассейна. Последний был сделан из оцинкованного железа и раскрашен под мрамор.

В этот бассейн предполагалось пустить золотых рыбок, но мы их не достали и в последний момент решили заменить лягушками и черепахами, которые водились в протекавшей поблизости речонке. За этой земноводной живностью в субботу после обеда были посланы Тихонов и я. Накупавшись вволю, мы без особого труда поймали четырех черепах и штук пятнадцать лягушек, доставили их в казарму и выпустили в бассейн. Однако лягушки оттуда упорно выскакивали и ошалело прыгали по залу, что приводило в отчаяние Оссовского[119] – главного распорядителя предстоящего бала.

– Они же нам всех дам распугают, – сокрушался он. – Мишка, ты их принес, ты и укроти! Придумай что-нибудь, чтобы они вели себя прилично, или придется от них вообще отказаться.

Идея у меня мелькнула сразу, но я решил не продешевить и сказал:

– Гм… Тут потребуется большое напряжение ума, а может быть, и воли, если, например, придется лягушек гипнотизировать. Словом, я берусь за это дело только с условием, что в случае успеха меня сегодня не будут больше беспокоить никакими нарядами и поручениями.

Оссовский изъявил согласие, после чего я удачно поставил лягушек на якоря: каждая была за лапку привязана к лежавшему на дне камешку – длина нитки позволяла ей плавать в бассейне, но выскочить наружу она не могла.

Покончив с этим делом, я отправился к Бургелову и ввиду предстоящего события взял у него в долг флакон одеколону, пакетик мыльного порошка и коробку хорошей пудры – в ту пору после бритья было принято пудрить лицо. Увидев там же, у Бургелова, круглую деревянную коробочку, покрытую художественной резьбой, в наплыве эстетических чувств

прихватил и ее. Возвратившись домой, я пересыпал пудру в эту коробочку, а мыльный порошок для бритья – в освободившуюся коробку из-под пудры и расставил все свои приобретенья на ночном столике.

Когда стемнело, все обитатели нашей комнаты почти одновременно навели на себя красоту и отправились в зал, куда уже начала собираться публика. В силу каких-то причин задержался только один из моих сожителей, Павел Залесский, за свой почтенный двадцатишестилетний возраст и скрипучий голос прозывавшийся у нас Дедом. Он пришел в уже опустевшую комнату, быстро побрился и сполоснул физиономию, но своей пудры у него не было. В подобных случаях у нас отнюдь не считалось грехом воспользоваться косметикой кого-либо из товарищей, – Дед огляделся и, заметив на соседнем столике нужную ему коробочку, попудрился при слабом свете керосиновой лампы и, поспешно завершив туалет, устремился в зал, откуда уже слышались звуки полонеза.

Белый бал был открыт очень эффектным номером: когда зал наполнился приглашенными, поднялся театральный занавес и все увидели стоявшую на сцене пушку – точное подобие настоящей – и при ней полный орудийный расчет, в форме юнкеров САУ. Стоявший сбоку фейерверкер начал громко подавать команды, предшествующие открытию огня. Гости с любопытством глазели на это зрелище, в уверенности, что тут стопроцентная инсценировка, но по команде «Огонь!» неожиданно грянул выстрел, и вся находившаяся в зале публика была обсыпана разноцветными конфетти, которыми было заряжено орудие. После этого духовой оркестр заиграл полонез и начался бал.

Залесский был влюблен в гимназистку седьмого класса Аню Донскую (на которой впоследствии женился), а потому, войдя в зал, когда полонез уже кончился, направился прямо к ней. Аня сидела на одной из скамеек, поставленных вдоль стен, и спиной опиралась на висевший тут ковер. Полепетав с нею минуты две, Дед заметил, что с этого ковра на белое платье его дамы сердца перебрался упитанный клоп и не торопясь пополз по плечу, направляясь к шее. Но артиллеристы народ находчивый.

– Анечка, на вас уселась божья коровка, разрешите я ее сниму, – самым естественным тоном промолвил Залесский, не дожидаясь разрешения, схватил клопа и бросил его на пол.

В это время заиграли вальс, Дед с поклоном звякнул шпорами и, подхватив Аню, закружился с нею по залу. Поначалу все шло прекрасно, но, когда он слегка вспотел, лицо его начало неистово чесаться. Внезапно потеряв дар речи, Залесский ежился и мотал головой, а Аня с удивлением и ужасом наблюдала, как

физиономия ее кавалера покрывается клочьями белый пены.

Едва кончился вальс, Дед поблагодарил свою даму и, пробормотав какое-то извинение, бросился вон из зала, на ходу обтирая лицо носовым платком. По пути он чуть не столкнулся со мною. Заметив у него на щеках и на шее белые разводы, я удивился и сочувственно сказал:

– Ты, Дед, до конца бала нипочем не выдержишь, если на первом же вальсе покрылся мылом, как запаленный мерин.

– Чем зубоскалить, ты мне лучше скажи, что за дрянь у тебя пудра?

– Дрянь моя пудра?! Да это «Коти», лучшая марка из всех существующих в природе, – возмутился я, и тут меня внезапно осенила догадка. – Погоди, Дед, ты попудрился из коробочки, что стоит у меня на столе?

– Ну да, черт бы побрал твоего Коти и всех его родичей!

– Тогда все понятно, – сквозь хохот ответил я. – Там у меня мыльный порошок, так что приободрись, что это у тебя не от старости. Пойди сполосни свой портрет водой и смело приглашай Аню на мазурку.

Бал прошел исключительно удачно и весело. Особенный успех имел вальс-котильон, разнообразные фигуры которого всю ночь чередовались с другими танцами. Разошлись только в пять утра.

Под вечер следующего дня на плацу почти экспромтом состоялось всеобщее гулянье – играл наш духовой оркестр и пел прекрасный офицерский хор. Этим завершились праздничные развлечения, и снова наступили рабочие будни.

Саман

С наступлением тепла в окрестных селах начинались обычно всевозможные хозяйственные постройки, материалом для которых служил почти исключительно саман. В те времена в Южной Болгарии из него были построены не только все сельские жилища и службы, но и добрая половина городских зданий, лишь самые крупные из них и дома богатых людей строились из обожженного кирпича.

Производство самана весьма несложно, но это работа настолько тяжелая и грязная, что сами крестьяне до нее не унижались и в случае надобности заказывали саман посторонним рабочим. Раньше этим занимались преимущественно цыгане, но с нашим появлением дело перешло почти исключительно в русские руки.

Поелику так или иначе приходилось жить тяжелым

физическим трудом, наиболее сильные и выносливые из нас даже предпочитали саман всем иным видам доступного нам заработка. Тут были следующие преимущества: работа, при хозяйских харчах, оплачивалась сдельно и довольно высоко – поднаторившись и поднажав, можно было выгонять от ста пятидесяти до двухсот левов в день, то есть в три-четыре раза больше, чем на постройке или на гипсовом карьере; кроме того, тут мы бывали совершенно независимы – никто не стоял над душой, не кричал и не понукал; кормили хозяева почти всегда хорошо, обычно давали и табак, никаких расходов не было, и заработок оставался весь целиком. Но особенно нравилось нам то, что эта работа шла с неизбежными перебоями: заказы на саман редко превышали десять – двенадцать тысяч штук, при благоприятной погоде на это уходило дней шесть-семь. В большинстве случаев в том же селе сразу подворачивался второй заказ, но третий уже редко, таким образом, проработав пару недель, можно было на законном основании возвратиться в казарму и до нахождения новой работы (а точнее, доколе хватит заработанных денег) пожить в свое удовольствие и побренчать шпорами под окнами женского интерната гимназии.

По окончании пасхальных празднеств наша обычная тройка, пополненная Тихоновым, отправилась в село Свирково, где мы уже имели большой заказ на саман. Выступили на рассвете и первые полчаса шли молча, поеживаясь от утренней прохлады. Хотелось спать, и мысль о предстоящей тяжелой работе – особенно в сопоставлении с прожитой по-человечески неделей – угнетала душу, поднимая в ней чувство бессильного протеста против преследующих нас несправедливостей судьбы. Но все же, когда из-за дальнего холма выглянуло солнце, по обочинам дороги заалели яркие маки, а степь наполнилась бодрящим птичьим гомоном, мы почувствовали, что мир божий не так уж плох, повеселели и разговорились.

– А у кого мы, собственно, будем работать? – спросил Крылов. – Имя и фамилия этого джентльмена мне, понятно, без надобности, но интересно, можно ли у него надеяться на хороший харч?

– Все пока покрыто мраком неизвестности, – ответил Смирнов, нашедший этот заказ. – Саман нужен какой-то вдове, но об условиях еще разговора не было.

– А как вдова, еще не старая? – заинтересовался казак.

– Какая бы ни была, ты, востропузый гаврилыч, не вздумай с нею заигрывать. Это тебе не русская деревня, в два счета ноги переломают, а то и прирежут.

– Ну а все-таки, на что похожа эта вдовица?

– Я ее не видел. О том, что ей нужен саман, мне сказал в кабаке ее свояк и объяснил, где она живет. Сейчас с нею и будем ладиться.

Придя в село, вдову мы отыскали без труда, но никакого толку добиться от нее не смогли. Со свойственной болгарским женщинам несамостоятельностью она сказала только, что саман ей действительно нужен, но сколько именно – она не знает, о цене тоже не имеет представления и «править пазарлык» (заключать договор, уславливаться) следует с ее свояком. Последний оказался человеком толковым, и мы с ним сговорились быстро.

Условия тут были не совсем обычны: по здешним понятиям нам, холостым мужчинам, жить у вдовы было неприлично, и потому нас приютит у себя местный дукьянщик, ее дальний родственник. Согласно тому же кодексу турецкой благопристойности, харчить в доме вдовы нам тоже не подобает, ей даже неудобно было на посторонних мужчин готовить еду, и порешили на том, что она нас будет снабжать продуктами, не требующими особого приготовления, – на завтрак и на обед ее сынишка будет приносить эти продукты к месту работы, а на ужин – в дукьян, где мы будем ночевать. Напирая на то, что такая постановка дела сопряжена для нас с большими неудобствами, мы выторговали несколько повышенную цену, – 320 левов за каждую тысячу штук самана, тогда как нормально платили левов на сорок меньше. И в заключение заказ был увеличен с десяти тысяч на двенадцать.

Когда ударили по рукам, было уже десять утра. Свояк нагрузил телегу соломенной трухой, туда же положил инструменты, и мы выехали на околицу. Возле каждого села для выделки самана обычно существовало особое место, которым по мере надобности пользовались все. Выбиралось оно с таким расчетом, чтобы в непосредственной близости находился какой-нибудь ручей или иной источник водоснабжения, а вокруг было достаточно ровного места для выкладки и просушки готового самана. Почти всегда там уже бывала и просторная яма для заготовления материала. Впрочем, чтобы читателю все это было понятней, вкратце опишу сущность саманного производства.

В яме – кирками обваливая ее края и углубляя дно, а затем измельчая крупные комья мотыгами – заготовляют толстый слой рыхлой земли, затем льют туда достаточное количество воды и сыпят соломенную труху. Все это надо хорошенько перемешать и вымесить, для чего рабочие в одних трусах влезают по колено в эту густую грязь и, слегка помогая себе мотыгами, топчутся в ней до тех пор, пока не распустятся в воде все комочки земли и

месиво (которое по-болгарски называется «калом») не приобретет желаемой консистенции. Разумеется, к концу этой операции тела и лица рабочих настолько густо покрываются грязью, что их не узнала бы и родная мать.

Затем приступают к выкладке. Для этого один из рабочих, горделиво именуемый мастером, вооружается деревянной формой, которая представляет собой низкий ящик без дна, разделенный перегородками на десять одинаковых отделений. Если нужны были кирпичи особо крупного размера, форма делалась на восемь или даже на шесть отделений. Эта форма смачивается водой из стоящего рядом ведра и кладется на землю; два других рабочих на носилках подносят из ямы соответствующую порцию «кала» и вываливают ее в форму, затем возвращаются к яме, где четвертый рабочий при помощи лопаты снова нагружает носилки. Мастер между тем особой дощечкой разравнивает принесенный материал, так, чтобы он хорошо заполнил все отделения формы, потом эту форму осторожно поднимает и, сбрызнув водой, устанавливает рядом для следующего десятка кирпичей. И так от рассвета до темноты…

Эта работа, как уже было сказано, давала отличный заработок, но была каторжно тяжела, особенно в нашем оформлении. По существу, спешить нам было некуда и, казалось бы, можно работать не надсаживаясь и не слишком торопясь, хотя дневной заработок при этом был бы несколько ниже максимально возможного. Но у нас была особая психология: день, проведенный в рабочей обстановке, считался как бы потерянным для жизни, независимо от того – легка работа или тяжела, иными словами, значение для нас имело потерянное на работе время, а не затраченное усилие. И потому, если какую-нибудь сдельную работу, не вылезая из кожи, можно было сделать, скажем, за три дня, мы предпочитали вылезти из кожи, но окончить ее за два.

Так бывало и на самане. Начинали мы работу за час до восхода солнца и кончали уже при звездах, потратив всего полчаса на завтрак и полтора на обед. С носилками кала, весившими больше четырех пудов, обычно не ходили, а бегали; при таком темпе подачи и мастер не выходил из согнутого положения, не имея времени хотя бы выпрямить спину. Легче всего было тому, кто нагружал носилки, поэтому время от времени все менялись ролями. Иногда на самане работали втроем, тогда носильщики сами нагружали носилки.

Однако возвращаюсь к событиям дня. Метрах в трехстах от села, в небольшой низине, свояк остановил своего одра, разгрузил телегу и уехал, пообещав после обеда приехать еще. Оставшись одни, мы оглянули арену предстоящих нам действий.

Саманная яма одной стороной почти соприкасалась с протекавшим здесь ручьем, а с другой была ограничена срезом невысокого бугра. Оба этих обстоятельства чрезвычайно облегчали приготовление замесов для самана, а в непосредственной близости было сколько угодно места для его выкладки, так что с носилками не нужно было далеко бегать. Лучших условий для работы трудно было желать, а потому я искренне удивился, услышав сбоку недовольный голос Крылова:

– Ну, тут много не заработаешь: яма слишком глубока, ручей, того и гляди, пересохнет, и место слишком открытое, значит, весь сельский скот будет топтаться по нашему саману.

– Да и кормить чертова вдова будет отвратительно, – добавил Смирнов. – По харе сразу видно, что она сквалыга, небось станет посылать нам лук, огурцы и юшку из-под творога – на таких харчах через неделю ноги протянешь!

Я хотел было заспорить и заступиться за вдову, но в этот момент увидел то, что другие увидели раньше меня: вдали, на склоне пологого холма, белели строения Сеймена, а на самой его вершине, ярко освещенная солнцем, как на ладони была видна наша казарма, где еще вчера мы чувствовали себя людьми совершенно иного порядка. Я сразу понял и разделил пессимизм моих друзей: имея перед глазами подобный соблазн, лезть в грязевую яму никак не хотелось. Желая наглядно показать, что вдобавок ко всему сказанному Крыловым тут еще и грунт твердый, как бетон, я схватил кирку и, размахнувшись, ударил ею по верхушке обрывающегося в яму бугра. Эффект получился неожиданный: вниз обрушилось столько земли, что ее достало бы на полсотни кирпичей. Внезапно все поняли, что роптать на условия тут просто грешно. Приступ малодушия был подавлен, и мы взялись за работу, стараясь не глядеть в сторону казармы.

В час дня из села подошел парнишка, хозяйкин сын, тащивший в одной руке увесистую торбу, а в другой пятилитровый глиняный кувшин – в нем оказалось густое овечье молоко, а в торбе два больших хлеба, добрый килограмм свиного сала, изрядный кусок брынзы, банка маслин и пучок зеленого лука. Ворча, что на таких харчах можно нажить чахотку, и поругивая бедную вдову, мы наелись как удавы, часок отдохнули и продолжали работу до темноты. Начав в этот день поздно, мы выложили всего 1300 кирпичей, но сверх того приготовили большой замес на завтра, так что утром можно было сразу приступать к выкладке.

Помывшись в ручье и придав себе прилично-рабочий вид, мы направились в сельский дукьян, где должны были ночевать, там выпили у стойки по «шеше» (флакончик-мерка, вмещающая сто

граммов напитка) сливовицы и осведомились – готовы ли наши апартаменты? Хозяин молча зажег керосиновый фонарь, провел нас через двор и открыл в углу маленькую дверь, в которую, сгибаясь пополам, все мы вошли и очутились в небольшом и низком помещении. Стены его были сделаны из плетня, а на полу лежал толстый слой соломы.

– Это хлев, – пояснил хозяин. – Но свиней я с прошлого года не держу, так что тут все вычищено, а на пол я велел постелить свежей соломы. Вам будет здесь удобно, – добавил он и, оставив нам фонарь, удалился.

Мы молча переглянулись. Смирнов стал на четвереньки и захрюкал, все остальные последовали его примеру. С минуту мы ожесточенно хрюкали друг на друга, потом с хохотом повалились на солому.

– Итак, мы на свином положении, – промолвил Крылов, – с чем вас, господа офицеры, и поздравляю! Впрочем, кабатчик прав, здесь, пожалуй, чище, чем в его хате, и наверняка будет меньше клопов.

Вскоре вдовий сынишка принес нам продукты на ужин. Их ассортимент от обеденного отличался лишь тем, что отсутствовали маслины, но вместо них в торбе оказалось четыре десятка яиц. Прихватив и сало, хозяйственный Тихонов отправился с ними к дукьянщику на кухню и четверть часа спустя возвратился с огромной сковородой яичницы. Основательно закусив, мы выкурили по цигарке и завалились спать, все четверо накрывшись толстым рядном, которое прислала нам вместе с ужином сердобольная вдова.

Мне снилось, что я лежу на самом краю саманной ямы и громадная свинья со злобным хрюканьем толкает меня рылом, стараясь спихнуть вниз. Я проснулся и открыл глаза, – вокруг была темнота, но кто-то действительно толкал меня под бок и громко хрюкал. Потом раздался голос лежавшего рядом Смирнова:

– Просыпайтесь, боровы, уже светает, пора идти на работу!

Наш утренний туалет был недолог. Соорудив по бутерброду из хлеба и брынзы и на ходу закусывая, мы дошли до своей ямы и начали «вкалывать». К девяти часам утра уже выложили более пятисот кирпичей.

– Здорово идет дело, – заметил я во время перекура. – Если ежедневно будем делать в среднем по две тысячи двести штук, в субботу вечером кончим и, получив по тысяче левов на брата, отправимся домой.

– Половина заработка пойдет за долги, а на другую половину можно будет недельку пожить по-человечески, – мечтательно

добавил Крылов.

– Да, но две тысячи двести кирпичей в день – это вам не жук наплакал, – сказал Смирнов. – Надо нажимать, давайте-ка приступим к делу.

Мы сделали новый замес, по крайней мере, на семьсот кирпичей, и уже собирались перейти к выкладке, когда возле нашей ямы остановился какой-то прохожий болгарин.

– А вы почему работаете? – удивленно спросил он.

– Отцы не позаботились об нашем образовании и не научили нас делать фальшивые деньги, – ответил я. – Вот теперь и приходится работать.

– Но сегодня праздник, – пояснил братушка и назвал имя какого-то болгарского святого. – В этот день наш кмет (сельский староста) работать не разрешает.

– Это к нам не относится. У вас свои праздники, а у нас свои. К тому же работаем мы не в селе, а в поле и ваших праведников в соблазн не вводим.

– Ну, дело ваше. Я только вас предупреждаю, что могут быть неприятности, – сказал болгарин и пошел своей дорогой.

Потеря дня нарушала все наши расчеты, и потому мы решили продолжать выкладку, надеясь, что сельские власти не захотят с нами связываться и оставят в покое. Действительно, часа полтора мы работали без всякой помехи, но потом к нашей яме подошел другой болгарин и, отрекомендовавшись секретарем кмета, потребовал, чтобы мы немедленно прекратили работу. Пришлось подчиниться. Усевшись на краю ямы, мы закурили, провожая глазами величественно удалявшегося секретаря.

– Досадно, – промолвил Тихонов. – День пропадет зря, и придется проторчать тут все воскресенье, чтобы закончить работу в понедельник.

– Отчаиваться рано, – ответил Смирнов. – Этот блюститель порядка и благочестия небось уверен, что сегодня работать мы больше не посмеем, и второй раз он сюда едва ли наведается, а из села нас не видно. Переждем на всякий случай минут пятнадцать, а потом будем продолжать.

Еще около часа мы проработали, но затем были арестованы и отведены к кмету. Последний хотел посадить нас в подвал до следующего утра, но в возникших пререканиях Смирнов удачно козырнул именем полковника Златева, и дело кончилось тем, что кмет прочел нам длинную нотацию и с миром отпустил, взяв обещание, что сегодня мы работать больше не будем.

Время было обеденное, а потому, выйдя из кметства, мы направились к месту работы, зная, что еду нам принесут туда. Почти сейчас же подошел и парнишка с продуктами. Мы

разгрузили принесенную им торбу и, помимо всего прочего, обнаружили в ней порядочный горшок сливочного масла.

– Ого, не меньше кило, – сказал Крылов. – Пожалуй, не ужрем.

– Оставлять нельзя, – заметил Тихонов, – а то вдова подумает, что мы масла не любим, и в следующий раз не даст или даст мало.

Это было резонно, и потому на поглощаемый хлеб мы мазали слой масла толщиною в палец, но все же не одолели его и половины.

После обеда возник вопрос – что теперь делать? Идти в село и забираться в свинушник никому не хотелось, коротать время в душном и полном мух деревенском кабаке было и того хуже.

– Давайте, братцы, останемся здесь, – предложил я, – и поваляемся на солнышке как богатые туристы на пляже. А чтобы не обгореть, используем остатки вдовьего масла.

Оставшись в одних трусах, мы густо обмазали тела и лица маслом и растянулись на солнцепеке, время от времени меняя положение и стараясь поддерживать разговор, так как заснуть при таких обстоятельствах было опасно. Но постепенно сон нас все-таки одолел.

Проснулся я первым и, взглянув на своих спящих приятелей, пришел в ужас: их тела были помидорно-красного цвета. Конечно, и я был не лучше. Судя по положению солнца, проспали мы не меньше трех часов. И, поняв, чем это для нас пахнет, все приуныли.

– Придется облезать, – с грустью промолвил Крылов, – да еще не в сухую, а с пузырями.

Однако, к нашему удивлению, все обошлось благополучно. Кожа у нас даже не зашелушилась, а дня через два ее краснота перешла в великолепный, шоколадного цвета загар, который привел в восхищение сейменских дам. Спасло нас от ожогов, надо полагать, сливочное масло.

Дальше все шло гладко. Чтобы наверстать потерянное время, нам пришлось делать по 2400 кирпичей в день, что потребовало предельного напряжения сил, и к воскресенью мы работу закончили. Но к тайной нашей досаде, тут же получили второй заказ на саман и вынуждены были задержаться в Свирково еще на неделю.

Каждый развлекается по-своему

После двухнедельной работы на самане я возвратился в казарму с хорошим заработком – около двух тысяч левов. Тысячу

с некоторой грустью, но по-братски распределил между кредиторами, затем отправился в русскую сапожную мастерскую братьев Зориных[120] (все три брата Зорины тоже были артиллерийскими офицерами) – выдающихся специалистов своего дела – и заказал себе новые хромовые сапоги, «такие тонкие, чтобы весь Сеймен закачался от восхищения и зависти», – как было сказано сапожникам при вручении задатка.

Осталось у меня после этого монет семьсот. В те далекие времена, когда дневной паек в казарме стоил всего тринадцать левов, а за двадцать пять можно было недурно пообедать в ресторане, – благоразумному человеку такой суммы хватило бы недели на три. Причислять себя к категории благоразумных у меня не было оснований, но все же я решил, что недельку или полторы можно будет пожить «дома», не омрачая своего отдыха мыслями о подыскании новой работы.

Кроме нашей, пришедшей из Свирково, четверки, в казарме находилось еще несколько сергиевцев – в основном, это тоже были саманщики, в данное время не имевшие заказов, но, как и мы, уже кое-что подзаработавшие. По случаю приятной встречи и общности судьбы, мы в первый же вечер совместно, и с подобающими возлияниями, поужинали в довольно уютном русском ресторанчике, который, разумеется, имелся в городе, а после этого каждый стал проводить время сообразно своим влечениям и вкусам: одни ухаживали и увивались вокруг гарнизонных дам и барышень, другие отдавали предпочтение преферансу. Люди не чуждые искусства, помимо этих основных занятий, что-то рисовали и пописывали – плодами их творчества были по преимуществу карикатуры и стихи на злобу дня. Мирное течение нашей жизни лишь слегка омрачалось косыми взглядами и поучениями полковника Мамушина, который всячески старался внедрить в наши головы сознание того, что сейчас надо пользоваться возможностью подработать денег на зиму, а не бить баклуши.

Однажды вечером кто-то принес в казарму слух, будто на следующий день, поездом из Софии, через Тырново-Сеймен проследует куда-то болгарский царь Борис. В нашем русском понимании это было очень крупное событие. И поскольку никто нас о нем официально не известил, а в городе ни каких-либо приготовлений, ни даже разговоров об этом не было, слуху никто не придал значения, считая его чьей-то досужей выдумкой. Но из нас, молодых офицеров-сергиевцев, человек шесть, которым нечего было делать, все же решили припарадиться и сходить на вокзал, к софийскому поезду, чтобы поглазеть если не на царя, то хоть на столичную публику. Такие прогулки мы не раз совершали

и раньше.

Тырново-сейменская железнодорожная станция сама по себе была совершенно незначительна. Но ежедневно в полуденные часы через нее проходили в обоих направлениях поезда международного экспресса Париж – Константинополь, и оба стояли тут по полчаса, чтобы желающие из пассажиров могли пообедать. В силу этого при здешнем вокзале существовал небольшой, но прекрасно обставленный ресторан с отличным буфетом, куда и мы наведывались, когда бывали при деньгах и хотели кутнуть «на высшем уровне».

Согласно вчерашним слухам, царь должен был ехать не экспрессом, а пассажирским поездом София – Ямпол, который проходит через Сеймен в четыре часа дня. Мы, конечно, пришли раньше и, стоя на перроне, пропустили мимо себя весь состав, в надежде увидеть царский вагон, военную охрану, членов свиты или какие-либо иные признаки высочайшего присутствия. Но ничего подобного не увидели – это был обыкновенный будничный поезд, с самыми заурядными пассажирами.

Разочарованные, мы зашли в буфет, выпили у стойки по рюмке «вишневой косточки», затем снова вышли на перрон и принялись фланировать вдоль поезда, разглядывая через окна сидящую в вагонах публику, главным образом, конечно, едущих из столицы дам. При такого рода созерцании – когда ног не видно – болгарские женщины значительно выигрывают в глазах ценителя изящества и красоты, так что сделанный пассажиркам смотр нас вполне удовлетворил.

Когда мы подошли к паровозу, возле него, рассматривая что-то между колесами, стоял машинист в кожаной куртке и кепке, с гаечным ключом в руке. Мы не обратили на него внимания, но, очевидно услышав у себя за спиной звон наших шпор, он обернулся и посмотрел на нас. Его худощавое лицо с длинным носом показалось мне очень знакомым.

– А, русские офицеры! – произнес машинист. Он глядел на нас с серьезным выражением лица, и только в глазах теплилась улыбка.

– Вы тоже русский? – спросил я, силясь вспомнить, где его видел.

– Нет, я болгарин, – ответил он и теперь уже улыбнулся всем лицом.

– Карай, нема да стоишь! (Действуй, нечего стоять!) – заорал ему в этот миг вышедший из дежурки начальник станции. – Уже был звонок, а поезд и так идет с опозданием!

Машинист проворно поднялся на паровоз, дал гудок и, выглянув в окошко, помахал нам рукой.

– Братцы, да это никак сам царь! – промолвил кто-то из моих спутников, и я сейчас же сообразил, что лицо его мне знакомо по портретам. Мы как по команде вытянулись в струнку и лихо взяли под козырек. Машинист благосклонно кивнул и привел паровоз в движение.

Ошеломленные этим диковинным происшествием, споря о том – царь это или просто похожий на него человек, мы обступили начальника станции, с которым уже были знакомы.

– Ну да, это был царь Борис, – ответил он на наш вопрос. – Разве вы не слыхали об этой его причуде? Он сдал экзамены на звание машиниста первого класса, получил право водить пассажирские поезда и теперь иногда для развлечения подменяет на какой-нибудь линии дежурного машиниста.

– Так как же вы, зная, что это царь, так на него закричали? – спросил я с оттенком осуждения.

– А ему это нравится, мы уже знаем его вкусы. Начальников станций, конечно, заранее предупреждают: из Софии какой поезд ведет царь Борис, но нам раз навсегда предписано его «не узнавать» и обращаться с ним как с рядовым машинистом.

Болгары своего царя любили, – и он этого вполне заслуживал, – даже местные коммунисты говорили о нем без злобы, с оттенком уважения, а потому такие прогулки он мог совершать без всякого риска. Впрочем, и времена были иные: теперь при подобных обстоятельствах любого монарха или даже некоронованного главу государства просто из принципа ухлопали бы какие-нибудь «спортсмены», занимающиеся мокрыми делами под флагом борьбы за лучшее будущее человечества или за «социальную справедливость».

После этого события прошла еще неделя. Некоторые из моих приятелей взялись за ум и отправились на работу по селам, другие еще оттягивали эту печальную неизбежность. У меня деньги кончились как-то внезапно, я даже не успел оплатить паек хотя бы на неделю вперед. Мне уже виделось, как под моими, обутыми в новые, шикарные сапоги, ногами разверзается саманная яма. Но я был влюблен, мои сердечные дела развивались вполне благоприятно, и уходить сейчас из Сеймена мне особенно не хотелось. Пораскинув умом, я решил искать спасения в кассе взаимопомощи. Вся моя зимняя задолженность была туда полностью возвращена, а потому, почти не сомневаясь в успехе, я пошел к Мамушину и предусмотрительно попросил у него «с запросом» четыреста левов, полагая, что он по обыкновению начнет торговаться и сойдемся на половине. Но получилось совсем иное.

– Зачем вам эти деньги? – насупившись, спросил Мамушин.

– На жизнь, господин полковник, – скромно ответил я.

– Иными словами, на продолжение той праздности, которой вы так самозабвенно предаетесь вот уже две недели? Касса взаимопомощи существует не для этого. Денег я вам не дам. Отправляйтесь завтра же на работу и от моего имени порекомендуйте подпоручикам Смирнову и Шевякову[121] составить вам компанию, они тоже слишком уж засиделись в казарме. А чтобы облегчить вам этот переход от легкомыслия к благоразумию, я прикажу капитану Федорову закрыть вам троим кредит в Офицерском собрании и в лавочке.

Если хоть сколько-нибудь справедливы народные поверья, весь этот вечер Мамушин должен был икать без передышки, так как, обсуждая наше незавидное положение, мы в своей комнате крыли его напропалую. Это облегчало душу, но на работу все же надо было идти. Утром мы встали около восьми, с грустью и отвращением облачились в рабочие костюмы и направились в собрание, с намерением выпить чаю и закусить перед выступлением.

– Только за наличные, – предупредил нас хозяин собрания. – По приказанию начальника группы, кредит всем вам с сегодняшнего утра закрыт.

– Так ведь мы уходим на работу, чего же ему еще надо? – возмутились мы. – Чтобы мы шли голодными? Не может быть, вы его, наверное, плохо поняли!

– Мне было сказано точно, определенно и без всяких оговорок: подпоручикам Каратееву, Смирнову и Шевякову кредит закрыть до нового распоряжения. Я вам очень сочувствую, господа, но приказа нарушить не могу и потому повторяю: только за наличные.

Наличных у нас не было. Капитан Федоров был человек свой, и потому его присутствие не помешало нам в самых энергичных выражениях осудить действия Мамушина.

– Ну и жизнь, прямо хоть вешайся, – промолвил я, когда мы немного разрядились.

– А это, между прочим, хорошая идея, – сказал гораздый на выдумки Шевяков. – Давайте разыграем Менелая (Мамушин ухаживал за дамой, которая у нас прозывалась Еленой Прекрасной, – отсюда и он получил прозвище Менелай) и заставим его пережить несколько драматических минут. В девять часов он, как обычно, придет сюда пить чай и наткнется на наши трупики. А вы, Константин Степанович, к его приходу спрячьтесь куда-нибудь, – добавил он, обращаясь к Федорову.

Последний, в чаянии интересного спектакля, снабдил нас веревками, которые мы перекинули через деревянную балку,

проложенную под потолком, над входом в собрание. Затем, подставив скамейку, приспособили к себе по хитроумной петле, – в царившем тут полумраке казалось, что она охватывает шею, тогда как в действительности веревка проходила у нас под мышками.

Когда в коридоре послышался звон мамушинских шпор и характерное покашливание, мы выбили из-под себя скамейку и повисли, вывалив языки, как подобает подлинным удавленникам.

Мамушин шел опустив голову и увидел нас, когда уже почти уперся носом в мой живот (я висел средним). Он отпрянул назад, как ударившийся об стену мяч, страшно побледнел и, уставившись на нас немигающими, выпученными глазами, пробормотал:

– Господи, да что же это такое? – Потом, очевидно заметив, что наши тела не висят неподвижно, а еще покачиваются на веревках, во все горло закричал:

– Эй, кто тут есть! Константин Степанович! Скорее сюда, их еще можно спасти!

Он был так потрясен, что мне стало его жаль, к тому же было ясно, что сейчас нас разоблачат, и я замогильным голосом произнес:

– А кредит нам откроют, когда возвратят к жизни?

Надо было видеть лицо Менелая! Оно последовательно отразило чувства испуга, удивления, радости, наконец, стало багроветь и наливаться гневом. Но в этот момент откуда-то с хохотом вылез капитан Федоров, Шевяков начал уморительно дергаться и паясничать на веревке, и Мамушина тоже прорвало смехом. Он до того развеселился, что, когда мы попросили подставить нам скамейку, чтобы можно было выбраться из петель, решительно заявил:

– Ну нет, голубчики, теперь уж повисите, пока я позову фотографа! Такое зрелище стоит увековечить для потомства.

Фотографом, который обслуживал всю казарму, был В.П. Субботин[122], ныне известный артист и театральный деятель, а тогда молодой хорунжий, находившийся на амплуа гимназиста седьмого класса. Он вскоре явился, нас сфотографировал, а пять минут спустя мы уже пили в собрании чай, вместе с Мамушиным.

Во время этого чаепития удалось убедить его не применять к нам никаких санкций, пока не возвратятся в казарму Тихонов и Крылов, которые два дня назад отправились на разведку по окрестным селам, – в случае если они найдут работу, понадобимся и мы.

Пришли они в тот же вечер, заручившись в селе Златица двумя небольшими заказами на саман. Крылова жестоко трепала

малярия, он отправился прямо в лазарет, а мы, трое «висельников», вместе с Тихоновым на следующее утро выступили в Златицу.

Сельский этикет и методы воздействия

В Златице нам пришлось работать не за селом, как обычно, а во дворе у хозяина: он недавно выкопал тут колодец и хотел использовать вынутую землю для самана; с той же целью надлежало скопать возвышавшийся в углу бугор. Двор был обширен – для выкладки кирпичей места сколько угодно, вода под боком, возможность работать в тени деревьев, – словом, условия были прекрасны, и единственным неудобством тут была необходимость все время оставаться в рубахах, так как при здешних нравах не могло быть и речи о том, чтобы снять их, находясь в селе и на виду у женщин.

Хозяева нам попались на редкость симпатичные, и кормили они превосходно. Кстати, стоит сказать несколько слов о том, как обычно происходила эта кормежка. В болгарских селах ни столов, ни стульев не употребляли – кушанье ставилось на круглую деревянную подставку, которая возвышалась над полом сантиметров на десять. Едоки усаживались вокруг, прямо на полу, скрестив по-турецки ноги, – конечно, только мужчины, – члены семьи и батраки. Хозяйка лишь подавала на стол и прислуживала, а остальные домашние женщины даже не показывались и ели потом отдельно.

Как обед, так и ужин почти всегда состояли из одного блюда. Обычно это было какое-нибудь полужидкое, обильно приправленное жирами варево из баранины с овощами, фасолью и т. п. Готовилось оно в таком количестве, чтобы могли насытиться даже самые прожорливые. Еда подавалась в большой миске, и все ели прямо оттуда, причем ни ложек, ни вилок не полагалось – надлежало управляться при помощи хлеба, большие куски которого хозяйка раскладывала вокруг миски. Его макали в соус и ели, им же подцепляли из миски кусочки мяса и овощей.

Со стороны могло показаться, что все это просто и примитивно почти до свинства, но на самом деле тут существовал известный этикет и строго соблюдались своеобразные правила приличия. Не подозревая этого, культурный человек, впервые попавший на подобную трапезу, эти правила самым безбожным образом нарушал и в глазах хозяев легко мог прослыть совершенно неотесанным невежей. На первом же нашем обеде в Златице в такое положение попал Шевяков: до этого он подвизался на постройках и в селах еще никогда не работал.

Прежде всего у него возникли трудности с сидением. Селяки едят степенно, не торопясь, и без привычки высидеть добрый час со скрещенными ногами не так-то легко. Мы уже втянулись, но бедняга Шевяков вскоре начал ерзать и искать более удобное положение. Он пробовал подсаживаться к еде боком, стоять на коленях, мостился так и сяк и в конце концов нашел, что удобнее всего есть сидя на корточках. Надо полагать, что на хозяев-болгар это произвело примерно такое же впечатление, какое получил бы англичанин, если бы у него за обедом кто-нибудь из гостей влез с ногами на стул.

Совать кусок хлеба в общую миску с едой, затем обкусывать его и снова совать Шевякову претило, и он спросил хозяйку, нет ли у нее ложки. Мы не успели предупредить его, что этого делать ни в коем случае не следует. Ложки у болгарских крестьян есть – ими, например, едят кислое молоко, – но их применение за общей трапезой считается излишним и рассматривается как признак жадности: человек, мол, хочет создать себе особо благоприятные условия и при помощи инструмента выловить лучшие куски или съесть больше, чем другие.

Ложку Шевякову дали. Он запустил ее в миску и сразу подцепил кусочек мяса, что также служило признаком невоспитанности: сначала полагалось сообща съесть жидкую часть соуса, а потом уж переходить на гущу – это было как бы второе блюдо. Наш дебютант в таких тонкостях не разбирался, а потому, очень довольный получением ложки, немедленно отправил в рот все, что ею зачерпнул. К болгарской еде он не был привычен – у него внезапно перехватило дыхание, из глаз полились слезы, и он судорожно закашлялся.

– Ты, Гриша, пока не привыкнешь, ешь маленькими глотками и набирай в рот побольше хлеба, – посоветовал ему Тихонов.

– Да разве к этому можно привыкнуть! – просипел Шевяков. – Будто ложку лавы проглотил прямо из жерла вулкана!

Болгары, начиная с самого нежного возраста, едят невероятно остро приправленную пищу, и тут в каждом огороде любовно культивируется несколько сортов перца, в том числе и так называемые «чушки» – маленькие красные стручки, до того свирепые, что, казалось бы, они должны сжечь человеку все внутренности. Однако болгары, которые потребляют их ежедневно в течение всей жизни, согласно статистике, являются самым долгоживущим народом Европы и отличаются завидным здоровьем.

Работая в селах, а в промежутках питаясь главным образом в болгарских дукьянах и ресторанах, к такой острой еде очень скоро привыкли и мы. Когда после шести лет жизни в Болгарии я

попал в Бельгию, все здешние кушанья казались мне пресными и лишенными вкуса, а имеющийся в продаже перец – приправой для детской кашки. Томился я до тех пор, пока кто-то мне не сказал, что тут в аптеках продается кайенский перец. Я его попробовал и облегченно вздохнул – эти крохотные стручки были не менее люты, чем болгарские «чушки». Несмотря на уверения аптекаря, что кайенский перец употребляется только для каких-то медицинских целей, я закупил его сразу большой запас и таким образом вышел из положения.

Когда мы опорожнили миску, хозяйка наполнила ее снова и по знаку мужа принесла бутылку сливовицы. На ее горлышко было надето что-то весьма похожее на детскую резиновую соску. Бутылка, начиная с хозяина, пошла вкруговую. Получив ее, надлежало, запрокинув голову, вытрясти в открытый рот глоток водки, – теперь-то мы это знали, но, пока не постигли такой премудрости, принимались просто сосать, как дети сосут из бутылки молоко. Шевякову удалось избежать этого промаха, так как он сидел в конце круга и, пока до него дошла очередь, успел присмотреться к тому, как обращаются с бутылкой другие. Таким же образом пьют за обедом и воду из глиняного кувшина, только вместо соски пользуются специальным отверстием, имеющимся в его ручке, возле горлышка.

Заканчивая вторую миску, едоки, один за другим, принялись извлекать из своих глоток громозвучные рулады отрыжки. К общему хору не присоединился только Шевяков, поглядывавший на нас с явным осуждением. Выражение его лица говорило: «Как, однако, быстро могут опуститься вполне, казалось бы, благовоспитанные люди, попав в некультурную среду!»

– Рыгай, Гришка, не будь хамом, – сказал ему Смирнов. – Это здесь служит выражением благодарности хозяйке: накормила, мол, вкусно и до отвалу. А если не рыгнешь, она снова наполнит миску жратвой и поставит у тебя перед носом.

Шевяков удовлетворительным образом выполнил ритуал, признательно улыбнувшись. Хозяйка унесла миску и остатки хлеба, а мужчины вытащили кисеты с табаком и принялись крутить цигарки.

У этих хозяев работы нам было на четыре дня, но между ними вклинилось воскресенье, – в селах по праздникам никто не работает, и мы проводили этот день в вынужденном безделье. В субботу хозяйка дала нам на ужин превосходную баницу (род блинов) – из сельских кушаний мы ее особенно любили, – а в воскресенье предложила приготовить какое-нибудь русское блюдо, если мы объясним, как оно делается. В результате мы ее обучили делать вареники, которые удались на славу и очень

понравились хозяевам. В следующие годы, часто бывая в Златице, я всегда заходил к этим гостеприимным людям и убедился, что вареники со сметаной прочно вошли у них в обиход.

В этом же селе нам предстояло выполнить еще один заказ на саман, и мы перешли к новому хозяину, баю Велчо. Теперь работать надо было за околицей, далеко от дома, и еду, за исключением ужина, нам приносили прямо в поле. На завтрак мы получили хлеб и брынзу – это было терпимо, хотя обычно давался еще и кувшин молока, – но первый же обед наглядно показал, что на харчах у бая Велчо мы не растолстеем: это была фасоль, сваренная в воде, слегка сдобренная уксусом и постным маслом, без всяких признаков мяса. Фасоль в Болгарии была самым дешевым из съестных продуктов, и нас ею так донимали в полуголодные юнкерские годы, что все мы ее терпеть не могли, особенно в таком убогом оформлении. Пообедали мы без всякого удовольствия и довольно ясно дали хозяину понять, что впредь надеемся на харчи получше. Однако на ужин нам дали ту же фасоль, оправдываясь тем, что днем хозяйка должна была уйти на какие-то поминки и потому приготовила еду сразу на обед и на ужин. Отпустив по этому поводу несколько иронических и не очень светских замечаний, мы поели, оставив в миске добрую половину ее содержимого, и ушли из-за стола без выражения традиционно-отрыжечной благодарности, что по местным понятиям являлось для хозяев почти оскорблением. Но у бая Велчо нервы оказались крепкими: на следующий день к обеду он снова принес фасоль, только другого цвета и с добавлением лука, но опять без мяса или сала. Кроме этого, был, как обычно, хлеб и несколько головок чеснока. На этот раз мы возмутились всерьез.

– Ты, бай, фасоль побереги для своих свиней, – сказал я. – Они самана не делают и, может быть, на твоих харчах не подохнут. А у нас работа тяжелая, и нам давай мясную еду!

– Сейчас идет Петров пост, – ответил болгарин, – и пока он не кончится, ни мяса, ни сала вы не получите и будете есть постное.

– Постись сам, коли ты такой набожный, а о спасении наших душ не заботься и корми как положено. У нас пост бывает, когда нет работы.

– Когда тебя посадят в пекло за жмотство, прихвати туда и свою фасоль, – добавил Смирнов, – а мы ее есть не станем!

– Будете лопать, что даю, – невозмутимо ответил бай Велчо. – А если не нравится, можете убираться куда хотите.

– Ладно, давай расчет за сделанное!

– Когда кончите заказ, тогда и будет расчет, а уйдете раньше, ничего не получите.

– Давайте, братцы, обмажем этого мерзавца его постной

фасолью, переломаем сделанные кирпичи и уйдем, – предложил я, переходя на русский язык.

– Полностью присоединяюсь к предыдущему оратору, – поддержал Смирнов. – По-моему, это блестящая идея, которую следует немедленно привести в исполнение.

– На этом мы потеряем почти тысячу уже заработанных левов, – сказал рассудительный Тихонов. – А между тем есть верный способ на него повлиять мирным путем, в моей практике уже был такой случай. Предоставьте действовать мне, и ручаюсь, что с завтрашнего дня он нас будет кормить не хуже, чем первый хозяин.

– Чем же ты его думаешь пронять? – с сомнением спросил я.

– После объясню. А сейчас молчок и больше его не задирайте.

Мы прекратили пререкания, поели хлеба с чесноком и, не притронувшись к фасоли, возобновили работу. Велчо хладнокровно спрятал горшок с едой в торбу и отправился восвояси, пробормотав, что за ужином, когда мы по-настоящему проголодаемся, эта фасоль покажется нам очень вкусной.

Исполняя план Тихонова, мы кончили работу раньше обычного, помылись и отправились прямо в дукьян, где в этот час собирались все сливки сельского общества, потягивая черный кофе или ракию. Там уселись за столик подальше от стойки, и, выждав момент относительной тишины, Тихонов громко крикнул:

– Эй, хозяин! Дай-ка нам на четверых зарзават (восточное мясное блюдо с овощами), или что там у тебя есть. Да вали сразу двойные порции, мы голодны как собаки!

В трактире мгновенно прекратился галдеж, и все навострили уши. Тут каждый знал, что «руснаци» работают на хозяйских харчах, и потому слова Тихонова всех удивили.

– Да ведь вы работаете у Велчо? – спросил кто-то. – Что же, он вас не кормит?

– Кормит так, что с голоду подохнуть можно. Два дня не дает ничего, кроме сваренной на воде фасоли, а работа у нас, сами знаете, не легкая. Вот и приходится в дукьяне подкармливаться.

– Это позор! – сказал стоявший у стойки пожилой мужик.

– Велчо всегда был скрягой, – добавил другой.

– Когда собираем для попа, он дает меньше всех, – промолвил третий.

Большинство присутствующих принялись чехвостить бая Велчо, вспоминая все его прежние грехи, а мы тем временем закончили ужин, расплатились и вышли. У Велчо от ужина отказались, – что его нимало не огорчило, – и отправились прямиком в отведенный нам для спанья овин.

– Ну, завтра поглядим, какова тут сила общественного

мнения, – укладываясь спать, промолвил Тихонов. – В селе Медникарове, где мы впервые применили этот метод воздействия, эффект получился замечательный.

Неплохим он оказался и в Златице. К обеду бай Велчо появился не с одной торбой, как прежде, а с двумя. Кроме хлеба и лука, в них оказался полуведерный горшок с жирным и вкусным мясным соусом, баница, два десятка вареных яиц и даже бутылка вина. Словом, поста как не бывало, да и сам хозяин, любезный и предупредительный, казался другим человеком. Только когда мы закончили трапезу, он не выдержал и принялся упрекать нас за то, что накануне мы пошли ужинать в дукьян, – теперь соседи не дают ему проходу и корят, что он голодом морит своих рабочих-руснаков.

– Ну и правильно, что корят, так тебе и надо, – сказал Смирнов.

– Это тебе наперед наука, – добавил Тихонов. – Но впрочем, если ты до конца будешь нас кормить так, как сегодня, мы еще зайдем в дукьян и обелим тебя перед односельчанами.

Дела военно-политические

Государственный переворот, в результате которого на смену полукоммунисту Стамболийскому пришло правое правительство Цанкова, случился в Болгарии весною 1923 года, когда мы были еще юнкерами. Если не считать того, что сам Стамболийский и кое-кто из его окружения были убиты, дело обошлось почти без кровопролития и гораздо легче, чем можно было ожидать. Русские воинские соединения никакого участия в этих событиях не принимали, и о их подготовке знало, может быть, только наше высшее начальство. В то время, когда в Софии совершался переворот, в тырново-сейменском районе все было совершенно спокойно, нигде не раздалось ни выстрела, и о смене власти мы узнали, когда дело было полностью закончено.

При новом правительстве русские вздохнули с облегчением – теперь можно было не опасаться того, что нас выдадут на расправу большевикам. Но в остальном положение наше ничуть не изменилось, даже старшему командному составу, высланному из Болгарии при Стамболийском, после переворота не разрешили вернуться к своим частям. Не оправдались и надежды оптимистов на то, что теперь перед нашим братом откроются кое-какие пути и возможности устроиться получше. В соседней Югославии русские сравнительно легко получали службу, в Болгарии такие случаи можно было пересчитать по пальцам, и относились они лишь к специалистам самой высокой квалификации. У всех остальных, как при Стамболийском, так и при Цанкове, оставалась та же перспектива: черная работа. Осуждать за это Болгарию, конечно, нельзя: условиями мирного договора, после Первой мировой войны, она была буквально ограблена и раздавлена экономически. Но стоит отметить, что в Болгарии эта черная работа (во всяком случае, сдельная) оплачивалась гораздо лучше, чем в той же Югославии, и о таких заработках, как наши, тамошние рабочие могли только мечтать.

Именно потому, что политический переворот произошел сравнительно легко и безболезненно, подлинное спокойствие в стране наступило далеко не сразу. Силы левого лагеря, не потерпев значительного урона, внешне покорились обстоятельствам, но вместе с тем почти не скрывали своих истинных чувств и деятельно готовились к новому захвату власти. В провинции всюду шли брожения и беспорядки, нередко принимавшие форму местных мятежей, которые имели тенденцию в случае удачи перерасти в общее восстание.

Наш район, чисто земледельческий, был, пожалуй, наиболее

спокойным, но и тут для поддержания порядка требовалось если не вмешательство, то постоянная демонстрация воинской силы. Взводы и эскадроны болгарского конного полка, которым командовал наш друг полковник Златев, с этой целью беспрерывно разъезжали по округу, и обычно одно их появление умиротворяло политические страсти, разбушевавшиеся в том или ином селе. Нужно сказать, что в Болгарии каждый безграмотный селяк считает себя великим политиком и обладателем панацеи от всех социальных болезней, и потому подобные страсти в любую минуту готовы вспыхнуть в каждом сельском кабаке, а оттуда вырваться на улицу.

Положение особенно обострилось через несколько месяцев после нашего производства в офицеры. Со дня на день все ожидали каких-то крупных событий. На случай внезапного восстания в самом Тырново-Сеймене или в ближайших селах всех русских тут тоже должным образом вооружили: вдобавок к холодному оружию и револьверам, которыми мы располагали, из возвращенного нам кубанского арсенала все получили винтовки и патроны; несколько пулеметов были тщательно вычищены и приведены в боевую готовность. В русском гарнизоне была установлена караульная служба, которую день несли сергиевцы, день – кубанцы. По ночам выставлялись дозоры и район казармы обходили вооруженные патрули. По счастью, все это совпало с зимним периодом, когда в селах работы не было и почти все мы сгруппировались в казарме.

В эту пору положение иной раз становилось настолько тревожным, что ночью нам приказывали спать не раздеваясь, с оружием под боком. Такая предосторожность была далеко не лишней, ибо в случае восстания главная опасность грозила именно нам, тому уже были примеры. Так, в городе Старая Загора, сравнительно недалеко от нас, восставшие коммунисты ночью врасплох напали на русскую казарму, в которой в это время было мало народу и все мирно спали. Несколько офицеров было при этом убито, а остальные избежали такой участи лишь потому, что успели забаррикадироваться в одном из помещений и отчаянно отбивались несколько часов, пока восстание не было подавлено.

В экстренных случаях местные власти, не располагавшие достаточными силами, обращались за помощью к нам, и мы в ней никогда не отказывали. Помню, однажды около часу ночи начальнику русского гарнизона генералу Лебедеву сообщили, что на одной из ближайших железнодорожных станций происходят крупные беспорядки, со стрельбой, и попросили немедленно отправить туда небольшой отряд для их подавления.

Моментально мы, в составе вооруженного винтовками и пулеметом взвода, выехали туда на специально поданном паровозе, но ни одного выстрела сделать нам в эту ночь не пришлось: когда мы прибыли на место, все там было спокойно и тихо. Оказывается, кто-то успел сообщить по телефону, что из Сеймена выехал вооруженный русский отряд, – этого известия оказалось достаточно, чтобы бунтари сейчас же угомонились и разбежались по домам.

Гораздо хуже и неприятней бывало, когда в качестве восстановителей порядка и спокойствия приходилось появляться в тех селах, где нам случалось работать и до, и после этого. Правда, в этих случаях мы всегда держали себя корректно и нигде ни разу не применили оружия или силы.

Как-то раз, еще осенью, часов в одиннадцать вечера, наше начальство получило из болгарской комендатуры сообщение, что в селе Костантинове коммунисты устроили митинг и побуждают народ к немедленному восстанию, – нас просили навести там порядок. Село было невелико и находилось в трех верстах от Сеймена, а потому, справедливо рассудив, что ничего серьезного по масштабам там происходить не может, на усмирение отправили всего шесть человек, и начальником этого грозного отряда назначили, к сожалению, меня.

Выступили мы пешком и в Костантиново прибыли вскоре после полуночи. В селе царила полная тишина, лишь кое-где лениво побрехивали собаки. Как почти всегда в таких случаях бывало, слух о нашем выступлении какими-то неведомыми путями нас опередил, и на околице мы были встречены несколькими пожилыми крестьянами во главе с кметом, который меня поспешил заверить, что перепившихся и заваривших кашу скандалистов уже уняли собственными силами и в нашей помощи нет никакой надобности.

Во время этого доклада чувствовал я себя весьма неловко. По иронии судьбы, встреча произошла в нескольких шагах от ямы, в которой всего месяц назад я делал саман этому самому кмету! Тогда я ему, как обычно, говорил, что был простым солдатом, теперь он с удивлением поглядывал на мою амуницию и офицерские погоны, я елозил глазами по сторонам, и оба мы усиленно делали вид, что друг друга не узнаем. После этого случая я больше никогда не ходил в Костантиново работать.

Весь этот сумбурный период завершился общим коммунистическим восстанием, которое было хорошо подготовлено Георгием Димитровым, позже стяжавшим себе громкую известность, – и вспыхнуло одновременно по всей стране, в крупных индустриальных центрах приняв грозные

размеры. Оно было подавлено в течение нескольких дней, при активном участии русских белых частей, так как на их казармы восставшие нападали прежде всего, и с первого момента всем нам стало ясно, что дело тут идет не только о судьбе Болгарии, но и о нашей собственной.

В Тырново-сейменском округе все ограничилось мелкими и разрозненными выступлениями, явно имевшими целью только отвлечь часть воинских сил правительства от более важных очагов восстания. Тут все это было быстро ликвидировано без участия русских, силами одного лишь болгарского конного полка. Но в других местах наши воинские части сыграли в этих событиях заметную, если не решающую роль. Так было, например, в районе города Белградчика, где восстание развивалось вначале особенно успешно и в ожесточенных боях было подавлено частями Марковской дивизии, под командованием генерала Пешни.

В этой попытке захватить власть красные силы Болгарии потерпели сокрушающее поражение – согласно довольно правдоподобным слухам, только убитыми они потеряли около двадцати тысяч человек. Главные руководители восстания, Димитров и Коларов, бежали за границу, и после этого в стране наступило полное и продолжительное спокойствие.

Митю Ганев

В те годы, и как раз в нашем районе, подвизался неуловимый разбойник Митю Ганев, который в Южной Болгарии был столь же прославлен и знаменит, как достопамятный Зелимхан на Кавказе. О его грабежах и похождениях по всей стране ходили легенды, да и в самом деле это был человек незаурядный и не лишенный своеобразного благородства и великодушия.

В нынешнее время почти каждый бандит прикрывается той или иной политической идейностью: борюсь, мол, с капитализмом и социальной несправедливостью, граблю и режу из протеста против войны во Вьетнаме или дискриминации черных в Родезии и т. п. Это обеспечивает человеку и хорошие доходы, и предельную снисходительность суда. Митю Ганев – порождение иной эпохи – был более примитивен: ни в какую политическую тогу он не драпировался, но, грабя богатых, часто помогал бедным и тем стяжал себе в народе симпатию и популярность. В случае надобности, ему и членам его шайки в любом селе давали приют и убежище, помогая уйти от преследования, а потому властям, которые устраивали на Ганева частые облавы, никак не удавалось поймать его.

В одном селе, где мне не раз случалось батрачить, прямо из

первоисточника слышал я такую историю: жил там пребедный мужик, который по весне, за неимением волов, вышел пахать свое поле на какой-то совершенно неподобной паре – кажется, в плуг у него были впряжены корова и осел. Увидал это проезжавший мимо Митю Ганев, остановился, обстоятельно расспросил мужика и тут же дал ему шестьдесят тысяч левов.

– Вот тебе деньги на пару хороших волов. Но покупай их непременно на этой же неделе и только у такого-то, – тут он назвал фамилию известного богатея, жившего в соседнем селе. – А если купишь у другого, волов у тебя отберу.

Мужик все исполнил в точности, а в одну из ближайших ночей к богатею явился Митю Ганев и отобрал свои деньги. Разумеется, в данном случае благотворительность ему ничего не стоила, но в разных селах я знавал и других людей, которым разбойник помог стать на ноги или выпутаться из какой-либо беды.

Русских Митю Ганев не трогал, и по отношению к нему мы держали строгий нейтралитет, ибо в противном случае нас, работающих безоружными по глухим селам, начали бы резать поодиночке, как цыплят. А так мы друг друга не опасались, и кое-кому из нас даже доводилось с ним встречаться и мирно беседовать.

Так, однажды, когда трое наших саманщиков – не помню уж, кто именно, – работали возле самой дороги на окраине какого-то села, к ним подъехали два верховых болгарина.

– Алла гюле (по-турецки «Бог на помощь»; в Южной Болгарии это приветствие почти всегда говорили именно по-турецки), братушки, – сказал один из них. – Вы здесь давно работаете?

– С самого рассвета, – ответили ему.

– А солдат на этой дороге не видели?

– Нет. Кроме двух крестьянских телег и одного селяка верхом на осле, никто сегодня тут не проезжал.

Получив этот ответ, всадники въехали в село, а через полчаса сюда же прибыл взвод конницы из Харманли, преследовавший Митю Ганева. Но он как в воду канул – крестьяне его хорошо спрятали.

В другой раз наш приятель, кубанский сотник Григорьев, в одном из сельских дукьянов как-то вечером разговорился у стойки с симпатичным болгарином. Они выпили по нескольку рюмок водки, угощая друг друга, но, когда Григорьев хотел заплатить свою долю, его собутыльник этому решительно воспротивился.

– За Митю Ганева в кабаках никто не платит, – сказал он, положил на стойку столевовую бумажку и не торопясь вышел.

Изумленный Григорьев спросил у кабатчика – правда ли это был Митю Ганев?

– Кто тебе сказал? – вопросом ответил последний.

– Да он сам!

– Сюда заходят разные люди, и до их имен мне нет дела. Про этого человека я знаю только одно: он никогда не лжет.

Такие безоблачные отношения продолжались у нас свыше двух лет, но потом случай их внезапно испортил. Из государственного банка в городе Хасково, в тридцати километрах от нас, должны были отвезти на автомобиле пять миллионов левов какому-то учреждению в Харманли. Дело готовили в строгой тайне, но Митю Ганев, у которого повсюду были свои люди, заранее разведал все подробности и в удобном месте устроил на дороге засаду. Когда появился автомобиль, в котором ехали два банковских чиновника с деньгами, шестеро вооруженных револьверами бандитов выскочили из кустов, преградили ему путь и приказали остановиться. Но вместо этого шофер – русский капитан, видавший и не такие виды, – дал полный газ и под градом пуль прорвался сквозь препону. Один из чиновников получил тяжелое ранение, но деньги были спасены, а Митю Ганев, у которого неудачи случались очень редко, был вне себя от ярости. По всей Болгарии циркулировала сказанная им фраза: «Русский у меня вырвал из рук пять миллионов, за это он поплатится головой, да и соотечественники его пускай теперь от меня добра не ждут!»

Шоферу дали крупные наградные и порекомендовали ему сразу же уехать из Болгарии, что он и сделал, а мы, уходя на работу, стали остерегаться и иной раз прихватывать с собой револьверы. Но к счастью, никто из нас не пострадал, так как для мести судьба оставила Ганеву очень мало времени. Его операции принимали все более крупный размах, на дорогах в нашей области стали грабить проезжих напропалую, бесстрашный и щедрый разбойник превращался в кумира всей болгарской бедноты, и правительство наконец решило взяться за него всерьез.

Однажды, зная наверно, что все ядро его шайки в данный момент находится где-то в лесу между городами Хасково, Тырново-Сеймен и Харманли, весь этот гористый и безлюдный район, диаметром около двадцати километров, оцепили войсками и, тщательно прочесывая местность, стали стягивать круг. В этой грандиозной облаве приняли участие два болгарских полка, несколько рот пограничной стражи, жандармские соединения и даже наша русская сводная рота, насчитывавшая полтораста человек. Отказывать болгарам в этой помощи теперь у нас не

было оснований – после «порчи отношений» в ликвидации бандита были заинтересованы и мы.

Нам достался сравнительно легкий участок, между шестым конным полком и какой-то жандармской частью. Рассыпавшись в цепь, мы часа три поднимались по заросшему редким лесом склону горы и, когда уже были недалеко от ее вершины, справа от себя услышали интенсивную стрельбу. Через несколько минут она затихла, а вскоре прибыл нарочный от начальника отряда, который передал, что все разбойники перебиты и мы можем возвращаться восвояси.

Вскоре мы узнали следующие подробности: Митю Ганев и семеро других бандитов, когда убедились, что они окружены, на участке Хасковского пехотного полка вышли из кустов с поднятыми руками, в знак сдачи держа в них белые платки. Солдаты спокойно ждали, но, приблизившись к их цепи вплотную, разбойники, которые держали под платками револьверы, внезапно открыли огонь и попытались прорваться, однако это не удалось, и их всех перестреляли.

Тела привезли в Хасково, там, не долго думая, отрезали им головы, вздели их на пики и с победными криками стали носить по улицам города. Но в самый разгар этого торжества из Софии пришла телеграмма: всех мертвых бандитов повесить на центральной площади в Хасково и оставить там на три дня, для всеобщего обозрения и устрашения. Повесить безголовых покойников было мудрено и невразумительно, но начальник хасковского гарнизона был человек находчивый: он распорядился пришить проволокой разбойничьи головы к телам и затем выполнить приказ, полученный из столицы.

Сказано – сделано: бандитам присобачили головы и выложили их рядком на площади, пока шло сооружение виселиц. Вокруг толпилось множество горожан, привлеченных редким зрелищем, подошли поглазеть и какие-то селяки. Они долго приглядывались, переходя от тела к телу, а потом подняли галдеж: мы, мол, Митю Ганева отлично знаем – вон его голова, но она приделана к чужому туловищу! Да и вообще все головы попали тут не на свои места. И кто знает, какие ужасные последствия это может иметь в загробной жизни!

Под напором общественного мнения «шорникам» пришлось переделать свою работу, и, когда все оказалось в порядке, разбойников развесили на площади, чтобы другим неповадно было.

Кирпичи и то, что было после

В наших краях, кроме самана, делались полевым способом и настоящие кирпичи, так что при скудности здешних возможностей русским пришлось освоить и эту индустрию. Кирпичным производством у нас занимались преимущественно кубанцы, но иной раз крупные подряды перепадали и сергиевцам. Нередко составлялись и смешанные артели, так как все мы передружились и жили фактически одной военно-рабочей семьей.

На кирпичах, в случае удачи, можно было заработать еще лучше, чем на самане, но эта работа требовала более продолжительного времени и была сопряжена с известным риском: саман дождя не боится, а кирпич-сырец к нему чрезвычайно чувствителен, таким образом, в случае внезапной непогоды иной раз погибало несколько тысяч свежевыложенных кирпичей, которые еще нельзя было сложить в штабели и прикрыть. А исключительно сильный ливень-«косохлест» мог размыть и сложенные, так как они были накрыты только сверху. Правда, это случалось редко, – лето в Южной Болгарии чаще бывает засушливым, чем дождливым, – но все же, по сравнению с саманной работой, это был минус. Однако существовал и плюс: заказы на саман редко превышали десять тысяч штук и выполнялись за неделю, тогда как кирпичей почти никогда не заказывали меньше ста тысяч, что обеспечивало работу по крайней мере на месяц, и притом двойному количеству людей.

Между саманщиками и кирпичниками у нас существовал некий добродушный антагонизм, примерно такого типа, как существует между охотниками и рыболовами. Но однажды, когда кто-то из сергиевцев нанюхал выгодный подряд на сотню тысяч кирпичей и, чтобы не упустить его, спешно подыскивал компаньонов, наша конно-артиллерийская тройка, хотя и принадлежала к лагерю саманщиков, согласилась принять в этом деле участие. И в результате никто из нас об этом не пожалел.

Работать нужно было возле большого села Броды, в семи километрах от Сеймена. Так как нам предстояло пробыть тут не меньше месяца, хозяин на живую нитку соорудил для нас «кулибу» – трехстенный дощатый барак, в котором мы все поместились. Он стоял в тени деревьев, почти на самом берегу Марицы. Тут же шла и наша работа.

Бригада кирпичников включала обычно восемь человек. Из них трое беспрерывно готовили «кал», тем же способом, что и для самана, только без прибавления соломенной трухи, и вымешивать ногами его надо было гораздо тщательнее, ибо малейшие комочки земли и иные примеси отражались на качестве кирпичей. Эти же трое нагружали готовым материалом тачку, четвертый рабочий ее возил и опорожнял на широком

деревянном столе, за которым «мастер» при помощи специальной дощечки заполнял этим материалом двухкирпичные деревянные формы – ящички. Шестой и седьмой мотались как белки в колесе: поочередно, поставив на стол порожнюю форму и подхватив наполненную, они бежали с нею на хорошо выровненную площадку для выкладки и там, быстро перевернув форму и оставив на земле два новорожденных кирпича, снова бежали к столу. Это напоминало детскую игру с формочками и мокрым песком, но тут «игра» продолжалась от утренней до вечерней зари, и, не будучи убежденным мазохистом, посчитать ее приятным развлечением было весьма трудно. Восьмой персонаж делал подсобные работы: во-первых, на сложенном тут же примитивном очаге готовил на всю артель еду, так как подряды на кирпич всегда брались на своих, а не на хозяйских харчах; во-вторых, переворачивал на площадке подсыхающие кирпичи, а потом складывал их в «банкеты» и накрывал сверху железными листами. Если работали всемером, то все это делали совместно они же.

Когда бывало заготовлено пятьдесят тысяч штук «сырца», из них складывали печь для обжига. Она имела форму сильно усеченной пирамиды, и кирпичи в ней клались особым образом, с промежутками между слоями и между рядами, эти промежутки заполнялись мелкой каменноугольной щебенкой и трухой. Кое-где оставлялись поддувала и каналы для тяги воздуха, затем это сооружение со всех сторон обмазывали глиной и снизу поджигали. В этот момент наша работа считалась законченной, и мы получали деньги за вложенное в печь количество кирпичей, а разборка печи – это уже было дело хозяина. Горела она недели три, причем в ней развивалась такая температура, что ночами вся пирамида светилась как монолит раскаленного докрасна железа. И потом проходил еще добрый месяц, пока она остывала.

В своем бараке мы навели посильный уют, на внутренних стенах над каждой постелью взамен визитной карточки поместили стихотворную эпиграмму на ее владельца, а на фронтоне крупными и красивыми буквами вывели надпись: «Вилла Раскесан Живот», по-болгарски это значит «Разбитая жизнь». Дня через два наведался к нам хозяин-заказчик, прочитал и чуть не заплакал:

– Братушки! Да разве вам здесь так плохо? Может быть, вам нужен аванс или еще что-нибудь? Если так, вы мне только скажите…

Мы поспешили его успокоить, сказав, что, будучи артистами-любителями, сейчас разучиваем театральную пьесу, название которой поместили, для вдохновения, над входом в кули бу. В

подтверждение своих артистических наклонностей показали ему принесенную с собой гитару.

Надо заметить, что под этой трагической вывеской жили мы не так уж скверно. Компания у нас подобралась дружная и «трепливая», работали мы почти все время в тени, не слишком страдая от жары, два-три раза в день купались в реке, ели сытно, вечера проводили в веселой болтовне, а потом безмятежно и «бесклоповно» засыпали под пение цикад и лягушек.

Прослышав о нашей привольной, «дачной» жизни, по воскресеньям иногда приходили к нам из Сеймена гости, даже с дамами, и полуэкспромтом устраивались веселые пикники. Везло нам и с погодой – сильных дождей не было, ни одного кирпича мы не потеряли и, проработав тут месяц с лишним, к началу августа сложили вторую печь и с хорошим заработком отправились в казарму отдыхать.

Еще по дороге в Сеймен, строя планы на ближайшее будущее, мы единогласно решили в первое же воскресенье организовать роскошный пикник и пригласить на него нескольких молодых дам и барышень, пользовавшихся в офицерской среде особенным успехом. Но когда мы принялись действовать в этом направлении, нас ожидал неприятный сюрприз: оказалось, что группа кубанцев предвосхитила нашу идею и в намеченное воскресенье уже пригласила на пикник всех представительниц прекрасного пола, в которых мы были заинтересованы.

– Досадно, – сказал кто-то из наших, когда обсуждалось создавшееся положение. – Конечно, куда вольготнее было бы попикниковать без конкурентов, имея дам в своем единоличном распоряжении, но теперь волей-неволей придется объединиться с кубанцами.

Однако объединиться не удалось. Дружба дружбой, но кунаки тоже придерживались того мнения, что ухаживать за дамами лучше без помехи со стороны соперников. Наших толстых намеков на желание присоединиться к их пикнику они упорно не понимали, и в воскресенье, едва спала дневная жара, забрав с собою весь дамский цветник и корзины со снедью, отправились на речушку Юрочку – традиционное место всех русских пикников и «детских криков на лужайке».

Мы приуныли и обозлились. Но вдруг у кого-то возникла блестящая идея, позволявшая не только разыграть обособившихся кубанцев, но и самим присоединиться к общему веселью. Немедленно был найден и посвящен в наш план В. Субботин, который был не только гарнизонным фотографом, но и гримером русской театральной труппы. Так как кубанцы в числе прочих барышень увели на пикник и его зазнобу, от этого плана он

пришел в полный восторг и не теряя ни минуты принялся действовать. За каких-нибудь два часа, при помощи театрального реквизита и грима, он превратил нас в таких богомерзких бродяг и оборванцев, что мы сами не в состоянии были распознать друг друга. Точно таким же образом он обработал присоединившегося к нам Оссовского и загримировался сам, после чего, в наступивших сумерках, все мы небольшими группами вышли из казармы, задворками пробрались в ближайший овраг и по его дну спустились в долину Юрочки.

Еще издали мы заметили пикникующую компанию, и густой кустарник позволил нам незаметно сосредоточиться шагах в двадцати от нее. Перед нашими взорами теперь развернулась картина вполне идиллическая: посреди поляны пылал большой костер, а чуть в стороне, на ковре, разостланном под деревом, виднелся солидный жбан, как после выяснилось, с крюшоном, и вокруг него живописная россыпь всевозможных закусок и бутылок. Видно, все уже основательно подкрепились, и теперь каждый развлекался согласно своим вкусам и потребностям. Несколько человек сидели на ковре со стаканами в руках и мирно беседовали, остальные разбились на парочки, из коих две уединенно ворковали под деревьями, а три другие, тоже на некоторой дистанции друг от друга, танцевали под звуки патефона, который выдавал вальс «Лесная сказка». Всего мы насчитали тут семь дам и восемь кавалеров, из коих старшим был полковник Евгений Васильевич Кравченко[123], еще молодой и во всех отношениях образцовый офицер, пользовавшийся у нас всеобщей любовью.

Мы решили появиться на поляне не все сразу, а накапливаться на ней постепенно, справедливо рассудив, что в этом случае психологический эффект будет сильнее. Первыми вышли из-за кустов трое самых «живописных» – Оссовский, Субботин и я. Мы остановились в нескольких шагах от костра и молча принялись созерцать происходящее. Появление трех бродяг тут никого, понятно, не встревожило, но на всех произвело заметно неприятное впечатление.

– Вот же принесли сюда черти этих храпоидолов, – минуты через две промолвил кто-то из молодых офицеров. – Уставились на нас, как в цирке, и стоят будто к месту приросли! Не наладить ли их отсюда по шеям?

– Да пускай себе стоят, – благодушно отозвался Кравченко. – Смотреть никому не возбраняется, наипаче в своем собственном отечестве. Поглазеют и пойдут своей дорогой.

Но этот прогноз не оправдался, уходить мы не собирались. Наоборот, через несколько минут к нам присоединились еще два

оборванца, а затем с небольшими промежутками из-за кустов стали появляться и остальные.

– Ого, их уже восемь, – с некоторой тревогой в голосе заметил наш «корешок» Григорьев. – А вон и еще двое тащатся, тоже, наверное, не последние!

– И рожи у всех каторжные, прямо как на подбор, – добавил кто-то другой.

– На селяков они не похожи, должно быть, какая-то банда. Что будем делать, Евгений Васильевич?

– Да ничего, пока они стоят смирно и никого не трогают, – ответил Кравченко. – С нами дамы, и надо по возможности избегать скандала. Ведите себя как ни в чем не бывало, словно их здесь и нет, но будьте начеку.

Не сомневаясь в том, что мы болгары, «неприятель» переговаривался по-русски не таясь и тем сильно облегчал нам образ действий – его карты были перед нами открыты. И от созерцания мы начали переходить к активности, явно показывая, что не прочь принять участие в общем веселье. Чуть поодаль от других с дамой моего сердца танцевал красивый сотник Хинцинский. Я подошел к ним вплотную, поглядел с минуту и сиплым голосом по-болгарски сказал:

– Братушка! Я тоже хочу потанцевать. Ты поди отдохни, а мне оставь свою девочку, ей со мною скучно не будет!

«Девочка» заметно побледнела; Хинцинский ощерился как волк, я прекрасно понимал, как пламенно ему хотелось дать мне по уху, но за поясом у меня торчал здоровенный кухонный нож, и это принуждало его к сдержанности. Не вступая со мной в пререкания, они начали подтанцовывать ближе к своим, но я топтался вокруг них и продолжал приставать.

В таком же духе вели себя и другие «бандиты». Трое, обступив сидевшую под деревом парочку, громко обменивались впечатлениями относительно красоты и прочих достоинств насмерть перепуганной дамы. Я заметил, как она закрыла рукой золотую брошку, приколотую на груди, а потом, улучив минуту, сунула ее в траву за своей спиной. Двое приставали к виночерпию, с оттенком угрозы выпрашивая у него по стакану «жибровой» (водка из виноградных выжимок). Но нахальнее всех вел себя Оссовский: задирая по пути встречных и поперечных, он приближался к ковру, на котором сидел полковник Кравченко.

– Ну, видно, придется дать этой сволочи отпор, – промолвил последний. – Приготовьтесь-ка, братцы, на всякий случай!

Услыхав это, я благоразумно приотстал от Хинцинского, чтобы он внезапно не треснул меня чем-нибудь по черепу. Оссовский тем временем подошел к самому ковру, поглядел на

разложенные тут закуски и одобрительно заметил:

– Добрые люди эти руснаки, еды наготовили на всех!

С этими словами он взял из корзинки пирожок и, громко чавкая, принялся жевать его. Это переполнило чашу кубанского терпения.

– Господа офицеры, за мной! – крикнул Кравченко и, вскочив на ноги, сплеча замахнулся на Оссовского. Сохранять инкогнито больше было нельзя. Отскочив в сторону, Оссовский закричал:

– Стойте, Евгений Васильевич, тут все свои!

– То есть как свои? Кто вы такой? – спросил изумленный полковник, все еще его не узнавая.

– Подпоручик Оссовский, к вашим услугам!

– Леонид Викторович! Рискованную же вы затеяли шутку: ведь еще секунда, и я съездил бы вас по портрету, ну что бы это было?

– Я все время был настороже и, как видите, вовремя закончил игру. Но признайтесь, страху на вас мы все-таки нагнали?

– Да что и говорить, чувствовали мы себя не очень уютно. Нас восемь человек безоружных, с нами женщины, а тут целый десяток отъявленных бандитов, с ножами и, как можно было полагать, с револьверами. Положение было не из приятных!

– А ты кто такой? – спросил меня повеселевший Хинцинский.

Я представился.

– Мишка, неужели в самом деле ты?! Тебя бы с такой харей родная мать не узнала! Ну, давай выпьем по чарке, а потом можешь танцевать с «моей девочкой», если она простит тебе свой испуг.

Ввиду того что у всей кубанской компании после страшного напряжения нервов теперь сразу отлегло от сердца, на нас не только не рассердились, но приняли с радушием, близким к энтузиазму. В руках у всех очутились наполненные стаканы, начался обмен впечатлениями и дружный хохот.

Пикник закончился на редкость весело, и, надо думать, его участникам запомнился на всю жизнь.

Новозеландские туристы

К середине августа в казарме снова скопилось довольно много офицерской молодежи, которая беспечно проживала свои предыдущие заработки и не спешила с поисками новой работы. Кое-кто уже совсем выдохся и перешел на кредит, что не ускользнуло от зоркого ока полковника Мамушина. Началась очередная волна гонений, и нам пришлось постепенно сдавать свои непрочные позиции.

Первыми ушла искать саман четверка самых «сознательных», во главе с Земсковым – старшим из молодых офицеров-сергиевцев. День или два спустя в поход по окрестным селам вышли еще две группы саманщиков. Судя по тому, что в ближайшие дни никто из них не возвратился, работу они нашли. Наша неразлучная тройка, пополненная Тихоновым, тоже была уже накануне выступления, когда неожиданный случай заставил нас переменить планы.

Из соседнего города Харманли приехал наш сергиевец Костя Пахиопуло, служивший там музыкантом в болгарском конном полку. Попутно отмечу – в Болгарии так люто ненавидели греков, что даже всемогущий полковник Златев не рискнул принять Костю под его подлинной фамилией и записал как Косту Попова, каковым он после этого и остался до конца своей недолгой жизни. Теперь он нам сообщил, что в Харманли для нескольких человек есть выгодная работа: надо выкопать котлован под табачную фабрику, которую там собираются строить. По приблизительным подсчетам подрядчика, предстояло вынуть шестьсот кубических метров земли; платили сдельно, по 35 левов за кубометр, и работу надлежало закончить за две недели.

Мы быстро подсчитали, что для этого потребуется десять человек и заработок составит по две тысячи левов на каждого. Это было очень недурно, и потому все тут же решили, что следует взять этот подряд.

– А как мы там устроимся с харчами? – поинтересовался Крылов.

– Будете лопать в ресторане, – ответил Пахиопуло, – там их сколько угодно, и вполне пролетарских, и совсем приличных. Дороже полтинника в день вам довольствие не обойдется, даже с винишком, а гнать вы будете почти вчетверо больше.

– Ну а жить где будем?

– Тебе еще летом где-то жить! – возмутился Смирнов. – Тоже выискался барин! Возле постройки небось найдется какое-нибудь дерево, под ним и расположимся, а если пойдет дождь, попросимся к кому-нибудь из соседей в сарай – только и всего.

Безработных сергиевцев оставалось в казарме всего семеро, – пополнив группу тремя кубанцами, в тот же день после обеда мы поездом выехали в Харманли, до которого было полчаса езды.

Невзрачный харманлийский вокзальчик находился почти за три километра от города, что очень удивляло неискушенного путешественника: место было идеально ровным и ничто не препятствовало его постройке на самой окраине. Во всяком случае, городские власти были в этом настолько уверены, что отказались дать взятку строившему дорогу инженеру, и тот не

замедлил научно доказать, что поставить вокзал ближе к городу не позволяют почвенные условия.

По примеру прочих пассажиров протопав эти три километра пешком, мы вошли в город. Он был невелик, но все же, по сравнению с Сейменом, казался столицей. Тут были мощеные улицы, электрическое освещение, несколько вполне приличных магазинов и ресторанов; по воскресеньям в городском скверике играл военный оркестр, а по большим праздникам даже функционировал кинематограф.

Ехавший с нами Коста Попов, «урожденный Пахиопуло», немедленно представил нас подрядчику, и вместе с ним мы отправились к месту работы. Это был большой пустырь, находившийся почти в самом центре города. Тут подрядчик дал нам все необходимые указания и вручил ключ от сарайчика, в котором хранились инструменты, чтобы мы могли приступить к работе на рассвете следующего дня.

В непосредственной близости мы обнаружили довольно уютный дукьян, куда зашли по окончании дел, чтобы отдохнуть и чем-нибудь освежиться. Узнав, зачем мы приехали в Харманли, и сразу поняв, что среди нас нет членов общества трезвости, хозяин радушно предложил нам расположиться у него во дворе, под навесом, где мы можем совершенно безвозмездно держать свои вещи и ночевать, пока не закончим работу. Очень довольные столь удачным разрешением жилищного вопроса, мы спросили, нельзя ли будет тут же и столоваться? Но наш кабатчик промышлял только напитками и еды не готовил. Однако он тут же дал нам адрес ресторана, принадлежавшего его родственнику, который, по его словам, будет нас отлично кормить, и к тому же, если потребуется, в кредит, до получки.

Мы без труда нашли этот ресторан и были изрядно разочарованы: он оказался вполне приличным, едва ли не лучшим в городе. Нас более устраивала какая-нибудь обжорка, куда бы мы могли приходить в том же виде, в каком работали, ибо на переодевание и наведение на себя хотя бы относительного лоска у нас не было ни времени, ни охоты. Мы без обиняков высказали это хозяину. Последний, очевидно уже знакомый с русскими аппетитами, узнав, что нас десять человек и что две недели мы тут будем обедать и ужинать, поспешил нас заверить, что в его учреждении о клиентах судят не по одежке, а по манерам и прочим нравственным достоинствам. Соглашение было достигнуто, и, для начала тут же сытно поужинав, конечно в кредит, мы отправились спать. В нашей «гостинице» под навесом оказалась большая куча свежей соломы, из которой получились роскошные постели. Заоравшие вокруг петухи разбудили всех на

рассвете. Утренний наш туалет много времени не требовал: стряхнув с одежды налипшую солому и сполоснув физиономии дождевой водой из стоявшей во дворе бочки, мы высыпали на пустырь. На всех углах будущего котлована уже были вбиты колышки, мы натянули между ними шнуры и приступили к работе.

Стояла засуха, верхний слой почвы был сухим и твердым, его пришлось кирковать, но глубже земля была податлива, а местами попадался почти чистый песок, так что дело у нас пошло успешно. Когда начало сильно припекать солнце, мы рискнули сбросить рубахи, почти не сомневаясь в том, что какие-нибудь блюстители власти и нравственности нас очень скоро призовут к порядку. К нашему удивлению, этого не случилось – публика в Харманли оказалась более либеральной, чем в селах, и никто нас в развратном поведении не обвинил.

В полдень мы зашабашили и, слегка помывшись, направились в ресторан, до которого от места работы было кварталов пять. Шли посреди улицы, гурьбой и вид имели вполне экзотический: все были в обрезанных выше колена армейских штанах, у кого защитного, у кого черного цвета; на голые плечи, как гусарские ментики, были наброшены замызганные английские френчи, а головы у всех были обтянуты колпаками, сделанными из верхней части дамских чулок, – в ту пору это был у нас самый модный головной убор. На главной улице прохожие, пяля глаза, довольно громко строили на наш счет всевозможные предположения, а когда мы стали входить в хороший ресторан, какой-то молодой человек, явно репортерского вида, приблизился и вежливо спросил:

– Скажите, господа, кто вы такие?

– Новозеландские туристы, – ответил я. – Мы совершаем кругосветное путешествие пешком. Уже прошли Тихий океан, Гренландию, пустыню Сахару и третьего дня, прямо из Индии, пришли сюда.

– И нравится вам Болгария?

– Страна хорошая, только дураков много.

Закончив на этом интервью, мы вошли внутрь, уселись за столики, к большому удовлетворению хозяина, съели по два, а кто и по три обеда и, перекурив, отправились продолжать работу.

Дальше все шло у нас благополучно, мы закончили в срок, и наконец, наступил день сдачи готового котлована подрядчику, – после обеда он должен был произвести точный обмер сделанного и, соответственно, с нами расплатиться. Разумеется, предварительно мы все вымеряли сами, причем обратили внимание на следующее обстоятельство: котлован имел форму

буквы «Г», но «палочки» этой гигантской буквы смежались не под прямым, а чуть острым углом, что, конечно, должно было отразиться на измерении кубатуры.

– Так вот, братцы, – сказал Тихонов, произведя подсчет, – на самом деле мы выкопали пятьсот восемьдесят шесть кубических метров. Но если подрядчик не сообразит, что тут острый угол, и посчитает его за прямой, получится на двадцать восемь метров больше.

– Черта с два не сообразит, он на таких делах собаку съел, – промолвил Крылов. – Еще и на этом остром углу нас обсчитать попробует!

– Желание обсчитать у него, безусловно, будет, но в геометрии он едва ли силен. Во всяком случае, попытаемся всучить ему этот угол за прямой.

– Правильно, – добавил Смирнов. – Но я человек суеверный и, чтобы дело выгорело, предлагаю дать заранее обет: в случае успеха весь излишек этим же вечером пропьем, ведь поезда на Сеймен сегодня уже нет и ночевать все равно придется здесь.

Все с энтузиазмом приняли это предложение, а я пополнил его следующим, тоже единодушно одобренным:

– Ликвидацию излишка организуем не в ресторане, а в «своем» дукьяне. Надо же чем-то отблагодарить хозяина за гостеприимство.

Успех сдачи котлована превзошел наши ожидания: подрядчик не только посчитал угол прямым, но сверх того еще намерял на три кубических метра больше, чем получалось у нас. Иными словами, нам заплатили почти тысячу сто левов лишних.

Вечером мы довольно скромно поужинали в своем обычном ресторане, рассчитались с хозяином и, около восьми вернувшись «домой», удобно расположились в почти пустом дукьяне, сдвинув вместе три столика.

– С чего начнем? – деловито спросил Смирнов.

– Заказывай литр сливовицы, а дальше будет видно, – ответил я.

– Постойте, господа, – вмешался Тихонов. – Мне кажется, вы не учитываете всей трудности нашего положения: сливуха и прочие виды водки стоят по пятьдесят левов литр, а мы дали обет пропить за эту ночь, и в этом дукьяне, тысячу сто левов. Выходит больше двух литров на рыло. А если будем пить вино, придется выпить по целому ведру. Дело немыслимое!

– Значит, надо пить более дорогие напитки, только и всего. Шампанское здесь найдется?

– В таком кабаке шампанское! Ишь чего захотел!

– Зови хозяина, сейчас его расспросим!

Из интервью с дукьянщиком выяснилось, что, кроме напитков, явно неподходящих нам по цене (их стоимость не превышала семидесяти левов за литр), у него есть целая батарея ликеров, которые он приобрел на заре своей деятельности, когда еще верил в людей и в их эстетические запросы. Но его клиентура пила только водку, вино и кофе, а ликеры в своей девственной неприкосновенности до сих пор стоят на верхней полке, покрытые толстым слоем пыли. Стоили они по сто левов бутылка (бутылки были литрового объема).

– Ну что ж, займемся ликерами, – сказал Крылов. – Десять бутылок за ночь с Божьей помощью одолеем. Хозяин, для начала гони на стол бенедиктин, да лучше сразу в двух экземплярах.

Бенедиктин был недурен, и эти первые две бутылки мы выпили не без удовольствия, придерживаясь всех правил хорошего тона. Но на третьей кто-то заметил:

– Если мы будем так его смаковать, то нашу программу и за два дня не выполним. Предлагаю впредь обращаться с ликером как с водкой и глушить рюмку одним глотком.

– Правильно! Только при этом нужна какая-нибудь подходящая закусь.

Но, увы, хозяин уже давно не верил, что кто-нибудь станет здесь пить ликеры, у него не нашлось даже печенья. Он мог нам предложить только сушеную воблу и чеснок. Это под ликеры-то! Мы с негодованием отказались. Час был уже поздний, лавки давно закрылись, и наша попытка купить что-нибудь в городе успехом не увенчалась. Мы выпили еще бутылку шартреза под воспоминания и бутылку мараскина под анекдоты, а потом заказали кюрасо… воблу и чеснок.

Десятую бутылку с трудом прикончили в пять часов утра. Помню, это был «анис» – меня до сих пор мутит при одном упоминании об этом ликере. Кое-как мы добрались до своего логова и повалились на солому.

Обет был честно выполнен, но более отвратительного «каца» никто из нас за всю жизнь не переживал. Утром, стоило сесть или даже только приподнять голову, и казалось, что по ней начинали колотить кувалдой; в недрах организма творилось что-то жуткое, во рту будто переночевал хорек… Проклиная подрядчика, не сумевшего правильно подсчитать кубатуру, мы провалялись под навесом до обеда, затем семерым удалось вовремя добраться до вокзала и уехать. Крылов, Тихонов и я к сейменскому поезду опоздали, с горя основательно пообедали, опохмелились и снова улеглись спать.

Проснулись мы уже в сумерках, теперь чувствовали себя вполне нормально и, чтобы не томиться тут почти сутки, до

следующего поезда на Сеймен, решили идти туда пешком, – расстояние не превышало двенадцати километров, и ночь обещала быть светлой. Но вопреки этому небо вскоре начало покрываться тяжелыми тучами, и на половине пути нас настигла гроза. В кромешной тьме сбившись с пути, мы двигались наугад, надеясь набрести на какое-нибудь укрытие от начинающегося дождя. Наконец увидели вдалеке слабо мерцающий огонек и пошли на него.

Это оказалась маленькая и ветхая водяная мельница, стоявшая на берегу Марицы. Одиноко живший там старик мельник принял нас радушно, угостил хлебом и арбузами, потом притащил откуда-то большую охапку душистого сена, которая послужила нам постелью.

Этот случайный ночлег запомнился мне навсегда, ибо все сами по себе убогие детали этой обстановки так гармонично сливались в нечто почти колдовское, порождающее чувство какого-то особого уюта и умиротворения. Снаружи бушевала гроза, постепенно удаляясь, под полом нашего помещения монотонно кряхтели жернова – мельница работала, с ее медленно вращавшегося колеса мелодично сбегали струйки воды, а в запруде лягушки восторженным хором славили Бога за то, что не создал их людьми и не усложнил их жизнь политическими проблемами.

Все это сладостно убаюкивало, мягко наплывал сон, но я долго старался не поддаться ему, чтобы полнее насладиться этим полусказочным очарованием.

Улыбки осени

Наступил сентябрь, не за горами была новая зима. Сезонные работы в селах кончились, близость осенних дождей положила конец полевому производству кирпичей, даже небольшой заказ на саман в эту пору можно было получить только в виде счастливого исключения. В казарму прибывало все больше безработных офицеров, но предстоящая зимовка уже не грозила нам такими бедствиями, как предыдущая. Денег, правда, никто не подкопил, но старые долги были уплачены, значит, открывалась возможность кое-где пользоваться кредитом; некоторые, работая по селам, заручились заказами на «обрешту», а главное – жили мы теперь не в сыром и холодном подвале, а в относительно благоустроенных помещениях. Но все же, отдавая себе отчет в том, что предстоит долгий период почти полного безденежья, сейчас все старались использовать последние возможности как-то увеличить свои скудные фонды.

Из осенних работ имелась одна для всех вожделенная, но мало кому доступная: погрузка в вагоны сахарной свеклы. Ее в большом количестве выращивали здешние крестьяне, и всю их продукцию скупал какой-то крупный сахарный завод в Северной Болгарии. Приемным пунктом была станция Калугерово – туда все свозили свой урожай и после взвешивания сваливали его прямо под открытым небом, так что к началу погрузки вдоль одного из запасных путей здесь вырастал свекольный вал высотою в два-три человеческих роста и длиною метров двести.

Насчет погрузки всей этой свеклы в вагоны приемщик договаривался с каким-либо одним, опытным рабочим, которому поручалась организация дела, и он уже сам подбирал себе сколько требовалось помощников, сообразуясь с количеством свеклы и прочими обстоятельствами. Эта работа была чрезвычайно тяжелой, но исключительно выгодной: она оплачивалась сдельно, и тут за сезон, который в среднем продолжался недели три, можно было выгнать до пяти тысяч левов на каждого участника.

Монополию на эту погрузку из года в год держали в своих руках кубанцы, которые обосновались здесь раньше нас и установили с приемщиками прочные связи. Так вышло и в этом году: подряд на погрузку получил есаул Скориков[124], но в силу не помню уж каких причин из шести нужных ему человек он взял только троих казаков, а остальные три вакансии предложил Тихонову, Смирнову и мне, на что мы, разумеется, с радостью согласились. Мимоходом отмечу: одним из вошедших в эту группу кубанцев был сам начальник нашего гарнизона, генерал Олег Иванович Лебедев. Скориков, подбиравший в компанию самых выносливых и втянутых в работу людей, конечно, постеснялся ему отказать, хотя генерала никак нельзя было отнести к этой категории. Но к общему благополучию, он проработал всего три дня, а потом «сдался» и под каким-то благовидным предлогом возвратился в Сеймен. Надо отдать ему справедливость: на работе он держал себя с нами безукоризненно, – с достоинством, но как равный во всем член артели, и в этом отношении на капитана Арнольда нисколько не походил.

Свеклу надо было грузить в двадцатитонные вагоны-платформы с высокими бортами. Ту, что находилась ближе к железнодорожному полотну, метали в вагон особыми вилами – с шариками на остриях, – но по крайней мере две трети ее лежали на таком расстоянии, что вилами не добросишь, и тут приходилось действовать иначе: двое, при помощи тех же вил, беспрерывно наполняли свеклой большие, плетенные из грубого

лыка корзины, третий их носил. Ему с маху вскидывали на правое плечо четырехпудовую корзину, – придерживая ее рукой, он по доске взбегал на вагон, вываливал туда свеклу и бежал вниз, где ему на плечо сейчас же взлетала следующая корзина. При этом сильно страдало правое ухо, так как времени и возможности деликатно подавать на плечо груженую корзину ни у кого не было – все делалось на предельных скоростях. Периодически все менялись ролями.

Неприятной особенностью этой работы было то, что тут не существовало какого-либо расписания и установленных часов отдыха и сна. В подаче вагонов не было определенного порядка – никто не знал, когда и сколько их пришлют. Иной раз приходило восемь или десять, а бывало, придет сразу вдвое больше, и надо было их все нагрузить в кратчайший срок, так как фрахт оплачивался компанией посуточно и возрастал в геометрической прогрессии. Таким образом, если вагоны были, приходилось работать и днем и ночью, в любую погоду, с короткими перерывами для еды, иногда несколько суток подряд, – в этих случаях мы по очереди «выключались» часа на два, чтобы хоть немного поспать. Затем наступал перерыв, до прихода следующей партии вагонов. Иногда их пригоняли уже через несколько часов, и, не успев как следует отдохнуть, надо было снова браться за погрузку. А иной раз вагонов приходилось ждать по два-три дня, тогда мы отсыпались под станционным навесом и слегка подлечивали свои истерзанные корзинами уши.

Такое веселое времяпровождение продолжалось у нас около месяца, но увенчалось оно отличным заработком. При умении подзажаться, его могло бы хватить на всю зиму. Но этому препятствовала мечта, которую я лелеял давно, теперь можно было ее осуществить: разделаться раз навсегда с куцей и осточертевшей мне английской шинелью и заказать себе русскую, разумеется, самую тонную, – кавалерийского образца, – длина до шпор, обшлага «ласточками» и прочее…

Шинель получилась «на ять», но денег у меня осталось не густо.

Подходил к концу октябрь. Стояла дождливая осень, казарменный плац и улицы городка были покрыты лужами и непролазной грязью. Все прежние источники наших заработков полностью иссякли, прекратились даже постройки. До начала «обрешты» надо было ждать еще месяц, и для большинства обитателей казармы наступил период острого безденежья. В эту пору мы не брезговали возможностью подработать даже какую-нибудь мелочишку, но и такие случаи подворачивались редко. За весь октябрь мне удалось проработать всего полтора дня на

очистке какого-то двора, и я полагал, что щедрости осенней судьбы на этом для меня закончились. Но однажды, когда я от нечего делать корпел над каким-то злободневным стихотворением, в комнату вошел Смирнов и спросил:

– Миша, тебе не случалось когда-нибудь иметь дело со штукатуркой?

– От этого Бог миловал, – ответил я. – Мой строительный стаж ограничился всего пятью днями, да и то меня там употребляли в качестве ишака для таскания кирпичей. А чего это ты вдруг заинтересовался штукатуркой?

– Да можно на этом немного подработать. Возвращаясь из города, зашел я по пути в кабак – знаешь, второй отсюда, на углу, возле пекарни? Ну, там почти над самой стойкой обвалился кусок потолка, и хозяин меня спросил, нет ли у нас кого-нибудь, кто мог бы эту дыру поскорей заделать. Я, конечно, не сморгнув ответил, что сегодня же приведу мастера, и уже с дукьянщиком договорился: дает двести левов и сверх того обещает угостить вином.

– Надо спросить казака, может быть, он в этом что-нибудь смыслит. Во всяком случае, если там бесплатно будут поить вином, пойдем все трое, и авось кривая вывезет.

Выслушав нас, Крылов храбро заявил:

– О чем тут еще думать? Я-то сам не штукатурил, но это плевое дело! Помню, у нас в станице, когда я еще пацаном был, штукатурили потолок. Рабочий из ведерка шлепал на него лопатой какое-то снадобье, и так здорово прилипало – любо было глядеть! Потом разровнял дощечкой, и все.

– А каким снадобьем он шлепал?

– Ну, этого я уж не помню. Должно быть, глиной.

– А может, известкой? Или цементом?

– Да, по существу, годится и то, и другое, и третье. Но на кой ляд мы будем искать где-то известку и за нее платить, когда вокруг сколько угодно бесплатной глины и держит она получше всякого цемента. Ступишь в здешнюю грязь, так прямо хоть из сапог вылезай!

– Значит, берем глину, и дело с концом. Но может быть, к ней нужно что-нибудь добавлять? А то еще, чего доброго, обвалится наш потолок, – усомнился я.

– Авось не обвалится, пока получим деньги и надуемся вином. А что будет потом, не так уж важно. Ни о каких гарантиях речи не было.

– Ну ладно, казак, значит, ты у нас за главного мастера. И когда придем в дукьян, побольше амбиции! Держись самоуверенно, чтобы хозяину и в голову не пришло, что мы такие

же штукатуры, как он профессор богословия.

После обеда, раздобыв штукатурную лопатку, дощечку для расфасовки и приготовив ведро глиняного раствора, мы прибыли на место происшествия. На потолке зияла причудливой формы прогалина, довольно узкая, но длиной более метра. Под обвалившимся слоем штукатурки там обнажились прибитые накрест дранки.

Крылов был великолепен. Со сдержанной благосклонностью поздоровавшись с дукьянщиком, он принял позу Наполеона перед сражением, с минуту вдохновенно глядел на дыру в потолке, затем, по его указанию, мы со Смирновым подставили снизу большой стол, а на него водрузили скамейку, – по высоте этого оказалось достаточно, – и наш мастер полез наверх. Пристроив возле себя ведро, он набрал на лопатку глины и небрежно-уверенным жестом метнул ее в потолок. Весь заряд целиком в ту же секунду свалился ему на голову. Отряхнувшись, он метнул еще и сразу посторонился, благодаря чему глина упала теперь не на него, а на стол. Это уже был явный прогресс.

Вполголоса обвинив в своих неудачах скамейку, Крылов с деловым видом ее немного передвинул, снова взгромоздился наверх и несколько раз повторил свою попытку прилепить к потолку хоть немного глины, но, увы, с прежним неуспехом. По счастью, кабатчик в это время был чем-то занят и на нас не смотрел, но все же мы забеспокоились.

– Никак не пристает, сволочь, – сокрушенно промолвил Крылов. – Наверно, надо было добавить в глину соломенной трухи.

– Подлей воды, – сказал Смирнов, – видно, раствор слишком густ. А то попробуй сначала слегка смочить потолок, может быть, к мокрому будет липнуть лучше.

Этот совет оказался спасительным, дело сразу пошло успешней. Подналовчился и «мастер», в скором времени он зашлепал всю дыру глиной, но, когда начал выглаживать дощечкой, его штукатурка, прилипая к ней, стала пластами отделяться от потолка. Мы совсем было пали духом, но на этот раз нас осенило быстрей: дощечку тоже надо было мочить водой.

Через два часа работа была благополучно окончена. Хозяин остался, по-видимому, доволен, он заплатил нам двести левов и поставил на стол бутыль вина. Мы выпили по три стакана, можно было бы и еще, но, не слишком доверяя прочности своей скульптуры, мы благоразумно решили долго тут не засиживаться.

Прошло три дня. Вечером мы, человек десять, сидели в собрании и пили по-осеннему скудный чай, когда вошел Дед – Залесский. Вид у него был явно возбужденный.

– Признавайтесь, гады, кто чинил потолок в кабаке, возле пекарни? – спросил он, усаживаясь за стол.

– А почему это тебя интересует? – осведомился я.

– Да потому, что мне из-за этих горе-мастеров чуть шею не накостыляли. Проходил мимо – дай, думаю, зайду выпью рюмку сливухи. Вхожу и вижу, что за черт, – весь пол и стойка засыпаны штукатуркой, в потолке здоровенная дыра, а хозяин на меня лезет чуть не с кулаками и кричит: «Погляди, это ваши русские мастера мне чинили, чтоб их собаки съели, – теперь вдвое больше обвалилось, чем прежде было!» Интересно, кто это ему удружил?

– Выходи, казак, кланяйся, – со смехом сказал Смирнов.

Отъезд

Со времени нашего производства в офицеры прошло около трех лет. Мы жили в тех же условиях, по-прежнему кормились непостоянными заработками на самых тяжелых работах и, оставаясь в Тырново-Сеймене, рассчитывать на лучшее будущее, конечно, не могли. Нас продолжало удерживать здесь только чувство крепкой товарищеской спайки, превратившей всех как бы в одну семью, да наличие казармы, под кровом которой мы из чернорабочих снова превращались в русских офицеров. Но вместе с тем все уже давно поняли, что вечно оставаться полубатраками-полуофицерами нельзя, – нужно искать какие-то выходы из тупика и устраивать свою жизнь на более прочных основах. Самый прямой путь к этому открывало высшее образование, и сергиевская молодежь постепенно потянулась в Чехословакию, единственную в то время страну, где нашему брату возможно было поступить в высшие учебные заведения и выхлопотать полунищенскую стипендию.

К концу 1925 года, подкопив на дорогу деньжат, туда уже уехали многие члены нашей сейменской группы. Все они благополучно устроились, кто в университет, кто в Горную академию, своей судьбой были довольны и звали в Чехию остальных. Наконец решил ехать и я, тем более что к этому времени из Советской России чудом выбрался мой отец, которого я считал давно расстрелянным. Он почти сразу получил хорошую службу в Южной Америке и начал мне денежно помогать, так что в этом отношении у меня никаких затруднений больше не было.

Надо было начинать с приобретения штатского костюма. Попав с десятилетнего возраста в кадетский корпус, я его никогда в жизни не носил и в этой чуждой мне области был полным профаном. Решил довериться искусству и вкусу хорошего портного, – в Сеймене таковых не было, и я отправился в Старую

Загору, самый крупный из городов, находившихся в относительной близости. Там, отыскав лучшего портного, без утайки ему признался, что в штатских костюмах ничего не смыслю, но хочу одеться прилично, в соответствии со всеми требованиями моды и хорошего тона, а за ценою не постою. Портной заверил, что обмундирует меня на зависть самому принцу Уэльскому – который был тогда законодателем мужских мод, – затем мы выбрали материю, он меня добросовестно обмерял и попросил через неделю явиться на примерку.

Еще через неделю костюм был готов. Когда я его надел и портной с гордостью подвел меня к большому зеркалу, в нем отразилась фигура до изумления смешная и мерзкая. Надо пояснить, что в области мужских костюмов в те годы царила исключительно безобразная мода: мешковатый пиджак, с невероятно растопыренными при помощи ватных подкладок плечами (а они у меня и сами по себе очень широки); штаны, в верхней части широкие, как у турецких хамалов, книзу суживались буквально в трубочку, а по длине доходили до половины расстояния между коленом и щиколоткой. В общем, выглядел я в этом костюме как огородное пугало, но портной меня со всей искренностью принялся уверять, что именно так теперь надлежит выглядеть подлинному джентльмену, в доказательство показал многочисленные рисунки из модных журналов, – винить его было не в чем, я расплатился и взял костюм.

Надо было купить и все прочие детали штатского туалета. Тот же благодетель портной меня на этот счет просветил, сказав, что ботинки к моему костюму тоже полагаются самые модные, с очень острыми носами, галстуки светлых тонов, а рубахи мне нужно покупать номер сорок. Однако с этим последним не согласился хозяин магазина, в который я пришел. Очевидно, ему очень хотелось сбыть мне залежавшиеся рубахи тридцать восьмого номера, и он, произведя соответствующие измерения, сумел меня убедить, что это и есть мой размер. С галстуками все прошло благополучно, но с ботинками получилось хуже: мой номер 42, но, так как в обязательное по моде «острие» пальцы влезть никак не могли, мне пришлось взять номер 45. При ходьбе я этими острыми носами то и дело втыкался в землю, и, пока доехал в своем новом обмундировании до Сеймена, они успели загнуться кверху, как на средневековых татарских сапогах, а воротничок рубахи меня едва не задушил. Придя в казарму, я немедленно переоделся в военное, а все свои старозагорские приобретения тут же раздарил тем, кому они по росту и размеру могли как-нибудь пригодиться.

После этого, уже не спрашивая и не слушая ничьих компетентных советов, я купил себе скромный, устарелого образца готовый костюмчик, нормальные ботинки и рубашки, путем долгих и упорных трудов овладел искусством без посторонней помощи завязывать галстук и в смысле экипировки был полностью готов к путешествию.

Будучи лишенными почти всех общечеловеческих прав, ехать обычным порядком мы не могли, прежде всего потому, что Чехословакия, как и все прочие страны мира, – за исключением одной Боливии, – не давала нам въездных виз. Надо было пробираться туда нелегально, «аки тати в ноши», но это тоже было сопряжено с такими трудностями, что, действуя самостоятельно, преодолеть их было почти невозможно. Однако, когда на что-нибудь возникает большой спрос, неизменно появляются и предложения. Так вышло и тут: ловкие дельцы учредили в Софии полуконспиративную организацию, которая за определенную и сравнительно божескую цену начала контрабандой переправлять русскую молодежь из Болгарии в Чехию.

Эта организация добывала клиенту паспорт Лиги Наций (в просторечьи называвшийся нансеновским) и по этому паспорту получала ему конечную визу в Боливию. Имея ее, уже нетрудно было получить транзитные визы через все попутные страны Европы: Югославию, Австрию, Германию и Францию, где подразумевалась посадка такого липового путешественника на океанский пароход. Затем, когда все это бывало должным образом оформлено, составлялась группа, обычно включавшая пять-шесть человек. Их в Софии сажали на поезд, и они вполне законно и благополучно доезжали до Вены, от которой до чешской границы рукой подать. На венском вокзале их уже ждал агент организации, с которым они ночью подъезжали к границе, откуда он глухими тропами вел их пешком до ближайшей чехословацкой станции, покупал билеты до Праги и сажал их в поезд – на этом его роль кончалась. Дальше все было уже если и не легко, то просто: в Праге, вдоволь наголодавшись и натерев на боках мозоли от спанья на столах и под столами переполненных студенческих общежитии, при помощи местных русских организаций и единственного среди влиятельных чехов нашего защитника и покровителя, доктора Крамаржа, все в конце концов получали необходимые документы и грошовую стипендию для поступления в одно из высших учебных заведений страны.

Вскользь замечу, что все это давало чехам повод считать себя нашими благодетелями. Но едва ли общий объем этих «благодеяний» превысил сотую долю присвоенной ими русской

золотой казны.

По этой проторенной дорожке двинулся и я. Шестерка, в которую меня включили, выехала в начале декабря. Из своих спутников я никого раньше не знал, это были три окончивших в Софии гимназиста и два молодых офицера – сапер и казак-атаманец. Они оказались славными ребятами, мы ехали, весело болтая и делясь своими планами на будущее. Не знаю, как у других, но мои планы очень скоро пошли насмарку.

Последние дни стояла промозглая, холодная погода, пальто у меня не было, и, видно, еще в Софии я простудился. Подъезжая к югославской границе, уже чувствовал себя совсем больным, дальше хуже – меня знобило, болело горло, голова будто налилась свинцом, и я понял, что если в таком состоянии буду продолжать путешествие, то при ночном переходе границы – где надо было по снегу, трудной дорогой, идти пешком около десяти километров – могу подвести всю группу, которая из-за меня рискует засыпаться. И несмотря на уговоры спутников, предлагавших, в случае надобности, даже нести меня на руках, я решил слезть с поезда в Белграде, где имел много друзей, а по выздоровлении присоединиться к следующей группе, которая недели через две должна была выехать из Софии.

В Белградском университете в ту пору училось много моих однокашников по корпусу, с некоторыми из них я переписывался и знал их адреса. К этому времени русские студенты жили здесь уже не в сараях-общежитиях и не в старых трамвайных вагонах, а по нескольку человек сообща нанимали комнаты или небольшие квартиры, одну из которых я легко нашел. Она состояла из двух смежных комнат, и жили в ней шесть человек, в том числе два моих одноклассника – Ростислав Попов[125] и Костя Лейман. Мое неожиданное появление их чрезвычайно удивило и обрадовало. Меня тотчас уложили в чью-то постель, напоили горячим чаем и позвали русского врача. Моя болезнь оказалась простой ангиной, через три дня я был совершенно здоров и стал ожидать проезда через Белград очередной партии «чехов». Лишней кровати не было, но на ночь мы снимали с петель внутреннюю дверь, клали ее на подставки из книг и чемоданов, на подстилку и укрывание каждый жертвовал что мог, и я укладывался на эту импровизированную постель.

Шли дни, повидал я многих старых друзей, и все они в один голос твердили: «Зачем тебе ехать куда-то в Чехию, когда в университет с таким же успехом можно поступить в Белграде? Тем более, что в получении стипендии ты не заинтересован, поелику отец тебе ежемесячно присылает сумму, которая в несколько раз превышает размер этой стипендии. Оставайся здесь

и будешь учиться вместе с нами».

Уговорили меня без особого труда, особенно когда в этих уговорах приняли горячее участие некоторые знакомые барышни-студентки. Но для поступления в университет нужны были местные документы, у меня их не было, а признание в том, что я случайно попал сюда из Болгарии, было равносильно немедленной высылке, а то и тюрьме. Как повелось испокон веков у всех добрых соседей-славян, сербы и болгары ненавидели друг друга лютой ненавистью, и в каждом нелегально прибывшем из-за «братской» границы непременно усматривали шпиона или диверсанта. Виз из Болгарии в Югославию не давали никому, и русским при необходимости не оставалось ничего иного, как где-нибудь в глухом месте ночью перейти границу, рискуя жизнью. Было немало случаев, когда люди, пустившиеся в такой путь, бесследно исчезали, – при поимке их, очевидно, просто убивали.

В те годы в Белграде еще проживал и пользовался всеми правами бывший царский посол Штрандтман. По совету друзей я отправился к нему и откровенно изложил все обстоятельства своего дела. Штрандтман подумал и сказал:

– Я мог бы вам выдать русский паспорт – в других странах он ничего не стоит, но здесь, в Югославии, с ним считаются, ибо он служит доказательством того, что его обладатель живет в этой стране и мне известен. По этому паспорту вы без затруднений получите в местной полиции югославское удостоверение личности, и ваше положение будет легализовано. Но для выдачи паспорта мне необходимо законное основание – какой-нибудь документ, доказывающий, что вы попали сюда вместе с другими русскими беженцами и обосновались здесь. И я тут вижу довольно простой выход: судя по вашим словам, вы приехали в Югославию с кадетским корпусом и тут его окончили. Этот корпус существует поныне и находится в городе Белая Церковь. Поезжайте туда, расскажите свою историю директору и попросите его удостоверить, что по окончании корпуса вы там остались в качестве какого-либо служащего, а теперь собираетесь записаться в университет и вам необходимо получить соответствующие документы. Если такую бумажку он даст, я сейчас же выдам вам паспорт.

Сердечно поблагодарив Штрандтмана, я последовал его совету. Чтобы из Белграда попасть в Белую Церковь, надо было часа два плыть по Дунаю пароходом, до города Панчево, а оттуда еще четыре часа ехать поездом. Как я предварительно выяснил, пароходные билеты в кассе продавали без предъявления документов, но их проверяли при посадке. Значит, на пароход надо было проскочить фуксом, а дальше уже никакой опасности

не было. На случай, если меня поймают, я взял с собою аттестат об окончании корпуса, выданный мне в Югославии, а все, что могло изобличить мое пребывание в Болгарии, предусмотрительно оставил в Белграде.

На пароход мне удалось прошмыгнуть благополучно, и я без всяких осложнений доехал до Панчева. Было около шести часов вечера, я прошел на вокзал, купил билет в Белую Церковь и узнал, что поезд туда отходит в девять сорок. Чтобы не томиться почти четыре часа на замызганном и холодном вокзале, я вышел на площадь, высмотрел поблизости небольшой ресторанчик и зашел в него. Народу там было мало, я сел за двухместный столик в углу, заказал бутылку вина и, потягивая его, погрузился в ожидание.

Помаленьку ресторан наполнялся людьми, и вскоре свободных столиков не осталось. Так как за моим еще было место, ко мне подошел какой-то вполне прилично одетый мужчина и вежливо попросил разрешения его занять. Я, конечно, изъявил согласие. Он тоже заказал бутылку вина и попытался со мною по-сербски заговорить, я ему по-русски ответил, что этим языком не владею. После этого он оставил меня в покое и принялся читать газету.

Не прошло и четверти часа, как в ресторан вошли двое полицейских и какой-то штатский.

– Всем выложить документы на столики и не двигаться с места! – громко скомандовал он.

Оба полицейских вытащили револьверы. Мой визави вывалил из кармана с полдюжины всяких удостоверений, я с завистью посмотрел на него и положил перед собой аттестат, решив прикидываться дурачком, не знающим, что после окончания корпуса нужно было обзавестись какими-то иными документами. В крайнем случае меня изругают и отправят в корпус, думал я, а мне только того и надо.

Переходя от столика к столику, сыщик довольно бегло просматривал документы и после этого каждому говорил «свободен». Но возле нас он задержался, к бумагам моего случайного соседа проявил исключительный интерес, затем внезапно выхватил из кармана пистолет и крикнул:

– Тебя-то мы и ищем! Руки вверх! И ты тоже! – добавил он, обращаясь ко мне.

Мы подняли руки. Подошли полицейские, нас обыскали, у моего товарища по несчастью нашли и отобрали револьвер. Сыщик тем временем сгреб со стола все его документы и мой аттестат, на который он даже не взглянул, после чего нас вытолкали наружу и повели куда-то по темной и пустынной

улице. По дороге я попытался объяснить представителю власти, что я русский и влип в эту неизвестную мне историю совершенно случайно, но он только буркнул:

– Следователь разберет, а пока помалкивай!

Нас привели в полицию и заперли в небольшой комнате, где стояли стол, несколько стульев и топилась печка. Минуты три мы сидели молча, потом мой «соучастник» промолвил:

– У меня с полицией крупные счеты, и мое дело плохо. Но вам бояться нечего, я скажу, что вы тут ни при чем, и вас, конечно, отпустят.

Он сказал это по-сербски, но я его понял и пробормотал «спасибо». Этот человек, кто бы он ни был, внушал мне симпатию.

Через полчаса пришел пожилой жандармский офицер и сразу принялся его допрашивать. Из их разговора я понял, что они сегодня встретились не впервые и что за ресторанным столиком судьба свела меня с незаурядным бандитом или террористом. Своих деяний он не отрицал – очевидно, это было бесполезно, – и потому допрос длился недолго.

– А этот парень из твой шайки? – под конец спросил офицер, указывая на меня.

– Да нет, это какой-то рус, и его совершенно зря схватили только потому, что я подсел к его столику. Я его прежде никогда не видел.

– Кто вы такой? И что делаете в Панчеве? – по-русски спросил жандарм, окидывая меня взглядом.

– Я бывший кадет Русского кадетского корпуса. Здесь нахожусь проездом из Белграда в Белую Церковь, ждал поезда, вот мой железнодорожный билет.

– Ваши документы!

– У меня с собой был аттестат об окончании корпуса, его у меня при аресте отобрали.

Офицер покопался в лежавших на столе документах, нашел мой аттестат, просмотрел его и, отдавая мне, сказал:

– Это не то, что требуется. Где ваше удостоверение личности?

– По окончании я все время жил при корпусе и никуда не выезжал, так что оно мне было без надобности. А сегодня ездил в Белград именно для того, чтобы начать хлопоты о его получении.

– Это надо было сделать уже несколько лет назад! Законами пренебрегать нельзя, вы же не дикарь и, судя по вашему аттестату, не дурак. Отправляйтесь немедленно в Белую Церковь, и, если еще раз попадетесь без документов, так дешево не отделаетесь!

Я пулей вылетел из полиции и еще успел попасть на свой поезд.

Директором Крымского корпуса в это время был уже не «Дед», Римский-Корсаков, который меня не жаловал, а генерал-лейтенант М.Н. Промтов[126]. В прошлом это был воспитанник Петровского-Полтавского кадетского корпуса, строевой артиллерийский офицер и георгиевский кавалер, – все эти обстоятельства нас до некоторой степени роднили. Он принял меня тепло, приказал выдать из корпусной канцелярии нужную для Штрандтмана справку и сверх того предложил мне пожить некоторое время при корпусе, в качестве гостя. Конечно, я с благодарностью воспользовался этим приглашением.

Корпус помещался в благоустроенной каменной казарме, в нем царили образцовый порядок и дисциплина, – времен стернищенской вольницы ничто не напоминало, и сразу было заметно, что теперь тут правят твердой рукой. Кадеты были подтянуты и отлично, строго по форме одеты. Как по внешнему виду, так и по духу они ничем не отличались от своих однокашников, окончивших раньше, – на них было приятно глядеть.

Прожив в корпусе больше месяца, я вернулся в Белград, получил все необходимые документы и поступил в университет. Но судьба мне не судила пробыть в нем долго: через несколько месяцев мой отец потерял службу и на неопределенное время вынужден был прекратить высылку мне денег. Получить в Югославии стипендию в эти годы было уже невозможно – предстояло снова переходить на рабочее положение. И я предпочел возвратиться в Болгарию, где заработки были выше, а условия жизни привычней и приятней.

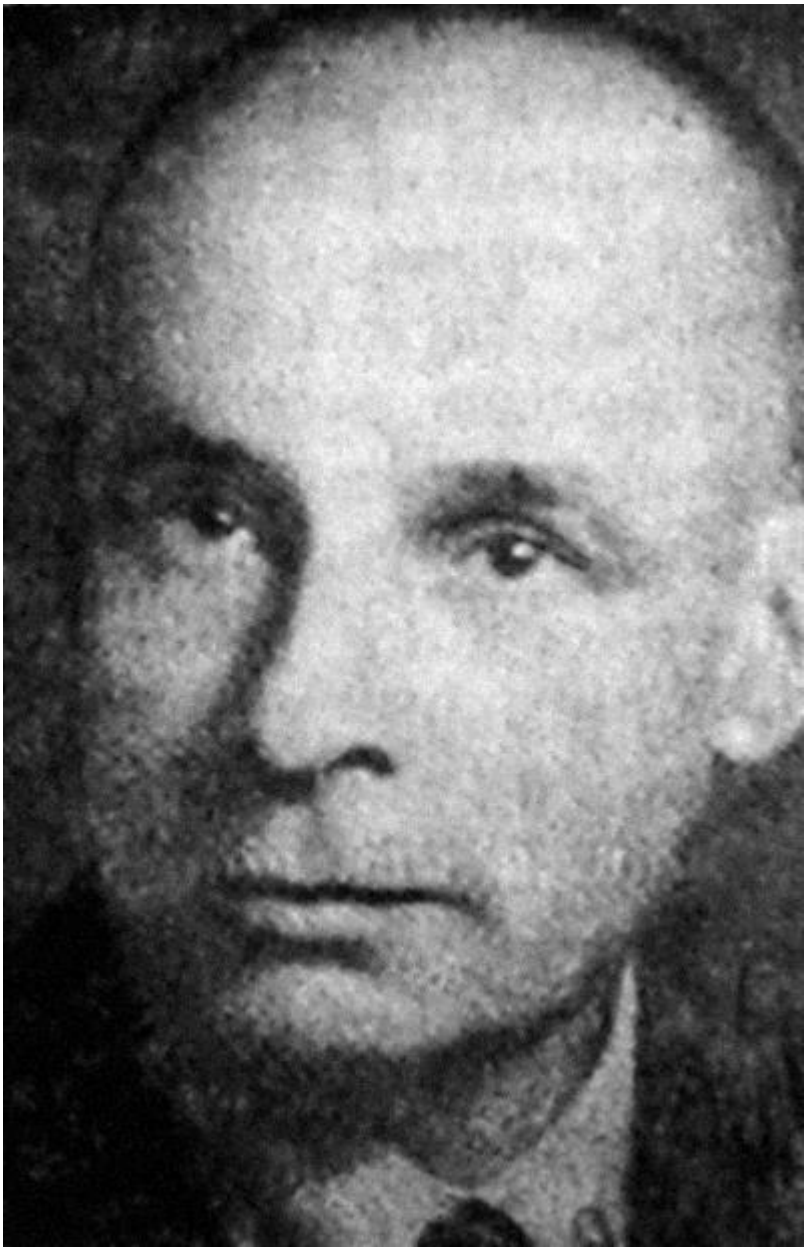
Только два года спустя мне удалось выехать оттуда в Западную Европу и получить высшее образование в Бельгии.

В.Х. Даватц

В.К. Витковский

М.Н. Левитов

П.Н. Шатилов

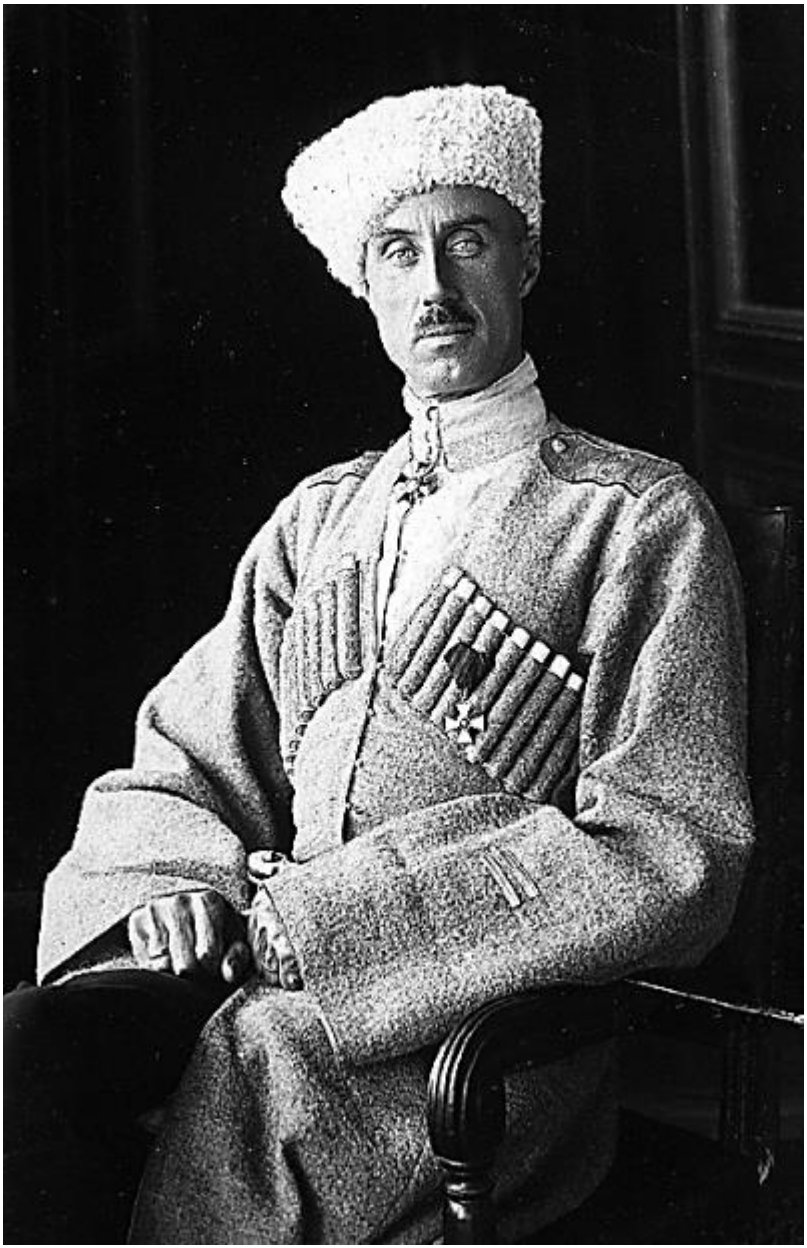


А.А. Рябинский

И.Е. Захарин

Н.Н. Стогов

С.В. Голубинцев



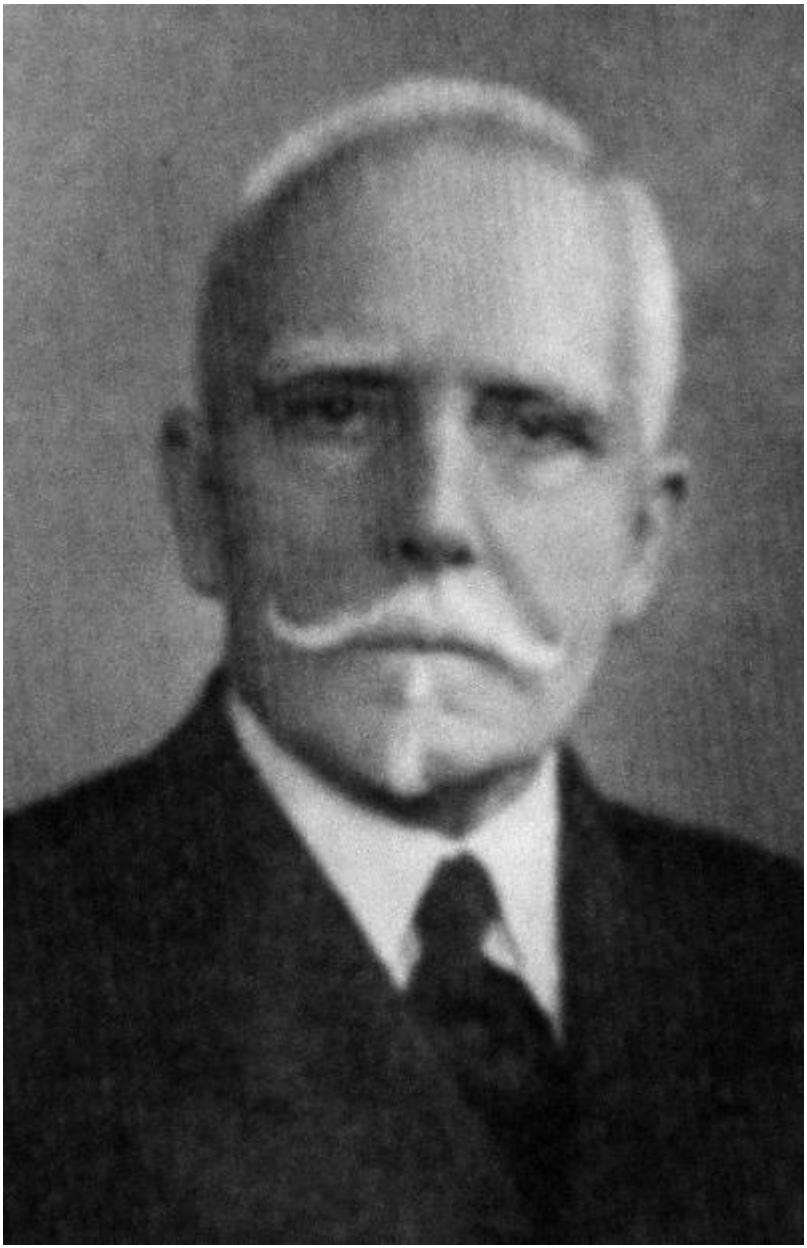
Барон П.Н. Врангель

Генерал от инфантерии А.П. Кутепов

Генерал от кавалерии Ф.Ф. Абрамов

Генерал-лейтенант Н.Н. Головин

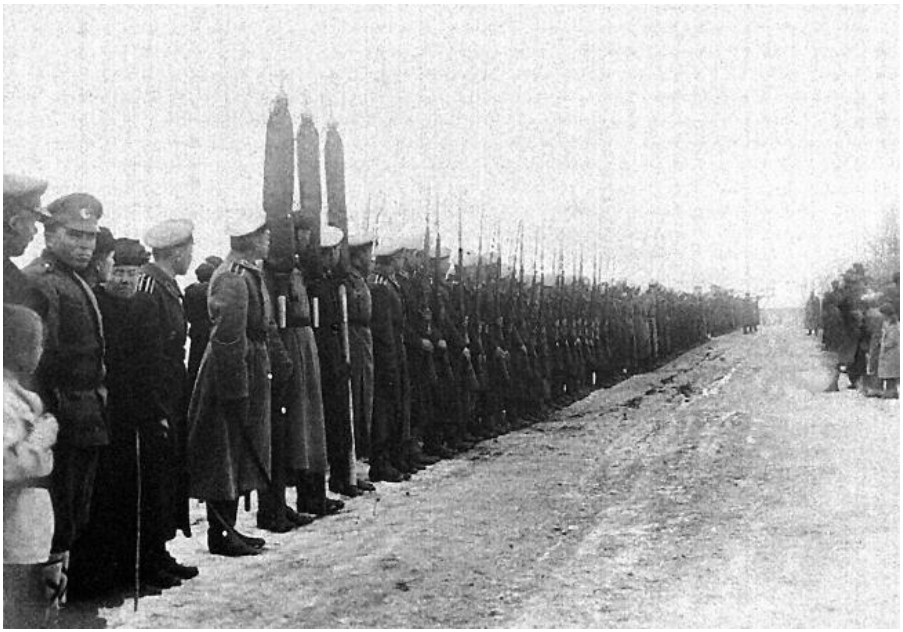
Генерал-лейтенант Е.К. Миллер

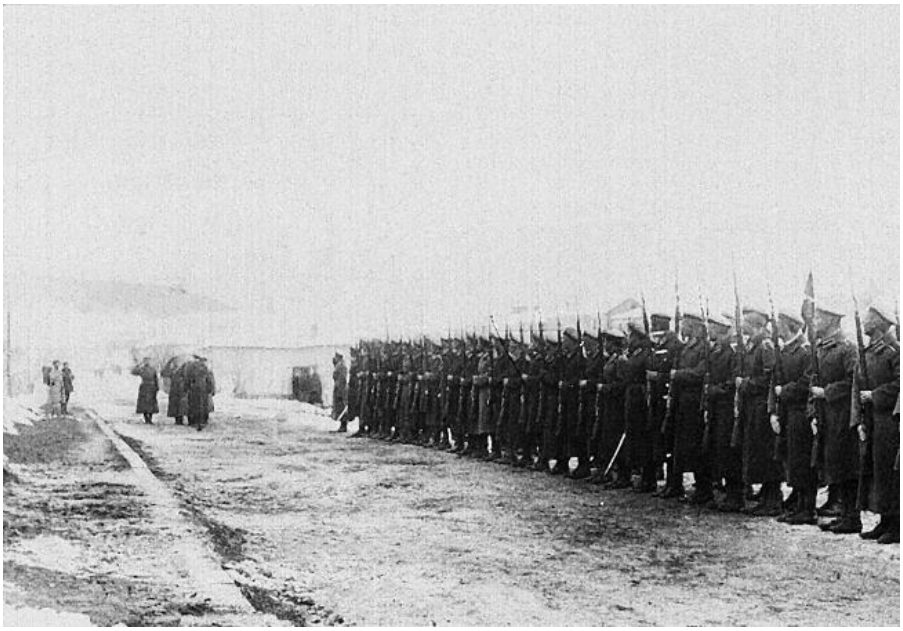


Генерал-лейтенант А.П. Архангельский

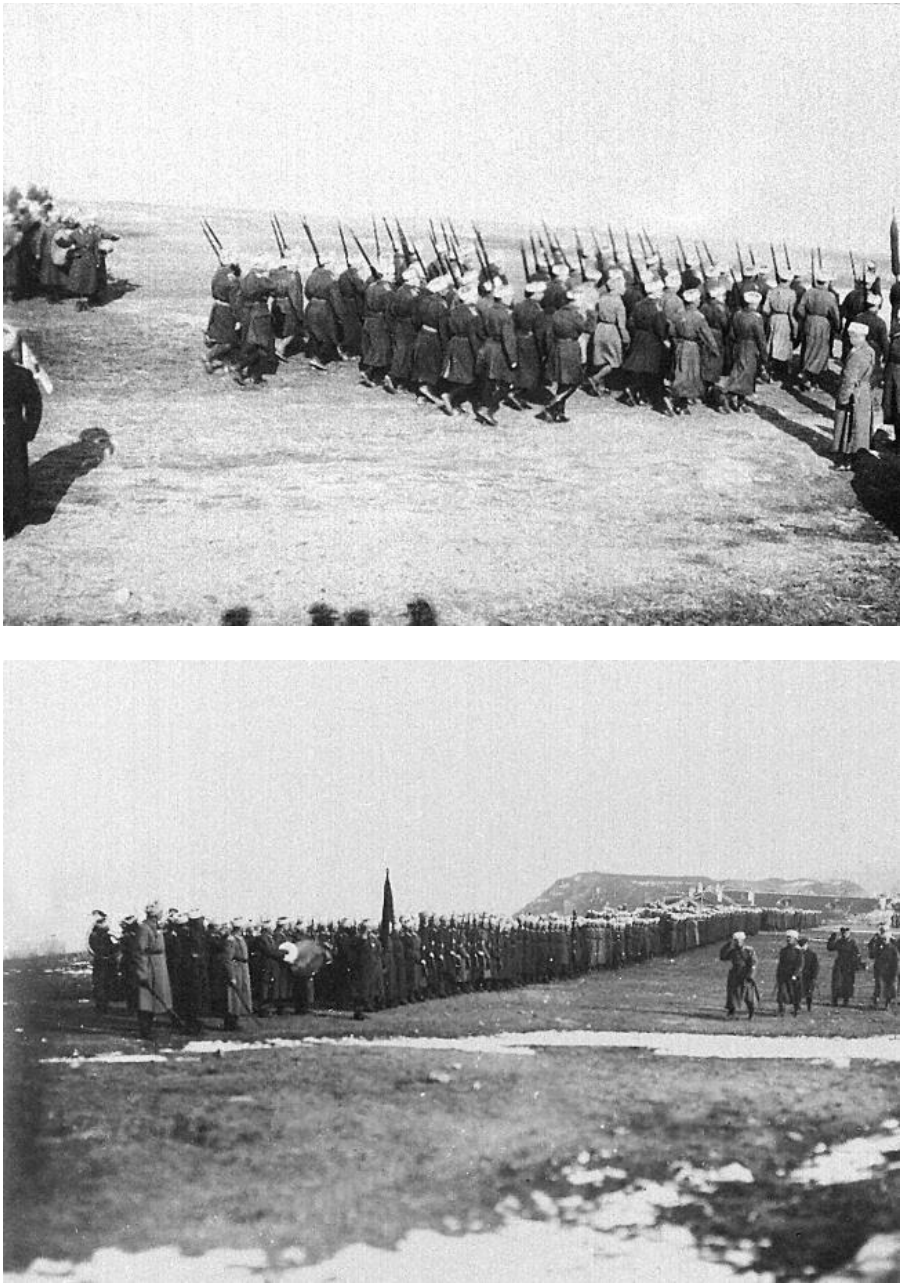
Генерал-майор А.А. фон Лампе

Генерал от кавалерии И.Г. Эрдели

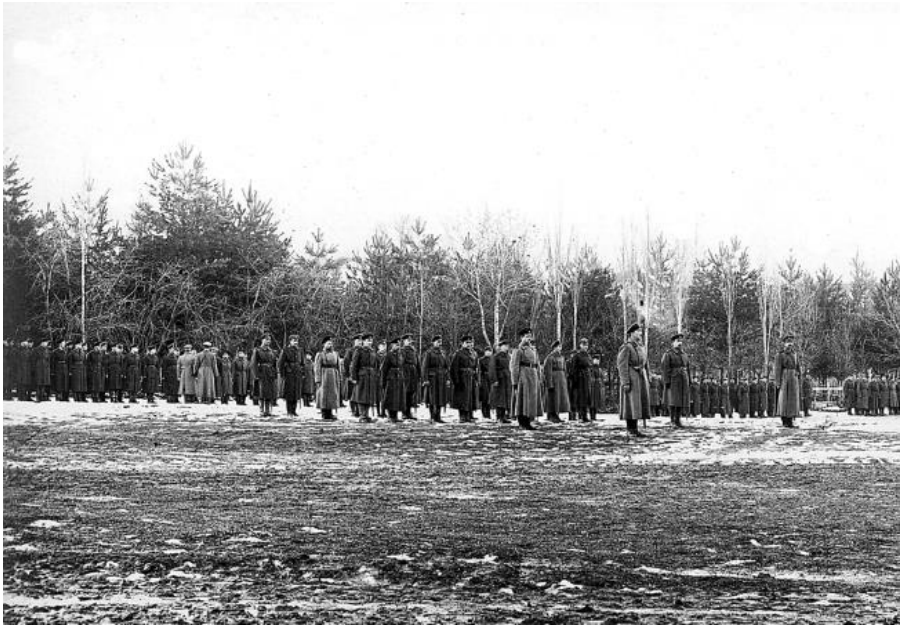




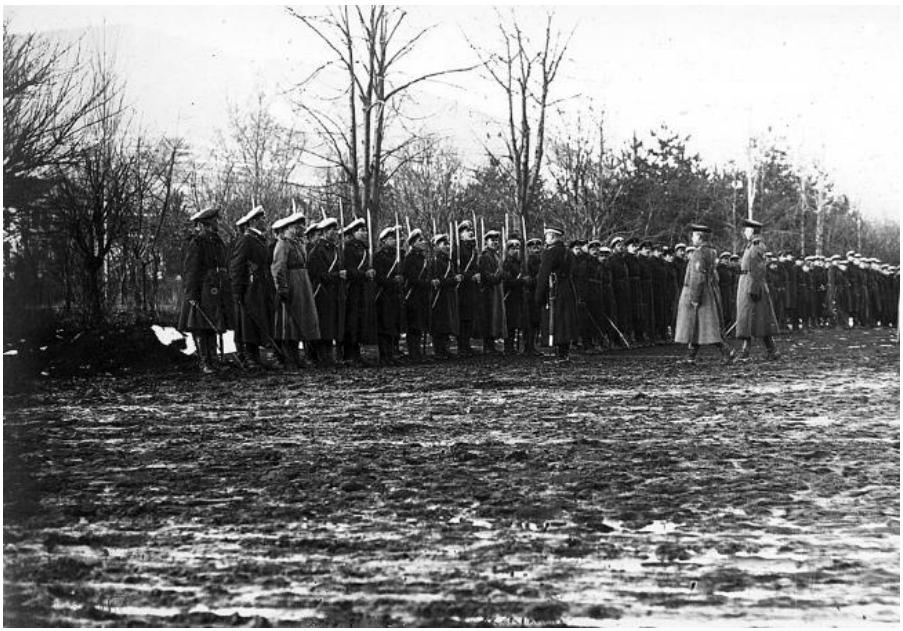
Марковский полк в Болгарии



Алексеевский полк в Болгарии

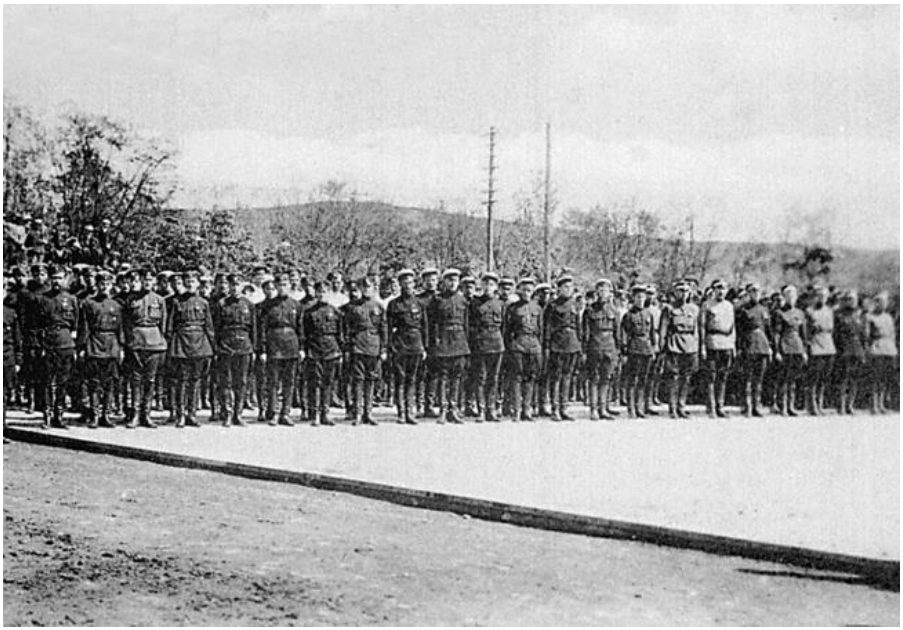


Марковский артиллерийский дивизион в Болгарии



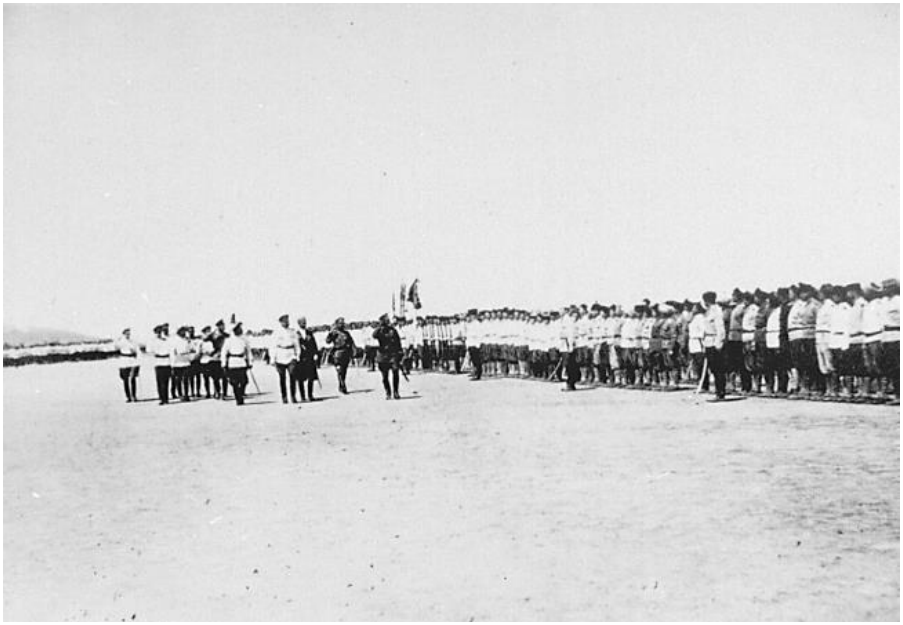
Марковский конный дивизион в Болгарии

Генерал Кутепов в штабе пехотной дивизии в Свишове, 1922 г.



Чины 1-го армейского корпуса в Пернике, 1925 г.

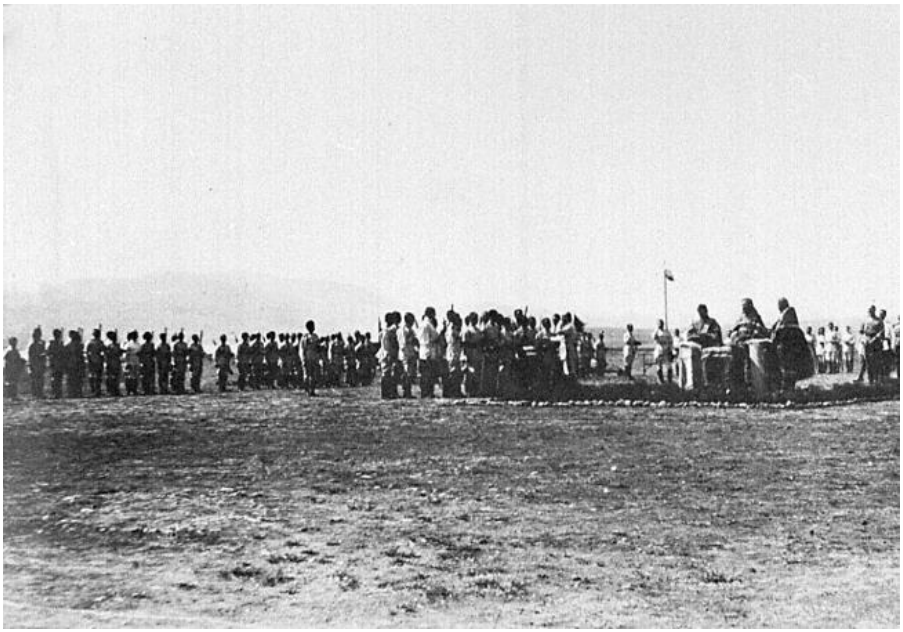
Оркестр Константиновского военного училища



Генерал Абрамов производит смотр частям Донского корпуса

Чины 1-го армейского корпуса на работах в Болгарии

Марковцы в казарме



Платовский Донской казачий полк на молебне

Генерал Кутепов принимает рапорт командира Алексеевского конного дивизиона

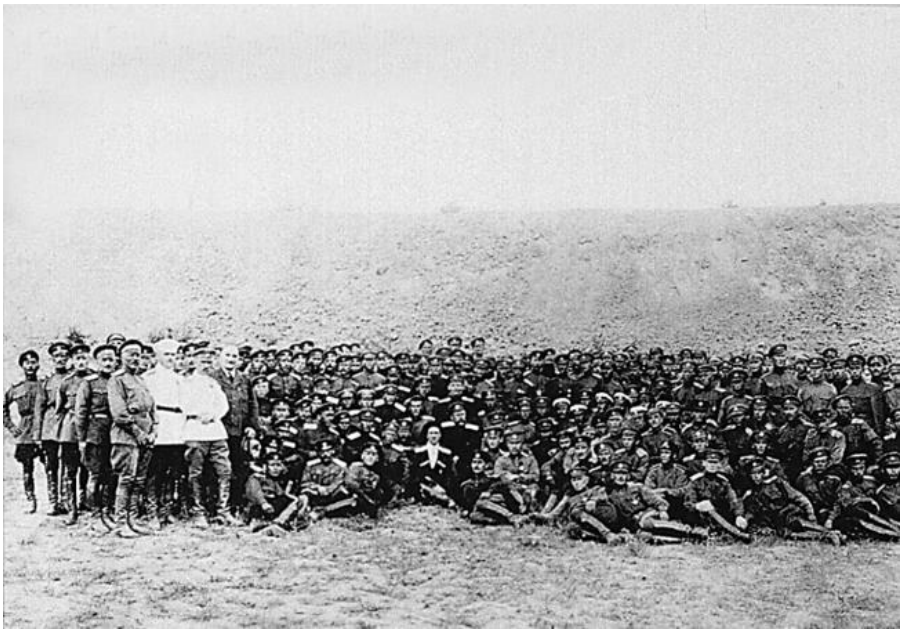
Церковь Алексеевского полка в Болгарии

Памятник русским воинам, павшим в 1877–1878 гг., сооруженный чинами 1-го армейского корпуса в Великом Тырнове

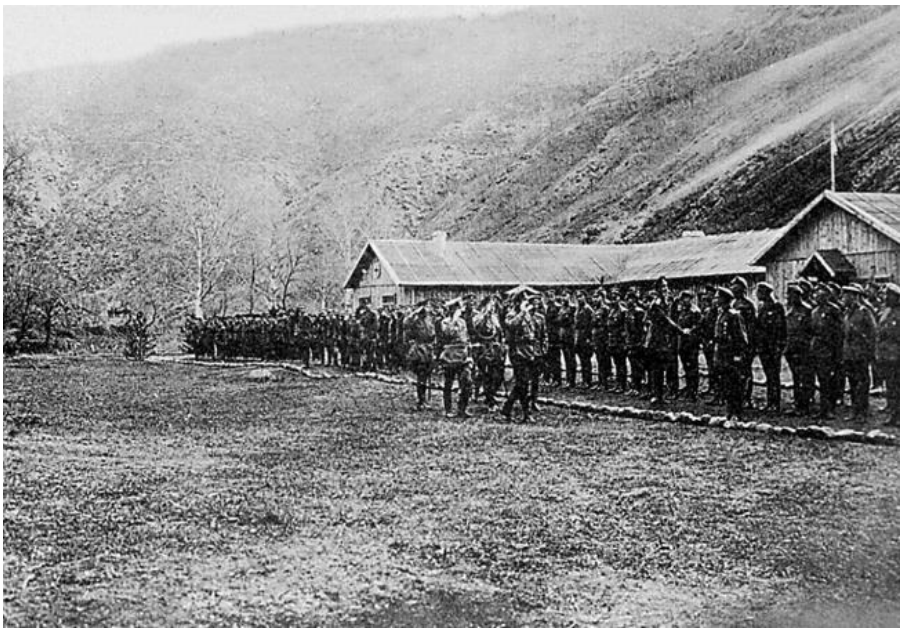
Донцы на лесных работах в Горняке

Генерал Врангель среди чинов гвардейской кавалерии, находящихся на пограничной службе в Югославии

Чины Кавалерийской дивизии на пограничной службе в Югославии



Генерал Врангель среди чинов 1-го кавалерийского полка в Велесе, 1924 г.



2-й кавалерийский полк в Кральево, 1924 г.

Генерал Врангель у «Русского дома» в Земуне, 1922 г.

Генерал Врангель со своим штабом в Сремских Карловицах, 1925 г.

А. Рябинский[127]
Перник[128]

Наши чаяния о походе в Россию побуждали нас считать Болгарию лишь промежуточным этапом. Но жить там воинской, лагерной жизнью нельзя было – не было средств, и Главнокомандующий приказал переменить винтовку и шашку на лопату и соху. По всей Болгарии корниловские офицеры искали работу, но в бедной стране большого спроса на рабочую силу не было. Для 260 корниловцев нашелся труд на копях у Перника (в 60 км от Софии).

Перник – примитивный поселок на 7–8 тысяч углекопов, состоявший главным образом из трактиров, кухмистерских и мелочных лавок. Но с прибытием туда русских жизнь переменилась: богослужения в церкви, концерты, доклады, вечера; появились русский ресторан и столовые. Всюду мелькали цветные фуражки – в Пернике побывали чуть ли не все галлиполийцы, попавшие в Болгарию. Они говорили: для нас все дороги ведут в Перник. Разместились в бараках, побатальонно; части «цветной» дивизии – подле рудника Хумен Дол, прозванного Хумендольской губернией. В каждой полковой группе было 1–3 старших, не работавших в мине, но от ее дирекции получавших жалованье. Командир 2-го Корниловского полка полковник Левитов[129] отказался от этой должности и пошел простым забойщиком. С прибытием на Перник генералов Галлиполийского корпуса корниловцы уступали им должности старшин и становились на работу. Командир 1-го Корниловского полка полковник Гордиенко снял в 50 км от Перника дом для штаба полка и для размещения тяжелых инвалидов и стариков.

Население относилось к нам, русским, без симпатии, а многочисленные коммунисты, расхрабрившиеся под властью Стамболийского, отравляли нам жизнь. Однажды во время танцевального вечера в помещении взорвались две бомбы – 6 русских было ранено. Но в один прекрасный день по улицам Перника проскакали кавалеристы, разогнали народ, и было объявлено о свержении Стамболийского – Болгарией стал править царь Борис. В связи с этим изменилось и наше положение: в Пернике был сформирован вооруженный отряд из рот Корниловской, Марковской, Алексеевской, Дроздовской. Парад батальона принял болгарский генерал Волков.

Между тем время шло. Международная обстановка изменялась так, что рассеялись мечты о походе, и корниловцы

(как и чины иных полков) уехали за границу. В Пернике осталось только обширное русское кладбище…

В. Баранов[130]
В гражданской авиации в Югославии[131]

Из Балканских стран наибольшее развитие авиация получила в Югославии. Количество военных самолетов, находящихся в авиационных частях, достигает нескольких сот разведчиков, легких бомбардировщиков и истребителей. Все самолеты вполне современного типа, главным образом, французских конструкций. Югославия обратила большое внимание на развитие своей авиационной промышленности, создала несколько заводов для постройки самолетов и моторов, и, понимая чрезвычайно важное значение гражданской авиации для обороны страны, положила прочный фундамент для развития воздушных сообщений и спортивной авиации.

В 1927 году в Югославии образовалось акционерное общество «Аэропут», с капиталом в 9 млн динар, для организации и эксплуатации воздушных линий. Государство широко пошло навстречу этому обществу и постановило выдавать ежегодно значительную денежную субсидию, в размере 13 динар за один пройденный километр, с ограничением общего ежегодного количества километража. Директором этого общества, со дня основания «Аэропута» и до настоящего времени, является капитан резерва Зондермауэр, сражавшийся в Великую войну на Салоникском фронте в качестве сербского военного летчика и окончивший после войны Высшую школу авиации и воздухоплавания в Париже.

В качестве шеф-пилота на открывающиеся линии воздушных сообщений был приглашен русский военный летчик капитан В.И. Стрижевский[132], только что перед этим взявший первый приз на воздушных состязаниях Малой Антанты и Польши. Командированный в Париж для доставки летом в Югославию четырех купленных во Франции самолетов «Потез-20», В.И. Стрижевский последовательно перелетел на трех «потезах», четвертый же был доставлен летом бывшим русским военным летчиком капитаном авиации Байдаком, ныне состоящим на службе в Югославской военной авиации.

С прибытием аппаратов открылась первая линия воздушных сообщений Белград – Загреб. В качестве пилотов, кроме В.И. Стрижевского, были приглашены еще русские военные летчики ротмистр Никитин[133] и подпоручик Ярошенко[134]. Полеты Белград – Загреб и обратно совершались каждый день с удивительной регулярностью и при полном отсутствии катастроф и аварий. Уже

в первый же, 1928 год этот способ сообщений по воздуху приобрел такую популярность, создалась такая уверенность в безопасности полетов, что сплошь и рядом можно было видеть в качестве пассажиров пожилых епископов, мусульманских «ходжа», детей и даже женщин с грудными младенцами.

В 1929 году воздушные линии увеличились; летали уже по трем маршрутам: Белград – Загреб, Загреб – Гранц – Вена, Загреб – Скоплие. В 1930 году линия Белград – Скоплие была продолжена до Салоников. Эта последняя линия имеет огромное значение, как естественный путь, по долинам рек, без пересечения горных хребтов, связующий Европу с Азией. Образовались новые линии Белград – Сараев – Подгорица и Загреб – Сушак (около Фиуме).

В 1931 году предполагается к открытию еще новая линия вдоль Адриатического моря, но, ввиду чрезвычайно гористой и пересеченной местности, на этой линии будут работать трехмоторные самолеты.

В настоящее время в Париже В.И. Стрижевский принимает самолет «Фарман-306» с тремя моторами Аоррэн 240 л. с., для 8 пассажиров, с радиотелеграфной и радиотелефонной установкой, на котором и предполагает перелететь в Югославию.

За три прошедших года самолетами общества «Аэропут» пройдено более 600 000 километров, достигнута регулярность движения по расписанию – 99 процентов, и не было ни одной катастрофы и ни одной крупной аварии. Подобный результат работы югославских линий при сравнении с работой аэролиний в других государствах надо признать отличным.

Молодое Югославское государство приобрело очень ценный опыт по работе воздушных линий, который теперь позволит значительно расширить воздушные сообщения и увеличить их интенсивность.

Заслуга же блестящих русских летчиков Стрижевского, Никитина и Ярошенко будет отмечена навсегда в развитии гражданской авиации в Югославии.

Е. Обозненко[135]
Из прошлого[136]

Куда не закидывала русского человека в эти годы капризная судьба… Так, совершенно неожиданно для себя, весь личный состав одной из наших конных батарей очутился на службе в пограничной страже на границе с Албанией. Галлиполи, Салоники, Гевгели, Дубровник и, наконец, небольшой и заброшенный черногорский порт Бар на побережье Адриатического моря – вот краткий маршрут скитаний, приведший нас в результате к месту новой и необычной по местным условиям жизни. Из Бара по миниатюрной железной дороге, единственной в те времена в Черногории, мы прибыли в центр нашего нового сосредоточения – в городок Вирпазар, расположенный на самом берегу Скадарского озера.

Городок этот, как показывает его название, являлся центральным по отношению к окружающим его селам базаром и состоял всего из нескольких домов, расположенных вокруг небольшой площади, посередине которой возвышался колодезь. Почти в каждом из этих домов было по одной кафане, а два изображали собой даже нечто вроде гостиниц, причем вход в одну из них был почему-то прямо через окно по приставной лестнице.

Мрачно и пусто было в унылом местечке, заброшенном среди неприветливой природы. Лишь один раз в неделю, а именно в пятницу, в базарный день, оживлялся этот странный городок, заполнявшийся тогда до отказа окрестным народом в живописных праздничных одеяниях, напоминавших так живо ушедшую в вечность героическую старину. Бойко торговали в этот день все кафаны, и веселый, непривычный еще для нашего уха гул черногорской толпы далеко разносился по озеру.

В этом-то городке и поместился штаб нашей «четы», заняв для себя небольшой полуразрушенный замок, построенный на скале, возвышающейся над городом. Пограничные же посты были выброшены вперед по озеру, начиная от реки Бояна и дальше, почти до Плавницы.

Скадарское озеро – обширное, вечно волнующееся и глубокое, замкнутое среди каменистых, лишенных растительности скал – производило угрюмое впечатление. Серо-мутные воды его никогда не бывали в спокойном состоянии. Как будто какая-то подземная сила непрестанно терзала его недра, и даже в тихие ночи, казалось, какой-то неясный и неведомый шум шел от озера… Озеро было богато рыбой, в особенности «уклевой», улов

которой составлял единственный промысел, кормивший все прибрежное население. Пограничные посты расположились вдоль берега по разбросанным здесь небольшим рыбачьим поселкам, в большинстве случаев состоявшим из десятка убогих, сложенных из дикого камня хижин. Бедная природа, бедные люди и чувство полной заброшенности и оторванности от всего мира на первых порах буквально подавили нас своей безысходностью. Однако очень скоро мы вполне освоились с новой обстановкой. Быстро привыкает ко всему русский человек и даже в самом унылом и безотрадном положении все же умеет находить некоторые светлые, что-то обещающие проблески.

Через какой-нибудь месяц мы уже свободно объяснялись на местном языке, изучили окрестности, научились ходить по голым каменистым тропинкам и совершенно овладели премудростью управления здешними тяжелыми и неуклюжими лодками. Жизнь не казалась уже невыносимой и неинтересной, как раньше. Наладилась связь с Вирпазаром, открылась возможность получать русские книги и несколько улучшилась бытовая сторона жизни. Словом, жить стало легче.

Сама служба, в общем, не была очень обременительна и заключалась, главным образом, в патрулировании между постами по суше и по воде.

Пограничная полоса с Албанией в те времена была наводнена и контрабандистами, и оперирующими здесь разбойничьими шайками. Особенно печальной известностью пользовался некий Савва Распопович, за головой которого тщетно охотилась многочисленная жандармерия. Трем нашим солдатам как-то пришлось познакомиться довольно близко с этой своего рода знаменитостью. Для одного из них это знакомство кончилось весьма трагически; двое других отделались сравнительно благополучно.

Дело произошло следующим образом: как-то однажды в поезде, который два или три раза в неделю курсировал между Баром и Вирпазаром, в числе прочих пассажиров-черногорцев ехало еще и три наших солдата. Двое возвращались из госпиталя в Баре, а третий, вооруженный, сопровождал поезд. На одном из поворотов машинист вдруг заметил впереди на путях сваленные большие глыбы камня. Не растерявшись, он успел, несмотря на быстрый ход, вовремя затормозить и остановить поезд в нескольких шагах от наваленного препятствия. В тот же момент откуда-то с нависших над путями скал по поезду был дан ружейный залп. Пули пронзили деревянную обшивку вагонов, и одним из первых погиб возвращавшийся из Барской больницы молодой солдат Степан Парфенов, уроженец Кубанской области.

Конвоировавший поезд другой русский из окна вагона открыл огонь по приближавшимся разбойникам. Расстреляв все патроны и будучи тяжело ранен, он в конце концов был схвачен вместе с другими пассажирами.

Взбешенные оказанным им сопротивлением, грабители хотели было тут же прикончить его. Однако совершенно неожиданно его выручило энергичное заступничество спутников-черногорцев, которые, забыв о собственном несчастье, начали настойчиво умолять банду не трогать «брата руса». Среди разбойников были черногорцы, и то обстоятельство, что сражавшийся с ними солдат оказался русским, немедленно подействовало – «юнаку русу» была милостиво дарована жизнь. Третий русский, безоружный, остался невредим. Ограбив начисто пассажиров, Савва Распопович со своими спутниками не торопясь удалился в горы. Этот опасный разбойник, довольно долго державший в страхе целый округ, вскоре после описанного случая погиб от пули преследовавших его всюду жандармов.

Был однажды и другой случай. Пограничный патруль под командой офицера внезапно в тумане нарвался на какую-то шайку. На требование остановиться шайка открыла огонь. Первая же пуля поразила доблестного капитана Симанкина. Разбойники, понеся потери, скрылись в горах. На следующий день местные власти получили какое-то безграмотное послание, в котором неведомые люди выражали глубокое и сердечное соболезнование по поводу невольно убитого ими русского.

В те дни ореол русского имени здесь был на громадной высоте. Среди суровых гор, где так часто и много говорилось о России, вдруг внезапно появились сыны той могучей и великой страны, легенды о которой не умирали в здешнем народе. Эти русские пришли сюда без шума, спокойно и уверенно. Они жили среди местного населения, во многом помогали ему, терпели те же лишения, умирали от той же свирепствовавшей здесь малярии и безропотно и достойно несли свой тяжелый крест. И это импонировало всем. Необычайно трудно было в столь неблагоприятных и тяжелых условиях не уронить престижа, которым издавна пользовалось здесь русское имя, и все же, несмотря на это, горстью русских воинов эта задача была выполнена блестяще. Вера в русских не была поколеблена, и не была рассеяна живая легенда о нашей Родине.

Вспоминаются объезды пограничных постов генералом Щеголевым[137]. Торжественно, с хлебом и солью встречали черногорские села русского генерала. Всюду, в каждом движении, слове, жесте чувствовалась необычайная преданность, уважение и любовь к России. Вековая забота ее о славянах дала тут, в этих

каменистых горах, неумирающие и благодарные всходы…

Незаметно пробежал год. Приближался конец нашей службы здесь; намечался переезд в северные пределы королевства. Грустно было расставаться с этими, сделавшимися вдруг близкими сердцу угрюмыми горами, где, не потухая, горит такая большая сыновняя любовь к России.

Вновь старая дорога на Бар-Ердегнови и дальше, и вскоре величавая, закутанная в облаке голова Ловчена, послав свой последний братский привет, потонула в бесконечно глубоких воздушных далях.

В. Берестовский[138]
Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра – Тирана 10–26 декабря 1924 года[139]

Предисловие. 1924 год

В Тиране находится советская миссия, возглавляемая одним из самых энергичных пропагандистов большевизма – Краковецким, цель которого – не только установить коммунистический режим в Албании, но и устроить в Тиране центр большевизма для всех Балкан. Его Величество Король Зогу I, будучи в это время эмигрантом в Королевстве С.Х.С., как глубокий патриот и националист, видел, что правительство Албании, возглавляемое епископом Фаноли, своей политикой ведет страну к гибели.

Его Величество, зная настроение большинства людей своей страны как антикоммунистическое, решает освободить свою страну от власти, ведущей ее к гибели. Для этой цели он создает на границе С.Х.С. отряды верных патриотов-добровольцев албанцев и в помощь им приглашает русских белых сформировать Русский отряд, состоящий из батареи и пулеметного дивизиона, каковых частей у него между добровольцами-албанцами не было, за исключением отряда полковника Цена-бея Криузиу. Его Величеству сербским командованием было предложено поручить формирование Русского отряда полковнику Миклашевскому.

Формирование Русского отряда

Начиная с 10 декабря 1924 года русские небольшими группами начали сосредотачиваться в городе Дебари. 15 декабря прибыл полковник Берестовский с группой киевских гусар, составивших большую часть отряда. За один день отряд был сформирован. По представлении списков командного состава Его Величеству таковой был утвержден и следующие лица были назначены: начальником отряда – майор Миклашевский, помощником начальника отряда – капитан 1-го класса Берестовский, начальником штаба, причисленным к Генеральному штабу, капитан 1-го ранга Русинов, командиром батарей – капитан 1-го класса Барбович, начальником пулеметной команды – капитан 1-го класса У лагай[140].

16 декабря отряд был сформирован окончательно, и в ночь с 16-го на 17-е Русский отряд перешел на территорию Албании и сразу же вошел в соприкосновение с противником. Общая численность отряда была 102 человека, при 15 офицерах, 4 горных орудиях и 8 пулеметах.

Общая обстановка

16 декабря албанцы добровольцы-патриоты одержали первый успех над противником. Перейдя в 15 часов в наступление от государственной границы на город Пешкопею, передовые части армии Его Величества заняли район Resan – Brata – Klobucista.

Рота пограничников, занимавшая позицию на высотах к юго-востоку от села Брата, вместе со своим командиром сдались албанским матьянам, войскам Его Величества, и выразили свои верноподданнические чувства. По полученным от разведчиков и перебежчиков сведениям, обстановка к вечеру 16 декабря обрисовывается так: противник сосредоточил свои главные силы в районе деревень Сапко – Граздани, имея сильное сторожевое охранение линии деревень Cerznene— Makelari – Paesti. Войска, занимавшие вышеуказанные районы, определялись силой 1000 бойцов регулярной пехоты и добровольцев – сторонников правительства Фаноли, при двух орудиях и нескольких пулеметах. Штаб обороны и резервы – в городе Пешкопее; командует войсками капитан 1-го класса Али Реза, а вся власть в краю в руках эмиссара правительства Фаноли Элега Юсуфа.

Его Величество приказал утром 17 декабря войскам перейти в наступление по всему фронту и взять город Пешкопею. Во исполнение поставленной задачи была дана следующая диспозиция: 1) Русскому отряду атаковать противника в центре и развить наступление от деревни Блато на Пешкопею, следуя направлению шоссе Дебар – Пешкопея; 2) Отряду майора Гильярди, с приданием ему двух орудий из Русского отряда, сосредоточиться в районе Зегание и наступать на Пешкопею, угрожая глубоким обходом левого фланга противника; 3) Добровольцам, сосредоточенным в районе дер. Klobuciste, усиленным двумя взводами пулеметной команды Русского отряда, наступать по дороге Pocist – Ismetet – Popmarza – Tvepei – Milan – Piscopeje.

Общее наступление приказано было начать открытием боевых действий на правом фланге – наступлением на деревню Посети. Во исполнение поставленной задачи начальником Русского отряда 16 декабря приказано:

1) Поручику Шевцову с двумя орудиями присоединиться к

отряду майора Гильярди и действовать согласно его заданиям и приказаниям; 2) Капитану 1-го класса У лагаю с двумя взводами пулеметов и ротой добровольцев 200 штыков – перейти в районе деревни Kiciote и утром 17 декабря открыть начало боевых действий наступлением на деревню Pocesti; 3) Русскому отряду в составе двух взводов пулеметной команды и батареи (оставшихся двух орудий) сосредоточиться в деревне Блато и утром 17 декабря перейти в энергичное наступление, взять город Пешкопею и уничтожить живую силу противника.

Бой за город Пешкопею

Сосредоточение и занятие указанного походного положения войсками Его Величества было выполнено точно и своевременно. В 8 часов утра 17 декабря отряд, сосредоточенный у деревни Kleiote, начал наступление на деревню Pocasti. Капитан Улагай немедленно же ввел в бой свои пулеметы. Противник открыл сильный ружейный огонь и проявил много упорства, обороняя каждую складку местности, но энергичные действия капитана Улагая, с одной стороны, и огонь батареи капитана Барбовича с открытой позиции в районе села Блато по деревне Pocasti, с другой стороны, принудили противника очистить деревню Pocasti и весь прилегающий район и спешно отойти в район деревни Ismilet. Занятие нашими войсками деревни Pocasti явилось сигналом к началу наступления по всему фронту. Передовые части противника под давлением наших частей начали отходить по всему фронту. Но как только наши части подошли к району Сапко – Grozdani— Popmarza, противник встретил их сильнейшим ружейным огнем, и продвижение в центре приостановилось. Ободренный этим мгновенным успехом, противник перешел в контрнаступление в центре, и наши передовые цепи начали медленно отходить назад под давлением превосходных сил противника. Капитан Берестовский, для поднятия духа добровольцев, по собственной инициативе идет в передовые цепи и с винтовкой в руках, ободряя передовую линию, снова ведет в контратаку. Пулеметы Русского отряда, под командой капитана 2-го класса Сукуренко[141], выдвигаются вперед и открывают ураганный огонь, а команда батареи капитана Барбовича с открытой позиции к северо-западу от деревни Cerznene открывает беглый огонь по густым цепям противника, уже спускавшимся с высот к востоку от деревни Сапки. Меткий огонь батареи и пулеметов, и ободренные присутствием в передовой линии русского офицера добровольцы быстро приходят в себя и сбивают противника, и все положение восстанавливается. Противник

поспешно отходит, а наши части энергично его преследуют. Капитан Берестовский продолжает руководить и оставаться с передовыми цепями, с которыми и продолжается наступление до высот Пешкопея. В районе деревни Koracica, введя в бой резервы, противник вновь оказал упорное сопротивление продвижению наших цепей, но, обстрелянный беглым огнем – гранатами, – не выдержал и поспешно отошел в район деревень Dovoljan – Arebar. Наши цепи стремительно преследовали противника по всему фронту и занимали рубеж за рубежом. По мере продвижения вперед и занятия рубежей немедленно подавались световые сигналы путем зажжения костров, и батарея переносила свой огонь на последующий рубеж, держа противника беспрерывно под своим метким огнем. Отойдя на высоты в районе Arebar и пользуясь тем, что артиллерийский огонь с нашей стороны прекратился, малое число орудий не позволяло нашей артиллерии передвигаться перекатами, – противник, подкрепленный регулярными резервами, встретил наше наступление цепей сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Особенно сильное сопротивление противник оказал на подступах к высоте «Кулой», что северо-западнее от деревни Arebar. Капитан Берестовский потребовал из Русского отряда два взвода пулеметов с двумя офицерами: капитаном 2-го класса Сукуренко и капитаном 2-го класса Сукачевым[142], которые под сильным ружейным огнем противника влились в наши передовые цепи и своим метким губительным огнем заставили его остановить наступление и принудили противника начать отходить в окопы, тянущиеся по берегу реки Пешкопеи. Начальником отряда были выдвинуты вперед все пулеметы Русского отряда и открыт ураганный огонь. Наступление по всему фронту развивалось успешно и энергично. Наши цепи подошли к позиции противника, занимаемой по реке Пешкопее. Огневой бой достиг своего максимума. Противник решил бросить свои последние резервы и, пользуясь растянутостью фронта наших цепей, перешел в контрнаступление в центре. Капитан Али Реза пустил в атаку последние части своей регулярной пехоты. Это была уже агония города Пешкопеи. Наша пулеметная команда открыла губительный огонь, и наступающий противник не выдержал и обратился в бегство. Наша артиллерия преследовала отходящего противника, и наши цепи на плечах противника ворвались в город. Во главе первой группы храбрых добровольцев, ворвавшихся в город Пешкопею, был капитан 1-го класса Берестовский. Батальон Али Резы вошел в казармы и выбросил белый флаг. Капитан Али Реза со всем гарнизоном сдался. Бой затихал, лишь незначительная часть

деморализованного и разбитого противника, бежавшего в горы к северу от города, пыталась беспорядочным ружейным огнем затруднить проникновение в город наших остальных цепей, подходящих с флангов. Быстрое приближение темноты и продвижение наших цепей в город принудило противника сдаться. Причем были взяты в плен: капитан Али Реза, 5 офицеров, 400 солдат регулярной армии (пехоты), много добровольцев, одно горное орудие с прислугой, лошадьми и вьюками, два действующих пулемета, три бомбомета, два французских автоматических пулемета, много ружей, патронов и снарядов. Элег Юсуф при взятии города нашими войсками был убит в бою. При взятии Пешкопеи первыми ворвавшимися добровольцами сейчас же были выпущены из городской тюрьмы сидевшие там противники власти Фаноли. На главной площади стояли две приготовленные виселицы. По объяснениям одних, на них должны были вешать сторонников Его Величества, а по объяснениям других – русских, взятых в плен.

По занятии города Русский отряд занял старую крепость, сосредоточил там всех пленных, взятое оружие и снаряжение и выставил там свое сторожевое охранение.

Отряд майора Гильярди, сосредоточившись в районе Zeranie, утром 17 декабря перешел в наступление на город Пешкопею. Действуя в лесистой, сильно пересеченной местности, не имея непосредственной связи с главными силами, он энергично, но осторожно продвигался вперед. Войдя в соприкосновение с противником в районе деревни Заград, сбил противника и принудил его к отступлению. Вполне естественно, что, действуя в столь трудно проходимом районе, под постоянной угрозой быть окруженным и отрезанным, он свое наступление развивал крайне вдумчиво и осторожно. Миссия, выполняемая отрядом майора Гильярди, сковала резервы противника в городе Пешкопее и тем ослабила его силы на главном направлении. Энергично действуя, майор Гильярди продвигался к Пешкопее, освобождая рубеж за рубежом, и только особо тяжело проходимая местность для его артиллерии не позволила ему 17 декабря войти в город совместно с главными силами. Возложенную на него задачу майор Гильярди выполнил блестяще и своими энергичными действиями много содействовал общему успеху.

Пешкопея

Утром 18 декабря майор Гильярди со своим отрядом присоединился к главным силам. В 10 часов 30 минут в Пешкопею прибыл со своей свитой Его Величество король Зогу I.

Русский отряд был выстроен на площади около моста через реку Пешкопею перед въездом в город. Начальник отряда подошел к Его Величеству с рапортом. Его Величество, поздоровавшись, объехал фронт отряда под громкие крики русского «ура». Вся местность ближе к городу была занята отрядом добровольцев-албанцев, которые радостно приветствовали своего верховного вождя. К вечеру 19 декабря в Пешкопею прибыл полковник Ценабей Криузиу, который во главе вверенных ему войск занял 17-го и 18-го Лукулу и Кукос, а теперь присоединился к главным силам в Пешкопее.

Поход на Тирану

Уже 18 декабря часть добровольцев-албанцев начали наступление на Тирану. К вечеру 20 декабря наши добровольческие части продвинулись вперед уже на два перехода, не встретив никакого серьезного сопротивления противника. Падение Пешкопеи, смерть Элега Юсуфа, пленение капитана Али Резы и вверенных ему частей лишили противника воли к сопротивлению, и, деморализованный, он отходил. Его Величество приказал 20 декабря Русскому отряду во главе главных сил перейти в наступление. В 15 часов отряд выступил из Пешкопеи и перешел в деревню Dusiste, где и заночевал. Майор Гильярди следовал при Русском отряде и своими указаниями и советами содействовал выполнению возложенных задач.

По мере дальнейшего продвижения вперед наших добровольцев, противник начал оказывать некоторое сопротивление. 21 декабря, на подступах к селу Лис, он пытался задержать движение наших добровольцев, но безуспешно, и наши части взяли в плен 150 регулярных пехотинцев при двух офицерах. 21 декабря утром Русский отряд переправился вброд через реку Черный Дрин и перешел в деревню Seliste, где и расположился на ночлег. Его Величество ночевал в этой же деревне. После неудачной попытки задержать наше наступление у Лиса противник отходит, не оказывая никакого сопротивления нашим наступающим частям.

Преследование продолжается. Нужно ожидать попытки к серьезному сопротивлению на перевале Gafa-Murises.

22 декабря утром Русский отряд выступил из деревни Seliste и перешел в деревню Burgajet, где и заночевал. Переход из Seliste в Burgajet был весьма тяжел для батареи и артиллерийского парка, ввиду чрезвычайно пересеченной местности. 23 декабря Русский отряд утром выступил из деревни Burgajet и перешел в деревню Ceruje. Наши передовые части подошли к перевалу Gafa-

Murises. Противник, воспользовавшись сильнейшим природным рубежом, сосредоточил на перевале значительные силы и решил остановить наше дальнейшее наступление. Перевал занимали регулярные части с артиллерией и пулеметами.

Противник оказал упорное сопротивление и завязал жестокий бой. В это время одна из рот добровольцев-албанцев, поднявшись просто по неприступным скалам, обошла противника справа и, выйдя во фланг, атаковала его на занимаемых позициях. Противник не выдержал и бежал. Захвачены пленные и много оружия. Его Величество ночевал в деревне Ceruje. 24 декабря Русский отряд утром выступил из деревни Ceruje и перешел в Guribar. После сбития противника с перевала Gafa-Murises он не оказал никакого сопротивления, и к вечеру 24 декабря передовые части вошли в Тирану.

Правительство Фаноли и часть его сторонников из регентского совета бежали в Италию. Большевистская миссия покинула пределы Албании. Тирана радостно встречала передовые части. Его Величество ночевал в Guribar. 25 декабря утром Русский отряд выступил из деревни Guribar и по приказанию майора Гильярди ночевал в Mali Daytit.

Его Величество со свитой и личной охраной проследовал через перевал Skali Gunicet в Тирану, радостно встреченный народом, спешившим выразить свои верноподданнические чувства. Падение Тираны и бегство из Албании Фаноли со своим правительством положило конец военным операциям. Вся Албания признала власть Его Величества. 26 декабря Русский отряд под командой майора Гильярди рано утром выступил из Zatit и в 14 часов вошел в Тирану. На околице Русский отряд был встречен военным оркестром. Улицы города были разукрашены флагами, народ запрудил улицы и радостно приветствовал верных слуг Его Величества – чинов Русского отряда.

Отряд прибыл ко дворцу и расположился в строю. Неотложные государственные дела не позволили Его Величеству выйти и лично поблагодарить чинов отряда за их боевую работу, но Его Величество поручил это полковнику Цена-бею Криузиу, который и передал милостивые слова Его Величества.

А. Сукачев[143]
В Албании[144]

Стоял холодный декабрьский день. Я сидел в кафе на Теразии в Белграде и весь ушел в свои невеселые думы… Вспомнил Первый Кубанский поход, вспомнил, как я потом присоединился к формировавшемуся вновь в Добровольческой армии 5-му гусарскому Александрийскому Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку[145]. В это время большинство моих однополчан по 5-му уланскому Его Величества короля Италии Виктора Эммануила 3-го полку были в Сибири. Из 5-го уланского Литовского полка к Черным Гусарам на Южном фронте, кроме меня, примкнул, уже несколько позже, только ротмистр Руднев. После Галлиполи, в августе 1921 года, вместе со всей кавалерийской дивизией я очутился в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев.

Несколько лет провел я в этой стране: был сначала в пограничной страже на албанской границе у Охридского озера, потом прокладывал шоссе Вальево – Осечна, учился на факультете гражданских инженеров в Белграде и в том же университете топил котлы; был истопником также на шоколадной фабрике Шонда; одно время имел даже свое дело – молочное. Вначале оно шло блестяще: торговал молоком, маслом, котлетами; особенным успехом пользовался «настоящий импортированный французский рокфор», который получался из старых, прокисших от лежания сырков, приготовляемых в самом же Белграде… Кончилось мое предприятие тем, что пришлось закрыть лавочку, а ключ от нее бросить в уличную сточную трубу…

Пытался я также устроиться при Женской медицинской академии, но, не будучи ни женщиной, ни медиком, вместо докторской должности принял скромный пост садовника. И там удержался недолго. Самое обидное, что моя отставка была вызвана не романтическими похождениями, как предполагали мои приятели, – нет, среди моего начальства не было ни одной хорошенькой докторши: какая мало-мальски интересная женщина в начале нашего века поступала на медицинский факультет вместо того, чтобы просто выйти замуж? Выгнали меня, ученого садовника-агронома, за которого я себя выдавал, по причине моего невежества в моей же профессии… Велели мне пересадить из леса «црный» тополь в парк академии. Я возился с этим предприятием несколько дней, но когда пересаженные деревья

разрослись на новом месте, то они оказались не тополями, а обыкновенной калиной…

Были еще и другие неудачи… Осенью 1924 года я решил переехать во Францию. Для получения визы прибег к «Технопомощи», которая, однако, в моем случае оправдала данную ей кличку «Себепомощи». Я было уже совсем размечтался попасть в Париж и там сделаться шофером такси, как многие мои приятели. Они писали, что лихо разъезжают на красных «рено», спасших в свое время Париж под Марной, а после войны вернувшихся к своим обязанностям моторизованных извозчиков… Конечно, нелегко зазубрить названия улиц всех 20 аррондисманов (тогда их было только 20!), но зато зарабатывать в три раза больше, чем в Белграде – совсем неплохо!..

Сидя в этот памятный для меня день за столиком белградского кафе, я очень огорчался тем, что виза не приходила. Не знал еще тогда, что Судьба мне наконец улыбнулась, задержав меня в Белграде. Правда, эта Судьба, приведшая меня в этот декабрьский день 1924 года на Теразию, хотя действовала и в моем интересе, но пользовалась странными методами. Она устроила так, что с моей визой (как я это узнал много позже) поехал во Францию не я, а кто-то другой из «Технопомощи»… Но конечно, в дальнейшем я не жалел об этой «пропавшей грамоте» или, вернее, «спертой визе»…

Итак, мои мечты о Париже и о шоферском счастье внезапно прервались подошедшим к моему столику полковником Миклашевским. Знал я его еще по Екатеринославской губернии. Его имение было недалеко от нашего. Во время войны он был послан на Румынский фронт, отличился и получил Георгиевский крест. Боевая операция была настолько удачна, что, кроме русских наград, и сербское правительство послало ордена нашим отличившимся воинам. Среди этих орденов было несколько «Андрея Первозванного» и одна «Карагеоргева звезда». Русские не знали значения сербских отличий, и старшим офицерам достались ордена Андрея Первозванного, а Миклашевскому, как младшему, получившему наш Георгиевский крест, досталась «Карагеоргева звезда».

Только попав после эвакуации из России в С.Х.С., Миклашевский узнал, что он был награжден высшим сербским орденом. Его моментально приняли в сербскую армию с сохранением чина полковника, в котором он закончил службу в Добровольческой армии.

В Белграде я встречал время от времени Миклашевского, но никогда не видел его в таком радостно возбужденном состоянии, как в этот день. Он объяснил мне, что Ахмет-бей Зогу, который в

это время был эмигрантом в С.Х.С., решил свергнуть просоветское правительство православного епископа Фаноли в Албании и для этого идти походом на Тирану. Как это ни звучит странно для 20-х годов XX века, но Зогу лично владел несколькими тысячами матьян (название одного из албанских племен), из которых 300 человек он забрал с собой в С.Х.С. На помощь к ним феодальный князь (которым фактически являлся Ахмет) решил привлечь «белых» русских, справедливо считая бывших участников Добровольческой армии самым подходящим элементом для ведения борьбы против «албанских красных», все более и более наглеющих под ловким предводительством Краковецкого, главы советской миссии в Тиране.

Сербское правительство, которое тоже начинало опасаться прокоммунистических влияний в соседней стране, охотно согласилось не противиться найму Ахметом русских добровольцев. Однако оно поставило условием, чтобы командовал ими сербский офицер. Им оказался Миклашевский. Зогу предоставил в его распоряжение большую сумму денег в «наполеонах», то есть золотых французских монетах.

Средневековый колорит начинавшейся, казалось, фантастической (но оказавшейся вполне реальной) эпопеи был выдержан до конца: армия наемников, которой командовал потомок Александра Македонского (за которого выдавал себя Зогу), армия, оплачиваемая золотом (а не «керенками»), должна была привести к власти Ахмет-бея!

Как мне было сразу не заинтересоваться таким делом? Конечно, шоферство в Париже показалось неинтересной мелкомещанской затеей! Миклашевский торжествующе мне сообщил, что только что встретил двух русских: один из них назвал себя казачьим войсковым старшиной, а другой – полковником; они оба с большим энтузиазмом отнеслись к предложению идти в поход на Албанию и сказали, что они приведут сейчас же 80 казаков. «Войсковой старшина» получил от Миклашевского, из золота, данного ему Ахмет-беем, 300 наполеонов и обещал вечером быть на вокзале вместе с этими 80 казаками для отправки в Скоплие. Миклашевский поручил мне сопровождать эту группу. Я прождал на белградской железнодорожной станции всю ночь, но никто не явился… Миклашевский стал жертвой каких-то ловких дельцов, выдавших себя за войскового старшину и полковника. Правда, в утешение они прислали Миклашевскому, по переезде сербской границы, очень любезную открытку, в которой вежливо благодарили за оказанную им финансовую поддержку…

Тогда на следующий день мы с Миклашевским начали на улицах Белграда вербовать русских, к вечеру того же дня в отряде

оказалось 108 человек, и мы благополучно проехали в Скоплие.

Оттуда пешком прошли в Дебар, где 16 декабря был окончательно сформирован Русский отряд. Начальником его был назначен полковник Миклашевский, его помощником – полковник Берестовский, начальником штаба, причисленным к Генеральному штабу, – полковник Русинов, командиром батареи – полковник Барбович, начальником пулеметной команды – полковник Улагай. Меня назначили взводным командиром. Всего нас было на офицерских должностях 15 человек, при вооружении, состоявшем из 8 итальянских пулеметов «фиат» и 4 горных бронзовых австрийских орудий, помнивших раннюю молодость императора Франца Иосифа.

Начался поход. После перехода албанской границы, 17 декабря 1924 года, мы встретили сопротивление противника под Пешкопеей. Наступая от деревни Блато, мы с боем вошли в город, взяв в плен командира гарнизона Али Реза, пять офицеров, 400 солдат регулярной пехоты, много добровольцев, одно горное орудие (более «молодое», чем наши четыре гаубицы) с прислугой, лошадьми и вьюками, четыре пулемета, три бомбомета, много ружей и снарядов.

Мы сразу освободили из городской тюрьмы сидевших там противников власти епископа Фаноли. На главной площади стояли приготовленные две виселицы. Конечно, мы полюбопытствовали узнать, кому они были предназначены: по словам одних – для албанцев, сторонников Ахмета Зогу; между тем как другие объясняли, что на них должны были висеть чины нашего отряда…

Там же, в Пешкопее, присоединился к нам отряд Гильярди. Интересна и красочно типична для Балкан начала XX века личность этого авантюриста, описанного Брешко-Брешковским. Итальянец по происхождению, он еще до Первой мировой войны был австрийским офицером. Брат его занимался в Австро-Венгрии крупной политической деятельностью. Во время очередного на него покушения вместо него по ошибке была убита его мать. На суде убийцу оправдали, признав политический характер преступления. По вынесении оправдательного приговора, защищая честь семьи, капитан Гильярди тут же на суде выстрелил в убийцу матери и убил его на месте. После этого ему не только пришлось уйти с австрийской военной службы, но и скрыться за пределами Австро-Венгрии, чтобы избежать преследований по закону. В Албании он начал заново военную карьеру: воевал 18 раз против Сербии. Имя его всегда было связано с разными авантюрами…

Итак, наша первая победа – взятие Пешкопеи – была позади.

18 декабря и Ахмет-бей со свитой приехали туда. В тот же день, в 10 часов 30 минут утра, будущий король Албании принял парад, во главе которого продефилировал наш Русский отряд. Это было наше первое, но далеко не последнее торжество на албанской территории. Жители города, так же как и албанцы местностей, расположенных поблизости и уже «освобожденных» от власти Фаноли полковником Цена-беем Криузиу, толпами стекались, чтобы приветствовать Зогу и Русский отряд.

Сознаюсь, что быть воином-освободителем мне нравилось, но нам недолго дали наслаждаться славой победителей: уже 20 декабря было велено выступить походом на Тирану. За это время репутация нашего отряда успела вырасти в какой-то сказочный миф. По-видимому, воскресли легенды времен Скобелева о непобедимости русского оружия, о могуществе русских войск. Словом, говорили, что с Ахмет-беем идет многотысячная русская армия. В результате такой «информации» враг отступал в панике: мы вообще больше не видели противника; иногда только проходили через вырытые, но брошенные окопы.

Дойдя до «мали» (горы) Дайти, возвышающейся над Тираной, – был ясный зимний день, – мы увидели, как четыре парохода отплывали из «дурацкого» порта (то есть порта города Дураццо). Это епископ Фаноли, его приверженцы и советская миссия покидали Албанию… Для страны открывалась новая страница истории.

После ухода турок страной управляли «регенты», но их правление было больше теоретическим. Жили они обыкновенно за границей, интересовались только получением жалованья, предоставив все государственные дела премьер-министрам. Таким премьером одно время после окончания Первой мировой войны был назначен Зогу; потом, путем разных интриг, Фаноли удалось занять его место, а Ахмет-бей оказался эмигрантом в С.Х.С.

Фаноли, как и его предшественники, не пытался производить реформ, не модернизировал страну, которая оставалась такой же отсталой, как и при владычестве турок. Внешнюю же политику он вел определенно просоветскую.

На Рождество 1924 года мечта Зогу осуществилась. Тирана и власть Фаноли пали. 26 декабря Русский отряд вошел в столицу Албании. При входе в город нас встречал военный оркестр, разукрашенные флагами улицы были запружены народом, радостно нас приветствующим. Со всех сторон раздавалось громкое «Рофт!» – албанское «Ура!».

Довольно долго наш отряд ничем другим, кроме пожинания лавров победителей, не занимался. Расквартировали нас в

большом доме, коридоры которого через несколько недель оказались настолько заставленными пустыми водочными бутылками, что пройти было непростой задачей…

Между тем Ахмет-бей занимался государственными делами и лихорадочно готовился к изменению статута Албании. В первый раз за всю ее историю были произведены выборы в Учредительное собрание. Для этого «парламента», как албанцы называли Учредительное собрание, было приспособлено здание Офицерского собрания.

Русский отряд в Тиране оказался единственной организованной воинской частью в Албании, и Ахмет-бей велел нас выстроить напротив дома, где собрались в первый раз выборные депутаты страны. Сам Зогу остался в своей личной резиденции в ожидании решения парламента относительно нового государственного статута: по предложению Ахмет-бея, Албания должна была быть объявлена Республикой (вместо Регентства), а сам он, Зогу, – президентом. Русскому отряду было приказано ждать появления на балконе здания парламента доверенного лица Ахмета.

В случае принятия депутатами предложения Зогу, это его доверенное лицо должно было помахать белым платком, а в случае отрицательного решения – быстро выбежать из здания и перебежать площадь к нашему отряду. Нам же было велено направить все имеющиеся в нашем распоряжении 4 пушки и 8 пулеметов на Учредительное собрание, по которому, в случае отрицательного решения, мы должны были дать залп…

Благоприятный ответ не заставил себя долго ждать. Нам помахали с балкона белым платком. Зогу был выбран единогласно первым президентом новой Албанской республики… Мы подняли дула пушек и пулеметов вверх и салютовали новую республику и ее президента, который не замедлил прибыть в парламент.

Через несколько лет король Италии Виктор Эммануил III провозгласил Ахмет-бея королем Албании Зогу I. Однако железной короной Скандер-бея ему короноваться не удалось: Венский музей, в котором хранилась эта реликвия, отказался выдать ее королю Албании…

Албания и король Зогу

Итак, с начала 1925 года и до апреля 1939-го Ахмет-бей управлял Албанией. Эти 14 лет жизни страны безусловно являются наиболее блестящими и счастливыми во всей ее новой истории. Сам Зогу вполне отдавал себе отчет в том, что победой

над епископом Фаноли и его приверженцами он обязан главным образом Русскому отряду.

Вскоре после занятия Тираны нашу пулеметную команду послали в горы для разоружения населения. Оружия всюду было много: в одном доме мы даже нашли два горных орудия с зарядными ящиками и полным комплектом снарядов. Это было первое знакомство с Албанией. Кроме меня, в этом походе принимали участие Улагай, Конаплев и Красенский, все четверо – первопоходники.

Когда мы месяца через два вернулись в Тирану, то там уже начали формироваться регулярные албанские части, так как солдаты старой армии перед нашим приходом в столицу Албании разбежались по домам. Мулы и лошади остались на произвол судьбы. Судьба же вручила их нам, то есть Русскому отряду. Таким образом, мы оказались владельцами более 300 лошадей и мулов. Постепенно стали их передавать новым албанским частям.

Хотя к концу марта 1925 года кончился срок контракта отряда и нам, по условиям, нужно было уйти в отставку (и получить двухмесячное жалованье), ушел от нас только полковник Миклашевский, который вернулся в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев для продления там военной службы. Мы же все подписали второй контракт, тоже на трехмесячный срок. На тех же условиях контракт возобновлялся шесть раз, и только через 18 месяцев после подписания первого договора Русский отряд, под командой Берестовского (заменившего Миклашевского), был окончательно расформирован.

Чинам отряда была предложена пожизненная пенсия в размере получаемого жалованья, но при условии, что они поселятся в стране. Вначале все решили было остаться и воспользоваться столь выгодным предложением, но мало-помалу стали разъезжаться, жалуясь на скуку жизни в Албании… Таким образом, в апреле 1939 года осталось всего 15 человек, не считая нас четырех – Улагая, Красенского, Белевского и меня, – поступивших на действительную албанскую военную службу.

Полковник Кучук Улагай, Драгунской Кавказской дивизии[146], начал свою службу командиром пулеметной команды. Затем был назначен начальником конского завода в городе Шияке; потом командиром «смешанной группы», то есть полка в Скутари. Когда итальянцы в апреле 1939 года заняли Албанию, он ушел в Югославию. Во время Второй мировой войны командовал у генерала Краснова всеми горскими частями. После капитуляции Германии оказался в Аиенце, но ему чудом удалось спастись от выдачи Советам благодаря албанскому паспорту. После

последующего короткого пребывания в Риме эмигрировал в Чили, где недавно скончался.

Ротмистр Красенский[147], Нижегородского драгунского полка, был назначен младшим офицером пулеметной команды. Позже прошел артиллерийские курсы и перешел в артиллерию, в которой оставался до конца «албанской эпопеи», командуя группой тяжелой артиллерии. Остался в Албании и после занятия ее Италией, перейдя на итальянскую военную службу. Во время Второй мировой войны был послан вместе с итальянскими войсками в Россию. Вернувшись с Восточного фронта в Тирану, был назначен итальянским правительством на пост председателя Особого Военного Трибунала по борьбе с коммунистами. При занятии красными Албании остался в Тиране, где и был повешен на площади албанскими коммунистами, возглавляемыми Энвером Ходжи.

Поручик Белевский[148], Киевского гусарского полка, был с 1926 года младшим офицером пулеметной команды, но при сформировании албанского гвардейского эскадрона был назначен его командиром. После занятия Албании Италией перешел на итальянскую военную службу и во время Второй мировой войны тоже был послан в Россию, где за боевые отличия получил итальянскую Серебряную медаль, равную нашему Георгиевскому кресту. Вернувшись в Албанию, сражался против коммунистов и был ими убит в горах.

Русский отряд так долго не расформировывали, потому что он был нужен Зогу в его борьбе и с беями, которые с момента провозглашения независимости Албании в 1911 году по нескольку раз в год устраивали военные перевороты.

Таким же путем достиг власти и епископ Корчи Фаноли, изгнавший Ахмета Зогу из Албании. Последний понял, что единственный путь к укреплению собственной власти и умиротворению страны – это обезвредить беев. Эту задачу блестяще исполнил Русский отряд. Подвластные беям люди были освобождены, и при этом любопытно отметить, что, наконец, в середине XX века было упразднено в стране феодальное право. Однако еще много лет спустя после этого «раскрепощения», обращаясь к какому-нибудь «вольному» Махмуту или Али с вопросом, кто он, – вместо ответа: «Я – албанец», можно было услышать: «Я – человек такого-то бея».

Приблизительно полтора года продолжалась то более, то менее активная борьба с феодалами. За это время была создана албанская национальная армия, которая должна была заменить «русских наемников», так как прошла потенциальная опасность военных переворотов. Итак, благодаря русским Зогу удалось

переменить весь государственный строй страны.

Возвращаюсь к биографии Ахмет-бея, отец которого был назначен султаном на ответственную государственную должность в Албанию. По существовавшему в то время в Оттоманской Империи правилу, вся семья Зогу-отца, то есть все жены и дети, должны были переехать в Турцию, без права выезда за границу, пока глава семьи был у власти у себя на родине. Систему «заложников» выдумали не большевики, но, в отличие от коммунистических правителей, турки предоставляли семьям назначенных за рубежом высших чиновников условия жизни, мало отличавшиеся по роскоши от тех условий, в которых и по сей день живут кремлевские сановники.

Воспоминания о полковнике Кучук Улагае

В первый раз я услышал его имя еще во время 1-го Кубанского похода. Вся кавалерия после Ганчбау пошла ночью (а ночь была совершенно темная, беззвездная) в колонне по 6, в неизвестном направлении, по пахоте. На рассвете мы подошли к железной дороге, спустились к ее полотну по крутому спуску, а потом поднялись по крутому подъему; мы услышали взрывы позади нас. Говорили, что кавалерию тогда провел Кучук Улагай… Много лет спустя, уже в эмиграции, он мне это лично подтвердил. Я спросил его, как он ориентировался, когда тогда так удачно провел в полной темноте всю колонну кавалерии, и он мне ответил, что даже компаса не мог достать, а шел просто «по наитию»…

Встретился я за границей с полковником Улагаем впервые в Белграде, на одной маленькой фабрике, на которой я выдавливал металлические абажуры, а рядом со мной Кучук Улагай их красил в зеленый и белый цвета.

Потом случайно встретил я его опять на улице Белграда, когда прогорело предприятие Миклашевского с казаками, и я предложил Улагаю пойти с нами в Албанию, на что он мгновенно согласился и сказал, что приведет с собой еще несколько человек. Он действительно привел полковника Коноплева, ротмистра Красенского и четырех черкесов.

В Албании полковник Улагай сначала командовал пулеметной командой, в которой я был командиром взвода. Затем, когда мы с ним вместе приняли албанское подданство, его назначили начальником конного завода в городе Шияке. Потом мы с ним опять вместе держали экзамен на производство в следующий чин, предварительно пройдя четырехмесячный итальянский курс в городе Скадаре (Скутари). Тогда Улагай

получил командование 3-й смешанной группой, центр которой находился в Скадаре. (Смешанная группа – итальянская организация альпийских частей, в которую входило неопределенное количество батальонов альпийских стрелков, артиллерии и инженерных частей.) Когда итальянцы заняли Албанию, то Улагай перебрался в Югославию, и я там его временно потерял из виду.

Встретился я с ним опять в Риме, после занятия Италии союзниками. Оказалось, что он у генерала Краснова командовал всеми кавказскими частями. Когда в Аиенце была выдача казаков, Улагая и других офицеров вызвали в британское командование, где их разоружили и передали Советам… В это время жена Улагая, почуяв недоброе, прибегала в английское командование, в котором показала албанский паспорт мужа. Перед самой выдачей Улагая и еще какого-то сотника, французского гражданина, вызвали английские офицеры, провели в подвал, в котором их заперли. Это было в том здании, из которого офицеров выдавали Советам, и Улагай слышал над собой стрельбу и топот ног… На следующее утро Улагая и сотника выпустили. Кучуку и его семье предоставили английский автомобиль, на котором их привезли в Рим.

Там он меня сразу нашел, рассказал всю эту историю, но в Риме не задержался, так как его выписала в Чили его сестра и ее муж Куракин. Эту свою сестру в свое время Кучук проклял и только из Рима впервые написал ей.

Романтическая история замужества сестры Улагая Фатимы следующая: когда Улагай, еще в Албании, был начальником конского завода и оттуда поехал в Скадар на курсы, то Куракин, который был албанским унтер-офицером и служил на том же конском заводе, похитил сестру Улагая. При этом он провез Фатиму через Скадар в то время, когда мы с Кучуком гуляли по городу. Мы видели автомобиль, в котором Фатима, как мусульманка, сидела с закрытым лицом, а Куракин был спрятан в мешок и лежал на полу автомобиля. Помог этому романтическому предприятию православный епископ Албании под условием, что Фатима сейчас же крестится, что она и сделала.

Потом Куракины оказались в Сантьяго-де-Чили, где муж Фатимы, как инженер, занимал хорошее место. Получив от Улагая письмо, он сейчас же выслал ему визу, и вся семья переселилась в Чили.

Несколько лет тому назад я узнал, что Кучук Улагай там и скончался от какой-то тропической болезни.

Доброволец Иванов[149]
По следам памяти[150]

Театр наш одновременно являлся и собранием, где можно было поиграть в шашки, шахматы или «сгонять пульку» в преферанс. Там же устраивались и дружеские беседы, сопровождаемые иногда небольшой и безобидной выпивкой в обществе одного-двух английских офицеров. Однажды на одном из таких собеседований завязался по какому-то поводу спор, в результате которого небольшого роста, но коренастый хорунжий Земляков дотянулся через стол до своего визави – английского капитана, – схватил его «за манишку» и без особого напряжения перебросил на свою сторону. Этот невиданный еще вид спорта привел англичанина в восторг. Случай этот был вполне в характере наших взаимоотношений с местным английским офицерством.

Благодаря тому что наш прекрасный регент оказался еще и хорошим администратором, свободно владевшим принятым в культурной среде «египтян» французским языком, мы часто, после его однодневного или двухдневного отсутствия в лагере, получали приглашение или петь в концерте, или же пропеть в греческой церкви литургию или всенощную, что приносило нам и некоторый заработок на мелкие расходы.

Программа концертов для иностранцев состояла преимущественно из таких вещей, как «Эй, ухнем!», «Закувала», «Во поле березонька стояла» и т. д., и была отделана нами самым тщательным образом. Как часто техническим искусством, хор щеголял добытым где-то «Хором» из оперы «Нерон» – «Ах, вкусное вино…». Живая музыка этого номера, с пассажами в шестнадцатых и чуть ли не в тридцать вторых, звучала отточенно, легко и непринужденно. На эту вещь хор положил много труда и времени.

Получили мы предложение петь в каком-то клубе в фешенебельной части города Александрии, пели и в Каире и еще где-то.

На станции много англичан и рослых арабских жандармов в фесках. Палатки для нас были приготовлены заранее, и разместились мы в них довольно быстро. Одели нас во все чистое, а наше забрали в оттирку и дезинфекцию. Был конец февраля. Кончились зимние ливни, оставившие в песке большие промоины. Совсем тепло. Палатки у нас большие, прочные, тройные: их внешняя покрышка из плотной, крепкой парусины, под нею более

легкая красная, а внутренняя – бледно-желтая. Помещалось нас в ней более 20 человек. Койки прочные, белье чистое.

Рана моя постепенно заживала, а язва разрасталась все больше, достигнув размера хорошего пятака. Лечение было примитивным, перевязки болезненны. Почти каждый день на рану накладывали соляные примочки. Влага быстро испарялась, марля присыхала к обнаженной ране, и ее приходилось отдирать хотя и энергичным, но все же весьма болезненным образом.

Как-то вышло, что мы, три первопоходника, очутились лежащими рядом: поручик Возовик[151], капитан Морозов[152] (кавалер ордена Святого Георгия) – оба корниловцы. Возовик был ранен в локтевой сустав и остался полуинвалидом. Морозов тяжело ранен в голову, и в результате одна сторона оказалась парализованной: лицо было перекошено, он еле волочил ногу, а рука беспомощно болталась вдоль тела. Был он очень нервным и вспыльчивым, говорил с трудом и еле передвигался с помощью костыля. Хорошо помню, как он, волнуясь и заикаясь, «костил» Скоблина всякий раз, как только о нем заходила речь, снабжая его такими эпитетами, как «сволочь» и «мерзавец». Много позднее я понял, что уже тогда у капитана Морозова были серьезные основания для такой моральной аттестации своего соратника. Впоследствии такую же аттестацию дал Скоблину поручик Дроздовского полка, учившийся вместе с ним в Нежинской гимназии. К этому я возвращусь в дальнейшем…

Вскоре в госпитале появились арабы-чернорабочие, одетые в длинные, до пяток, балахоны-рубахи, сквозь которые просвечивало тело, и все босые. Надсмотрщиком над ними был русский армянин, владевший и английским, и арабским языками. В рабочее время он почти не расставался с длинным бичом, неоднократно на наших глазах полосовавшим спины подчиненных ему феллахов. Отвратительное зрелище!

Во время войны Тель-эль-Кебир был английской базой на Среднем Востоке. В наше время там стоял индусский конный полк и небольшая английская техническая часть. Встречалось довольно много офицеров. Неподалеку было разбросано селение арабской бедноты. Но боже, до чего убоги и жалки были ее жилища! В одной продолговатой лачуге, в разных ее концах, помещались и семья, и скот. Только верблюды были снаружи. Главным занятием было возделывание хлопка и риса.

Англичане относились к нам хорошо. Заядлые спортсмены, они вскоре организовали в лагере выздоравливающих футбольную команду и устраивали состязания.

Персонал госпиталя был весь русским, приехавшим вместе с нами. Рана моя зарубцевалась, и потихоньку стала заживать и

язва. На последней неделе Великого поста ночью разбудило нас всех громкое радостное приветствие: «Христос воскресе!» Весь госпиталь вскочил на ноги, пока не разобрались, в чем дело, – какой-то несчастный сошел с ума.

В Пасхальную неделю я впервые почувствовал некоторую устойчивость в моей раненой ноге и осторожно попытался слегка наступить. Нога держала. Доктор, в свою очередь, подтвердил, что большая берцовая кость определенно срослась, но оставлять костыли пока не советовал. Не прошло и недели, как я уже начал пытаться ходить на укороченной на 2,5 сантиметра ноге. Сущие пустяки! От радости я готов был прыгать до небес! Прошло еще немного времени. Производя экзамен крепости ноги, я уже засыпал землей глубокие промоины, оставшиеся от зимних ливней. А два месяца спустя спрыгнул на ходу с поезда.

Кормили нас тогда и обильно, и сытно, но не особенно вкусно, ибо пища мало подходила к царившей в Египте жаре, доходившей до 63–65 градусов по Цельсию на солнце. С утра давали нам большую чашку какао, кусок горячего отваренного сала, варенье. Хлеба и галет – всегда вволю. Днем и вечером получали мы суп, мясо, консервы, ломоть сыру, пикули и какао. Все это бывало приторно жирно и, по всей вероятности, служило причиной появления в лагере выздоравливающих дизентерии. Раз в неделю получали мы приветствуемое всеми блюдо: пикули в горчичном соусе. Запасы сыра в огромных кругах обычно зарывались в землю, так как ночи всегда бывали прохладными и на известной глубине земля не успевала прогреться за день и оставалась холодной.

К Пасхе в госпитале сорганизовался небольшой хорик. Руководил им поручик Диев, прекрасный бас и неплохой регент, так что мы совсем недурно отпели всю пасхальную службу. Запомнились мне присутствовавшие на богослужении и стоявшие в стройных рядах маленькие кадетики, направлявшиеся в Измаилию. Русская колония Каира прислала к празднику куличи и яйца.

После Пасхи хорик наш стал быстро расти. Влились в него и женские голоса, взятые из семейного лагеря после прибытия туда из Одессы с пароходом «Саратов» большой партии беженцев. По своей структуре хор получился весьма оригинальным, так как в партию первых теноров входили четыре сопрано, а в партию вторых – пять альтов. Нашелся хороший октавист – инвалид, с трудом передвигавшийся на костылях.

Довольно неожиданно хор наш получил приглашение выступить на двух вечерах-гуляньях, устраиваемых в городском саду Каира тамошней русской колонией. Конечно, приглашение

приняли, но… что петь и в чем петь? Нот не было, да и достать их было неоткуда. Состряпал что-то по памяти наш регент, большинство же номеров – народные песни, которые можно было петь и без нот, конечно предварительно спевшись. Четыре-пять куплетов из «Бандуры» тенор пел как соло, а хор лишь аккомпанировал. Петь нам, несомненно, хотелось, но не меньше хотелось хотя бы мельком взглянуть на Каир и на пирамиды.

И вот мы поехали… Надо было посмотреть, как мы выглядели, – одни на костылях, у кого рука на перевязи, кто хромает! Одеты были в старое потрепанное военное обмундирование; на головах – у кого фуражка, у кого папаха; на ногах – у кого сапоги, у кого ботинки с обмотками, а кто и просто в госпитальных туфлях. Однако налицо – формы почти всех частей Добровольческой армии, определяемых погонами. Дамы наши были в летних цветных платьях.

Ехали мы скучной, однообразной пустыней недолго: вдали показались пирамиды. Вскоре и Каир. Поместили нас в отеле. Обедали в греческом ресторане. Посмотрели и центр города. Европейский город красив и благоустроен, но свернешь немного в сторону – и уже начинаются узкие кривые улочки со снующей по ним беднотой. У многих женщин лица закрыты чадрой. Мужчины-арабы одеты или в свои национальные костюмы, или в европейские, но с неизменной феской на голове. Как среди женщин, так и среди мужчин встречается много красивых, обращающих на себя внимание типов.

Всей гурьбой отправились мы на трамвае в зоологический, он же и ботанический сад. Дорогой пришлось проезжать красивейшую часть города, расположенную по Нилу. По берегу были разбросаны богатейшие виллы и большие дома, буквально утопавшие в сплошном море садов с яркими цветниками, казавшимися огромными букетами. Обвитые находившейся как раз в цвету глицинией, и виллы и дома возвышались высокими цветущими купами – голубыми, розовыми, белыми. Переехали на ту сторону Нила. Ни ботанический, ни зоологический сад не представляли собой ничего интересного, но у большой клетки со множеством обезьян нас ожидало большое и забавное развлечение.

Кому-то из нас взбрело в голову бросить во внутренность клетки большой бинт, зацепившийся за сук сухого дерева, на котором обезьянки производили свои эквилибристические упражнения. Тотчас же к нему подскочила одна обезьянка, обнюхала и отбросила. Отброшенный бинт начал раскручиваться в своем полете и вызвал восторженный визг обезьянки. Бинт тотчас же стал предметом вожделения всех остальных обезьян,

пытавшихся захватить его в свое личное пользование. Распускавшийся все более и более бинт длинной белой лентой пополз по всем сукам дерева, собрав на всем своем протяжении столь же длинную гирлянду из обезьяньих тел, боровшихся за обладание этой невиданной игрушкой. Подбросили еще один бинт, и суматоха в клетке достигла своего апогея. Глядя на эту возню, мы хохотали от души и сперва не обратили внимания на собравшуюся возле нас толпу местных жителей, чье внимание было обращено не в сторону обезьян, а в нашу, ибо для них мы представляли собой большую диковину.

Вернулись мы в отель, немного отдохнули, произвели бесплодную попытку привести себя в относительный порядок и отправились в городской сад, где уже гремел арабский духовой оркестр характерными звуками восточной музыки. Провели нас в большой павильон с открытой верандой, на которой нам предстояло выступать. В нем нам отвели две комнаты. В том же павильоне имелся ресторан-кафе. Перед верандой, за многочисленными столиками или прохаживаясь по аллеям пестрая толпа ожидает начала дивертисмента. Много нарядных туалетов европейцев, много восточных халатов, интригующие чадры женщин.

Испытывавший еще с утра волнение, наш регент «для храбрости» слегка выпил, но так как храбрость медлила вернуться к нему, то и выпил он больше чем следовало. Вышли мы, построились, запели. Публика приняла нас хорошо. Непредвиденным оказалось только то, что регента слегка покачивало, с каждым номером все заметнее и заметнее, пока, наконец, на последнем номере отделения храбрость не вернулась к нему окончательно; повернулся он лицом к публике и продолжал «дирижировать» – неизвестно кем и часто невпопад. Допели мы кое-как и скрылись внутрь павильона. Дамы наши – в слезы! Что делать с «обуянным храбростью» человеком, выражающим твердое намерение управлять и дальше? Решили запереть своего регента в дальнюю комнату. Выручил всех поручик Свечкарев, умевший дать тон и как-то «проуправлять». Как только мы вышли и запели, сразу сзади раздался вопль обиженного насмерть регента, к счастью приглушенный двумя закрытыми на ключ дверями. Отделение прошло благополучно.

На следующий вечер наше выступление должно было быть повторено, а днем мы решили всей группой побывать на пирамидах. Утром, после завтрака, отправились мы на остановку трамвая, специально идущего к пирамидам, в 10 километрах от Каира. На трамвайной остановке нас буквально облепили проводники. Как мы ни отбивались, за каждым из нас неотступно

следовал бедный босой феллах. Наши капиталы – считаные и пересчитаные гроши; наше опасение – а вдруг не хватит на расплату?

Долго ехали до последней остановки. Вот и она. Отель, толпа фотографов, верблюды, ослики. Сразу предстояло преодолеть крутой песчаный подъем, а дальше за ним около километра – по песчаному плоскогорью. Пять человек, в их числе и я, водрузились на верблюдов, другие на осликов, а часть побрела пешком. Поднялись на равнину и вдруг точно очутились рядом с двумя близнецами-пирамидами. Трудно было сказать, какая из них больше. Слева от них виднелся совсем маленький сфинкс. Медленно двигались мы по песку, истоптанному миллионами и миллионами человеческих ног – некогда рабов фараонов, а после рабов любопытства, каковыми были теперь и мы.

Первым делом снялись мы всей группой на фоне пирамид, избрав ближайшей декорацией безносого сфинкса. Все вышли прекрасно: и мы, и разбитый нос сфинкса, и пирамиды, и верблюды, и ослики, и поводыри. Еще не так давно никому из нас и присниться бы не могло запечатлеть себя на фоне истории и востока. Что значит пение! Долго бродили мы вокруг пирамид. Я даже пытался подсчитать количество огромных кубов гранита, правильной формы и одинакового размера, употребленных на постройку такого массива. Однако без бумаги и карандаша ничего не вышло, да вряд ли и имело смысл, а кроме того, какое-то количество этих гранитных кубов было скрыто в песке. По соседству находилась и еще одна небольшая пирамида, уже разрушенная временем. Большие пирамиды были зацементированы: все уступы их были замазаны, так что вся поверхность представлялась совершенно гладкой. Время разрушило цемент, и на одной из пирамид он осыпался уже больше чем на половину, но гранит не тронули ни ветры, ни ливни, ни солнце. Сунули мы что-то своим непрошеным гидам и двинулись караваном к трамваю. Вдали навстречу нам показались две фигуры на осликах: наш регент и бас – санитар Левушка. Первый – небольшого роста, в пенсне, в полной форме и в серой высокой папахе; второй – детина шести с половиной футов роста, голова растрепана, ноги, превышавшие рост ослика, волочатся по земле. Видно было, что оба пьяненькие. Мы поторопились свернуть немного в сторону, но регент узнал нас и начал радостно кричать и жестикулировать. Все же удалось разъехаться. Сели мы в трамвай, вернулись в Каир и сразу пошли обедать к греку. С городом мы так и не познакомились. Выступление наше прошло удачно, и на другой день мы были уже «дома», в госпитале.

Регент тяжело переживал свое несчастье и потерю хора. Жаль было его, тем более что он никогда не был пьяницей, но нервы его в ту пору были не в порядке. Впоследствии я работал с ним немалое время в Болгарии и пел в хоре Дроздовского полка.

Затянулась, наконец, моя язва, и я перешел в лагерь выздоравливающих. Много набралось нас, желавших вернуться в армию. Но как ехать без документов и, главное, без гроша в кармане? Выхода не было, и нам пришлось ждать еще 4 месяца.

Лагерь выздоравливающих находился всего в полуверсте от госпиталя и был разделен на две части. В «семейной» части жили или семейные, или офицерские жены, прибывшие из Одессы; в другой части лагеря проживали холостяки или одиночки, инвалиды, вылечившиеся раненые и здоровые, военные и штатские, тоже приехавшие из Одессы. Семейный лагерь был обнесен высокой проволочной сеткой, и по ночам у ворот его постоянно стоял дежурный дневальный. Что же касается холостяков, то они пользовались полной свободой и были размещены в маленьких круглых палатках на три койки. В одной из них устроился и я в компании моих однополчан, корнетов Панова и Иванова. Выбыли они из строя почти на год позднее меня, и я много узнал от них о жизни нашего полка.

На «Саратове» прибыл в Египет и целый певческий мир, среди которого находилась и знаменитая певица Лесли-Преображенская, несмотря на свою хромоту бывшая большой эстрадной певицей. Прибыл и блестящий баритон Зиминской оперы – капитан Фадеев. Были две хорошие певицы-солистки – Броницкая и Мандрыкина, которые выступали как в лагере, так и в концертах большого хора под управлением есаула Н. Афанасьева, которого я немного помнил по семинарии. Впоследствии он учился в Духовной академии и управлял академическим хором. Сразу поступил в хор и я.

Жизнь в лагере забила ключом: был устроен театр, давались концерты, устраивались всевозможные развлечения. Часто со сцены театра можно было слышать и «Пролог» из оперы «Паяцы», и куплеты Тореадора, и «Как король шел на войну», и «Увы, сомненья нет», и «Фигаро» в безукоризненном исполнении Фадеева. Реже зачаровывала нас своим дивным меццо-сопрано Лесли-Преображенская, не только лаская слух мягким мощным голосом, но и захватывая слушателей исполнением. Такая заезженная вещь, как «Черные гусары», в ее передаче не померкла в моей памяти и поныне. Частенько потешал нас всех и «Хор братьев Зайцевых», где главенствовали тенор-душка Осветинский и бас Вольский. Иногда ставили небольшие пьески, вроде чеховского «Предложения». Появлялся также едва умещавшийся

на эстраде большой хор, обыкновенно певший в лагерной церкви, где священствовал мой земляк – протоиерей отец Петр Голубятников. Прекрасно спевшийся хор имел много хороших солистов и состоял из свежих, молодых голосов.

Встретил меня плотный, довольно симпатичный соотечественник, с рыжеватой шевелюрой и еще более огневатой бородкой. Представились и разговорились. Появилась и мадам Вуд и с нескрываемой радостью затараторила: как да что? как брат? – и без обиняков: «Когда придете на работу? Завтра?» Я смутился.

– У вас ведь теперь работает мой соратник, а я зашел лишь затем, чтобы засвидетельствовать свое почтение,

– А мы взяли господина… – она назвала фамилию, – на время вашего отсутствия.

Огненная борода подтвердил, что он здесь временно, и… на другое утро я снова явился на работу, заранее зная, что я ее скоро оставлю. Опять пришлось обратиться в «мальчика на побегушках» и в некий рабочий автомат. Русской дамы уже не было, и мне, сверх обычной работы, надо было отводить детей в школу и приводить обратно. Суетливость хозяйки оставалась все так же феноменальна, и беготни стало, пожалуй, еще больше. Через короткое время я почувствовал тупые, не прекращавшиеся боли в груди. Казалось, что что-то сдавливает сердце. В невеселом настроении навестил я моего приятеля в общежитии. Здесь меня ждала радость: приступы его малярии, наконец, прекратились. Оставалась лишь слабость. Надо было окрепнуть.

Но мое положение все ухудшалось: боли в груди не прекращались, и я начал уставать все больше и больше. Становилось ясно, что вскоре я опять буду вынужден бежать отсюда. Но как оправдать свой вторичный уход от Вудов? Я начал покашливать и обратил на себя внимание хозяйки, справившейся, что со мной.

– Чувствую в груди боли – надо идти к доктору, – ответил я и на следующий день отправился в Красный Крест.

Старший врач, доктор Дурилина, очень внимательно осмотрела меня, выслушала и, покачав головой, спросила:

– Что вы, деточка, делали? У вас сердце почти в два раза больше нормального. Оно давит на соседние органы, что и вызывает тупые боли.

Я вкратце рассказал ей о своей работе в течение последних двух лет и попросил ее дать мне свидетельство о необходимости санаторного лечения, которое и получил одновременно с советом – забыть на время о тяжелом труде.

Мадам Вуд я заявил, что вынужден уехать в горную

санаторию «Троян».

Хозяйка искренне посочувствовала, заплатила сверх положенного, дала большой запас снеди и пожелала скорейшего выздоровления.

Как раз незадолго до оставления мною работы у мадам Вуд мы получили с моим выздоравливающим приятелем приглашение от наших трех хористов присоединиться к ним и заняться продажей… икон. Выбора нам не было, и, сев в поезд, покатили мы в далекую Провадию, к иконоторговцам. Организаторами этого своеобразного предприятия являлись, кажется, дроздовцы.

Наступила вторая половина Великого поста, и уже начались полевые работы, вытянувшие из домов все работоспособное население. Днем оставались по домам одни старухи, чрезвычайно набожные и строго соблюдавшие пост. Мой компаньон умудрялся доставать даже у самых набожных хороший кусок сала, к которому в Великий пост они и притронуться боялись. Молодой и подвижный, он отличался хорошим аппетитом, вполне соответствующим его возрасту. Иконы свои он продавал бойко, в то время как у меня дело шло медленно. Через пять дней он уже распродал весь свой товар, помог допродать и мне, и мы снова укатили в Провадию.

Не помню почему, в третий свой вояж я отправился опять с Другим компаньоном, опять-таки хористом А.П. Деловым[153]. Знал я его еще с Египта, где в Тель-эль-Кибире мы пели в одном хоре. Впоследствии я пригласил его вместе с другими в хор Дроздовского полка в Габрово. Как и я, семинарист, студент и доброволец, он обладал замечательным характером – никогда не унывал. Общительный, веселый и жизнерадостный, он постоянно был рад побалагурить. Теперь, в нашем совместном путешествии, он продолжал заниматься своими веселыми выходками, вероятно с целью развлечения и отклонения внимания от осаждавших нас тоскливых будней.

Поразительно, что даже весь вид Алеши точно стремился сделать кому-то вызов. На голове его красовалась старая солдатская серая папаха; такая же старая серая шинель, с огромной выгоревшей дырой в нижней части полы, окутывала его стройный стан, и не помню уже, чем она была подпоясана. Из-под лохмотьев шинели виднелись ноги, обмотанные подобием шерстяных портянок и обутые в «цырули» (обувь, сделанная из одного куска сыромятной кожи и прикреплявшаяся к ногам длинным тонким ремешком). Картину дополняла огромная, выше его роста, корявая палка – его неизменная спутница. На его интеллигентном лице, хранившем не сходившую с него улыбку, сияло пенсне. Что могло привлекать к этой фигуре сердца

сельских красавиц, готовых соединить с ним свои жизни, – остается тайной. Тем не менее это был факт, хотя он не делал в этом направлении никаких попыток, не рассыпался перед ними в любезностях и, по-моему, даже и не поцеловал ни одну из своих обожательниц. Все это входило в систему его развлечений, не имело глубоких корней, и наутро мы шли дальше, оставив позади себя «черепки» разбитых девичьих грез. Раза два прибегал он к таинственному сообщению о своем чрезвычайно знатном происхождении, сохраняя при этом самый серьезный вид и давясь от смеха.

Но однажды дело дошло чуть ли не до приглашения священника. В одном большом селе отыскал мой Алеша ночлег в зажиточной семье, где среди детей была и миловидная девушка на выданье. Приняли нас по-деревенски радушно, хорошо кормили. Прожили мы там два дня – срок вполне достаточный для молодой девушки для того, чтобы «втрескаться» в живописную фигуру «знатного иностранца». К вечеру на второй день уже и отец не прочь был обзавестись «породистым» зятем. Незаметно толкнул я под столом Алешку и успел шепнуть ему, что приспело время убираться отсюда, и как можно поспешнее. Утром ушли в другое село. Перед отходом «жених» заявил, что вскорости вернется.

Любопытно было смотреть, когда Алеша бродил со двора во двор со своим неизменным дрекольем: не то странник божий, не то нищий, не то бродяга.

Как-то зашел у нас разговор о самих себе и о наших семьях. Узнал я от него, что его старший брат, кавалер ордена Святого Георгия капитан Делов, вступивший в ряды Добровольческой армии почти с начала ее организации, пропал без вести. Мне сразу вспомнился Ейский госпиталь и та группа корниловцев, среди которых был и капитан Делов – точная копия Алеши, только более плотный. Я, конечно, рассказал ему все, что знал о его брате и о его смерти в первом же бою по возвращении из госпиталя. Пал смертью храбрых в рядах доблестного Корниловского полка в начале декабря 1918 года. Он только спросил меня, настолько ли это верно, что об этом можно уведомить отца.

– Конечно да…

Закончили мы свой первый совместный вояж, съездили в Провадию, запаслись новыми иконами и отправились во второй, для меня уже последний. Приближалась Страстная неделя, и я уведомил своего компаньона, что дней через 5–6 уезжаю в Софию, на что получил ответ, что спустя несколько недель он также собирается уехать туда же.

По-прежнему продажа у меня шла вяло, тогда как Алеша в этом занятии преуспевал. Как-то раз получили мы ночлег в богатой семье, но помещение нам отвели не в доме, а в совершенно новой пристройке. Настлали нам соломы, чем-то прикрыли ее сверху и дали одеяла. Накормили. Вернулись мы в свой «апартамент» и сидели, болтая о том о сем, когда вошел юноша в гимназической форме – сын хозяина. Оказался он весьма любознательным и расспрашивал буквально обо всем, в том числе о Гражданской войне и о нас самих. О себе мы дали почти точные сведения, чему юнец как будто не совсем верил. У меня имелись при себе все необходимые документы для поступления в Пражский университет, куда я лишь собирался, высланные мне институтом. Просмотрев их все, гимназист удивленно спросил: «Так вы можете быть священниками?» Заволновался он ужасно и побежал в дом. Через короткое время вернулся он с извинениями от имени родителей, что они не смогли дать нам помещение в доме, так как к праздникам съехалась вся семья – молодежь, учащаяся в городе. Мы попросили его передать родителям нашу искреннюю благодарность, уверив его в том, что нам и здесь хорошо, как это и было в действительности. Наутро за завтраком извинялись перед нами и старшие.

Кажется, отсюда я и уехал в Софию, сдав Алеше остатки моих икон и деньги за проданные, для передачи хозяевам предприятия. Закончил я торговлю иконами с легким сердцем.

В Софии поселился я опять в том общежитии, где так страдал от холода зимой, и сразу стал петь в хоре. Прошла Страстная неделя, прошла и Пасха – стало тепло. Начались и сезонные работы на постройках у Н.П. Шурупова, к которому я и поступил «на бетон». Постепенно начали съезжаться и другие хористы: Диев, Делов, Рябуха, ставшие на работу у того же Шурупова. Рядом с постройкой, на старых путях, стояло немало заброшенных товарных вагонов, и, облюбовав один из них, мы решили использовать его для жилья. Вычистили, устроили нары и вчетвером перекочевали в наш новый «апартамент».

Моя работа опять была и тяжелой, и грязной, но… только физически. Не легкой была она и у других: кто-то возил тачкой песок и гравий, кто-то стоял на его просеивании. Появился среди рабочих и донской генерал С.К. Бородин[154], помогавший плотникам.

Лето стояло жаркое и сухое. Глинистая земля высохла настолько, что не поддавалась лопате, и нам приходилось подкапывать ее кирками снизу и делать обвалы сверху при помощи ломов. Но сверху тяжелый и острый лом невозможно было загнать в землю, и необходимо было понемногу подливать в

дыры воды, чтобы размягчить почву, и затем уже втыкать лом. Ударишь, бывало, в наполненную водой дыру ломом, и обдаст тебя всего, не исключая и физиономии, жидкой грязью. Глина почти что не пропускала воды. Наконец, вонзив ломы, мы дружно брались за них, чтобы произвести обвал. Нередко ломы гнулись раньше, чем удавалось оторвать глыбу в несколько кубических метров. Но и оторванную глыбу надо было разбить на куски, которые было бы под силу погрузить на двуколки. Работали без рубашек, обливаясь потом. Обильная пыль садилась на мокрое тело и расписывала физиономии до неузнаваемости. Рядом пролегала главная аллея сада, где прогуливалась нарядная публика и откуда то и дело наведывались к нам любопытные с целью поглядеть, что у нас творится. Многих из нас это очень стесняло, и когда надо было, возвращаясь в общежитие, пересекать главную аллею, они делали большой круг, чтобы избежать встречи с гуляющей публикой.

Работа эта была изнуряющей, и мы, закончив свой участок, разбрелись кто куда – благо летом спрос на рабочих, особенно русских, был большой.

Не помню точно, с какого времени Дроздовский хор начал петь в русской посольской церкви. На осень почти весь хор заручился работой на сахарном заводе, чему способствовал русский капитан, служивший во время войны в экспедиционном корпусе, а ныне занимавший место контр-метра на этом заводе и заведывавший сменой рабочих.

Г. Турчанинов[155]
Русские в Эфиопии после революции 1917 года[156]

Последний русский поверенный в делах П.К. Виноградов покинул Эфиопию в 1919 году. Из посольства остались в Аддис-Абебе один служащий – Седов с женой и дочкой и повар Эфим. Дочь вышла замуж за русского и оставалась в Аддис-Абебе до 1968 года, потом уехала в Европу.

После трудной жизни в Европе русские эмигранты стали просачиваться в Эфиопию. Эфиопия, как старинная монархия и очень близкая по вере к православию, вызывала симпатию среди русской эмиграции, а поездка Императора Хайле Селассия (тогда еще наследника) в Европу в 1923 году дала толчок этой иммиграции.

Можно сказать, что их было две волны: первая – самотеком, после революции и первой Великой войны, а вторая – после второй Великой войны, главным образом из беженских лагерей в Германии.

За первый период с 1925-го по 1935 год в Эфиопию прибыло 17 русских офицеров, из них 2 генерала, 6 инженеров, 4 доктора, 8 человек разных профессий и один протоиерей. Одна группа, состоящая из трех инженеров с женами, чтобы доехать из Европы в Африку, давала по дороге концерты, подрабатывая для оплаты проезда на пароходе. К концу этого времени русская колония насчитывала около 80 человек. Эти люди в Аддис-Абебе устроили церковь во имя Святой Троицы.

Большинство русских офицеров работало топографами, но были и исключения. М.В. Банкул[157] был директором компании «Зингер» (швейные машины); И.С. Хвостов стал адвокатом; нетрудоспособные получали пенсию из сумм по найму бельгийцами здания русского посольства. Ротмистр Фермор[158] сформировал конную гвардию Императора. Русские инженеры работали по специальностям: Ф.А. Шиманский стал старшим инженером муниципалитета, а Н.П. Вороновский – старшим инженером пути железной дороги Джибути— Аддис-Абеба.

В общем, до прихода итальянцев всем жилось хорошо, но с их появлением стало туго. Большинство потеряло работу, а итальянцы старались выжить из Эфиопии вообще всех иностранцев.

Кое-кто умер, многие уехали. Когда итальянцы покинули АддисАбебу (1940), то в ней русских оставалось только 12

человек. Русская церковь была разрушена во время разгрома Аддис-Абебы в 1936 году, в четыре дня анархии между уходом эфиопской полиции в партизаны и приходом итальянцев. Протоиерей Павел Вороновский скончался.

После ухода итальянцев и возвращения Императора в Аддис-Абебу, оставшимся в столице русским удалось устроить на службу эфиопского правительства русских из беженских лагерей в Германии (главным образом из Чехии и Югославии), так что большинство приехало на работу с готовыми контрактами, а переезд их был оплачен У НР А.

Русская колония ожила, была восстановлена церковь во имя Святой Троицы и выписан священник – отец Анатолий Миловидов. Приход состоял из около ста прихожан. Инженер-агроном Аисицын организовал метеорологическую службу и был ее начальником; инженер-агроном Турчанинов стал главным инспектором Министерства агрокультуры; архитектор фон Клодт построил несколько церквей, а художник и архитектор Г.Я. Киверов расписывал эти храмы и строил здания…

Но лет через 6–8 русские стали уезжать из Эфиопии, главным образом по трем причинам: 1) отсутствие пенсии, которую стали давать только бывшим государственным служащим, ввиду дороговизны жизни и трудности составить капитал для обеспечения старости; 2) ввиду образования эфиопского технического персонала (инженеров, докторов и т. д.), то есть плохой перспективы для молодых русских и 3) оплата через У НР А переездов в Америку и Австралию и устройство в старческие дома во Франции с помощью Совета Церквей.

Священник отец Анатолий заболел и уехал в старческий дом во Францию. Десять человек скончались. Средств на выписку и содержание нового настоятеля не было, и церковь пришлось закрыть. Сохранилась в доме одного инженера часовня, в которой греческий священник отправляет иногда требы.

В настоящее время (1973 год) русских эмигрантов в Эфиопии осталось чуть более 20 человек.

Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина[159]

По уходе остатков Белой армии за границу ее командование стало думать о возможном будущем. Все были уверены, что советская власть не сможет долго удержаться в России. Рано или даже поздно она будет свергнута. И, как в конце 1917 года, воцарится анархия. Тогда-то Русская Армия, возвратившись на

Родину, займется не только наведением порядка, но и восстановлением военной мощи Российского государства. Это восстановление военной мощи и полная реорганизация Красной армии потребовали бы большое число офицеров, достаточно осведомленных как об опыте Первой мировой войны, так и о том, какое влияние он оказал на военную науку. Кроме того, офицеры должны были бы повлиять на воспитание нового корпуса офицеров, так как командный состав Красной армии, при условиях его комплектования и подготовки, мог оказаться в массе мало для этого пригодным.

После ухода армии за границу в распоряжении генерала Врангеля осталось мало офицеров, имеющих высшее военное образование. А он вполне сознавал, что при отсутствии подготовленного офицерского кадра невозможно будет ни навести порядок в России, ни тем более восстановить ее военную мощь. Поэтому уже в 1921 году, когда он начал переводить части своей армии из Галлиполи и с Лемноса в славянские страны, генерал Врангель предполагал открыть в Сербии, в Белграде, русскую Академию Генерального штаба. Тогда он обратился к генералу Н.Н. Головину с предложением организовать такую академию и принять на себя руководство ею.

Генерал Головин представил генералу Врангелю несостоятельность такого начинания, указывая, что опыт минувшей мировой войны еще не изучен, выводы из него не сделаны, какие бы то ни было пособия для изучения этого опыта отсутствуют. Кроме того, нет и достаточно подготовленных руководителей, которым можно было бы поручить преподавание. Генерал Врангель согласился с этими доводами и поручил генералу Головину заняться подготовкой всего необходимого для открытия академии.

Получив предложение подготовить открытие Высшей Русской Военной школы за рубежом, он всей душой занялся этим делом. Эта подготовка шла по двум направлениям. Прежде всего нужно было составить основной научный труд, в котором был бы изложен подробно боевой опыт, полученный каждым родом оружия во время Первой мировой войны, а также и все изменения, вызванные этим опытом, как в организации вооруженных сил государства, так и в его внутренней политике в мирное время. Этот научный труд под названием «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» был составлен генералом Головиным при непосредственном участии Великого князя Николая Николаевича. Генерал Головин, изучив каждый вопрос, представлял Великому князю проект каждой главы, и составленный текст прочитывался ими два раза. При

первом чтении Великий князь делал изменения принципиального характера, а при втором устанавливалась окончательная редакция. Великий князь желал, чтобы этот труд явился руководящим пособием для усовершенствования в военных знаниях офицеров Русской Армии, находящихся за границей, а также и для подготовки молодых людей, получивших за границей среднее образование и желающих войти в ряды офицеров будущей Русской Армии.

Одновременно с этой работой генерал Головин занялся и второй задачей – подготовкой к открытию Высшей военной школы. Он отыскивал и подготовлял лиц, могущих сделаться как профессорами, так и адъютантами. Те и другие должны были обеспечить правильную научную жизнь и прогресс такой школы. Очевидно, с такой целью генерал Головин с помощью генерала Врангеля основывает в центрах расселения русской военной эмиграции кружки военного самообразования, которым посылались отдельные оттиски глав его основного труда, по мере их печатания. Вскоре эти кружки были объединены в «Курсы Высшего военного самообразования». В 1925 году число таких кружков достигло 52, при свыше 550 участников.

В 1925 году во главе русской эмиграции стал Великий князь Николай Николаевич. Он увеличил материальную поддержку заочных военно-научных кружков и принял деятельное участие в подготовке открытия Высших военно-научных курсов в Париже.

Около пяти лет деятельной научной работы генерала Головина потребовалось для подготовки основного пособия – книги «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы». В этом труде было ясно представлено все влияние опыта Первой мировой войны на военную науку и на связанную с этим опытом реорганизацию войсковых частей всех родов оружия. Только когда генерал Головин закончил эту работу, у верхов русской военной эмиграции создалась уверенность, что научные данные для изучения всех изменений как в военной науке, так и в организации разных родов оружия достаточно разработаны и являются хорошим фундаментом для изучения положений новейшей военной науки. Что же касается числа офицеров, которые могут пожелать пройти полностью курс военных наук, то широкое участие офицерства в кружках высшего военного самообразования позволяло думать, что число желающих поступить на Высшие военно-научные курсы будет более чем достаточное. Великий князь, получив уверенность как в достаточной теоретической подготовке к открытию курсов, так и в том, что будет достаточно слушателей, дал на это свое согласие.

Но генерал Головин все же решил удостовериться в этом на практике. В начале зимы 1926/27 года генерал Головин решил прочесть пять публичных лекций в Галлиполийском собрании в Париже о Первой мировой войне. Эти лекции оказались событием в жизни русской военной эмиграции. С первой же лекции зал Галлиполийского собрания был переполнен. Слушатели стояли не только в проходах зала, но и заполняли находящуюся перед залом прихожую. То же происходило и при следующих лекциях. Было видно, что слушатели с большим интересом воспринимают предлагаемый им материал. Этот интерес и создал уверенность, что при открытии в Париже Высших военно-научных курсов слушателей будет достаточно. После соответствующего доклада генерала Головина Великий князь дал свое согласие на открытие этих курсов. Давая свое согласие, Великий князь в числе основных распоряжений сделал три следующих.

1) Положением о курсах должно служить положение о бывшей Императорской Николаевской военной академии, в редакции 1910 года, причем окончившим курсы присваивается право на причисление к Генеральному штабу будущей Русской Армии.

2) С целью подчеркнуть, насколько близко было его сердцу создание Высших военно-научных курсов, Великий князь предрешил включить в академический знак, присваиваемый успешно окончившим курсы, вензель Великого князя с Императорской короной.

3) Именовать курсы: «Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина».

Целью этой эмигрантской военной школы было предоставить русским офицерам, находящимся за рубежом, возможность получить высшее военное образование; поддерживать трудами учебного персонала русскую военную науку на уровне современных требований и распространять военные знания в среде Русского Обще-Воинского Союза. Уже по окончании третьей лекции генерал Головин объявил о решении открыть в ближайшем будущем Высшие военно-научные курсы в Париже. Все офицеры, желающие поступить на эти курсы, должны были до известного срока подать рапорт о зачислении их в число слушателей. К этому рапорту необходимо было приложить сведения о прохождении службы и рекомендацию командира части или старшего представителя его части или объединения.

При открытии курсов действительными слушателями были зачислены все офицеры, окончившие во время войны военные училища. Так как довольно большое число рапортов было подано офицерами, произведенными за отличия из

вольноопределяющихся, генерал Головин немедленно учредил для них военно-училищные курсы, окончание которых давало право на поступление на Высшие военно-научные курсы. Два слушателя военно-училищных курсов, имевшие высшее гражданское образование, были одновременно допущены к прохождению курса Высших военно-научных курсов в качестве вольнослушателей, с тем что с окончанием военно-училищных курсов они автоматически делаются действительными слушателями Высших военно-научных курсов.

Впоследствии на военно-училищные курсы поступали молодые люди, получившие среднее образование уже за границей и состоявшие в русских молодежных организациях. Многие из них, окончив военно-училищные курсы, переходили в ряды слушателей Высших военно-научных курсов. По приказу председателя Русского Обще-Воинского Союза генерала Миллера, окончившим военно-училищные курсы присваивался чин подпоручика.

К весне 1927 года подготовительные работы по организации Высших военно-научных курсов были закончены, и 22 марта 1927 года генерал Головин торжественно открыл их своей вступительной лекцией.

В основу организации Высших военно-научных курсов была положена, как это указал Великий князь Николай Николаевич, организация Императорской Николаевской военной академии. Все прохождение курса было рассчитано на четыре с половиной – пять лет и разделено на три класса: младший, старший и дополнительный. В младшем классе теория боевых действий изучается в рамках дивизии. Одновременно проходятся тактика родов оружия и другие военные дисциплины, знание которых необходимо для понимания и разрешения многих вопросов, возникающих при подробном исследовании боевых действий дивизии. В старшем классе изучается использование дивизий в корпусах и в армии. Наконец, в дополнительном классе проходятся дисциплины высшего порядка, в государственном масштабе, иначе говоря, стратегия и связанные с ней вопросы.

Во время работы генерала Головина над книгой об устройстве Российской вооруженной силы постепенно выяснились все те научные сведения, точнее, те военно-научные дисциплины, знание которых является необходимым каждому офицеру Генерального штаба для решения всевозможных вопросов при быстро меняющейся военной обстановке. Насколько широка область разных сведений, которые полезно знать каждому офицеру Генерального штаба, в особенности занимающему высокий пост, показывает приводимый ниже список

военнонаучных дисциплин и руководителей, на которых разновременно было возложено их преподавание:

1) Стратегия – профессор генерал Головин

2) Тактика пехоты – профессор полковник Зайцов

3) Тактика кавалерии – генерал Доманевский[160], генерал Шатилов, генерал Черячукин[161]

4) Тактика артиллерии – генерал Виноградский[162], полковник Андреев

5) Тактика воздушных войск – генерал Баранов

6) Боевая химия – полковник Иванов[163]

7) Полевое военно-инженерное дело и тактика технических войск – генерал Ставицкий[164], капитан Петров[165]

8) Общая тактика – профессор полковник Зайцов

9) Высшая тактика – профессор полковник Зайцов

10) Обзор классических учений по тактике – генерал Алексеев[166], профессор полковник Зайцов

11) Служба снабжения и тыла – генерал Алексеев

12) Служба Генерального штаба – профессор генерал Головин, профессор генерал Рябиков[167]

13) Служба автомобильных войск – генерал Секретев[168]

14) Служба радиотелеграфа – полковник Трикоза[169]

15) Военно-инженерная оборона государства – генерал Ставицкий

16) Русская военная история – полковник Пятницкий[170]

17) Современное состояние военно-морского искусства – профессор адмирал Бубнов[171]

18) Общая история мировой войны 1914–1918 годов – профессор генерал Головин, генерал Доманевский, профессор полковник Зайцов

19) История новейшего военного искусства – профессор полковник Зайцов

20) Военная психология – генерал Краснов[172]

21) Военная география – полковник Архангельский

22) Устройство вооруженных сил главнейших европейских государств – заслуженный профессор генерал Гулевич[173]

23) Война и международное право – профессор барон Нольде

24) Война и экономическая жизнь страны – профессор Бернацкий

25) Мобилизация промышленности во время Великой войны и подготовка к будущей мобилизации – И.И. Бобарыков[174].

В основу изучения всех этих дисциплин была положена идея, что знание для военного имеет ценность только тогда, когда он умеет его применять. Поэтому курсы не только стараются расширить умственный кругозор и уточнить знания слушателя,

но и научить его применять эти знания, когда создается соответствующая обстановка. Такое умение достигается применением прикладного способа, когда слушатели всесторонне изучают предложенные им руководителем вопросы, предлагают те или другие оригинальные решения, а затем выслушивают критику руководителя и своих коллег. Так, постепенно привыкают всесторонне охватывать вопрос и быстро находить то или другое решение. Завершением обучения таким методом является военная игра, в которой участвующие решением каждого хода игры показывают степень своей подготовки.

Генерал Головин полагал, что обучение слушателя во всех трех классах потребует до 800 учебных часов. Половину этих часов, то есть 400, займет выслушивание обязательных лекций. Остальные предназначены были на беседы, семинары, решения тактических задач и, наконец, на военную игру. Обязательные открытые лекции, на которые наравне со слушателями курсов допускался каждый член Обще-Воинского Союза, происходили по вторникам от 21 до 23 часов. Практические занятия, на которые допускались только слушатели курсов, происходили в эти же часы по четвергам. При таком расчете использование намеченных учебных часов должно было занять 50–52 месяца.

В марте месяце 1927 года, к моменту открытия курсов, у помощника главного руководителя по строевой и хозяйственной части генерал-лейтенанта М.И. Репьева[175] собралось более ста рапортов офицеров, желающих получить высшее военное образование. Генерал Головин прежде всего отобрал рапорты офицеров, произведенных из вольноопределяющихся. Этим офицерам он предложил поступление раньше на военно-училищные курсы и уже по сдаче офицерского экзамена – право поступить в младший класс Высших военно-научных курсов.

Остальные же офицеры были разделены на 6 групп, и каждая такая группа составляла как бы отдельный класс. Группа А-1 была составлена исключительно из кадровых офицеров, большей частью уже в штаб-офицерских чинах, которые уже два года работали под руководством генерала Головина в кружках заочного высшего военного самообразования. В нее же вошли генералы, желавшие пройти курс высших военных наук, а также и два вольнослушателя, как имевшие высшее гражданское образование. Группы А-2 и А-3 были составлены из кадровых офицеров, не участвовавших в кружках заочного военного самообразования. В группы А-4 и А-5 вошли офицеры, окончившие военные училища во время Великой войны, и, наконец, группу А-6 составили офицеры, окончившие военные училища во время Гражданской войны.

Генерал Головин полагал, что господа руководители должны учитывать общую подготовку слушателей и сообразно с этим делать некоторые различия в методах занятий и в своих требованиях, однако строго оставаясь в рамках преподавания. Чтобы лучше узнать слушателей, рекомендовалось во время каждого занятия вызвать их на разговор и вести его так, чтобы составить себе представление, как понимает слушатель данный предмет и насколько он его усваивает. Руководители должны были следить, чтобы слушатели усваивали данную военно-научную дисциплину не путем зубрежки, а путем сознательного восприятия. Наконец, руководители, разбирая различные вопросы во время практических занятий, должны особенно тактично относиться к высказываемым слушателями мнениям и решениям, избегать настаивать на своем решении, дабы у слушателей не сложилось своего рода обязательного трафарета или шаблона для решения разного рода вопросов.

После десяти месяцев занятий главный руководитель 15 декабря 1927 года просил господ руководителей представить ему к 1 января 1928 года оценку успехов участников практических занятий Высших военно-научных курсов. Они должны были произвести оценку по пяти степеням: 1) выдающийся, 2) хороший, 3) удовлетворительный, 4) неудовлетворительный и 5) совершенно неудовлетворительный. Каждую оценку руководители должны были дополнить несколькими словами, более точно ее характеризующими. Те же руководители, которые провели домашние задачи, должны были обосновать эту оценку на основании домашней задачи. При произведении этой оценки господа руководители должны были учитывать не только приобретенные слушателем знания, но и степень его общего развития, интереса к военному делу, решительность и умение мыслить.

Эта предоставленная господами руководителями оценка позволила главному руководителю курсов составить известное мнение о каждом слушателе.

С первого дня открытия курсов занятия пошли нормальным ходом. Но многим слушателям регулярное посещение занятий оказалось не по силам. Ведь одновременно с научными занятиями нужно было зарабатывать на жизнь не только свою лично, но – у семейных – и на содержание семьи. Поэтому младший класс являлся своего рода фильтром: отпадали все те, которые не могли угнаться за своими однокурсниками. Таких в младшем классе каждого курса оказалось около половины.

Занятия курсов шли настолько успешно, что уже на четвертом месяце их существования главный руководитель

обратился к господам руководителям с предложением в двухнедельный срок выработать текст домашней задачи. Этот текст должен был быть подразделен на следующие рубрики: а) общее задание, б) частные задания для каждого из задаваемых вопросов, в) указания, что должен сделать решающий по каждому из вопросов. Затем 2 июля 1927 года был установлен точный порядок того, как должны быть розданы задачи для решения на дому, когда слушатели обязаны сдать решения; затем порядок индивидуальных разборов и, наконец, общий разбор. Было указано, что индивидуальные разборы нужно делать возможно краткими, так как каждой группе дается на них только одно практическое занятие. Руководитель при индивидуальных разборах играет пассивную роль, побуждая слушателей на короткие дебаты, которые, между прочим, могут указать и на известные недостатки в его лекциях.

Общий разбор занимает всего одну двухчасовую лекцию. Он должен начаться с прочтения задачи и решения, которое сделал сам руководитель с теми же подробностями, какие были потребованы от слушателей, так как прочитаны все письменные ответы и приказания и также показано на картах то, что слушатели должны были показать на кальках. Во второй части общего разбора руководитель должен указать другие варианты решения этой задачи. Но это должно быть сделано так тактично, чтобы слушатели не подумали, что им навязывается трафарет.

В третьей части общего разбора руководитель останавливается на тех ошибках, которые он встретил в решениях. Это указание должно сопровождаться пояснением тех вопросов теории, слабое усвоение которых повело к этим ошибкам. Генерал Головин почти всегда проверял во всех подробностях каждую тактическую задачу, а также решение этой задачи руководителем перед предложением решения слушателям.

Весной 1928 года стало приближаться время перехода 1-го курса с младшего класса в старший. Среди слушателей возник вопрос, какими испытаниями и проверкой знаний будет обусловлен этот переход. В приказе главного руководителя курсов от 27 февраля 1928 года указывается, что эти испытания будут состоять из: а) репетиций, б) военной игры ив) отчетной тактической задачи с устным ее объяснением.

Репетиции установлены по просьбе самих слушателей, выразивших желание, чтобы до военной игры было проверено знание всех курсов. Репетиции должны производиться перед комиссией под председательством главного руководителя курсов или его заместителя. Программа каждой репетиции будет разделена на 15–20 билетов, представляющих собой те основные

вопросы, на которые должен будет отвечать слушатель после их обдумывания. Поэтому при составлении программы следует обращать внимание на то, чтобы оглавление билета представляло собой программу того ответа, который ожидается от слушателя на заданный ему в билете основной вопрос.

Цель репетиции – это проверка: насколько сознательно усвоены слушателями изученные ими военно-научные дисциплины. Порядок репетиции был следующий. Очередной слушатель, взяв билет, в котором значится предложенный ему основной вопрос, обдумывает и готовит ответ за отдельным столиком, пользуясь взятыми с собой пособиями, в течение получаса. Затем, представ перед комиссией, он должен в течение 15 минут полно, но кратко доложить комиссии. После этого отдельные члены комиссии задают слушателю летучие вопросы.

Выслушивая этот доклад, члены комиссии должны были обращать внимание на то, чтобы он не был простым пересказом соответствующих отрывков пособия, а представлял бы обоснованное рассмотрение основного вопроса, хотя бы и с личными выводами слушателя.

Оценка ответа производилась следующими отметками: отлично (12), очень хорошо (11), хорошо (10—9), вполне удовлетворительно (8–7), удовлетворительно (6). В тех случаях, когда ответ будет неудовлетворительным, слушателю объявляют о переэкзаменовке.

Чтобы дать возможность высшим чинам Русской Армии познакомиться с работой Высших военно-научных курсов, генерал Головин пригласил на репетицию по знанию «Мыслей об устройстве будущей Российской вооруженной силы» генералов Е.К. Миллера и Постовского[176]; на репетицию по тактике пехоты – генералов А.П. Кутепова и Хольмсена[177]; на репетицию по тактике кавалерии – генералов Шатилова и Черячукина; на репетицию по тактике артиллерии – генерала князя Масальского[178]; на репетицию по тактике воздушных войск – генерала Степанова[179] и полковника Руднева[180]; на репетицию по полевому военно-инженерному делу – генерала Бема[181].

В конце октября 1928 года был объявлен новый прием слушателей в младший класс Высших военно-научных курсов. 7 ноября 1928 года генерал Головин отдал следующий приказ: «Мною открыт новый младший класс. Занятия на нем будут проведены по тем же программам и в том же объеме, как это имело место для первого состава постоянных слушателей. Некоторые изменения, которые я вынужден произвести по причине стеснения в денежных средствах, заключаются в следующем: слушатели теперешнего младшего класса будут

слушать лекции по вторникам вместе со старшим. Специальные же занятия по программе младшего класса будут для них вестись по понедельникам. Эти занятия должны представлять собой: а) беседы характера лекций и б) упражнения на карте. Принимая это во внимание, мною увеличено число таких занятий по сравнению с предыдущим курсом».

Обязательное посещение всеми слушателями курсов каждой общей лекции по вторникам стало придавать последней совершенно особый характер. Эти лекции стали как бы выпадать из общей системы прохождения военных наук. Темами лекций по вторникам стали главным образом новые вопросы и теории, основанные как на опыте войны, так и на усовершенствованиях в оружии, разбиравшиеся в новейшей военно-научной иностранной литературе. На этих лекциях рассматривались позднее и труды офицеров, окончивших Высшие военно-научные курсы. Так, И.И. Бобарыков, по поручению заслуженного профессора генерала А.А. Гулевича, сделал исследование о работе промышленности в России и во Франции во время войны 1914–1918 годов и прочел две лекции по истории и опыту этой мобилизации. Он также, по поручению генерала Головина, проследил влияние трудов генералов Маниковского и Святловского, а также и других советских исследователей на разработку планов первой и второй пятилеток. Нужно отметить, что за 13 лет официального существования курсов ни одна из лекций, прочтенных по вторникам, не была повторена вторично.

Широкая посещаемость этих лекций не состоящими на курсах, так сказать, «посторонними» военными слушателями позволила генералу Головину в разговоре с начальником Белградских военно-научных курсов генералом Шуберским[182] неосторожно сказать, что парижские курсы – это своего рода народный университет. Генерал Головин имел в виду те военные знания, которые приобретают посторонние военные посетители лекций по вторникам. Генерал же Шуберский понял это выражение буквально. Поэтому в своей книжке («К 25-летию основания Высших военно-научных курсов в Белграде», с. 13) он говорит: «На первом же заседании Учебного Комитета было решено организовать Курсы по образцу нашей бывшей Академии. Этим организация Белградских Курсов отличалась от Парижских, организованных на началах народного университета». При таком представлении о парижских курсах вполне нормально утверждение, что «состав слушателей Курсов… состоял… также из гражданских лиц, если они были рекомендованы Воинскими Организациями» (Там же, с. 9). Это, конечно, было бы нормально в народном университете, но такового, как было указано выше, на

парижских курсах не было. При встрече с генералом Шуберским один из руководителей доказал, что парижские курсы отличались от белградских только одной лишней лекцией в неделю, которая по своей теме не касалась непосредственно вопросов, изучаемых в данный момент на курсах. Генерал Шуберский признал свою ошибку.

Единственным недостатком парижских курсов было отсутствие в первые годы их существования исследования и репетиции по курсу о действиях броневых войск. Такое положение было вызвано тем, что Россия фактически вышла из войны почти сразу после революции 1917 года, и ее армия имела только первые бронеавтомобили. Ей не были известны ни позднейшие автомобили-вездеходы, ни гусеничные танки, а также и вопросы их использования и тактики. Массовые действия танков на Западном фронте начались значительно позже Февральской революции. Опыт их и выводы из него были весьма противоречивы. Этот недостаток был исправлен в 30-х годах профессором полковником Зайцовым. Он занялся изучением новых путей в теории военного дела, и в частности работ британского военного ученого и специалиста по части броневых войск генерала Фуллера. В 1936 году состоялись 8 лекций профессора полковника Зайцова на тему: «Новые пути в военном деле – броневые войска». Они входили в число общих лекций, то есть были предназначены для слушателей всех трех классов: младшего, старшего и дополнительного. В 1938 году состоялись еще 5 лекций на тех же основаниях (для всех слушателей курсов) на тему: «Тактика броневых войск». Лекции профессора полковника Зайцова привлекли самое большое внимание слушателей. Тогда же части механизированных войск были введены в задания военной игры для слушателей курсов.

Между тем высшее военное руководство французскими и британскими вооруженными силами не отнеслось с достаточным интересом к теориям генерала Фуллера, вплоть до 1939 года. И войска западных держав вышли в 1940 году на поля сражений с большим количеством танков, но с совершенно устарелыми основами танковой тактики. Большие соединения германских танков при новой тактике быстро одержали полную победу над войсками англо-французов.

Очень серьезным испытанием знаний, усвоенных слушателями, являлась двусторонняя военная игра, на которую отводилось 25 занятий. Эта игра происходила тогда, когда старший класс курсов заканчивал изучение высшей тактики. Производилась она следующим образом: весь старший класс разделялся на две группы. Возглавлять каждую назначался

посредник – опытный старший руководитель. К началу игры начальство выбирало на карте место сражения, которое соответствовало бы той задаче, которую оно хотело положить в основу игры. Затем для каждой группы приготовлялись сведения, которые позволяли бы каждой группе составить себе известное представление о противнике, а также понять существующую обстановку и сообразно с этими данными принять то или другое решение. Посредник данной группы распределяет между участниками разные должности, начиная с командира данного высшего соединения и кончая той, которую займет последний участник группы. Затем посредник предлагает им – начиная с командира соединения и кончая последней занятой должностью – писать, соответственно должности каждого, приказы и распоряжения. Все это должно быть закончено к концу занятия, когда сдается посреднику. Два посредника сторон изучают вместе работу и определяют, что могло быть замечено разведкой или каким-либо другим способом в отношении другой группы, а также и те действия обеих групп, которые так или иначе могли повлиять на обстановку. На следующем занятии посредники, разобрав индивидуально решение, приказы и распоряжения, производят снова перераспределение должностей, причем рекомендовалось каждый раз переводить участников с одной должности на другую. Затем им сообщают новые сведения о противнике. Участники группы должны написать все приказы и приказания, учитывая новые данные об обстановке. Во время всей игры групповые посредники производят легкую индивидуальную критику ошибок, как в основном выполнении задачи командования, так и формулировании приказов и распоряжений.

Первоначально предполагалось после окончания тактической задачи или военной игры делать полевую поездку на места, где теоретически происходила эта задача. Но первая же поездка в район Виллер— Коттре привлекла явное внимание жандармов; генерал Головин решил больше таких поездок не производить.

При переходе из старшего класса в дополнительный слушатели должны были пройти репетиции: 1) по военно-инженерной обороне государства, 2) по истории военного искусства и 3) по высшей тактике. Ассистентами на этих репетициях были: по военно-инженерной обороне государства – генерал Бем, а по высшей тактике – генерал Миллер.

Репетиция же на первом курсе по истории военного искусства была отменена, так как лекции еще не были отлитографированы. Кроме того, роль испытания играли решения во время военной игры в классе и на дому: по тактике, службе Генерального штаба и службе снабжения и тыла, в отчетной задаче на корпус.

В то время как первый курс заканчивал изучение наук, входивших в программу старшего класса, и готовился к переходу в дополнительный, генерал Головин в своем приказе от 8 мая 1929 года ввел в программу дополнительного класса большую письменную работу, не превышающую своим размером 20 страниц. Эта работа должна иметь характер самостоятельного творческого труда слушателя. Фактически она заменила собой устную «вторую тему» курса Императорской Николаевской военной академии. На Высших военно-научных курсах эта тема будет представлять собой чисто письменную работу. В приказе указываются и причины такого отклонения от программы академии. Причины суть следующие: 1) весенние репетиции показали умение слушателей делать устные доклады, 2) по письменной работе легче судить о развитии и знаниях слушателя и 3) устройство таких устных докладов для каждого слушателя потребовало бы много времени, а также расходов для найма зала.

Каждый руководитель должен был представить к 20 мая 1929 года десять тем по каждому из прочитанных им курсов. В этих темах должны затрагиваться новейшие вопросы. Представленные слушателями работы на эти темы будут рассматриваться генералом Головиным и давшим тему руководителем. Темы должны выбираться и формулироваться так, чтобы слушатель мог ограничиться одним-двумя пособиями. Эти письменные работы являются испытанием умения слушателей самостоятельно изучать какой-либо классический или новый военный напечатанный труд.

Наконец, особая инструкция регулирует производство специального выпускного испытания по стратегии, высшей тактике и службе Генерального штаба. Это испытание имеет целью проверить способность экзаменующегося самостоятельно мыслить в этих областях военных знаний. Основной частью этого является 15-минутный доклад на заданную экзаменующемуся за несколько дней перед тем особую тему. Этот доклад должен представлять собой выводы слушателя из заданного в теме частного случая. Рекомендуется при ответе представлять схемы, картограммы и таблицы. При оценке будет обращено внимание на богатство его содержания, форму доклада, ясность мысли, выпуклость содержания и точное использование предоставленного времени.

По окончании этого доклада слушателем и после указаний, данных главным руководителем, слушателю будет задано несколько летучих вопросов по курсам стратегии, высшей тактики и службе Генерального штаба. Ответы, данные экзаменующимся, будут оцениваться не с точки зрения

фактической стороны, а с точки зрения понимания современной теории военного искусства. Распределение тем между экзаменующимися будет произведено посредством жребия. Присутствие на испытаниях обязательно для всех слушателей дополнительного класса, даже не экзаменующихся в этот день.

Выпускной экзамен 1-го курса был очень торжественно обставлен. Вокруг главного руководителя профессора генерала Головина собрались: заслуженный профессор Императорской Николаевской военной академии генерал Гулевич, еще два генерала профессора академии, бывший начальник Императорской Морской Николаевской академии адмирал Русин[183] и главные генералы Обще-Воинского Союза: генерал Е.К. Миллер, генерал Эрдели, генерал Постовский, генерал Шатилов, генерал князь Масальский, генерал Кусонский, генерал Суворов[184]. Таким образом, в состав экзаменационной комиссии входили четыре профессора, специалиста по высшему военному образованию, и ряд генералов, окончивших Военную академию до Первой мировой войны и, следовательно, хорошо знакомых с программой и требованиями, которые предъявлялись к офицерам – слушателям этой академии.

Генерал Головин очень внимательно следил за работой каждого слушателя и задолго до окончания ими курсов намечал, кто из них может оказаться способным для дальнейшей научной работы. Лучшие из них сразу по окончании курсов прикомандировывались к кафедрам, а затем через год-два, по выполнении различных работ и пробной лекции, назначались на кафедры. Таковыми были: полковник Пятницкий, полковник Кравченко, полковник Прокофьев[185], штабс-капитан Яновский[186], штабс-капитан Конашевич[187], штабс-капитан Осипов А.В.[188], поручик Кузнецов[189], подпоручик Галай[190], Бобарыков, Хвольсон[191] и Власов[192].

В общем, генерал Головин поставил себе задачей не только помочь желающим получить высшее военное образование, но и подготовить людей, которые могли бы, в случае изменения политического положения, возвратившись в Россию, поставить там на должную высоту Высшую военную школу.

Организация в Париже Высших военно-научных курсов с программой Академии Генерального штаба не могла не обратить на себя внимание советского правительства. Есть все основания предполагать, что один из слушателей 1-го курса, штаб-офицер, бежавший, по его словам, в 1923 году из Советской России, прослушавший весь курс, успешно сдавший все работы и испытания, за одну-две недели до выпуска исключенный из списка курсов и затем бесследно исчезнувший из Парижа, – был

послан на курсы советской властью. Это предположение тем более основательно, что в скором времени информационный листок Организации Великого князя Кирилла Владимировича оповестил всех ее членов о том, что этот штаб-офицер – советский тайный агент.

Нужно еще припомнить, что в первый год существования курсов, когда занятия налаживались, советский полпред в Париже потребовал их закрытия. Генерал Головин, узнав об этом требовании, обратился к маршалу Фошу. Последний вместе с генералом Головиным поехал к председателю Совета министров. В беседе с последним маршал Фош указал, что новая война с Германией неизбежна, и русская военная эмиграция была широко допущена во Францию, как великолепный обстрелянный кадр, могущий оказаться очень ценным для Франции, и что было бы нелепо мешать этому кадру поддерживать на известной высоте свои военные знания. Выход из положения был найден в том, что курсы будут продолжать свою работу под названием «Институт по изучению проблем войны и мира».

В дальнейшем все слушатели, окончившие курсы, причислялись к Институту по изучению проблем войны и мира. Таким образом они могли лучше поддерживать связь друг с другом, пользоваться книгами из библиотеки курсов, посещать общие лекции по вторникам и иногда исполнять отдельные поручения профессора генерала Головина по военно-научной части.

Курсы как таковые формально прекратили свое существование при вступлении Франции в войну в сентябре 1939 года. Фактически они просуществовали в 1940 году до начала германской оккупации Парижа и произвели 6 выпусков. Всего окончило их 82 слушателя.

С целью дать возможность получить высшее военное образование и тем офицерам, которые проживали вне Парижа, генералом Головиным были открыты 1 января 1931 года Заочные курсы, по программе Высших военно-научных курсов в Париже. Сведения о работе Заочных курсов не сохранились.

В конце 1930 года появилась возможность открыть отделение Зарубежных Высших военно-научных курсов в Белграде, чтобы дать возможность получить высшее военное образование проживающим там офицерам. Курсы были открыты 31 января 1931 года. Во главе белградских курсов генералом Головиным был назначен Генерального штаба генерал А.Н. Шуберский. Белградские курсы окончили 77 слушателей.

Выдержка из статьи полковника А.Г. Ягубова[193]

Академию предполагалось открыть в Сербии в 1921 году, то есть без какой-либо предварительной подготовки, не имея ни подготовленных преподавателей, ни одного современного учебника. Обучающихся предположено было обеспечить материально, чтобы избавить их от забот о куске хлеба. Возглавление этой академии было предложено генералу Н.Н. Головину.

Генерал Головин убедил генерала Врангеля, что такое поспешное открытие Высшей военной школы, без серьезной предварительной подготовки, не может дать положительных результатов. И за громкой вывеской «Академия» будет скрываться ничтожное содержание.

По мнению генерала Головина, Высшая военная школа должна быть создана путем длительного труда по образованию преподавательского состава, объединенного единством военной доктрины, над которой еще надо было работать. Надо было составить учебники, вполне отвечающие современному уровню военных знаний, и произвести отбор обучающихся. Что касается последних, то при неизбежной ограниченности их числа и при их материальном обеспечении – Высшая военная школа могла бы быть заполнена людьми, не столько жаждущими знаний, как желающими освободиться от забот по добыванию себе средств к существованию.

По мнению генерала Головина, правильно поставленное высшее военное образование должно не только дать необходимые для высшего руководства знания, но и произвести отбор волевых людей.

Исходя из этого, генерал Головин считал, что эмигрантская Высшая военная школа не должна давать обучающимся никаких материальных выгод, а наоборот, требовать от них жертвенности и упорства в достижении раз поставленной ими себе цели. При таких условиях генерал Головин рассчитывал, что в Высшую школу пойдут лишь люди, действительно желающие получить знания, люди национально настроенные и верящие в светлое будущее своего народа.

Целью эмигрантской Высшей школы генерал Головин поставил следующее: 1) поддержание трудами русского учебного персонала военной науки на уровне современных требований; 2) создание кадра русских офицеров с европейским военным образованием, способных мыслить и творить в совокупности всех явлений войны.

Первая поставленная им себе цель была выполнена благодаря блестящему подбору руководителей, таких, как профессор генерал Гулевич, профессор полковник Зайцов, генералы

Ставицкий, Доманевский, Баранов, Виноградский и полковник Иванов. Что касается второй цели, то разновременно и на разные сроки через парижские курсы прошло свыше 300 офицеров. Из них 82 успешно закончили пятилетний курс и получили право ношения нагрудного знака.

М. Левитов[194]
Корниловцы после галлиполи[195]

Большой турецкий пассажирский транспорт «Ак-Дениз» стал отчаливать – мы покидали Галлиполи. Провожавшие нас войска и жители города устроили нам торжественные проводы. Вышли в Дарданеллы, а до нас все еще доносились крики «Ура!» и сигнализация. «Кардаши» махали руками из своих домов, да и эти голые скалы стали как будто родными.

29 ноября на рассвете подошли к Константинополю, туман рассеивался, и перед нами во всей красе предстал этот центр международного внимания. Все выскочили на палубу и рассматривали достопримечательности. Погода стояла дивная. В 12 часов заметили на маленькой моторной лодке ехавшего к нам Главнокомандующего. Все выскочили из трюмов и полезли кто куда мог. Не успела его фигура обрисоваться, как грянуло такое «Ура!», что его услышали на берегу наши и подхватили, выразив этим свою любовь Главнокомандующему. Вошел он по трапу под громовое «Ура!». Постарел и похудел он от переживаемого горя. Приехала и его супруга. Когда они говорили о возможности еще вернуться в Россию, то у многих показались слезы, от радости плакали, как дети. Провожали его тоже торжественно. Во время его пребывания сопровождавшие его французские офицеры стрельбой по чайкам и уткам выражали полное неуважение к генералу Врангелю. Турки же были сплошной противоположностью. У свидетелей этого осталось до смерти чувство горечи от сознания принесенной Русской Армией жертвы в тяжелые моменты своих союзников и теперь получивших от них то, что любая Россия не должна забывать никогда.

В 16 часов прошли в Босфор. Проходили мимо военных кораблей Америки, Англии, Франции, Греции, и всем наш оркестр играл их национальные гимны, и они нам салютовали. Вышли из красавца Босфора, когда стало уже довольно темно, и пошли по родному Черному морю на Варну. Носились слухи, что нас караулят советские подводные лодки, и поэтому многие нервничали.

30 *ноября 1921 года.* Перед рассветом пароход попал между Бургасом и Варной в минное поле и с большим трудом и риском ему удалось благополучно оттуда выбраться. В 10 часов подошли к Варне и стали на внешнем рейде на якорь и подняли флаг «Карантин». Невдалеке стояли марковцы – они еще не разгружались. Они устроили нам встречу криками «Ура!», а наш

оркестр заиграл наш гимн. Потом и мы послали им наше громкое корниловское «Ура!».

30 *ноября 1921 года.* Встречать нас вышли болгарские представители и представители русской колонии в Болгарии. Те и другие выразили свой восторг нашему приезду и преданности начатому делу, выражали надежды на скорое возвращение в РОССИЮ и обещали сделать для нас в отношении размещения все, что от них зависит. Военные представители официально сообщили, что оружие необходимо сдать, оставив только господам офицерам шашки, а неофициально разрешили пронести все в закрытом виде. Все пулеметы и винтовки были тщательно упакованы в одеяла и в ящики и приготовлены к выгрузке с багажом. К вечеру на катере привезли мясо и хлеб. Предстоящая перемена пищи приободрила голодную публику, и все как-то сразу почувствовали улучшение положения.

С *1-го по 4 декабря.* Отбываем карантин. Варка пищи идет в своих походных кухнях. Питаемся довольно сносно. Погода стоит отвратительная и портит всем настроение.

5 *декабря.* Пароход причалил к таможенному молу. Первыми выгрузились гвардейцы. Упакованное оружие проходит свободно, а проносимое открыто посылают обратно с просьбой запаковать. Для формы сдано только 64 винтовки, и то самый хлам из корпусной мастерской, 8-го выгрузились 1-й и 3-й батальоны. Все идет отлично.

9 декабря. В 6 часов выгрузился 2-й батальон и направился в карантин, баню с дезинфектором. К болгарскому караульному помещению довел сам начальник эшелона Корниловского военного училища генерал Георгиевич. В 11 часов закончили баню и дезинфекцию и направились на ночлег на батареи № 24 и № 25. К этому времени выгрузился и 4-й батальон и разместился с нашим артиллерийским дивизионом. Разместились и ночевали отвратительно.

10 декабря. В 14 часов 2-й батальон выступил к месту погрузки в эшелон и в 21 час закончил погрузку. Затем погрузился и 1-й батальон, и эшелон отбыл к месту своего назначения, на станцию Тулово, в село Горно-Паничерево.

11 декабря. В дороге застал сильный снежный буран, и только благодаря плотному размещению, по 60–65 человек на вагон, кое-как еще можно было переносить холод. Проезжали дивные горные картины. Вообще местность живописная.

13 декабря. В час эшелон прибыл на станцию Тулово. В 5 часов 2-й батальон разгрузился и тронулся в казармы, в 4 километрах от станции. Стоит морозная погода с ветром. В 8 часов батальон прибыл и разместился в одном бараке № 2.

Помещение совершенно не отоплено, имеет в два ряда нары и отапливается четырьмя печками. Эти бараки были летними казармами болгарской гвардии, а потом здесь помещались военнопленные сербы. Дрова рубить не разрешалось, приходится все покупать по страшно дорогой цене в 120 левов за кубический метр. Командир полка и начальник хозяйственной части приехали раньше полка и приложили все усилия к закупке всего, но все имелось в ограниченном количестве и не могло удовлетворить замерзшую публику. Некоторые стали понемногу ворчать на создавшееся положение.

14–31 декабря. Полк устраивается. Вымыли бараки, отопили, наладилось довольствие, все стали усиленно ходить мыться и стирать белье в горячий серный источник в полуверсте от казарм и как будто ожили. Сначала большинство не было довольно размещением полка в такой глуши, хотелось в город и там понемногу встряхнуться. А на какие коврижки можно было это сделать – этого молодежь не учитывала. Однако всем скоро пришлось столкнуться с действительностью жизни. Довольствовать полк без предварительных закупок было довольно трудно. Ближайшие города представляли собой наши захудалые жидовские местечки западного края, и в них не брались даже печь хлеб на полк. При ограниченном складе и при отсутствии своих средств передвижения довольствие наладить было страшно трудно. Попутно с довольствием командир полка старался улучшить быт офицера, обставить его более или менее сносно и дать возможность каждому поработать над собой. Устраивается Офицерское собрание, строится театр и имеется уже библиотека. Для солдат устроена чайная. Вообще жизнь налаживается, и желающие имеют время для работы над самими собой. Аагерь расположен в 4 километрах от станции Горно-Паничере-во, в долине Роз, между старыми и новыми Балканами. Рядом с казармами имеется хороший серный источник с баней, и тут же проходит река. Кругом много леса, но рубить его на топку не разрешают, и поэтому в дровах сильная нужда. Летом здесь должно быть очень жарко, но пока что стоят холода и отвратительная погода. Верстах в 12–15 имеются два города, Казанлык и Старая Загора, оба на города не похожи. Недалеко от Казанлыка знаменитая Шипка 1877 года. Там, на месте главных боев, на горе Святого Николая построен дивный храм в память побед русских воинов и построены госпиталя для инвалидов. Мой земляк, осмеливаюсь так просто выразиться, генерал Скобелев, работал здесь и бил турок во славу русского оружия. И теперь здесь живут оставшиеся русские солдаты и вместе с болгарами-стариками рассказывают нам про благодеяния нашей матушки-

России и про ее былую мощь. Чтут все это болгары и в день Святой Пасхи, и 9 января (н. ст.), в день самых сильных боев русских с турками, ходят на гору Святого Николая на богомолье. Прием здесь нам был оказан радушный, хотя и здесь встречаются большевики, но это не русские, русские здесь здравого рассудка, живут жизнью зажиточных крестьян еще царской России.

1 января 1922 года. Новый год празднуется по старому стилю.

2 января. Приказ по полку. Объявляю приказ начальника штаба Главнокомандующего Русской Армией от 22 декабря 1921 года за № 12:

«19 декабря прибыл в Варну последний эшелон 1-го армейского корпуса, расселяемого в Царстве Болгарском. Небольшая часть корпуса, на долю которой выпало последней выйти из тяжелых условий

Галлиполийского существования, в ближайшее время будет переброшена в Сербию. После упорной борьбы, совместными усилиями Главного Командования и всех чинов Армии одержана блестящая моральная победа. После года в ужасных условиях жизни Армия переселена в славянские страны. И столько же времени неустанным трудом Главнокомандующего создалось это дело. Ныне тяжкий труд закончен. Почти весь 1-й армейский корпус собрался в Болгарии. С великою радостью я приветствую в Болгарии войска корпуса и прибывшего с последним эшелоном неизменно доблестного их командира, генерала от инфантерии Кутепова, и поздравляю с завершением переброски. Дай Бог вам сил так же честно творить великое дело любви к Родине здесь, как вы творили его в Галлиполийской пустыне. Пп. генерал от кавалерии *Шатилов».* Справка: приказ по дивизии № 337.

Объявляю приказ 1-му армейскому корпусу от 22 декабря с. г. за № 965.

«Более года тому назад разрозненные остатки регулярных войск Русской Армии были высажены в Галлиполи и сведены в 1-й армейский корпус. За год пребывания на чужбине корпус стал стройной и могучей единицей, сплоченной одной идеей – беспредельной любви к Родине – и проникнутой высоким сознанием долга. Когда последний эшелон войск, назначенных в Болгарию, уезжал из Галлиполи, его провожало все местное население, все местные греческие и французские власти. Армия, которую весь мир считал беженцами, осознала себя и приобрела всеобщее уважение как Армия. Во время стоянки эшелона в Константинополе ко мне явились и поднесли адреса с приветом корпусу от 18 общественных организаций, объединяющих людей различных политических убеждений. Русские люди увидели в Русской Армии крепкое ядро государственности и своим

приветом показали единение с нами. И проводы в Галлиполи иностранцами, и приветствия русских людей в Константинополе я отношу не к себе, а к той стойкости, с которой все части поддержали честь Армии и достоинство русского имени на чужбине. Я уверен, что на новых местах все части, помня заветы основателя Армии генерала Алексеева, исполнят до конца свой долг и донесут незапятнанным на Родину наш трехцветный флаг, который мы гордо держали в Галлиполи, и честь Армии, которую мы свято блюли. Безраздельная преданность делу борьбы за счастье Родины и непоколебимая твердость духа при всех тяжелых испытаниях, проявленные нашим любимым Вождем генералом Врангелем, да будут для всех нас примером в наших переживаниях на пути к достижению нашей заветной цели – созданию Великой России. Пп. генерал от инфантерии *Кутепов».* Справка: приказ по дивизии № 33.

Эти два приказа дают полную картину результатов нашего сидения в Галлиполи и цели нашего приезда в Болгарию. Поэтому Новый год был встречен довольно радостно, и у многих сердце забилось надеждой на скорый отъезд в Россию. Ударники встретили Новый год в своей чайной, а офицеры – в Офицерском собрании, в количестве 450 человек. Столы были хорошо сервированы, и всего было достаточно для скромной встречи. На встречу были приглашены: генерал Калитин, герой Эрзерума, и командир болгарской артиллерийской бригады. Они были страшно поражены видом такого стечения господ офицеров в одном собрании. Хор своим пением так тронул генерала Калитина, – пели «Святая Русь», – что у старика из глаз брызнули слезы, и он ходил целовать наши знамена.

Однако это радостное и приподнятое праздничное настроение омрачалось мрачной действительностью. Всякого рода международные «лиги» нас травили, и эта отрыжка осуществлялась в Болгарии, где правительство большевика Стамболийского разлагало нас открытой работой чекиста Чайкина, разбросавшего по всей стране «союзы возвращения на родину». Они грозили убить нашего командира полка, и нами предпринимались меры предосторожности: в черте лагеря выставлялось охранение, а в центры работы Чайкина подбрасывали наши предупреждения в таком духе, что и мы можем ответить тем же. Командир болгарской артиллерийской бригады был наружно в восторге, но нам было трудно поверить этому, так как болгары в эту войну были против нас, на стороне Германии. Быть может, на этой почве разыгрался трагический эпизод: около города Кюстендиля был зверски убит генерал Покровский, в прошлом командовавший Кубанской

добровольческой армией. Большевики из СССР его преследовали. Для окружения дома, где жил генерал Покровский, им был придан батальон пехоты болгарской армии. Генерал отстреливался от нападавших, но один болгарин сбил его штыком, а русские чекисты втащили его в свой автомобиль, где его дорезал сам Чайкин.

26 января. В первые дни нашего приезда в Болгарию мне пришлось видеть большое кладбище пленных сербов, в 300 шагах от казарм, в лесу. Грустная картина: среди лесной глуши, с частыми, едва обозначенными могилками, наскоро кем-то разбросанные кресты, – видимо, не успели поставить. Кладбище представляло собой характерный результат бойни. Теперь их тоже усиленно фабрикует Чека Ленина и говорильные аппараты союзников. Скорей всего, они не видят этих кладбищ, а быть может, искусственно замалчивают.

5 *февраля.* Открытие полкового театра. Спектакль, пение, музыка и танцы удивили болгар. Болгарский полковник Христов остался очень доволен.

6 февраля. Открылись курсы ротных командиров. Срок занятий – до 1 июля. В полк прибыли заказанные фуражки.

20 февраля. Приезд командира корпуса. Генерал Кутепов сделал смотр полку. Весь полк был в парадных фуражках. Из слов командира корпуса было видно, что он остался очень доволен полком. Смотр прошел удовлетворительно, а церемониальный марш хорошо. После смотра командир корпуса обошел все бараки и тоже остался доволен, – они все были побелены и украшены картинами. Кухни, Офицерское собрание, церковь и нестроевая рота тоже произвели на него отличное впечатление. После обхода командиру корпуса был предложен командным составом обед, где он говорил, что рад был видеть корниловцев снова в отличном состоянии и дружной спайке и надеялся скоро двинуться в Россию. В 18 часов его попросили на спектакль в театр, где трубачи и хор привели всех в восторг. После спектакля командир корпуса отбыл на станцию Тулово. Провожали его человек 300, с оркестром. Проводы были торжественными. На прощание он сказал всем, что и не из таких положений выходили, а из этого выберемся отлично.

22 февраля. Первопоходники празднуют день выступления в 1-й Кубанский генерала Корнилова поход, 22 февраля 1918 года.

Утром была отслужена заупокойная литургия, а потом перед полком – молебен. На молебен было вынесено старое знамя в сопровождении полуроты только из первопоходников. Парад и доклад в полковом театре участников 1-го похода. Этот исторический день командир 1-го армейского корпуса генерал

Кутепов отметил особым приказом: «9(22) февраля исполняется четвертая годовщина 1-го Кубанского генерала Корнилова похода. Четыре года тому назад, собранные великим русским патриотом генералом Алексеевым, слабые числом, но могучие беззаветной любовью к Родине добровольцы, окруженные со всех сторон врагами и всеми брошенные, двинулись за доблестным рыцарем долга генералом Корниловым в бессмертный Аедяной поход.

Старые добровольцы не упустили родного трехцветного знамени и гордо несли его вперед через смерть и лишения. Я верю, что, приняв это знамя в свои руки, мы также его никогда не спустим и, несмотря ни на что, донесем его, гордое и прекрасное, до Родной Земли. Генерал от инфантерии *Кутепов».*

Все наши заграничные газеты отметили этот день и придали ему огромное значение, которое явилось самым большим, организованным и оставшимся еще до сего времени.

Этот праздник первопоходников в Болгарии закончился трагически. В этот момент я был временно за командира полка. Произошла стычка между двумя доблестными офицерами: подполковником Граковым[196], первопоходником, и капитаном Гнояным[197], тоже первопоходником. Подполковник Граков был полным инвалидом: на Румынском фронте болгары выбили ему глаз, а в Гражданскую войну, под Ставрополем, он лишился ноги. Утром мне доложил дежурный офицер, что подполковник Граков вызывает капитана Гнояного на дуэль и требует, чтобы она состоялась немедленно. В ответ на это капитан Гнояной уговаривает его отложить дуэль, так как он в данный момент пьян. Я предлагаю председателю Суда Чести рано утром срочно разобрать это дело и предупреждаю, что без разбора дуэли не должно быть. А потом тот же дежурный офицер доложил мне, что подполковник Граков застрелился. Выстрелом из винтовки в рот он снес себе всю верхнюю часть головы. Так ушел от нас мой старый соратник по 1-му Кубанскому генерала Корнилова походу, оставив в недоумении весь полк. В Болгарии законом дуэли были запрещены, и в случае рокового исхода оправданием перед судом было одно только – это разбор дела Судом Чести. А без этого дуэль была просто «предумышленным убийством». До этого в полку было 9 дуэлей, проведенных достойно, а вот десятая вылилась в «самосуд» подполковника Гракова над самим же собой. Железная воля выдающегося по храбрости корниловца на этот раз не выдержала. Как покончивший с собой, подполковник Граков был похоронен тут же за лагерем, на кладбище военнопленных сербов.

10 марта 1922 года. Половина полка на работах –

зарабатывают на сапоги. За сапоги полку нужно было заплатить 525 тысяч левов, а наше интендантство отпускает только 125 тысяч.

Приезжали к нам в разное время профессора и читали лекции. Приятно было слушать дорогую всем нам профессорскую речь, но вместе с тем становилось больно от мысли: как же это так вышло, что во время борьбы все это было разбросано и не помогало нам, и сидим вот теперь благодаря этому все мы у разбитого корыта. Занятия временно приостановились.

14 марта. Командир полка и командиры батальонов были приглашены народно-прогрессивной партией в Старую Загору на праздник освобождения Болгарии от турецкого ига. Чествовали русских хорошо, всюду слышалось только пожелание видеть Россию могучей и только не советской. Болгарские офицеры по приказу начальника гарнизона на торжестве не присутствовали.

Пришла весна, все зеленеет, цветет. С весной зародились тысячи надежд на борьбу с большевиками и, через это, на возрождение России. Большевистские газеты трубят о мобилизации русской эмиграции генералом Врангелем, о помощи ему со стороны Америки, Франции и славянских стран, и в то же время их прокламации предупреждают офицеров и солдат генерала Врангеля о наступающей «новой авантюре» и что рабоче-крестьянская армия даст хороший отпор. Официально известно, что начальником штаба Главнокомандующего назначен генерал Миллер. Этому придают большое значение, так как он хорошо ориентирован и про него говорят, что он пользуется хорошей репутацией среди французской дипломатии.

16 марта. С 16 марта по 25-е половина полка на работах. К 25-му приказано всем быть в полку, так как начинаются занятия по случаю ожидающегося приезда в Болгарию генерала Врангеля. Большевики усилили свою деятельность и грозят террором. В России становится все хуже, голод увеличивается, и цены за последний месяц поднялись втрое. На столько же пал и советский рубль на бирже.

26 марта. Были приглашены в Старую Загору на торжества по случаю празднования взятия Андрианополя. В этот же день был назначен и большевистский митинг, собралось на него человек 120, а весь город был на военном празднике. Нас отлично угощали и страшно были обижены, когда мы в 17 часов решили ехать в полк и не остались на вечер.

27 марта. Получили сообщение о смерти поручика Чернеца и о месте его похорон в Старой Загоре, рядом с еврейским кладбищем.

2 апреля 1922 года. Большая часть болгарской печати

занялась травлей нашей армии, всюду руководят московские деньги и чекисты. В ответ на эту травлю получен приказ по корпусу за № 91, от 1 апреля 1922 года: «Объявляю приказ Главнокомандующего Русской Армией от 27 марта за № 243: «В последние дни вновь травят Армию, на нее клевещут, ей грозят. Сомкнув свои ряды, мы ответим презрением. Родных знамен, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Да помнят это те, кто дерзнет на них посягнуть. Пп. генерал Врангель, временно исполняющий должность начальника штаба Генерального штаба генерал-лейтенант *Кусонский».* Такая пилюля заставит поперхнуться не одного большевика, а нас приободрит. А все-таки сильна наша армия, есть еще порох в пороховницах, есть печать и силы для борьбы.

21 апреля. Праздник Святой Пасхи встретили в Болгарии и провели хорошо. На заработанное кое-что устроили и этим скрасили все неприятности, причиняемые нам за последнее время коммунистами и болгарским правительством Стамболийского. На второй день был спектакль в полковом театре, выступала Надежда Васильевна Скоблина и этим доставила большую радость очень многим. Началась Генуэзская конференция, а газет что-то нет. Случайно имеем только отчет за первый день, и то в страшно сокращенном виде. Сразу определилось, что Чичерин (Совдепия) и Барту (Франция) столкнулись с первых же слов. Ну и пускай грызутся – нам легче будет.

1 мая 1922 года. Сегодня пресловутое число – первое мая. К этому числу коммунисты тоже прицепились и снова набросились на нас. Командиру полка было прислано несколько анонимок с предупреждением, что до 1-го его убьют. См. их «Призыв № 1». Вообще же кажется, что все это выльется в протест против нашей армии. Генерального штаба полковник Захаров читает войну 1877–1878 годов.

5 *мая.* Приехал генерал Шатилов. Для встречи полк был выстроен развернутым фронтом в полуротной колонне на передней линейке. Он передал нам привет от генерала Врангеля и сообщил, что генерал Врангель и сам бы приехал, да правительства Сербии и Болгарии просили его этого не делать, так как другие державы считают это вмешательством в их дела и могли бы поднять этот вопрос на Генуэзской конференции, что было бы нежелательно. В свою очередь, полк благодарил генерала Шатилова за его труды по размещению нас, а генералу Врангелю прокричали громкое «Ура!». Между прочим генерал Шатилов сообщил, что финансы наши скудны и генерал Врангель уже теперь изыскивает их на 1923 год. В России же пока все притихло, все чего-то ждут.

7 мая. Я, Генерального штаба полковник Захаров и полковник Гавриленко по пути в город Габрово за получением сапог на полк осмотрели село Шипку и гору Святого Николая. В селе Шипка храм-памятник поражает своей красотой и изяществом. На стенах храма большие мраморные доски с надписями имен и общим списком погибших в войну 1877–1878 годов, в боях за обладание Шипкинским перевалом. Потом мы добрались до Орлиного гнезда Святого Николая, где и поклонились праху великих борцов, положивших жизнь свою за идею славянства. Тяжело стало при мысли, что этот чудо-богатырь – Русская Армия – уже больше не существует и служит какому-то 3-му интернационалу, а не старой Великой России. Памятники павшим героям не видят за собою ухода и имеют оборванный вид: бронзовые буквы и оправы кем-то отвинчены и украдены, икона – подарок Ее Императорского Величества – тоже исчезла. Портреты героев в памятниках – с проколотыми глазами или просто простреленными и т. д. Вообще чувствуется «теплая признательность» благодарной Болгарии. Это и ее выпады за последнее время заставляют сожалеть, что рано ее освободили и не мешало бы кое-кому из них еще потомиться в турецком плену и до сего времени.

10 мая. Эти дни профессор Соколов читал лекции о формах правления и о происходящем в Генуе. Профессорское разумное слово приободрило всех, и мы были благодарны ему за это. За это время стали большими партиями отпускать на работы. Приехавшие из города Тырново, места стоянки штаба нашего 1-го корпуса, сообщили о тяжелом положении генерала Кутепова. Болгары приступили к обыскам и объявили генералу Кутепову чуть ли не войну. В ответ на это он сказал им, что и их артиллерийские склады тогда будут выданы французам. Это как будто подействовало на них. Сам же генерал Кутепов поехал в Софию для дачи показаний в связи с арестом полковника Самохвалова.

15 мая 1922 года. Пусть помнит Великая Россия этот день и память о нем да передается из поколения в поколение. Сегодня гарнизоны городов Старая Загора и Казанлык с кавалерийским эскадроном жандармов, при 16 пулеметах и двух орудиях заняли на рассвете позицию вокруг нашего лагеря, все оцепили и стали искать оружие, обвиняя нас в заговоре против правительства Стамболийского (большевика). Во главе отряда стоял околийский начальник города Казанлыка, отвратительная личность, сыщик и хам. Командовал же отрядом полковник Пятков, тоже сыщик, и майор, помощник начальника гарнизона Старой Загоры полковника Бояджиева. Сам полковник Бояджиев не приехал,

ведь он обещал предупредить нас о таких случаях, и ему совесть не позволила бы смотреть нам в глаза. Обыск происходил в грубых формах и носил характер нападения на каких-то разбойников. При обыске в 3-м батальоне болгарин толкнул прикладом временно командующего полком полковника Гордеенко, но тут чуть не произошла свалка, и дело не обошлось бы без кровопролития, но болгарские офицеры стали извиняться и обещали наказать солдата.

По поведению сыщиков было видно, что наши склады они точно знают, а потому, где нами только предполагалось спрятать оружие, болгары там взламывали и производили настоящий обыск. Наконец они напали на главные склады оружия, и началось спешное выбрасывание его. Оружие было в квартирах полковника Гордеенко, полковника Левитова и полковника Дашкевича. У полковника Левитова оружие найдено не было. Всего было отобрано 360 винтовок и 30 легких пулеметов. Когда же мы указывали болгарским офицерам на ненормальность такого отношения к нам и на то, что оружие береглось не для переворота, иначе наши не уходили бы на работы, то один из болгарских офицеров ответил, что их дело – исполнить приказ полковника Пяткова. Сам же полковник Пятков чистосердечно сказал: «Не верьте вы тому, что будто бы болгары не хотели в бывшую войну воевать против России и что будто бы много наших было расстреляно, – это ложь. У нас – родина прежде всего, а дальше – цель оправдывает средства».

После этих слов я сказал нашему полковому адъютанту, что напрасны были наши жертвы за освобождение этих господ и нашему правительству следовало бы поучиться политике у болгар. Нападение на дружественно настроенных своих братьев-славян пришлось по пустому месту, так как они воочию убедились, для кого и для чего береглось оружие. Пусть же помнят болгарские господа офицеры, что вероломство некоторых из них не пристало к лицу офицерского звания и придут еще времена испытаний и для них. Этим поступком была вырыта пропасть между Россией и Болгарией и поставлено клеймо на очень и очень многих честных братьев-болгар.

После обыска полковник Гордеенко, полковник Дашкевич[198] и полковник Челядинов[199] под охраной с пулеметами и ручными гранатами были отправлены через станцию Тулово в Казанлык, а полковник Левитов вступил во временное командование полком.

Спустя некоторое время правительство Стамболийского было свергнуто, и Его Величество Царь Борис восстановлен в своих правах.

Конечно, правительство Стамболийского полностью

подчинялось Ленину. Русские большевики были полными хозяевами в Болгарии. Поэтому, помимо угроз, нам открыто было запрещено передвижение, так что для связи с генералом Кутеповым мы должны были переходить Балканы, чтобы попасть в Тырново. Это исполняли чины нашего конного дивизиона из числа созданной полковником Пухом[200] группы «Братства черно-красного знамени». Однако не вся Болгария была за Ленина, она тогда переживала то же самое, что и мы, но с более счастливыми результатами. У них Союз офицеров разбил центр большевиков недалеко от города Казанлыка и восстановил в правах на престол Царя Бориса. Любовь к национальной Болгарии была сильна у болгар и в руководящих сферах. Так, уже после переворота, в кавалерийском полку Его Величества Царя Бориса был раскрыт заговор, который подавили следующим образом: командир полка собрал господ офицеров и унтер-офицеров и, объявив о раскрытом заговоре, обратился к бывшему на собрании офицеру-изменнику со словами: «Вы – командир красного полка?» Ответ: «Да, я согласился принять полк». Тогда командир полка командует: «Господа офицеры, шашки вон! Руби его!» – и продолжает: «А уже арестованных по этому делу унтер-офицеров передать верным полку унтер-офицерам для исполнения над изменниками того же!» Так сами же болгары решительно сбросили свою заразу большевизма. Я не знаю только, какая участь постигла отбиравших у нас оружие сыщиков – явных сторонников Ленина.

Но большевики и после переворота некоторое время охотились за Царем Борисом, и одним из самых варварских приемов для этого был взрыв в Софии старого их собора, куда Царь должен был приехать на отпевание своего шофера, убитого при нападении на него. Царь почему-то опоздал минут на 15, а заложенная мина была поставлена точно на время прибытия Царя, а потому взрывом был разрушен только собор, под развалинами которого было убито более ста человек и ранено несколько сот. Это окончательно озлобило болгар, ими были приняты радикальные меры, и большевиков вычистили отовсюду. С этого времени и к нам резко изменилось отношение в лучшую сторону.

Для оценки создавшегося тогда к нам отношения в Болгарии привожу статью из газеты «Русское Дело», издававшейся в Софии, от 22 февраля за № 77, под заглавием «Наши знамена».

«Вчера в Тырново мы переживали Галлиполи. На экране, одна за другой, сменялись картины: развалины домов, где мы жили; наши учения, наши парады, памятник, воздвигнутый над могилами умерших, маленькая церковь из ветвей кустарника… И

наши знамена, а рядом с ними, точно изваянный из камня, часовой. Затем кинематографическая лента: «Главнокомандующий в Галлиполи». Почетный караул на берегу и высокая фигура генерала Врангеля. Он идет так быстро, что за ним не поспевают другие. Точно сразу хочет захватить, впитать в себя все эти тысячи лиц, жадно устремленных на него. Лагерь… Вдали силуэты гор, в долине, как светлые блики, разбросаны палатки. Стройные, как окаменевшие, ряды войск, уходящие темной полосой вдаль. Главнокомандующий подъезжает. «Слушай на караул!» И ряды щетинятся штыками, и далеко-далеко солнце золотит последний штык «левофлангового». А когда войска проходят церемониальным маршем, впереди несут наши знамена. Вот она – «Кутепия». Но почему так бодры и радостны лица галлиполийских «каторжан»? Почему часовой зорко охраняет знамена? И почему улыбаются обитатели мрачной землянки? Господа из «Последних Новостей» и «Воли России»! Экран – опасный свидетель для вас. Его показания более убедительны, чем все сочинения ваших корреспондентов. Аектор поясняет картины. Я не знаю, хорошо ли он говорит, или плохо, вероятно хорошо, так как собравшиеся в большом количестве болгары дружно аплодируют. Но нам, галлиполийцам, чего-то не хватает в его словах. Мы сидим, смотрим картины, и до того сильно, до того ярко охватывает прошлое, что слова кажутся бледными, как бледны картины на экране. Можно показать, как войска приветствуют Главнокомандующего, можно пояснить эту картину, но рассказать, что каждый из нас испытывал во время его приезда, – нельзя. Это чересчур интимно. Это слезы радости одних, это чувство, доходящее до экстаза, у других. Ни кинематографический фильм, ни лектор передать этого не могут. А разве серая картина или лектор могут рассказать, что переживала семья, ютившаяся в мрачной землянке, в суровую непогоду? На экране они все улыбаются, ну а в зимнюю стужу не ползли ли у них из глаз слезы? Но это опять интимное. Молчит экран, и ни слова не говорит лектор. Нет, Галлиполи нельзя уместить в рамках часовой лекции. О нем и рассказывать нельзя, его надо пережить. Я слежу за нашими гостями-болгарами. Они напряженно смотрят на экран. Правильные ряды марширующих войск вызывают их шумное одобрение. Они удивляются стройному памятнику, построенному буквально одними руками. Они сочувственно качают головой при виде развалин, в которых мы жили. Портрет генерала Кутепова встретили аплодисментами. При виде генерала Врангеля большинство встает, и аплодисменты переходят в овацию.

Милые гости, мы видим, что вас удивляет и трогает

Галлиполи. Но сердцем своим поняли ли вы то, чего не сказал вам лектор: чем создавалось Галлиполи и почему галлиполийцы в Болгарии? Наши гости это поняли. Когда на экране появились знамена, их встретили долгими рукоплесканиями. Да, гостеприимные хозяева – наши сегодняшние гости, эти знамена, воплощающие в себе «Белую идею», они – основа всего. Они создавали Галлиполи, вызывающее ваше удивление. Они помогали пережить холод, голод, все тягости галлиполийской жизни. Они, как зачарованных, ведут нас и на пустынный полуостров, и в гостеприимную Болгарию, они наши путеводные звезды на Родину. И песня, которой закончился вечер и которая так понравилась вам, создана нашими знаменами. Да, мы верим: «Господь за нас, мы победим! Да здравствует Россия!» Эта вера не разума, а сердца, милые гости, ибо разум ошибается, но сердце – никогда. *Сергей Шевляков[201]».*

* * *

В тревожные дни правления большевика Стамболийского было получено из Софии приказание штаба нашего корпуса доставить наши знамена для отправки их на хранение в Сербию. Временно тогда командовал полком полковник Левитов, который собрал старших господ офицеров для обсуждения вопроса о хранении знамен Корниловского ударного полка, в результате чего было решено доложить, что знамена, особенно в эти тревожные дни, должны быть с полком. Императорские же знамена влитых к нам двух полков, Севастопольского и Симферопольского, мы обязывались отправить в Сербию. В ответ на это было получено вторично предложение сдать и наши знамена, и опять нами была послана та же просьба с более подробными данными для того, чтобы знамена были с полком. Согласно распоряжению генерала Кутепова, в Сербию были отправлены только два Императорских знамени, о судьбе которых мы можем только предполагать, что, очевидно, они были во Вторую войну захвачены советской армией в Сербии. Наши же знамена: Корниловское Ударное, Георгиевское, Николаевское 1-го полка, Николаевское 2-го полка и Николаевское 3-го полка, – были оставлены в распоряжении командира полка.

ПЕРВОЕ ПРИКАЗАНИЕ О СДАЧЕ ЗНАМЕН КОРНИЛОВСКОМУ ударному полку В СЕЛЕ ГОРНО-ПАНИЧЕРЕВО, БОЛГАРИЯ

10 апреля 1923 г. № 2114, г. София. Полковнику Левитову.

Для отправки полковых знамен и регалий в Сербию, согласно

полученным от Главнокомандующего и генерала Кутепова указаниям, генерал-лейтенант Ронжин приказал:

1) Все Знамена, отделив их от древков, но сняв с последних никелевые части, скобы, орденские знаки и ленты, орденские трубы и ленты к ним, с нарочным доставить в Софию, где они будут переданы на временное хранение в Сербскую миссию для дальнейшей отправки на хранение в Белград, в цитадель.

2) Вследствие невозможности одновременно провезти все знамена и регалии, Его Превосходительством установлена следующая очередь:

а) знамена и регалии Гвардейского отряда, Корниловского ударного и Марковского пехотного полков надлежит доставить в Софию к 20 апреля, б) знамена и регалии Дроздовского стрелкового и Алексеевского пехотного полков, Корниловского, Марковского и Дроздовского артиллерийских дивизионов – к 30 апреля ив) орденские трубы с лентами Алексеевского и 5-го артиллерийских дивизионов, Александровского, Константиновского и Корниловского военных училищ – к 15 сего мая.

Генерального штаба полковник *Зайцов.*

С подлинным верно: полковник *Левитов. Париж, 13-2-72*

* * *

ОТВЕТ ГЕНЕРАЛА РОНЖИНА НА ПРОСЬБУ ОСТАВИТЬ ЗНАМЕНА В ПОЛКУ

26 апреля 1923 г., № 3047, г. София. Полковнику Левитову.

По поводу возбужденного вами ходатайства не сдавать знамен и регалий в Сербскую миссию для хранения их и перевозки в Королевство С.Х.С. я получил официальное письмо от генерала Кутепова, который предоставляет разрешение этого вопроса моему усмотрению. Высоко ценя чувства, побуждающие вас не расставаться с родными для всех корниловцев знаменами, я тем не менее считаю своим долгом указать вам, что сейчас есть возможность сохранить их в полной неприкосновенности, отправив через Сербскую легацию в г. Белград. Какие события ждут тут всех нас в дальнейшем и когда состоится переезд вашего полка в Сербию, – неизвестно. Поэтому, принимая во внимание, что весь ваш полк разошелся на работы и около знамен для их охраны и, в случае чего, защиты осталось немного лиц, я бы полагал более целесообразным, чтобы корниловцы, подобно другим частям, отправили свои знамена и реликвии теперь.

Если же, несмотря на приведенные мною доводы, вы

пожелаете остаться при первоначальном решении вами этого вопроса, то разрешаю оставить знамена и регалии во вверенной вам части и напоминаю, что вся ответственность за их полную сохранность ляжет целиком на вас.

Генерал-лейтенант *Ронжин.* С подлинным верно: полковник *Левитов. 13-2-72, Париж.*

* * *

Несмотря на то что после свержения в Болгарии правительства большевика Стамболийского и прихода к власти Царя Бориса I травля нас коммунистами прекратилась, наше положение все ухудшалось и полку пришлось разойтись в поисках работы, исключая чинов штаба полка. Казармы в Горно-Паничереве были сданы, а штаб полка переехал в село Княжево, расположенное около Софии. Конечно, поначалу большая часть чинов полка устроилась в Болгарии, но потом персонально многие переехали во все страны мира.

Франция после изнурительной войны нуждалась в рабочих, чем и воспользовались корниловцы. На втором месте по устройству на работы была Бельгия, откуда Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон прислала на мое имя сто виз, но воспользоваться ими я не мог, так как генерал Скоблин увидел в этом «разложение полка», отобрал у меня эти визы и через несколько дней по ним же стал набирать партию в Бельгию. Небольшие группы устроились в Сербии, Греции и Люксембурге. На новых местах жительства были организованы группы, и связь с полком была восстановлена. Сам генерал Скоблин переехал во Францию. Через некоторое время туда же выехал и полковник Гордеенко.

В дальнейшем, для сокращения, жизнь полка будет описываться в общих чертах. Основным для корниловцев было и остается продолжение борьбы за освобождение России от диктатуры большевизма в любых условиях, по заветам их вождя и шефа полка генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Осуществление этого во многом зависело не только от одного желания, но и от ряда возможностей в условиях беженства. В этом отношении произошло, по моему мнению, резкое расхождение во взглядах и методах ведения борьбы: одни видели ее только в поддержании связи с полком, с обязательными взносами для этого, другие – в усовершенствовании военного и общего образования, и только небольшая часть оставила за собой право старой активной борьбы. Этот отдел не предавался гласности и

иногда велся без одобрения его командиром полка. К этой категории нужно в первую очередь отнести группу, которая по прибытии нашем в Константинополь выехала в Грузию, а оттуда на Северный Кавказ. Этот отряд установил связь со мной еще в Болгарии. Сначала он действовал успешно, но потом общий террор убил вообще все живое на Родине, с этим пропала вера в успех, и отряд, понеся потери, распылился по разным городам. Об этом знал генерал Кутепов, который всегда просил меня держать его в курсе дела. Вторым сильным отрядом против нападений на нас большевиков был батальон, сформированный на Пернике, по роте от каждого полка 1-го корпуса, командиром которого был я. Батальон был вооружен винтовками, которые я сохранил во время разоружения нас Стамболийским. До появления этого батальона были нападения на русских на мине Перник, и тогда же пострадал там от них генерал Витковский, прибывший с целью ознакомления с нашей жизнью. После сформирования батальона все это прекратилось, и только в отдельных случаях батальону приходилось малыми группами содействовать болгарской администрации в предотвращении нападений. В один из приездов на Перник военного министра генерала Волкова состоялся парад, в котором принимал участие и этот батальон, без оружия, но в своих полковых формах. Командиры рот настолько удачно сделали подбор людей для парада, что вид здоровых, хорошо обмундированных чинов Русской Армии, включительно до парадных сапог, произвел на генерала Волкова большое впечатление, и он в своем слове так представил нас болгарам: «Берите пример с русских, тогда мы разобьем головы большевикам». У меня до сего времени сохранились фотографии этого парада, где действительно батальон, быть может в последний раз, представился отлично. Мне кажется, что именно это официальное признание нашего участия в деле борьбы с большевиками, хотя бы только в районе мины Перник, вызвало успокоение, с одной стороны, и недружелюбное отношение лично ко мне – с другой, как к лицу, которому болгары оказывали содействие. Все это привело к тому, что после переписки с генералом Кутеповым я по его совету оставил работу на Пернике и переехал во Францию.

Переход чинов Русской Армии на рабочее положение разрешался в зависимости от наличия профессии: имевшие ее устраивались сразу и хорошо, а не имеющие таковой оказывались на положении чернорабочих. В худшем положении оказались инвалиды, которые частично были устроены на Шипке и в Княжево, где был создан отдельный дом. Полк помогал им чем мог. Так, неожиданно полученное на полк белье было решено не

раздавать, а за небольшую плату продавать в пользу инвалидов. Из этого образовалась солидная сумма, к которой присоединился дар Надежды Васильевны Скоблиной. Хозяйственная часть и все, кто мог, не оказались в стороне, и все это, вместе взятое, дало возможность нашим инвалидам иметь свой дом в Княжево и лавочку на мине Перник. С возвращением из Сербии полковника Гордеенко я сдал ему полк и тут же отправился на работу на Перник в качестве чернорабочего. Работали тогда рудники на полный ход, поставляя уголь в Сербию как контрибуцию, а потому рабочих было несколько тысяч. Русским были отведены двухэтажные бетонные казармы, для холостых комната на несколько человек, а для семейных были отдельные комнаты. Для охраны комнат для холостых администрация назначала сторожей из числа пожилых, роль которых была наблюдать за порядком и ходить получать жалованье. Я не мог воспользоваться этим, потому что не мог бы прокормить семью на это жалованье, и от нас на эти места поступили полковник Бржезицкий[202] и полковник Рябинский. Плата за работу была неодинакова и зависела от продуктивности подачи угля, а потому каждый рабочий, взвесив свои возможности, стремился к достижению намеченной цели. Хорошо зная подрывное дело, я стал стремиться на работу в забоях – так называлась работа, где под землей пробивали галереи для добычи угля. Мне, как «непригодному к занятию строевых должностей по ранениям с мая 1915 года», было сначала очень тяжело, но потом я втянулся, окреп и под конец моей работы на Пернике, если простой рабочий за день имел 30–50 левов, я получал в три раза больше. На мине был свой госпиталь для бесплатного лечения, в центре была церковь, шикарная баня, был театр, полагался месяц платного отпуска и месяц бесплатного, но вот с питанием поначалу дело обстояло очень плохо. Рудники находились друг от друга на расстоянии 1–2 километра, работали в три смены, и перед началом работы, перед самым входом в галерею, рабочий получал назначение, после этого получал в свой котелок порцию пищи, обычно густой суп из баранины, быстро проглатывал ее, иногда при морозе в 10–15 градусов, и бежал в галерею, на свое место. На наше счастье, старшими инженерами были поначалу русские, и только благодаря им все это изменилось в лучшую сторону. Семейным стали выдавать паек деньгами, при входе в рудник появились бараки-столовки, где рабочий мог иметь пищу в человеческих условиях. Общий вид русских рабочих был настолько хорош, что можно было подумать, что в казармах расположены военные части. Особенно усиливалось это впечатление в праздничные дни.

В дальнейшем жизнь каждого определялась им самим. Но шахты все же оставались шахтами. Имевшие возможность скопить кое-что для изменения своих условий жизни часто добивались этого, но любители спиртного или прогулок в Софию всегда оказывались в худшем положении. Одним из признаков благополучия на Пернике было то, что в городе были хорошие русские рестораны, часто в театр приезжали русские артисты с определенной целью подзаработать, беспрерывно работало синема, читались доклады, и поэтому многие из чинов Русской Армии связали свою судьбу с Перником до войны 1942–1945 годов, то есть до прихода туда Красной армии. Не могу не отметить еще одно положительное для рабочего на Пернике: эти рудники были государственными и именовались «шахтами Его Величества Царя Бориса», поэтому большая часть прибыли шла в казну, а какой-то остаток распределялся между всеми инженерами и рабочими ежегодно, пропорционально их заработку. Так, я, считавшийся за мои последние два года в числе лучших «копачей», имел месячный заработок в среднем 8000 левов, а за годичный заработок при таком жалованье моя тантьема – наградные – равнялась 12 000 левов. Такие «копачи» из болгар, да и из русских, работавших со мной, работали обычно 6 лет, после чего покупали на собранные деньги дом с землей и занимались чем-либо более легким. На других же шахтах условия были гораздо хуже.

* * *

Самым большим событием, всколыхнувшим тогда нашу общественную жизнь, было участие в «Российском Зарубежном Съезде» в Париже. Детали этого съезда читатель может узнать из книги под тем же названием, изданной комитетом его в апреле 1926 года, в Париже. Я же коснусь только того, как это отразилось на русских, живших на Пернике. Большинство русских приняли участие в выборах на съезд их представителей, состоялось собрание, на котором избранными оказались инженер рудника Берладин, получивший 1006 голосов, полковник Левитов – 997 голосов, Корниловского ударного полка полковник Зозулевский[203] и Корниловского военного училища полковник Керманов[204]. Инженер Берладин отказался от своих голосов в пользу полковника Левитова, который и стал старшим от Перника. Были собраны средства, и представители поехали в Париж. По дороге одновременно и туда же ехали представители и из других мест, и для усиления нашего представительства из

Болгарии мы просили генерала Бредова быть нашим общим старшим, роль которого на съезде он и выполнял. Мой билет на съезде был за № 122, от 30 марта 1926 года, отель «Мажестик», Париж. Я, полковник Зозулевский и полковник Керманов представились сначала генералу Кутепову, с которым и снялись.

Эта фотография и общая Зарубежного съезда помещена в книге «Зарубежный съезд». Представители из Болгарии по окончании съезда представились Великому князю Николаю Николаевичу, которого съезд просил возглавить нас. Начальник группы корниловцев в Париже полковник Щеглов[205] ознакомил нас с Парижем, и мы даже поднялись на Эйфелеву башню.

По возвращении на Перник мной был сделан доклад о результатах поездки, в котором главным было то, что Великий князь Николай Николаевич согласился нас возглавить. Своим представителем в Русском Обще-Воинском Союзе он назначил генерала Кутепова.

* * *

В начале 1929 года я покинул Перник и переехал во Францию, где остановился в Париже. Из-за незнания языка пришлось остановиться на самой тяжелой работе – мойке машин по ночам, с минимальной оплатой и работой с 19 до 7 часов. Вскоре скончался начальник группы, полковник Щеглов, и я был назначен на его место. Несмотря на мою выносливость, я все же был вынужден через год просить генерала Скоблина освободить меня от этой должности, главным образом потому, что я не мог в незнакомой мне парижской обстановке проводить в жизнь то, что я до этого делал. Командир полка мою просьбу удовлетворил и группу во Франции перевел в свое подчинение.

Париж – мировой город, кого только в нем нет, и потому жизнь там бьет ключом, все покупается и продается оптом и в розницу, но разбрасываться нашему брату в такой обстановке, и притом в положении рабочего, в те времена, с добавлением клички «грязный иностранец», для нас было просто непосильно. Но несмотря на это, некоторые ради карьеры легкомысленно все же разменивались и через это стали отходить от нашего прямого долга. Всюду скользило местное легкомыслие, где в первую очередь кумиром являлся его величество франк. Но так как он здесь даром не давался нам, то получалось: на общее дело его мало давали, а все шло на устройство личной жизни. Где в этом была правда и где карьеризм – разобраться было трудно, а потому я, оставшись в стороне от полковой жизни, восстанавливал

нужные для меня связи и включался в работу по нашей старой линии. Ходил на собрания, на лекции, на благотворительные балы и почти забыл про театры и синема – это было для меня роскошью. В это время состав парижской группы доходил до 193 человек. Видовой лоск еще сохранялся, но наша прямая работа сильно хромала, и в этот момент, среди бела дня 26 января 1930 года, в Париже, в 15-м его аррондисмане, недалеко от полицейского участка, был похищен генерал Кутепов. Думаю, что это было для всех нас роковым ударом. Разбор этого дела местными властями просто повис в воздухе, но все же он ясно указал на то, чьих рук оно было. На место генерала Кутепова вступил генерал Миллер. Здесь уже сразу было решено для его охраны установить дежурство на время выездов. В первое дежурство от корниловцев я попросил назначить меня. После я написал в Болгарию оставшемуся там за старшего полковнику Кондратьеву[206] с критикой этой неудовлетворительной системы, но это не помогло, и все осталось по-старому.

* * *

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АИСТ № 7 ГРУППЫ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА В БОЛГАРИИ

Город Бургас, 31 мая 1931 года.

«Из жизни корниловцев. Полковник Левитов сообщает из Франции о состоявшемся в Париже 16 апреля с. г. собрании всех начальников групп и партий, на котором генерал Шатилов подробно остановился на освещении обстановки ведения борьбы и нашей готовности к ней. Всесторонне разобрав этот вопрос, генерал Шатилов сообщил, что за генералом Миллером установлена слежка и что перехваченное в Риге радио заставляет нас быть настороже, так как генералу Миллеру грозит участь генерала Кутепова. Таким образом, противник ведет с нами борьбу не одними словами, и недавний пример показывает, что многочисленные ажаны Парижа не предохранят нас от его ударов.

Вполне разделяю мнение полковника Левитова, что нам надо дать генералу Миллеру уверенность, что он в своей работе опирается на реальную силу, и что, будучи предупреждены противником, мы должны быть готовы к отпору и нападению, дабы отбить у него охоту перевозить нас в клетках, как цирковых зверей, из Парижа на Лубянку. Прав полковник Левитов и в том, что неудобно махать кулаками после драки и что позорно думать, что, перенеся с исключительным спокойствием первую оплеуху, мы, Бог даст, перенесем и вторую. Прошу всех корниловцев

высказаться: какими мерами мы, по их мнению, могли бы парировать готовящийся удар и оградить нас от дальнейших покушений на нашу жизнь и свободу. Подписано: Начальник группы полковник *Кондратьев».* Подлинник хранится в моем архиве.

* * *

Полковник Кондратьев все же поместил мою критику в полковой информации.

Время шло, многомиллионная эмиграция все ожидала падения диктатуры большевиков на Родине и позабыла про свои обязанности бдительности за работой противника. Большевики этим воспользовались, и 23 сентября 1937 года ими снова было произведено похищение, жертвой которого стал на этот раз генерал Миллер. Для Объединения корниловцев это было двойным ударом: помимо самого факта похищения генерала Миллера, пало подозрение на возглавляющего Объединение генерала Скоблина, которого старшие офицеры РОВС пригласили дать свои показания в комиссариате полиции, но он уклонился от этого бегством. Его жена, бывшая певица Надежда Васильевна Пле-вицкая, была по этому делу осуждена французским судом на двадцать лет каторжных работ.

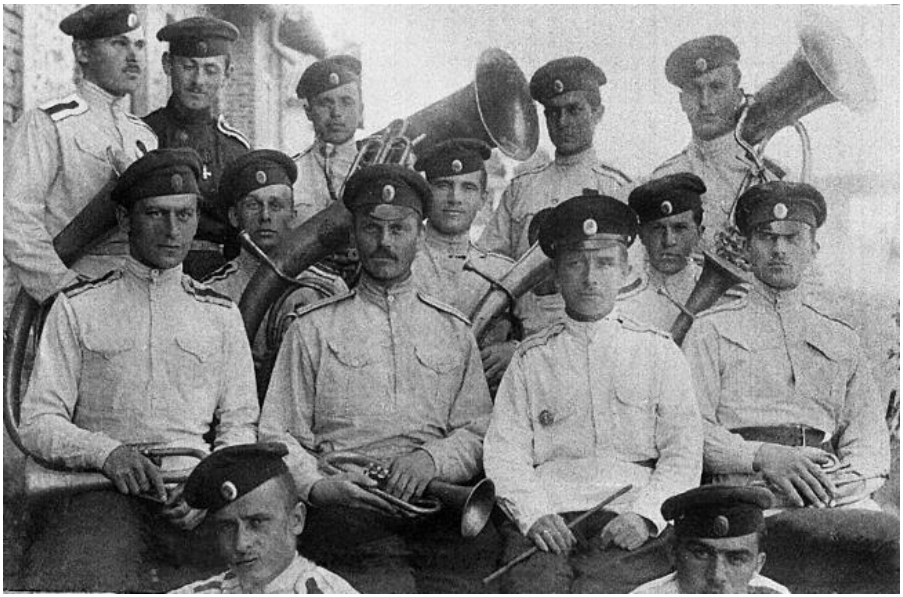
Последствия поступка Скоблина и Надежды Васильевны Плевицкой для Объединения чинов Корниловского ударного полка были очень тяжелы, помимо чисто моральных переживаний, еще и оттого, что возглавляющим Объединение был назначен бывший тогда в Бургасе (Болгария) полковник Кондратьев, прибывший во 2-й Корниловский ударный полк во время окончания боев в Крыму из Египта и был зачислен в полк только в Галлиполи, где был фельдфебелем 5-й роты. Послужного списка его я не видел, но он был, по его словам, георгиевским кавалером. В войну 1941–1945 годов он боролся с большевиками в Сербии, где, будучи смертельно ранен и умирая, просил передать корниловцам, что он «умирает за полк». Но, несмотря на это, и помимо него кандидатами на пост возглавляющего тогда могли быть из числа старых корниловцев: командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Гордеенко, командир 2-го полка полковник Левитов, генерал Силин[207], влившийся к нам со своим Севастопольским полком в Северной Таврии, полковник Бржезицкий, влившийся к нам в Новороссийске со своим Кавказским полком, полковник Зозулевский – первопоходник и ряд других доблестных штаб-офицеров –

коренных корниловцев. Но тогда почему-то они этого назначения не заслужили, хотя вины за собой по делу Скоблина не только не имели, но некоторые из них даже предупреждали начальство о его ненормальном поведении, но нам не верили.

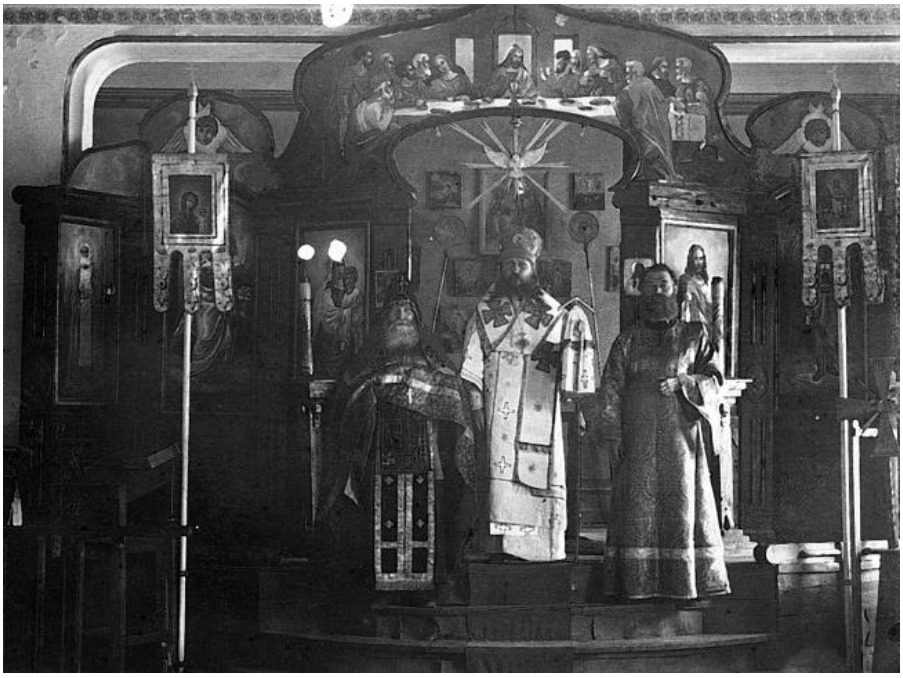
* * *

Для освещения жизни всего Объединения того времени привожу информацию полкового адъютанта, капитана Григуля Петра Яковлевича[208], за № 1, от мая 1932 года. Параграф первый содержит описание собрания для взаимных поздравлений в дни Святой Пасхи, на котором гостями были генерал Миллер и корниловцы-артиллеристы во главе с полковником Петренко[209]. После поздравлений подполковник Трошин[210] и капитан Борделиус[211] передали генералу Скоблину футляр с только что утвержденным полковым знаком под пение полкового гимна. Генерал Миллер радужно обрисовывает международное положение, начальник Корниловского военного училища полковник Керманов поздравляет телеграммой, и далее читаются поздравления отовсюду.

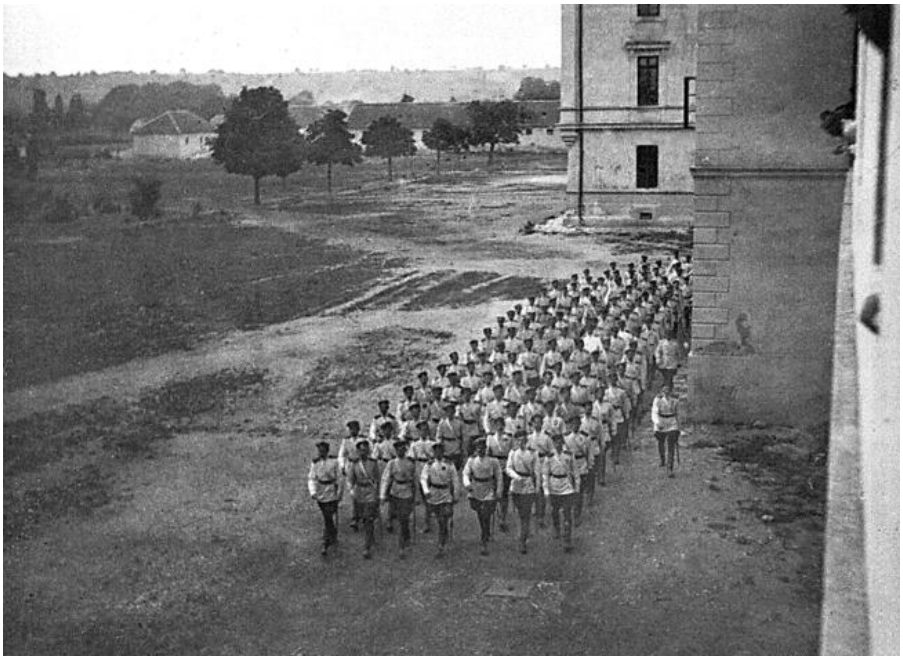
Помещение офицерской сотни Кубанского Алексеевского военного училища



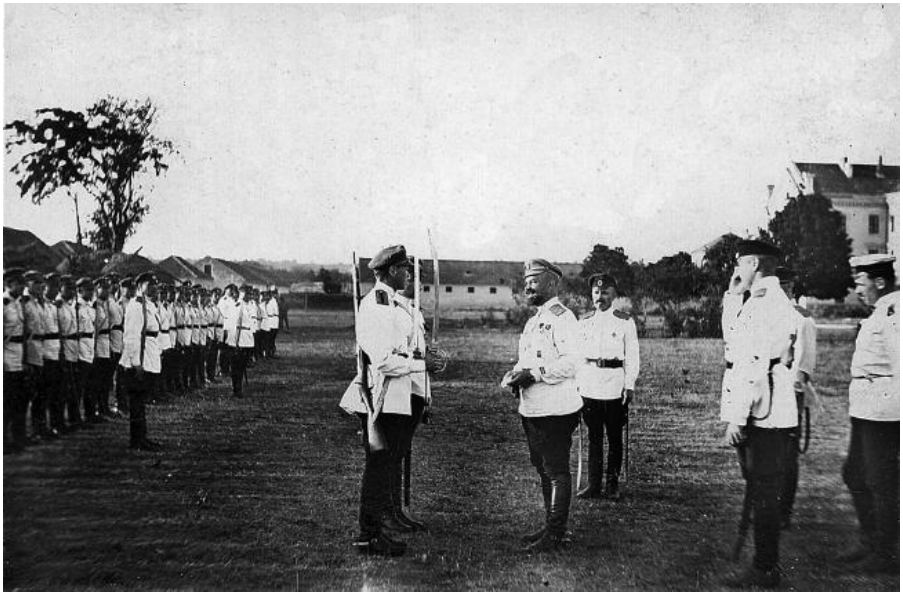
Трубачи Кубанского Алексеевского военного училища



Епископ Вениамин в Донском кадетском корпусе



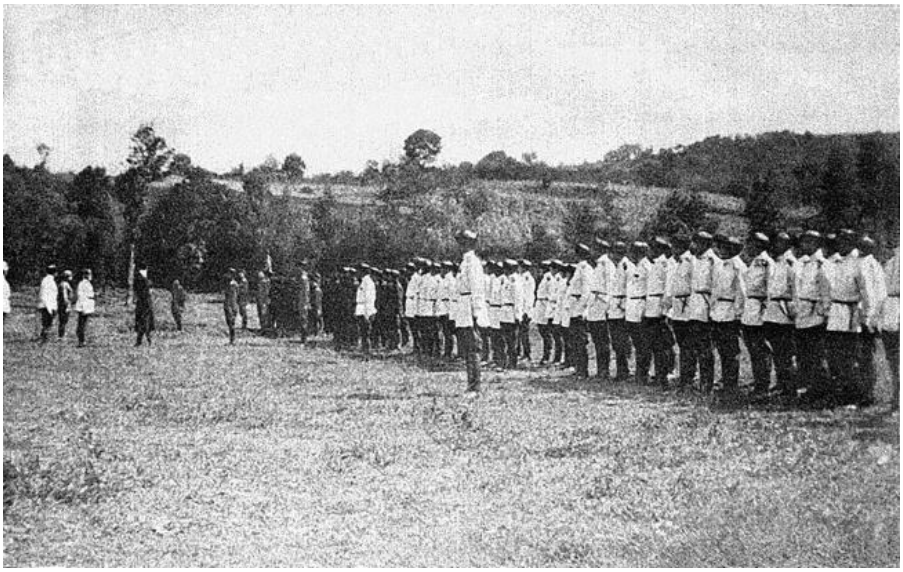
Эскадрон Николаевского кавалерийского училища идет на занятия



Генерал Кутепов инспектирует Николаевское кавалерийское училище

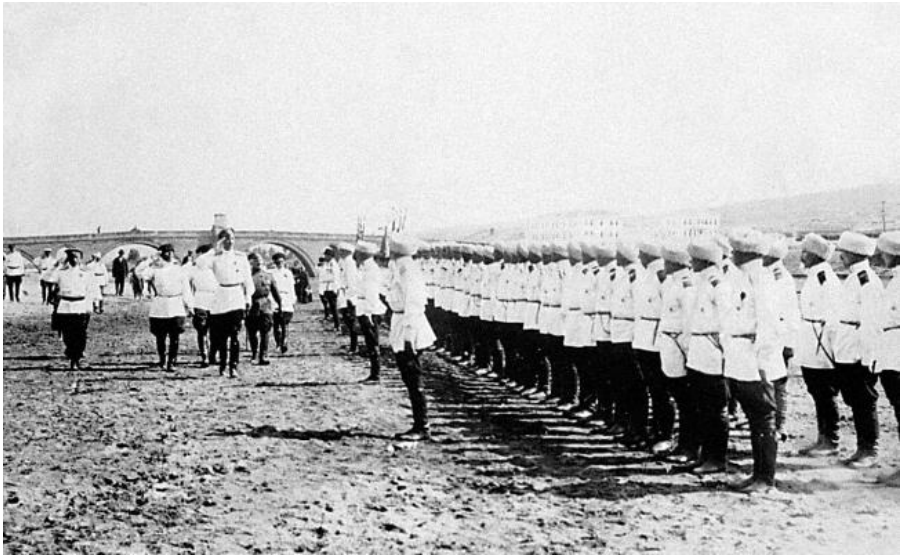
Юнкера Николаевского кавалерийского училища на работах

Смотр Кубанской казачьей дивизии во Вранье, 1922 г.



Кубанские казаки в Малой Иванче, 1926 г.

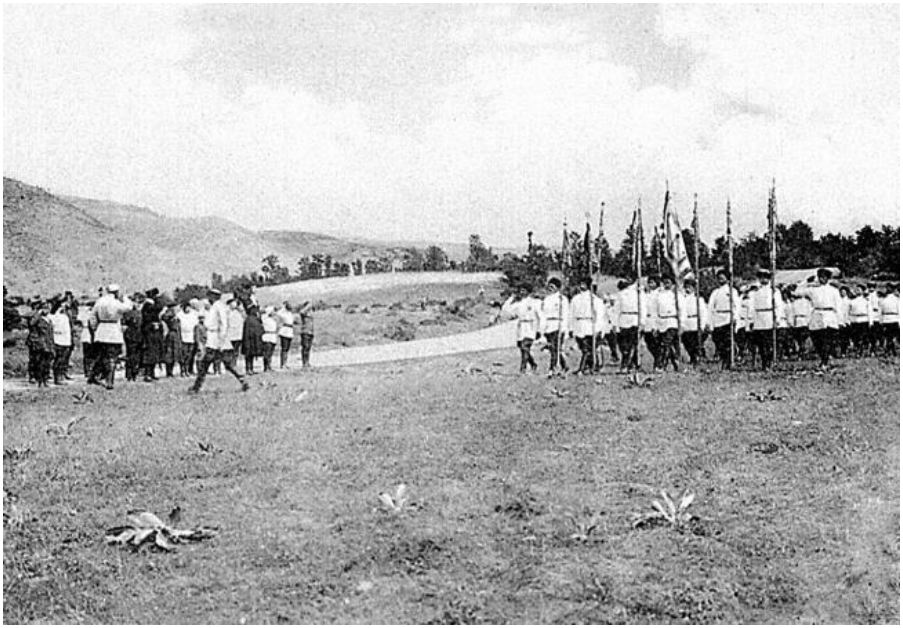
Генерал Врангель перед строем Кубанского гвардейского дивизиона



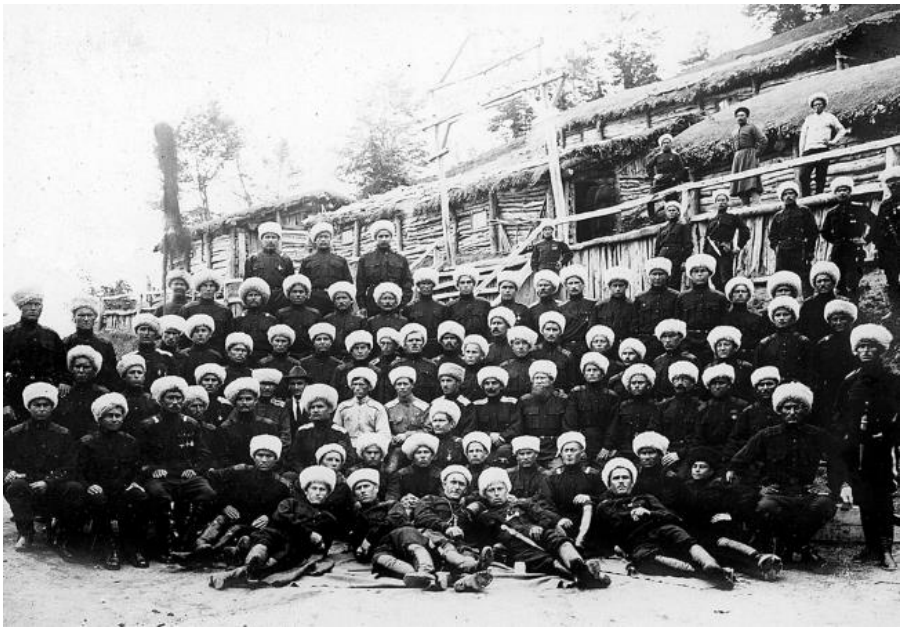
Смотр кубанским частям в Сербии, 1926 г.

Кубанский офицерский дивизион на подрывных работах

Генерал Врангель среди казаков 8-й сотни
1-го сводного Кубанского полка, 1922 г.

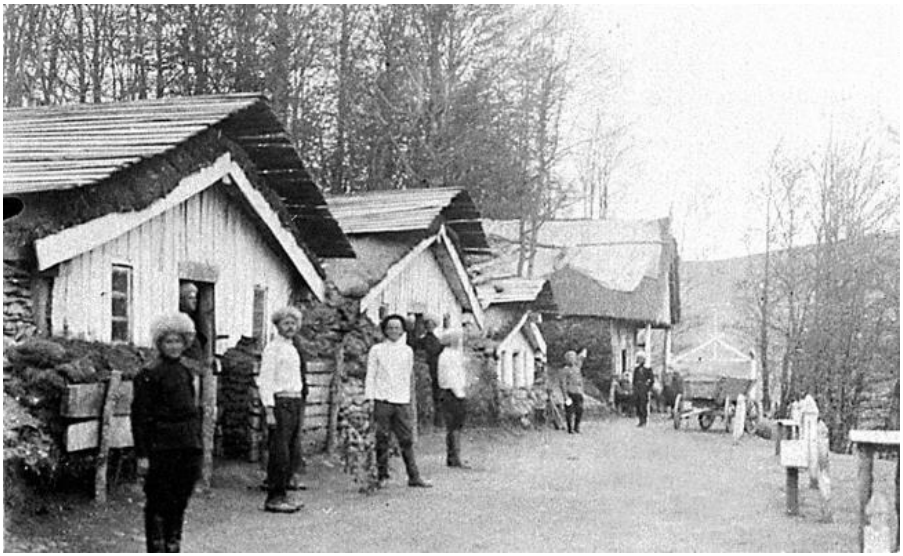


1-й сводный Кубанский полк на параде



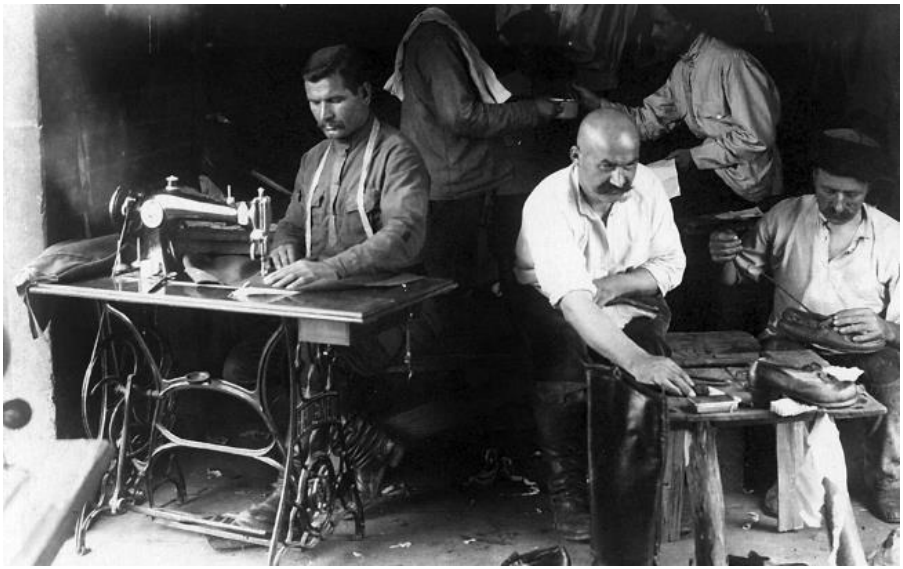
5-я Корниловская сотня 2-го сводного Кубанского полка, 1923 г.

2-й сводный Кубанский полк на работах

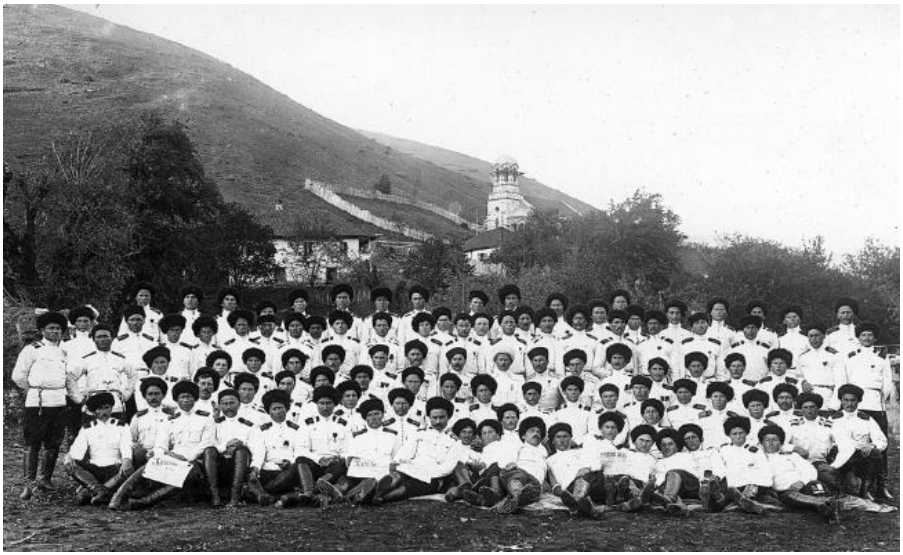


Землянки 5-й сотни 1-го сводного Кубанского полка

Казаки 1-го сводного Кубанского полка на строительстве дороги, 1924 г.



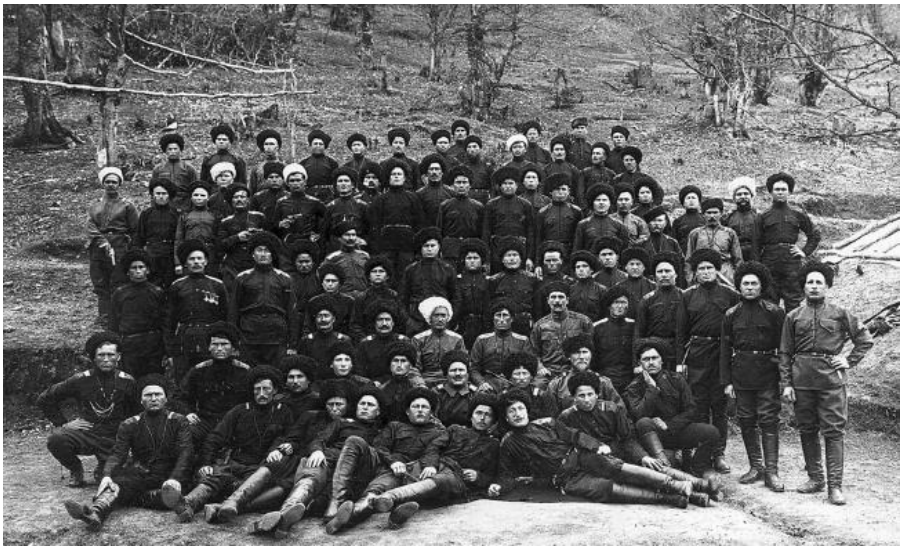
Портные и сапожники 3-го сводного Кубанского полка



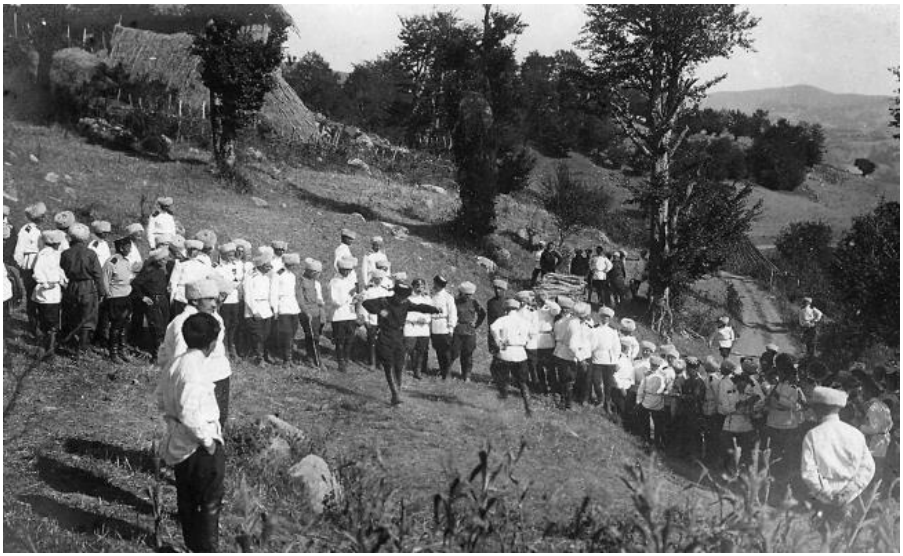
4-я Запорожская сотня 2-го сводного Кубанского полка

5-я Хоперская сотня 1-го сводного Кубанского полка, 1923 г.

Генерал Врангель в 5-й сотне 1-го сводного Кубанского полка, 1923 г.

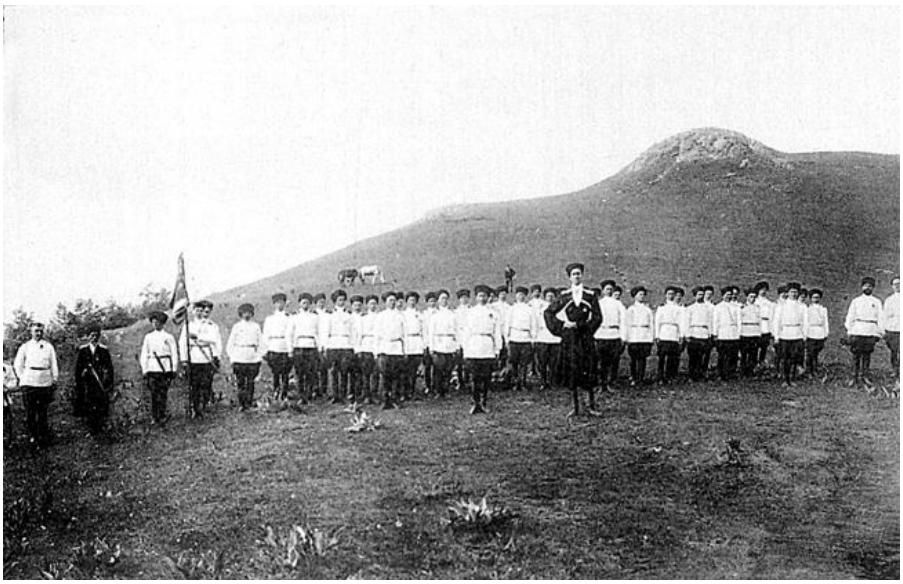


6-я Линейная сотня 1-го сводного Кубанского полка, 1923 г.

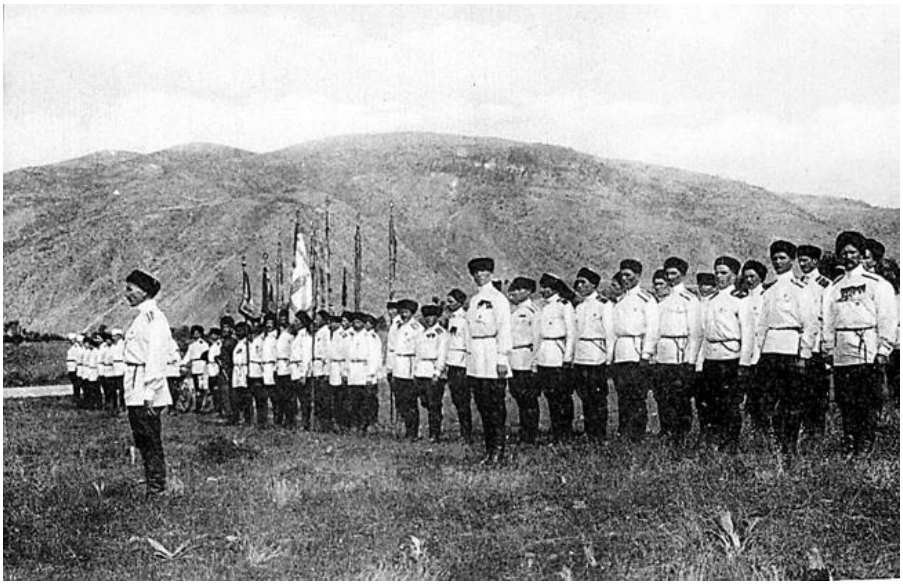


Казаки Корниловских сотен 2-го сводного Кубанского полка на отдыхе

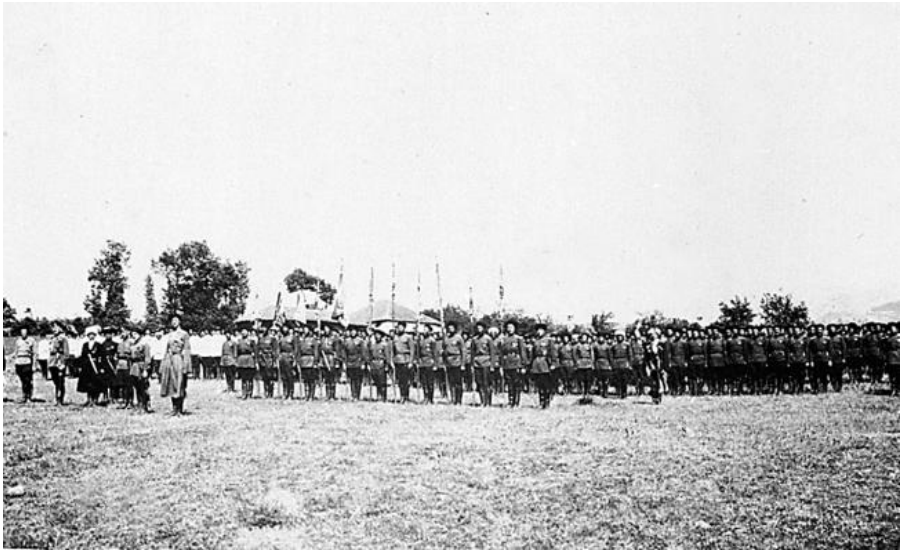
4-я сотня 2-го сводного Кубанского полка на постройке дороги



Генерал Врангель перед строем 5-й сотни 2-го сводного Кубанского полка



Кубанская казачья дивизия на параде



Парадный строй 9-й, 2-й инженерной, 1-й и 2-й Лабинских сотен 1-го и 1-й Уманской сотни 2-го сводных Кубанских полков

Марш 4-й, 6-й, 7-й и 8-й сотен 1-го сводного Кубанского полка, 1923 г.

Парадный строй Терской гвардейской сотни

Кубанцы на строительстве шоссе Корбевац – Босильград, зима 1922/23 г.

Русские добровольцы, участники похода в Албанию

Русские добровольцы в Албании, 1925 г.

Из жизни на местах

Франция. Париж. 12 марта 1932 года Парижская группа корниловцев устраивала свой ежегодный бал с целью пополнения средств помощи инвалидам. Прекрасная концертная программа во главе с Надеждой Васильевной и хороший оркестр создали блестящий военный бал сезона. Бал посетили: председатель РОВС генерал Миллер, адмирал Кедров с супругой, генерал Репьев, генерал Фок, генерал Туркул, видные представители общественных организаций, профессуры и все лучшее русской колонии. Несмотря на общий экономический кризис, материальный успех бала был прекрасным: 3600 франков. Расположение Парижской группы в центре мировых событий и ее численный состав сделали ее главной группой Объединения чинов Корниловского ударного полка, начальником которой был тогда подполковник Трошин. Члены группы могли воспользоваться многим: военно-научными курсами генерала Головина, курсами усовершенствования военных знаний, периодическими лекциями и т. п. для своего развития.

Лионская группа. Лионская группа корниловцев по справедливости должна считаться в нашей семье наиболее организованной и дружной. Нравственные высокие качества дисциплинированного полковника Киреева[212], начальника группы, дали совершенный образец воинской части в наших условиях. Группа имеет свое собрание, свой капитал, а главное –

единую волю корниловца в самом красивом и высоком смысле. Работа есть. Двое безработных не вызывают тревоги, так как каждый чин обеспечен на черный день.

Марсель. Группа, десять человек, начальник группы подпоручик Котов, обещает стать на должную высоту и занять свое положение среди русской колонии. Существуют курсы военных знаний, читаются лекции. Вся группа успела обзавестись полковыми значками. Безработных нет.

Клермон-Ферран. Группа корниловцев во главе с начальником группы штабс-капитаном Яремчуком[213], он же и начальник группы РОВС. Исключительные служебные качества штабс-капитана Яремчука подняли его личный авторитет, а с ним и корниловцев, на первое место среди других частей. Все обязанности перед полком и РОВС выполняются безотказно. Безработных нет.

Гренобль. Начальник группы поручик Гридин[214] доносит: «В группе у нас неблагополучно: капитан Стороженко[215] отправлен в дом умалишенных. Истрепанные его нервы не выдержали. Главная его мысль – это спасение России, и на этом он и сошел с ума. Сами создали кружок пополнения военных знаний, делаются доклады. Полковник Яхнов[216] читает общую тактику, подполковник Павлов – пехотное дело и Красную армию, поручик Гридин – военную географию. Группу посетил генерал Стогов, сделав доклад о событиях на Дальнем Востоке. Безработных нет».

Люксембург. Начальник группы подполковник Роман Филиппович Пух. Группа на должной высоте в исполнении своего служебного долга, твердости и единения корниловцев. Безработных нет. 7-го умер поручик Молдавский Иван Димитриевич. На могилу покойного возложен венок от полка.

Бельгия. Шарлеруа. Все благополучно. Корниловцы живут дружно. Обязательства перед полком и сбор в Фонд Спасения Родины полностью выполняются. Безработных почти нет.

Брюссель. После всякого рода треволнений и перетасовок групповая жизнь корниловцев мало-помалу налаживается, и есть надежда, что, изжив все острые углы, корниловцы вновь обретут себя, – порукой в том то, что они прежде всего корниловцы.

Льеж. В группе все благополучно, связь со старшим всей Бельгийской группы прочно поддерживается.

Лувьер. Жизнь корниловцев идет хорошо. Образована касса взаимопомощи. Группа работой обеспечена.

Болгария. Обстоятельные сведения о жизни корниловцев в Болгарии, рисующие полную картину быта в связи с общим положением страны, достойны особого внимания и являются примерными. Начальник группы полковник Кондратьев лично

объехал большинство партий и на месте убедился в том, что есть.

Бургас. Группа, благодаря своей численности и сплоченности, является наиболее крепким ядром, руководя общественной деятельностью в русской колонии города. Ежемесячные членские взносы регулярно поступают. Общевоинские объединения наполовину составлены из корниловцев, где докладчиками и лекторами являются полковник Кондратьев и полковник Голосов[217]. Руководство для унтер-офицеров штудируется добросовестно. Безработных почти нет. Партия Образцова во всех отношениях.

Софийская группа. Безработных, за исключением инвалидов, нет. Есть надежда, что и безработные инвалиды, подполковник Димитриев[218], подполковник Федоров[219] и подполковник Ширгановский[220], скоро устроятся. Живут дружно, но в силу разбросанности местожительства собираются редко. К приезду начальника группы собрались все. 17 апреля в посольской церкви в Софии была отслужена панихида по генералу Корнилову и полковнику Неженцеву[221]. Присутствовала вся группа и все начальствующие лица.

Перник. Долгие годы жизни на руднике в примитивных условиях, при грубой работе неизбежно угнетают и понижают дух корниловцев, но тем не менее начальник группы полковник Бржезицкий принимает все меры для поддержания достоинства корниловцев.

Пловдив. Большинство чинов группы работают на каменоломнях. Безработных трое. Живут дружно и часто собираются.

Барна. С начальником группы постоянную связь поддерживают штабс-ротмистр Трухманов[222] и корнет Писаный[223]. Безработица полная, порт пустой. Собраний РОВС не бывает.

Габрово. Безработных нет. Собраний не бывает. Живут дружно.

Казанлык. Условия жизни тяжелые. Почти все не на постоянных местах. Особенно тяжело положение подпоручика Запорожского[224] и Мушакова. Устраиваются собрания РОВС и читаются лекции по усовершенствованию военных знаний. Лекции из наших посещают штабс-капитан Кузьминов[225], поручик Егерь[226], подпоручик Запорожский и Тюрев[227]. Остальные не интересуются. 23 ноября 1931 года скончался поручик А. Стричинский.

Шуменская группа. Безработных нет. Обеспечены постоянной хорошей работой. Встречаются ежедневно. В городе армейских собраний не бывает. Информация РОВС получается редко,

имеется только руководство для унтер-офицеров.

Мина «Черное море». Безработных пока нет. Условия жизни, особенно на канале и озере, очень тяжелые. Собраний не бывает.

Сливенская группа. Большинство работает на фабриках, живут особенно дружно, будучи окружены сплошь рабочими-коммунистами. В колонии много организаций, направленных против РОВС. Собрания устраиваются каждый месяц и посещаются всеми чинами группы. Начальник группы поручик Игошин[228] и поручик Димитриев[229] учатся на курсах генерала Зинкевича и, кроме того, в группе полковника Малафеева[230], где проходится «руководство для унтер-офицеров».

Шипка. Такова звезда русского воина. Здесь непобедимый русский орел стяжал мировую славу и победные лавры, а ныне там горьким живым памятником наши инвалиды, больные… Полк не забывает их и не забудет, как бы ни была тяжела жизнь взявших перевал. Наши инвалиды – честь и долг каждого корниловца. Несмотря на то что им туда было послано 2500 и 2700 франков, их положение тяжелое. Полковник Кондратьев прямо пишет: «Положение на Шипке тяжелое». Шипкинская группа прислала фотографию, где все они сняты на фоне храма-памятника.

Старозагорская группа. Начальник группы не может установить связь с начальником партии, и потому полк ничего о них не знает.

Общий вывод. В Болгарии корниловцы живут дружно, но обособленно от других, сохраняя любовь к полку и верность его традициям.

Югославия. Судя по приказу группе от 23 марта с. г. видно, что корниловцы в Югославии организованы в порядке службы и дисциплины. В свои ряды корниловцы привлекают молодежь, внушают ей наши традиции и светлые идеалы. В Белграде и в Новом Саду, где преимущественно сосредоточены корниловцы, командованием организованы курсы военных знаний, имеются все военные пособия, а главное – чины группы увлечены и охотно работают по усвоению всего нового, что дает современная военная наука. 5 марта корниловцы устраивали в Белграде бал для усиления средств помощи нетрудоспособным и больным однополчанам. Бал посетили все старшие начальники РОВС и офицеры Югославской армии.

Финляндия. Начальник группы капитан Батуев на далеком севере работал, в полном смысле слова, по-корниловски. Состоящие в группе молодые люди прошли все уставы, а летом было предположено все это поставить на практическую ногу. Вся эта работа проводилась в исключительно тяжелых политических

условиях, царящих как в самой стране, так и в среде русской колонии вследствие близости Советов.

Польша. Генерал Зумберов[231] регулярно пишет командиру полка. Живется ему нелегко, работая по сбору податей. Приводится резонный вопрос генерала Зумберова: «В Париже г-н Керенский делает доклады при переполненном зале. Кто переполняет зал и кто слушает этого мерзавца?»

Америка. Старший группы капитан Ткаченко[232] пишет: «Живем дружно, без всяких недоразумений, крепко держимся друг за друга. Сейчас почти все без работы, но дух хороший, и кризис не пугает. Взносов не собираем – кругом должны, но на охрану генерала Миллера выслали заказ. Если есть что светлого в жизни каждого из нас, так лишь воспоминания и долг перед полком и армией. Капитан Трилевский[233] путешествует по всей Америке, изучая ее возможности, и с головой ушел в организацию куриной фермы. При успехе можно думать, что в центре Америки будет крепкий Корниловский колхоз. Дороже нашего прошлого ничего нет».

Алжир. Капитан Голик пишет, что устроился хорошо, зарабатывает прилично, а жизнь дешевая. Работой обеспечен. Русским можно работать только специалистами, ибо на трудной физической работе наш брат не устоит перед арабами.

Индокитай. Поручик Козицкий пишет: «Вторично отбываю службу в Иностранном легионе. Суровая боевая обстановка сопутствует жизни в легионе все время. Русских осталось мало, но за последнее время прилив снова увеличился – гонит безработица. Среди русских многие служат в офицерских чинах. Из корниловцев я встретил здесь случайно капитана Дашкевича (подполковник), прибывшего в легион в 1930 году, капитана Киреева, прибывшего в 1931 году, и Мищеринова». И в дебрях, что называется «у черта на куличках», человек не забывает свой родной полк. Прислал за год свой членский взнос в полк и лепту на безработных. Пример достойный, а корниловцу – честь и слава! Просит прочитанные газеты присылать по их адресам.

Венгрия. Начальник Отдела Общества Галлиполийцев в Королевстве Венгрии сообщает командиру полка, что 34 марта с. г. скончался и погребен на центральном городском кладбище поручик Корниловского полка Ростислав Владимирович Толпыго[234]. В Будапеште умер в 1923 году корнет Николай Тимофеевич Рыбалка[235].

* * *

Юбилей пятидесятилетия Корниловского ударного полка отмечался вместе с юбилеем Добровольческой армии. В Париже из-за больших расходов группе капитана Туркина[236] пришлось отметить день юбилея только торжественным молебном в соборе Александра Невского в Париже без банкета, который был перенесен на день полкового праздника, отмеченного совместно с юбилеем Добровольческой армии. Самый же молебен прошел исключительно торжественно, благодаря архиерейскому служению, прекрасному хору, исполнившему концертное «Тебя, Бога, хвалим», и содействию старосты собора, поручика Дроздовского стрелкового полка Владимира Николаевича Загоровского. На молебен были вынесены: траурная подушка с оставшимися нерозданными за смертью в боях чинам 2-го Корниловского ударного полка сорока тремя Георгиевскими крестами и тринадцатью Георгиевскими медалями, черно-красное Ударное знамя, Георгиевское знамя, Николаевское знамя 1-го полка и флаг штаба Корниловской ударной дивизии, сопровождавший нас в боях. Особую торжественность создало внимание к нам наших соратников, заполнивших весь обширный храм и потом вместе с ними подходивших и целовавших наши знамена. После окончания молебна знамена и Парижская группа были сфотографированны, и многочисленные снимки были разосланы по группам.

Наш юбилейный полковой праздник слился с юбилеем Добровольческой армии и поэтому прошел с особой торжественностью. Успех этого дня был подготовлен начальником 1-го отдела РОВС полковником Щавинским и его начальником канцелярии В.В. Поповым обширными информациями и организацией самого торжества, которое было разделено на молебен с банкетом в тот же день, 5 ноября, в шикарном помещении Аэроклуба, и на доклады, 12 ноября. На молебен 5 ноября от нас были вынесены: черно-красное Ударное знамя, Георгиевское знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в Великую войну, Николаевское знамя 1-го Корниловского ударного полка и прибывшее из Бельгии Николаевское знамя 3-го Корниловского ударного полка в сопровождении представителей от группы Наталии Лавровны – дочери генерала Корнилова. От Объединения дроздовцев было их Николаевское знамя с флагом морской пехоты и от Русского Флота – Андреевский флаг. Молящихся было столько, что встать на колени было невозможно. После молебна мой внук сделал на паперти снимки со всех знамен, которые тоже были разосланы по группам.

После молебна состоялся банкет, собравший рекордное для

Парижа число соратников в количестве 223 человек, и это несмотря на то, что билеты выдавались только членам РОВС.

От Объединения корниловцев присутствовали: командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Гордиенко Карп Павлович, командир 2-го Корниловского ударного полка, он же и возглавляющий Объединение корниловцев полковник Левитов, Наталия Лавровна Корнилова, сын полковника Гордеенко с дочерью, старшие сестры милосердия Полина Федоровна Бешенова[237] и Варвара Сергеевна Левитова (Васса Яковлевна Гайдукова[238] не могла быть по болезни), 46 офицеров и ударников и 11 – от Корниловского артиллерийского дивизиона. Настроение было приподнятое, и, несмотря на ограниченное время для речей, все же ими было заполнено все время. Закончился банкет выражением общей радости от исполненного нами долга перед жертвами Добровольческой армии в ее борьбе за Честь России, которая была и остается путеводной звездой на нашем жизненном пути.

После банкета сестра В.С. Левитова пригласила к себе на чашку чая Наталию Лавровну Корнилову, полковника К.П. Гордеенко, представителей от бельгийской группы, капитана Григуля и капитана Туркина с супругой, где внук мой тоже снимал всех нас на память.

12 ноября состоялось продолжение юбилея Добровольческой армии в частном синема, куда собралось более 500 человек. Присутствовало и высшее духовенство. Отлично пел хор города Евец из молодежи. Вступительное слово сказал полковник Щавинский, общий обзор сделал затем издатель журнала «Часовой» капитан В.В. Орехов[239]. Представитель Русского Флота осветил его действия во время Великой войны и войны гражданской. За ним был доклад возглавляющего Объединение корниловцев полковника Левитова о службе их Ударного полка во время Великой войны и Гражданской, где он проявил в боях исключительную жертвенность, принеся в жертву за спасение России 48 002 человека убитыми и ранеными. Если судить по тому, как отнеслись слушатели к изложению жертвенного служения Корниловского ударного полка нашей многострадальной Родине, то можно вывести заключение о том, что русские патриоты до сего времени чтут память нашего вождя и шефа полка и его Корниловский ударный полк, жизнь свою не щадивших в борьбе за Честь России.

В. Витковский
Вынужденное «заболевание»

Париж. 13 февраля – 24 июня 1941 года[240]

Во время Второй мировой войны, после оккупации Франции немецкими войсками в 1940 году, Русские национальные организации, в частности 1-й Отдел Русского Обще-Воинского Союза, начальником коего я состоял со времени гибели генерала Е.К. Миллера (1937), продолжали свое существование. Управление 1-го Отдела РОВС находилось по-прежнему в том же доме (с 1930 года) на рю дю Колизэ, под № 29.

В среду 12 февраля 1941 года, около полудня, в Управлении Отдела раздался один из многочисленных в эти часы телефонный звонок. Подошел к телефону, как обычно, В.В. Асмолов[241]. Я был у себя в комнате, двери были открыты, и я слышал, как Асмолов сказал по-французски: «Генерал Витковский здесь» – и затем переспросил: «Его просят из немецкого Сюртэ (полиция безопасности)?»

Подойдя к телефону, я сообщил о своем присутствии. Далее произошел следующий короткий разговор. «Вы говорите по-немецки?» – спросили меня. «Да, немного», – ответил я. «Вас просят пожаловать в «Зихерхейтсполицей» (полиция безопасности) на улице Соссэ (где помещалось до оккупации французское Сюртэ) завтра, 13 февраля, в 10 часов утра, приемная на 3-м этаже».

В четверг 13 февраля ровно в 10 часов я прибыл в «Зихерхейтсполицей» и был проведен в главное здание на 3-й этаж, в приемную комнату. Около 10 с половиной часов вошел господин средних лет, в штатском платье, и обратился ко мне с вопросом – я ли генерал Витковский и говорю ли я по-немецки. Вместе с тем он извинился за опоздание. Я сказал, что по-немецки говорю, но предпочитаю иметь переводчика. Господин вышел и через некоторое время вернулся с переводчиком, немцем, говорившим по-французски.

Мы сели у письменного стола, и пригласивший меня господин, положив возле себя два листа бумаги с отпечатанным текстом на немецком языке, прочел содержание. Текст был краткий, другой лист оказался вторым экземпляром. Затем переводчик перевел прочитанное по-французски. Содержание бумаги было примерно следующее: по распоряжению немецких властей, стоящий во главе Русских Воинских Организаций

генерал Витковский временно не должен заниматься ни политической, ни организационной работой, а следовательно, не может и продолжать исполнять свои обязанности начальника Отдела РОВС.

Означенное решение секретное и должно быть проведено в жизнь немедленно.

Естественно, я был поражен подобным распоряжением и стал задавать вопросы. При этом указал, что наше отношение как к французским, так и к немецким властям было всегда лояльное и что наша главная цель была и есть – борьба с коммунистической властью в России для освобождения русского народа и восстановления Национальной России.

При этих моих словах оба немца переглянулись, улыбнулись и пригласивший меня господин ответил, что ныне СССР является их союзником, в силу чего я и не должен заниматься политической и организационной работой и оставаться на своем посту. Далее этот господин сказал, что наша организация может продолжать существовать, но при условии выполнения вышеуказанного секретного распоряжения, а теперь я должен «заболеть», о чем объявить и назначить своего заместителя. Затем он подал мне перо и попросил подписаться под прочитанным текстом, в двух экземплярах.

Прежде чем подписать предложенную бумагу, я пытался выяснить все недоуменные вопросы, но немец упорно повторял, что я должен временно отойти от работы, не должен даже появляться в управлении на Колизэ, что распоряжение это секретное, а в случае его нарушения как в отношении меня, так и всей организации будут применены «санкции». Мне ничего больше не оставалось, как выполнить требование, и я расписался на обоих экземплярах. Переводчик ушел, а господин, пригласивший меня, проводил меня до выхода из здания.

Насколько я понял, принятая против меня мера являлась результатом требований советской власти. Мне этого не сказали, но по тем взглядам, которыми обменялись немцы, и по той фразе, что «ведь мы теперь находимся с СССР в союзе», иначе объяснить мое устранение невозможно.

В тот же день я встретился с генералом Н.Н. Стоговым[242] и начальником канцелярии 1-го Отдела РОВС полковником С.А. Мацылевым[243], которых ознакомил, в секретном порядке, с происшедшим и подписал приказ 1-му Отделу РОВС, в коем сказано: «Ввиду моего болезненного состояния, по требованию врачей, я временно не могу нести обязанности начальника 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза и предписываю Генерального штаба генерал-лейтенанту Стогову вступить во

временное исполнение должности начальника 1-го Отдела РОВС».

В дальнейшем у меня невольно появились некоторые недоумения по поводу причин отстранения меня от дел, но, как выяснилось позднее, это было действительно требование советской власти. Приходится удивляться, как большевики переоценивали нас – и нашу антикоммунистическую организацию в целом, и наши силы, и возможности, и значение отдельных лиц.

Во время этой моей «болезни» положение мое было крайне неприятное. Встречавшиеся со мною видели меня здоровым и не понимали, почему я объявил себя больным и отошел от наших дел. Я неоднократно обращался в «Зихерхейтсполицей», чтобы выяснить создавшуюся ситуацию, которая ставила меня в отношении моих соратников в весьма двусмысленное положение, так как я был лишен возможности раскрыть истину.

Прошло четыре месяца. 23 июня немцы начали военные действия против СССР, и на следующий день мне было возвращено право «выздороветь» и вернуться на свою должность. В тот же день, то есть 24 июня, я отдал приказ о своем выздоровлении и вступлении в исполнение обязанностей начальника 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

На этом закончилось мое вынужденное «заболевание», вынужденное, теперь уже не было сомнений, под влиянием большевиков.

Тайный советский микрофон в Управлении Русского Обще-Воинского Союза в Париже (раскрыт 17 июня 1942 года)

Чтобы дать читателю ясную картину преступной работы большевиков против белой эмиграции и участия в ней одного из предателей, необходимо напомнить некоторые события и факты из годов, предшествовавших обнаружению тайного советского микрофона в Управлении 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) 29 рю дю Колизэ, в Париже.

После похищения генерала А.П. Кутепова (26 января 1930 года) вступивший в должность начальника РОВС генерал Е.К. Миллер перевел Управление РОВС, вместе с Управлением 1-го Отдела Союза, с апреля месяца того же года, в дом № 29 рю дю Колизэ, Париж 8, где было снято большое помещение во 2-м этаже.

В 1934 году, в целях сокращения расходов, генерал Миллер распорядился подыскивать другое, более дешевое помещение для Управления.

К этому времени относится снятие Третьяковым Сергеем Николаевичем в этом же доме трех квартир, а именно – двух в 3-м этаже, из коих одна как раз над занимаемым РОВС помещением,

другая, на той же площадке, но меньшего размера. Третья квартира помещалась на 4-м (мансардном) этаже, и в ней поселилась семья С.Н. Третьякова.

С.Н. Третьяков был известен в русских кругах эмиграции как общественный деятель и секретарь Русского Торгово-Промышленного Союза в Париже. О прошлом С.Н. Третьякова мы находим в статье Н. Тальберга, посвященной памяти генерала А.П. Кутепова («Россия» от 3 февраля 1955 года), следующие строки: «С.Н. Третьяков в дореволюционное время отдал дань либерализму. Тогда он занимал должность представителя Московского Биржевого Комитета, товарища председателя Военно-Промышленного Комитета. После революции он был председателем Высшего Экономического Совета при Временном правительстве, позднее министром торговли у адмирала Колчака».

Узнав о том, что генерал Миллер ищет более дешевое помещение для Управления РОВС, Третьяков предложил генералу Миллеру квартиру на 3-м этаже, расположенную над Управлением, за подходящую цену, предложение было принято, и в декабре 1934 года Управление РОВС (вместе с Управлением 1-го Отдела) перешло в новое, вышеуказанное помещение.

В 1936 году, когда генерал Миллер принял на себя и должность начальника 1-го Отдела, понадобилось сокращение бюджета, в том числе и платы за помещение Управления. И опять Третьяков предложил перевести Управление в квартиру, на той же площадке, но меньшую, за более скромную плату. В марте 1936 года состоялась эта перемена.

22 сентября 1937 года погиб[1] генерал Е.К. Миллер. Вскоре центр Управления РОВС перешел в Брюссель, где проживал генерал А.П. Архангельский, вступивший в должность начальника РОВС. Я был назначен начальником 1-го Отдела Союза, и мое Управление оставалось по-прежнему в Париже, 29 рю дю Колизэ, в том же помещении, то есть в меньшей квартире на 3-м этаже, снимаемой у Третьякова.

В этом помещении застала нас Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 года. Через некоторое время, в связи с увеличением работы и штаба Управления, явилась надобность иметь большее помещение, и опять, уже в третий раз, Третьяков предупредительно предлагает перевести Управление 1-го Отдела РОВС в предыдущую квартиру на том же 3-м этаже, но большего размера. При этом Третьяков обязался произвести некоторый ремонт и покраску. Я помню, как в это время Третьяков просил меня указать ему распределение канцелярии и, в частности, где будет мой кабинет. К 1 января 1940 года Управление перешло в

отремонтированную большую квартиру.

Летом 1940 года немецкие войска заняли Париж. Мы оставались на своих местах, продолжая нашу работу по объединению и руководству Русскими Воинскими Организациями. Существование и деятельность 1-го Отдела РОВС протекали в довольно трудных условиях. Немецкие власти знали наше стремление и цель, а это не совпадало с их задачами, вследствие чего отношение к нам было, в общем, недоброжелательное.

4 июня 1942 года я получил официальное извещение из «Зихерхейтсполицей», коим я вызывался туда на 10 июня в 9 часов утра. По прибытии в указанное учреждение меня провели в комнату 345, и там ко мне обратились с вопросами: знаю ли я С.Н. Третьякова? Состоит ли он членом нашей организации? Бывает ли он в Управлении нашем? Каково к нему отношение и вообще мнение о нем? На все эти вопросы я дал ответы, сводящиеся к следующему: С.Н. Третьякова я знаю как общественного деятеля и как хозяина квартиры, которую мы у него нанимаем для Управления. Членом он у нас не состоит, как не воинский чин. В Управление иногда заходит, ибо живет в том же доме. Отношение к нему, как к лицу постороннему, нормальное и доброжелательное. Ничего предосудительного за ним не замечалось. О причинах этих справок о Третьякове мне ничего не сказали, и на этом разговор был окончен.

17 июня утром меня вызвал по телефону полковник Мацылев, начальник канцелярии 1-го Отдела РОВС, и доложил, что к нам в Управление прибыли немецкие офицеры и просят меня поскорее туда прибыть. Я вскоре прибыл. Входя в дом, я обратил внимание, что возле него стоял немецкий грузовик с несколькими солдатами. Войдя в Управление, я пригласил двух бывших там немецких офицеров к себе в кабинет. Старший из них сообщил мне, что у С.Н. Третьякова в этот день рано утром был произведен обыск и он арестован, так как у них есть определенные данные, что здесь, у меня в кабинете, имеется микрофон, связанный с приемным аппаратом, находящимся в соседней квартире Третьякова, благодаря чему Третьяков имел возможность все знать, что говорилось в моем кабинете. Все слышанное он передавал затем в советское посольство, на рю де Гренель.

Трудно передать, какое изумление вызвало во мне это столь невероятное сообщение. Затем немецкий офицер просил разрешить позвать солдат с инструментами, ожидавших внизу. Офицер имел в руках план квартиры и тут же приказал пришедшим солдатам отодрать плинтус возле камина, с правой стороны, как раз против моего письменного стола. Каково же

было мое удивление, когда в стене под плинтусом оказался действительно микрофон. Немецкий офицер сказал мне, что им удалось найти и монтера, который делал все проводки и установки микрофонов. Ввиду некоторого моего сомнения, что микрофон мог хорошо действовать даже будучи покрыт деревянным плинтусом, офицер предложил вновь приложить плинтус, а в соседнюю квартиру, где имелся приемник, пройти полковнику Мацылеву, чтобы установить, насколько слышен разговор из моего кабинета. Оказалось, что все было хорошо слышно. Вслед за сим офицер установил наличие второго микрофона в другой комнате, где работали чины Управления, а также и следы того, что раньше имелся микрофон в кабинете генерала Миллера, как в этой квартире, так и в другой, меньшей, на той же площадке, в которой теперь проживал Третьяков. Тогда же был снят паркет возле мест, где находились, теперь и раньше, микрофоны и приемный аппарат, и таким образом обнаружен изолированный кабель, проложенный под полом.

Стало ясно, что со времени первого предложения Третьяковым генералу Миллеру, в декабре 1934 года, перейти из 2-го этажа (квартиры, нанимавшейся непосредственно у хозяйки дома) к нему на 3-й этаж, С.Н. Третьяков был уже предателем, оборудовавшим микрофоны при всех переменах квартир, при этом он всегда оставлял другую квартиру в том же этаже за собою, где и устанавливал приемник.

Семья Третьякова, как сказано выше, жила на 4-м этаже и в этот день находилась на даче, в окрестностях Парижа. Насколько известно, немецкие власти установили, что семья С.Н. Третьякова была совершенно не причастна к его преступной деятельности, в силу чего и оставлена была на свободе. Третьякова немцы увезли сперва в Мезон-Лафит, под Парижем, а затем в Германию. По сведениям, полученным его семьей, он был расстрелян в городе Ораниенбурге, под Берлином, летом 1944 года, незадолго до высадки союзных войск в Нормандии.

Мы не имеем данных, чтобы определить точное время перехода Третьякова к большевикам, но можем утверждать, что в конце 1934 года, когда он приступил к установке микрофонов в интересах советской власти, он, следовательно, был предателем. Трудно сомневаться в совместной преступной работе Третьякова и Скоблина, в особенности в момент быстрого исчезновения последнего из Управления РОВС вечером 22 сентября 1937 года, в день похищения генерала Миллера. В заключение надо отметить, что С.Н. Третьяков все эти годы держал себя так, что никогда ни в ком не вызывал подозрения, тем более ошеломило всех совершенное им чудовищное преступление.

М. Стефановский[244]
Корниловцы в Русском Корпусе[245]

15 марта 1942 года сообщение 3-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза (Болгария): «Желающие могут прибыть в г. Софию для дальнейшей отправки в русские части, формирующиеся в Сербии и предназначенные для борьбы с большевиками». Никаких особых обещаний.

Служба на положении солдата. Объединявший корниловцев в Болгарии доблестный полковник Кондратьев рекомендовал ехать. Записалось 90 корниловцев плюс взвод Кутеповской роты (молодежь, воспитанная в корниловском духе в Софии).

Отправилась первая группа под командой штабс-капитана Стефановского. Нас вливают в формирующийся 3-й полк Русского Корпуса, а Кутеповский взвод – в юнкерский батальон. Обмундирование коричневого цвета, русского образца, русские знаки отличия; кто имеет ордена, надевает их. Вскоре приезжает полковник Кондратьев со знаменем 2-го Корниловского ударного полка. Назначается парад батальону, на котором наше знамя будет временно передано 3-му полку Русского Корпуса. Батальон выстроен. Начальство во главе с генералом Штейфоном и немцы. «Под знамя, слушай, на караул!» Оркестр грянул Корниловский марш. Выходит полковник Кондратьев, за ним знаменщик (корниловец-подпрапорщик Мищенко[246]); ассистентами дроздовец и марковец. Волнуются корниловцы: перед ними проходит эмблема легендарной истории корниловцев. Церемониальный марш под звуки старого Егерского.

Пасху встречаем в дружной корниловской семье. Слухи о походе в Россию; их подтверждает на смотре немецкий генерал. Грузимся в классные вагоны и едем в албано-сербский городок. Задача: охрана (в бункерах) от партизан железной дороги в Грецию, где находится германская армия. Летом поход в горы. Осенью второй поход. Корниловский полковой праздник отмечаем с приглашением представителей Добровольческих частей и немцев. Последние поздравляют нас со скорым походом в Россию. В конце 1942 года корпус причисляют к вермахту; хорошо вооружили. Одной ротой командует полковник Кондратьев, другой – полковник Гетц[247]; старшими в бункерах – корниловцы, 3 августа 70-тысячная масса титовцев, обученных, хорошо вооруженных англичанами, наваливается на линию наших бункеров. Осада длится около недели. 3 бункера взорвано. Погибли 5 корниловцев. Кругом бои. В 1944 году положение

становится крайне тяжелым, потому что в дело введены советские части. Гложет сознание, что мы идем к гибели за чужое, не русское дело.

В ноябре 1944 года начинается пятимесячный поход, полный ужаса и могил. Наш полк сведен в «старческий батальон» – все добровольцы, видавшие виды. Идем в замке отступающих войск. Дороги едва проходимы. Обоза нет. Мороз, снег, переходы по 50 км, чтобы вырваться из окружения. Кругом кресты с надетыми шлемами и бесконечная стрельба. За 4 суток прошли 250 км. Хорошо, если отдыхали в лесу: будет костер для не потерявших силы. Большой отдых намечен в городе Сиенице. Расположились, думали поспать, но летят эскадрильи, засыпают ковром бомб. Крики, стоны, огонь. К вечеру остатки собираются. Забыты голод и мысль об отдыхе. Новые могилы; короткая лития; крест и надпись «Капитан Морозов» – корниловец (автор стихов для «Смычков»).

Опять поход. Горы, снег, лютые морозы. Одно желание: уснуть в тепле. Остановка – надо, охраняя, пропустить отступающие части. На посту 4 часа в сутки; шалаш из веток, иногда костер. В горах бродит скот; можно найти спрятанное зерно; но без соли все это не идет в горло. В конце декабря поход. По карте обычно километров 20; высота 2500 метров, мороз 25 градусов по Цельсию. Крыши нет, еды нет, табаку тоже нет. Галлюцинации: видишь дом, огонь, идешь туда – только снег, метель, лес, никакого жилья. Стреляются. Покоя не дает вошь; немцы выдали дивное средство и – «прощай, тиран!».

Выступаем на город Сараево. Там будет отдых, баня, обмундирование. Переходы до 70 км в сутки – ни одного жилья: все разрушено. Отдыхаем на снегу у костра. У многих не хватает сил развести огонь; валятся с ног и засыпают намертво. Мечту – Сараево – проходим почти без остановки. Сильный мороз. По обочинам дороги – трупы лошадей и автомобили, кресты со шлемами. Никто и никогда не оплачет эти безвестные могилы. Идем дни и ночи. Февраль в городе Бусовача. Надо его держать, иначе – гибель отходящей армии. Заслон – Русский Корпус – должен всех пропустить. Рядом столица Тито – город Яйце. Каждый день бои. Ключ позиции нашей – гора Хума; она переходит из рук в руки. Приказ: держать два дня. Полковник Кондратьев с ротой дает слово приказ выполнить. Выполнил, но сам ранен смертельно. Его последние слова: «Передайте корниловцам и жене, что я умер, как солдат, на посту». Погиб корниловец, одареннейший офицер, неустрашимый солдат своей Родины.

В одну ночь приказ начальника боевого участка: «Мы

окружены. Помощи нет. Сдачи тоже нет». Жуткая морозная ночь. Вокруг партизаны. Мы отстреливаемся, а в душе рождается сознание обреченности. Нет боеприпасов, замолкла наша артиллерия, замерзают пулеметы… О чудо! Огонь 22 немецких «флак» выручает нас. Атака отбита, все кругом горит, летят куски партизанских тел. У Бусовачи мы потеряли 3 корниловцев. Идем дальше. Условия те же. У города Зиеница несем тяжелую боевую службу, но есть еда, крыша, баня, свежее обмундирование. Войска прошли, остается наш батальон и германская подрывная команда. Едем на бронепоезде, только ночью – днем бомбят аэропланы. Проехали 150 км, утром взлетает на воздух контрольная площадка. Со всех сторон пулеметный огонь. Атака отбита. Бросаем бронепоезд. Сумасшедший марш, и соединяемся со 2-м полком корпуса. Снова переходы не меньше 70 км в сутки под непрерывную бомбежку с самолетов. Надо вырваться из нового окружения: справа Тито, слева Красная армия.

Весна в Загребе. Генерал Штейфон сделал последний смотр и через день умер. В командование корпусом вступил полковник Рогожин[248], командир «Железного» 5-го полка. Марш снова усиливается, усиливаются и бомбежки. Нам дана дневка, но вечером мчимся на автомобилях выручать немцев. Убит еще один корниловец. Предстоит трудный путь через Альпы в Австрию. Гибнет полк «Варяг» РОА. Гибнет дивизия «Принц Евгений» (из югославских немцев), с которой мы совершали поход. Положение отчаянное. Рядом Красная армия.

12 мая 1945 года перевалили Альпы. Мы – пленные. Англичане размещают нас по деревушкам. Плен, но никакой проволоки и охраны; зато голодное существование. Все принимает воинский вид, вроде Галлиполи. Корниловцы разыскивают друг друга; убиты полковник Кондратьев, капитаны Морозов[249], Барановский[250], штабс-капитаны Новицкий[251], Таранский[252], поручик Журавский[253], подпоручики Анохин[254], Малашихин[255], Краснер[256], подпрапорщик Мищенко, унтер-офицер Люботин[257]; умер поручик Курносов[258]; убит большевиками поехавший в Болгарию подполковник Кедринский[259].

Понесены ненужные жертвы – но вина не наша, не Русского Корпуса. Многие из корниловцев награждены Железными крестами. Корниловцы исполнили свой долг. Наша стойкость в боях корпуса, могилы наших соратников, оставшиеся на его страдном пути, говорят о неумирающих доблести и духе корниловцев.

П. Тригуль[260]
Корниловцы в рассеянии[261]

Да, в рассеянии… С твердой волей «охранения себя в своей качественности единственно-открыто-являемого подвига русскости». В годовщину галлиполийских лагерей – стояния «литургии верных» – корниловцы с трепетным вниманием вслушивались в каждую фразу долгожданного приказа Главнокомандующего Русской Армией: «Оставив родную землю, Русская Армия вот уже год ведет на чужбине борьбу за свое бытие. Забытая всем миром, оставленная малодушными, еще недавно шедшими с нею, она не только не пала духом, но неустанной работой усилила свою мощь. В ожидании лучших дней, когда Господь сподобит нас возобновить службу Родине, русские воины постепенно получают возможность обеспечить трудом свое существование, находя приют на родственной славянской земле. Переброска армии на Балканы заканчивается, и, прикрывая ее, остались на своем посту доблестные части 1-го армейского корпуса (во главе с корниловцами). Сегодня минул год, как корпус высадился на пустынном берегу Дарданелл (Галлиполи), очутившись под открытым небом. Терпя тяжелые лишения, голод и стужу, с непоколебимой твердостью духа принялись части за работу, создавая все собственными руками. Одновременно шли непрерывные занятия, чтобы учесть ошибки прошлого, поправить недочеты. В сознании, что придет час, когда силы и знания наши потребуются Родине, все учились. Русские воины на чужбине, пренебрегая страданиями, перенося унижения, терпя клевету и злобу врагов, безропотно несли свой крест во имя Родины. Генерал *Врангель.* 15(2) ноября 1921, Константинополь».

Ободренные этим приказом и уже сообщенной датой отъезда, все мы с радостью готовились к новому, грядущему. 27 ноября тяжелые грузы отправлены на пароход, палатки разобраны. Ночевали под открытым небом; было холодно; до утра жгли свои прутяные нары. С рассветом полк был построен, отслужили молебен и в последний раз окинули взглядом «вылизанные» нами горы, с душевной признательностью за приют и моральное оздоровление… твердым шагом направились в город, к пристани на погрузку – нас поджидал турецкий пароход «Ак Денис». На рассвете 19 ноября подошли к Константинополю. На моторной лодке прибыл генерал Врангель, восторженно нами на палубе встреченный. Подле Варны пароход попал в минные заграждения, но благополучно выбрался и утром 30-го бросил якорь на

внешнем рейде Варны. 10 дней карантина. Только 10 декабря погрузились в поезда. Поселились в казармах села Горно-Паничерево. Помыли их, поскребли. Тянуло в город, но ближайшие городки были в 10–15 км. Ходили за 15 км в дивный храм Святого Николая на исторической Шипке.

На Рождество был оглашен приказ начальника штаба Главнокомандующего: «…После долгой борьбы, совместными усилиями Главного командования и всех чинов армии, одержана блестящая моральная победа. Больше года, в ужасных условиях ждала армия переселения в славянские страны и столько же времени неустанными трудами Главнокомандующего созидалось это дело. Ныне тяжкий труд закончен. Почти весь 1-й корпус в Болгарии. С великой радостью я приветствую в Болгарии войска корпуса и прибывшего с последним эшелоном неизменно доблестного их командира, генерала от инфантерии Кутепова, и поздравляю с завершением переброски. Дай Бог вам сил так же честно творить великое дело любви к Родине здесь, как вы творили его в Галлиполийской пустыне. Генерал от кавалерии *Шатилов».*

Прочитан был также и приказ командира 1-го армейского корпуса от 22 декабря 1921 года за № 965:

«Больше года тому назад разрозненные остатки регулярной Русской Армии были высажены в Галлиполи и сведены в 1-й армейский корпус. За год пребывания на чужбине корпус стал стройной, могучей единицей, сплоченной одной идеей беспредельной любви к Родине и проникнутой высоким сознанием долга. Когда последний эшелон, назначенный в Болгарию, уезжал из Галлиполи, его провожало все местное население, все местные, греческие и французские власти, армия, которую весь мир считал беженцами, осознала себя и приобрела общее уважение как армия. Во время стоянки эшелона в Константинополе ко мне явились и поднесли адреса с приветом корпусу от 18 общественных организаций, объединяющих людей различных политических убеждений. Русские люди увидели в Русской Армии крепкое ядро государственности и своим приветом показали единение с нами. Проводы в Галлиполи и приветствия русских людей в Константинополь я отношу не к себе, а к той стойкости, с которой все части поддерживали честь армии и достоинство русского имени на чужбине. Я уверен, что на новых местах все чины корпуса, помня заветы основоположника армии генерала Алексеева, исполнят до конца свой долг и донесут на Родину незапятнанным наш трехцветный флаг, который мы гордо держали в Галлиполи, и честь армии, которую мы свято блюли. Беспредельная преданность делу

борьбы за счастье Родины и непоколебимая твердость духа при всех тяжких испытаниях, проявленные нашим любимым вождем, генералом Врангелем, да будет для всех нас примером в наших переживаниях на пути достижения нашей заветной цели – создания Великой России. Генерал от инфантерии *Кутепов».*

Новый год ударники встречали в своей чайной, а 450 господ офицеров – дружной семьей в Офицерском собрании; приглашен был генерал Калитин (герой взятия Эрзерума); когда хор пропел «Святая Русь», он, в слезах, поцеловал наши знамена. Гостем был и командир болгарской артиллерийской бригады.

Один из бараков превратили в театр. Стали функционировать курсы для ротных командиров. Приезжали профессора-лекторы. Весь состав полка получил новые «корниловские» фуражки. 20 февраля дорогим гостем прибыл к нам генерал Кутепов. Он сделал смотр полку, осмотрел помещения и церковь. Был парадный обед, а затем спектакль. Хор наших «Смычков» и общее настроение привели генерала в восторг.

Почти вся болгарская печать жестоко травила нас. Еще 27 марта Главнокомандующий отдал приказ (№ 243): «Последние дни вновь травят армию. На нее клевещут, ей грозят. Сомкнув свои ряды, мы ответим презрением. Родные знамена, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Да помнят это те, кто дерзнет на них посягнуть. Генерал *Ѣрангель».*

Правительства Болгарии и Югославии нашли нежелательным посещение корпуса генералом Врангелем: оно могло быть истолковано как «вмешательство во внутренние дела СССР» и быть предметом обсуждения на происходившей в то время Генуэзской конференции. Но приехал в корпус генерал Шатилов. Он не скрыл от чинов корпуса, что средства генерала Врангеля иссякают. Поэтому одиночками или небольшими группами начинают корниловцы подыскивать какой-либо заработок.

К середине мая приезжавшие из штаба генерала Кутепова (город Тырново) говорили, что болгарские власти приступают к обыскам и к угрозам самому генералу Кутепову. 15 мая Болгария, которую Российская Императорская армия столько раз спасала, «заплатила» свой долг: батальоны двух болгарских полков с пулеметами и двумя орудиями, жандармерия оцепили казармы, занятые корниловцами, обвиненными в «заговоре» против правительства страны. С грубыми оскорблениями было взято 360 винтовок и около 30 легких пулеметов. Потом были арестованы командующий полком полковник Гордиенко, командир 1-го батальона полковник Дашкевич и его помощник полковник Челядинов (у них при обыске нашли огнестрельное оружие) и под конвоем отправлены в город Казанлык. Все это было сделано по

приказу большевизанствующего правительства Стамболийского.

Но вскоре оно было свергнуто, и царь Борис взял власть в руки. Тем не менее «звонок» 15 мая открыл глаза на реальную обстановку: не отказываясь от идейной непримиримости к большевизму, не теряя связи и морального общения с соратниками для взаимной поддержки в предстоящих испытаниях, надо становиться на работу. Кто пошел в села, кто стал землемером, а большинство пошло в шахты. В истории «рассеяния» корниловцев Перник – особый и положительный факт: несмотря на тяжелую, грубую работу шахтеров, корниловцы жили там крепкой войсковой семьей и наладили, помимо быта (кооператив, ресторанчики и т. д.), и культурную жизнь – «Смычки» возродили театр. Не лишена интереса их песенка на первых порах нашей шахтерской жизни:

Вот наконец мы у тихой обители —
Перник-поселок, кругом рудники…
Станция, церковь… угрюмые жители…
Улица, мост на изгибе реки…

Узкоколейка, тропа каменистая,
Белые здания вдоль полотна…
Между холмами площадка холмистая,
Угольной пыли на всем пелена…

Вот и казармы – дома двухэтажные —
Комнаты – стен угнетающий вид,
Окна – простенки пятнистые, влажные…
Печка, вся в трещинах, сильно дымит…

Нары досчатые, пыль, насекомые…
Грязная тряпка, ботинок, чулок…
Вот та ночлежка, так русским знакомая,
Вот наш уютный, родной уголок.

Много таких злободневных песенок, добродушно рисующих подлинную трудовую новую жизнь корниловцев, было собрано в брошюру.

Постепенно – самотеком или организованно – разбрелись мы по Балканам и по Западной Европе. В 1924 году обозначилось сосредоточение чинов Русской Армии: Париж, Белград, Прага, София, Берлин, Брюссель. Это дало Главнокомандующему основание превратить армию в Русский Обще-Воинский Союз, основное ядро которого составили чины 1-го корпуса с

объединениями своих полков. В Париже – штаб РОВС, по странам – отделы. Начальником РОВС назначен генерал Кутепов. Для нас, корниловцев, имя Кутепова было притягательно, и многие из однополчан потянулись в Париж, во Францию, в соседнюю Бельгию, образовав значительные группы корниловцев в Париже, Лионе, Брюсселе. В Париже возникло собрание Общества Галлиполийцев, уютное помещение с церковью (иконостас художника Солом-ко), рестораном, залом для собраний, балов. Председателем Общества был генерал Репьев Михаил Иванович, корниловцы капитаны Конашевич Ф.А. и Григуль П.Я. были один хозяином собрания, другой членом правления. Корниловскую группу в Париже и Франции возглавил полковник Щеглов, который совместно с полковником Петренко (старшим Корниловского артиллерийского дивизиона) любовно объединяли Корниловскую семью, созывая собрания и достойно отмечая знаменательные дни боевого прошлого. Слава о корниловцах вновь воскресла и стала примером для других. Генерал Кутепов часто оказывал нам честь своими посещениями.

Значительная группа однополчан, объединенная полковником Киреевым в Лионе, своей спайкой заняла почетное место в Корниловском Объединении. Местные группы слали свои взносы в кассу полка для помощи больным, инвалидам, нуждающимся; для той же кассы устраивались, жертвенным трудом корниловских дам, балы, лотереи, в чем нередко оказывала помощь супруга командира полка генерала Скоблина, Н.В. Плевицкая.

Потянулись дни, недели, месяцы. Кольнула сердце весть: «25 апреля 1928 года в Брюсселе скончался генерал Врангель» – отлетела душа армии. Внезапная смерть породила слухи; припомнили, как в 1921 году пароход «Адрия» у Константинополя «случайно» протаранил яхту «Лукулл», на которой жил генерал Врангель. Помолились корниловцы о болярине-воине Петре и сохранили о нем благодарную память.

Следующий большевистский удар – 26 января 1930 года генерал Кутепов утром вышел к обедне и не возвратился; и в церкви его не видели. Генерал исчез. Полиция ничего «не обнаружила». Наше возбуждение долго не утихало; толки, болезненное подозрение ко всем и каждому. Больно было корниловцам лишиться их Александра Павловича Кутепова.

Во главе РОВС заменил его генерал Миллер. С тактом умиротворял он взволнованное людское море и заслужил в нашей среде – а также и в общественности – полное уважение. При нем был (как его детище) создан в Версале Русский кадетский корпус для детей чинов РОВС; при его поддержке профессор генерал

Головин Н.Н. учредил Зарубежные Высшие военно-научные курсы. В числе окончивших трехгодичные курсы были корниловцы капитан Конашевич и капитан Григуль, получившие, по защите тезы, право ношения – на правой стороне – серебряного нагрудного знака.

Генерал Миллер был своим человеком в парижской Корниловской группе. Во главе корниловцев Парижа и Франции стал, по кончине полковника Щеглова, полковник Трошин Григорий Захарович, преданный корниловец и энергичный офицер. Он взял на себя труды и хлопоты по изданию (к 20-летию полка) книги «Корниловский ударный полк», написанной писателем Критским и снабженной великолепным предисловием профессора генерала Головина. Печать одобрила книгу, и она стала гордостью полка.

Праздник 20-летия полка состоялся в Париже 21 сентября 1937 года. Собрались, во главе с командиром полка генералом Скоблиным, корниловцы из Франции и Бельгии; почетными гостями были генерал Миллер, генерал Деникин, генералы Шатилов, Богаевский, Стогов, Кусонский, адмирал Кедров и специально приехавшая из Брюсселя наша родная Наталия Лавровна, дочь нашего шефа, генерала Корнилова. Присутствовали представители воинских частей и общественности. При знаменах, с почетными часовыми, в переполненном соборе служили молебен; затем был в ресторане роскошный банкет.

А на следующий день генерал Миллер исчез. Вот что произошло: Скоблин предложил адъютанту полка капитану Григулю с женой проводить (вместе с Плевицкой) отъезжавшую Наталию Лавровну; затем Скоблин, Трошин и Григуль посетят генералов Деникина и Миллера, чтобы поблагодарить их за вчерашнее присутствие на празднике. Оказалось, что генерал Миллер, покинув утром дом, еще не возвратился. Побывав у генерала Деникина, снова поднялись к Миллеру – генерала не было. Его супруга в сторонке высказала Григулю свою тревогу, обещая позвонить, если генерал не вернется к ночи. Около 10 часов ночи Наталия Николаевна Миллер позвонила – генерал не возвратился. Свою тревогу она сообщила адмиралу Кедрову, который спешно созвал в канцелярию РОВС (улица дю Колизэ) генералов Кусонского и Стогова и полковника Мацылева. Последний привез из отеля и Скоблина…

Оказалось, что в папке генерала Кусонского была записка, в которой генерал Миллер отметил: «…утром в сопровождении Скоблина еду на свидание…» Вразумительных объяснений Скоблин не дал, и адмирал Кедров предложил всем отправиться в

полицию. Все поднялись, Скоблин вышел первым и… исчез! Наутро Плевицкая, вся в слезах, пришла в семью Григуль: «Колю ночью Мацылев увез на улицу Колизэ; я прождала до утра, а Коли все нет…» Подъехала полицейская машина; Плевицкой было предложено ехать в префектуру вместе с П.Я. Григулем и его дочерью, в качестве переводчицы. Плевицкая была арестована. Днем выяснилось, что Скоблин, сбежав из канцелярии РОВС, постучался к нашему капитану Кривошееву[262] и попросил взаймы 2–3 сотни франков: «Кошелек дома забыл!» С этим и все концы в воду. Факты же сами за себя свой вывод сделали.

Велика была драма корниловцев, их смущение, разочарование, почти физическая боль. «Дело Скоблина» грозило разложнием полка. Но Господь милостив! На первом собрании корниловцев-парижан полковник Бояринцев[263] ободряющим словом призвал всех к стойкости, к сохранению единения Корниловской семьи. Он стал во главе корниловцев Парижа и Франции. Вступивший на пост начальника РОВС генерал Архангельский (он проживал в Брюсселе, сохранив в Париже центр и штаб), посоветовавшись с полковником Бояринцевым и с капитаном Григулем, назначил возглавляющим объединение полка полковника Кондратьева, жившего в Болгарии.

Разразилась Вторая мировая война. Капитуляция Франции вновь рассеяла корниловцев. Немцы арестовали генерала Шатилова, полковника Мацылева, нашего капитана Григуля. Последних двух освободили через 49 дней и возвратили в Париж, откуда русских принудительно увозили на работы в Германию. В Русском Корпусе в Сербии был убит полковник Кондратьев. Возглавляющим объединение корниловцев генерал Архангельский утвердил полковника Бояринцева Митрофана Ивановича; помощником возглавляющего оставался капитан Григуль Петр Яковлевич.

По окончании войны многие из корниловцев перебрались в Америку, покинув разоренную Европу; оставшиеся же сберегли костяк полка. Полковник Бояринцев потратил много сил, энергии и настойчивости, чтобы вновь объединить всех корниловцев в дружную семью. Счастливая идея регулярно выпускать бюллетень «Корниловцы» включала рассеявшихся в единую семью. Когда Галлиполийцы Отдела во Франции, во главе с капитаном Григулем, задумали восстановить на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа Галлиполийский памятник, то корниловцы откликнулись первыми на убедительный призыв Митрофана Ивановича, собрав настолько значительную сумму, что стало возможным на лицевой стороне цоколя памятника водрузить памятную доску шефу и вождю корниловцев, генералу Корнилову. Святой долг памяти

павшим здравствующие соратники выполнили.

По мысли полковника Бояринцева, был создан Обще-Корниловский Фонд Помощи, выдающий членам Фонда заимообразно ссуды, а также и помощь неимущим в случаях болезни, нужды. Организованность и достоинство жизни полка заслужили вновь общее признание. Неоднократно свое восхищение и благодарность выражал полковнику генерал Лампе (в январе 1957 года генерал Архангельский, вследствие преклонного возраста и по состоянию здоровья, назначил своим заместителем генерала Лампе; 2 ноября 1959 года генерал Архангельский тихо скончался).

В 1964 году полковник Бояринцев подал рапорт о сложении с себя обязанностей возглавляющего Объединение чинов Корниловского ударного полка. Генерал Лампе возложил исполнение этого долга на полковника Левитова Михаила Николаевича. Помощником его и сотрудником остался капитан Григуль. Полковник Левитов, в дни войны славный боевой командир 2-го Корниловского ударного полка, преданно, жертвенно и тактично отдал себя служению родной Корниловской семье. В рядах, в составе Русского Обще-Воинского Союза, прямого наследника и преемника Русских Императорской и Белых армий, семья корниловцев, во главе с полковником Левитовым М.Н., крепя спайку, единство и верность идее Белой Борьбы, достойно сохранит честь первородства. Господь щедр и милостив!

«Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника – да святится во веки его память», – сказал Иван Бунин. Да святится!

В замену тягостным обидам
Прощенья мудрость нам дана…
В своем страданья благость видя,
Мы все приемлем. Пьем до дна!

Раздел 2

С. Калугин[264]
Персидская казачья Его Величества шаха Персии дивизия[265]

Наср-эд-Дин Шах в 1879 году посетил Петербург. Шах заинтересовался конвоем Государя и выразил желание иметь подобный же у себя в Персии. По его просьбе, для организации этой воинской части и ее обучения, были командированы в Тегеран русские офицеры-инструкторы, но назначению русского Генерального штаба, но с предварительным согласием Шаха. Шахский конвой в дальнейшем был развернут в бригаду, а затем в дивизию.

Персидская казачья Его Величества Шаха бригада была создана на основании соглашения между русским и персидским правительствами в 1882 году при Наср-эд-Дине Шахе. Был издан особый фирман (указ) об ее учреждении.

Первым начальником бригады был назначен генерал Коссоговский. Начальник бригады официально был подчинен Шаху и являлся его советником, фактически получая указания от Генерального штаба, который, в свою очередь, действовал в согласии с Министерством иностранных дел и наместником Кавказа.

Бригада была расположена в Тегеране, и Отдел бригады был учрежден в Тавризе. Отдельные соединения бригады были расположены в некоторых городах Северной Персии. Кроме того, генерал-губернатор и губернатор имели при себе конвой из Казачьей бригады. Численность бригады доходила до 2000 человек. Расходы по бригаде покрывались персидским правительством из таможенных поступлений. Донесения и денежный отчет направлялись начальником бригады в Генеральный штаб. Персидское правительство было недовольно подобным положением вещей и добивалось подчинения бригады персидскому военному министру. На этом подчинении персидское правительство особенно настаивало.

В 1909 году, во время персидской революции, бригада, по приказу Магомет Али Шаха, обстреляла меджидие (парламент). Анархия в Персии носила затяжной характер. Никаких вооруженных сил защищать порядок в стране Персия создать не могла. Персидская казачья бригада являлась единственной воинской силой, которая поддерживала и охраняла шахский трон и порядок – это была личная гвардия Шаха.

С начала Первой мировой войны Казачьей бригаде пришлось

играть значительную роль по охране дорог от разбойников и вести борьбу с мятежниками и непокорными правительству полудикими кочевниками, не признававшими центральной власти и не платившими податей. Кроме того, на бригаду легла охрана русских учреждений в Северной Персии (концессии, торговые сношения, переселенческие хутора и т. д.).

Как это обстоятельство, так и стратегические соображения побудили русское правительство приступить к переговорам с персидским правительством об увеличении бригады и расширении ее в дивизию. Переговоры России, Англии и Персии привели к обмену нотами 23 июня 1916 года между персидским премьером и обоими миссиями, которые закончились заключением соглашения. По этому соглашению, охрана порядка в Северной Персии поручалась Персидской казачьей дивизии, начальником коей был назначен генерал барон Майдель, а в Южной Персии, на подобных же условиях, под руководством английского генерала Сайкса, формировалась южная бригада (эспиар). Это соглашение было подписано премьером Персии господином Салехсальяром, и требовались только ратификация меджлиса и утверждение Шаха. Но в этот же день пришло известие о занятии турками Хамадана. Персидский кабинет пал, а новый отказался признать соглашение.

В январе 1917 года, в связи со слухами о тревожном положении в России, персидское правительство официально аннулировало соглашение, но все же Казачья дивизия на севере успела развернуться и занять намеченные пункты и начала выполнять все возложенные на нее задачи.

По соглашению, как северное, так и южное формирования должны были иметь до 12 000 человек каждое в отдельности. Россия и Англия соглашались авансировать Персии соответствующие средства. Между зонами русского влияния и английского была проведена нейтральная полоса.

Численность северной дивизии была доведена до 8000 человек и состояла из 2 особых больших отрядов: Тегеранского и Тавризского, 2 больших и 4 малых. Кроме этих отрядов, был сформировал из Сар-базских полков Арагский стрелковый батальон, дивизионная учебная пехотная команда и пулеметная команда. Штаб дивизии находился в Тегеране. На вооружении дивизии состояло около 9000 ружей (трехлинейные винтовки, карабины Арисака и др.) и пулеметы Максима и Кольта. Кроме того, имелись полевые и горные орудия Шнейдера и Крезо, а также Обуховского завода.

В Тегеране был открыт Кадетский корпус, из коего выходили молодые персидские офицеры, хорошо говорящие по-русски

(автор в 1918 году временно исполнял должность директора кадетского корпуса).

Комплектовалась дивизия добровольцами. Русские инструкторы делились на две категории – на старших (офицеры) и младших (подпрапорщики и урядники). Уставы дисциплинарный и строевой были русские. Начальниками отрядов являлись русские офицеры-инструкторы, а ротами, батальонами и полками командовали персидские офицеры, находясь в прямом подчинении у начальника отряда.

Престиж дивизии стоял в Персии высоко, имя казака пользовалось уважением настолько, что богатые помещики и сыновья ханов поступали в дивизию простыми казаками, считая за честь служить в ней, и за боевую и отличную службу многие из простых казаков достигли генеральских чинов. Пехота в дивизии носила пластунскую форму, кавалерия – форму Кубанского войска, а русские инструкторы – форму Терского войска.

Русские офицеры имели огромное влияние не только у своих подчиненных, но и у населения страны, которое видело в них своих защитников. Офицеры-инструкторы принимали участие не только в военных, но также и в политических делах; проводили русское влияние в стране и охраняли русские интересы.

За время войны с Германией и Турцией в Гилянской провинции (Решт) образовалась революционная организация, которую возглавлял Мирза Кучик-хан. Лозунгом этой организации была борьба с правительством, отдавшим страну в чужие руки. Главари этой банды поклялись не брить бороды и не стричь волос до полного изгнания иностранцев – главным образом англичан. Организация эта была хорошо вооружена, и в ней находились немецкие и турецкие офицеры, которые ввели строгую дисциплину.

В 1918 году Кучик-хан берет Решт, обезоружив небольшой персидский отряд дивизии, занимает дорогу и приносит немало беспокойства русским войскам корпуса генерала Баратова. Персидское правительство, для ликвидации Кучик-хана, назначает начальника дивизии, полковника Старосельского[266], главнокомандующим гилянскими вооруженными силами.

4 марта 1919 года полковник Старосельский с частями дивизии, при участии небольшого английского отряда, выступил в поход и 16 марта освободил Решт, взял много пленных и рассеял всю банду Кучик-хана.

С уходом Добровольческой армии в Крым англичане проникли в Северную Персию и устроили укрепленную позицию в районе Энзели – Газиан, что вдоль Каспийского моря.

В это время в Энзели находился флот Добрармии. Англичане,

сняв с орудий замки, разрешили офицерам носить оружие. 5 мая 1920 года, рано утром, вблизи Энзели показался большевистский флот и начал обстрел порта и позиции. Офицеры-добровольцы, желая вступить в бой с большевиками, просили англичан выдать им замки от орудий, но получили отказ. Англичане вступили с большевиками в переговоры, которые закончились сдачей англичанами позиции, богатых складов имущества и около 10 тысяч пудов бензина. Сами они отошли в Решт, где находился отряд Персидской казачьей дивизии.

Тогда персидское правительство отдало распоряжение гарнизону Решта и всем учреждениям оставаться на местах. К этому времени Кучик-хан сформировал новую банду. Большевики, заняв Энзели, вошли в сношения с Кучик-ханом и начали доставлять ему оружие и проникать в лес, таким образом окружая Решт.

22 мая большевистский отряд, состоявший из матросов Балтийского флота и других частей Красной армии, вошел в Решт с Кучик-ханом и его партизанами. На площади Сабз-майдан состоялся митинг, на котором было объявлено отделение Гиляна во главе с президентом Гилянской республики Кучик-ханом. Через несколько дней большевики потребовали, чтобы Персидский казачий отряд признал Кучик-хана, но, несмотря на все уговоры и угрозы, казачий отряд остался верен Шаху и категорически отказался перейти на сторону Кучик-хана. Тогда большевики решили уничтожить отряд и около 5 часов утра 2 июня, арестовав всех русских и персидских офицеров на их квартирах, открыли огонь по казармам. Бой продолжался более 3 часов, и, когда казармы были разрушены артиллерийским огнем, казаки вынуждены были сдаться и вскоре бежали поодиночке в Тегеран, где и сообщали о событиях.

После того как отряд был окружен, русских офицеров-инструкторов большевики повели в революционный комитет, который приговорил 4 офицеров к смертной казни, но выполнить приговор немедленно не решились, а послали его на утверждение Кучик-хану, который отказался подписать, сказав: «Русские офицеры – наши гости, а Коран не разрешает убивать гостей». Всех инструкторов с семьями и всех служащих в отряде Кучик-хан отправил с конной охраной в лес, где все воспользовались свободой.

Большевики, заняв Гилянскую провинцию, начали насаждать советский строй, начались аресты, конфискация имущества, оскорбление национальных чувств и т. д. Видя все это, Кучик-хан отказался сотрудничать с большевиками. Все арестованные русские, находившиеся в лесу, были отпущены на свободу,

получив на дорогу деньги.

Большевики из Решта повели наступление на Казвин, сбив по дороге англичан, и уже передовые части их были в 35 верстах от Казвина. Чтобы остановить продвижение большевиков и выгнать их из Персии, Шах и правительство назначили полковника Старосельского Главнокомандующим всех вооруженных сил Персии, и он между 10 и 12 августа выступил против красных и 3 колоннами повел наступление на Решт. 22 августа Решт был взят. Население в белых одеждах, с цветами встретило полковника Старосельского как своего освободителя. Во время наступления было захвачено до 1000 пленных, 14 орудий, много пулеметов и склады в Реште. Шах благодарил Казачью дивизию и пожаловал полковнику Старосельскому титул «Князь из князей».

Тем временем большевики высадили крупные силы в Энзели и, в свою очередь, повели наступление на Решт и вынудили казаков отойти за Решт. Старосельскому удалось вскоре снова взять город.

Пока продолжались военные действия, англичане воспользовались отсутствием дивизии в Тегеране, где оставалась небольшая команда, и явились к Шаху. Английский посланник Норман и генерал Айронсайд потребовали, чтобы Шах подписал приказ об удалении полковника Старосельского и всех русских инструкторов из пределов Персии; в противном случае они грозили увести свои войска из Персии и прекратить кредиты и вообще всякого рода помощь стране. После некоторых колебаний Шах дал свое согласие.

Полковник Старосельский и инструкторы пользовались большой популярностью среди народа, и удаление их из Персии вызвало неодобрение и гнев среди лидеров демократической партии и духовенства, которые предлагали полковнику Старосельскому полную поддержку, если он открыто выступит против такого решения и останется в Тегеране: духовенство предложило ему даже бест (защита в мечети). Старосельский же в это время был в Казвине арестован генералом Айронсайд ом и получил разрешение выехать в Тегеран только на 24 часа. Будучи отделен от своей казачьей дивизии, он не решился на сопротивление.

18 октября вся дивизия была собрана у деревни Ага-баба, и, по приказу Шаха, командование отрядами было передано персидским офицерам. При последнем свидании с полковником Старосельским Шах сказал ему: «Я подписываю свое отречение». Вскоре Шах уехал из Персии и больше не вернулся в страну Льва и Солнца, а на шахский престол вступила новая династия Пехлеви, родоначальником которой был бывший генерал

Персидской казачьей дивизии Риза Пехлеви.

Персидская казачья дивизия до конца была верна династии Каджаров. В боях против большевиков было убито 4 офицера-инструктора. С момента же удаления полковника Старосельского и русских офицеров, естественно, русское влияние в Персии было окончено.

С. Булацель[267]
Воспоминания о службе в Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии[268]

В начале 1916 года мне была предложена командировка в Персидскую казачью Его Величества Шаха дивизию.

Я хотел воспользоваться этим предложением, так как в нашем «штабс-ротмистерском» полку, в смысле продвижения положения, было совершенно безнадежно. Когда наш Уланский полк выступил на войну 11-го года, в полку было 22 штабс-ротмистра, и я, прослуживший в полку уже 11 лет, был 14-м по старшинству. Штабс-ротмистры ценза войны не имели и только по выслуге своих законных 4-х лет надевали ротмистерские погоны. Командиры эскадронов по цензу производились в подполковники, но большею частью они продолжали командовать своими эскадронами. В то же время наши сверстники и моложе нас по службе в полках дивизии командовали эскадронами, и многие щеголяли в штаб-офицерских погонах. Но жаль было расставаться с родным полком, и я от назначения меня в Персидскую казачью Его Величества Шаха дивизию отказался.

Продвижение в полку немного зашевелилось, когда началось формирование Стрелковых полков при дивизии, и 9 января 1917 года я был назначен командиром 7-го Стрелкового эскадрона. Имея цензы за временные командования эскадронами, а тут получив Стрелковый эскадрон, я уже твердо шел на штаб-офицера, да еще по пехотному цензу.

Но тут случилось то, вследствие чего мы уже сорок лет находимся в эмиграции, потеряли свою Родину, и Великая Императорская Россия называется СССР. Революция приказом № 1 превратила славную Русскую армию в сборище разнузданной банды, – нечего было и думать о продолжении войны. Императорская Великая Россия катилась в пропасть… Вот тут-то я вспомнил о предложенной мне командировке в 16-м году, где я мог бы еще нести службу Родине, и я о себе напомнил….

В результате 25 сентября 1917 года я прибыл в Тегеран и явился к начальнику Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии генерал-майору барону Майделю. 8 октября я был назначен офицером-инструктором в Хамаданский отряд, квартировавший в это время в Тегеране, которым командовал подполковник Ф.[269], а у него в отряде командовал Стрелковым батальоном серенг Риза Хан. В Хамаданском отряде я прослужил два месяца и был командирован в Исфаганский отряд, куда и

прибыл 20 декабря и явился начальнику отряда подполковнику Хабарову.

Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия была русской организацией в Персии. Началась она при Императоре Александре II и Насреддин-Шахе. Насреддин-Шах, будучи в гостях у Императора Александра II, видел конвой Его Величества во всей красоте и захотел иметь у себя в Персии такое же войско. И вот поэтому была сформирована в Персии Персидская казачья Его Величества Шаха бригада, состоявшая из Тегеранского и Тавризского отрядов.

Начальник бригады, начальники отрядов и инструкторы были русские офицеры. Их помощниками были сверхсрочные казаки Кубанского и Терского войска. У русских чинов была форма Терского войска. У персидских – парадная форма точь-в-точь конвоя Его Величества. Погоны у офицеров, генералов и казаков – русского образца, но как у русских, так и у персидских чинов был накладной бронзовый знак: у казаков – Лев с Короной, у обер-офицеров – Лев с Короной в лавровом полувенке. У штаб-офицеров этот венок был в три четверти. У генералов – полный венок вокруг Льва с Короной. У сардара – большой Лев с Короной без венка.

На службу в бригаду принимались персы-добровольцы. Поступающие в конницу должны были иметь своего коня. Оружие, обмундирование, седла – все казенное. Определенного срока службы не было, и каждый казак служил, сколько хотел. Выдающихся казаков по службе повышали в званиях, которые были следующие: серджю-ге – ефрейтор; векиль-чап – младший унтер-офицер; векиль-раст – старший унтер-офицер; векиль-баши – вахмистр, фельдфебель; муин-наиб – подпрапорщик. Достигшие звания муин-наиба, выдающиеся, производились в офицерские чины: наиб-сейюм – прапорщик, наиб-дейюм – подпоручик, наиб-аваль – поручик; султан-капитан – ротмистр; явер – майор; наиб-сергенг – подполковник; сергенг – полковник; сартип 1-го ранга – генерал с одной звездой; сартип 2-го ранга – генерал-майор; мир-пендж – генерал-лейтенант; амир-туман – полный генерал; сардар-маршал – маршал; амир-найон – главнокомандующий.

В Тегеране был нашей организации кадетский корпус, окончившие который принимались на службу в чине наиба-сейюма. Среди персидских офицеров были окончившие в России кадетские корпуса и военные училища, и такие принимались на службу в чине султана.

Мы же, русские офицеры-инструктора, после награждения орденом Льва и Солнца 2-й степени и лентой сартипа 2-го ранга были генерал-майорами, а после награждения орденом Льва и

Солнца 1-й степени и лентой мир-пенджа были генерал-лейтенантами. Начальник дивизии имел чин сардара – маршала.

Во время войны 1914 года Персидская бригада развернулась в дивизию и состояла из отрядов: Тегеранскиго, Тавризского, Хамаданского, Исфаганского, Ардебильскио, Гилянского, Урмийского, Буруджирского, Хорасанского и Арагского батальона.

Теперь я вернусь к Исфагану, куда я прибыл 20 декабря 17-го года. Но так как моя тема – это Его Величество Шах Риза Пехлеви, с которым впоследствии мне довелось быть в одном отряде и я был его начальником, то я буду упоминать только о переменах моей службы.

В конце декабря 1918 года было получено приказание от начальника дивизии о формировании Буруджирдского отряда. В этот отряд назначались части от Исфаганского и других отрядов. Начальником Буруджирдского отряда назначался начальник Исфаганского отряда подполковник Хабаров. Я же назначался начальником уменьшенного Исфаганского отряда, в командование которым вступил 29 января 1919 года. Приказом же по дивизии от 10 мая 19-го года № 13 я назначался начальником Урмийского отряда, но до вступления в эту должность мне было приказано продолжать командовать Исфаганским отрядом. В начале июля я получил приказание Исфаганский отряд и все имущество отправить в Буруджирд, а мне прибыть в Тегеран для получения инструкций, и 17 июля я отбыл в Тегеран.

Мой Урмийский отряд, собственно, надо было формировать заново, потому что он подвергся нападению озверевшей солдатской массы, квартировавшей после войны в районе Урмии, и был разбит и разграблен. Начальник отряда и вся его семья были убиты. Штабс-ротмистр Макаров выпустил в бунтующих шесть пуль из нагана. Седьмую себе в висок.

Благодаря доблестному подхорунжему Терского войска Дашкову остался в живых единственный поручик Гловачевский. Дашков, увидев, что творится, схватил солдатскую шинель и винтовку и побежал к живущему поблизости его поручику Гловачевскому. Надел на него шинель, дал винтовку и сказал: «Изображайте собой часового у склада фуража».

25 июля 1919 года я прибыл в Тегеран и явился к сардару Старосельскому, от которого получил приказание ждать его распоряжения. Жду две недели, месяц. Время от времени являюсь к сардару, говорит: «Ждите». Кончились июль, август, наступил сентябрь. Являюсь – «Ждите».

Вдруг – а это было именно вдруг, потому что ночью 2

октября, – мне приносят в гостиницу приказ по дивизии № 57. Читаю: «Подполковнику Ф. сдать, а ротмистру Булацелю 3-му принять Тегеранский отряд». На следующий день я явился к сардару по случаю назначения и наметил комиссию для приема отряда.

Тегеранский отряд состоял из Гвардейского Стрелкового полка (8 рот), пулеметной команды (8 пулеметов Максима), полевой батареи (8 орудий), конной (6 орудий), конно-горной (4 орудия). Все орудия – наши, русские 3-дюймовые. Гвардейский Конный полк – 6 эскадронов. У стрелков и кавалерии наши трехлинейные винтовки. Гвардейским Стрелковым полком командовал сартип 2-го ранга Риза Хан, которого я знал по моей службе еще в Хамаданском отряде. Когда же подполковник Ф. получил Тегеранский отряд, то и Риза Хан был переведен туда и назначен командиром Гвардейского Стрелкового полка. За это время сергенг Риза Хан был произведен в сартипа 2-го ранга, то есть в генерал-майоры.

В Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии не было производства за выслугу лет в чине, а производили за доблестную, выдающуюся службу, так что бывали пожилые офицеры в небольших чинах; выдающиеся же доблестные офицеры производились быстро.

Вот таким доблестным и выдающимся был и сартип 2-го ранга Риза Хан (будущий Шах). Начал он службу рядовым казаком и дослужился до чина сартипа 2-го ранга, генерал-майора, командира полка. Кроме того, что он был блестящим строевым офицером, он пользовался большим авторитетом и в полном смысле слова был настоящим начальником.

Когда я принял Тегеранский отряд, то часть его находилась, главным образом пехота, в экспедиции, и возвратилась через несколько дней с сартипом Риза Ханом. Явившись ко мне, сартип Риза Хан вдруг подает мне рапорт об уходе в отставку. Зная Риза Хана еще по моей службе в Хамаданском отряде, да и потом, – а мы хорошо знали старших офицеров, – я его рапорта не принял. Риза Хан совершенно свободно говорил по-русски, мы с ним дружески побеседовали, и я сказал, что в отставку его не пущу и что мы отлично будем служить вместе. Прошло несколько дней; опять приходит ко мне сартип Риза Хан и второй раз подает мне рапорт об уходе в отставку. Я его опять уговорил, и он остался служить.

Какая же причина побудила сартипа Риза Хана уходить в отставку? Его начальник, подполковник Ф., был уволен из дивизии, как говорили, – да оно и ясно, – за непорядки в отряде во время экспедиции. Отсюда вывод, что непорядки были в

Стрелковом полку у сартипа Риза Хана, и, быть может, у него были угрызения совести, что он был в некоторой степени причиной увольнения своего начальника.

Экспедиция в Буруджирде закончилась, и подполковник Хабаров, как старший, должен был принять Тегеранский отряд, а я назначался начальником Хамаданского, но я поменялся отрядом и принял Гилянский, квартировавший в персидской Астаре, в двух верстах от Астары русской. 30 января 1920 года я сдал командование Тегеранским отрядом и отбыл к месту своей новой службы.

В 20-м году большевистские полчища вторглись в Персию в районе Энзели и повели наступление на юг. Против них была экспедиция, то есть настоящая война почти всей дивизией. Первый период войны был победоносным. Красные потеряли все орудия, сотни пулеметов, все обозы и сотни пленных. Взятых в плен главарей уничтожили, а банду пленных отпустили.

Второй период войны для нас был неудачен. Большевики имели неисчерпаемые резервы, мы же – только потери, и среди наших казаков начала появляться красная зараза, так что я даже приказал в моем отряде пристрочить погоны к рубашкам на машине, а то они их снимали. У большевиков снарядов и патронов было сколько угодно, а у нас все это уже кончалось. Силы неравные, и после боев в районе южнее Энзели мы с большими потерями отошли…

Англичане, которые были якобы нашими союзниками, – но без войск, – заключили с большевиками договор, по которому они прекращали военные действия. В то же время англичане тайно заключили договор с Его Величеством Султаном Ахмед-Шахом об увольнении из дивизии всех русских. Английские инструкторы становились на наши места.

Во время перехода я получил приказание передать отряд старшему персидскому офицеру, а он получил приказание вести отряд в район Казвина. Вскоре все русские чины получили приказание прибыть в Тегеран для сдачи хозяйственной части отрядов… и получить расчет, и 27 октября я прибыл в Тегеран. В моем послужном списке значится: «По ликвидации дивизии оставил в ней службу 9 ноября 1920 года».

По договору, мы все должны были быть эвакуированы на английский счет и куда кто хотел. Сборным пунктом была назначен город Казвин. Все, конечно, ехали через Персию на Багдад, Индию… и только один офицер из всей дивизии, поручик Самойлов (Ив. Дмитр.), поехал в СССР. Эвакуируемых, считая семьи, было более двухсот, а перевозочных средств – мало, и в Казвине надо было ждать очереди. Во время нашего пребывания в

Казвине мы встречали своих сослуживцев – персидских офицеров, и все они насмешливо и иронически отзывались о своих новых начальниках-англичанах.

Сардара Старосельского и начальника штаба дивизии полковника (амир-тумана) Генерального штаба Филиппова эвакуировали немедленно, чтобы, так сказать, нас поскорее обезглавить. Я тоже скоро был отправлен, и не сомневаюсь, что причина была та, что ко мне в гостиницу часто приходили бывшие сослуживцы, персидские офицеры.

Когда мы прибыли в Керманшах, то узнали новость: сартип Риза Хан, не считаясь с позицией своего нового начальства – англичан, собрал все отряды, находившиеся в Казвине и его районе, и двинулся на Тегеран. В подступах к Тегерану у него произошел бой с персидскими жандармами и сарбазами. С обеих сторон были убитые и раненые. Сартип Риза Хан триумфально вступил в Тегеран.

Затем он сделался военным губернатором, потом диктатором и, наконец, Его Величеством Шахом Риза Пехлеви.

В заключение могу сказать, что, когда я командовал Тегеранским отрядом и сартип Риза Хан мне два раза подавал рапорт об уходе в отставку, прими я его рапорт, дай ему ход, я совершенно уверен, что его желание было бы исполнено. Никакого отношения он к дивизии не имел бы и Его Величеством Шахом никогда бы не стал.

П. Фадеев[270]
Персидская революция[271]

Во время пребывания нашего уральского отряда в Тегеране вся персидская армия называлась «Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия», которой командовал назначенный из Петрограда полковник Старосельский. Организация ее была своеобразной – отрядами, называвшимися по провинциям. Каждый отряд состоял из всех родов оружия, его начальником должен быть непременно русский офицер. Все же командиры полков, батальонов, дивизионов, батарей и ниже были персидские офицеры, но при каждом роде оружия, в каждом отряде непременно должен был быть русский офицер-инструктор. Без его подписи ни одно распоряжение командира части – перса, включая и распоряжения хозяйственного порядка, не были действительными.

Эта дивизия, по желанию шаха из династии Каджаров, называлась казачьей, потому что шах в 1913 году, будучи в Петербурге, видел казачьи формы, джигитовку и выразил свое желание организовать персидскую армию на манер казачьих частей с формой и названием Персидского казачьего войска. Служба в Персии была выгодной (двойное жалованье), но офицеров-казаков там не было, а среди офицеров-инструкторов были капитан фон Кноре, ротмистр Шатилов, корнет князь Церетелли и др. Поэтому понятно, что «персидские казаки» не джигитовали и казачьих навыков к войне не имели.

В описываемую эпоху, к весне 1920 года, в Гилянской провинции имелся претендент на персидский престол Кучук-Хан, не признававший власти шаха Ахмед-Каджара. В других провинциях также было неспокойно. Порты восточного берега Каспийского моря, кроме Красноводска, были заняты англичанами. Два судна русского торгового флота, «Опыт» и «Милютин», о которых упоминалось выше, после боя под Фортом Александровским отошли к Энзели, где и были интернированы англичанами. Войсковое серебро, что было на них, было разграблено их командами, так же как и частное имущество беженцев. Остальное было взято английскими властями – когда мы прибыли в Тегеран, на базаре уже открыто продавались серебряные рубли и серебряная посуда уральских беженцев.

В мае этого же года большевики, атаковав Энзели, выбили оттуда англичан. Заняв остальные порты Каспия, они некоторое время в глубь страны не продвигались. Такое положение вызвало

опасение англичан за свое влияние в южной части Персии. Адмирал Норрис, помимо предложения нашему атаману генералу Толстову[272] формировать дивизию, предлагал персидскому шаху, на неизвестных автору условиях, прямую непосредственную помощь английского правительства для защиты страны от красных, а шах Ахмед-Каджар раздумывал со своим парламентом, не решаясь принять окончательного решения.

В конце августа 1920 года красные, выйдя из Энзели, легко заняли Решт в 12–15 км на восток по шоссейной дороге на Тегеран. Шах все еще не мог принять решения. Все, что было свободное в Тегеране, и отряды из провинций были брошены на фронт. С Кучук-Ханом было достигнуто соглашение о совместной защите от общего врага. Большевики, заняв Решт, почему-то остановили свое наступление, а персидская армия, получив подкрепление, перешла в наступление. Решт был ею занят, и там захвачено много оружия и военного материала. Красные отошли обратно в Энзели под прикрытие морской артиллерии. Персы обложили Энзели. Этот временный успех поднял дух персидской армии и внушил какие-то надежды персидскому правительству, но… адмирал Норрис, вместо письменного предложения от своего правительства генералу Толстову о формировании дивизии из шахсевенов, предложил ему вместе с отрядом уральцев покинуть Тегеран. Стараниями английской военной миссии он должен был быть отправлен в Месопотамию, в существовавший там уже лагерь русских беженцев.

Но в то же время Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия для усиления своих кадров стала принимать в свой состав русских офицеров, оказавшихся в Тегеране. Перспектива очутиться в лагерях Месопотамии в качестве беженца меня нисколько не устраивала, и я поэтому на коне ротмистра Вербы отправился на дачу полковника Старосельского с рапортом о зачислении меня в «дивизию». Войсковые старшины Климов[273] и Мезинцев также просили меня выяснить условия зачисления. Репутация наша, как командного состава «легендарного похода», сделала свое дело: я немедленно был зачислен в Тегеранский конный полк, а Климов и Мезинцев – в Хорасанский отряд, готовый к отправке на фронт. По причинам ли бедности персидской казны, или по иным соображениям, все вновь зачисленные офицеры были приняты в «дивизию» на условиях исключительных: 1. Для уравнения в чинах должны носить погоны и называться капитанами. 2. На окладах младших инструкторов, то есть втрое меньше, чем обычные офицеры-инструкторы, но с надеждой быть принятыми в настоящие кадры со всеми вытекающими из этого последствиями. Вопрос платы нас

не интересовал исключительно, и условия нами были приняты. Нам, уральцам, было дано исключительное право взять с собой по два казака из отряда, как было принято в казачьих частях, – денщика и вестового.

Мой постоянный «спутник» Иван Павлович Фофонов был даже недовольно удивлен, когда я ему предложил выбор идти со мной на новые авантюры или остаться в отряде. «Будет, что будет! На все воля Божья, говорит, а я «не изменщик» и от вас не отстану…» «Холодный вахмистр» Иван Завалов, несмотря на свой «чин», настоял, чтобы я его взял вестовым. Оба Ивана были большими друзьями, несмотря на разницу их характеров: насколько Павлыч Фофонов был молчалив, настолько Панкратыч Завалов был говорлив. Имея таких испытанных компаньонов и в силу своего постоянного оптимизма молодости, я смотрел спокойно и даже весело на предстоящую службу Его Величеству Шаху Персии. «Холодными» уральские казаки называли вахмистров и урядников, не окончивших учебных команд. Всех приказных (ефрейторов) называли «барсучиными вахмистрами».

В веселье ли, в удали уральские казаки не знали границ, но также и в злобе, «в горячке, в сердцах». Будучи в массе глубоко верующими, с двухперстным крестом, а не никониянской «щепотью», в сердцах доходили до искажения веры, граничащего с языческим пониманием «богов». Вот примеры: казак собирается на сенокос «ударом» (кто сколько сумеет накосить), торопится, уже сидит в телеге, вдруг вспоминает, что что-то забыл. Обращается к жене: «Васюничка, положила ли ты Николу?» – то есть образ святого Николая Чудотворца. «Нет, – отвечает жена и добавляет: – И зачем тебе Никола нужен на сенокосе?» Следует ответ: «Дура ты! А на хомут, что ли, я буду молиться Богу?» Или: на рыболовстве неводами («ярычами») артели нет удачи, несмотря на долгие молитвы Николе и на обеты благодарственного молебна, «обеты» многих свечей и т. д., – рыбы нет… После нескольких таких неудачных дней старший артели утром «в сердцах» приказывает: «Привязать моего Николу к нижней подворе (веревке) невода…»

Мне было приказано с Хорсанским отрядом достичь города Решта и там присоединиться к своей части. Еще поход, еще одна (уже 3-я) война!.. О нашем выходе из уральского отряда войсковому атаману было доложено после приказа о нашем зачислении в «дивизию».

Железных дорог в Персии того времени не было, и расстояние примерно в 250 км от Тегерана до Решта мы должны были пройти походным порядком. Пехота с полными ранцами и оружием шла пешим порядком, имущество везлось завьюченным

на мулах. Погода была еще жаркая, и движение шло медленно. По пути движения к Решту нам попадались бивачные расположения английских частей. Будучи снабжены и оборудованы к ведению колониальных войн, англичане никогда не располагались в селениях у обывателей. В память войны 1914–1918 годов они очень тепло и дружески относились к русским офицерам. При приближении нашего отряда к их расположению, как правило, офицеры бивака выходили на дорогу, становились поперек ее и, смеясь и шутя, ни за что не соглашались пропустить отряд, настаивая сделать привал, а русским офицерам посетить их удобные палатки, где были уже приготовлены закуски, пиво и в изобилии виски с прохладной содовой водой. Английские части состояли преимущественно из индусов с командным кадром из англичан.

К организации Персидской казачьей дивизии следует добавить, что все офицеры-инструкторы считались как откомандированные от своих полков и носили погоны своих частей с указанием чина, полагаемого каждому за выслугу лет и за отличия, полученные на войне. Для военных субординации по Персидской армии они числились почти все генералами, ибо командиры полков, офицеры-персы, тоже были в генеральских чинах. Вообще организация этой «дивизии» была необычной и не совсем приятной для национальных чувств персов, которые по привычке относились к сему «пассивно», оказывая полное послушание заведенному порядку.

Среди офицеров-персов к тому времени было немало таких, которые кончили свое образование в России, Франции или Германии. В Тегеране был Кадетский корпус, из которого молодые люди выходили офицерами, пополняя кадры дивизии. Были и офицеры, произведенные за выслуги лет и отличия. Для младшего командного состава были учебные команды.

При движении на Решт наш отряд останавливался на ночлег по деревням, и староста размещал «казаков» и офицеров по обывательским домам. Начальник отряда – русский офицер – пользовался «высшей властью» над гражданскими чинами, не исключая и губернаторов провинций. В Реште, куда наконец прибыл наш отряд, находился штаб фронта, операциями руководил начальник штаба «дивизии» Генштаба полковник Филиппов. Полковник Старосельский находился преимущественно в Тегеране. После двух дней отдыха в Реште я, со своими казаками и с проводником-офицером, отправился на правый фланг фронта, который охранял Тегеранский конный полк, целиком расположенный в одном селении в 10 км от моря, отделенного от него рисовыми полями. К берегу моря высылались

лишь посты для наблюдения. После сдачи Решта и отхода в Ензели красные долгое время не проявляли никакой активности. Персидская же армия, обложив Энзели, не рисковала атаковать укрепленную красную базу, находившуюся под защитой морской артиллерии.

Ротмистр Трофимов – инструктор полка – был человек приятный, размещение в доме губернатора с его прислугой было удобно, и около 10 дней, проведенных в его обществе, прошли незаметно. Только один раз, и то по своей охоте, я поехал посмотреть на «свое казачье море Хвалынское» под предлогом ознакомления с расположением постов и с целью обмена бутылки коньяка и килограмма сахара на банку икры и тешку балыка по пути, на рыбных промыслах Леонозова. Эта «операция» делалась по совету ротмистра Трофимова, так как управляющий промыслами брать деньги за икру отказывался.

Через неделю из штаба фронта я получил приказание отправиться на левый фланг в непосредственное распоряжение полковника Хабарова, начальника Тегеранского отряда. Это был самый сильный отряд по вооружению и численности. Состоял он из одного пехотного полка (4 батальона), кавалерийского полка (6 эскадронов), одной батареи 3-дюймовых орудий и нескольких других разнокалиберных пушек и пулеметной команды. Штаб полка находился в местечке Пир-Базар в 3–4 км от залива Мурдаб под Энзели. Полковник Хабаров встретил меня довольно сухо. Причиной тому, как я узнал позже, было мое вынужденное появление там в форме Уральского войска, с погонами войскового старшины. Теперь признаю полностью, что это было большим промахом с моей стороны и нарушением условий службы. Вместо выцветшей добела малиновой фуражки, я имел на голове папаху-кубанку. За спешностью отправления на фронт и отсутствием средств я не мог приобрести в Тегеране требуемую форму. Даже поиски погон капитана не увенчались успехом. Мое равнодушное отношение к «опасному» местонахождению штаба, наличие при мне двух (настоящих) казаков вызвало также у него некоторую неприязнь. При полковнике Хабарове в роли адъютанта с погонами капитана я встретил полковника Бондырева Донского войска.

Позицию по заливу Мурдаб, имевшую целью защиту левого фланга фронта, занимал батальон Тегеранского полка с 2 орудиями и 3 пулеметами. Левее позиции было устье большой реки Сифид-Руд, а за ней непроходимые болота и рисовые поля. На другой день я был послан командовать этим отрядом. В Пир-Базаре был, собственно говоря, лишь резерв (1 батальон), а остальные части Тегеранского отряда занимали позиции по

главному направлению левее шоссейной дороги Ензели – Решт – Тегеран. До отъезда на позицию мне было необходимо познакомиться и повидаться с командиром Тегеранского пехотного полка, а именно с тем самым Реза-Ханом Пехлеви, исторической личностью, который сыграл такую крупную роль в судьбах Персии. В то время мне казалось, что ему было за 50 лет, и указание французского историка, что он родился в 1878 году, – то есть в 1920 году ему должно было быть 42 года, – считаю сомнительным. Роста он был большого, весьма представительной наружности, с сединой в висках. Спокойный, приветливый, он хорошо говорил по-русски. Из дальнейшего с ним знакомства и из рассказов офицеров, служивших долго в Персидской армии, стало известно, что он прибыл в Персию из провинции Пехлеви, граничащей с Кавказом, поступил в Персидскую армию, как и все, вольнонаемным простым «казаком». С этого момента и началась «сказка из 1001 ночи». Происхождения он, как и герой сказки, очень скромного. Приставки к именам «хан», «ага», «али» и прочие, обычные для Персии, не означают еще высокого происхождения. Все рядовые «казаки»-персы имели такие приставки. Вскоре он стал вестовым у одного из русских офицеров-инструкторов. Возможно, что уже тогда он говорил по-русски, но, будучи вестовым, усовершенствовался в русском языке, научился читать и писать. Затем, кончив учебную команду, молодой, красивый и ловкий физически Реза вернулся в строй. В провинциях в то время происходили постоянные стычки с недовольными, «вечная война». Реза отличается, производится в офицеры и к 50 годам своей жизни он, генералом, командует самым большим и лучшим Тегеранским полком.

Батальон, занимавший позицию, из-за частых разливов реки Сефид, с пулеметами был расположен на большой барже. Орудия стояли сзади нее на возвышенности. Залив Мурдаб – очень мелкий, и большие суда с орудиями входить в него не могут. Красные катера, появлявшиеся перед позициями, легко разгонялись огнем пулеметов, а в случае их настойчивого желания приблизиться к позициям – огнем из орудий. В такой обстановке протекали дни. От бездействия мы с Фофоновым ловили сомов, которых в реке было неисчислимое количество.

В конце сентября 1920 года красные, выйдя из Энзели, атаковали персидскую армию на главном направлении, откуда нам хорошо слышна была артиллерийская стрельба. В заливе Мурдаб появились красные катера. В первом же наступлении большевики заняли Решт со стороны Пир-Базара, высадив там десант. К 10 часам утра полковник Бондырев передал мне по телефону: «Начальник отряда приказал: орудия, тяжелые

пулеметы направить на шоссейную дорогу выше Пир-Базара, как и все тяжелое имущество батальона. Ждать второго вызова!..» Перед отправкой орудий им было приказано разогнать наседающую флотилию катеров красных, после чего все было отправлено согласно полученному приказанию, а я перешел на баржу. За несколько дней до этого моего испытанного Фофонова заменил вестовой Завялов, претендуя, что он должен находиться при мне «в боях», а Фофонову нужно оставаться сзади…

Прошло добрых полчаса. Вызова никакого нет, а артиллерийская стрельба слышна уже далеко сзади нас, под Рештом. С командиром батальона, хорошо говорившим по-русски, мы решили, не дожидаясь вызова, отойти на Пир-Базар. Правый берег реки Сефид – низкий, со многими ериками, заполненными водой, но, к счастью, не глубокими. Перед самым Пир-Базаром широкая низина была вся залита водой. Персы боятся идти в воду, нам же это дело знакомое. «Завялов, покажи дорогу!» Завялов идет вперед, винтовку, патронташ держит над головой. «Батальон, за мной!» Вода достигает лишь первой пуговицы у гимнастерки, и батальон без потерь вместе с пулеметом Льюиса пересек низину.

В Пир-Базаре полковника Хабарова уже не было. Приказ об отходе по телефону будто был мне дан. Два взвода пехоты, 10 конных с конями для меня, Завялова и командира батальона ожидали нас вместе с приказанием спешно отходить. Отходить можно только через Решт, а до него нужно пересечь речку с мостом. По лесу к дороге уже слышна ружейная стрельба. Чтобы не быть отрезанным от Решта, я с конными скачу к мосту, приказав батальону бегом двигаться за мной. Стрельба приближалась, но нам удалось пройти по мосту до занятия его красными и двинуться на Решт по проселочной дороге, правее шоссейной, по которой отходили главные силы. Заняв окраину Решта, я выслал конный разъезд на шоссе для осведомления, а в ожидании результатов командир батальона наводил справки о пути на юг от Решта. Прошло добрых полчаса – разъезда все нет. Жители этой окраины не знали, что происходит на другом конце города. Обязав жителей в случае возвращения разъезда направить его за нами, но допуская и возможности, что он целиком попал в плен, батальон направился к выходу из Решта на его юго-восточную окраину. Карт этого района у нас не было. Я предполагал, отойдя от Решта на десяток километров, повернуть на восток и параллельными дорогами по лесам обойти фронт, зная по опыту нашей войны, что большевики в подобных случаях далеко в стороны «не распространяются».

По выходе из Решта сделали привал. Разъезд не возвращался,

и батальон двинулся дальше. Начинало уже темнеть. В селении, где, по моему плану, батальон должен был повернуть на восток, находилась большая группа партизан Кучук-Хана, от которых стало известно, что по этой же дороге на юго-восток прошла часть Тегеранского отряда с полковником Хабаровым и генералом Реза-Ханом за 2–3 часа до нашего прихода. План обхода фронта лесами был оставлен, и после хорошего отдыха было решено двигаться дальше ночью для соединения с отрядом. С проводниками от партизан мы целую ночь усиленным маршем двигались вперед. По пути попадались селения, бесчисленное количество речек, ручейков без мостов… Дорога чаще шла лесом. Встречавшиеся группы партизан информировали нас о движении Тегеранского отряда. В этом марше «казаки» персидской армии показали свою необыкновенную выносливость и… послушание.

Лишь к утру мы нагнали Тегеранский отряд, расположенный в одном из селений для ночлега. Полковник Хабаров отказывался верить мне, что батальон прошел через Решт. По его словам, он оставил Пир-Базар на два часа раньше меня (приказание мне об отходе будто было мне дано по телефону) и через Решт пройти уже не мог, так как он был занят красными. Не доходя до Решта, он с отрядом повернул вправо и через рисовые поля и болота, утопив два мула с пулеметами, смог выйти на шоссе. Полковник Бондырев с артиллерией и обозами успел пересечь Решт до занятия его красными. С ним был и мой Фофанов. Во время этих разговоров пришел Реза-Хан, подтвердивший мой доклад на основании донесения командира батальона. И этому не поверил полковник Хабаров. Был вызван командир батальона – в результате полковник Хабаров был сильно смущен.

После одного дня марша Тегеранский отряд догнал есаула Ходолицкого с его Тавризским отрядом, очутившимся там по неизвестным мне причинам и двигавшимся на селение Массула, находившееся в горах, под снежным перевалом того же названия. Есаул Ходолицкий предполагал от Массулы до пересечения перевала повернуть на Тавриз. Хабаров решил вместе с Тавризским отрядом подняться на Массулу, но пересечь снежный перевал и восточным его склоном спуститься в тылу фронта. Никакой связи с фронтом у нас тогда не было. На мое предложение (вторичное) приблизиться к фронту, как я предполагал сделать с батальоном, обойдя его лесными дорогами, полковник Хабаров ответил отказом.

От последнего селения на равнине в горы вела узкая тропа с выдолбленными копытами мулов в течение веков ямками. Только пользуясь ими, ставя ноги из одной в другую, мулы и кони, по одному, могли подняться в гору. Подъем до Массулы был очень

утомительным и занял целый день. Много коней и мулов сбили свои подковы, «казаки»-персы за день истрепали вконец свою немудреную обувь, состоявшую из туфель (чорохи) с парусиновым верхом и с подошвами из прессованного с клеем тряпья. Селение Массула было особенным. Жилые помещения были высечены в скалах и этажами, так что потолок одной скалы служил полом другой. Жители его – полудикий народ – занимались разведением мулов и разбоями. Для Кучук-Хана Массула была как бы убежищем от преследований правительства шаха.

В Массуле, уже с участием Ходолицкого и Реза-Хана, вновь поднялся вопрос, что делать дальше Тегеранскому отряду. Полковник Хабаров, видя снежные вершины, решил спуститься с гор, приблизиться к шоссе Решт – Тегеран и присоединиться к главным силам – тем способом, что предлагал я. Спуск с гор был еще более труден и занял также целый день. Другой день ушел на приближение к фронту. В тылу и на флангах все было спокойно, и отряд повернул направо по хорошей проселочной дороге. Все шло хорошо, но полковник Хабаров был хмур и плохо настроен. И нужно было, чтобы к вечеру этого дня при приближении к одному селению (я и Реза-Хан ехали впереди вместе с полковником Хабаровым) черная кошка, именно черная, пересекла нашу дорогу!.. Полковник Хабаров немедленно приказал отряду идти обратно на Массулу, несмотря на наши с Реза-Ханом уговоры и на мое предложение с конной группой заставой идти впереди отряда. Мы не имели ни малейшего понятия, где установился фронт, но через жителей мы могли это выяснить и установить связь с ним, но полковник Хабаров приказал вновь идти на Массулу. Еще с большими трудностями, чем в первый раз, только поздним вечером мы добрались до нее, так как и люди, и мулы, и кони были сильно переутомлены. Снежная линия вершин, к счастью, была не широка, и мы ее пересекли без особых трудностей, но для спуска с гор по их восточному, крутому склону дорог не было, склон был каменистый и с колючей травой и очень редко населен. Большая половина «казаков» шла босыми. Первую ночь отряд остановился на ночлег в поле около одного ручья. Полковник Хабаров был очень хмур, со мной почти не разговаривал, но в то же время, боясь измены со стороны партизан Кучук-Хана, меня просил (приказывал) на ночлег останавливаться вместе с ним и чтобы Завялов был бы непременно с нами.

На этом же ночлеге Реза-Хан пригласил меня зайти к нему. Мой конь окончательно сбил подковы и захромал, что не мог не заметить генерал. Оставив меня на «стакан чая», он мне

предложил заводного коня. Во время этого блуждания по горам я не раз пользовался его любезностью, так как из Пир-Базара я вышел без своего вьюка и в том, в чем был на постах. Ниже гор поселения были более частыми, ночлеги более удобными, так же как и питание. Только на 16-й день отряд вышел на шоссейную дорогу главного управления, сзади установившегося фронта, около селения Мын-Жиль.

На другой день со стороны Тегерана из города Казвина прибывший на автомобиле поручик русской службы Пупейко привез приказание: «Полковнику Хабарову и капитану Фадееву немедля прибыть в город Казвин. Генералу Реза-Хану с частями присоединиться в тылу (указано место) к дивизии и принять командование ею». Уже по пути туда от поручика Пупейко стало известно, что фронт занимают английские части, а русские офицеры-инструкторы освобождены от службы в персидской армии, будут заменены англичанами и должны покинуть Персию. Эти изменения были следствием принятия шахом Ахмед-Каджаром всех условий английского правительства, к чему он был вынужден последними неудачами персидской армии.

Дальнейшие события развертывались быстро: русские офицеры получили расчет жалованьем за 6 месяцев вперед (и за 4 месяца те, кто пробыл в дивизии меньше 6 месяцев), каждому было дано письменное обязательство от имени английского правительства доставить каждого в любую страну с содержанием в пути согласно его положению. Первым этапом был указан Бомбей, через Багдад. Все свои обязательства английские власти выполнили даже с избытком.

У шаха другого выхода не было, но национальное чувство персов не было удовлетворено, ибо это соглашение перемещало их из одной зависимости в другую. При том же большевики, зная хорошо настроения в Персии, не дремали и через головы англичан связались с национальными кругами персов, предлагая им полную независимость ценой освобождения страны от англичан и их сторонника, шаха Ахмед-Каджара. Во главе этой национальной группы оказался генерал Реза-Хан Пехлеви. Не успели англичане укомплектовать своими инструкторами персидские войска и усилить свои части, как были атакованы с фронта Красной армией, а с тыла Персидской, Реза-Хана. Им ничего не оставалось, как разоружиться и покинуть поначалу пределы Северной Персии. Реза-Хан, уже в роли председателя национального движения, совместно с частями Красной армии занял Тегеран. Шах Ахмед-Кад-жар был своевременно отправлен в Англию, и Реза-Хан без осложнений создал свое правительство. Расширив конституцию, данную еще Ахмед-Каджаром, усилив и

вооружив армию, Реза-Хан привел к послушанию всех непокорных или пытавшихся отделиться по этому случаю провинций, как Гилян, шейхов Азербейджана и др. Рядом социальных законов, практических мер улучшения экономического положения страны, ее финансов Реза-Хан привел Персию в порядок, дав населению полное удовлетворение и успокоение. Будучи полным хозяином в стране, в 1925 году Реза-Хан объявил себя шахом Персии и занял персидский престол, подобно Наполеону во Франции. В 1941 году он добровольно уступил престол своему сыну, теперешнему императору Ирана Магомет-Реза-Пехлеви.

И. Захарин[274]
На службе у персидского шаха[275]

«Подхорунжий Захарин, по распоряжению командира полка вы откомандировываетесь инструктором в бригаду Его Величества Шаха Персидского в Тегеран», – сообщает мне командир сотни, вызвав в канцелярию. Это было в ноябре 1916 года. Первый Кубанский казачий полк, в который я зачислен был по призыву в 1911 году, находился после усиленных боев против турок на двухмесячном отдыхе около города Хамадана в Персии.

Три года военной службы в мирное время, мое пребывание вначале в команде разведчиков, а затем в учебной команде дали мне теоретическую военную подготовку. Два с лишним года службы во время войны, прошедшей в усиленных боях против турок, позволили мне использовать мои теоретические знания на практике. Понятие о чести и долге перед Отечеством, дедовские заветы, казачьи традиции побуждали меня не только выполнять приказы моих командиров, но и проявлять личную инициативу в боях. За это я был награжден Георгиевскими крестами 4 степеней и званием подхорунжего. Мое назначение вызвало безобидную зависть среди младших офицеров полка, которые шутя говорили мне, что готовы променять их чины на мое звание.

Приближается 3 ноября 1916 года, день отъезда в Тегеран. Тяжело было мне расстаться с боевым товарищем, моим конем, приведенным из дому, много раз «носившим меня в огонь и из огня». Щемило сердце при прощании с ним. Поласкав по шее и дав ему кусочек сахару, я поцеловал его в лысину. Отъезжавших нас было 12 человек. При собравшихся офицерах полка полковой командир сказал нам напутственное слово, призывая нас служить и дальше так же, как служили раньше Родине и царю-батюшке. В Тегеран мы прибыли через две недели. Там мы явились в штаб бригады и представились полковнику Филимонову, который сообщил нам, что мы остаемся в Тегеране на 3 месяца, чтобы ознакомиться с персидским языком. К нам был прикомандирован персидский офицер Кулам Али Бек, говорящий по-русски. В течение 3 месяцев мы собирались в помещении при штабе для изучения языка и усердно зубрили его дома. По окончании этого срока нас распределили по отрядам. Мы – инструкторы – представляли три рода оружия: кавалерию, пехоту и артиллерию. Я попал в Ардебильский отряд. Необходимо заметить, что бригада называлась казачьей и персы, служившие в ней, одеты были в форму кубанских казаков, чем они очень гордились.

Начальником отряда был назначен капитан Добромыслов, его помощником – поручик Гедеонов, младшими инструкторами: кавалерийским – я, подхорунжий Захарин, пехотным – урядник Симоненко, пластун. В Ардебиль отправился я вместе с моими начальниками, которые решили проехать Каспийским морем через Баку к себе домой, приказав мне ехать из Баку в Ардебиль. Я тоже совершил короткий визит в родную Николаевскую станицу. Вернулся оттуда с женой и двумя моими детьми. Из Баку мы все прибыли через неделю на место службы. Там с большими трудностями пришлось разрешить квартирный вопрос из-за мусульманских обычаев обитателей, изолирующих своих женщин. Дома в Ардебиле с плоскими крышами, обнесены стенами высотой приблизительно в 3 метра, с наглухо закрытыми воротами. Снятая мною квартира была примитивна: она имела стены, в середине комнаты, служившей кухней, была яма объемом в кубический метр, а в потолке отверстие. Яма служила печкой, а отверстие в потолке предназначалось для эвакуации дыма. Яма нагревалась дровами или же кизяком. В ней персы пекли их «лавай» (лепешки). Тяжело было моей жене, привыкшей к зажиточной кубанской жизни, очутиться в первобытных условиях. Пришлось мне в свободное от занятий время обустраивать квартиру: соорудить из кирпича печку для приготовления пищи и даже голландскую – для отопления.

По прибытии в Ардебиль приступлено было к деловой жизни – формированию отряда. Начальство дало объявление в газетах и расклеило афиши о том, что принимаются молодые люди в Ардебильский отряд персидской армии, в кавалерию и пехоту. Стали поступать добровольцы: в кавалерию шли главным образом сыновья богатых ханов, в пехоту – бедные. Для кавалеристов выдавались черкеска, бешмет, брюки, сапоги и белье. Они должны были приобрести за свой счет коня, седло, шашку, кинжал и папаху. Месячное жалованье рядового кавалериста было 12 туманов (приблизительно 24 рубля). Пехотинцы получали шинель, куртку, брюки, рубашки, сапоги и белье, месячное жалованье их было 7 туманов. Персы очень любили форму кубанских казаков. Она была введена во всей Персидской казачьей дивизии. Офицеры и казаки (персидские) украшали свои шашки, кинжалы и газыри серебром и даже золотом (сыновья ханов). К концу марта 1917 года в кавалерии нашего отряда было 150 казаков, а в пехоте 180. К этому времени был назначен командный состав отряда из персидских офицеров. Командир отряда – генерал Гусейн Мамед-Хан, младшие офицеры: Гусейн-Али-Хан, говоривший по-русски и служивший переводчиком, Рагим-Мамед-Али, Риза-Хан и др. Начались строевые и словесные

занятия, а также гимнастика по методу, применявшемуся в Русской армии. Кавалерия обучалась по уставу русских казачьих войск: построение, стрельба, рубка лозы и чучел, уколы, взятие препятствий, джигитовка, атака лавой и т. д. Работали мы не покладая рук. Отдыхали только вечерами, собираясь вместе и отводя душу в беседе с воспоминаниями о привольной жизни на Кубани. Персы воспринимали неплохо нашу выучку. К апрелю состав частей значительно увеличился: в кавалерии насчитывалось 250 бойцов (2 сотни), в пехоте – 300 (2 роты), в артиллерии 30 человек (1 батарея в 3 пушки), в пулеметной команде – 20 человек (4 пулемета), в хоре трубачей – 20 музыкантов. Персидский командный состав – 12 офицеров.

В конце апреля или в начале мая я был командирован в отряд, стоявший в городе Реште в Гелянских лесах. Ардебиль расположен в гористой местности поблизости горы Хапин-Чапик. На юго-запад от него находится город Табриз, главный город персидского Азербайджана, населенного курдами. В настоящее время упоминается этот город в связи с борьбой курдов с персами. Борьба эта – явление не новое. В то время противоперсидское движение возглавляли 3 брата: Кулям-Али, Гусейн-Мамед-Али и Рагим-Али. Они имели отряд, исчислявшийся приблизительно в 3000 всадников, носивших прозвище «шахсевени». Действовали они разрозненными разбойничьими шайками, ведя нападения на персидские деревни и забирая хлеб, скот и молодое поколение. Отряду нашему пришлось с ними бороться. Жалобы жителей деревень губернатору Ардебиля побудили последнего приказать начальнику отряда дать отпор шахсевени. От русского начальника отряда капитана Добромыслова я получил приказание выступить с 2 сотнями кавалерии, ротой пехоты, с 2 пулеметами и 2 орудиями в деревни Гурдагу и Каранк для защиты их от нападения. Необходимо заметить, что вооружение отряда было далеко не на высоте. Деревни были расположены у подножия горы. По прошествии первой ночи без приключений, на другой день я вместе с персидским офицером объехал местность с целью ознакомления. По нашему указанию на окраинах деревень были расставлены заставы, пушки и пулеметы.

В одиннадцать часов конные шахсевени начали спускаться с гор. Артиллеристам был дан приказ открыть по ним шрапнельный огонь. Разрывы перед фронтом наступавших заставили их свернуть в сторону и наткнуться на пулеметы нашей заставы. Продолжая уходить во взятом направлении, они встретили заставу, расположенную в другом месте на кургане. Там завязался настоящий бой, в котором был убит офицер,

начальник заставы. Казаки обратились в бегство, крича как дети. Заметив это, я поскакал навстречу беглецам, угрожая им револьвером. Мне удалось повернуть их обратно и отбить атаку. Через две недели отряд наш вернулся в Ардебиль. Успешно законченная операция была отмечена пиром, устроенным командиром сотни, с национальными персидскими яствами.

В ноябре 1917 года произошла перемена в составе русского командного персонала: капитан Добромыслов по болезни был заменен есаулом Ходалицким, прибывшим из Табризского отряда.

В августе 1917 года есаул Ходалицкий отправил меня со взводом казаков в город Сераб. Между Серабом и Ардебилем пролегает горный хребет, в котором кишели шахсевени. Утром в день выступления взвода я проверил его состояние: вооружение, вьючных животных (ослов), запасы провианта и патронов, – и после этого взвод тронулся, следуя по тропе к перевалу. Вечером мы прибыли в деревню Ныр, где расположились на ночлег, приняв необходимые меры предосторожности и предупредив казаков быть наготове. Персидский офицер и я поместились в одной комнате. К нам пришел местный мулла. Расположившись по-мусульмански на полу, он в беседе с нами начал задавать такие вопросы: куда мы направляемся, сколько нас. Услышав это, я сказал офицеру, чтобы он приказал гостю немедленно удалиться. Утром, выступив из Ныра, в 2–3 верстах от него мы заметили несколько групп всадников, скачущих пересекая нам путь и стреляющих в воздух. Достигаем перевала. С высоты осматриваем местность, всадников не видно. В стороне видим хлев. Я скачу туда и нахожу там лошадей без всадников. У меня мелькнула мысль, что всадники, спешившись, спрятались за глыбами камней, мимо которых мы должны проходить. Приказываю казакам быть наготове, но не стрелять. Внимательно осматривая через бинокль подозрительные места, я замечаю головы, выныривающие временами из-за камней. При спуске с перевала высланы были два дозорных казака. На них-то и напали шахсевени. Офицер и я увидели, как они отнимали винтовки у дозорных. Обнажив шашку и крикнув «За мной!», я поскакал защищать их. Нападавшие бросились бежать на ближайший курган и, достигнув его вершины, начали кричать: «Кальма, капаеглы урлам (Не подходи, убьем)!» Я направляю своего коня на курган и, приблизившись к шахсевени, рублю их головы. Их было пять. Один из казаков гнался по пшенице за шестым. Убегавший приостановился, готовясь стрелять в преследовавшего казака, но не успел – посланная мною винтовочная пуля сразила его. То был мулла, сделавший нам визит накануне. После этой стычки к нам подбежали персы верблюжьего каравана,

ограбленные перед этим бандитами, с которыми мы сразились. Бросившись ко мне, они начали целовать мои ноги и поводья. В этой схватке мы захватили 3 пленных, 15 винтовок и 5 лошадей. Верблюжий караван под нашей охраной прибыл в Сераб. Там я сдал пленных, отбитое оружие и лошадей губернатору, выдавшему мне удостоверение с занесенными в него свидетельскими показаниями людей каравана. Из Сераба мы, забрав больных казаков, вернулись тем же путем, с остановкой на ночлег в том же селе Ныр. По выходе из Ныра перед нами предстала прежняя картина: гарцующие всадники, стреляющие в воздух, но не осмелившиеся напасть на нас.

В конце июля 1918 года отряд получает приказ из штаба дивизии о переводе его в Гелян. Там не давал покоя крупный отряд шахсевени, руководимый шефом по имени Кучик-хан. Отряд выступает с семьями командного персонала. Для этой цели были реквизированы вьючные животные: 100 верблюдов и 50 ослов, к двуколкам были приданы фаэтоны для женщин и детей и взята необходимая прислуга. В городе появились слухи о новом нападении шахсевени.

Настал день выступления. Громоздкий отряд растянулся по шоссейной дороге на Астару. Шел он с необходимыми мерами предосторожности, выслав вперед взвод казаков-разведчиков. Шоссейная дорога шла по насыпи. Около деревни Каракирах по отряду с двух сторон был открыт ружейный огонь. Стали падать убитые верблюды и ослы. Я приказал вожатым верблюдов свести их с насыпи, а пехоте открыть огонь по противнику. Высадив жену с грудным ребенком из экипажа, я спустил ее в канаву у подножия насыпи, сказав ей, чтобы она легла. Двое других моих детей ехали сзади с женой доктора. Я бросился к ним. Кучер их экипажа сбежал. Доведя экипаж до места, где находилась жена, я уложил в канаву детей и жену доктора. После этого я поскакал навстречу командиру. Взволнованный моим сообщением, он приказал мне взять конных казаков и выбить противника из деревни, занятой им. Двумя сотнями всадников я атаковал деревню и выгнал оттуда шахсевени. В нее вошел наш отряд полностью вместе с обозом. Эта встреча с шахсевени обошлась нам дорого: было убито 5 казаков, 1 женщина, 3 детей, ранено 10 казаков, две женщины сошли с ума, я и жена лишились сына, грудного ребенка, из вьючных животных погибло 20 верблюдов и 10 ослов.

Наконец, после еще ряда встреч и незначительных стычек с шахсевени мы прибыли в Астару, пограничный город с Россией. Там встретили мы представителей новой власти на нашей родине – большевиков, шнырявших между нашими казаками. Соседство

это не предвещало ничего хорошего. Начальство реквизировало 5 шхун. Погрузив на них больных, раненых, женщин, детей, имущество отряда и 20 вооруженных казаков, под моим командованием, Каспийским морем, под парусами мы поплыли в Энзели, отряд же походным порядком направился в Решт.

Прибывший из Решта есаул Ходалицкий телеграфировал в штаб дивизии, который уладил дело. Мы выгрузились и присоединились к нашему отряду в Реште, где находился, помимо него, казачий отряд под командованием ротмистра Булацеля.

Из Решта отряд совершил экспедицию в горы против шахсевени Кучик-хана, гелянского вождя. Экспедиция, сопряженная с большими трудностями, увенчалась успехом: мы захватили там 3 пленных, 5 лошадей и 15 винтовок. Преследуемый нами Кучик-хан бежал в Исвагань. За эту экспедицию я был награжден серебряной медалью Персидского Шаха. После этого отряд вернулся в Ардебиль. В 1919 году он два раза выступал против шахсевени.

Однажды я был командирован со взводом казаков в Табриз, за деньгами для отряда. Там я представился генералу Реза-Хану, ставшему потом шахом Пехлеви.

В мае 1920 года отряд наш получил приказ о переводе его в Тегеран. В столице Персии было неспокойно. По прибытии туда через две недели отряд выступил в район города Решта для борьбы с большевиками, вступившими на персидскую территорию. Командовал экспедицией поручик Гедеонов, есаул Ход алицкий и я оставались в Тегеране. Большевики были выбиты с персидской земли. В боях против них погиб поручик Гедеонов.

Захват власти большевиками в нашей стране положил конец русскому руководству в персидской армии. Российской разрухой воспользовались англичане. Слабая персидская государственная власть подпала под английское влияние. Англичане потребовали увольнения русских кадров из персидской армии, шах подчинился. Начальник дивизии, полковник Старосельский, получил приказ о передаче командования персидским офицерам. 20 декабря 1920 года нам – русским – было предложено выехать в страны по выбору каждого за счет английского правительства.

На этом закончилась моя военная служба, длившаяся 9 лет: 5 лет Русскому царю и 4 года Персидскому шаху. Конец ее не был тот, о котором я мечтал. Хотелось мне после 6 $\frac{1}{2}$ лет жизни в боевой обстановке вернуться в родную Николаевскую станицу и иметь от станичников то внимание, которое, по казачьей традиции, они оказывали ветеранам и, в особенности, георгиевским кавалерам. Но, увы, станица находилась в руках

преступной власти, подчиниться которой я не мог. Я предпочел жизнь на чужбине, полную неизвестности, возвращению на родную Кубань с риском жить в рабских условиях.

Раздел 3

С. Голубинцев[276]
В парагвайской кавалерии[277]

Хотя пароход «Ре Викторио», прибыв в Буэнос-Айрес, выгрузил всех своих пассажиров, нас, двух бывших русских офицеров, аргентинские власти задержали на борту. Только на следующий день, после тщательной проверки документов, убедившись вполне, что мы не большевики, нам разрешили сойти на берег. На первом попавшемся автомобиле мы поехали в русское консульство. Консул старой России, в противоположность своим европейским коллегам, узнав, что мы офицеры Добровольческой армии, принял нас холодно и почти сожалел, что мы не красные командиры. Я энергично возразил господину Пташникову и заявил ему, что сожаления он может оставить при себе, а теперь обязан вернуться к своим прямым консульским обязанностям.

Мое поведение подействовало, и консул пытался вначале сплавить нас в еврейское эмигрантское благотворительное общество, но, встретив снова мой решительный протест, отправил к настоятелю православного храма, сказав, что тот «любит врангелевцев». От столь любезного русского дипломата мы отправились на улицу Бразиль, № 315, где находилась русская православная церковь. Ее настоятель, отец Константин Изразцов, встретил нас довольно радушно, сказав, что его сыновья служили в гвардейских кирасирах, но вместе с тем сразу дал понять, что в Аргентине русским эмигрантам трудно будет найти работу. На это мы заявили ему, что приехали без всяких средств и, как офицеры Добровольческой армии, теперь просим оказать нам помощь. Подумав немного, отец Константин вошел в наше положение, довольно печальное, и на первое время предложил расположиться в церковной библиотеке. Без знания испанского языка мы долго не могли получить работу и, коротая время, стали заводить знакомства среди тамошних русских старожилов, в большинстве случаев приехавших из России после 1905 года. Кроме нас, в библиотеку вскоре вселились три моряка с Колчаковского фронта, корабельные гардемарины Дмитрий Сластников[278], Станислав Родзевич[279] и гардемарин Бабаш[280].

Немедленно наша библиотека изменила свой первоначальный вид, при входе был водружен портрет адмирала Колчака и под ним фотографии Деникина и Врангеля, и все это было украшено фуражкой нашего «корабела» Мити Сластникова. Но вот мой друг Вася Волков наконец устроился шофером и уехал

в город Кордобу. Тогда я набрался энергии и с лихорадочным рвением принялся за поиски работы. Как ни странным может показаться, но мне помогли в этом здешние эмигранты царского времени, настроенные, как я уже говорил, весьма сочувственно к большевикам. С их помощью я устроился в качестве «администратора» в русский кафе-ресторан «Украина».

Наступили, так сказать, мои трудовые дни, пришлось в шесть часов утра приходить на службу, следить за уборкой зала, за чистотой огромных зеркальных окон и вообще приводить и порядок оставленное ночными посетителями кафе. Для всего этого у меня имелось два служащих – подростки, за которыми приходилось следить в оба, так как усердием они не отличались. За все это я получал 100 пезо и харчи, но находиться на работе приходилось по двенадцати часов в сутки.

В семь часов утра я возвращался домой в библиотеку, усталый, бросался на кровать и тотчас же засыпал как убитый. В таком положении мне трудно было заниматься осмотром города и развлекаться, а жизнь, как назло, вокруг меня била ключом. Проходя по вечерам мимо портовых таверн и кабачков, я видел там матросов, танцующих с аргентинскими красотками, и все это смущало мой покой. Хозяин ресторана, бывший подпрапорщик Быковский, жил в Аргентине уже много лет и превратился в настоящего буржуя. Заметив мое старание по службе, он набавил мне жалованья, и я стал получать 150 пезо.

Наш кафе-ресторан посещала самая разношерстная публика, матросы с иностранных пароходов, мелкие чиновники и, конечно, красотки всех рас и национальностей, с накрашенными губами и подведенными глазами.

Как-то после разгрузки очередного парохода к нам зашли три моих моряка, и мы за стаканом вина решили заняться политикой и организовать в Буэнос-Айресе комитет русских беженцев. Председателем был единогласно намечен знакомый коммерсант Тесленко, я решил стать его секретарем, а членами президиума согласились быть Быковский и три моих гардемарина. Как и следовало ожидать, это не понравилось местным русским «представителям», и на нас сразу обрушился консул Пташников. Но мы это предвидели и, зная их полное бессилие, провели кампанию в аргентинских газетах, защищая свои права на существование. Опять получился парадокс: нас поддержали левые эмигрантские круги, и «представителям» поневоле пришлось смириться. Таким образом, мы выиграли первый тур борьбы.

Появились в газетах фотографии нашего комитета, и мы спокойно принялись ожидать приезда из Соединенных Штатов нашего посла Евгения Федоровича Штейна, чтобы узнать от него

все политические новости. Изменилась к лучшему и наша жизнь. Я превратился в помощника Быковского, поочередно дежурил с ним в ресторане, получив, таким образом, свободное время. Отец Константин также стал относиться ко мне как родной, почти каждое воскресенье приглашал обедать и расхваливал всем мои организаторские способности.

Светлое воскресение мы всем комитетом провели у отца Константина Изразцова, и я с большим аппетитом, после столь долгих лет, полакомился домашней пасхой, куличом, окороком и заливным поросенком с хреном. По случаю Пасхи наш председатель Тесленко пригласил нас в лучшее казино на улице Майпу, и мы там танцевали настоящее аргентинское танго.

Русский беженский комитет благодаря нашим стараниям стал быстро входить в силу, и о нас начали даже писать в крупной местной газете «Ла Насион». Двадцать пятого мая наступил национальный праздник Аргентинской республики. Как и большая часть государств Южной Америки, она входила раньше в состав испанских колоний. Воспользовавшись вторжением в Испанию Наполеона, аргентинский генерал Хозе Сан-Мартин поднял восстание против испанцев и вместе с генералами Бельграно и Боливаром провозгласил независимость Аргентины. Во главе аргентинской национальной армии он освободил от испанского владычества колонию Чили, а герой северной части Южной Америки генерал Боливар принимал участие в войне за независимость Боливии, Перу, Эквадора и Колумбии.

Жадные до колоний вообще, англичане хотели захватить и подчинить своему влиянию молодую Аргентинскую республику и без объявления войны высадили десант и заняли с боем половину города Буэнос-Айреса. Но подошедший вовремя на помощь генерал Бельграно разбил англичан и снова поднял над городом бело-голубой флаг независимости. Памятники этим героям украшают столицу республики, и большинство улиц и площадей носят их имена. Вместе с гардемаринами я пошел на парад. Вся площадь перед президентским дворцом, каза Розада (Розовый дом), была занята войсками. Начиная с авениды 25-го Майо вытянулись синею лентою моряки, за ними стояла в германских касках, с французскими погонами пехота, и около дворца перед памятником генералу Бельграно выстроился полк конно-гренадер, весьма похожих на наших лейб-драгун, отличаясь только лакированными ботфортами, палатами и длинными белыми перчатками. Ветер красиво колыхал на пиках голубые флюгера с белым полем, посредине – национальные цвета Аргентины (конно-гренадерский полк первым поднял с генералом Сан-Мартином восстание за независимость, и за это благодарная

нация оставила ему историческую парадную форму и наименование гвардии).

Далее, у подножия памятника командору Гараю, основателю города Буэнос-Айреса, выстроилось кавалерийское училище, Морской корпус и конная артиллерия. Президент республики, доктор Иригоен, принимал парад, окруженный министрами и генералитетом. Затем перед нашими глазами прошли в парадных формах лучшие части аргентинской армии. Чисто прусский шаг печатала пехота, блистая шишаками на касках и зелеными подвесками эполет. Громыхая орудиями, проехала конная артиллерия на прекрасных лошадях. Сперва повзводно прошли шагом конногвардейцы, эффектно выделяясь красными лацканами на мундирах и белыми султанами на высоких киверах. Очень красиво прошел Морской корпус, гардемарины в белых брюках и коротких черных мундирах держали идеальное равнение и шли широким, свободным шагом. Вечером весь город был иллюминирован и напоминал карнавальные дни. Много смеха, света; улицы – море человеческих голов. Нас захватило общее веселье, и мы, слившись с толпою, бродили до утра по улицам. Аргентинцы не вполне правы, называя свою столицу южноамериканским Парижем. *Я* бы назвал ее скорее южным Нью-Йорком. Буэнос-Айрес хорошо распланированный, чистый и вполне столичный город с большим движением на улицах, с автомобилями, трамваями, автобусами и прекрасной подземной железной дорогой. В конце мая приехал из Северной Америки русский императорский посол Евгений Федорович Штейн, и я немедленно же сделал ему визит. Посол принадлежал к разряду русских бар, не любил утруждать себя делами и больше всего ценил спокойную жизнь. Меня он принял весьма радушно, угостил бразильскими сигарами и сообщил, что Белое движение, по-видимому, умерло и мы, бывшие офицеры Русской армии, должны теперь в Новом Свете сами создавать себе положение и войти как можно скорее в общую жизнь здешних граждан.

Вернувшись домой и посоветовавшись с гардемаринами, я отправился в чилийское посольство за визою, надеясь попытать счастья на берегах Тихого океана. Но нашим мечтам не суждено было осуществиться, вследствие отказа чилийского консульства выдать визу русским подданным (опасались проникновения коммунизма в их страны). Тогда мы вторично отправились в российское посольство и после долгого разговора с Евгением Федоровичем решили послушаться его доброго совета и ехать в Парагвай, тем более что Штейн обещал, при первом же удобном случае, представить меня парагвайскому военному министру, которого со дня на день ждали в Буэнос-Айресе. Наш посол до

конца оставался русским барином и свое обещание сдержал в точности. В субботу он пригласил меня обедать в Жокей-клуб и там познакомил с военным министром Парагвайской республики полковником Шерифе, который, узнав, что я гусарский офицер, рассыпался в любезностях и тут же позвонил по телефону в свое посольство, переговорил с чиновником и просил меня зайти в понедельник за визой.

Снова в церковной библиотеке произошел экстренный совет, на котором я и гардемарин Бабаш высказались за Парагвай, корабел Митя Сластников решил ехать в Северную Америку, а Станислав Родзевич решил остаться в Буэнос-Айресе. Когда отцу Константину стало известно наше решение, он так обрадовался, что пригласил к себе в кабинет на конфиденциальную беседу – и выплатил нам трехмесячное офицерское жалованье, согласно чинам. Сластникову тут же был выдан чек для покупки билета в Нью-Йорк, а мне, кроме жалованья, – суточные и прогонные до Асунсиона, столицы Парагвайской республики. Не скрывая своей радости по случаю нашего отъезда, священник, получив от нас расписки, троекратно с нами облобызался и пригласил на ужин. Но при этом попросил нас ничего не писать о происшедшем нашим друзьям в Галлиполи, куда он уже неоднократно сообщал, что русским беженцам будет очень трудно устроиться в Аргентине.

Так закончилась моя короткая, но довольно оживленная политическая карьера в Аргентине. В парагвайском посольстве мне и Бабашу весьма любезно выдали визы, и, провожаемые аргентинскими друзьями, мы с вокзала Чакорита покинули Буэнос-Айрес. Поезд мчался по бесконечным аргентинским просторам, и пейзажи слегка напоминали донские степи.

На станции Конкордия поезд остановился, и я вышел на платформу подышать свежим воздухом. Конкордия – крупный железнодорожный узел, здесь сходятся дороги из Аргентины, Уругвая, Бразилии и Парагвая. На вокзале бросались нам в глаза своими яркими костюмами несколько гаучо, важно прогуливавшихся вдоль перрона. Черные быстрые глаза их зорко смотрели из-под широких полей фетровых шляп, разноцветные шелковые платки закрывали им шеи, рубашки были заложены в шаровары, и у каждого гаучо на широком кожаном поясе висел револьвер и острый длинный нож (мачете). Некоторые гаучо носили шпоры на босу ногу, что меня, кавалерийского офицера, вначале коробило, но, пожив в Южной Америке, еще и не на то насмотришься.

Перед отъездом поезда к станции подъехала кавалькада в десять всадников и красивая сеньорита, по-видимому дочь

богатого помещика, спрыгнула с коня и побежала к перрону. Под короткой гофрированной юбкою у нее виднелись сапожки, и она, кокетливо позвякивая шпорами и размахивая нагайкою, подошла к кассе и, купив билет, вошла в купе первого класса. Красавица аргентинка ничем не отличалась от гаучо, и на поясе у нее, красиво стягивающем ее талию, так же блестел револьвер и слева длинный мачете. Она помахала шляпою в сторону оставшихся на дороге всадников и затем, смеясь, скрылась в вагоне. В Буэнос-Айресе мне еще не приходилось встречать подобные наряды, но ехавшие в вагоне пассажиры сказали, что в Парагвае почти все ходят в подобных костюмах.

На берегу реки Параны наш поезд вошел на специальный пароход – феррибот, и мы четыре часа шли по реке на борту парохода. Через два дня наш поезд остановился в аргентинском пограничном городе Мисионес и переплыл снова на пароходе реку, – тут мы приехали на парагвайскую пограничную станцию Энкарнасион. В купе вошел парагвайский офицер, и меня поразило сходство его формы с германской. Только по цветам круглой маленькой кокарды можно было убедиться, что перед нами стоит парагваец. Все же остальное – тропический шлем, погоны и сабля – было немецкое.

После поверхностной проверки документов поезд тронулся в дальнейший путь, и мы покатили по равнинам Парагвайской республики. Парагвайцы гораздо гостеприимней аргентинцев и хорошо относились к европейцам. Но следует заметить, что страна эта еще слишком мало развита и не пригодна для европейской колонизации. На огромные пространства тянутся в сторону Боливии непроходимые степи чако, покрытые в некоторых местах – по берегам рек – девственными лесами и пальмовыми рощами. В чако живут только индейцы, и там свирепствует ужасная лихорадка «чуча», от которой не могут спастись даже тамошние обитатели, не говоря уже про европейцев. Еще ни один белый человек не пересек чако, и до сих пор граница между Парагваем и Боливией в южной части не определена и обозначена на географической карте пунктиром.

На всем протяжении по реке Рио-Верде и Рио-Пилькомано чако тянется к западу более чем на тысячу километров, и единственными обитателями там являются ягуары, обезьяны, крокодилы и всевозможные змеи, среди которых особенно выделяется удав «бой гвассу», способный задавить в своих объятиях даже быка.

Но главная опасность чако – это краснокожие индейцы, и парагвайскому правительству приходилось много заботиться для охраны своих фермеров от набегов этих неспокойных соседей,

предающих огню и мечу всякий культурный уголок в чако. Для охраны своих земледельцев на границе с Боливией и Аргентиной по реке Пилькомано были выстроены два парагвайских военных форта, и гарнизоны их немного сдерживали нападения Аргуканов, Чемококо и Пона, индейских племен, враждовавших с бледнолицыми.

Вечером, на третий день пути, поезд подошел к освещенному вокзалу Асунсиона, столицы Парагвайской республики. Дневную жару сменила вечерняя прохлада, и по этой причине Асунсион показался нам очень милым городом. Перед вокзалом на площади Уругвай играл оркестр военной музыки и гуляло много молодежи. Мы отдохнули немного на лавочке среди цветов и затем пошли в отель, находившийся поблизости от вокзала. Приняв душ и приведя себя в порядок после столь утомительной дороги, я и Володя Бабаш после ужина отправились осматривать город. В школьные годы география очень мало ознакомила нас с этой южноамериканской республикой, и даже в Аргентине о ней мало знали и только предупреждали нас о дикости нравов ее обитателей. Но все это было слишком преувеличено. Парагвайцы весьма гостеприимный народ и по добродушию даже слегка напоминают наших сородичей.

По дороге мы познакомились с русским коммерсантом Ляпицким, и тот представил нас на следующий день русскому ресторатору Угрику. Дон Андрее, как его величали здесь на испанский лад, обрадовался приезду земляков и пригласил обедать. Как всегда в подобных случаях полагается, начались нескончаемые расспросы про Россию, и в частности про его родной Киев. Сам Угрик, с лицом Тараса Бульбы, покинул родину двадцать лет назад и очень интересовался происшедшими там за это время переменами. Насколько было возможно, мы удовлетворяли его любопытство и не забывали в то же время про обед. Во время разговора в ресторане появилась молодая симпатичная донна Мария, супруга нашего запорожца, которую мы в первый момент приняли за его дочь. Она пожурила мужа за недостаточное гостеприимство и принесла нам из холодильника графинчик с золотистой жидкостью, которая оказалась знаменитым парагвайским ромом. В три часа дня, когда спала жара, Угрик предложил пойти погулять по городу и обещал показать все достопримечательности парагвайской столицы. Донна Мария недовольно махнула на него рукою и проговорила: «Куда ты их поведешь, старик? Ведь сам прекрасно знаешь, что в Асунсионе нечего показывать. Молодые люди прибыли из Буэнос-Айреса, а ты не даешь им покоя и хочешь что-то показать в нашей деревне. Оставайтесь лучше здесь и угости их холодным пивом!»

Но настойчивые просьбы молодой жены не подействовали на Тараса Бульбу, и он повел нас в город. Донна Мария была, конечно, во всем права. После Буэнос-Айреса парагвайская столица напоминала нам самый провинциальный городок Аргентинской республики. Здесь не было ни одного приличного многоэтажного здания, улицы были мощены только в центре города и поражало отсутствие красивых памятников. В 1921 году в Асунсионе был всего только один кинематограф и ни одного театра.

Единственным украшением города являлись утопавшие в цветах скверы, где можно было отдохнуть в тени на удобных диванчиках. Проходя мимо двухэтажного здания с вывеской «Банко спаньол», дон Андрее, указав нам на него, потряс кулаком и сказал, что это учреждение лопнуло несколько месяцев назад и там погибли его сто тысяч пезо. Кроме этого банка и бронзовой фигуры с ангелом, которого старался сбросить какой-то силач, осматривать было в самом деле нечего, и мы то и дело заходили в бары и пили холодное пиво. После аргентинских зимних холодов, хотя и тропических, в Парагвае нам было ужасно жарко.

Следует также заметить, что по приезде в Южную Америку мы запутались во временах года. Зима здесь наступает в мае и продолжается до августа, весна начинается в сентябре, а лето – в декабре. Но тропических холодов в Парагвае не бывает, и можно смело сказать, что мы попали в страну вечного лета. Конечно, Асунсион в сравнении с Буэнос-Айресом был попросту большой деревней, но все это было бы ничего, если бы не потрясающая бедность населения. При самой низкой валюте, без собственной промышленности и почти без вывоза, за исключением местного чая – «матэ», страна была обречена на нищенское существование.

Нам пришлось серьезно подумать о будущем. Чем могли заниматься мы, интеллигентные европейцы без определенных специальностей? О поступлении служащими в торговое предприятие не приходилось и думать, так как крупных торговых компаний не было, получить службу в банке было весьма трудно, сельского хозяйства мы абсолютно не знали, да и нужных материальных средств у нас не было. Следовательно, нужно было что-нибудь предпринимать в срочном порядке либо, не теряя времени, переехать в другую страну, пока еще оставались деньги на билет. Но дон Андрее не падал духом и энергично протестовал против наших пессимистических взглядов на жизнь в Парагвае. «Да что вы, в самом деле, белены объелись? Ишь, нюни распустили! Парагвай лучшая страна в мире, и здесь я вам гарантирую и службу, и хлеб. Куда вы хотите поехать отсюда – скажите мне. В Боливию надо ехать через Аргентину, и у вас, я

знаю, для этого путешествия нет денег, а до Бразилии отсюда очень далеко, и сообщение также стоит больших средств. Нет, милые мои, сидите здесь и не рыпайтесь, а об остальном я сам о вас подумаю».

На следующий день Угрик повел нас на авениду Петтироси, где находилось небольшое кирпичное здание с весьма поэтичным названием «Вилла Ньяндутин», что означало в переводе с индейского языка гвараны – «Кружевная вилла». Откровенно говоря, название это мало оправдывало скромный по виду особняк, в котором проживал собственник местного экономического журнала доктор Рудольф Александрович Риттер. Пожилой и довольно полный господин среднего роста, в пенсне и в черном берете, он производил приятное впечатление. Он был умным и энергичным человеком, политиком и владельцем нескольких эстанций (имений), но самое главное, имел огромное влияние в здешних правительственных кругах. Рудольф Александрович принял нас очень радушно и без дальнейших разговоров приступил к делу. В Парагвае не существовало русского представительства, и поэтому он здесь защищал русские интересы и пользовался в Асунсионе огромным авторитетом и уважением. Просмотрев наши бумаги, он решил немедленно же устроить меня в парагвайскую армию, а гардемарина Бабаша, отказавшегося поступить в речной военный флот, направил по коммерции. На первое время Угрик дал ему место своего помощника в магазине и кафе-ресторане. Не посмеивайтесь, русские моряки, Америка – страна коммерческой наживы, и служба Володи тут пользуется большим уважением, нежели флотский мундир.

Парагвайский военный министр полковник Шерифе находился по делам службы еще в Аргентине, и мне пришлось ожидать его возвращения. С помощью доктора Риттера я снял комнату на авенида Колумбия и, гуляя по городу, присматривался к местной жизни, столь различной и по культуре, и по нравам от Европы. Расположенный на высоком берегу реки Парагвая, город Асунсион очень красив. На главной его улице Аас-Пальмас можно было подумать, что вы попали в маленький испанский городок: та же архитектура зданий, такие же наряды женщин и даже неизменный Испано-Американский банк. На городском базаре вы попадаете в совершенно иной мир. Торговки в черных платьях, с огромными сигарами во рту, предлагают купить ананасы или кокосовые орехи, а полуголые мальчишки стараются навязать иностранцу втридорога черную обезьянку, стоящую здесь гроши. Шум и гам страшный, трудно разобраться, где вы, вообще, находитесь, – в Парагвае или на азиатском базаре

в Скутари. Но вот мы покинули, наконец, шумный базар и, пересекая главную улицу, выходим на площадь Конституции. Среди зелени сквера на колонне возвышается женская фигура – это символ Конституции, украшающий памятник парагвайской независимости. Вы присаживаетесь на одну из скамеек и, вдыхая аромат цветов, любуетесь чудным видом, открывающимся перед вашими глазами.

Внизу переливается на солнце, как серебристая змейка, многоводная река Парагвай. На ней белеют паруса и по временам раздаются пароходные гудки. За рекою тянутся во все стороны необозримые пространства парагвайского чако, и изумрудный бархат охватывает весь видимый вами горизонт. Но вот вы поворачиваете голову и видите на плацу между Палатой депутатов и длинным зданием военного училища странное зрелище. На плацу маршируют затянутые в синие мундиры, блистая на солнце германскими касками, солдаты, совсем как в Гейдельберге или в Мангейме, виденные мною в 1911 году.

Парагвайская армия, как и вся страна, имевшая в те времена 700 тысяч обитателей, очень маленькая и насчитывает в своих рядах 5000 человек. Отдельных полков не существовало, и вся пехота была сведена в четыре трехротных батальона, а кавалерия – в самостоятельные четыре эскадрона. Кроме того, имелись две полевые батареи, жандармский эскадрон и саперная рота. Из специальных частей существовала маленькая радиостанция и авиационный парк, пока без самолетов и летчиков. Вот, кажется, и все.

Флот состоял из двух речных канонерских лодок и нескольких вооруженных катеров. Для укомплектования офицерского состава было военное училище с пятилетним курсом и гардемаринские классы для офицеров флота. Военное министерство принимало в качестве инструкторов иностранных офицеров, но, прежде чем подписать контракт, каждый из них должен был сдать экзамен по роду оружия при особой военной комиссии. Не только по своей обмундировке, но и по настроению армия была германофильской, что особенно сказывалось на ее инструкторах, на три четверти состоявших из немцев.

На всю армию имелся всего лишь один генерал и четыре полковника, проходившие высшие военные курсы в иностранных школах. Парагвайская армия, несмотря на бедность страны, была довольно прилично одета и хорошо выглядела. Все воинские части разделялись на четыре зоны и помещались в различных пунктах республики – в Энкарнасионе, Парагвари, Вилле-Рике и Концепсионе. В Асунсионе находились военное и морское училища, гвардейский эскадрон, Эскольты президента и батальон

гвардии Карсель, а также база военного флота. В конце недели я познакомился с майором Гестефельдом, бывшим германским офицером, занимавшим ныне видное место в парагвайском Генеральном штабе. Мы быстро подружились, и я почти целые дни проводил у него на вилле в Порто-Сахонии. Кроме майора Гестефельда, в армии находилось еще несколько германских офицеров, один испанский артиллерийский капитан, сербский пехотный лейтенант и старший лейтенант английской службы Врай. Гестефельд познакомил меня с офицерами парагвайского штаба, и те дали мне надежду на возможность поступления в их армию.

Наконец приехал военный министр, по форме, уму и взглядам – настоящий пруссак. Рудольф Александрович Риттер еще раз представил меня в «Унион-клубе» полковнику Шерифе, и тот, поговорив со мною по-немецки, просил зайти на следующий день в военное министерство. Утром, немного волнуясь, я прошел мимо парадных часовых, затянутых в кирасирскую форму, и, поднявшись по мраморной лестнице, остановился в зале перед кабинетом военного министра. Отворилась дверь, и вошел офицер в сюртуке и серебряных капитанских погонах, держа в руках белую фуражку с красным околышем, ни дать ни взять наш русский кавалергард. Гремя блестящим палашом, офицер подошел ко мне и представился адъютантом военного министра, капитаном Фрейвальдом. Он прекрасно говорил по-немецки, но родился в Парагвае и никогда не был в Европе. Пройдя вместе с адъютантом в кабинет военного министра, я официально представился полковнику Шерифе и передал ему свои военные документы и послужной список, переведенные на испанский язык в российском посольстве в Буэнос-Айресе. Полковник, смуглый брюнет с большими усами «а-ля Вильгельм», был одет в синий сюртук с красными кантами, такого же цвета длинные шассеры с генеральскими красными лампасами и в ботинках со шпорами. На маленьком столике в углу комнаты лежали его каска и сабля. Просмотрев внимательно мои бумаги и поинтересовавшись, какая форма была у изюмских гусар, министр разрешил мне держать экзамен на чин старшего лейтенанта кавалерии. Пришлось в срочном порядке раздобыть немецкий кавалерийский устав, принятый в парагвайской армии, учить заново их кавалерийский строй «справа рядами» (в русской кавалерии обычное движение конницы – справа по три, либо справа по шести), зубрить их тактику, фортификацию и совершенно новую для меня администрацию. И все это я должен был пройти в полтора месяца – срок, данный мне на подготовку Главным штабом. Тропические лунные ночи я просиживал напролет за уставами и учебниками,

чертил укрепления и наносил на бумагу кроки.

Иногда с улицы доносились звуки гитары и смех прелестных сеньорит, но я не обращал на них внимания и продолжал зубрить, зубрить и зубрить до накаливания мозгов. Через полтора месяца майор Гестефельд проверил мои знания и нашел вполне подготовленным к экзамену. Его супруга, фрау Марта, смеялась за ужином и говорила, что я знаю гораздо больше ее мужа, успевшего все позабыть на войне и сделать блестящую карьеру, только став майором в тридцать два года. Но, проиграв войну, Германия должна была сократить армию, и молодой майор остался с чином, но без службы и, чтобы не голодать, уехал в Парагвай, где уже служил его старший товарищ майор фон Притвиц унд Гаффрон.

В понедельник 28 июля наступил долгожданный и в то же время жуткий день экзамена при Главном штабе. В конференц-зале за длинным столом, покрытым малиновым сукном, сидело человек восемь офицеров, сверкая эполетами и перевязями на парадных мундирах, перед каждым из них лежала каска и папка с бумагами. В скромном синем костюме, но с гордым видом я предстал перед комиссией. Председатель, генерал Эскобар, в белом кавалерийском мундире и в золотых эполетах, начал экзамен. Узнав, что я русский кавалерийский офицер, он прежде всего поинтересовался, в каком полку я служил, и просил меня описать ему русскую гусарскую форму со всеми подробностями. Алый доломан и синий ментик, расшитый золотыми филиграновыми шнурами, пленили многих штаб-офицеров, и они благосклонно отнеслись ко мне во время экзаменов.

– Прекрасно, капитан, теперь скажите мне, на каких войнах участвовали и сколько раз были в боях? – спросил генерал, как я уже слышал, ненавидевший немцев.

– Ваше превосходительство, в составе 11-го гусарского полка я принимал участие в конце Великой войны с 1917 года, а затем, после коммунистического переворота, находился в Белой армии с 1918-го по 1920 год, – ответил я.

Генерал улыбнулся, разгладил подстриженные на английский манер усы и заявил, что считает меня вполне подходящим инструктором-офицером и дальнейших вопросов не имеет. Затем каждый офицер комиссии задал мне какой-нибудь вопрос по тактике администрации и даже по артиллерии, но опыт двух войн спас мое положение, и я удачно отвечал на вопросы. После устных испытаний меня попросили перейти в манеж военного училища, где два драгуна держали под уздцы гнедого коня под английским офицерским седлом. Генерал Эскобар, как кавалерист, взял в руки бич, и я пошел на барьеры. Этому

занятию хорошо обучили в Гвардейской школе, и я легко брал трипель-бар, банкет и каменную стену. После этого генерал приказал мне остановиться и, пожав руку, поздравил с зачислением в парагвайскую кавалерию. Вслед за этим меня поздравили все офицеры комиссии, а в военном министерстве полковник Шерифе похвалил в моем лице русских гусар. Мне было так приятно, что я чуть-чуть не бросился ему от радости на шею.

В тот же день я отправился с майором Гестефельдом в военное интендантство для того, чтобы заказать там форму. Офицерский портной-немец снял мерку и обещал через неделю прислать мне мундир, сюртук, синие бриджи и две пары защитного обмундирования. В соседнем отделении были заказаны пара лакированных ботфорт, каска, лядунка, шарф, эполеты, погоны, темляк и палаш. Теперь оставалось только дождаться декрета президента республики доктора Гондры о моем зачислении в парагвайскую армию. Все это время я проводил в семье Гестефельда, ухаживая за милыми кузинами фрау Марты. Через три дня я прочел в газетах президентский декрет о моем зачислении в армию и, схватив газету, как сумасшедший запрыгал от радости по комнате.

Весь остаток недели я просидел дома, не желая показываться в городе штатским человеком, и выходил только с Гестефельдом в ближайшее кафе выпить очередной пунш. В субботу в восемь часов утра интендантский унтер-офицер принес мне огромный тюк и массу всевозможных свертков. С каким усердием я принялся разворачивать и примерять новую драгунскую форму! Надев синий мундир с малиновыми обшлагами и воротником, опоясав шарф и пристегнув лядунку, я подошел к зеркалу – ив первый момент не узнал свое отражение. Драгунский мундир с эполетами вместо синего пиджака, синие бриджи с малиновыми кавалерийскими лампасами, ботфорты, палаш и каска дополнили красоту моего нового костюма. В таком виде я вышел на улицу. В Николаевском кавалерийском училище существовала традиция, согласно которой по производству в офицеры молодые корнеты давали на чай солдату, первым отдавшему ему честь. В Парагвае я вторично выполнил эту традицию и, подозвав бравого драгуна, отдавшего мне честь, наградил его десятью пезо, за что тот долго меня благодарил и сбегал даже за такси.

Первый визит я сделал, конечно, доктору Риттеру и, не снимая каску, бросился обнимать милого русского человека, помогшего мне снова стать офицером. Рудольф Александрович угостил меня торжественным обедом. Вечером мы пошли в кино. Мне казалось, будто весь Асунсион смотрел на меня и радовался

моему вторичному вступлению в новую жизнь. Риттера знала вся столица, так сказать, все сливки местного общества, находившиеся в кино. Он познакомил меня с лучшими парагвайскими фамилиями, и в том числе с дочерью банкира Маргаритою де Азаведо, приехавшей недавно из Швейцарии и прекрасно знавшей русскую музыку и литературу. Очень красивая барышня произвела на меня прекрасное впечатление. Рудольф Александрович заметил мне вскользь о богатстве ее отца, но я был так счастлив в тот вечер, что расточал свою любезность всем женщинам, не считаясь с их богатством и положением. После сеанса Риттер повез меня ужинать в «Унион-клуб», где мы встретили полковника Шерифе и министра внутренних дел доктора Миранду. Рудольф Александрович пригласил их к нашему столу, и, таким образом, мой парагвайский первый офицерский ужин прошел в довольно знатном окружении.

Ярко, красиво и быстро прошел первый год моей службы в парагвайской армии. Первые шесть месяцев я провел командуя фортом «Генерал Дельгадо», затем, отдохнув в Асунсионе, получил назначение на службу в пограничном городе Энкарнасион. Но вскоре туда приехал неожиданно адъютант военного министра капитан Фрейвальд и привез с собою предписание мне и лейтенанту Шеню немедленно вернуться в Асунсион. Как мы уже знали раньше, в Парагвае шла долгое время упорная борьба между военной партией и профессиональными политиками, игравшими с президентом доктором Гондрою, как с игрушкою. И вот военный министр полковник Шерифе, глава военной партии, стоявшей за изменение некоторых параграфов конституции, вместе с четырьмя полковниками, командирами военных округов, решил заставить президента республики отказаться от власти. С этой целью он приехал ночью во дворец и предложил подписать приготовленный заранее декрет об отречении.

Доктор Гондра возмутился поступком военного министра и, надеясь на верность армии, поехал на автомобиле в казарму гвардейского пехотного батальона. При входе в казарму часовой загородил ему штыком дорогу, тогда Гондра назвал себя и приказал именем республики солдату опустить винтовку и пропустить президента. Но часовой не двинулся с места и ответил ему, что президента он более не знает и подчиняется только военному министру.

Увидев измену батальона, президент вернулся во дворец и подписал отречение. Такое поведение полковника Шерифе возмутило министров и членов парламента. Вступивший в исполнение обязанностей вице-президент доктор Ажала сменил

полковника Шерифе и назначил военным министром полковника Роха, честного и порядочного во всех отношениях офицера. Военная партия не сумела воспользоваться случаем, не распустила парламент и не объявила диктатуры. На бурном заседании парламента депутаты открыто называли полковника Шерифе изменником и врагом республики, требуя над ним суда. Как ни покажется это странным, но армия в тот момент раскололась. Большая часть офицеров приняла сторону Шерифе, меньшая же часть, главным образом националисты, не любившие бывшего военного министра за симпатии к германцам, поддерживала парламент и конституцию.

На сторону военной партии перешел предпоследний президент республики сенатор Шерер, обещая неограниченную помощь Аргентины, и часть депутатов парламента, так же аргентилофилов. В политических кулуарах чувствовалась близость военной революции и гражданской войны. Полковник Шерифе, став военным командиром первого военного округа в городе Парагвари, стягивал туда лучшие части армии и окружил себя германскими офицерами-инструкторами. Его открыто приветствовали в этом командиры округов полковники Мендоса и Брисуэло; в то время как на стороне правительства находился, кроме полковника Роха, один только полковник Шенони, начальник военного училища, а генерал Эскобар, предчувствуя политические неприятности, срочно заболел и уехал к себе в имение. Такие новости привез нам капитан Фрейвалд и просил нас, не задерживаясь, возвратиться в Асунсион. Я подчинился приказанию военного министерства и, сдав свой пограничный пост, поспешил с лейтенантом Шеню на первом отходившем поезде в Асунсион.

В военном министерстве нас разлучили, отправив Шеню в гвардейский эскадрон, а меня временно прикомандировали к саперной роте Эстигарибия, квартировавшей в городе Вилла-Хаес. Городок этот находился на противоположной стороне реки Парагвая, почти напротив Асунсиона. У саперов я сразу заметил подготовку правительства к отпору военной партии. Капитан Эстигарибия, человек полного доверия нового правительства, превратился в неофициального командира округа и формировал усиленным темпом четырехротный саперный батальон. Его помощник капитан Дельгадо занимался отборкою офицерства в новую часть, и мое прибытие, как офицера-иностранца, внесло в их ряды некоторую тревогу. Во всем батальоне я был единственным иностранцем, да еще к тому же понимавшим по гвараны (индейский язык, на котором в интимной обстановке говорят все парагвайцы), который я успел выучить, будучи

командиром форта, могущим теперь выдать шерифовцам их военные планы. Поэтому меня сразу же назначили начальником транспорта и отправили в дальние деревни за лошадьми. Превратившись, таким образом, в ремонтного офицера, я две недели скитался по богатым помещикам, умоляя их продать по баснословно дешевой цене лошадей для саперного батальона. Помещики, скучая в глуши, были рады моему визиту, потчевали обедами, их дочери услаждали игрою на рояле, но лошадей я так и не достал. Вопреки моему предположению, капитан Эстигарибия ничуть не рассердился за полное фиаско с конским вопросом, но даже похвалил меня за усердие и отпустил на неделю в Асунсион.

В это время из Буэнос-Айреса приехал ко мне погостить Василий Волков, мой друг детства, и мы весело провели с ним парагвайский карнавал. Хотя мы и тряхнули стариною и не скучали в Асунсионе на балах, но все же до карнавала в Сан-Ремо здесь было далеко. Пробыв у меня неделю и расхваливая баснословную дешевизну местной жизни, Волков вернулся в Аргентину, а я временно превратился в адъютанта командира саперной роты капитана Дельгадо. Ввиду отсутствия конного состава и при покровительстве командира батальона, я занимался приятным ничегонеделанием. За это время я подружился с лейтенантом Эмильгарехо, и почти каждую ночь мы развлекались в единственном кафе-баре «Эспланаде», откуда были видны огни Асунсиона.

Вначале офицеры батальона смотрели на меня недоверчиво, но потом привыкли и перестали в моем присутствии стесняться, высказывая мысли, враждебные полковнику Шерифе. Наш прямой начальник капитан Эстигарибия был чистокровным парагвайцем, прошел военную школу в Чили и, несмотря на молодость лет, проявлял уже большие способности в тактике и стратегии. Он не доверял вообще иностранцам и ненавидел немцев, занимавших в армии лучшие должности и с иронией относившихся к парагвайцам. Мне кажется, что это и послужило причиною его разрыва с полковником Шерифе и переходом в лагерь конституционалистов. Через много лет из него получился блестящий военный стратег, и парагвайская армия под его командованием выиграла тяжелую войну с Боливией.

Единственным развлечением нашего маленького гарнизона были встречи пассажирских речных пароходов, поднимавшихся по реке из Буэнос-Айреса и спускавшихся в Асунсион из Бразилии. Тогда мы надевали парадную форму, заказывали обед в кают-компании и часто заводили знакомства с хорошенькими пассажирками. Все остальные дни мы скучали по вечерам и

ухаживали за босоногими красавицами, так как лучшего ничего здесь не было.

Но вот в апреле начали собираться тучи на политическом горизонте. Вице-президент доктор Ажала распустил парламент, и военная партия называла его за это диктатором. Тогда полковник Шерифе стал на защиту конституционных прав страны, и, таким образом, они поменялись ролями. Весь апрель 1922 года прошел тревожно, чувствовалось приближение большой политической грозы. В конце месяца саперный батальон вышел на полевые фортификационные работы, и мы, не получая газет, не знали, что творится в столице. 3 мая поздно вечером нас срочно вызвали в Вилла-Хаес, где нас ожидал военный транспорт «Риачуело», и морской офицер, адъютант военного министра полковника Роха, приказал капитану Эстингарибия погрузить ночью батальон в полной боевой готовности для следования в Асунсион. Батальонный командир тотчас же собрал офицеров и сообщил о готовящемся восстании гвардейского батальона. Саперы должны были воспрепятствовать этому, как самая надежная часть. Правительство в данное время опиралось только на гвардейский эскадрон и на военное училище, так как остальные части армии и флота доктор Ажала не считал надежными в политическом отношении.

Всю ночь мы грузили саперное оружие и пулеметы на транспорт, а утром «Риачуело» бросил якорь в Порто-Саксонии, предместье Асунсиона, где находились казармы гвардейского эскадрона. Встретивший меня лейтенант Шеню сообщил, что с часа на час следует ожидать революции.

Так оно и произошло. В Парагвае вспыхнула революция, и полковник Шерифе был объявлен правительством инсургентом, а вице-президент республики поклялся перед народом защищать до конца права демократии. Начальником штаба у революционеров оказался мой приятель майор Гестефельд, а инспектором артиллерии был назначен недавно приехавший из Германии майор фон Рудко-Руджинский. Ночью, не успев еще высадиться, мы были вызваны по тревоге и пошли из Порто-Саксонии в центр города, на площадь Конституции, для обезоруживания гвардейского батальона. К нашему прибытию солдаты и офицеры уже оставили казарму, и часть их направилась на присоединение к главным силам восставших. Без сопротивления саперы заняли оставленные казармы и принялись размещаться в новом помещении. Утром из Кампо-Гранде (окрестность Асунсиона) отошел в Парагва-ри последний поезд, на который погрузился авиационный парк под командой капитана Далькиста и военного летчика лейтенанта Граве. Парк только что был выписан из

Германии полковником Шерифе, но без единого самолета – они еще не успели прибыть из Италии.

Соперник полковника Шерифе по службе, начальник военного училища полковник Шенони, принял команду над правительственными войсками, а энергичный депутат Гарсия принялся формировать из населения добровольческие отряды.

Студенты, рабочие и матросы поддержали правительство, обещавшее провести в стране социальные реформы, и по всему Асунсиону закипела лихорадочная работа. Сменный офицер военного училища капитан Ирасабол занялся формированием эскадрона, другой курсовой офицер-артиллерист принялся развертывать батарею. Все уволенные со службы полковником Шерифе офицеры и все офицеры были призваны в ряды правительственных войск.

Вечером 9 мая был арестован командир военного флота капитан фрегата[2] Эсс и его адъютант Бауер, оба бывшие офицеры. Они были арестованы в Морском собрании во время банкета в честь полковника Шерифе прибывшими туда гардемаринами и отправлены на флагманский корабль «Эль-Триумфо». Таким образом, капитан-лейтенант Монтес де Око, мой большой приятель, сопровождавший нас в форт «Генерал Дельгадо», предотвратил революцию во флоте и превратился в морского министра. Служивший в военном министерстве майор германской службы фон Притвиц унд Гафрон в то же утро подал в отставку, заявив, что он друг полковника Шерифе и не желает оставаться на службе, тем паче что все немецкие офицеры-инструкторы перешли на его сторону. В три часа меня вызвали по телефону в военное министерство. Там я застал военного министра и главнокомандующего правительственными войсками полковника Шенони. Оба они считали меня приверженцем полковника Шерифе и явно не питали ко мне доверия. Поэтому полковник Роха прямо заявил мне, что, будучи офицером-иностранцем, я могу отказаться от участия в военных действиях и уйти в запас. Должен заметить, что я сочувствовал в то время полковнику Шерифе, и с ним были все мои приятели-иностранцы и вообще большая часть офицеров парагвайской армии. Но я не колебался ни минуты и ответил военному министру, что русские офицеры, дав слово служить парагвайскому правительству, свой долг исполнят до конца. Оба полковника крепко пожали мне руку, и по приказанию Шенони я немедленно получил назначение в гвардейский эскадрон помощником к капитану Гарсия де Сунига с производством в капитаны и с приказанием выступить для несения авангардной службы по дороге к городу Сан-Лоренцо. Будучи вторым русским офицером, служившим в

парагвайской армии, я так же должен был принимать участие в революции, как и первый наш гвардейский капитан Комаров, который участвовал в революции 1912 года на стороне президента республики полковника Хара. Взорвав в Парагвари на станции неприятельский поезд с динамитом, он создал себе большую известность в армии. Во время революции сам полковник Хара пал убитым у орудия, а капитан парагвайской службы Комаров попал в плен и был посажен в тюрьму. Благодаря стараниям доктора Риттера его, как правительственного офицера, скоро освободили, и Комаров после этого уехал во Францию.

И вот я, будучи вторым офицером, через десять лет попадаю тоже в революцию. Что делать, от судьбы не уйдешь. С гвардейским эскадроном я выступил в поход, а в это время вокруг Асунсиона рылись окопы и устанавливались батареи. Саперы занимали свои позиции, а канонерские лодки приготовились защищать столицу своими орудиями. В короткое время правительство уже сформировало пять батальонов пехоты, из них только два – регулярной армии, остальные были сформированы из добровольцев, три эскадрона кавалерии, один гвардейский регулярный и два добровольческих и дивизион полевой артиллерии. Из Аргентины прибыли на пароходе два самолета с военным летчиком, английским лейтенантом Стюартом, и сербом Гуманичем. Старший курс юнкеров военного училища был произведен в алфересы (прапорщики), а гардемарины – в младшие лейтенанты с зачислением в батальон морской пехоты. Из четырех военных округов три восстали против правительства и под командой полковника Шерифе двинулись на Асунсион. Безусловно, сила и военная стратегия были на стороне инсургентов, и все были почти уверены в поражении правительства. Заехав к доктору Риттеру попрощаться накануне выступления, я был им выруган за легкомыслие и глупость.

– Что вы, Голубинцев, наделали? – волновался Рудольф Александрович, бегая назад-вперед по кабинету. – Полковник Шерифе – это военная звезда крупной величины, а Шенони в сравнении с ним – круглый дурак. Вот увидите, через два дня инсургенты займут Асунсион и заберут в плен весь этот правительственный сброд. Знаете, что тогда вас ожидает? Либо расстрел, либо тюрьма и вылет из армии. Как мне вас жаль!.. Какая неосторожность!..

Но я, как мог, успокоил расстроенного друга и в ту же ночь выступил с эскадроном из столицы. Пройдя пятнадцать верст по шоссейной дороге, мы в три часа прибыли в Сан-Лоренцо. Младший лейтенант Смит занял со взводом дорогу на местечко Ита. Шеню расположился с драгунами на телеграфе, старший

лейтенант Ортис поместился с полуэскадроном в префектуре, а я с капитаном Гарсия де Сунига поехал на виллу «Амарилья», в дом его семьи, и там я был представлен его матери и сестрам. Ночь прошла спокойно, а в девять часов утра мы получили известие от разъезда старшего лейтенанта Эмильгарехо о наступлении трех пехотных колонн с северо-восточной стороны города. Капитан распрощался с семьей, и в десять часов утра эскадрон на рысях оставил Сан-Лоренцо и отошел к Асунсиону.

Около станции Лагуна к нам приехал на паровозе офицер с приказанием капитану Гарсия немедленно эвакуировать из Сан-Лоренцо вагоны с пшеничной мукой. Считая подобное приказание почти что самоубийством и абсолютно не доверяя мне, как иностранцу, капитан посмотрел на офицеров и, улыбнувшись, решил дать мне удобный случай перейти на сторону инсургентов.

– Капитан Голубинцев, оставьте здесь вашего коня и садитесь на паровоз. Приказываю вам вывезти из Сан-Лоренцо оставшиеся там вагоны с мукою.

Я взял под козырек, передал лошадь вестовому и на паровозе вернулся в Сан-Лоренцо. Инсургенты в город еще не вошли, и железнодорожная станция была свободна. Я отдал распоряжение дежурному по станции относительно пяти вагонов с мукою и поспешил на виллу «Амарилья». Матушка и сестры капитана обрадовались моему неожиданному появлению и угостили обедом. Мило беседуя за чаем-мате, я даже шутил по поводу революции и сравнивал ее с нашим российским «октябрем». Вдруг со стороны дороги на местечко Ита послышались выстрелы. На балкон прибежала племянница капитана, хорошенькая Агнесса, и умоляла поскорее вернуться на станцию.

– Капитан русо, вам нельзя терять время. Революционеры уже в городе. Бегите скорее на станцию! – говорила она, тормоша меня за рукав.

Но мне не хотелось проявлять малодушие перед женщинами и, натренированный в достаточной мере на «революциях», я догадался, что непосредственной опасности еще нет, а стрельбу поднял какой-нибудь неприятельский пикет, которому жители сообщили о пребывании на станции правительственных войск.

Не торопясь я простился с гостеприимной семьей и не спеша оставил виллу. Разъезд занял, по-видимому, префектуру и поднял на площади стрельбу. Тут же появилась опасность попасть в плен, и я увеличил свой ход до бега. Начальник станции, перепуганный моим отсутствием, доложил, что вагоны уже прицеплены и капитан Гарсия только что звонил по телефону и приказал мне возвращаться в Вилла-Мора, предместье Асунсиона. Я поблагодарил дежурного по станции, быстро взобрался на

паровоз и вторично покинул Сан-Лоренцо, увозя с собою запасы муки и все бывшие на станции пустые вагоны.

Через четверть часа после моего отъезда в город вступили главные силы инсургентов, а я в это время благополучно прибыл в Вилла-Мора и сдал капитану Гарсия свой товарный поезд. Мой поступок понравился офицерам, и они долго расхваливали «героическую эвакуацию» Сан-Лоренцо.

Вдоль железнодорожной линии была сосредоточена вся правительственная кавалерия. В Вилла-Мора остался наш эскадрон на ночь, в Сан-Лукас находился эскадрон капитана Ирасабаля, сплошь состоявший из новобранцев, а в предместье Тринидад стоял бивуаком майор Вальдес со своим знаменитым эскадроном «привидений» из добровольцев гаучо (ковбоев), славившихся своей лихостью.

Ночь в сторожевом охранении прошла спокойно, и наутро в Вилла-Мора прибыл командующий правительственной кавалерией майор Торрес. Переговорив с капитаном Гарсия де Сунига, он приказал эскадрону перейти на авениду Петироси и оставаться там для защиты столицы с северной стороны, считая это место самим опасным в стратегическом отношении и сейчас плохо защищенным. Прибыв к месту назначения, капитан выслал меня с тридцатью драгунами вперед, до пересечения авениды с улицей Лавров, где я должен был изображать авангард нашего эскадрона.

На рысях мы прибыли на улицу Лавров, лежащую на отдаленной окраине города. По обеим сторонам дороги тянулись фруктовые сады с проволочною оградою, и, таким образом, для действий кавалерии оставалась свободной только лишь одна шоссейная дорога. Я выслал вперед двух дозорных, разместив остальных драгун на перекрестке дорог так, чтобы одна их часть находилась слева, а другая справа улицы Лавров, оставляя шоссейную дорогу совершенно свободной. Своему помощнику лейтенанту Шеню я поручил пятнадцать драгун и приказал стать в резерв на улице Солнца. Ввиду зимнего времени, на солдатах были надеты синие мундиры с малиновыми обшлагами и воротничками, что создавало весьма красивую батальную картину. Спешив людей, я подозвал к себе старшего сержанта и попросил его ориентировать меня в этой совершенно незнакомой мне части города.

Через полчаса после нашего прибытия ко мне прискакали дозорные и доложили, что по шоссейной дороге из Сан-Лоренцо движется пехотная колонна противника. Вспомнив заветы фельдмаршала Суворова – быстрота, глазомер и натиск, – я посадил по коням свой взвод и подал команду вынуть сабли и

взять пики к бою. По семь человек с каждой стороны дороги мы гуськом пошли рысью навстречу противнику. Через несколько секунд показалась на дороге пыль, и мы увидели за поворотом улицы неприятельскую пехоту. Ничего не подозревая, они шли походным порядком без дозоров, с винтовками, висевшими на плечевых ремнях. Вид у солдат был усталый, по-видимому, они совершили большой переход.

Подпустив колонну приблизительно на двести метров, я крикнул: «Да здравствует президент Гондра!» – и бросился на инсургентов в конную атаку. Атакованные врасплох конницей, пехотинцы обратились в бегство и скрылись в апельсиновых садах. Взяв на дороге в плен восемнадцать солдат и двух сержантов, я отправил первый трофей правительственных войск к майору Торресу. Оправившись после неожиданного нападения, противник перешел в наступление вдоль садов и, под прикрытием проволочной ограды, принялся обстреливать нас ружейным огнем. Не желая понапрасну терять людей, я отошел на угол авениды Солнца. Лейтенанта Шеню я отправил в тыл с пленными и на его место назначил сержанта Рескина. Предполагая, что кавалерия вернулась в Асунсион, пехота снова перестроилась в поход-порядок и вытянулась по авениде Петтироси.

Воспользовавшись такой небрежностью противника, мы вторично опрокинули пехоту конной атакой. На сей раз мне очень помог расторопный сержант Рескин со вторым взводом, разбив противника. Я опять занял Лавровую улицу и, спешив затем драгун, рассыпал их цепью по соседним апельсиновым садам. В пешем строю мы отбили пехотную контратаку и удержали за собою улицу.

Поздним вечером нас сменил третий взвод, с лейтенантом Ортисом. Он подъехал ко мне и, обняв, поздравил с победою.

– Капитан русо, все мы, офицеры эскадрона Эскольты Президента, сегодня гордились вами. Майор Торрес и капитан Гарсия де Сунига просили передать вам их благодарность за вашу конную атаку.

На радостях я расцеловался с ним по русскому обычаю и в половине десятого вечера вернулся в Асунсион. Вокруг города были вырыты окопы, и в них сидела правительственная пехота с пулеметами. Нервное состояние было настолько сильно, что меня чуть-чуть не обстреляли, приняв наш возвращавшийся полуэскадрон за противника. Каждый раз приходилось останавливаться, ждать офицера, вести с ним долгий разговор и в иных случаях показывать даже свое удостоверение личности. Все это происходило потому, что большинство офицеров меня еще не знало и принимало наших драгун за инсургентов, желающих

прорваться в столицу.

На авениде Южного Креста я встретил на белом коне майора Торреса со штабом и капитаном Сунигой. Мое появление их встревожило. В ночном мраке они неожиданно увидели драгун, шедших с неприятельской стороны. Майор Торрес выехал нам навстречу и громко крикнул:

– Какая часть?

– Полуэскадрон Эскольты Президента возвращается с улицы Лавров, – отвечаю я, подъехав к нему с рапортом.

Майор Торрес крепко пожал мне руку и сказал окружающим его офицерам:

– Сегодняшний бой на улице Лавров принес русскому капитану лавровый венок.

Но больше всех был доволен капитан Гарсия де Сунига, я прославил в первом сражении его эскадрон. Подъехав, он похлопал меня по плечу и протянул походную флягу с ромом. Тут только я вспомнил, что с утра еще не успел выпить кофе. Попросив у майора разрешение, я верхом отправился ужинать.

Проезжая по авениде Петтироси, я заехал к доктору Риттеру на виллу Ньяндути. Рудольф Александрович уже знал про атаку и поздравил меня с блестящим началом боевой репутации.

– Ну, вот видите, я никогда не сомневался в ваших боевых качествах. Но, мой милый, жалко будет расставаться с армией, а это последует неизбежно с приходом в Асунсион армии полковника Шерифе. Очень жаль, что вы не перешли на его сторону. Все же, как русский человек, приветствую в вашем лице наше доблестное офицерство. Очень рад за вас.

Я успокоил старого друга и сказал, что полковник Шерифе так легко не вступит в Асунсион. Рудольф Александрович покачал головою и назвал меня неисправимым оптимистом.

В ресторане «Альгамбра» посетители встретили меня аплодисментами, а услужливый гарсон любезно положил на прибор вечерний выпуск газеты «Эль Аибераль», поздравив в лестных выражениях с боевым успехом. Я взглянул на газету и прочел на первой странице заголовок жирным шрифтом: «Капитан Сакро Дьябло».

Военный корреспондент с фронта описал на целой странице мою атаку на батальон майора Вейса, сравнив эскадрон Эскольты с донскими казаками, неустрашимо громившими врагов. Меня же он назвал, за трудностью произношения моей фамилии, Сакро Дьябло – кличкой, оставшейся за мною на все время службы в парагвайской армии.

Откровенно говоря, мне было приятно чувствовать себя героем дня, и по этому поводу я выпил даже бутылку

шампанского. На следующий день все газеты писали о нашей атаке, поместили даже мою фотографию и назвали «тузом правительственной кавалерии». Так счастливо прошел мой первый конный бой в Южной Америке под созвездием Южного Креста. Я был, конечно, счастлив, но в то же время и печален. Мне недоставало женского сочувствия и хотелось хоть немного любви.

На военном совете 29 мая решено было наступление армии полковника Шерифе.

В первых числах июня инсургенты окружили Асунсион, и жители столицы ожидали со дня на день штурма. В городе сразу замерла повседневная жизнь, улицы наполнились солдатами, грузовики проносились с амуницией, сестрами милосердия и врачами, разъезжающими по открытым бой-скаутами полевым лазаретам. Правительственная пехота окопалась на стратегических высотах, шесть полевых орудий были расположены на самих опасных пунктах, и кавалерия, стоя на флангах, охраняла столицу от неожиданных неприятельских атак. На реке Парагвае канонерские лодки «Эль Треумфо» и «Адольфо Рикельмо» защищали центральные позиции своими тяжелыми пушками «Виккерс».

Необходимо отметить необыкновенную энергию, с которой правительственная партия принялась за работу. Начиная с простого рабочего и кончая сенатором, все старались помочь общему делу в страшной схватке с военными инсургентами. Но в среде кадровых офицеров чувствовалось недоверие к добровольческим частям, и многие из них открыто предсказывали грядущую катастрофу. На столицу наступали три военных округа под предводительством лучшего стратега, и боевыми операциями руководили получившие опыт в минувшей Великой войне офицеры германского Генерального штаба.

8 июня в семь часов утра полковник Шерифе приказал своей армии начать наступление по всему фронту. Наш эскадрон Эскольты в это время находился на высотах местечка Ламбари, и, таким образом, мы были свидетелями разыгравшегося боя между правительственными войсками и инсургентами. Девятью батальонами пехоты при двенадцати легких орудиях и тремя эскадронами регулярной кавалерии полковник Шерифе начал штурм Асунсиона. Свою кавалерию он пока оставил в резерве при Ставке, надеясь использовать ее в последний момент, так сказать, во время своего торжественного вступления в побежденный город. Один только эскадрон лейтенанта Гарделя наступал спешенным в цепи вместе со штурмующей пехотой.

В этом сказывалась чисто германская тактика. Как ни просил

полковника Шерифе начальник их кавалерии, старый, вступивший в строй из резерва полковник Хозе Хиль, дать ему возможность действовать самостоятельно со своей конницей и прорвать пехотный фронт правительственных войск, Генеральный штаб инсургентов, состоявший из германских офицеров, считал, основываясь на практике Великой войны, кавалерию отжившим родом оружия и не придавал ей никакого значения.

Как это было похоже на наше Белое командование!..

С семи часов утра до трех часов дня с обеих сторон продолжался упорный бой. Грохот орудий, стрекотня пулеметов и ружейная стрельба создавали иллюзию большого, настоящего сражения, хотя это была только гражданская война, полная всевозможных неожиданностей. В полдень к нам приехал офицер из военного министерства и сообщил малоутешительную новость. Противнику удалось потеснить нашу пехоту (плохо обученную) и занять первую линию окопов. Два правительственных батальона были разбиты и оставили район Зоологического сада. От этого офицера мы узнали также о большом количестве раненых.

Подобные новости подействовали на нас удручающе, к тому же и само правительство было почти уверено в разгроме и заранее выдало каждому офицеру заграничный паспорт с визой в Аргентину. Офицеры эскадрона Эскольты решили, в случае неудачи, отступить к берегу реки, передать лошадей драгунам и, сев в лодки, переправиться на противоположную сторону, где находилась поблизости аргентинская граница.

После полудня бой усилился и с реки загремели орудийные залпы с военных кораблей. Капитан Гарсия де Сунига волновался, то и дело подходил к телефону, но из штаба нам не передали ни одного приказания. В три часа прибыл в Ламбари эскадрон капитана Ирасабеля. Командир эскадрона остановился у нас на вилле и за обедом рассказал, как противник занял улицу Луны и укрепился в здании германского посольства. Лейтенант Парани с правительственной пехотой выбил штыковой атакой инсургентов из посольства и захватил в плен офицера с пулеметом. Вернувшись в германское посольство, он приказал снять немецкий флаг и, разорвав его, бросил под ноги своим солдатам. Почти все немцы были сторонниками полковника Шерифе, и поэтому ненависть народа к нему была очень велика.

В пять часов дня, потеряв два орудия, шесть пулеметов, двести человек солдат и пять офицеров, полковник Шерифе отступил в предместье столицы Вилла-Мора. В преследование отступившей армии полковник Шенони бросил свою кавалерию. Капитан Ирасабель окружил роту противника в предместье Тринидат, обстрелял ее и целиком взял в плен. Эскадрон

«привидений» майора Вальдеса занял после короткого боя город Луки. Наш эскадрон Эскольты атаковал батальон майора Вейса, с которым я сражался на улице Лавров. Два раза ходил на него в атаку и, разбив деморализованного врага и заставив его сложить оружие, ночью вступил на улицу Вилла-Мора. Капитан Сунига лично занялся допросом восьми пленных офицеров, старший лейтенант Эмильгарехо получил приказание доставить в Асунсион пленных солдат, а я, устав после сражения, отправился на розыски какого-нибудь ресторана, в надежде подкормиться хотя бы даже холодною закускою.

Во время боя жители при первых выстрелах закрыли – из боязни – окна и двери, то же сделали и содержатели местных ресторанов. Уныло, безлюдно и сиротливо смотрели на меня темные дома. На улицах – ни души, изредка вслед мне открывалось какое-нибудь окошко, и на мгновение появлялось испуганное лицо любопытного гражданина или его супруги. В гробовой тишине и во мраке я доехал до площади Конкордия и увидел, наконец, свет в большом загородном ресторане.

Обрадовавшись, я соскочил с седла и, передав коня вестовому, вошел в ресторан. По случаю только что окончившегося сражения общий зал пустовал, отсутствовали музыканты и не было даже гарсонов. Подойдя к буфету, я попросил у хозяина, толстого итальянца, дать мне что-либо закусить и выпить. От усталости я сел на высокую табуретку и снял фуражку. Заметив мою английскую офицерскую шинель времен Добрармии и светлые волосы, хозяин принял меня за германского офицера-инструктора и, выбежав из-за прилавка, стал радостно пожимать мне руки.

– Добрый вечер, дорогой капитан. Я так и думал, что полковник Шерифе разобьет эту жалкую банду адвокатишки Ажалы! Теперь вы сами убедились, что у правительства нет настоящих солдат: понабирали всяких босяков-рабочих да головорезов гаучо!.. – обратился он ко мне с пылкой речью.

Не обращая внимания на его излияния, я выпил две рюмки коньяку и, закусив слоеным пирожком, посмотрел искоса на моего толстяка итальянца.

– Ну, что вы скажете, капитан, каков герой наш полковник Шерифе! – не унимался словоохотливый сицилианец.

– Что и говорить, дорогой Луиджо, – ответил я ему в том же тоне, – если итальянский король пришлет ему на помощь своих барсальеров, революционеры, может быть, тогда и возьмут Асунсион.

Мои слова подобно грому среди безоблачного неба ошеломили хозяина. Он раскрыл рот и, вытаращив глаза, смотрел

на меня не мигая. Чтобы окончательно рассеять все сомнения, я попросил подать еще рюмку коньяку и вынул из кармана белую повязку. Разгладив ее как следует перед глазами оторопевшего итальянца, я надел на левый рукав шинели знак отличия правительственных войск. Тут бедный Луиджо потерял самообладание и с трясущимися губами стал умолять не доносить на него властям, он божился и клялся, что спутал меня с немецким офицером и что его наилучшие пожелания всегда были на стороне гениального политика доктора Ажалы. Я похлопал его по плечу и, конечно, простил итальянцу такую оплошность. Окончательно расчувствовавшись и желая угодить и расположить в свою сторону, хозяин откупорил бутылку кьянти и, наполнив наши бокалы, поднял тост за «нашу сегодняшнюю победу над диктаторами».

В этот момент распахнулись двери и в зал вошли, гремя саблями и шпорами, два моих приятеля – лейтенанты Шеню и Смит.

– А, капитан Сакро Дьябло уже здесь, выпивает и закусывает! – закричал Шеню, вырывая у меня из рук очередной пирожок.

– Мы голодны, как гиены, и хотим, конечно, утолить и жажду! Ба! Да ты никак пьешь кьянти?.. Дорогой, ну, дай мне хоть глоточек этой целебной влаги.

Хозяин при виде офицеров весь преобразился, схватился руками за лысую голову и закричал на весь зал: «Вот они, наши герои, наши спасители и благодетели! Для победителей старику Луиджо ничего не жалко. Сейчас вам, мои милые, все будет готово – и ужин, и наше итальянское вино!»

Я послал вестового за капитаном Сунигой и лейтенантом Ортисом, приглашая их от лица хозяина ресторана на лукуллов пир. Капитан долго не мог понять причину, заставившую хозяина-итальянца так сердечно приветствовать правительственных офицеров, но когда я рассказал ему в шутливом тоне про мое знакомство с Луиджо, то Гарсия смутился и даже поперхнулся вином. Но мы были, как и полагается победителям, в благодушном настроении и под утро расстались с ним друзьями, я бы сказал, «дорогими» друзьями.

После неудачного штурма Асунсиона полковник Шерифе отступил с главными силами в город Парагвари и, заняв ближайшие к столице городки Иту и Такварaль, стал ожидать подкреплений, спешивших из города Консепсиона с командиром четвертого военного округа подполковником Брусуело во главе. На помощь инсургентам шли форсированным маршем два батальона пехоты, пулеметная рота, полевая батарея и эскадрон

кавалерии. Довольно большие силы, но им нужно было покрыть пятьсот километров, для того чтобы соединиться с революционерами, а за это время весь отряд должен был потерять по крайней мере треть своего состава от утомления, жажды и болезней.

Эскадрон Эскольты утром оставил Виллу-Мора и в час дня вошел в оставленное противником Сан-Лоренцо. Дорогою капитану Гарсия де Суниге передали, будто бы его сестер изнасиловали революционеры, но это оказалось ложью, и, встретив семью в полном здравии, он устроил на радостях званый бал. Его красавицы сестры и кузины обступили меня, расспрашивали про возвращение с товарными вагонами и говорили, что через пять минут после моего отъезда со станции в город вошел с эскадроном лейтенант Гардель, большой приятель капитана Суниги, который успокоил их и просил не беспокоиться. Вообще революционеры вели себя весьма корректно и были уверены в своей победе.

– Да что вы здесь рассказываете капитану про инсургентов. Вы бы его расспросили про конную атаку на улице Лавров, которую брат только что описал маме! – раздался сзади меня голос, и на балконе появилась младшая сестра капитана, очень красивая брюнетка Каролина.

В прошлый мой визит я не встречал ее и был поражен сходством этой черноокой сеньориты с северной брюнеткой, которую мне пришлось оставить в далеком Орле. Не сводя глаз с Каролины, я рассказал сестрам вкратце про конную атаку и отправился разыскивать Шеню, чтобы навести у него справки относительно младшей сестры Суниги. Лейтенант улыбнулся и пояснил мне, что юная красавица уже невеста молодого адвоката, находящегося в лагере Шерифе, но я не обратил на это внимания и принялся ухаживать за молоденькой Каролиной.

Она все больше и больше напоминала мне дорогие, но умершие для меня черты лица русской барышни в далеком Орле. Я почувствовал, что нашел теперь то, чего мне недоставало в Южной Америке, я – влюбился. Во время бала гусарское сердце забилось под парагвайским мундиром, и под звуки Санта-Фе я почти объяснился в любви изящной красавице парагвайке. Мое искреннее признание ее тронуло, и Каролина весь вечер находилась в моем обществе. Как я был ей за это благодарен! Теперь и у меня имелась дама сердца, за которую можно, в конце концов, сложить свою буйную голову. После бала Каролина вызвала меня в коридор и, покраснев до ушей, подарила на счастье образок Божьей Матери. Внимание это меня так тронуло, что я не мог удержаться и, обняв за талию, крепко поцеловал

чужую невесту.

А наутро наш эскадрон выступил по дороге на занятое противником местечко Ита. При расставании с семьей капитана Суниги сеньорита Каролина, или, как ее называли домашние, Айна, держала себя довольно сдержанно, как и полагалось невесте, но в последний момент не выдержала и передала мне на память о вчерашнем бале цветок олеандра. Сестры начали поздравлять меня с успехом, а капитан погрозил сестре пальцем. Ему определенно не понравилось поведение «маленького разбойника», бывшего невестой и поэтому не имевшего права кокетничать с посторонними мужчинами, хотя бы они и были товарищами ее брата.

Эскадрону пришлось пройти около тридцати километров, погода сильно изменилась, и начался холодный зимний дождь. Глинистая дорога превратилась в отвратительное болото и была малопригодна для передвижения кавалерии. Первый раз в жизни мне пришлось здесь познакомиться с так называемой «лестницей мулов», то есть с бесконечными глубокими ямами, в которых лошадиные ноги скрывались по колена. Движение эскадрона замедлилось до крайности, мы не могли делать даже трех километров в час. Поздним вечером мы остановились на ночевку в небольшой энстанции (имении), в нескольких километрах от Ита.

Ранним утром капитан Сунига спешил драгун и сам повел эскадрон в наступление на местечко. Меня он оставил со взводом в резерве, а лейтенанты Шеню, Смит и Ортис атаковали инсургентов с трех сторон. Первым в местечко вошел взвод лейтенанта Смита, потеряв двух солдат убитыми и семь ранеными. Выбитые из Ита революционеры отступили вечером в соседнее местечко Жагварон, а мы в темноте должны были подбирать раненых драгун и хоронить убитых, чтобы от жителей скрыть потери, дабы не печалить матерей, у которых в наших рядах служили дети. В два часа ночи мне удалось только закончить переноску раненых в здание префектуры и отправиться спать на квартиру зубного врача доктора Битерлиха, встретившего меня довольно радушно и угостившего прекрасным яичным коньяком.

Утром следующего дня в Ита прибыл майор Торрес со штабом конной группы. Он приказал капитану Суниге укрепиться с эскадроном в местечке и ожидать, пока пехота не овладеет на железной дороге городом Такварал. Местное общество устроило в честь победителей бал, и мне опять пришлось танцевать Санта-Фе, испанский танец, похожий на кадриль, под аккомпанемент кастаньет. Время проходило довольно весело, я успел

перезнакомиться со всем здешним женским мирком и решил, наконец, отлучиться без предварительного согласия капитана в Сан-Лоренцо. Своими мыслями я поделился с Шеню, который переехал ко мне на квартиру. Тот нашел идею гениальной и упросил взять его с собою.

Сдав первый взвод сержанту, мы попросили дочь нашей новой хозяйки, миловидную барышню Кармен, распустить слух о нашей внезапной болезни и, приказав вестовым подать в шесть часов коней, покинули Ита. Всю дорогу мы весело болтали и неожиданно для самих себя рано прибыли в Сан-Лоренцо. Сестры капитана были радостно удивлены нашим появлением, Каролина слегка покраснела и, пожав мне руку, назвала неисправимым Сакро Дьябло. Отобрав у Шеню коня, я предложил ей совершить маленькую прогулку до их Оранжевого имения, находившегося в пяти километрах от Сан-Лоренцо. Лина подумала немного, потом посоветовалась с кузиною Агнессою и под строжайшим секретом приняла предложение. Прогулка верхом напоминала мне чудные дни, проведенные в Орле, нашу милую компанию, и я, расчувствовавшись, объяснился ей в любви. Сеньорита взглянула на меня печальными глазами и чистосердечно призналась, что питает ко мне большую симпатию.

– Капитан, – сказала она, – вы милый человек и мне нравитесь, но я не хочу от вас скрывать, что мы поздно встретились. К сожалению, я дала слово другому и семья не позволит мне нарушить обещание.

Проговорив все это, Лина ударила хлыстом коня и понеслась галопом по дороге. Я тоже пришпорил Капорала и, нагнав девушку, проговорил:

– Айна, зачем так говорить, раз вы сами сказали, что симпатизируете мне, то почему вы не вернете обручальное кольцо жениху и не скажете ему, что любите меня. Я русский, мы можем уехать в Аргентину, и там никто из вашей семьи нас не увидит. Лина, дорогая, согласитесь стать моею женой!

Каролина остановила коня и тихо ответила:

– Капитан, я вас тоже люблю, но у меня нет слов, я сама не знаю, что делать, но нарушить обещание я не могу!

На глазах у нее навернулись слезы, мне искренне стало жаль девушку, и я нежно поцеловал ей руку. Мною овладело странное чувство, в тот момент для нее я был готов на все.

После ужина мы расстались с радушной семьей капитана и, сев в седла, воспользовались чудной лунной ночью. Расстояние до Ита мы прошли в полтора часа. Домой мы приехали в разгар очередного бала, устроенного префектом города в честь офицеров эскадрона Эскольты. Соскочив с коней, мы как ни в чем не бывало

вошли в зал. Я подошел к английскому летчику лейтенанту Стюарту, прибывшему в Ита со своим аэропланом, чтобы помочь нам взять завтра Жагварон, и выпил с ним по этому случаю рому, любуясь Шеню, неподражаемо танцевавшим танго с хорошенькой Карменситой, сохранившей в тайне наше путешествие. Капитан Сунига сделал вид, будто бы не заметил нашего отсутствия, так как в противном случае обязан был бы запечь нас под суд за самовольную отлучку с места военных действий. Но жизнь в военное время совсем не так страшна, как о ней думают, и все обошлось для нас благополучно.

После бала капитан предложил офицерам устроить традиционную фару. Этот испанский обычай пришел в Парагвай со времен их владычества над Южной Америкой. Забрав с собою местных музыкантов, мы отправились гулять по улицам местечка и, останавливаясь перед окнами знакомых барышень, приветствовали их серенадами, за что, в свою очередь, получали из раскрытых окон благодарность в виде воздушных поцелуев и «мучас грациас» (большое спасибо). Закончив фару с наступлением утра, офицеры разошлись по домам, для того чтобы к восьми часам быть готовыми к выступлению.

На площади перед ратушей эскадрон выстроился, и майор Торрес произнес прочувственную речь, после которой капитан Сунига выехал вперед и скомандовал: «Эскадрон, а дерейта румпен мар!» Мы сделали поворот направо и шагом вытянулись на улице по направлению к городу Жагварону.

Неподалеку от него эскадрон остановился и спешился для отдыха. Взяв полуэскадрон, я пошел в пешем строю в обход Жагварона с северной стороны. После небольшой перестрелки с засевшими в городе кавалеристами мы заняли кладбище и я отправил ординарца с докладом капитану. Полковник Хозе Хиль заперся со своими людьми в огромном иезуитском монастыре и оттуда стрелял по окружающим его драгунам. Несколько раз наши солдаты бросались к дверям монастыря, но каждый раз огонь из окон отбивал все попытки ворваться во внутренность здания. В этом бою был ранен в руку лейтенант Смит и восемь драгун. На выручку Хозе Хиля полковник Шерифе выслал из Парагвари батальон пехотинцев, и мы принуждены были отступить в Ита.

Во время сражения у Жагварона лейтенант Стюарт сбрасывал с аэроплана бомбы в расположение инсургентов и, увлекаясь воздушным боем, слишком низко атаковал пехоту. Попавшая в бензинный бак пуля произвела взрыв, и храбрый офицер вместе с наблюдателем сгорели в воздухе. Полковник Шерифе устроил врагам торжественное погребение, и мертвым летчикам были

оказаны все воинские почести.

Но вот под натиском правительственной пехоты пал на железной дороге город Такварал, и победоносные батальоны вошли в Ита. На следующее утро второй батальон капитана Фернандеса пошел в бой, а наш эскадрон под командою самого майора Торреса зашагал в тыл к неприятелю и атаковал уходившую из Жагварона на Парагвари конницу полковника Хозе Хиля. В этом бою я любовался пехотинцами капитана Фернандеса. На окраине местечка наш эскадрон неожиданно попал в засаду и, стиснутый между домами и заборами, пришел в замешательство. В этот опасный для нас момент появился капитан Фернандес с ротою. Молниеносно сообразив положение вещей, этот храбрый офицер бросился на выручку и штыковым ударом спас от гибели эскадрон, опрокинул противника и, развивая успех, к вечеру завладел Жагвароном.

Прибывший на место военных действий главнокомандующий правительственной армии полковник Шенони приказал эскадрону капитана Ирасабаля вместе с эскадроном Эскольты ночью атаковать укрепленную Ставку полковника Шерифе в городе Парагвари. Но тот, в ожидании подхода войск полковника Брисуелло, оставил город без боя и отошел в Кордильеры на Сьерра-Леоне. Непосредственно вслед за инсургентами вошел в Парагвари Ирасабаль, и в полдень туда прибыл эскадрон Эскольты. Парагвари – очень красивый город с домами в готическом стиле, сплошь заселенный немцами. По величине он гораздо больше Ита и Жагварона и много чище его. В нем было даже несколько приличных ресторанов и бирхалле. За неимением свободных помещений нам пришлось разместить драгун внутри собора, а офицерам перебраться в самую большую гостиницу, в которой мы и прожили два дня.

Здесь нам впервые пришлось заметить враждебное отношение местных жителей немцев, всецело сочувствующих полковнику Шерифе. Местные блондинки отворачивались от нас на улице, и мэр города вовсе не подумал устроить в нашу честь бал, а напротив, просил не размещать офицеров по частным квартирам и отказался снабжать нашу армию продовольствием.

Из Парагвари эскадрону Эскольты было приказано идти на юг и занять город Карапегва, чтобы не дать возможности инсургентам отступить в глубь Кордильер, где им могли помочь тамошние гаучо – «монтанеры». С легким сердцем мы покинули Парагвари. Оставляя город, мы не могли похвастаться победами над местными валькириями, но зато долго вспоминали уютные «бирхалле» с холодным пивом под звуки старенького немецкого органа.

Карапегва – богатый город горных помещиков, и здешние устроили в честь офицеров правительственной кавалерии несколько праздников. На городской площади убивали жирных быков, и тут же на свежем воздухе приготовлялась аппетитно пахнувшая «чураскада» (своего рода шашлык, запиваемый золотистым ромом – канья вьеха). После обильной закуски и выпивки граждане усаживались с офицерами в кружок, и на сцене появлялся неразлучный парагвайский чай-мате. Серебряная чаша наполнялась ароматной травой, наливалась горячая вода, и чаша передавалась по очереди каждому из присутствовавших, который пил мате через серебряную трубочку – бомби лье. Вечером пускались ракеты, гремела музыка, и смуглые дочери Кордильер кружились в вихрях танцев с веселыми кавалерийскими лейтенантами.

Капитан Сунига хотел задержаться в Карапегве, но, к несчастью, из Парагвари прискакал курьер от майора Торреса с приказанием спуститься опять к железной дороге и занять местечко Эскобар. Нехотя расставшись с гостеприимной Карапегвой, эскадрон оставил Кордильеры, вышел на железнодорожное полотно и после короткого боя занял маленький городок Эскобар. Там мы соединились с эскадроном «привидений» майора Вальдеса и узнали от него, что на следующей железнодорожной станции Кабалеро находится штаб передовой группы инсургентов.

Услышав это, лейтенанты Шеню и Ортис уговорили меня поехать за нашу линию и потревожить революционеров. Я согласился. Мы выехали за линию наших дозоров и остановились около усадьбы, лежавшей в нейтральной полосе. Оттуда была видна как на ладони станция. У платформы стоял под парами, готовый в любую минуту отойти, штабной поезд, а в местечке, высоко подбрасывая пламя, горели солдатские обеденные костры. Нас соблазнил вид мирно отдыхавшего неприятеля, и мы принялись обстреливать инсургентов из окон фермы. В ответ нам застрочил пулемет из полевой заставы, и два солдата бросились опрометью бежать на станцию с донесением. Сразу в неприятельском лагере все закопошилось, кавалеристы принялись ловить коней, пехота рассыпалась в цепь, и к полевой заставе подошло подкрепление.

Обрадованные проделкою, мы хотели вернуться в лагерь, но в этот момент, поднимая по дороге столбы пыли, показался эскадрон Вальдеса. Его гаучо пошли в атаку, думая, что противник атаковал наши дозоры. Вслед за ними показался с эскадроном капитан Сунига, и мы атаковали неприятеля во фланг. Таким образом, наша шутка превратилась в настоящее

сражение. Во время конной атаки подо мною ранили коня, и, спешив взвод, я в пешем строю повел драгун на станцию, и мы вошли в Кабалеро. Потерпев новое поражение, революционеры отступили на станцию Сабукай. В этом сражении не повезло альфересу Ортису, его легко ранили в руку, и капитан Сунига устроил по этому поводу импровизированное празднество с обильным возлиянием в честь многотерпеливого Бахуса.

К полудню на станцию Кабалеро прибыл из Асунсиона бронированный поезд с длинноствольными орудиями – «Виккерс», или, как их здесь называли, «Викер-гвассу» (большие Виккерсы). Матросы обслуживали на площадках орудия, и мне сразу припомнилась Добровольческая армия, до того все это напоминало наши самодельные бронепоезда.

С ними приехал аргентинский кинооператор, который немедленно принялся крутить с натуры парагвайскую революцию. Эскадрону Эскольты пришлось для него «изображать» конные и пешие атаки, в которых капитан Сунига на белом коне бесстрашно водил наступающие цепи, и, откровенно говоря, из фильма получилась развесистая клюква. На мою долю выпала роль актера. Несколько раз я дико скакал по плацу с донесением, водил по карте перстом, изображал «военный совет» и пропускал мимо себя по нескольку раз первый взвод, изображая «кавалерийский полк», выходивший к месту боя. В довершение всего этот кинооператор долго тряс мою руку, благодарил за прекрасную постановку и восторгался фотогеничностью моей физиономии. Убедиться мне в этом, к сожалению, так и не пришлось – фильма «Парагвайская революция» я увидеть на экране не смог. Но ничего не поделаешь, нельзя испытать сразу все житейские прелести! Теперь мы даже изображали настоящую революцию в поле, а на экране пусть уж, так и быть, ее посмотрят другие.

Итак, вернемся в занятый противником Сабукай. Эта железнодорожная станция и местечко лежали у подножия Кордильер. Пехота, под прикрытием пушек с бронепоезда, повела наступление вдоль железнодорожного полотна, а кавалерия поднялась в горы, чтобы атаковать местечко во фланг. В Кордильерах засел на лесопилке неприятельский эскадрон, и нам пришлось его оттуда выбивать. Красивую атаку совершил лейтенант Смит. Ворвавшись в конном строю на лесопилку, он выбил противника и захватил два пулемета. Находившийся с нами майор Торрес приказал капитану Суниге не задерживаться в лесу и постараться сегодня же пройти к Сабу каю.

Пробираясь по лесной дороге, мы вдруг заметили в горах, почти над самыми головами, массу всадников и в бинокль

различили в них диких полуиндейцев «монтанеров». Капитан Сунига спешил два взвода и приказал мне с лейтенантом Шеню немедленно атаковать их, чтобы дать возможность остальным людям выйти из-под неприятельского обстрела. Я осмотрел скалы – там все было черно от людей. На первый взгляд их было более двухсот человек. Зная меткую стрельбу монтанеров, Шеню саркастически улыбнулся.

– Сакро Дьябло, сегодня на нашу долю выпала неприятная задача, – проговорил он, заряжая карабин, – мы должны прикрыть собою отступление эскадрона, и я сомневаюсь, что нам удастся присоединиться к своим!

Я молча пожал ему руку и, рассыпав драгун в редкую цепь, повел полуэскадрон в наступление на горные вершины. Пройдя, таким образом, около пятисот шагов в гробовой тишине, я вдруг заметил скакавшего нам навстречу всадника, державшего высоко над головой свое ружье. Я приказал солдатам не стрелять в него и, остановив цепь, ожидал его приближения. Подъехав к цепи, индеец увидел на мне серебряные офицерские погоны, спрыгнул с коня и на ломаном испанском языке объяснил, что их начальник – кавдилье – стоит на стороне президента республики, и они, таким образом, не враги, а наши друзья и союзники. Из его речи я понял только половину, а остальное добавил от себя по воображению и, желая убедиться в правильности своих догадок, обратился к индейцу на его родном языке:

– Нде, сераы арекой гвараны? (Ты, сын мой, говоришь по-индейски?)

Воин обрадовался и подтвердил мне, что они шли к нам на присоединение. Я научился говорить по-индейски в форте «Генерал Дельгадо», скуки ради, и теперь только понял пользу этого. В Парагвае, в мое время, говорило по-индейски почти все простое население и были часты случаи, когда солдаты не понимали испанского языка. Отправив драгуна с донесением к капитану Суниге, я взял Шеню под руку, и, облегченно вздохнув, мы пошли с индейцем в деревню монтанеров. На горной площадке нас окружили всадники и на своем гортанном языке приветствовали в нашем лице правительственные войска. Среди индейцев выделялся костюмом красивый метис на чудном вороном коне. Подъехав к нам, он подал руку и представился. То был кавдилье конных монтанеров, сын крупного фермера, Хозе Сантандер. Мы познакомились с красавцем метисом и последовали на его ферму. Вскоре туда приехал наш капитан и монтанеры в его честь подняли стрельбу из ружей. Сантандер приказал зажарить несколько жирных быков, открыть бочки с десятилетней каньей (род водки), и по всей деревне пошел пир

горой. Монтанеры вот уже несколько дней устраивали ночные набеги на инсургентов и даже имели небольшие потери от неприятельской артиллерии.

Утром эскадрон Эскольты вместе с конными партизанами спустился в долину. Город Сабукай только что был взят батальоном капитана Фернандеса, и помогавшие ему тяжелые орудия стреляли с бронепоезда по отступающему противнику. Нас сразу же бросили в бой. Впереди развернулся на рыси эскадрон майора Вальдеса и лавою атаковал отступающую пехоту. Галопом обогнав батальон капитана Фернандеса, наш эскадрон бросился во фланг инсургентам. Монтанеры с гиком и свистом замелькали между пальмами и повели наступление в лесу. Следует не забывать, что тропический лес часто непроходим не только для всадника, но и для пешехода. Часто кавалерии приходилось смыкаться и следовать по дороге пехотным порядком.

На одном из перекрестков я увидел раненого монтанера. Он сидел около лошади и, наклонив перевязанную платком голову, стиснул зубы и не издавал ни звука. Два других товарища его спрыгнули с коней и стали мочиться на его рану. Подобный способ лечения заставил меня невольно рассмеяться.

Эскадрон «привидений» майора Вальдеса попал под сильный пулеметный огонь окопавшегося противника и потерял много убитых и раненых гаучо. Но все же храбрый майор разбил врага и ворвался в Ыгватыми. Наш эскадрон атаковал отступавшую роту с пулеметом, и после короткого боя мы взяли ее в плен. Подождав в Ыгватыми прибытия правительственной пехоты, мы передали лейтенанту Враю наших пленных и затем двинулись далее в беспредельную пампу (степь). Теперь леса и горы остались в стороне, и все были рады степной местности, где для кавалерии открывалась свобода действий.

В Ыгватыми к конной группе присоединился эскадрон капитана Ирасабаля и коннице было приказано двигаться без остановки вплоть до столкновения с противником. Ночью мы остановились на хуторе недалеко от железной дороги. Разместив драгун по хатам, я, Шеню и Сантандер отправились в таверну промочить пересохшие за день глотки. Сантандер, хотя и был со стороны матери индейского происхождения Гвараны, но отец-испанец сумел дать сыну хорошее воспитание, и все наши офицеры вскоре подружились с храбрым юношей.

В момент нашего прихода в таверну гаучо пили канью с монтанерами. Мы заняли столик в стороне от них и заказали апельсинового вина. Не успели мы разговориться, как один из монтанеров подошел к Сантандеру и попросил разрешения петь

песни. После этого двое с гитарами уселись друг против друга на табуретки и затянули свою любимую песню. Слова в ней полуиспанские-полуиндейские, мотив печальный и весьма своеобразный.

Наслушавшись пения и выпив парагвайского рому, я покинул с друзьями таверну. Наступил короткий тропический вечер. Солнце спряталось в западной части пампасов, и розовый отблеск зари понемногу сливался с синевою безоблачного горизонта. На темном фоне востока стали появляться яркие звездочки, и вскоре на небе рельефно обозначилось созвездие Южного Креста. Вся пампа покрылась пеленой легкого тумана, называемого местными жителями саваном. Он, наподобие простыни, окутывает собою безграничные поля парагвайских пампасов.

В этот час всякий чувствует какую-то непреодолимую тоску по новой неизвестной ему жизни. Могучая, необъяснимая власть пампы делает из человека, даже самого робкого, храбреца и искателя приключений, говоря по-испански – флибустьера. Вот таким флибустьером стал теперь и я. Как много переживаний выпало на нашу долю! Великая война, после нее сразу Добровольческая армия, затем эмиграция, и вот теперь я снова надел военный мундир и мне приходится принимать участие в Гражданской войне в Южной Америке.

* * *

Отступая к переправам реки Ыгватыми, революционеры в нескольких местах подожгли пампу. Сухая трава запылала, и к небу потянулись серо-коричневые клубы дыма. По этой причине нашему эскадрону пришлось задержаться в пиниевом лесу. Дерево это весьма оригинально, высота его часто доходит до двадцати метров, и почти до самой верхушки нет ни одной ветки. И только лишь на кроне появляются длинные сучья, распущенные выпукло наподобие раскрытого в обратную сторону зонтика. Пиния вместо листьев покрыта колючками и напоминает отчасти нашу сосну. Эти строевые деревья идут главным образом на постройку корабельных мачт и ценятся дорого. Вчера мы отбили у революционеров стадо быков и посему устроили пиршество. Офицерам было предоставлено чураско из самых жирных и лучших кусков филе, капитан Сунига послал в город за ромом, и вместе с выпивкой появились даже и смуглые красавицы пампасов. Наутро меня отправили с первым взводом в центр боевого расположения. Так как пожар в пампе все увеличивался, то я приказал драгунам устроить для себя небольшое ранчо из

пальмовых листьев и, отдыхая в нем на овечьих шкурах, чувствовал себя превосходно. Сегодня, например, я весь день лежал на циновке и слушал игру на гитаре и пение солдат. В полдень вестовой принес мне обед. Мне хочется описать наш теперешний стол, может быть, европейцам он не особенно понравится, но нам, офицерам, казалось, что на свете не существует лучших блюд. Итак, в качестве аперитива чарка парагвайского рому и на закуску кусок чудного ростбифа, с гарниром из ман диоки и пальмиты. Манд пока – это южноамериканский фрукт, напоминающий по вкусу слегка наш картофель, а пальмита – лакомство малодоступное даже для европейских миллионеров. Это сочная сердцевина красавицы пальмы, поджаренная в сале и похожая по вкусу на белые грибы. На десерт я получил ананасы, бананы и апельсины. А через час после обеда в моей хижине уже появились лейтенанты Шеню, Смит и Карилье, раздался их обычный хохот и веселые анекдоты. В дверях вырос мой вестовой с чайником в руках и приветствовал нас душистым чаем-мате. На рассвете следующего дня эскадрон выступил по направлению к сахарному заводу Ацукареры. Пампа вся уже выгорела и была покрыта черным пеплом. В единый миг наши всадники и лошади покрылись черной пылью и превратились в негритянскую кавалерию. Завод и лежавший около него железнодорожный мост занимали инсургенты, и поэтому майор Торрес спешил кавалерию и повел нас в пеший бой. Один только капитан Ирасабаль отделился со своим эскадроном от действовавшей группы и, обойдя поселок и завод, неожиданно атаковал противника с тыла и овладел Ацукарерой. Революционеры окопались на противоположном берегу реки и, взорвав в двух местах чугунный мост, обстреливали из пулеметов занятое нами местечко. Во всех направлениях по уличкам свистали пули, с дребезгом разбивались окна фабричных построек, и ужас овладел мирными жителями. Обстрел был так силен, что, проходя в пешем строю скрытно за домами по местечку, мы потеряли пять человек ранеными в нашем эскадроне. К шести часам прибыл саперный батальон капитана Дельгадо и, заняв наше расположение, дал возможность драгунам вернуться к коноводам. Несколько довольно неприятных дней мы простояли на сахарном заводе. Но вот ночью саперы с батальоном егерей капитана Фернандеса перешли в пяти километрах от Ацукареры вплавь реку Ыгватыми и с двух сторон обрушились на врага. После короткого боя они обратили инсургентов в бегство и взяли в плен одного из офицеров их Генерального штаба майора Ибарра. От него мы узнали о готовящемся соединении в городе Вилла-Рика армии полковника Шерифе с войсками

подполковника Брисуелло. Хотя он все еще шел по ужасной дороге из Консепсиона и совершал переход в пятьсот километров, потеряв в пути много людей от усталости и болезней, но все же его появление должно будет поднять морально дух инсургентов. Пехота наша перешла починенный саперами взорванный мост, но коннице передвигаться по нему было невозможно, и мы начали переправлять лошадей вплавь, что заняло целый день. Река в этом месте была очень глубокая и быстроходная, течение так сильно, что легко уносит и закручивает в воронках всадника вместе с конем. Пришлось протягивать с одного берега на другой толстые веревки и по ним переправлять по отдельности каждого солдата с двумя лошадьми в поводу. Переправившись, наконец, на противоположную сторону, наш эскадрон вошел в разграбленное инсургентами местечко Генерал Диац. Это был первый за все время революции разграбленный поселок с изнасилованными женщинами и явно доказывал нам начавшееся разложение в войсках полковника Шерифе. Эскадрон переночевал в этом опустошенном местечке, и ранним утром капитан Сунига отправил меня в разъезд на город Вилла-Рика. Как ни странно, но мы не замечали по дороге даже следов противника.

Вилла-Рика по величине второй город после Асунсиона, и полковнику Шенони казалось, что инсургенты не уступят его нам без боя. Почти у самого города мы встретили несколько конных гаучо, и те сообщили нам, что полковник Шерифе еще вчера вечером отступил из Вилла-Рика по дороге на Каи-Понте (Обезьяний Мост). Отправив срочное донесение капитану Суниге, мы с лейтенантом Шеню въехали на ликующие улицы освобожденного города. Как первую правительственную часть, нас буквально засыпали цветами жители. Боже мой, сколько смотрело на нас хорошеньких барышень в разукрашенных платьях, масса цветов, яркий блеск солнца, и над всем этим громкие крики «Виза!» в честь победителей. Все парагвайцы теперь ясно понимали, что с падением Вилла-Рики приближался конец авантюры полковника Шерифе и его военной партии.

Вслед за нами в город вступили с музыкой пехотные батальоны, саперы, артиллерия и конница правительственной армии. Синею лентою вытянулся по улице морской батальон, сформированный из матросов с канонерских лодок, оставшихся в Асунсионе.

Воспользовавшись свободной минутою, я отправился на розыски донны Марты, супруги майора Гестефельда. Бедная женщина ожидала ребенка и поэтому должна была остаться в городе. Знакомые ее в первый момент не хотели мне сказать, где она находилась, опасаясь преследования со стороны

правительства, но, узнав, что я товарищ ее мужа, провели на ее секретную квартиру.

Бедную Марту я застал в слезах, она боялась за своего мужа и за самое себя, так как инсургенты распустили слухи, будто бы правительственные войска расстреливают всех пленных инсургентов и даже их семьи. Я успокоил, насколько мог, ее опасения, утешил и выставил около ее дома для большей безопасности караул из наших драгун, приказав капралу никого не пропускать сюда без моего письменного разрешения. Капитану Суниге я рассказал об ужасном положении жены майора Гестефельда, и он, в свою очередь, вполне со мною согласился и обещал поговорить с полковником Шенони о ее отправке в Аргентину.

Почти две недели мы простояли в Вилла-Рике. Город этот хотя и был вторым по величине в республике и в нем даже имелся трамвай, но блистал, к сожалению, полным отсутствием мощеных улиц. При появлении малейшего ветерка из пампы улицы города покрывались пылью, и жителям приходилось немедленно закрывать окна и двери, что в жару было не так приятно для их обитателей. Теперь сюда переехал штаб правительственной армии и резиденция главнокомандующего, полковника Шенони.

Наша пехота и артиллерия направились к Каи-Понте и вели бои с окопавшимися на хороших позициях инсургентами. Каи-Понте можно было сравнить с нашим Перекопом, это была последняя твердыня полковника Шерифе. Однажды меня вызвали в главную квартиру и начальник штаба, хорошо мне знакомый капитан Эстигарибия, поинтересовался у меня относительно того, что мне передавала жена майора Гестефельда. Знал я о том очень мало или, вернее, вообще ничего не знал, так как и сама его супруга не ведала, где он в данный момент находился. Но, воспользовавшись удобным случаем, я попросил у капитана Эстигарибии отпуск в Асунсион.

На следующий день вместе со мною покинули Вилла-Рику капитан Сунига, лейтенант Смит и альферес Ортис. Веселой кавалькадою мы направились в Асунсион. Несмотря на то что мы выбрали самый наикратчайший путь, наше путешествие длилось пять дней. Причиною тому были бесконечные друзья и знакомые, которых мы приобрели во время революции и которых, конечно, пришлось посетить по дороге. По приезде в Асунсион я был несказанно удивлен, встретив в первый же день, в гостях у доктора Риттера, своего старого приятеля, орловца Васю Волкова. Оказывается, Рудольф Александрович выписал его из Буэнос-Айреса как инженера-механика, и он теперь работал в военном арсенале. Я, конечно, перевез его к себе в Порто-Сахонию, и мы

зажили там на славу.

Капитан Сунига получил от военного министра полковника Роха приказание формировать новый эскадрон для скорейшего следования на фронт, а я получил сто добровольцев и должен был организовать новый эскадрон Эскольты и оставаться в Порто-Сахонии для несения караулов во дворце президента, в банках и вообще охранять столицу, в которой отсутствовали в данное время воинские части.

В Асунсионе я предался безудержному веселью, к нам стали приезжать знакомые барышни и дамы, снова ожили малиновые салоны в эскадроне Эскольты и европейский чай в пять часов сменил царствовавший до сего времени испано-американский кофе. Особенно шумно мы отпраздновали в сентябре мой день рождения, когда мне исполнилось двадцать шесть лет.

Возвращаясь в Офицерское собрание после шумного катания на лодках с приехавшими из города гостями, я заметил у подъезда автомобиль и, поднявшись на балкон, попал в объятия к лейтенанту Шеню. Сейчас же на балконе был сервирован чай со сладостями, очаровательная брюнетка Аурелия Энсисо заняла место хозяйки, а ее подруги разместились ярким цветником вокруг прибывшего с фронта героя и старались поскорее узнать от него все последние новости. Но на сей раз наш весельчак привез весьма печальную весть о смерти майора Торреса. Вместе с эскадроном Эскольты он выступил для атаки на Каи-Понте, желая неожиданной атакою отвлечь инсургентов от центрального пункта, на котором наша пехота собиралась нанести им решительный удар. Во время обеда эскадрон был окружен революционерами, и после перестрелки им удалось взять в плен раненого майора. На выручку эскадрону Эскольты подошел капитан Ирасабаль. Он атаковал инсургентов, разбил и обратил их в бегство. Но все-таки революционерам удалось отомстить майору Торресу, и храбрый офицер был ими расстрелян. Со всеми воинскими почестями он был похоронен в Вилла-Рике. По древнеславянскому обычаю я устроил вечером тризну по нашему погибшему командиру.

Цитра и несколько гитар заменили нам отсутствовавший хор трубачей, гости поднимали за столом тосты за нового командира Эскольты лейтенанта Сакро Дьябло, а я благодарил гостей за внимание и пил вино за прелестных дам. После ужина по просьбе Шеню был устроен бал, и мы веселились до утра. Так я провел в 1922 году свой день рождения в Асунсионе.

В начале октября в столицу пришло радостное известие о взятии правительственными войсками укреплений на Каи-Понте. Во время боя погибло много офицеров-инсургентов, искупивших

таким образом подлый расстрел доблестного майора Торреса. После разгрома остатки разбитой армии полковника Шерифе ушли в Чако, на бразильскую границу. Наступил победоносный конец войны с инсургентами. Асунсион украсился национальными флагами, и повсюду на площадях гремели оркестры военной музыки. Бравурные звуки марша «Кампамен-то Сьерра-Леоне» носились над ликующим городом и напоминали жителям о походах последней победной кампании. В эскадроне Эскольты мы также устроили «праздник победы» с присутствием наших знакомых дам и барышень. Собственные музыканты развлекали публику, и лейтенанты Смит, Шеню, Ортис и Вася Волков носились по террасе в вихрях вальса с очаровательными сеньоритами, забыв все на свете, и революцию, и сражения, и даже победу.

Октябрь месяц – разгар тропической весны. В садах и скверах цвели орхидеи, мимозы и мексиканский жасмин, улицы наполнялись благоуханием, и тысячи колибри наподобие рубинов, сапфиров и живому золоту порхали среди цветов. Революция окончилась. Инсургенты, прижатые правительственными войсками к бразильской границе, должны были покинуть Парагвай, сдать оружие и превратиться в эмигрантов. Полковник Шерифе умер во время отступления, и с его смертью прекратила свое существование военная партия. Опять ожила парагвайская столица, и все радовались счастливому окончанию междоусобной войны.

Постепенно в столицу возвращались с фронта победоносные части правительственных войск, устраивались парады, гремела музыка, и жители забрасывали героев цветами. Такого энтузиазма мне давно не приходилось видеть, казалось, весь Парагвай пел, веселился и танцевал. С окончанием революции была объявлена демобилизация, и армия приняла свои нормальные размеры. Все призванные из запаса офицеры вернулись по домам, вновь сформированные части были распущены, и на службе остались только кадровые служащие. Для Василия Волкова также наступил конец «вечного» праздника в Порто-Сахонии. Он должен был теперь оставить военную службу и вернуться в Аргентину. Мы устроили ему проводы в малиновом зале Эскольты, и Вася в последний раз танцевал с барышнями в парагвайской военной форме.

После революции время проносилось со сказочной быстротою. Вчера вместе с доктором Риттером я провожал Волкова на аргентинском пароходе «Берна». Друг моего детства, единственный близкий человек в Южной Америке, покидал нас навсегда и уезжал в Буэнос-Айрес. С его отъездом на моей душе

сделалось как-то тоскливо и скучно. Мною овладело беспокойство, привычка к перемене мест, весьма мучительное свойство и многих добровольный крест, так, кажется, говорил в свое время Пушкин устами своего героя Онегина. Еще в самом начале революции я расстался с гардемарином Володей Бабашем. Он уехал в Перу и писал мне из Лимы о прелестях жизни на берегах Тихого океана. Недаром в казачьих жилах течет кровь царственных скифов, меня потянуло снова к привольной жизни, захотелось стать флибустьером и посмотреть новые страны, познакомиться с новыми людьми. Капитан Гарсия де Сунига получил после революции в командование третий эскадрон в городе Консепсионе на далекой окраине Парагвая; эскадрон Эскольты принял капитан Ирасабаль; лейтенант Шеню ушел в четвертый эскадрон в Энкарнасион, а лейтенант Смит был назначен сменным офицером в Военное училище. Таким образом, разлетались все мои друзья, да и сам я после двадцатидневного отпуска должен буду расстаться с комфортом эскадрона Эскольты для следования во второй эскадрон в Парагвари. Невольно пришлось задуматься над своим будущем. Лучшее, что могла мне дать парагвайская военная служба, я уже от нее взял.

Три месяца я командовал фортом в Чако, охотился и вел дружбу с индейцами, затем прозябал в глухой провинции в городе Вилла-Хаес и думал, что умру со скуки, и, наконец, восемь месяцев провел в боевой обстановке на войне с инсургентами. Все это прошло, и теперь меня ожидает скучная служба в провинции, перспектива, так сказать, мало привлекательная и дешево оплачиваемая.

Недавно на празднике в Колумбийском посольстве я познакомился с директором танинной фабрики из Порто-Састре. Еще сравнительно молодой человек с Железным крестом на смокинге, директор Ганс Депкер, мне очень понравился, и я в конце концов согласился на его заманчивое предложение занять место у него на фабрике и оставить парагвайскую армию. Рудольф Александрович Риттер пробовал удержать меня в Асунсионе, обещая должность командира жандармского эскадрона, но все это уже потеряло для меня свою ценность. Мне захотелось новых приключений и новых переживаний. В военном министерстве я передал генералу Эскобару рапорт с просьбою о зачислении в запас парагвайской армии. Генерал долго не соглашался принять рапорт и только лишь после настоятельных моих просьб согласился на мою отставку. Последние дни до выхода президентского декрета я веселился с боевыми товарищами в Порто-Сахонии. Несколько раз шумной офицерской компанией мы ездили в Сан-Лоренцо. Каролина и вся семья

капитана Суниги, услыхав о моем желании оставить парагвайскую военную службу, упрашивали меня не делать этого, но я продолжал быть непоколебимым в своем решении. Конечно в Порто-Састре на реке Парагвае я вовсе не намеревался долго задерживаться, нет, мне хотелось там скопить немного денег и после поехать посмотреть Боливию. Но самые сокровенные мысли мои были направлены к берегам Атлантического океана в Соединенные Штаты Бразилии, про которые мне так много рассказывали все мои парагвайские приятели. По их словам, там имелись большие города с массою фабрик и заводов, хорошо оплачивалась служба и вообще жизнь имела много привлекательного.

По случаю моего отъезда офицеры устроили прощальный бал в малиновых салонах эскадрона Эскольты. Прибыли все мои знакомые сеньориты, сестры капитана Суниги, их кузина Агнесса и красавица Энсисо. Конечно, на прощальном балу также присутствовал и мой друг доктор Рудольф Александрович Риттер. Далеко за полночь гремел хор трубачей, и я в последний раз танцевал с парагвайскими барышнями в мундире и при эполетах. За ужином пили шампанское и поднимали тосты за Парагвай и за славную Русскую армию, представителем которой я являлся. Мой приятель лейтенант Смит сорганизовал хор песенников, и они исполнили модную песенку «Кампаменто Ита», в которой фигурировали все офицеры Эскольты, в том числе и Сакро Дьябло. Последний день был занят официальными визитами, а вечером я успел еще побывать в Сан-Лоренцо на вилле «Амарилии» и попрощаться с семьею капитана Суниги, а на следующее утро, провожаемый друзьями и подругами, я приехал в порт, где меня ожидал у пристани пассажирский пароход «Эль Креольо». На его борту я должен был навсегда покинуть Асунсион. В последний раз драгуны перенесли из автомобиля на пароход мои вещи. Солнце ярко светило с безоблачного бирюзового неба и, казалось, так же одаряло меня своими лучами. Офицеры и барышни с букетами в руках поднялись на пароход, и стол в кают-компании буквально утопал в цветах.

Через десять минут «Эль Креольо» оставит Асунсион и отправится в далекий путь вверх по течению реки Парагвая к туманным границам Боливии и Бразилии. Я приказал лакею подать шампанское и по-гусарски отблагодарил провожавшую меня публику.

Каролина подошла ко мне и, чокнувшись бокалом, печально проговорила:

– Сакро Дьябло, вы счастливый, уезжаете в новые края, а я должна оставаться дома и ожидать скучную и беспросветную

жизнь парагвайской замужней женщины. От всего сердца желаю вам побольше успехов в путешествии!

Я поклонился и молча поцеловал ее маленькую ручку.

Вот резко прогудела пароходная сирена, лейтенант Шеню поднял бокал и громко крикнул:

– Аль Сакро Дьябло, салют!

Наступил момент моего расставания с парагвайскими друзьями, так сердечно принявшими в свою семью русского офицера-эмигранта. Особенно тяжело было мне расставаться с лейтенантом Рохелием Шеню. С ним я провел почти всю свою парагвайскую военную службу и за это время полюбил его как брата.

Стоя на палубе с букетом роз и бокалом шампанского, я смотрел на пристань, откуда мне махали шарфами сеньориты и фуражками офицеры. Вот они, Мария, Элиза, Селия и Каролина Сунига, кузина Агнесса, креолка Энсисо, лейтенанты Шеню, Смит, Ортис, Мильгарехо, прощайте, дорогие друзья! А из города доносились на пароход последние аккорды триумфального марша. Прощай, Асунсион, где красавицы курят сигары, где царит бесконечное лето, где поют и рокочут гитары, денно и нощно трещат кастаньеты! Прощайте, милый доктор Риттер, Андрей Угрик с молоденькой супругою, прощайте, лихие драгуны эскадрона Эскольты Президента и с ними наш парикмахер и повар из Порто-Сахо-нии. Неизвестно, удастся ли мне когда-либо с вами встретиться.

Матросы подняли трапы, и пароход начал медленно отходить от пристани. Мне стало грустно, и я быстро вернулся в каюту. На столе лежала груда цветов. Белые розы и орхидеи – вот все, что осталось от моих тропических подруг. Невольно припомнились проводы на Великую войну в далеком Орле. Блеск черных глаз и печальная улыбка в углах рта у той девушки, за которую я готов был тогда отдать свою жизнь, напомнили мне то, что я всеми силами старался забыть, – мою Родину, холодную Россию. Гремели машины, и пароход тихо покачивался на волнах. В иллюминаторе виднелись очертания города, но вот он скрылся из виду, и оба берега покрылись зеленью. Мои мысли нарушил легкий стук в дверь, и на пороге появился пароходный стюард.

– Пожалуйте завтракать, господин капитан, – проговорил он, вежливо поклонившись.

Я посмотрел в зеркало, поправил синий костюм и пошел в кают-компанию.

В Порто-Састре я пробыл три месяца, и это, пожалуй, было самое скучное время моей жизни в Южной Америке. Танинная фабрика, принадлежавшая аргентинскому тресту, находилась на

берегу реки Парагвая, среди тропических лесов, и служащие являлись единственными обитателями Порто-Састре. Для развлечений мы ездили на моторной лодке в бразильский пограничный городок Муртинье, в котором, кроме одного бара, больше ничего не имелось. До Асунсиона было очень далеко, пять дней путешествия на пароходе, и туда служащие ездили только раз в год. Но зато жалованье я получал там майорское и старался поскорее скопить необходимую сумму денег для дальнейшего путешествия. Скука и полное отсутствие общества заставили меня в конце концов ускорить отъезд. Несмотря на уговоры и просьбы дирекции, я все-таки расстался с Порто-Састре и совершил очень интересное путешествие на комфортабельном аргентинском пароходе до порта Корумбы в Бразилии.

Дорогою я отдыхал, лежа в шезлонге, пил ледяной коктейль и любовался живописными берегами. Оставив Парагвай, пароход вскоре попал в бразильские воды. Через пару дней я, наконец, приехал в первый большой речной бразильский порт Корумбу. Визами, которых у меня, кстати, и не имелось, там никто не интересовался, матросы из таможни помогли мне перенести вещи на берег, и таким образом я очутился на территории Соединенных Штатов Бразилии. После парагвайских городов Корумба показалась мне столичным городом. С какой радостью я входил в многочисленные кафе, знакомился в кабаре с бразильскими красавицами и вообще чувствовал себя прекрасно.

Корумба лежала на высоком берегу реки Парагвая, имела много красивых зданий, парков и массу цветников. В городе был расквартирован егерский батальон, а в порту стояла бразильская речная эскадра, несколько канонерских лодок и два маленьких миноносца. Гуляя по улицам, я обратил внимание на цветные афиши, возвещавшие жителям о прибытии в город знаменитого гадальщика, предсказывавшего по картам настоящее и будущее, персидского принца Сади-Нога. Меня заинтересовала фамилия принца, и я, таким образом, познакомился с ротмистром, Ольвиопольским уланом Толмозовым, оказавшимся на редкость приятным собеседником. Желая во что бы то ни стало побывать в Боливии, я переехал в моторном катере реку и очутился в маленьком пограничном боливийском городке Порто-Суаресе и оттуда совершил в военном дилижансе утомительное путешествие до города Кочубамбы. Пришлось проехать шестьсот километров по степи и останавливаться на отдых в маленьких трактирах, где приходилось также обедать и ужинать. На всем протяжении этой утомительной дороги нашелся только один городок Санта-Крус, напоминавший собою парагвайскую провинцию. Должен сознаться, что Боливия мне не понравилась.

Приехав в Кочубамбу, я погулял немного по пыльным улицам, и, насмотревшись на гулявшую публику, состоявшую в большинстве случаев из индейцев или креолов, я на том же дилижансе вернулся в Порто-Суарес и оттуда поскорее в Корумбу.

Так как мои денежные ресурсы приближались к концу, нужно было распрощаться с Корумбою и, купив билет на поезд Северо-Западной железной дороги, отправиться в промышленный центр Сан-Пауло. Путешествие заняло четыре дня, причем по штату Мато-Гросо (Дремучий лес) поезда проходили только днем, а по ночам поезда останавливались и пассажиры ночевали в гостиницах в небольших привокзальных городах.

Все это происходило вследствие нападений и ограблений на линии Северо-Западной железной дороги, правда происходивших в прошлом веке, но публика продолжала бояться путешествовать по ночам. В первую остановку я переночевал в городе Кампо-Гранде в японском отеле, и там за ужином меня приветствовал хозяин теплой японской водкою. Предпоследнюю ночь я провел в Трес-Лагоас и неожиданно встретил там своего константинопольского приятеля, подпоручика Желкевского. На радостях встречи, мы отправились в ближайшее кафе, где за стаканом вина я узнал от него много интересного.

Желкевский рассказал мне, что сидение в Галлиполи многим наскучило, и вот часть добровольцев по инициативе капитана Ефрема Полякова[281] и поручика Николая Шеркунова[282] решили эмигрировать в Бразилию, а молодежь устремилась в Чехословакию, чтобы закончить в Праге свое образование. Прибыв в Бразилию, наши добровольцы быстро устроились на службу, причем капитан Поляков поступил инженером в железнодорожную компанию, а Шер кунов стал инженером-строителем.

Желкевский приветствовал мой приезд и снабдил массою писем и адресов своих тамошних приятелей. Но вот я прибыл в Сан-Пауло, крупнейший город южноамериканской индустрии с массою фабрик и заводов. Город напомнил мне Европу и имел вполне благоустроенный вид, широкие улицы и небоскребы. Здесь я впервые обратился к парагвайскому консулу для оформления своих бумаг. Консул онорарио (почетный) занимал в то время пост директора банка, был весьма удивлен моему появлению, сознавшись, что впервые видит перед собою парагвайского офицера, и, устроив мне все необходимые бумаги, снабдил деньгами и дал рекомендательное письмо к своему другу, президенту штата Рио-Гранде-де-Суль доктору Боржесу де Медейросу с просьбою зачислить меня в свою штатную армию – бригаду милитар.

Этот штат был одним из самых богатых, имел свою собственную армию, промышленность и экспортировал вино и мясо. Обрадованный всем этим, я поблагодарил консула и, не задерживаясь в Сан-Пауло, поехал в Сантос, чтобы оттуда на пароходе следовать в Порто-Алегре. Железная дорога Сан-Пауло – Сантос считается самой красивой в Бразилии и, я бы сказал, во всем виданном мною мире. Мелькают мимо окон семафоры, вышки стрелочников, пакгаузы и прочие станционные постройки. Эта дорога спускается к берегу океана с высоты семисот метров. Внизу белеют облака, а еще ниже, где-то далеко, теряясь в зеленой пелене, виднеются домики и железнодорожные постройки, причем из окон вагона они кажутся меньше спичечных коробок. Часть дороги цепная, шумят стальные тросы, поезд то и дело ныряет в темную пропасть многочисленных туннелей, и затем глазам пассажиров открываются чудесные пейзажи на изумрудные горы Сиеры до Мар.

Невольно приходят на ум мысли о величии человеческого гения, сумевшего покорить природу и создать среди скал и горных ущелий железную дорогу там, где раньше летали только лишь птицы. Но вот промелькнула красивая панорама спуска, и поезд миновал лежащую у подножия гор станцию Кубатон. Еще четверть часа, и поезд, проходя по равнине, усаженной массою бананов, наконец прибывает в Сантос.

С вокзала я бегу в порт и покупаю билет на пароход Итапаси, компании Костейра, принадлежавшей бразильским миллионерам братьям Ляже. Пароход отходит на юг в три часа дня. Есть время мне, наконец, немного отдохнуть. В кают-компании я познакомился с капитаном парохода Жозе Араужо, который оказался на редкость словоохотливым моряком, и я в пути отдыхал в его обществе.

Побережье Бразилии, вдоль которого мы шли, надо отдать справедливость, очень красиво. Миновав порт Паранагву в штате Парана, мы на короткий срок задержались в Сан-Франциско и затем бросили якорь в открытом порту Флорнанополиса, столицы штата Святой Екатерины.

На лодке я съехал на берег и, погуляв немного по улицам, пришел к убеждению, что город небольшой, но чистый и довольно симпатичный. В одном из кафе я обнаружил хозяина-грека из Одессы, разговорился с ним, узнав, что в этом штате живет много немцев, и почти не заметил, как пришло время возвращаться на пароход.

За ужином в кают-компании я заметил нового пассажира с лицом скифа с византийской вазы. Скиф этот оказался русским инженером Аркадием Доментьевичем Черницыным, бывшим

гардемарином, эмигрантом с 1905 года, занимавшим теперь крупное место в штатном правительстве. Стоит ли добавлять после этого, что мы сразу подружились и всю ночь проговорили в его каюте за бокалом вина до самого прибытия парохода в порт Имбитубу, куда он следовал. Черницын предложил мне сойти с ним на берег и показать мне тамошний знаменитый отель, выстроенный одним из братьев Ляже по модели отеля в Монте-Карло, который ему страшно понравился.

Порт Имбитуба принадлежал также компании братьев Ляже и служил для экспорта угля из шахт в Лавро-Мюллер и Урусанги. Я согласился, и мы сели в специально поданный на пристань вагон для доктора Черницына. По короткой дороге до отеля я заметил, что Имбитуба состояла из порта, отеля, прекрасных бунгало для администрации и около железнодорожной станции ютившихся нескольких деревянных домиков. Но отель оказался на самом деле прекрасным. Черницын любезно показал мне комфортабельные номера со всеми удобствами, огромный обеденный зал и несколько больших гостиных. Когда я спросил его, для кого все это выстроено, Аркадий Доментьевич ответил, что в Имбитубе проживает дирекция и большое количество служащих компании, все это люди, приехавшие из Рио-де-Жанейро, и Энрике Ляже не хочет, чтобы они здесь скучали.

В этот момент я услыхал отходной гудок парохода и, заторопившись, попросил Черницына поскорее доставить меня в порт. Но Аркадий Доментьевич засмеялся, приказал гарсону подать нам еще по рюмке шерри-бренди и поинтересовался у меня, не надоело ли мне все время воевать.

– Довольно, мой милый, никуда вы отсюда не поедете! Здесь я сделаю из вас инженера-землемера, и вы, наконец, станете мирным гражданином!

– Аркадий Доментьевич, а как же мои вещи, я оставил их ведь на пароходе! – взмолился я, глядя на Черницына.

– Не беспокойтесь, они уже находятся в вашем номере 17.

– Аркадий Доментьевич, но ведь я измерял землю только переменным аллюром на коне и знаю это ремесло с чисто кавалерийской точки зрения.

– Ничего, мой милый, теперь я познакомлю вас с аппаратом Бекмана, и вы быстро всему этому научитесь, – скажите, ведь вы окончили кадетский корпус, так же как и я, и потому проходили геометрию и топографию. Больших знаний я от вас и не потребую.

Стоит ли добавлять после этого, что штат Рио-Гранде-де-Суль остался надолго ожидать меня, так как Аркадий Доментьевич взял меня на работу по проводке дорог на фазенду (имение)

Санта-Сецилия, принадлежащую братьям Ляже, в 23 000 гектаров, где быстро научил меня обращаться с измерительным аппаратом и в конце концов в короткий срок сделал из меня настоящего землемера.

Через три месяца, почти закончив работу, Черницын вернулся во Флорианополис, обнял меня и, улыбаясь, сказал, что переговорил обо мне с главным директором компании доктором Альваро Катоном и тот согласился оставить меня в качестве администратора фазенды Санта-Сецилия, так как я являлся единственным человеком, знавшим границы этого огромного имения. Так началась моя жизнь в горах на берегу реки Рио-де-Пончо, в маленьком домике, в соседстве с многочисленными немцами-колонистами. В конце каждого месяца я ездил на своем коне «Дох» в Имбитубу, для чего приходилось два часа спускаться по лесу с горы и затем около пяти часов ехать по степи вдоль океана, чтобы затем раздеться и, приняв ванну в своем номере в отеле, выйти затем вполне прилично одетым к завтраку.

Моя работа на фазенде не была трудной, трасса новой дороги была уже проложена доктором Черницыным, и я только следил за рабочими, проводившими ее. Свободное время я проводил знакомясь с соседями, немцами-колонистами, и часто ездил в местечко Аратингауба, где имелся единственный на весь округ продовольственный магазин и бар, в котором можно было выпить несравненного по вкусу апельсинового вина. Но вот я решил заняться перепиской с друзьями и в конце концов наладил связь со своими однополчанами и в результате всего этого выписал из Праги своего друга детства и однополчанина корнета Анатолия Ромейского[283] и приехавшего вслед за ним поручика Константина Иваненко[284]. Ромейского я сделал заведующим нашим хозяйством, а Иваненко превратился у меня в инженера и следил за постройкой дороги.

Карнавал 1924 года мы шумно провели в «Имбитуба-отеле» вместе с Черницыным и семьями дирекции и служащих нашей компании. Было так весело, что мои «червонные гусары» заявили мне, что это был их первый веселый праздник в их эмигрантской жизни. А Черницын угостил ужином с шампанским и назвал нас своими «цыплятами». Мои приятели напропалую ухаживали на балу за красавицей Педриньей, и Константин Иваненко прямо сказал мне, что влюблен в нее по уши и думает сделать ей предложение. Черницын вполне во всем этом с ним согласился и обещал также найти невесту для Ромейского, красивую польку из Флорианополиса по имени Юля. Тогда я решил также написать в Новочеркасск своей кузине Дусе, воспользовавшись появившимся в России «нэпом».

На мое письмо мне ответила ее младшая сестра Милица, сообщив мне, что Дуся вышла замуж и живет в Воронеже, а она, Милочка, закончила в этом году Ростовский университет. Обрадованный подобной новостью, я предложил ей руку и сердце и пригласил немедленно приехать в Бразилию. Милица дала свое согласие и, заявив в университете, что желает пробыть год в Сорбонне, получила разрешение выехать во Францию. В Париже она нашла своих родственников и при их помощи быстро получила визу и купила билет на доллары, высланные мною из Имбитубы.

Директор компании доктор Альваро Катон был настолько любезен, что дал распоряжение в Рио-де-Жанейро нашему представителю встретить приехавшую мою невесту и устроить ее на наш пароход, отходящий в Имбитубу, а его супруга донна Зита решила на первое время до нашей женитьбы поместить ее в своем доме. Но я не утерпел и как только получил телеграмму о прибытии Милицы в Рио-де-Жанейро, то сразу поехал за ней и привез ее сам в Имбитубу.

После нашей свадьбы мы верхом поехали на фазенду и там были встречены торжественным банкетом, устроенным в нашу честь Роменским и Иваненко. С того момента я ограничил свою жизнь домашним кругом. Костя Иваненко решил не отставать от меня и, женившись на Педринье, уехал в Итажаи, где родственники жены устроили его инженером в порту. Черницын также исполнил свое обещание и женил Анатолия Ромейского на Юле, причем свадьба их происходила в нашем доме.

Так счастливо закончилась эпопея «червонных гусар» в Имбитубе. На следующий год у меня родилась дочь Елена, которую мы крестили в Флорианополисе, в семье наших друзей – федерального судьи штата доктора Энрике Аесса, причем крестным отцом Елены был доктор Черницын, а крестной матерью – донна Зенита Лесса.

Так спокойно в Имбитубе на берегу океана протекала моя семейная жизнь. Меня сразу после рождения Елены перевели в Имбитубу на должность помощника фарфорового завода, директором которого был итальянец Пиетро Фавали, родственник жены Энрике Ляже, бывший лейтенант берсальеров, и мы зажили с ним прекрасно, а его жена быстро подружилась с Милицей. Теперь карнавал мы проводили весело всеми знакомыми семьями. Так мы прожили спокойно до 1930 года, то есть шесть лет.

В этом году в Бразилии вспыхнула революция. Штат Рио-Гранде-де-Суль восстал против федерального правительства, и его войска с юга двинулись на север для свержения в Рио-де-Жанейро

бразильского президента доктора Вашингтона Аюиса. Революционные войска, заняв Имбитубу, немедленно мобилизовали меня, как бывшего русского и парагвайского офицера, и я был декретом Южного правительства зачислен в армию и три месяца пробыл в должности начальника штаба конной группы. Революция была менее поэтична, чем парагвайская, так как почти нигде революционеры не встречали сопротивления, и после победы революционеров и занятия нашей конницей «гаучо» столицы Рио-де-Жанейро новый президент республики, доктор Жетулио Варгас, особым декретом отблагодарил всех участников революции, и я был переведен в город Сан-Пауло с прикомандированием к департаменту полиции, где моя карьера за десять лет дошла до звания личного секретаря начальника полиции доктора Коста Ферейры.

В Сан-Пауло издавалась Николаем Трофимовичем Даховым «Русская Газета», в которой я сотрудничал уже год, посылая свои воспоминания под общим названием «Последние Гусары». А вообще я начал свою литературную работу в Имбитубе, где в местной газете «Имби-туба» был напечатан 30 апреля 1924 года мой рассказ «Жизнь», переведенный Черницыным на португальский «А Вида».

Так как работы в департаменте было сравнительно мало, то я большую часть дня проводил в газете и описывал в ней все происшествия в нашей русской колонии, став постоянным сотрудником этой газеты, вплоть до ее закрытия во время начавшейся Второй мировой войны, когда были закрыты в Бразилии почти все иностранные газеты и прекратили свое существование также и клубы. Во время Великой войны умер мой прямой начальник, доктор Коста Ферейра, и я решил подать в отставку, перейдя на службу в «Дубар» – фирму по производству ликеров, принадлежавшую огромной компании «Антарктика», имевшей пивные заводы по всей Бразилии.

Так заканчивалась моя бурная жизнь в эмиграции на должности представителя торговой фирмы. Работа моя была не особенно трудной и занимала время с утра до полудня, после чего я возвращался домой и продолжал заниматься литературой, посылая свои статьи и воспоминания в самую большую русскую газету в Нью-Йорке, а немного позже получил предложение сотрудничать в журнале «Родимый Край» и «Наших Вестях». Так спокойно, в кругу семьи и друзей протекает моя жизнь в Сан-Пауло. Летом, при наступлении жары, мы переезжаем из каменных стен огромного города к себе на дачу в Сан-Висенте и там на берегу океана отдыхаем на пляже и купаемся в пене морской.

Н. Керманов[285]
Русский Парагвай[286]

Группа чинов РОВС, находившаяся в городе Вильтце (герцогство Люксембургское), в составе 32 мужчин, 8 женщин и 4 детей, переехала в Южную Америку, в Парагвай, колонизацией которого ведает генерал Беляев[287].

Из Европы группа направлялась в район станицы генерала Беляева под городом Энкарнасьон. По прибытии в столицу Парагвая Асунсьон группа была встречена генералом Беляевым, объявившим, что он назначает группу для поселения в районе Консепсьон.

В городе Консепсьон на пристани группа была встречена городскими властями и общественными организациями. Были произнесены приветственные речи. Оказан был радушный прием и помощь в первоначальном устройстве. Дали бесплатные камионы для перевозки вещей и людей за 10 км от города в помещение сельскохозяйственной школы, представленное группе тоже бесплатно. Всю группу угощали обедом.

В благодарность за гостеприимство и радушие хор и балалаечный оркестр группы дали 2 концерта в городе в пользу Красного Креста Парагвая. Семьи высшего общества города приезжали в школу знакомиться, привозили с собой угощение, слушали песни и оркестр и танцевали под наш граммофон.

Первое впечатление о местности и условиях было неблагоприятно: более впечатлительным казалось, что нас завезли в какую-то Сахару, бесплодную и безводную. Стали знакомиться с местностью и выслушивать объяснения русских менонитов. Вскоре убедились, что здесь не так уж плохо. Оказалось, что мы прибыли сюда в самое засушливое время года, а кроме того, в течение последнего года засуха во всей Южной Америке носила исключительный характер.

Приступили к розыску и выбору участка для колонии. Власти, а особенно дирекция школы, шли вполне навстречу нашим пожеланиям, предоставляли бесплатный проезд по железным дорогам, на камионах, давали верховых лошадей, провожатых, все, что нужно; разъясняли и вообще всемерно помогали.

Основной характер местности – лес, кое-где прорезанный полями (так называемая «кампа»), почва под лесом красноземная, очень плодородная. На кампах обычно пасут скот. Земли под ними серые, песчано-глинистые. Краснозем родит без удобрения в течение многих лет. Когда участок истощается – парагваец его

забрасывает, уходя в другое место и предоставляя первому снова зарастать лесом. Знакомясь с почвой, я услыхал такой афоризм: «У нас что люди, то и земля, чем чернее, тем хуже».

Места ближе к городу и реке Парагваю более песчаные и сухие. Чем дальше вглубь, тем лес гуще и почва влажнее. Колодцы в городе и вблизи от него глубиной до 50 метров. Дальше – в зависимости от высоты места: на кампах подпочвенная вода на глубине 4–5 метров, и чем место выше, тем глубже. Аес густой, перевит лианами. Деревья очень твердых пород, требующие для отделки инструментов высшего качества.

Мы прибыли к концу октября – как раз к началу здешнего лета. Надо сказать, что рассказы про здешнюю жару были страшнее, чем действительность. Мы пережили несколько действительно жарких дней, обычно когда нет ветра; а температуры выше 39 градусов по Цельсию в тени ни разу не было. Говорят, что до нашего приезда не было дождей почти год, но теперь они перепадают часто, колорит местности сразу изменился, растительность среди лета выглядит как бы весело. Находясь в школе среди поля, мы чувствовали себя легче, чем в городе, а поехав в Асунсьон, находящийся на 400 км дальше от тропика (Консепсьон расположен как раз на тропике), я с приятелем задыхались от зноя. Теперь, когда мы живем среди леса, в местных жилищах мы чувствуем себя еще лучше.

Курс франка за время нашего пребывания здесь колеблется между 14–18 пезо за один франк.

Еще из Европы нами было выслано в распоряжение генерала Беляева по 350 франков на человека, в обеспечение довольствия на 6 месяцев. Из этой суммы он оплачивает наше пропитание. Довольствие в день обходилось до сего времени в среднем по 9 пезо на человека. Дорого приходится платить за доставку продуктов. Очень дорогая посуда, особенно эмалированная. Мы не запаслись ею в Европе, однако, купив все, что нужно, и уплатив значительную сумму за перевозку вещей (из тех же пайковых сумм), в результате первого месяца довольствия у нас экономия в 5000 пезо.

После целого месяца тщательных поисков, посмотрев все казенные земли и в районе, мы наконец выбрали участок. Он расположен в 7 км по узкоколейной железной дороге от города Консепсьон и в 4 км от самой железной дороги. В этом месте начинается в лесу кампа с родниками, заболачивающими низину. Лес от этой кампы по линии железной дороги – казенный и совершенно не заселен. По другую сторону кампы раскинулось большое плоскогорье, чистое от леса, редко поросшее пальмами, но красноземное, удобное и под пастбища, и для распашки.

Окраина кампы заселена, как и окраины вообще всех камп в районе. Вообще у парагвайцев нет таких ярко выраженных сел, как в Европе. Тут каждый селянин выбирал для себя подходящее место. Таковым считается прежде всего граница леса и кампы, если она велика и опушка удобна, образуется цепь парагвайских хаток (так называемых чакр), напоминающая видом русскую деревню. Подобные жилые пункты рассыпаны буквально по всей стране.

Чтобы получить непрерывный участок, с одной стороны, а с другой – избежать первоначально очень тяжелой работы по вырубке леса и расчистке девственной местности, нам пришлось откупить у парагвайцев их участки. Земля под ними казенная, поэтому в таких случаях приходится покупать только материал и труд, затраченный на постройки, ограду и обработку плантации.

Мы выбрали три смежных участка общей сложностью в 29 десятин, заплатив за все 57 000 пезо. На этих участках мы имеем, как всегда здесь, смешанные посадки различных культур, например: кукурузы и мандиоки (между рядами кукурузы – мандиока), всего мы приобрели 9 га кукурузы, 8 га мандиоки, 1,1 га мани, 7 га хлопка, 1 га сахарного тростника, 1 га риса, ¼ га табака, ½ га фасоли, более 800 деревьев апельсинов, мандаринов и лимонов, бананов и других фруктовых деревьев. С участком за ту же сумму мы приобрели 9 свиней и некоторое количество кур.

Надо пояснить, что мандиока представляет собой корнеплодное растение, вроде редьки на вид и вроде картофеля на вкус. Это основной продукт питания парагвайцев, заменяет им и хлеб, так как пшеница здесь не растет, а привозная очень дорога. Мани – земляной орех идет на масло, патата – вид сладкой картошки. Посадки все в очень хорошем состоянии. Хлопок уже начали снимать. Мандиоку употребляем в пищу и на прокорм животным. Кукуруза уже поспевает. По определению менонитов и администрации сельскохозяйственной школы, мы окупим сбором этого урожая все расходы по покупке участков и на год будем обеспечены пропитанием.

На каждом из трех участков имеются местные постройки для жилья, где мы, хотя и тесновато, по-бивачному, разместились все. На крайнем участке ближе всего к воде помещаются семейные и хозчасть. На этом месте строим навес для столовой, кухню и хлебопекарню. Ввиду напряженной работы, довольствие усилили, расходуя теперь по 14 пезо на человека в день.

Дамы готовят пищу, чай, раздают обед и ужин, стирают на всю группу, ходят за свиньями и пока за единственной коровой (с теленком), починяют одежду, собирают и сортируют хлопок – работают самоотверженно, выше всякой похвалы, что я уже

ставил на вид, подбодряя слабых духом.

Купили одного коня с седлом за 1200 пезо. Другого коня, хорошего, покупали у самого губернатора за 3000 пезо. Корову с теленком за 1300 пезо, пару хороших волов за 4000 пезо и двуколку для лошадей за 4000 пезо.

Кроме постройки навеса и кухни, для которых нужно заготовлять материал, рубя в лесу деревья, идут работы по выполке посадок, по проложению дорог между участками, очистке мест для новых посадок (вырубается мачетами бурьян и кустарник, косится трава, затем все это сжигается), посев хлопка (уже посеяли два гектара), постройка хлева, курятника, загона для коровы, пахотьба, очистка ключа, рытье колодца на каждом участке, заготовка леса, кирпича и пр. В общем, работы по горло. Встаем в 4 часа утра, пьем чай. От 4 $\frac{1}{2}$ до 10 часов работа. Обед и отдых до 2. С двух до шести работа, и в половине седьмого ужин. Такой большой обеденный перерыв делается для того, чтобы избежать необходимости работать в самые жаркие часы дня. Никто из парагвайцев в эти часы не работает – все спят, но зато рано встают и поздно ложатся, бодрствуя в наименее жаркие часы дня. В первое воскресенье работали. В безветренные дни тяжело и сильно потеем. От пота одежда портится – поэтому надо ее делать легкой, но крепкой.

Для рытья колодцев наняли рабочих-парагвайцев, так как боюсь, чтобы кого-нибудь из наших не завалило, да и воду надо иметь поскорее поблизости. Пока возим ее из родника на кампе, в бочке на лошадях.

К откупленным нами участкам нам прирезывают смежные казенные земли по 20 га на душу – в одну сторону лес до линии железной дороги, в другую красноземная кампа, в общей сложности 1200 га, принимая во внимание приезд нашей второй группы из Люксембурга.

Переехали мы на новое место 28 ноября. Колонию назвали «Надежда», по-испански «Эсперанца», ибо надеемся, что наш общий труд даст хорошие результаты и послужит базой для широкой колонизации Парагвая нашими братьями – белыми воинами. Нам обещают дать пленных боливийцев для улучшения дорог от Эсперанца до линии железной дороги.

В Европе я встретил только сомнения и осуждение моего плана артельного хозяйства. По пути, на пароходе, от пассажиров, возвращающихся в Южную Америку, также от многих в Буэнос-Айресе мы услышали полное оправдание нашего плана. Оправдывают его в полной мере и встреченные нами беглецы из Парагвая. Они говорят, что в одиночку они не могли справиться и что если бы у них дело было поставлено так же, как у нас, то они

никогда не покинули бы благословенного Парагвая. Скептики пророчили нам в Европе, что нас ждет полное распыление, а уж в потере части группы были вполне уверены. Теперь мы сидим на своей земле, не потеряв ни одного члена группы, уверены в обеспеченности насущным хлебом, твердо надеемся, что труд приведет нас к благосостоянию. Большинство довольно тем, что работает не на фабриканта, а на себя самого, а бросающееся в глаза плодородие почвы позволяет строить радужные планы. Конечно, и среди нас есть падающие духом перед тяжелой работой, но они не пользуются симпатией и не влияют на понижение настроения большинства сильных. Управившись с работами по устройству, приступим к постройке хорошего дома из кирпича или глинобитного.

Никаких малярий или заразных болезней в районе Консепсьона нет. Конечно, идет акклиматизация организмов, вызывающая кратковременные лихорадки, желудочно-кишечные расстройства и сыпи на теле, но все это быстро проходит. Бичом являются пики, мельчайшие земляные блохи, забирающиеся под кожу, преимущественно на ногах. Запускать их развитие в теле опасно для здоровья. Если же принять меры своевременно, то такая блоха извлекается иголкой, как заноза, почти безболезненно и никаких последствий не оставляет. Бывают дни, когда некоторые принуждены извлекать по десятку пик и больше. Страшные рассказы про москитов пока не оправдались. Мы не успели запастись медикаментами, а здесь они очень дороги. Если бы не хорошая связь с местным Красным Крестом, снабжающим нас лекарствами и присылающим доктора, – то наше положение в этом отношении было бы плохо.

Окружающее население встретило нас приветливо, всегда каждый готов помочь советом. Народ хороший. Отсутствуя при покупке участков и не зная точно их границ, я распорядился недавно выполоть три четверти гектара посева, принадлежавшего, как позже выяснилось, женщине-соседке. Она предложила уплатить нам за работу. Мы же, узнав, что ее муж на войне в Чако, отказались взять с нее что-нибудь. Это вызвало к нам еще лучшее отношение соседей.

Белые русские офицеры в Парагвае[288]

В дополнение к более ранним публикациям о том, как Президент республики Парагвай чествовал белых воинов, принимавших участие в рядах парагвайской армии в войне с Боливией в 1932–1935 годах, сообщаем, что в этой войне смертью храбрых пало пятеро русских офицеров: есаул В.Ф. Орефьев-

Серебряков[289], в чине майора, убит 28 сентября 1932 года под Бокероном, ротмистр (тоже майор) Б.П. Касьянов[290] убит 16 февраля 1933 года под Сааведрой, хорунжий (в чине капитана) В.П. Малютин[291] убит 22 сентября 1933 года под Пасо-Фаворито, ротмистр (майор) С.С. Салазкин[292] убит 30 октября 1933 года под Нанавой и штабс-капитан (в чине капитана) Н.И. Гольдшмит[293] убит 22 мая 1934 года в Каньяда-Строгест.

В столице Парагвая Асунсьоне их именами названо пять улиц, а в Свято-Покровском храме в их память воздвигнута мемориальная доска.

Всего же в этой войне в рядах Парагвайской армии приняло участие свыше тридцати белых русских офицеров. Многие из них стали очень популярными в стране. Так, ротмистр 3-го Уланского полка и майор Парагвайской армии Н.А. Корсаков[294] в войне с Боливией командовал 9-м кавалерийским полком, который одержал ряд побед, способствовавших выигрышу войны. Боевая слава майора Корсакова разнеслась по всему Парагваю. В последние годы своей жизни, а умер он в 1977 году, Н.А. Корсаков занимал должность главного инспектора государственных работ и пользовался полным доверием и уважением правительства. В русской же колонии Николай Андреевич являлся бессменным председателем Союза Русских Белых в Парагвае. В настоящее время таким же абсолютным авторитетом пользуется генерал дивизии Парагвайской армии Степан Леонтьевич Высоколян[295], профессор и ученый с мировым именем, о котором мы уже писали в «Наших Вестях».

Необыкновенно популярным во всем Парагвае был генерал Русской Армии Иван Матвеевич Беляев, так много сделавший для улучшения жизни туземцев. Индейцы его буквально боготворили и, когда он умер, упросили, чтобы его похоронили в их поселке. Могила генерала находится в небольшом саду, обнесена оградой, в которую имеет право входа лишь вождь этого племени.

Н. Стогов[296]
Парагвай и русские офицеры[297]

Пребывание мое в Парагвае осенью прошлого года совпало с демобилизацией парагвайской армии, победоносно закончившей 3-летнюю войну с Боливией.

Естественно, что меня, помимо специальной задачи, крайне интересовал вопрос о только что бывшей войне и главным образом о том, каково же в действительности было участие в ней наших офицеров и отражается ли – и как именно – это участие на судьбе русских в Парагвае?

Должен оговориться, что, несмотря на все старания получить в этом отношении исчерпывающий материал, мне это не удалось, так как непосредственные участники делились своими воспоминаниями и вообще-то очень скупо, но особо старательно избегали всего, что могло хотя бы в малой степени задеть самолюбие хозяев. Тем не менее я полагаю, что и собранный материал, в связи с личными наблюдениями, представляет некоторый интерес, и притом особенно, конечно, для военной части нашей эмиграции.

Не углубляясь в дебри политики, приведшей Парагвай к защите своих интересов от посягательства боливийцев, необходимо упомянуть, что наиболее правдоподобной и простой целью войны, начатой последними, было вполне естественное их желание получить выход на реку Парагвай, открывающую им удобный водный путь к Атлантическому океану.

Как Боливия, так и Парагвай расположены в центральной части Южной Америки, вдали от океанских берегов, но, в то время как Парагвай владеет, хотя и частично, одним из берегов таких могучих рек, как Парагвай или Парана, дающих ему выход в океан, Боливия лишена этого преимущества, а между тем ее ископаемые богатства велики и найти им дешевый и удобный выход к океану является со стороны Боливии весьма естественным желанием.

Так или иначе, но Боливия начала войну вторжением на парагвайскую территорию, в так называемое «Чако», весьма обширную и почти не населенную область, исключительно равнинного характера, частью покрытую девственным лесом, частью же представляющую собой безводную солончаковую степь или, наоборот, сплошное болото.

К началу войны Парагвай, в сущности, имел не армию, а лишь вооруженный отряд численностью всего в несколько тысяч

человек, и, как мне говорили, годный больше для внутренней охраны, чем для отражения внешнего врага, а к концу 3-летней войны Парагвай создал 50-тысячную армию, сравнительно хорошо вооруженную и снабженную (передавали, что и вооружение, и снабжение в большей своей части произведено за счет военной добычи), и 22 августа минувшего года жители столичного города Асунсиона с понятной гордостью любовались вернувшимися с фронта и дефилировавшими по улицам стройными войсковыми частями с артиллерией, пулеметами, бомбометами и даже сравнительно большим автомобильным парком.

Что же дало возможность Парагваю воевать так успешно с более многочисленным и неизмеримо более богатым соседом? Прежде всего людской материал. Парагваец в массе не только патриот своего отечества, но и храбрый природный воин, и притом воин замечательно смышленый, обладающий инициативой, неприхотливый и выносливый. О парагвайском патриотизме свидетельствует вся история этой страны, мои же личные наблюдения сводятся к следующему: парагвайцы до самозабвения любят свою страну и народ и, по их мнению, нет на свете страны лучшей и народа, более наделенного мужеством и любовью к своему отечеству, чем парагвайцы.

Бедность парагвайца может быть возведена в поговорку, но тем не менее вы не увидите и тени низкопоклонства, каждый парагваец и парагвайка ходят с гордо поднятой головой и никого не считают выше себя, а если к этому прибавить открытое, за исключением столицы, ношение всеми гражданами оружия (револьверы в открытых, очень удобных кобурах или в крайнем случае хорошие ножи за голенищем), то станет понятным, что парагваец морально хорошо подготовлен к защите своих национальных интересов. Будучи в Энкарнасионе, мне часто приходилось ходить мимо школы, и, к крайнему удивлению, я всегда слышал музыку и хоровое пение, и на мой недоуменный вопрос: «Когда же дети учатся?» – мне ответили: «Да ведь это поют национальный гимн и патриотические песни!» – и этим, по мнению мною спрошенных, было все сказано.

Много слышал я почти чудесного об умении парагвайца ориентироваться в девственном лесу и о его удивительной физической выносливости, и в этом отношении, как мне передавали наши офицеры – участники войны, все преимущества были на стороне парагвайцев, так как война, кроме ее конечного периода, велась в местности исключительно лесистой и равнинной, и только в последний период, когда военные действия подошли к горам, средней высоты до 800 метров и с отдельными

вершинами до 2 верст, преимущества перешли отчасти к боливийцам, которые будто бы лазят по горам как обезьяны.

Итак, в смысле людского материала парагвайцы дали армии лучший состав. Состав офицерский в массе, конечно, был слабее из-за отсутствия образования, и притом не только специально военного, но и общего, но… сравнительно скоро первое было восполнено как природными качествами, так и военным опытом, и младший, а отчасти и средний офицерский состав парагвайской армии был на должной высоте.

Что касается дисциплины и отношений между солдатами и офицерами, то, на наш взгляд, они более чем просты и в обыкновенное время – будь то на улице, в вагоне железной дороги, в ресторане или в любом другом общественном месте, вы только с некоторым трудом отличите офицера от солдата, чему отчасти способствует и малое различие в форме одежды.

Что касается материальной части армии, то оно улучшалось лишь постепенно с течением войны, и главным образом за счет противника. Как довольно характерную подробность о том, что правительство, видимо, не жалело средств на должное оборудование армии, приведу свидетельство нашего доктора А.Ф. Вейса[298], сказавшего мне, что за время войны медикаментов и перевязочного материала для парагвайской армии было закуплено столько, сколько по нашим нормам причиталось бы на 10 примерно корпусов. Если принять во внимание, что парагвайская армия только к концу войны достигла 50-тысячного состава, увидим, что норма снабжения медикаментами была даже чрезмерной.

На вооружении армии были горные гаубицы Шнейдера, крупповские 75-мм пушки и мортиры Стокс-Брандта, и все в один голос говорили, что парагвайскую армию вооружали, собственно говоря, боливийцы. Отношение к казенному имуществу было довольно, на наш взгляд, оригинальное, что объясняется, думается мне, большой примитивностью парагвайцев, совмещавших понятие о настоящем патриотизме с безразличным отношением к казенному добру.

Что же дали Парагваю наши офицеры? Прежде всего они дали свой военный опыт Великой и Гражданской войны, и не только участием в самой войне, но и подготовкой офицерского состава еще задолго до войны, но, конечно, сравнительно небольшого их числа, чем и объясняется известная неподготовленность офицерского состава в массе.

Наши офицеры были, следовательно, преподавателями в Парагвайской военной школе; были знающими и даже учеными артиллеристами; были знающими и опытнейшими инструкторами

по пулеметному делу; были знающими и даже учеными артиллерийскими техниками, наладившими работу в единственном в Парагвае Асунсьонском арсенале, особенно в его отделе взрывчатых веществ, в лаборатории и в починочных мастерских, где за время войны производили не только починку орудий, ружей и пулеметов, но занимались и выделкой авиационный бомб, ручных гранат и т. п.

Наши моряки дали свой многосторонний опыт личному составу парагвайских речных канонерок, а наши врачи и ветеринары поставили на должную высоту санитарную и ветеринарную службы в армии. Наши топографы и частью офицеры Генштаба значительно подвинули вперед дело снабжения войск картами и планами, а наши инженеры, а также офицеры Генштаба научили и фортификационному, и дорожному строительству. Одним словом, нет, кажется, ни одной области военного дела, к которой наши русские офицеры-эмигранты в Парагвае не приложили бы своих рук и не внесли бы своих знаний и опыта.

Затем нельзя не отметить, что из эмигрантов только русские, проживающие в Парагвае, немедленно по объявлении войны Боливией предложили свои услуги парагвайскому правительству, и притом уже не только в качестве тыловых специалистов разной категории, но и как воины на поле сражения.

Так, до войны русские служили: 1) Генерал Н.Ф. Эрн[299] преподавателем в военной школе. Помимо преподавания, всегда, по просьбе начальника школы, участвовал в учениях и маневрах, и к советам генерала Эрна, видимо, очень и очень прислушивались. Подобающее его чину и возрасту положение пришлось генералу Эрну завоевывать лишь постепенно, с большой настойчивостью и тактом. 2) Генерал Н.Т. Беляев занимался главным образом исследованием «Чако», то есть как раз будущего театра военных действий. Составил карту, изучал племенной состав и быт тамошних индейских племен. Между прочим, благодаря отчасти и его стараниям, в Асунсьоне имеется в настоящее время «индейский» музей, многие экспонаты коего – дар того же генерала Беляева. Невольно хочется здесь отметить, что, по словам Беляева, в свое время в Петрограде было куда больше сведений об индейцах Парагвая, чем в самом Парагвае в то время, когда туда прибыл Беляев. Беляев и до сих пор сохранил связь с индейцами, и редкое посещение его квартиры в Асунсьоне обходилось без того, чтобы не наблюдать около нее парагвайских индейцев в их живописных костюмах. Индейцы шли к нему и за материальной помощью, и за советом, а знание Беляевым их языка еще с того же Петрограда в значительной

степени содействовало такому дружескому, чтобы не сказать больше, отношению тамошних индейцев к русскому генералу, заброшенному судьбой в эти края. 3) Генерал Бобровский, как большой инженер и специалист по дорожной части, разрабатывал и руководил дорожным строительством Парагвая, занимая весьма значительное место в чиновном мире столичного города. 4) Артиллерист-химик Зимовский[300] работал в Асунсьонском арсенале, единственном на всю страну. Общее ведение арсеналом находилось в руках итальянца Басарно, Зимовский же заведовал отделом взрывчатых веществ; у него работали и два русских же помощника. При этом отделе находились: лаборатория, литейная мастерская и починочные мастерские, сыгравшие такую значительную роль во время войны. В этом же арсенале работали и братья Оранжереевы – сибирские артиллеристы. Они же служили и преподавателями в военной школе по артиллерии. 5) Князь Туманов[301] служил во флоте, ведал личным составом в тамошнем подобии морского министерства и, кроме того, занимался преподаванием наук у морских кадет. Другой русский моряк, лейтенант Сахаров[302], преподавал радиотелеграфное дело. 6) Наш военный врач А.Ф. Вейс служил по врачебной части и, безусловно, именно он наладил санитарно-врачебную часть парагвайской армии. Это, конечно, отмечены лишь наиболее видные русские военные, служившие в Парагвае до войны, и притом по военной же специальности.

На войне приняли то или иное участие: 1) Генерал Эрн, произведенный в генерал-лейтенанты парагвайской армии со всеми правами и преимуществами этого чина, почти всю войну провел в должности полевого инженера, укрепляя все оборонительные позиции. Оставался на войне до декабря 1934 года. 2) Генерал Беляев, также произведенный в генерал-лейтенанты, состоял в распоряжении начальника всей парагвайской артиллерии.

Вышли на войну капитанами парагвайской службы и произведены в майоры: 3) Леш[303], командовал полком. 4) Касьянов, псковский драгун, убит. 5) Салазкин, Текинского конного полка, командовал полком, убит. 6) Серебряков-Арефьев, Донского казачьего войска, убит. 7) Корсаков, смоленский улан, командовал полком. 8) Ширков, архангелогородский улан, командовал полком. 9) Ходолей, л. – гв. Литовского полка, командовал полком. 10) Бутлеров[304], л. – гв. 1-й артбригады, командовал полком. 11) И. Оранжереев, начштаба 4-й дивизии. Капитаны: 12) Н. Блинов, Донского казачьего войска. 13) Б. Дедов. 14) Г. Чиркин[305]. 15) Б. Жураковский. 16) Б. Фрей[306], топограф; сперва командовал эскадроном, затем работал

топографом. После войны стал начальником топографической группы по съемке Парагвая. 17) И. Пушкаревич. 18) Г. Озоль, топограф. 19) Керн[307], служит и ныне в Генштабе. 20) Высоколян, тоже. 21) Бауер. 22) Брывалин, московский драгун, командовал саперной батареей и теперь работает по инженерной части, состоя окружным инженером в городе Биллерике. 23) Корнилович, погиб на войне (будто бы застрелился). 24) Емельянов, псковский драгун, ранен. 25) Барон Унгерн-Штерберг[308], Дроздовской конно-горной батареи, ранен. 26) Гольдшмит, Марковского пехотного полка, убит. 27) Малютин, Кубанского казачьего войска, убит. Поручики: 28) Эрн[309], сын генерала Эрна. 29) А. Таранченко, наш гусарский унтер-офицер. 30) Л. Оранжереев. Лейтенанты: 31) Капитан 1-го ранга князь Туманов. 33) Лейтенант Сахаров. 34) Де Гире. В Арсенале продолжал работать: 35) Арт. Зимовский и с ним несколько русских. Врачебная часть: 36) Доктор Вейс. 37) Садов-Ретивов. 38) Тимченко. 39) Грамматчиков. 40) Гайдуков. 41) Горкин, работал на одной из двух речных канонерок. 42) Женщина-врач Попова. Ветеринарная часть: 43) Буткевич. (Возможно, что я кого-нибудь пропустил.)

Итак, русские не только приняли участие в войне, но некоторые были и ранены, а пятеро пало смертью храбрых.

Не говоря уже о таких лицах, как генералы Эрн и Беляев, занимавших во время войны большие сравнительно посты в административно-командном персонале, был период, когда четверть командиров полков и отдельных батальонов (саперных), а именно 7 из 28 были русские. К концу войны число отдельных войсковых частей дошло до 39–36 полков и 3 саперных батальонов. Это при численности армии всего в 50 тысяч человек показывает небольшой, на наш масштаб, штатный состав войсковых частей.

Как русские командовали вверенными им полками и батальонами, показывают неоднократные случаи, когда парагвайские солдаты умоляли свое высшее начальство назначить их в один из тех полков, коими командовали русские, выказавшие на этой войне не только особо присущую русскому доблесть, но и больше знания, умение и полученную в родной армии хорошую закваску, в смысле заботы о подчиненных.

О русской доблести и презрении к опасности рассказывали мне такой случай: дело было в глубоком сравнительно тылу – госпиталь, налет неприятельских аэропланов с бомбометанием, все и вся врассыпную, только русский доктор с неизменной трубкой во рту преспокойно продолжает работу, и вот один из зарывающихся в землю санитаров говорит другому: «Гляди,

видно, сумасшедший», а другой отвечает: «Да что ты, не знаешь? Ведь это русский». Этим было все сказано.

Минувшая война велась в «Чако», весьма лесистой местности, и, как мне передавали, кавалерия ни разу не имела случая действовать на поле сражения в конном строю. Война велась обходами по лесам, для чего приходилось прорубать многоверстные просеки и обходящим колоннам далеко отрываться от своих баз, и вот тогда-то во весь рост и выявлялись те трудности, которые только при выносливости парагвайца и удавалось успешно преодолевать. Был период, что воду приходилось подвозить за 140 километров, да еще по каким дорогам, а вернее, и без дорог. Были случаи, что по нескольку дней обходились и совершенно без воды, и это при 40-градусной жаре в тени. Спасались сосанием «кактуса» и особого корня «каракути». Опытные люди говорили, что это сосание до 4 дней проходило сравнительно безболезненно, а затем отражалось на здоровье и даже прямо на возможности продолжать начатую операцию.

Как я имел случай упомянуть, в парагвайской армии к концу войны было до 39 отдельных войсковых частей. Интересны названия полков: например, полк «черной обезьяны» или еще лучше – полк «дохлого муравья». Говорили, что названия эти, для нашего уха более чем странные, сохраняются в парагвайской армии исторически еще со времен так называемой отечественной войны 70-х годов прошлого[3] столетия, когда, как известно, было перебито почти все мужское население.

Еще одна особенность. При описании сражений, происходивших в этой войне, часто можно было встретить название «форт»… что вот, мол, парагвайцы или боливийцы взяли такой-то форт. А что такое форт в «Чако»? Это в большинстве случаев заплывший окоп и две-три соломенные крыши, как прикрытие от солнца, да небольшой огород, для гарнизона и… это все. Говорили мне, что и в настоящее время всего один форт в «Чако» напоминает нам то, что мы привыкли понимать под этим названием, и этот форт носит имя одного из наших офицеров, убитых в эту войну. Это форт «Серебряков».

Кстати сказать, парагвайцы умеют чтить своих героев; помимо форта, коему присвоено помянутое выше имя, в Парагвае построена дорога, которой дано имя другого нашего офицера – Касьянова, его же именем назван и один из лучших парагвайских мостов и, наконец, в память третьего – Салазкина написана пьеса, носящая название «Майор Салазкин».

Здесь будет уместно отметить, что инициативой генерала Эрна и иждивением русской колонии Асунсьона в тамошнем

русском храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы установлено пять памятных мраморных досок, в честь пяти убитых русских офицеров в войне Парагвая с Боливией.

А как парагвайцы чтили своего главнокомандующего, победоносно закончившего тяжелую войну? Положительно во всех магазинах столицы продавались его бюсты или портреты, они красовались, кажется, во всех окнах. Сам генерал Эстигарибиа ездил по всем городам, и везде его чествовали как народного героя. Но судьба изменчива: после революции этот генерал не то был принужден бежать в Аргентину, не то сидит в тюрьме.

Да, Парагвай чтит военные подвиги: за все время моего там пребывания я не видел, кажется, ни одного номера местных газет без помещения в нем описания какого-либо подвига. Часто можно было видеть и фотографию того, кого в этот день можно было вспомнить и чью память почтить. Как хотите, а это трогательно, и мое солдатское сердце радовалось за Парагвай и парагвайскую армию.

Что же война дала русским, принявшим в ней такое видное участие? Часть офицеров была оставлена на военной же службе, часть была устроена на службу гражданскую, но… некоторые, по увольнении в запас, были предоставлены своей судьбе, и мне пришлось слышать довольно горькие жалобы на этот счет, что вот, мол, «не пришлось бы идти пионами (рабочими) к своим же бывшим подчиненным – сержантам». Хорошо и то, что жалобы эти были лишь единичными. Но вот довольно показательно, что когда в парламент был внесен проект закона о предоставлении русским врачам, принимавшим участие в войне, права практики наравне с врачами-парагвайцами, то… проект этот был провален, и русские врачи, так много сделавшие и так потрудившиеся на войне, не получили права свободной практики и вынуждены, как и прочие иностранцы, работать только в тех местах, которые отстоят не ближе как на несколько десятков километров от места практики врача-парагвайца. Говорят или, вернее, пишут из Парагвая, что теперь, с приходом к власти полковника Франко, бывшего начальника военной школы и, следовательно, бывшего непосредственного начальника нашего генерала Эрна, как преподавателя в этой школе, положение улучшилось, и многие наши офицеры снова приняты на военную службу. Дай бог!

Несколько слов о революционном движении в Парагвае. Сказать, что происшедшая в Парагвае революция, произведенная так называемой военной партией во главе с полковником Франко, случилась совершенно неожиданно, никак нельзя. Люди, следившие за парагвайской жизнью и особенно там побывавшие,

не могли не почувствовать то глубокое недовольство, которое оставили в сердцах всех парагвайцев, сражавшихся с Боливией, результаты этой безусловно славной и вполне победоносной войны. И надо быть справедливым и сказать, что война, несмотря на полный успех на полях сражений, не дала Парагваю ничего, кроме славы, потери нескольких тысяч убитыми, тысячи-другой калек и значительного вздорожания жизни.

Приведу характерный в отношении недовольства случай. В одну из поездок по парагвайским дебрям пришлось встретить парагвайского лейтенанта запаса, который с горечью говорил: «Присмотритесь хорошенько и увидите, что каждый толстый – это пленный боливиец, а худощавый, в чем душа, это парагваец».

Кстати, о пленных. Последних в Парагвае было до 30 тысяч (парагвайцев же в Боливии не больше 2–3 тысяч). Пленные доставляли Парагваю много и хлопот, и забот, и едва ли их содержание окупалось той работой, которую эти пленные исполняли. Я не знаю, получил ли Парагвай денежное вознаграждение в возмещение затрат, произведенных им за содержание пленных, но работу, ими производимую, я видел, видел также и те мытарства, которые испытал Парагвай в связи с наличием у него пленных боливийцев. В конце, например, октября прошлого года по всем местам содержания пленных путешествовала особая комиссия с представителями не только Аргентины, куда ни шло – соседка, но и САСШ, в лице их военного агента в той же Аргентине (в Парагвае, конечно, Штаты своего агента не имеют), причем в состав комиссии входил ни мало ни много помощник начальника Генштаба парагвайской армии, и надо было видеть старания парагвайцев, чтобы убедить могущественных контролеров, что пленные содержатся не только хорошо, но и во всех отношениях гуманно.

Насколько же в Парагвае настроение тревожно-революционное в смысле коммунизма, что иногда как будто проскальзывает в нашей повременной печати? На этот вопрос приходится ответить так: местных коммунистов в Парагвае нет или почти нет, но нельзя поручиться, что из какой-либо соседней страны, и прежде всего из Аргентины, не появятся агенты III интернационала и не попробуют вызвать народное волнение.

До изгнания большевиков из Уругвая последний был рассадником коммунизма на всю Южную Америку; где теперь находится революционный центр – неизвестно, но трудно было бы поверить, что его не существует. Собственно же для Парагвая рассадником коммунизма всегда был аргентинский город Посадос, расположенный напротив парагвайского города Энкарнасьона, на противоположном берегу реки Альта-Парана.

Говорили, что во время войны именно из этого города распространялись на Парагвайском фронте коммунистические прокламации с неизменным припевом, что «в то время как вы здесь сражаетесь с боливийцами, ваши земли захватываются русскими белогвардейцами». Во время же войны дошло дело до того, что Энкарнасьон на целые сутки был захвачен коммунистами, прибывшими из Посадоса, и только прибывшая парагвайская войсковая часть избавила город от всех прелестей этого захвата.

В заключение думаю, что не погрешу против истины, если скажу: жаль, конечно, что русская кровь пролилась на парагвайских полях за совершенно чуждое нам, русским, дело, но кровь эта и вообще добровольное участие русских в войне Парагвая с Боливией создали нашим соотечественникам в глазах парагвайского народа совершенно особое привилегированное положение, в сравнении с прочими иностранцами, и если, несмотря на это, русские и испытывают некоторые стеснения со стороны закона, то отношение к ним самого народа, безусловно, доброжелательное, и народ в русских видит людей, наиболее ему близких.

Комментарии

[1] **Даватц Владимир Христианович,** р. в 1883 г. Профессор математики Харьковского университета. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г.; доброволец-рядовой на бронепоезде «На Москву». В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Подпоручик. Галлиполи – ец. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Югославии. В эмиграции там же, секретарь Общества Галлиполийцев в Белграде. Служил в Русском Корпусе. Убит в ноябре 1944 г. под Сиеницей (Югославия).

[2] Впервые опубликовано: *Даватц В.* Годы. Белград, 1926.

[3] **Струве Петр Бернгардович,** р. 26 января 1870 г. в Перми. Из дворян, сын пермского губернатора. Санкт-Петербургский университет (1885). Профессор Санкт-Петербургского политехнического института. В 1917–1918 гг. член «Совета общественных деятелей», «Правого центра» в Москве, в 1918–1919 гг. член «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919 г. редактор газеты «Великая Россия», член Особого Совещания, с 29 марта 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, преподаватель экономики Высших военно-научных курсов в Белграде, затем во Франции. Умер 22 февраля 1944 г. в Париже.

[4] Воспоминания В.К. Витковского публикуются ниже.

[5] **Кутепов Александр Павлович,** р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Сын лесничего. Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л. – гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября

1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, затем Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября

1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. – Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В

эмиграции во Франции. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

[6] **Абрамов Федор Федорович,** р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л. – гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919 г. по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (с 11 октября 1922-го по 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937-го по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США. На ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л. – гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

[7] **Фон Лампе Алексей Александрович,** р. 18 июля 1885 г. Из дворян, сын офицера. 1-й кадетский корпус (1902), Николаевское инженерное училище (1904), академия Генштаба (1913). Офицер л. – гв. Семеновского полка. Полковник, и. д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В Добровольческой армии; с 5 апреля 1918 г. в подпольном Добровольческом центре в Харькове, с 25 августа 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с конца 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Кавказской Добровольческой армии, на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, в 1918–1919 гг. редактор газеты «Великая Россия», затем старший адъютант (и. д. генерал-квартирмейстера) отдела генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, с 11 ноября

1919 г. старший адъютант (начальник оперативного отдела) генерал-квартирмейстера штаба войск Киевской области.

Эвакуирован из Одессы. 30 мая

1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». С 1920 г. и. д. военного агента в Дании, с 1921 г. военный представитель Главнокомандующего в Германии. Генерал-майор. В эмиграции в Германии (в Берлине), с 1924 г. начальник 2-го отдела РОВС, с 1946 г. в Париже, помощник начальника РОВС, с 1949 г. одновременно заместитель председателя Совета Российского Зарубежного Воинства, с 1954 г. 1-й помощник начальника РОВС, с 25 января 1957 г. начальник РОВС, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л. – гв. Семеновского полка, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 28 мая 1967 г. в Париже.

[8] **Хрипунов Алексей Степанович.** Александровский лицей (1904). Чиновник МВД, главноуполномоченный Всероссийского Земского союза. В эмиграции в Париже. В 1920–1921 гг. член Земгора (Российского Земско-Городского комитета помощи беженцам). Председатель Всероссийского Земского союза, член Торгово-промышленного союза. Казначей лицейского объединения во Франции. Умер в 1975 г. в Каннах (Франция).

[9] **Львов Николай Николаевич,** р. в 1867 г. в Москве. Из дворян Саратовской губ. Гимназия, Московский университет (1881). Товарищ председателя Государственной думы, член Св. Владимирского православного братства. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете. В Вооруженных силах Юга России. С 1918 г. издатель газеты «Великая Россия». Эвакуирован в январе – марте 1920 г. из Новороссийска на корабле «Русь». На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции во Франции, с 1921 г. член Русского Совета, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. Умер в 1944 г. в Ницце (Франция).

[10] **Штрандтман Василий Николаевич.** Сын генерал-лейтенанта. Пажеский корпус (1897). Офицер л. – гв. Уланского Ее Величества полка. Российский посланник в Югославии, к 1921 г. на той же должности. В эмиграции на Восточном побережье США. Умер 18 ноября 1963 г. в Вашингтоне.

[11] **Нератов Анатолий Анатольевич,** р. в 1863 г. Александровский лицей (1883). Гофмейстер, товарищ министра иностранных дел. В Добровольческой армии и ВСЮР; с осени 1918 г. управляющий ведомством внешних сношений Особого Совещания ВСЮР, министр иностранных дел, в начале

1920 г. товарищ министра иностранных дел Южно-Русского правительства. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска.

Летом 1920 г. в Константинополе в управлении иностранных дел правительства генерала Врангеля, в

1921–1924 гг. посол в Турции. В эмиграции в Париже. Член правления лицейского объединения во Франции. Умер после 1929 г.

[12] **Миллер Евгений-Людвиг Карлович,** р. 25 сентября 1867 г. в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище (1886), академия Генштаба (1892). Офицер л. – гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 января 1919 г. генерал-губернатор Северной области, член правительства: заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 г. Главнокомандующий войсками Северной области, с 10 июня 1919 г. Главнокомандующий войсками Северного фронта, с сентября 1919 г. Главный начальник Северного края, с марта 1920 г. заместитель председателя ВПСО. В эмиграции Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армией в Париже, с марта 1922 г. начальник штаба Русской Армии, с ноября 1922 г. помощник Главнокомандующего Русской Армией. С 1 сентября по 23 декабря 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с декабря 1923 г. состоял при Великом князе Николае Николаевиче, с 29 апреля 1928 г. помощник председателя РОВС, с 26 января 1930 г. председатель РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Состоял также председателем Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывшим воспитанникам Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже и расстрелян 11 мая 1939 г. в Москве.

[13] **Гире Михаил Николаевич,** р. в 1856 г. Из дворян, сын министра иностранных дел. Российский посол в Риме, глава русского дипломатического корпуса за границей, с 1920 г. глава Совещания послов. Умер в 1932 г.

[14] **Вязьмитинов Василий Ефимович,** р. в 1874 г. Из мещан. Офицерский экзамен при Одесском пехотном юнкерском училище (1894), академия Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, командир 6-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. начальник отделения штаба армии, с 12 октября 1918 г. начальник части Генерального штаба Военного и Морского отдела ВСЮР, с января 1919 г. начальник Военного управления, с 29 марта 1920 г. начальник Военного управления ВСЮР, военный и морской министр Южно-

Русского правительства, затем начальник Военного управления в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в 1920–1921 гг. военный представитель в Болгарии, с 1923 г. в Югославии, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев. Умер 29 января 1929 г. в Белграде.

[15] **Сапунов Петр Петрович,** р. в Николаеве. Из дворян, сын генерал-майора. Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман линейного корабля «Императрица Екатерина Великая». В Добровольческой армии командир корабля на Каспийской флотилии, затем на эсминцах Черноморского флота «Цериго» и «Живой» до эвакуации Крыма. Эвакуирован на эсминце «Цери-го». Вахтенный начальник яхты «Лукулл». Погиб на ней 15 октября 1921 г. в Босфоре.

[16] **Мартынов Захар Александрович,** р. в 1861 г. на Кавказе. Лазаревский институт восточных языков (1877), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1881). Генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции к 1931 г. начальник группы 1-го армейского корпуса в Югославии, председатель Общества Галлиполийцев в Югославии, председатель объединения Тифлисского военного училища в Белграде.

[17] **Граф Дю-Шайла Александр Максимович.** Из дворян Могилевской губ. Петербургская духовная академия, офицерский экзамен (1917). Прапорщик, помощник старшего адъютанта штаба 8-й армии. В Донской армии; на

5 – 28 января 1919 г. хорунжий, переводчик в разведывательном отделе штаба Донской армии. В феврале – марте 1920 г. начальник политического отдела штаба Донского корпуса, редактор газеты «Донской вестник». Сотник.

6 апреля 1920 г. отдан под суд за попытки сеять рознь между казаками и добровольцами. Вышел в отставку в октябре 1920 г. подъесаулом. В эмиграции к 1922 г. стал большевистским агентом в Болгарии.

[18] **Покровский Виктор Леонидович,** р. в 1889 г. Из дворян. Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, с июля 1918 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии, с 3 января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, с января – августа 1919 г. командир 1-го

Кубанского корпуса, с 2 ноября 1919 г. по 8 марта 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

[19] **Генерал от инфантерии Радко Дмитриев** (болгарский генерал, перешедший с началом мировой войны на русскую службу) был убит большевиками вместе с несколькими десятками других заложников в ночь с 18-го на 19 октября 1918 г. в Пятигорске.

[20] **Лобода Георгий Николаевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Бомбардир. Затем в Болгарии, юнкер Сергиевского артиллерийского училища. Убит болгарами 16 августа 1923 г. в Велико-Тырнове (Болгария).

[21] **Бредов Федор Эмильевич,** р. 22 апреля 1884 г. в Ивангороде. 1-й кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903), академия Генштаба (1909). Подполковник л. – гв. Финляндского полка, начальник штаба 63-й пехотной дивизии, и. д. начальника 58-й пехотной дивизии (с 1915 г. в плену), вернулся в 1918 г. В Вооруженных силах Юга России с 1 февраля 1919 г.; летом 1919 г. в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса), с 22 июля 1919 г., с сентября по октябрь 1919 г. начальник штаба 3-й пехотной и Дроздовской дивизий (полковник), с августа 1920 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. В Галлиполи начальник штаба 1-й пехотной дивизии, с апреля 1922 г. в Болгарии. Генерал-майор (с апреля по июнь 1922 г.). В эмиграции в Болгарии (София), к 1 мая 1939 г. член полкового объединения. Служил в Русском Корпусе. В 1945–1946 гг. в лагере Келлерберг (Австрия), затем в США, председатель объединения л. – гв. Финляндского полка. Умер 15 марта 1959 г. в Сан-Франциско (США).

[22] **Ронжин Иван Александрович,** р. 26 ноября 1867 г. Сибирский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1886), Военно-юридическая академия (1893). Офицер л. – гв. Московского полка. Генерал-лейтенант, член Главного военно-морского суда. В Добровольческой армии; с декабря 1917-го по март 1918 г. начальник судной части штаба армии, с 24 октября 1918 г. начальник судного отделения общей части Военного и Морского отдела, в 1919–1920 гг. Главный военный прокурор ВСЮР. В 1921 г. военный агент в Болгарии, с мая 1922 г. военный представитель там же. В эмиграции во Франции. Умер 28 августа 1927 г. в Ментоне (Франция).

[23] **Пешня Михаил Александрович,** р. в 1886 г. Из мещан. Гимназия, Виленское военное училище (1907), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа (1910). Полковник, командир 73-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в Корниловском ударном полку, в сентябре 1918 г. командир 3-го батальона, с 24 июля 1919 г. командир 2-го Корниловского полка, затем командир 1-го Корниловского полка, с 13 ноября 1919 г. командир бригады Корниловской дивизии, с 13 мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии. В Русской Армии с осени 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (27 мая 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. командир Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии, с 1926 г. во Франции; таксист. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Умер 4 декабря 1937 г. в Париже.

[24] **Керн Сергей Николаевич.** Подпоручик. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в 7-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 18 ноября 1918 г. под д. Кононовкой. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с октября 1920 г. начальник команды разведчиков во 2-м Марковском полку. Капитан. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Участник боев с коммунистами в 1923 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка во Франции. В эмиграции с 1936 г. в Парагвае, капитан (полковник) Генштаба парагвайской армии.

[25] 3-я Русская армия. Сформирована в октябре 1920 г. в Калише из русских частей, находившихся к тому времени в Польше (в основном остатки Северо-Западной армии, вывезенные летом 1920 г. генерал-майором А.А. Бобошко). Подчинялась генералу П.Н. Врангелю – Главнокомандующему Русской Армией (которая тогда была разделена на 1-ю и 2-ю армии). Состояла из 1-й (генерал-майор А.А. Бобошко, начштаба – капитан Ольдерогге, командиры полков: 1-го – полковник Рогожинский, 2-го – полковник Саулевич, 3-го – полковник Зайцев, 1-го артиллерийского – полковник Красовицкий) и 2-й (генерал-лейтенант граф А.П. Пален, помощник командира – полковник Лебедев, командиры полков: 5-го – полковник Джавров, 6-го – полковник Российский, 7-го – полковник Ингерн, 2-го артиллерийского – полковник Бушей) стрелковых и Сводной казачьей (генерал Трусов) дивизий. В состав последней (из двух бригад – полковники Немцов и де Маньян) входили Донской («Красновский», под командованием полковника Духопельникова, осенью 1920 г. перешедший из Русской Народной Армии),

Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея. Кроме того, летом 1920 г. в Польше образовалась группа из казачьих частей, перешедших из Красной армии (в основном плененные в Новороссийске), находившаяся на польской службе: Донской полк войскового старшины Д.А. Попова и батарея есаула И.И. Говорухина, составившие бригаду есаула Сальникова (в сентябре при ней была сформирована батарея есаула Конькова). Отдельно существовали Донской полк (с батареей) есаула Фролова (из дивизиона 42-го Донского казачьего полка, не пожелавшего интернироваться с частями Бредова и вошедшего в украинскую армию; с 24 мая 1921 г. в составе 68 офицеров и 421 казака вошел в состав казачьих частей в Польше) и бригада есаула Яковлева (донцы, терцы и волчанцы с батареей). Эти формирования осенью 1920 г., после перемирия Польши с большевиками, были включены в Сводную казачью дивизию. В октябре 1920 г. части армии переброшены на Украину, где в ноябре – декабре 1920 г. действовали против большевиков вместе с украинской армией, потеряв в боях до 25 % состава. В декабре 1920 г. отошла в Польшу в составе до 10 тысяч штыков и сабель (в т. ч. свыше 4 тысяч казаков). В 1921 г. расформирована. Командующий – генерал-лейтенант Б.С. Пермикин. Начштаба – полковник Поляков.

[26] **Ренников Андрей Митрофанович.** Журналист газеты «Новое Время». В Добровольческой армии до эвакуации Новороссийска. В эмиграции в Белграде, Париже. Писатель, сотрудник «Возрождения». Умер 23 ноября 1957 г. в Ницце (Франция).

[27] **Кедров Михаил Александрович,** р. 13 сентября 1878 г. в Епифани. 4-й Московский кадетский корпус, Морской корпус (1899). Контр-адмирал, командующий морскими силами Рижского залива, помощник военного министра и управляющий Морским министерством. С 1918 г. в Лондоне – заведующий транспортом за границей по снабжению белых армий, с 12 октября 1920 г. командующий Черноморским флотом и начальник Морского управления. Вице-адмирал (с 3 ноября 1920 г.). На 25 марта 1921 г. командующий Русской эскадрой в Бизерте, с 1921 г. в Париже. В эмиграции во Франции, председатель Военно-морского союза, заместитель председателя РОВС; на 31 января 1944 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 29 октября 1945 г. в Париже.

[28] **Беренс Михаил Андреевич,** р. 16 января 1879 г. Морской корпус (1898). Капитан 1-го ранга, и. д. начальника Морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках

Восточного фронта; с января 1920 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. выехал в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В сентябре 1920 г. комендант крепости Керчь, с октября по декабрь 1920 г. начальник 2-го (Азовского) отряда Черноморского флота, с декабря 1920 г. начальник 4-й группы судов Русской эскадры (при переходе из Константинополя до Бизерты держал свой флаг на миноносце «Беспокойный»). Контр-адмирал (8 июля 1919 г.). С декабря 1920 г. по октябрь 1924 г. врид командующего Русской эскадрой. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В эмиграции в Тунисе, служил в сельскохозяйственной дирекции. Умер 20 января 1943 г. в Мегрине (Тунис).

[29] **Каменский Владимир Алексеевич.** Александровский кадетский корпус, Пажеский корпус (1911). Капитан л. – гв. Егерского полка. В эмиграции в 1921–1924 гг. курьер штаба Главнокомандующего Русской Армией в Европе; на 10 августа 1928 г. в Париже; на декабрь 1924 г. секретарь, на ноябрь 1951 г. также и казначей объединения л. – гв. Егерского полка, до 1939 г. и до 1965 г. редактор журнала «Осведомитель лейб-егерей» в Париже, к февралю 1954 г. казначей, член Главного правления Союза Пажей, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 4 сентября 1974 г. в Каннах (Франция).

[30] Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 12, 16.

[31] **Брандт Александр Федорович.** Окончил академию Генштаба. Полковник. В Вооруженных силах Юга России; с декабря 1919 г. начальник русской военной делегации в Берлине от ВСЮР.

[32] **Артамонов Виктор Алексеевич,** р. 9 октября 1873 г. Симбирский кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л. – гв. Волынского полка. Генерал-майор, военный агент в Сербии. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1919–1920 гг. представитель Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армии в Белграде. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. В 1941 г. содействовал формированию Русского Корпуса. Умер 23 августа 1942 г. в Панчеве (Югославия).

[33] **Экк Эдуард Владимирович,** р. 11 апреля 1851 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын тайного советника. В службе с 1868 г., офицером с 1869 г., академия Генштаба (1878). Офицер л. – гв. Семеновского полка. Генерал от инфантерии, командир 23-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 31 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 13 июля 1919 г.

председатель военно-полевого суда над генералом Марксом. В Русской Армии председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Совета объединенных офицерских организаций, до 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель Главнокомандующего в Белграде. Член объединения л. – гв. Семеновского полка. Умер 5 апреля 1937 г. в Белграде.

[34] **Кусонский Павел Алексеевич,** р. в 1880 г. Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900), академия Генштаба (1911). Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1918 г. генерал для поручений при Главнокомандующем, с 1 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с мая – Кавказской армии), летом – осенью 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии и. д. начальника гарнизона Симферополя, с августа 1920 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, к октябрю 1920 г. начальник штаба 2-й армии до эвакуации Крыма. Затем помощник начальника штаба Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 16 февраля 1922 г.). В эмиграции во Франции, в распоряжении председателя РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 г. начальник канцелярии РОВС, с 1938 г. в Бельгии. Арестован немцами в 1941 г. в Брюсселе. Умер 22 августа 1941 г. в лагере Бреендонк.

[35] **Архангельский Алексей Петрович,** р. 5 марта 1872 г. Из дворян. 2-й Московский кадетский корпус (1890), Александровское военное училище (1892), академия Генштаба (1898). Офицер л. – гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, начальник Главного штаба. С декабря 1917 г. на подпольной работе в Главном штабе Красной армии. Во ВСЮР с февраля 1919 г.; с 1 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, затем в Военном управлении того же штаба, с 14 мая член комиссии по рассмотрению представлений о производстве офицеров и классных чинов, с 3 июня 1919 г. помощник начальника общего отдела Военного управления (с оставлением в прежней должности). После эвакуации Крыма начальник отделения личного состава, начальник общего отдела и дежурный генерал штаба Русской Армии, с 14 октября 1926 г. начальник штаба Главнокомандующего. В эмиграции в Бельгии, на 10 августа 1928 г. в Брюсселе. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, полкового объединения л. – гв. Волынского полка, Объединения офицеров гвардейской пехоты,

Русской Спортивной Дружины в Брюсселе, член объединения л. – гв. Егерского полка, на ноябрь 1951 г. также почетный председатель отдела Гвардейского объединения в Бельгии. С 23 марта 1938-го по 25 января 1956 г. начальник РОВС, с июля 1949-го по март 1957 г. председатель Совета Российского Зарубежного Воинства. Умер 2 ноября 1959 г. в Брюсселе.

[36] **Климович Евгений Константинович,** р. в 1871 г. Полоцкий кадетский корпус (1889), Павловское военное училище (1891). Генерал-лейтенант, директор департамента полиции, сенатор. В Добровольческой армии и ВСЮР по ведомству Министерства внутренних дел. Эвакуирован в январе – марте 1920 г. из Новороссийска. На май, летом 1920 г. в Югославии. В Русской Армии начальник особого отдела штаба Главнокомандующего и помощник начальника гражданского управления до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Умер 8 июня 1930 г. в Панчеве (Югославия).

[37] **Архангельский Петр Григорьевич.** Академия Генштаба. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; помощник начальника особого отдела Генерального штаба Военного и Морского отдела, с 29 июня 1919 г. начальник того же отделения. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции начальник политической разведки. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля, затем редактор военного отдела «Часового», секретарь 1-го отдела РОВС и секретарь Общества офицеров Генерального штаба. Умер 23 июля 1936 г. в Париже.

[38] **Станиславский Андрей Васильевич,** р. в 1883 г. Из дворян. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1911). Полковник, старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии. Во ВСЮР с августа 1919 г. В Русской Армии в штабе Главнокомандующего до эвакуации Крыма. С 1921 г. помощник начальника информационного отдела того же штаба. В эмиграции к 1924 г. в Югославии, затем во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, секретарь 1-го отдела РОВС, до 1937 г. начальник канцелярии 1-го отдела РОВС.

[39] **Асмолов Юрий Владимирович,** р. в Ростове. Ростовская гимназия, Московский университет. Офицер из вольноопределяющихся (1915). Поручик 7-го гусарского полка в штабе 7-го кавалерийского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Летом 1918 г. в разведывательном отделе штаба армии. В Русской Армии начальник разведывательного отдела

штаба корпуса до эвакуации Крыма. Галлиполиец. С 1921 г. помощник начальника информационного отдела штаба Главнокомандующего. Ротмистр. В эмиграции в Югославии и Франции. Умер 19 апреля 1927 г. в Париже.

[40] **Трухачев Сергей Михайлович,** р. в 1879 г. Из дворян. Тифлисский кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1906). Полковник, и. д. инспектора отдела управления дежурного генерала при Ставке ВГК. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с января 1918 г. командир штабной роты штаба армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, с марта 1918 г. начальник строевого отдела штаба армии; с июля 1918 г. дежурный генерал штаба Добровольческой армии, с января 1919 г. дежурный генерал штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армией до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с марта 1918 г.). С ноября 1920 г. помощник начальника отдела личного состава штаба Главнокомандующего в Константинополе. В эмиграции в Болгарии и Югославии, с 1926 г. во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 26 ноября 1942 г. в Ницце (Франция).

[41] **Подчертков Александр Александрович,** р. в 1889 г. в Санкт-Петербурге. Сын полковника. Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908), академия Генштаба (1916). Офицер л. – гв. Семеновского полка. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; на 31 января 1919 г. начальник оперативного отделения штаба Главнокомандующего ВСЮР, с 2 мая 1919 г. в распоряжении штаба армейской группы на Маныче, затем вновь в оперативном отделении штаба ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля; старший адъютант штаба Русской Армии. В эмиграции в 1923 г. в Югославии, к декабрю 1926 г. в Париже, с 1939 г. в Марокко, начальник подотдела РОВС. Член полкового объединения. Умер 14 декабря 1954 г. в Касабланке (Марокко).

[42] **Базаревич Владимир Иосифович.** Генштаба полковник. Во ВСЮР и Русской Армии; к 1926 г. военный агент в Югославии; начальник отдела Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции.

[43] **Чертков Григорий Григорьевич,** р. 2 мая 1872 г. Из дворян Московской губ., сын обер-егермейстера. Пажеский корпус (1891). Полковник Кавалергардского полка, 9-го уланского полка, командир 12-го драгунского полка. Генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; до 1922 г. военный агент в

Константинополе. В эмиграции во Франции. Умер 19 мая 1938 г. в Вильжу-ифе (Париж).

[44] **Барон фон Нолькен Александр Людвигович,** р. 29 августа 1879 г. Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское инженерное училище (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л. – гв. Саперного полка. Полковник, генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего ВСЮР, с 9 августа 1919 г. начальник особого отдела сношений с союзными армиями. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». На май 1920 г. в Югославии; на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на декабрь 1924 г., на ноябрь 1951 г. председатель объединения л. – гв. Саперного полка, член объединения л. – гв. Егерского полка, председатель объединения Николаевского инженерного училища, с 29 марта по 21 апреля 1958 г. председатель Гвардейского объединения. Монархист-легитимист. Умер 22 апреля 1958 г. в Париже.

[45] **Ляхов Николай Дмитриевич,** р. в 1897 г. Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л. – гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Ранен 31 марта 1918 г. В Донской армии в л. – гв. Казачьем полку, с 1918 г. сотник; летом 1920 г. адъютант штаба Ставки. Подъесаул (1920). В эмиграции с 1926 г. адъютант Главнокомандующего генерала Врангеля. Есаул. Умер 30 апреля 1962 г. в Англии.

[46] **Шатилов Павел Николаевич,** р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л. – гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник

1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, с *1Л* июля по 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и

эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924–1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л. – гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

[47] Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 38–41.

[48] **Апостолов Валериан (Валентин) Алексеевич,** р. 14 декабря 1874 г. в Новочеркасске. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Аксайской. Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1895). Полковник. В Донской армии; управляющий отделом путей сообщения Донского правительства, с октября 1920-го по 1922 г. председатель Донского правительства. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, член от ВВД комитета экономического возрождения Юго-Востока России (18 августа 1921 г. – начало 1922 г.). Умер после 1931 г.

[49] **Потоцкий Дмитрий Николаевич,** р. 5 ноября 1880 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1909). Офицер л. – гв. Казачьего полка. Генерал-майор, начальник 7-й Донской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. комендант и командующий войсками Ростова. Взят в плен в декабре 1917 г., бежал в Киев, с конца 1918 г. председатель комиссии по вопросу о военнопленных, с начала 1919 г. в Германии, уполномоченный Красного Креста. В 1920–1923 гг. военный агент и представитель Главнокомандующего в Югославии. В эмиграции в Югославии, Франции и Алжире; с 1931 г. секретарь Офицерского общества лейб-казаков, на 1934 г. член-кандидат главного правления Союза Пажей, с 1946 г. в США. Умер 31 марта 1949 г. в Нью-Йорке.

[50] **Богаевский Африкан Петрович,** р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л. – гв. Атаманского полка, командир 4-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. – 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., председатель Совета

управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

[51] **Науменко Вячеслав Григорьевич,** р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, в сентябре 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшая генерала Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

[52] **Леонтьев Максим Николаевич,** р. 26 августа 1871 г. Пажеский корпус (1890), академия Генштаба (1896). Офицер л. – гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-майор л. – гв. 1-й артиллерийской бригады, представитель Временного правительства во Франции. С 1920 г. военный агент и представитель Русской Армии в Чехословакии до 1923 г. В эмиграции к 1932 г. во Франции, с 1936 г. на Таити. Умер 9 июня 1948 г. на о. Таити.

[53] **Фицхелауров Александр Петрович,** р. 8 июня 1878 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Офицер л. – гв. Атаманского полка. Полковник, командир 36-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с апреля 1918 г. командир казачьего партизанского отряда, Новочеркасского пешего полка Южной группы, с 9 мая 1918 г. командир Северной отряда той же группы, командующий Северной группой, генерал-майор, с 1 июня 1918 г. командир Царицынского отряда, с 9 июля по начало августа 1918 г. командующий войсками Усть-Медведицкого

войскового района, с сентября 1918 г. командир 12-го Донского казачьего полка, с 8 декабря 1918 г. военный губернатор и командующий войсками Старобельского района, с 2 января 1919 г. командующий войсками Чертковского боевого района, с 1 марта 1919 г. – 5-го Донского армейского корпуса, с 12 мая 1919 г. – 5-й Донской дивизии. Осенью 1919 г. командир 9-й Донской пластунской бригады, с 24 марта по 1 мая 1920 г. командир 8-го Донского казачьего пешего полка, затем – 2-й бригады 3-й Донской дивизии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант (13 декабря 1919 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920-го по 1921 г. командир 3-й бригады

2-й Донской казачьей дивизии и начальник лагеря на Кабакдже, где издавал журнал в 3 экземплярах. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 28 марта 1928 г. в Париже.

[54] Кубанская казачья дивизия (II). Сформирована после эвакуации Русской Армии на о. Лемнос из Кубанского корпуса. После преобразования армии в РОВС сохранилась как одно из 4 его кадрированных соединений. К 1925 г. состояла из 1-го, 2-го и 3-го Сводно-Кубанских полков, Кубанской конной батареи, Кубанского офицерского дивизиона, Кубанского технического батальона, Дивизиона лейб-гвардии Кубанских и Терской казачьих сотен. При ней состояло также Общество Красного Креста и Кубанское генерала Алексеева военное училище. До 30-х гг. все ее части находились в Югославии. В состав полков дивизии входили сотни, образованные из кадра прежних кубанских полков: 1-го Кубанского (полковник М.И. Сазонов), 2-го Линейного (сотник Щербаков), 3-го Лабинского (полковник Сомов), 1-го Уманского (войсковой старшина И.Г. Звездин), 2-го Уманского (войсковой старшина И.И. Лозинский),

3- го Уманского (войсковой старшина И.С. Гаврош), 4-го Запорожского (войсковой старшина П.Е. Фоменко), Корниловского – 2 (5-я и 7-я) сотни (войсковой старшина Я.И. Носенко и полковник Ф.И. Шеховцов), 6-го Линейного (войсковой старшина К.П. Дубина), 1-го Пластунского (войсковой старшина П.В. Четыркин), 3-го Полтавского (полковник С.Н. Додонов) и 4-го Таманского (войсковой старшина Н.В. Барышников). Начальник (и начальник группы в Югославии) – генерал-майор В.Э. Зборовский. Командиры бригад: генерал-майор В. К. Венков и генерал-майор С.Ф. Цыганок. Старший адъютант – капитан Г.Н. фон Шуттенбах. На Лемносе с ноября 1920-го по ноябрь 1921 г. издавался «Информационный бюллетень штаба Кубанского казачьего корпуса» (вышло 47 номеров).

[55] Дивизион лейб-гвардии Кубанских и Терской сотен. Сформирован после эвакуации Русской Армии из Крыма на о. Лемнос в составе Кубанской казачьей дивизии. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть. Состав: 1-я (войсковой старшина А.М. Лекторский) и 2-я (подъесаул П.В. Луговский) л. – гв. Кубанские и 3-я л. – гв. Терская (войсковой старшина К.И. Щербаков) сотни. Осенью 1925 г. насчитывал 215 человек, в т. ч. 29 офицеров. Командир – полковник К.Ф. Зерщиков.

[56] **Фостиков Михаил Архипович,** р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Ставропольская гимназия, Александровское военное училище (1907), академия Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре – декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919-го до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос, командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

[57] **Гусельщиков Адриан Константинович,** р. 26 мая 1871 г. в ст. Гундо-ровской. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900) (офицером с 1901 г.). Войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской. С 4 апреля 1918 г. начальник обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 г. командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 г. полковник, с 1 октября 1918 г. генерал-майор, начальник Северного отряда, затем, в феврале 1919 г., – 6-й Донской дивизии, с весны 1919 г. начальник 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 г. командир

2- го Донского корпуса, с 22 ноября 1919 г. командир 3-го Донского корпуса, с декабря 1919 г. командир 4-го Донского корпуса, с февраля 1920 г. командир

3- го Донского корпуса, с марта 1920 г. начальник 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; в декабре 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Умер 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

[58] **Георгиевич Михаил Милошевич,** р. в 1883 г. Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1909), Офицерская кавалерийская школа (1910). Полковник, начальник штаба пехотной дивизии (в плену с 1917 г.). В Вооруженных силах Юга России с начала 1919 г. в конном корпусе генерала Врангеля, с января 1919 г. начальник штаба 1-й Кубанской конной дивизии, затем в штабе Кавказской армии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, в сентябре – октябре, до 11 ноября 1919 г. начальник штаба 4-го конного корпуса, затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР, командирован к адмиралу Колчаку, вернулся в Крым; в Русской Армии до эвакуации Крыма, начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор (с 29 сентября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе училища в Югославии. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии, затем в Австралии, начальник отдела РОВС. Умер 8 мая 1969 г. в Сиднее.

[59] **Головин Николай Николаевич,** р. 22 февраля 1875 г. в Москве. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, и. д. начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1918 г. член делегации в Англии, с 24 декабря 1918 г. помощник представителя белого командования при Союзном командовании (утвержден 2 февраля 1919 г.). В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л. – гв. Гродненского гусарского полка, в 1931 г. возглавлял группу л. – гв. Конной артиллерии в Париже, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, в 1936–1938 гг. редактор журнала «Осведомитель». Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже. Военный теоретик и историк. Умер 10 января 1944 г. в Париже.

[60] **Юзефович Яков Давидович,** р. в 1872 г. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г.

начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, с 8 мая по 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне – сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

[61] **Барбович Иван Гаврилович,** р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом – осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, 5 июня – 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады

1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

[62] **Князь Долгоруков Павел Дмитриевич,** р. 9 мая 1866 г. в Москве.

1- я Московская гимназия, Московский университет (1890). Статский советник. Член Государственной думы. В 1918 г. член и товарищ председателя Национального центра. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 октября 1918 г. в Осваге. Эвакуирован до августа 1920 г. из Новороссийска. В эмиграции с 1920 г. в Константинополе, Белграде, Париже, Варшаве. В 1921 г. член Русского Совета. Арестован в 1926 г., после перехода границы СССР. Расстрелян большевиками 10 июня 1927 г. в Москве или Харькове.

[63] **Витковский Владимир Константинович,** р. 21 апреля 1885 г. в Пскове. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905).

Полковник л. – гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 г. командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии с 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель генерала Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на 1 июля 1925 г. в Софии, на декабрь 1924 г. председатель объединения л. – гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев в Ницце (Франция), на 1 мая 1938 г., 12 августа 1940 г., 1958–1960 гг. в Париже, председатель полкового объединения, на ноябрь 1951 г. представитель объединения л. – гв. Кексгольмского полка в США, в 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

[64] Впервые опубликовано: *Витковский В.К.* В борьбе за Россию: Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

[65] **Фок Анатолий Владимирович,** р. 3 июля 1879 г. в Оренбурге. Из дворян Новгородской губ. Псковский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1900). Полковник Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с 4 июня 1918 г. рядовым в конно-горной батарее 3-й дивизии, с 2 июня 1918 г. командир 2-й конно-горной батареи, затем командир 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона, с сентября 1918 г. командир артиллерийского дивизиона 1-й конной дивизии, с 25 декабря 1918 г. инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса и командир

2- го конно-артиллерийского дивизиона, с 10 ноября 1919 г. командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, с 18 ноября 1919 г. начальник тыла Кавказской армии, с марта 1920 г. снова командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады (с весны 1920 г. – Отдельного сводно-артиллерийского дивизиона), с апреля 1920 г. командующий артиллерией Перекопского укрепленного района, затем командир 6-й артиллерийской бригады, с октября 1920 г. инспектор артиллерии 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-майор (19 августа 1919 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии и Франции, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского

корпуса в Париже. Окончил курсы Генерального штаба в Париже. Доброволец армии генерала Франко, подпоручик испанской армии. Убит 4–6 сентября 1937 г. в Кинто-де-Эбро под Сарагоссой.

[66] **Буров Петр Никитич,** р. в 1872 г. в Костроме. Из дворян (потомок Ивана Сусанина). Владимирское военное училище (1894), академия Генштаба (1902). Генерал-майор, начальник штаба Особой армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с начала осени 1919 г. (перешел от красных), в декабре 1919 г. на бронепоезде «Мстислав Удалой». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец, с апреля 1922 г. в Болгарии, начальник Александровского военного училища, в 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе училища во Франции, председатель Общества Галлиполийцев, с 1930 г. возглавлял группу РОВС и 1-го армейского корпуса в Нильванже. После 1945 г. в Париже, с 1952 г. в США, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 2 ноября 1954 г. в Балтиморе (США).

[67] **Зинкевич Михаил Михайлович,** р. в 1883 г. Сын генерал-майора. Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), академия Генштаба (1910). Полковник, начальник штаба Сибирской казачьей бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом – осенью 1918 г. помощник командира Партизанского полка, в 1920 г. помощник начальника Алексеевской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма, в 1920 г. начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г., на 1930 г. командир Алексеевского полка в Болгарии. В эмиграции там же, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского корпуса и Алексеевского полка в Болгарии (Перник), в 1935 г. в Софии. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). Убит 24 декабря 1944 г. у Бусоваци.

[68] **Ползиков Михаил Николаевич,** р. в 1875 г. Из дворян. Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище (1895). Полковник, командир артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы – Дон, командир легкой батареи. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком артиллерийском дивизионе (27 января 1919 г. установлено старшинство в чине), затем командир дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии командир Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии. Умер 6 июня 1938 г. в Вассербилинге (Люксембург).

[69] **Баркалов Владимир Павлович.** Академия Генштаба.

Подполковник артиллерии. Участник октябрьских боев с большевиками в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник разведывательного отдела штаба армии. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях: на бронепоезде «Князь Пожарский», с 6 августа 1919 г. командир бронепоезда «Грозный», с 19 сентября 1919 г., с декабря 1919 г. командир 6-го бронепоездного дивизиона, с 17 мая 1920 г. до эвакуации Крыма командир 2-го бронепоездного дивизиона. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. командир 6-го артдивизиона (полковник). В апреле 1922 г. в Болгарии, осенью 1925 г. во Франции. Генерал-майор.

[70] **Скоблин Николай Владимирович,** р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда и Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с полком. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, помощник командира полка, капитан. С 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 26 марта 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован ГПУ и участвовал в похищении генерала Миллера; в 1937 г. бежал в Испанию. Умер в 1938 г.

[71] **Туркул Антон Васильевич,** р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы – Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. Генерал-майор (с апреля 1920 г.). Галлиполиец. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа (14 сентября) 1957 г. в Мюнхене.

[72] **Христофоров Евгений Ильич,** р. в 1879 г. Из дворян. В службе с 1897 г., офицером с 1899 г. Полковник л. – гв. Павловского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии; до

20 августа 1920 г. командир 2-го сводно-гвардейского полка. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Болгарии. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). После 1945 г. в Англии. Умер в начале 1956 г. в Лондоне.

[73] **Штейфон Борис Александрович,** р. в 1881 г. в Харькове. Из мещан. Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1911). Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апреля 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии (утвержден 2 февраля 1919 г.), летом 1918 г. начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем, в начале 1919 г., командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник штаба и командир Русского Корпуса. Умер 30 апреля 1945 г. в Загребе (Югославия).

[74] **Безак Николай Александрович,** р. в 1880 г. Полковник гвардейской артиллерии. С 1918 г. в гетманской армии; с 29 ноября 1918 г. назначен (с 1 ноября 1918 г.) помощником инспектора классов Одесской артиллерийской школы. В Вооруженных силах Юга России. На май 1920 г. в Югославии. С 29 апреля 1920 г. по 7 июля 1920 г. преподаватель Первого Русского кадетского корпуса, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец, с сентября 1922 г. инспектор классов Сергиевского артиллерийского училища. Осенью 1925 г. последний начальник Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

[75] **Зайцов (Зайцев) Арсений Александрович,** р. в 1889 г. Пажеский корпус (1906) (общие классы), Николаевское инженерное училище (1909), академия Генштаба. Полковник л. – гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Акманайских позициях, с 1919 г. командир роты в Сводно-гвардейском полку, в январе – феврале 1919 г. начальник штаба гвардейского отряда, с 8 июля 1919 г. командир 1-го батальона, осенью 1919 г. командир батальона л. – гв.

Семеновского полка в 1-м сводно-гвардейском полку, с января 1920 г. командир сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии на штабных должностях до эвакуации Крыма. В эмиграции в Чаталдже, Лемносе, с сентября 1922 г. в Болгарии (начальник штаба Донского корпуса). Осенью 1925 г. в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. В эмиграции в Париже, в 1931 г. помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, защитил диссертацию, профессор. Член полкового объединения. Умер 2 апреля 1954 г. в Париже.

[76] **Дядюра Владимир Яковлевич.** Подполковник, командир роты

3-й Киевской школы прапорщиков. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., начальник 3-й Киевской школы прапорщиков, командир отряда юнкеров. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. В сентябре 1922 г. в Болгарии, осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. В эмиграции во Франции. Умер 14 января 1926 г. в санатории Берк-Пляж (Франция).

[77] **Мельницкий Дмитрий Петрович,** р. в 1883 г. Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1905). Подполковник. В Донской армии; полковник, инспектор артиллерии 6-й Донской казачьей дивизии, с весны 1920 г. в резерве Донской артиллерии, с апреля, в июле – октябре 1920 г. прикомандирован к штабу ВВД. Галлиполиец. В сентябре 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона во Франции. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу РОВС в Лионе.

[78] **Ершевский Алексей Иванович,** р. в 1878 г. в Екатеринославской губ. Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Полковник, командир пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР командир стрелкового полка Терской конной дивизии, в Русской Армии врид начальника Черкесской конной дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В сентябре 1922 г. в Болгарии, осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. В эмиграции там же, в 1931 г. возглавлял группу Алексеевского полка в Курбевуа. Умер *6* ноября 1930 г. в Париже.

[79] **Боане Михаил Сергеевич.** Офицер. Во ВСЮР и Русской

Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Поручик. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Капитан. В эмиграции во Франции, с 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Париже. Умер 1 марта 1962 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

[80] **Кречетов Лев Александрович.** Офицер. Участник похода Яссы – Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с апреля 1920 г. адъютант генерала Витковского. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. В сентябре 1922 г., осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 13 ноября 1935 г. в Азиль-де-Виль-Эврар (Франция).

[81] **Каратеев Михаил Дмитриевич,** р. в 1904 г. Кадет Полтавского кадетского корпуса (окончил в 1919 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР; с весны 1920 г. на эсминце «Беспокойный». Георгиевский крест 4-й ст. В эмиграции в Югославии и Болгарии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Сергиевское артиллерийское училище (1923), университет. Подпоручик конной артиллерии. Писатель, автор исторических романов, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 октября 1978 г. в Аас-Тоскас, Монтевидео (Уругвай).

[82] Впервые опубликовано: *Каратеев М.* Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977.

[83] **Навроцкий Николай Яковлевич,** р. в 1869 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Полковник, воспитатель Суворовского кадетского корпуса. С 1918 г. в гетманской армии; 17 ноября 1918 г. назначен командиром роты Одесского кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР до начала 1920 г. на той же должности. Эвакуирован в Югославию; в эмиграции там же, с марта 1920 г. по 1 августа 1932 г. библиотекарь Первого Русского кадетского корпуса.

[84] **Римский-Корсаков Владимир Валерианович,** р. 14 июля 1859 г. Полтавский кадетский корпус (1877), Александровское военное училище (1879), Военно-юридическая академия. Офицер л. – гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, с 1 сентября 1920 г. по 11 декабря 1924 г. директор Крымского кадетского корпуса, затем во Франции, с 1930 г. основатель и директор корпуса-лицея в Версале. Умер 8 ноября 1933 г. во Франции.

[85] **Лазаревич Лонгин.** Кадет Полтавского кадетского

корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921). Умер до 1965 г.

[86] **Трусов Е.В.** Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, с 15 октября 1920 г. по 1 сентября 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса, затем, до 1 августа 1933 г., Первого Русского кадетского корпуса.

[87] **Потемкин Дмитрий Александрович.** Кадет Сумского кадетского корпуса. Во время большевистского переворота спас корпусное знамя. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Николаевское кавалерийское училище, университет. Корнет 15-го гусарского полка. После 1945 г. в США. Умер 15 сентября 1978 г. в Нью-Йорке.

[88] **Яконовский Евгений Михайлович,** р. в 1903 г. Кадет 5-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В январе 1918 г. участник обороны Оренбурга. В Вооруженных силах Юга России кадет Одесского кадетского корпуса (выпуск 1921 г.). Участник похода из Одессы и боя под Канделем, затем в Русской Армии. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), университет. Юнкер 4-й артиллерийской бригады и л. – гв. Гренадерского полка. В эмиграции во Франции, служил во французской армии, до 1956 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 мая 1974 г. в Монтобане (Франция).

[89] **Цареградский Михаил Михайлович.** Полковник, воспитатель Владикавказского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. С 1 сентября 1929-го по 1 августа 1935 г. воспитатель и преподаватель Первого Русского кадетского корпуса и Донского Мариинского института. Служил в Русском Корпусе. Умер 20 мая 1962 г. в Гаутинге (Германия).

[90] **Костецкий Стефан Петрович.** Прапорщик. В Добровольческой армии в 1-й полевой тяжелой батарее, с 15 марта 1919 г. подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе до эвакуации Крыма; 13 октября 1920 г. окончил Офицерскую артиллерийскую школу. Капитан. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в 1-й батарее 5-го артиллерийского дивизиона. С 1921 г. курсовой офицер Сергиевского артиллерийского училища. Осенью 1925 г. в составе 5-го артдивизиона в Болгарии и Сергиевского артиллерийского училища в Чехословакии.

[91] **Георгиевский Георгий Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Капитан. С октября 1919 г. курсовой офицер Сергиевского артиллерийского училища.

Галлиполиец, с ноября 1920 г. старший офицер 1-й батареи, в 1921 г. курсовой офицер того же училища. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. Полковник.

[92] **Пенчо Владимир Дмитриевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище, к 1922 г. в Болгарии. Подпоручик. Осенью 1925 г. в прикомандировании к тому же училищу во Франции, в 1933 г. переведен в училище.

[93] **Миляновский Федор.** Священник, настоятель храма-памятника в Севастополе. Во ВСЮР и Русской Армии с октября 1919 г. до эвакуации Крыма. Галлиполиец. До 1922 г. священник Сергиевского артиллерийского училища, затем благочинный 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев. В эмиграции в Болгарии. Умер 26–28 ноября 1932 г. в Велико-Тырново (Болгария).

[94] **Казьмин Николай Андреевич,** р. 19 января 1880 г. Из дворян ВВД. Донской кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1901), Михайловская артиллерийская академия (1910). Полковник, командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища. С 1918 г. в гетманской армии; 29 ноября 1918 г. назначен командиром батареи Одесской артиллерийской школы с 1 ноября 1918 г. Во ВСЮР и Русской Армии с 1919 г. на той же должности, с 2 ноября 1919 г. командир дивизиона и помощник начальника, с января 1920 г. начальник училища до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с июля 1920 г.). Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец. На 1931 г. начальник Сергиевского артиллерийского училища. С 1921 г. в Болгарии, откуда выслан в апреле 1922 г., с 1924 г., осенью 1925 г. в составе училища во Франции. Умер 2–3 июля 1965 г. в Шелль (Франция).

[95] **Грибовский Роман Ильич,** р. в 1881 г. Полковник артиллерии. С 1918 г. в гетманской армии; 30 сентября 1918 г. назначен помощником командира 3-й легкой артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России; с февраля 1920 г. командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища, с весны 1920 г. командир дивизиона училища; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес», на о. Проти на корабле «Кизил Ермак» и в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец. В апреле 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Югославии.

[96] **Лебедев Олег Иванович,** р. в 1892 г. Из казаков ст. Роговской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище

(1912). Есаул 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в своем полку, с 19 декабря 1918 г. полковник, с 17 марта 1919 г. командир 1-го Екатеринодарского полка, затем начальник Кубанского Алексеевского училища в Екатеринодаре. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос, с 21 февраля 1921 г. начальник Кубанского Алексеевского военного училища. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Генерал-майор. В эмиграции в 1920-е гг. начальник гарнизона Сеймена в Болгарии, в 1931 г. в Аньере (Франция), затем в США, командир «Русского гарнизона» № 297 в американской армии. Умер 14–15 ноября 1973 г. в Нью-Йорке.

[97] **Липкин Владимир Николаевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. юнкер Сергиевского артиллерийского училища. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции к 1934 г. в Плевне (Болгария).

[98] **Островский Борис Евгеньевич,** р. в 1902 г. Вольноопределяющийся. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в 4-й батарее 5-го артиллерийского дивизиона. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же училища в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Аргентине, член Общекадетского объединения. Умер 24 ноября 1966 г. в Буэнос-Айресе.

[99] **Феоктистов Сергей Павлович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же училища в Чехословакии. В эмиграции там же, в 1933 г. член Галлиполийского землячества в Праге.

[100] **Пахиопуло (Попов) Константин Георгиевич,** р. 28 декабря 1899 г. в Санкт-Петербурге. Одесское реальное училище. В Добровольческой армии с 19 октября 1918 г. на бронепоезде «Вперед за Родину». Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе того же училища в Болгарии. В эмиграции там же, начальник пожарной команды. Умер 20 июня 1934 г. в Русе или Рущуке (Болгария).

[101] **Вицын Петр Алексеевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции в Чехословакии, в 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Праге. После

1945 г. в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер после 1956 г.

[102] **Давыдов Георгий Дмитриевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же училища в Болгарии.

[103] **Смирнов Василий Александрович,** р. 5 декабря 1901 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик конной артиллерии. В эмиграции в Болгарии. После 1945 г. в США. Умер 19 января 1981 г. в Рочестере (США).

[104] **Тихонов Борис Дмитриевич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же училища в Болгарии.

[105] **Поликарпович Борис Валентинович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1977 г. в Харрогейте (Англия).

[106] **Кашкадамов Павел Михайлович,** р. 12 ноября 1900 г. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Младший фейерверкер. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции в Чехословакии, к 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Праге, инженер-архитектор. Арестован 9 июля 1945 г. и до 1955 г. был в легерях в СССР. Умер 19 апреля 1960 г. в Праге.

[107] **Письменный Тит Васильевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Младший унтер-офицер. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик.

[108] **Флейшер Алексей.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик.

[109] **Колтунов Михаил Макарович.** Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922–1923 гг. преподаватель Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона и Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

[110] **Мамушин Владимир Николаевич.** Капитан. В

Вооруженных силах Юга России; с октября 1919 г. командир 2-й батареи Сергиевского артиллерийского училища, с февраля 1920 г. начальник базы училища в Джанкое, с весны 1920 г. снова командир 2-й батареи до эвакуации Крыма. Полковник (с ноября 1920 г.). Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу училища в Париже. Управляющий русской колонией в Эленкур-Сен-Маргерит. Умер 1 марта 1947 г. там же.

[111] **Калиновский Николай Лукич.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Подпоручик.

[112] **Трейман Федор Федорович.** Статский советник, лекарь. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете, помощник начальника санчасти и начальник походного лазарета. На 26 ноября 1918 г. врид начальника санитарной части армии, с декабря 1918 г. и. д. начальника санитарной части армии, затем врач для поручений при полевом военно-санитарном инспекторе, с 22 июля 1919 г. корпусной врач 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18–28 декабря 1920 г. корпусной врач 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Надворный советник. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии, в 1923–1924 гг. председатель Союза Первопоходников, директор санатория в Велико-Тырново, к 1931 г. корпусной врач 1-го армейского корпуса. Статский советник. Отравился в 1945 г. в Велико-Тырново.

[113] **Растегаев Михаил Петрович.** Из казаков ст. Некрасовской Кубанской обл. 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Подъесаул 1-го Кавказского казачьего полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском конном полку, в марте 1918 г. придан Офицерскому полку. Есаул. В августе 1918 г. войсковой старшина в Марковских частях, с сентября 1918 г. командир конно-артиллерийского дивизиона, с января

1919 г. полковник в Кубанской казачьей дивизии, с октября 1919 г. командир 1-го Партизанского полка Кубанского казачьего войска, с марта 1920 г. командир Кубанского казачьего полка и бригады. Генерал-майор (1919). С марта 1920 г. в отставке. Галлиполиец. Комендант штаба 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. Умер *6* июля 1961 г. в Париже.

[114] **Кедрин Николай Константинович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Подпоручик. Умер в 1920-х гг. в Болгарии.

[115] **Земсков Владимир Александрович,** р. в 1897 г. в Саратовской губ. Во ВСЮР и Русской Армии юнкер Сергиевского артиллерийского училища до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии (прикомандирован, с 1933 г. переведен в училище). Подпоручик. Служил в Русском Корпусе. Умер 28 февраля 1965 г. в Орлеане.

[116] **Крылов Пантелеймон Максимович.** Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря

1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Бомбардир. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Хорунжий Донской артиллерии. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

[117] **Федоров Константин Степанович,** р. в октябре 1882 г. в Петрограде. Поручик, воспитатель Одесского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Капитан. Эвакуирован в Зеленик (Югославия) в составе Сводного кадетского корпуса, с марта по 28 сентября 1920 г. воспитатель Первого Русского кадетского корпуса. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. хозяин Офицерского собрания Сергиевского артиллерийского училища в Болгарии.

[118] **Иванов Лев Львович,** р. в 1900 г. в Подольской губ. Юнкер. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуировался из Ялты на эсминце «Живой». Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Владимир». В Русской Армии юнкер до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Умер в 1963 г. в Тунисе.

[119] **Оссовский Леонид Викторович.** Одесский кадетский корпус (1919). Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии в Юнкерской батарее, на бронепоезде «Иван Калита», затем в Белозерском пехотном полку. Участник Бредовского похода. В Русской Армии с августа 1920 г., юнкер Сергиевского

артиллерийского училища до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Галлиполиец. Окончил училище в 1923 г. в Болгарии. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе училища (в прикомандировании, с 1933 г. переведен в училище) там же. В эмиграции в Болгарии, Люксембурге и Парагвае; служил в парагвайской армии, к 1959 г. капитан, затем полковник (к 1975 г. в отставке). Журналист, представитель «Нашей Страны». Умер 1 июля 1985 г. в Асунсьоне.

[120] Речь идет об офицерах Алексеевского артдивизиона Иване (штабс-капитан), Иосифе (подпоручик) и Павле (штабс-капитан) Иосифовичах Зориных.

[121] **Шевяков Григорий Илларионович,** р. 24 августа 1900 г. в Елисаветграде. Гимназия в Киеве. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. вольноопределяющийся на бронепоездах «Димитрий Донской», «Витязь», «Генерал Алексеев» и № 8. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Канонир. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1923). Подпоручик. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 20 октября 1975 г. в Патерсоне (США).

[122] **Субботин Владимир Павлович.** В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии. Хорунжий. В эмиграции в Болгарии, артист.

[123] **Кравченко Евгений Васильевич,** р. в 1892 г. Из казаков хут. Широчанского Кубанской обл. Сумский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Подъесаул 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском конном полку; во главе сотни юнкеров участвовал в разгоне Кубанской Рады. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского военного училища в Болгарии. Полковник. В эмиграции во Франции (в Гренобле), в 1929–1931 гг. в Риве; помощник командира Екатеринодарской сотни при Кубанском Алексеевском военном училище, с 1932 г. председатель объединения Сумского кадетского корпуса, член Общества Галлиполийцев. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (3-й выпуск), с 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, в 1938–1939 гг. редактор журнала «Армия и Флот». Во время Второй мировой войны командир полка в казачьих частях германской армии. После 1945 г. в Германии, начальник 2-го отдела РОВС, представитель

Кубанского атамана в Германии. Умер *6* февраля 1957 г. в Гаутинге (Германия).

[124] **Скориков Николай Евдокимович,** р. в 1883 г. Из казаков ст. Кирпильской Кубанской обл. Хорунжий. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии. Есаул. В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 27 марта 1927 г. в Брее (Франция).

[125] **Попов Ростислав Владимирович,** р. 2 апреля 1902 г. Кадет Полтавского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921). Вольноопределяющийся. Старший унтер-офицер л. – гв. Петроградского полка. В эмиграции в Бельгии, на 1 мая 1939 г. член полкового объединения. Инженер. Умер 16 августа 1981 г. в Бельгии.

[126] **Промтов Михаил Николаевич,** р. в 1857 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1874), Михайловское артиллерийское училище (1877), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 марта 1919 г. член особой комиссии, с сентября 1919-го по январь 1920 г. командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. С 11 декабря 1924-го по 1 сентября 1929 г. директор Крымского кадетского корпуса. Умер в 1951 г. в Белграде.

[127] **Рябинский Аполлинарий Александрович,** р. 15 июля 1890 г. в Витебске. Симбирский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Штабс-капитан 81-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. с Корниловским полком; в боях с 18 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пулеметной роты Корниловского полка. Ранен 14 октября 1918 г. под Армавиром. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Югославии, председатель полкового объединения 81-го пехотного полка. После 1945 г. в Аргентине. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 10 апреля 1982 г. в Буэнос-Айресе.

[128] Впервые опубликовано: Корниловцы. Юбилейная памятка 1917–1967 гг. Париж, 1967.

[129] Воспоминания М.Н. Левитова публикуются ниже.

[130] **Баранов Вячеслав Григорьевич,** р. 26 февраля 1888 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Луганской. Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908), Офицерская воздухоплавательная

школа (1911), Гатчинская авиационная школа (1912). Подполковник, командир

7- го авиадивизиона. Георгиевский кавалер. С 15 декабря 1917-го по 26 января 1918 г. инспектор авиации в украинской, с августа 1918 г. в гетманской армии, инспектор авиации Киевского района, с 30 августа 1918 г. всей армии. В Донской армии с сентября 1918 г., командир Донского самолетного дивизиона, с 25 декабря 1918 г. полковник, с 26 сентября 1918 г. по апрель 1920 г. начальник авиации Донской армии. В Русской Армии в отделе авиаглава до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1920). Эвакуирован на корабле «Сцегед». В эмиграции во Франции, с 1930 г. товарищ председателя, затем председатель Союза русских летчиков в Париже, в 1931 г. член учебного комитета, с 1938 г. руководитель (помощник руководителя) Высших военно-научных курсов в Париже, с 1939 г. в Англии. Умер 21 июля 1964 г. в Лондоне.

[131] Впервые опубликовано: Россия, 1931. № 11.

[132] **Стрижевский Владимир Иванович.** Студент. Севастопольская авиационная школа (1915). Прапорщик 9-го истребительного авиаотряда. Георгиевский кавалер. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; с 20 октября 1918-го по 31 октября 1920 г. в 9-м армейском авиационном отряде, 3-м и 2-м Донских самолетных отрядах, в 6-м авиационном отряде. Капитан. В эмиграции в Югославии, служил в гражданской авиации. Погиб 22 августа 1940 г. в Велебите (Югославия).

[133] **Никитин Виктор Михайлович,** р. в 1894 г. Киевская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище, Севастопольская авиационная школа (1915). Штабс-ротмистр 2-го уланского полка и 12-го корпусного авиационного отряда. В Вооруженных силах Юга России; в 1919–1920 гг. командир

8- го авиационного отряда. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. во 2-й роте Авиационного батальона Технического полка в Галлиполи. Ротмистр. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. В эмиграции в Югославии, служил в гражданской авиации. Погиб 12 сентября 1933 г. в Любляне.

[134] **Ярошенко Михаил Семенович,** р. в 1893 г. в Белгороде. Харьковский университет, Севастопольская авиационная школа (1917), авиационная школа в Англии (1917). Прапорщик, военный летчик. В Вооруженных силах Юга России (перешел от красных) в

1919–1920 гг. во 2-м и 8-м авиационных отрядах. Подпоручик. В Русской Армии в авиационных частях до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. во 2-й роте Авиационного батальона Технического полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. В эмиграции там же, служил в гражданской авиации. Погиб 15 июля 1936 г. в Любляне.

135 **Обозненко Евгений Н.,** р. в 1896 г. Суворовский кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады, с лета 1919 г. старший офицер той же батареи. Полковник. В эмиграции в Югославии, к 1949 г. в Германии, затем в США. Умер 4 декабря 1959 г. в Честере (США).

136 Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Июль 1964. № 34.

137 **Щеголев Владимир.** Полковник В Добровольческой армии и ВСЮР; с 12 января 1919 г. командир 1-й батареи 1-го конно-артиллерийского дивизиона, с 13 апреля 1919 г. командир того же дивизиона. В Русской Армии на октябрь 1920 г. инспектор конной артиллерии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (15 октября 1919 г.). В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1931 г. возглавлял группу конно-артиллерийского дивизиона.

138 **Берестовский В.В.** Прапорщик запаса. Офицер 9-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. командир дивизиона своего полка. Полковник. Тяжело ранен. Галлиполиец. В эмиграции с 1924 г. в Албании. Умер в 1944 г. там же.

139 Впервые опубликовано: Первопоходник. Апрель 1976. № 30.

140 **Улагай Кучук Касполетович.** Реальное училище в Екатеринодаре, Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. в Кубанской армии, с января 1918 г. командир черкесской партизанской сотни на Кубани. Участник

1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 1-го Черкесского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. участник десанта на Кубань, в сентябре 1920 г. начальник партизанского отряда на Кубани, с октября 1920 г. в войсках генерала Фостикова там же. Полковник. В эмиграции в Болгарии, в 1924 г. участник похода в Албанию и возведения на престол А. Зогу, на службе в албанской

армии (состоял при короле Албании), с 1939 г. в Югославии. Во время Второй мировой войны командир Кавказского горского отряда у Краснова, глава Мусульманского комитета по освобождению Кавказа. После 1945 г. в Чили, служил в Военно-географическом институте. Умер 8 апреля 1953 г. в Сантьяго.

[141] **Сукуренко Дмитрий Леонтьевич.** Ротмистр. В Вооруженных силах Юга России в эскадроне 5-го гусарского полка. В эмиграции участник похода в Албанию в 1924 г. Умер 24 апреля 1963 г. в Караганде.

[142] Воспоминания А.П. Сукачева публикуются ниже.

[143] **Сукачев Лев Павлович,** р. 3 марта 1895 г. в им. Яблочкино. Из дворян Екатеринославской губ. Тенишевское училище в Петрограде, Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр 5-го уланского полка, начальник команды в 1-м авиационном отряде. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в 1-м экадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде полковника Гершельмана, затем в 5-м гусарском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. В 1924 г. участник Албанского похода, майор албанской армии, командир гвардейского полка. В 1939–1949 гг. в итальянской армии, с 1947 г. бригадный генерал. С 1949 г. в США. Умер 29 января 1975 г. в Монтерее (США).

[144] Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. Июнь – июль 1964. № 33–34.

[145] 5-й гусарский Александрийский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка в январе – марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк (I) и весной 1919 г. в состав Перекопского отряда Крымско-Азовской армии, затем переброшен на Кавказ. Собственный полк (6 эскадронов) сформирован 1 июля 1919 г. в Грозном (из ставропольцев – старых солдат кавалерии, ногайцев и калмыков) в составе Войск Северного Кавказа. Принимал участие в усмирении Чечни. К октябрю 1919 г. имел около 2000 человек при 3 штаб- и 27 обер-офицерах (на 5 октября 1919 г. насчитывал 861 саблю и 18 пулеметов), к 5 марта 1920 г. – около 400 человек. В марте отошел из Владикавказа в Грузию, откуда 11 апреля переброшен в Крым. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 1-й кавалерийский полк. Командиры: полковник И.А. Глебов (весна – октябрь 1919 г.), полковник Доможиров (октябрь 1919-го – апрель 1920 г.). Кроме того, возрожден на Восточном фронте как Самарский гусарский полк. В эмиграции начальник полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – полковник С.А. Топорков.

[146] Имеется в виду Кавказская кавалерийская дивизия, состоявшая из 16-го, 17-го и 18-го драгунских полков.

[147] **Красенский Михаил.** Прапорщик 17-го драгунского полка (с декабря 1917 г. Кабардинского конного полка). В Добровольческой армии с весны 1918 г. из Ессентуков. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 17 января 1919 г. корнет. Ротмистр. В эмиграции с 1924 г. в Албании, служил в албанской армии до 1939 г., затем в итальянской армии в России, председатель Особого военного трибунала по борьбе с коммунизмом в Албании. Повешен коммунистами в 1945 г. в Тиране.

[148] **Белевский Николай Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии юнкер в Учебном кавалерийском дивизионе до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в 1-м эскадроне дивизиона в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Корнет 9-го гусарского полка. В эмиграции в Албании, с 1924-го по 1939 г. служил в албанской, затем в итальянской армии в России. Убит красными партизанами в Албании.

[149] **Иванов (Алексеев Павел Иванович).** Из духовенства. Донская духовная семинария, ветеринарный институт (не окончил). В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. доброволец Студенческой дружины, с января 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, с мая 1918 г. прапорщик. С лета 1918 г. во 2-м офицерском конном полку. Тяжело ранен, эвакуирован в Египет, возвратился в Русскую Армию в Крым. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии. Умер после 1964 г.

[150] Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. Декабрь 1964. № 39. Июнь 1965. № 45.

[151] **Возовик Дмитрий Александрович,** р. 31 августа 1894 г. Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте Корниловского ударного полка, с июля 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, поручик. Тяжело ранен в 1920 г. Эвакуирован 2 марта 1920 г. из Одессы в Египет на корабле «Гленгорн Кастл». Вернулся в Крым. В Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 7-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Болгарии и Франции. Капитан. Умер 8 октября 1965 г. в Париже.

[152] **Морозов Владимир Михайлович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник связи полка. В июле 1918 г. командир офицерской роты полка, затем командир батальона. Капитан (с 26 декабря 1918 г.). Тяжело ранен в 1920 г., в госпитале в Египте. Умер в Константинополе осенью 1920 г. (по другим данным, убит в феврале – марте 1919 г. у ст. Енакиево под Дебальцево).

[153] **Делов Алексей Павлович,** р. в 1897 г. Духовная семинария, студент. В Добровольческой армии и ВСЮР; доброволец. К 1920 г. в Египте. В эмиграции в Болгарии и Италии. Умер 13 сентября 1963 г. в Риме.

[154] **Бородин Сысой Капитонович,** р. 6 июля 1883 г. Из казаков ст. Нижне-Курмоярской Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1904), академия Генштаба (1913). Подполковник, и. д.

начальника штаба 183-й пехотной и 2-й Туркестанской казачьей дивизий. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; с февраля 1918 г. глава комиссии, посланной в ст. Константиновскую, 24 марта – 2 апреля 1918 г. командир отряда восставших в районе Котельниково (возглавил казаков станиц Верхне-Курмоярской, Нижне-Курмоярской, Нагавской, Есауловской и Потемкинской), с марта по апрель 1918 г. командир Нижне-Курмоярского полка, с 10 мая 1918 г. полковник; с мая 1918 г. (и по 1920 г.) председатель военной комиссии Войскового Круга ВВД, на 26 июня и 20 ноября 1918 г. начальник отдела связи штаба ВВД, с 25 января 1919 г. и. д. начальника штаба 8-го Донского отдельного корпуса, затем начальник штаба ВВД, с 1920 г. начальник штаба Донской отдельной учебной бригады, на 1 октября 1920 г. начальник штаба 3-й Донской конной дивизии Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос, и. д. командира 9-го Гундоровского Георгиевского полка, с 29 августа 1921 г. начальник штаба 2-й Донской казачьей дивизии. Генерал-майор (1921). В эмиграции с 1921 г. в Софии, с 1922 г. во Франции (таксист в Париже), к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба; с 1941 г. в Германии, с 1944 г. в казачьих частях германской армии и РОА. После 1945 г. во Франции. Умер 20 февраля 1961 г. в Ганьи (Франция).

155 **Турчанинов Георгий Александрович.** Корнет 17-го гусарского полка. Осенью 1918 г. в русских добровольческих частях в Киеве. В Вооруженных силах Юга России с января 1919 г.; к 1 апреля 1919 г. в дивизионе своего полка в 1-м конном полку, в мае командир 1-го эскадрона. Поручик, ранен и контужен 15 октября 1919 г. В Русской Армии в эскадроне своего полка в 3-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Штабс-ротмистр. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи. В эмиграции с 1920-х гг. в Эфиопии, инженер-агроном, в 1960-х гг. председатель полкового объединения. Ротмистр. Умер 28 января 1977 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия).

156 Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 45–46.

157 **Банкул Михаил Викторович.** Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в тяжелой артиллерии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 5-го артдивизиона в Болгарии. В эмиграции с 1920-х гг. в Эфиопии, директор компании «Зингер». Умер до 1989 г.

158 **фермор Александр Николаевич,** р. 20(25) сентября 1886 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын чиновника. Училище правоведения (1909). Коллежский асессор, чиновник Государственной канцелярии. Произведен в офицеры из

вольноопределяющихся в 1914 г. Поручик л. – гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с 6 ноября 1917 г.; с января 1918 г. командир взвода во 2-м экадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В июне – августе 1919 г. ротмистр, командир эскадрона л. – гв. Уланского Его Величества полка во

2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с января 1920 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). На май 1920 г. в Югославии. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Подполковник. В эмиграции в Константинополе, с 1920-х гг. в Эфиопии; сформировал конную гвардию императора, инструктор Абиссинской армии, начальник конвоя негуса Эфиопии, затем во Франции. Генеалог. Полковник. Умер 17 июля 1931 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[159] Впервые опубликовано отдельной брошюрой под тем же названием: Б.м., 1977.

[160] **Доманевский Владимир Николаевич,** р. 12 марта 1878 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1897), академия Генштаба (1903). Офицер л. – гв. Конной артиллерии, командир 14-го гусарского полка. Генерал-майор, и. д. начальника штаба Приамурского военного округа. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с февраля 1918 г. у генерала Хорвата в Харбине, с февраля 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего во Владивостоке при эсеровском правительстве. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, к 1931 г. возглавлял группу л. – гв. Конной артиллерии в Париже. Умер 4 апреля 1937 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[161] **Черячукин Александр Васильевич,** р. 18 марта 1872 г. Из дворян ВВД, сын чиновника, казак ст. Богоявленской. Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л. – гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 17-го Донского казачьего полка, начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии, командующий 2-й казачьей сводной дивизией. В Донской армии; до 12 февраля 1918 г. командующий Северо-Западным фронтом, затем скрывался в районе ст. Грушевской. С 4 мая 1918 г. снова в армии, с 5 мая по июль и в сентябре – декабре 1918 г. заместитель и атаман «Зимовой станицы» – посол на Украине, в июле – сентябре 1918 г. в Германии (член делегации с герцогом Лейхтенбергским к императору Вильгельму). В декабре 1918 г. сыграл важную роль в спасении и эвакуации в Германию

нескольких сот русских офицеров. С декабря 1918 г. по начало 1920 г. посол ВВД в Польше, с марта 1920 г. директор Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923 г., эвакуирован с корпусом в Египет. Генерал-лейтенант (30 сентября 1918 г.). В эмиграции во Франции, рабочий на заводе, к 1931 г. член объединения л. – гв. Конной артиллерии, до 1 сентября 1930 г. председатель Союза Донской артиллерии в Париже, до 1934 г. заместитель войскового атамана ВВД, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 12 мая 1944 г. в Ницце (Франция).

162 **Виноградский Александр Николаевич,** р. 24 апреля 1874 г. Пажеский корпус (1893), академия Генштаба (1899), Офицерская артиллерийская школа. Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Генерал-майор, командир 15-й артиллерийской бригады, начальник русской артиллерийской миссии при румынской армии. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919-го – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, на 1934 г. член суда чести главного правления Союза Пажей; к ноябрю 1934 г. в Лозанне. Умер 2 декабря 1935 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

163 **Иванов Н.П.** Полковник. В эмиграции во Франции, в 1931 г. член учебного комитета, с 1933 г. преподаватель, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) Высших военно-научных курсов в Париже.

164 **Ставицкий Петр Петрович.** Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции; на декабрь 1924 г. председатель объединения Собственного Его Величества Железнодорожного полка, в 1931 г. возглавлял группу полка в Булони, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже.

165 **Петров Александр Маркович.** Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. В эмиграции во Франции в составе Дроздовского полка. Окончил курсы Генерального штаба в Париже, затем преподаватель тех же курсов. Умер в Париже.

166 **Алексеев Николай Николаевич,** р. 25 марта 1875 г. Полоцкий кадетский корпус (1892), Михайловское артиллерийское училище (1895), академия Генштаба (1902). Офицер л. – гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир 26-го армейского корпуса. В Донской армии; с 18 октября, на 20 ноября 1918 г. командующий Северной группой, с февраля 1919 г. начальник штаба группы Мамонтова, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 1-й Донской армии, с 12 мая

1919-го по 23 апреля 1920 г. командир 1-го Донского отдельного корпуса, с 23 апреля по декабрь 1920 г. начальник штаба Донской армии и Всевеликого Войска Донского (с 28 ноября 1919 г. – походного штаба Донского атамана). Генерал-лейтенант (18 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции, на 20 мая 1938 г. в Исси-ле-Мулине, затем в Париже, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1949 г. председатель Союза Российских кадетских корпусов, на ноябрь 1951 г. старший представитель объединения л. – гв. 3-й артиллерийской бригады. Умер 15 сентября 1955 г. в Париже.

[167] **Рябиков Павел Федорович,** р. 24 марта 1875 г. Сын подполковника. Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896), академия Генштаба. Офицер л. – гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Правителя, с 2 октября по 8 ноября 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, одновремено в 1918–1919 гг. профессор академии Генштаба. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Японии, в Шанхае, в Чехословакии, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер *1П* августа 1932 г. в Праге.

[168] **Секретев Александр Степанович,** р. 8 августа 1881 г. в ст. Чернышевской. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1899), Николаевское кавалерийское училище (1901). Офицер л. – гв. Атаманского полка. Полковник, командир 24-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в апреле – мае

1918 г. командир 1-го конного полка под Новочеркасском, в 1919 г. генерал-майор, командир бригады, командир 2-го Донского отдельного корпуса, в мае

1919 г. командир конной группы из двух дивизий, затем начальник 9-й Донской конной дивизии, в начале 1920 г. командир 4-го Донского корпуса, с марта 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала А.А. Павлова) до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии без должности. Генерал-лейтенант. В эмиграции с ноября 1920 г., с 1921 г. в Болгарии, в конце 1922 г. возвратился в СССР. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 мая 1931 г. в Москве.

[169] **Трикоза Евгений Владимирович,** р. в 1881 г. Николаевское инженерное училище (1902). Полковник, военный инженер. В эмиграции во Франции, преподаватель Высших военно-научных курсов в Париже. Умер 30 марта 1974 г.

в Париже.

[170] **Пятницкий Николай Владимирович,** р. в 1890 г. Есаул Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанской батареи. Во ВСЮР начальник штаба 34-й пехотной дивизии, осенью 1919 г. штаб-офицер для поручений при штабе Кавказской армии. Полковник. Эвакуирован в начале 1920 г. из Крыма на корабле «Константин». Галлиполиец. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск), затем преподаватель, в 1931 г. библиотекарь и казначей, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, в 1941–1944 гг. редактор газеты Управления делами русской эмиграции «Сигнал» в Париже. Осужден на 10 лет, до 1952 г. во французской тюрьме. Умер 19 ноября 1962 г. в Париже.

[171] **Бубнов Александр Дмитриевич,** р. в 1883 г. в Варшаве. Из дворян, сын офицера. Гимназия, Морской корпус (1903), Морская академия (1913). Контр-адмирал, начальник Морского управления Ставки ВГК. С декабря 1918-го по 1920 г. член русской делегации на Версальской конференции от адмирала Колчака. Во ВСЮР и Русской Армии; с мая 1919 г. командир дивизиона миноносцев, с 20 августа 1919-го по 8 февраля 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Эвакуирован в Турцию. 29 июня (2 октября) 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В эмиграции во Франции и Югославии; в 1923–1941 гг. профессор в Югославской морской академии. Умер 2 февраля 1963 г. в Кралье (Югославия).

[172] **Краснов Петр Николаевич,** р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области Войска Донского. Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л. – гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской. С 3 мая 1918-го по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, в январе 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином. На декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л. – гв.

Атаманского полка. С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Аиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

[173] **Гулевич Арсений Анатольевич,** р. 14 февраля 1866 г. в Москве.

3-й Московский кадетский корпус (1883), Александровское военное училище (1885), академия Генштаба (1892). Офицер л. – гв. Финляндского полка, командир л. – гв. Преображенского полка. Генерал-лейтенант, командир 21-го (37-го) армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Остался в Финляндии. С декабря 1918 г. участник организации похода добровольческих формирований из Финляндии на Петроград, представитель Северо-Западной армии в Финляндии, до 1920 г. заведующий учреждениями Красного Креста в Финляндии. В эмиграции во Франции, с 1920 г. в Париже, на декабрь 1924 г. заместитель председателя и председатель исторической комиссии Гвардейского объединения, командор Союза Преображенцев, председатель Союза офицеров – участников войны, председатель Союза Преображенцев, профессор Высших военно-научных курсов в Париже, в 1931 г. член учебного комитета курсов, с октября 1933 г. заместитель председателя Союза Инвалидов, с сентября 1934 г. заместитель объединения Гвардии, с 1937 г. председатель Гвардейского объединения. Умер 12 апреля 1947 г. в Париже.

[174] **Боборыков (Бобарыков) Иван Иванович,** р. в 1890 г. Чиновник МИД. Чиновник военного времени. В декабре 1918 г. в 1-м отдельном артиллерийском дивизионе Русского Корпуса в гетманской армии. В начале 1919 г. в Германии при Межсоюзной комиссии по пленным, затем в английской офицерской школе. Во ВСЮР и Русской Армии с января 1920 г. в 3-м армейском корпусе до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в прикомандировании к 6-му артдивизиону во Франции. Коллежский секретарь. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. Умер в 1981 г.

[175] **Репьев Михаил Иванович,** р. 14 сентября 1865 г. Из дворян Симбирской губ. Симбирский кадетский корпус (1882), Константиновское военное училище (1884), Офицерская артиллерийская школа (1908). Генерал-майор, начальник 166-й пехотной дивизии и врид командира 18-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в распоряжении Черноморского военного губернатора, с сентября 1918 г. инспектор артиллерии Астраханского корпуса, 1-го

армейского корпуса, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 24 июля, в сентябре – октябре 1919 г. инспектор артиллерии 5-го кавалерийского корпуса, с 13 ноября 1919 г. – войск Киевской области, затем в резерве чинов войск той же области, с 8 декабря 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 марта 1920 г. не прибыл), начальник обороны Новороссийска. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии инспектор артиллерии 1-й армии, в октябре 1920 г. инспектор артиллерии Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (27 января 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в Галлиполи, инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии, затем в Югославии, с 1924 г. в Париже. Первый председатель Главного правления Общества Галлиполийцев и Общества Галлиполийцев во Франции, в 1931 г. помощник по строевой и хозяйственной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, с 1933 г. помощник командира 1-го армейского корпуса. Председатель Общества офицеров-артиллеристов во Франции, председатель объединения Симбирского кадетского корпуса. Умер 29 апреля 1937 г. в Париже.

[176] **Постовский Александр Иванович,** р. 7 января 1861 г. Из дворян, сын генерал-лейтенанта. Воронежская гимназия (1877), Павловское военное училище и Михайловское артиллерийское училище (1880), академия Генштаба (1888). Офицер л. – гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, в распоряжении военного министра. Георгиевский кавалер. В эмиграции в 1931 г. председатель Общества офицеров Генерального штаба. В эмиграции во Франции. Умер 23 марта 1941 г.

[177] **Хольмсен Иван Алексеевич,** р. 28 сентября 1865 г. Финляндский кадетский корпус (1886), академия Генштаба (1896). Офицер л. – гв. Семеновского полка. Генерал-майор, командир 1-й бригады 53-й пехотной дивизии (в плену с 1915 г.). Георгиевский кавалер. В 1919–1920 гг. представитель адмирала Колчака в Берлине, затем военный представитель ВСЮР и Русской Армии, летом 1921 г. начальник русской делегации в Германии, с апреля 1922 г. представитель генерала Врангеля в Париже. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции во Франции, с 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с декабря 1926 г. член объединения л. – гв. Семеновского полка, с 1930 г. главный казначей РОВС, председатель Гренадерского объединения, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 19 марта 1941 г. в Осло.

[178] **Князь Масальский Владимир Николаевич,** р. 31 октября 1860 г. Пажеский корпус (1880). Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Генерал от артиллерии, инспектор артиллерии Румынского фронта. Георгиевский кавалер. В белых войсках Северного фронта; с 18 ноября 1919 г. начальник артиллерии Мурманского фронта до 20 апреля 1920 г. В эмиграции во Франции. Председатель Общества взаимопомощи л. – гв. Конной артиллерии. Умер 10 апреля 1940 г. в Париже.

[179] **Степанов Иван Петрович.** Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Севастопольская авиационная школа (1913). Подполковник 28-й артиллерийской бригады, инспектор авиации Юго-Западного фронта. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России, летчик, помощник начальника авиации по строевой части. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Панама». В Русской Армии в авиационных частях до эвакуации Крыма. Генерал-майор. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Авиационного батальона Технического полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1951 г. в Париже.

[180] **Руднев Евгений Владимирович.** Александровский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1906). Капитан, начальник Московской авиационной школы Императорского Всероссийского аэроклуба. С 1918 г. в гетманской армии в Одессе. В Добровольческой армии и ВСЮР с 16 сентября 1918 г., в прикомандировании к подвижной авиабазе армии, с 17 октября 1918 г. командир 3-го авиационного отряда, с 1 ноября 1918 г. в прикомандировании к авиапарку, с 20 декабря 1918 г. и. о. инспектора авиации Одесского района, с 8 августа 1919 г. начальник организационного отдела управления начальника авиации ВСЮР (с 12 августа – также врид начальника строевого отдела), с 1 марта 1920 г. в прикомандировании к Севастопольской авиационной школе, с 29 июня – к управлению начальника авиации ВСЮР, с 12 июля врид помощника начальника управления по технической части.

Полковник (12 февраля 1920 г.). В эмиграции во Франции. Умер 7 июня 1945 г. в Париже.

[181] **Бем Евгений Юльевич,** р. 1 марта 1870 г. Николаевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1889), академия Генштаба (1896). Генерал-майор, командир 18-го инженерного полка, инспектор инженерной части Киевского военного округа. В белых войсках Северного фронта; начальник военных сообщений Архангельского и Мурманского фронтов, с 1919-го по январь 1920 г. в штабе Главнокомандующего войсками Северной области, с января 1920 г. представитель его в

Финляндии. В эмиграции во Франции. Организатор Военно-инженерных курсов, в 1931 г. начальник Высших военно-технических курсов, с 1943 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 17 мая 1951 г. в Париже.

[182] **Шуберский Александр Николаевич,** р. 20 августа 1875 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1895), академия Генштаба (1904). Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Генерал-майор, и. д. начальника штаба Гвардейской стрелковой бригады, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии; член военно-ученого комитета при Главном управлении Генштаба, 30 ноября 1918 г. назначен и. о. начальника Генштаба; в ноябре – декабре 1918 г. в Киеве. В Вооруженных силах Юга России; в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 апреля 1919 г. начальник штаба 2-го Кубанского корпуса, с 17 сентября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, затем в резерве чинов войск Киевской области, с 8 декабря 1919 г. в резерве чинов войск Новороссийской области (на 25 марта 1920 г. не прибыл). Эвакуирован в 1919–1920 гг. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, на 10 августа 1928 г. в Белграде, член объединения л. – гв. Егерского полка, в 1930 г. организовал Высшие военнонаучные курсы в Белграде, в 1935 г. возглавил Военно-научный институт в Белграде. После 1945 г. на юге Франции, председатель отдела Союза русских военных инвалидов в Ницце, председатель отдела Союза Пажей. Умер 11 июня 1963 г. в Ментоне (Франция).

[183] **Русин Александр Иванович,** р. 8 августа 1861 г. Морской корпус (1881), Морская академия (1888). Адмирал, начальник Морской академии, начальник Морского штаба ВГК. В эмиграции во Франции, в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание; председатель Всезарубеж-ного объединения морских организаций, председатель Кают-компании в Париже, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже; на 31 января 1944 г. почетный член и с 20 января 1949 г. почетный председатель Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 17–18 ноября 1956 г. в Касабланке (Марокко).

[184] **Суворов Михаил Николаевич,** р. 15 августа 1877 г. Из дворян Калужской губ. Сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус (1894), Московское пехотное юнкерское училище (1896), академия Генштаба (1906). Офицер л. – гв. Егерского полка. Генерал-майор, и. д. начальника штаба Гвардейской стрелковой

дивизии, начальник штаба 2-й Латышской стрелковой дивизии, командир 121-го пехотного полка. Взят заложником в сентябре 1918 г. в Петрограде. Работал в подпольной организации. В Северо-Западной армии; с мая по 12 августа 1919 г. член Политического совещания при генерале Юдениче. В эмиграции во Франции, на 10 августа 1928 г. в Париже, член объединения л. – гв. Егерского полка, с 1930 г. член суда чести парижской группы объединения, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 1 февраля 1948 г. в Париже.

185 **Прокофьев Сергей Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона во Франции. Полковник. В эмиграции там же, член объединения Константиновского военного училища. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов.

186 **Яновский Владимир Георгиевич,** р. в 1897 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес». Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военнонаучные курсы в Париже (1-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов.

187 **Конашевич Филипп Андреевич.** Офицер. В Добровольческой армии с осени 1917 г. в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. В эмиграции во Франции, в 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Париже, сотрудник РОВС. Окончил Высшие военнонаучные курсы в Париже (2-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. Умер 2 сентября 1970 г. в Париже.

188 **Осипов Алексей Владимирович,** р. в Саратовской губ. Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; в июне – сентябре 1918 г. бомбардир на бронепоезде № 1 («Генерал Алексеев»), с 10 ноября 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, член редколлегии журнала «Армия и Флот». После 1945 г.

в США, в 1950–1951 гг. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, к 1956 г. в Лос-Анджелесе. Умер после 1963 г.

[189] **Кузнецов Георгий Михайлович.** Поручик. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (4-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, в 1938–1939 гг. член редколлегии, секретарь, редактор журнала «Армия и Флот» в Париже. После 1945 г. в США. Капитан, представитель Главнокомандующего в США, редактор «Военного Вестника» в Нью-Йорке, с 1976 г. начальник отдела РОВС в США. Умер 19 января 1982 г. в Нью-Йорке.

[190] **Галай Николай Яковлевич,** р. в 1903 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. С лета 1919 г. доброволец в 3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Николаевского инженерного училища во Франции. Подпоручик. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск) и преподавал на них, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) курсов, член НСУВ, во время Второй мировой войны на Восточном фронте, заведующий школой переподготовки сдавшихся советских офицеров, затем в институте по изучению СССР. Умер в 1969 г. в Мюнхене.

[191] **Хвольсон Константин Владимирович.** Училище правоведения (1917–1918). Подпоручик л. – гв. Измайловского полка. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск), затем преподаватель, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, с 1938 г. член редколлегии журнала «Армия и Флот», на ноябрь 1951 г. секретарь и казначей отдела Союза Измайловцев во Франции. Умер 3 июня 1969 г. в Париже.

[192] **Власов Андрей Алексеевич,** р. в 1899 г. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Подпоручик 6-го артдивизиона. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (5-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. К 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 13 декабря 1980 г. в Шелль (Франция).

[193] **Ягубов Александр Георгиевич.** Сын офицера. Симбирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Полковник, командир батареи 36-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы – Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й батарее 3-го легкого артиллерийского дивизиона, с 3 января 1919 г. в 1-м броневом автомобильном дивизионе, затем в 3-й артиллерийской бригаде,

с 24 августа 1919 г. командир 3-й батареи той же (впоследствии Дроздовской) бригады, затем командир 2-го дивизиона, с 1920 г. врид командира той же бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1923 г. начальник охраны Великого князя Николая Николаевича. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й выпуск) и преподавал на них, затем заместитель начальника, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) курсов; в 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Париже. Умер 25 августа 1955 г. в Париже.

[194] **Левитов Михаил Николаевич,** р. в 1893 г. Из духовного звания. Духовная семинария, Виленское военное училище (1914). Поручик 178-го пехотного полка. В Добровольческой армии в партизанском генерала Корнилова отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку, командир роты, в мае 1919 г. командир батальона во 2-м Корниловском полку, с июля 1919 г. командир 1-го батальона, с 10 ноября 1919 г. врид командира в 3-м Корниловском полку, затем помощник командира во 2-м Корниловском полку. 13 марта 1920 г. произведен из поручиков в подполковники, с 15 июня 1920 г. до эвакуации Крыма командир 2-го Корниловского полка. Полковник (с июня 1920 г.). Ранен 6 раз. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир того же батальона. До осени 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции председатель полкового объединения, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 15 декабря 1982 г. в Париже.

[195] Впервые опубликовано: *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.

[196] **Граков Владимир Николаевич.** Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 13 июля 1919 г. штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Тяжело ранен. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. начальник команды пеших разведчиков того же полка. Подполковник. Застрелился 22 февраля 1922 г. в Горно-Паничерево (Болгария).

[197] **Гноянoй Яков Давидович.** Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи. Капитан.

[198] **Дашкевич Михаил Никитич.** Из духовного звания. Духовная семинария. Поручик. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. (?) в Корниловском ударном полку; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня

1918 г. командир роты, с июля – 9-й роты Корниловского полка, в октябре

1919 г. командир 1-го батальона в 1-м Корниловском полку, в конце 1919 г. командир 4-го Корниловского полка, с января до февраля 1920 г. командир 1-го Корниловского полка. Эвакуирован в декабре 1919-го – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В июле 1920 г. подполковник, врид командира 1-го Корниловского полка до августа 1920 г. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Полковник. С 24 декабря 1921 г. командир 1-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка во Франции, с 1930 г. во французском Иностранном легионе в Индокитае.

[199] **Челядинов Василий Васильевич.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. врид командира, с августа 1920 г. командир 1-го Корниловского полка (подполковник) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 1-го батальона полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Югославии. Полковник.

[200] **Пух Роман Филиппович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в офицерском отряде полковника Симановского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й офицерской роты Корниловского полка. Тяжело ранен в сентябре 1918 г. под Ставрополем. В начале 1920 г. помощник командира 3-го Корниловского полка, с августа 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 1-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Люксембурге. Полковник, начальник подотдела 5-го отдела РОВС. Священник. Умер 17 июня 1958 г. в Люксембурге.

[201] **Шевляков Сергей Михайлович,** р. в 1891 г. в Санкт-Петербурге. Гимназия в Санкт-Петербурге. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся (1917). Основатель антибольшевистской газеты «Вечерние огни». Во ВСЮР и Русской Армии с 1919 г. до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес» и на о. Проти на корабле

«Кизил Ермак». Галлиполиец. Летом 1922 г. журналист «Русского Дела», в контрразведывательной сети в Болгарии, осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты там же. В эмиграции там же, с 1926 г. редактор газеты «Русь». Умер 12 марта 1927 г. в Софии.

[202] **Бржезицкий Александр Иосифович,** р. около 1883 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР командир Кавказского стрелкового полка, перешел в Корниловский полк в Новороссийске; в Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма (в июне 1920 г. командир 3-го батальона, ранен 28 августа 1920 г.). Эвакуирован на транспорте «Ялта». На 18 декабря 1920 г. в 8-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 2-го батальона того же полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Полковник. В 1933 г. окончил политехнический институт, инженер. Служил в Русском Корпусе. Умер 13 апреля 1971 г. в Грассе (Франция).

[203] **Зозулевский Алексей Ильич,** р. в 1875 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Подполковник кавалерии. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 12-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 9-й роты. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии. Делегат Зарубежного съезда 1926 г., в 1935 г. начальник отдела Союза Первопоходников в Пернике.

[204] Воспоминания Н.П. Керманова публикуются ниже.

[205] **Щеглов Василий Павлович,** р. 18 ноября 1883 г. в Туле. Из мещан. Казанское пехотное юнкерское училище (1904) (1907?). Капитан, командир батальона 303-го пехотного полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, рядовой в офицерской роте полка, затем командир батальона. Ранен летом 1918 г. С июля

1919 г. командир 2-го батальона во 2-м Корниловском полку, затем командир 3-го батальона в том же полку, с 24 сентября 1919 г. врид командира того же полка. С ноября 1919 г. (с января 1920 г.) командир 3-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 3-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 17 октября (7 ноября) 1930 г. в Озуар-ля-Ферье (Франция).

[206] **Кондратьев Иван Михайлович,** р. 15 октября 1889 г. во Владикавказе. Из мещан. Тифлисская гимназия, Тифлисское

военное училище (1910). Подполковник, командир 22-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В августе 1918 г. в Южной армии, затем в Донской армии; командир роты и батальона 43-го Донского казачьего полка, в конце 1919 г. ранен и эвакуирован в Египет. С октября 1920 г. в Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Полковник (31 января 1919 г.). На 18 декабря

1920 г. в 6-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 10-й роты. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции начальник группы Корниловского полка в Болгарии, с 1938 г. командир Корниловского полка. Служил в Русском Корпусе. Убит 21 февраля 1945 г. у г. Хум (Югославия).

[207] **Силин Георгий Николаевич,** р. в 1882 г. Офицер 137-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м сводном полку 52-й пехотной дивизии, с 17 апреля 1919 г. помощник и врид командира до 1 мая и с 27 мая 1919 г., с 8 августа 1919 г. командир того же полка, с 13 июля, в сентябре—октябре 1919 г. командир 2-й бригады 8-й пехотной дивизии. В Русской Армии; командир 75-го пехотного полка, с которым в сентябре – октябре 1920 г. влит во 2-й Корниловский полк, где служил до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». На 18 декабря 1920 г. в 7-й роте Корниловского полка в Галлиполи. До осени 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Генерал-майор.

[208] Воспоминания П.Я. Григуля публикуются ниже.

[209] **Петренко Яков Михайлович.** Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й артиллерийской бригаде, в июле 1919 г. командир взвода, с 22 июля 1919 г., на ноябрь 1919 г. командир 5-й батареи той же (впоследствии Корниловской) бригады. В Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады во Франции (в Клиши).

[210] **Трошин Григорий Захарович.** Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Аедяного») похода. В июне 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, в октябре 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир

7-й роты полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Корниловского полка в Бийянкуре, в 1936 г. глава объединения полка во Франции. Полковник. Умер 10(13) августа 1971 г. в Нью-Йорке.

[211] **Бордель фон Борделиус Иосиф Сергеевич.** Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту (прибыл на пароходе «Цесаревич Георгий»). В ноябре 1921 г. – апреле 1922 г. начальник команды Корниловского полка в лагере Надор, в июле 1922 г. – в лагере Шрекбен-Шабаш. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. Капитан. Член правления Общества Галлиполийцев во Франции. Умер 15 декабря 1963 г. в Алье (Франция).

[212] **Киреев Семен Ермолаевич (Ермилович).** Офицер. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту (прибыл на пароходе «Цесаревич Георгий»), в мае 1922 г. в команде Корниловского полка в лагере Надор. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Капитан. В эмиграции во Франции, с 1931 г. в Иностранном легионе в Индокитае. В 1932 г. глава Лионской группы Корниловского полка, в 1936 г. НОРР. Полковник. Умер 17 ноября 1978 г. в Монморанси (Франция).

[213] **Яремчук Антоний Прокофьевич.** Николаевское военное училище. Прапорщик 321-го пехотного полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции, в 1932 г. начальник группы Корниловского полка и РОВС в Клермон-Ферране. Доброволец армии генерала Франко – в Русском отряде испанской армии. Во время Второй мировой войны в итальянской армии в России. Капитан испанской армии, директор радиопередач РНО. Умер 14 марта 1985 г. в Мадриде.

[214] **Гридин Георгий Иванович,** р. в 1892 г. Техник. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции, в 1931–1932 гг. возглавлял группу полка в Гренобле. В эмиграции в США. Умер 16 сентября 1971 г. в Нью-Йорке.

[215] **Стороженко Борис Никитич.** Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте

Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции во Франции, с 1932 г. в психиатрической лечебнице в Гренобле.

216 **Яхнов Николай Иосифович,** р. 19 февраля 1883 г. Полковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 1918 г. в отряде Шкуро, затем командир пластунского батальона, затем командир батальона Корниловского военного училища; летом 1920 г. на той же должности до эвакуации Крыма. Галлиполиец, с 1921 г. в Корниловском полку. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Умер 24 ноября 1933 г. в Гренобле (Франция).

217 **Голосов Владимир Михайлович.** Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Бургасе. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии. Умер 11 декабря 1950 г. в Мюнхене.

218 **Дмитриев Петр Александрович (Алексеевич).** Подпоручик (поручик). В Добровольческой армии (к январю 1918 г.). Участник 1-го Кубанского («Аедяного») похода. С июля 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, поручик. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Софии.

219 **Федоров Константин Георгиевич (Григорьевич).** Прапорщик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 13 июля 1919 г. подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку (с сентября 1920 г. поручик, командир батальона) до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Капитан. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 4-й роты Корниловского полка. Подполковник. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Софии. Протоиерей. Умер 14 октября 1959 г. в Афинах.

220 **Ширгановский Виктор Михайлович,** р. в 1895 г. Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Инкерман». Галлиполиец. Осенью 1925, до 10 августа 1933 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Софии.

221 **Неженцев Митрофан Осипович,** р. в 1886 г. Сын

коллежского асессора. Николаевская гимназия, Александровское военное училище (1908), академия Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го Ударного полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии; 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского ударного полка. Полковник, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

222 **Трухманов Геннадий Дормидонтович,** р. около 1888 г. Духовная семинария, Тверское кавалерийское училище. Офицер 12-го пограничного конного полка. В Добровольческой армии в эскадроне 10-го драгунского полка в 10-м гусарском Ингерманландском полку, затем в 1-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. В Галлиполи адъютант коменданта лагеря для беженцев. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Болгарии, воспитатель и преподаватель Галлиполийской гимназии и Варненской гимназии, с 1932 г. в Варне. Служил в Русском Корпусе. С 1950 г. в Австралии. Ротмистр. Умер 6 августа 1965 г. в Перте (Австралия).

223 **Писанный Андрей (Эдуард) Максимович.** Корнет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Корнет. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Варне.

224 **Запорожский Антон Антонович.** Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Казанлыке.

225 **Кузьминов Николай Михайлович.** В Вооруженных силах Юга России. Участник Бредовского похода. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». На 18 декабря 1920 г. в 10-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, в 1932–1933 гг. в Казанлыке.

226 **Егерь Владимир.** Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июля 1919 г. комендант во 2-м Корниловском полку. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Казанлыке, с

1933 г. переехал из Бургаса в Павликени. Поручик.

[227] **Тюрев Дмитрий Федорович.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в нестроевой роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Казанлыке.

[228] **Игошин Иван.** Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Подпоручик. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, в 1932 г. начальник группы полка в Сливене. Поручик.

[229] **Дмитриев Николай Степанович.** Офицер. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 4-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Сливене.

[230] **Малафеев Максим,** р. в Ставропольской губ. Во ВСЮР и Русской Армии курсовой офицер в Кубанском Алексеевском военном училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Корниловскому полку в Болгарии, начальник хозяйственной части Корниловского военного училища. В эмиграции в Болгарии, с 1932 г. в Сливене.

[231] **Зумберов Александр Михайлович.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 10-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Генерал-майор. В эмиграции с 1932 г. в Польше.

[232] **Ткаченко Николай Григорьевич,** р. в 1890 г. Алексеевское военное училище. Прапорщик л. – гв. Измайловского полка. В Добровольческой армии в Георгиевском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку. Тяжело ранен, затем в Особой офицерской роте Ставки Главнокомандующего; с 23 ноября 1919 г. поручик, с 25 ноября 1919 г. штабс-капитан. Осенью 1919 г. начальник хозяйственной части в 3-м Корниловском полку. В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи и в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Бельгии. Капитан. В эмиграции в США, с 1932 г. начальник группы Корниловского полка в США. Умер 31 июля 1975 г.

[233] **Трилевский Антон Григорьевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 4-й роте Корниловского полка в Галлиполи.

Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Бельгии. Капитан. В эмиграции в США, с 1930 г. член правления Общества Ветеранов в Детройте. Умер 27 июня 1971 г. в Детройте.

[234] **Толпыго (Толпыга) Ростислав Вячеславович.** В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Крым на корабле «Херсон». В Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Поручик. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». Умер 14 марта 1932 г. в Венгрии.

[235] **Рыбалка Николай Тимофеевич.** Корнет. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловском конном дивизионе до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе того же дивизиона в Галлиполи. Поручик. В эмиграции в Венгрии. Умер в 1923 г. в Будапеште.

[236] **Туркин Федор Георгиевич.** Прапорщик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции во Франции, начальник группы Корниловского полка во Франции, с 1936 г. член НОРР. Умер 8 мая 1969 г. в Париже.

[237] **Бешенова Полина Федоровна** (урожд. **Бойко),** р. в 1896 г. Сестра милосердия Георгиевского полка. В Добровольческой армии; во время боев за Ростов в ноябре 1917 г. в Георгиевском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку. В эмиграции во Франции. Умерла в 1989 г. в Париже.

[238] **Гайдукова Василиса (Васса) Яковлевна.** В Добровольческой армии; сестра милосердия в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Умерла 25 августа 1969 г. в Париже.

[239] **Орехов Василий Васильевич,** р. в 1896 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции в Бельгии. Издатель и бессменный редактор журнала «Часовой». Капитан. Умер *6* июля 1990 г. в Брюсселе.

[240] Впервые опубликовано: *Витковский В.К.* В борьбе за Россию: Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

[241] **Асмолов Василий Владимирович.** Сын табачного фабриканта. В Добровольческой армии с 1917 г. в органах пропаганды, в Русской Армии в штабе Главнокомандующего. В

эмиграции делопроизводитель 1-го отдела РОВС, с февраля 1941 г. в Париже в аппарате отдела. Умер 5 октября 1962 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

[242] Воспоминания И.Н. Стогова публикуются ниже.

[243] **Мацылев Сергей Александрович,** р. в 1893 г. 2-й кадетский корпус, Александровское военное училище (1912) (1913). Капитан, командир батальона. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. в Партизанском (затем Алексеевском) пехотном полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. Полковник. В эмиграции во Франции, председатель объединения Алексеевского полка, с 1931 г. управляющий делами Высших военнотехнических курсов в Париже, с 1934 г. член правления общества друзей «Часового», с февраля 1941 г. начальник канцелярии 1-го отдела РОВС, начальник 1-го отдела РОВС. Умер 7–8 ноября 1954 г. в Париже.

[244] **Стефановский Михаил Иванович,** р. около 1897 г. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР в Корниловском ударном полку, до 30 сентября 1919 г. подпоручик. В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции с 1933 г. в Бургасе. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США, на 31 декабря 1978 г. член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 23 июня 1979 г. в Ричмонде (США).

[245] Впервые опубликовано: Корниловцы. Юбилейная памятка 1917–1967 гг. Париж, 1967.

[246] **Мищенко Кирилл Ф.** Во ВСЮР и Русской Армии. Подпрапорщик. В эмиграции с 1933 г. в составе Корниловского полка. Служил в Русском Корпусе, рядовой. Убит 8 октября 1944 г. у Рудницы (Югославия).

[247] **Гетц Викентий Иванович,** р. 19 февраля 1889 г. в Витебске. Реальное училище в Двинске, Виленское военное училище (1911). Капитан, командир батареи 137-го артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с апреля 1918 г., рядовой 1-й батареи, начальник орудия, с весны 1919 г. старший офицер 4-й батареи 1-й артиллерийской бригады, затем командир той же батареи, к ноябрю 1919 г. командир 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады в Софии. Служил в Русском Корпусе. С 1950 г. в Норвегии, с 1956 г. в США. Умер 22 февраля 1968 г.

в Нью-Йорке.

[248] **Рогожин Анатолий Иванович,** р. 12 апреля 1893 г. в ст. Червленной Терской обл. Владикавказский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Сотник собственного Его Императорского Величества конвоя. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. участник Терского восстания. В августе 1918-го – феврале 1919 г. адъютант Кизляро-Гребенского полка, затем командир 2-й сотни Кубанского гвардейского дивизиона в Донбассе. Тяжело ранен под Царицыном, с 1 августа 1919 г. командир 1-й сотни. С 2 января 1920 г. подъесаул, с 3 января 1920 г. есаул. С весны 1920 г. командир Терского гвардейского дивизиона и сотни до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. служил в пограничной страже. Полковник, осенью 1925 г. помощник командира 3-го Сводно-Кубанского полка; помощник командира Кубанского гвардейского дивизиона, с 1937 г. командир собственного Его Императорского Величества конвоя. Служил в Русском Корпусе, с 30 апреля 1945 г. командир его. С 1952 г. в CELIA. Председатель СЧРК. Умер 6 апреля 1972 г. в Лейквуде (США).

[249] **Морозов Анатолий Сергеевич.** Капитан. В Вооруженных силах Юга России в 1-м Корниловском полку. Ранен. Эвакуирован в конце февраля 1920 г. из Новороссийска в Салоники на транспорте «Бриенн». В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. хозяин Офицерского собрания полка. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан (к 24 декабря 1921 г.). В эмиграции в Болгарии, с 1933 г. в Пернике. Служил в Русском Корпусе. Убит в ноябре 1944 г.

[250] **Барановский Александр Михайлович.** Офицер. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Болгарии, с 1933 г. на мине (шахте) Черное Море. Служил в Русском Корпусе. Убит.

[251] **Новицкий Анатолий Иванович.** Прапорщик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Ранен 6 раз. Штабс-капитан. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Убит 5 августа 1944 г. на р. Ибре под Авалой (Югославия).

[252] **Таранский Михаил Яковлевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии.

Поручик. В эмиграции. Штабс-капитан. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945 г.

253 **Журавский Аркадий Яковлевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. во 2-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Служил в Русском Корпусе (ефрейтор). Убит 5 августа 1944 г. на р. Ибре (в Югославии).

254 **Анохин Иван Акимович.** Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в команде связи Корниловского полка в Галлиполи. Ефрейтор. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Младший унтер-офицер. Служил в Русском Корпусе. Подпоручик. Убит 19 февраля 1945 г. под Травником (Югославия).

255 **Малашихин Федор Васильевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подпоручик. Служил в Русском Корпусе (ефрейтор). Поручик. Убит 4 мая 1945 г. у с. Вигаун (Югославия).

256 **Краснер Семен Михайлович.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подпоручик. Служил в Русском Корпусе. Поручик. Убит до 1945 г.

257 **Любутин Алексей Михайлович (Иванович).** Во ВСЮР и Русской Армии рядовой в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Ефрейтор. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе (унтер-офицер). Убит.

258 **Курносов Геронтий Иннокентьевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подпоручик. В эмиграции с 1933 г. в Бургасе. Служил в Русском Корпусе. Поручик. Умер в 1941–1945 гг.

259 **Кедринский Василий Иванович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Подполковник. Служил в Русском Корпусе. Расстрелян большевиками в 1945 г. в Болгарии.

260 **Григуль Петр Яковлевич,** р. в 1892 г. Поручик. В

Вооруженных силах Юга России; с июля 1919 г. в офицерской роте 2-го Корниловского полка, затем адъютант того же полка. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в 8-й роте Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск), с 1934 г. член правления Общества Галлиполийцев в Париже. Доброволец армии генерала Франко. Капитан. Умер 11 марта 1971 г.

261 Впервые опубликовано: Корниловцы. Юбилейная памятка 1917–1967 гг. Париж, 1967.

262 **Кривошеев Александр Порфирьевич.** Из казаков ВВД. Прапорщик Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Автор гимна Корниловского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. В эмиграции представитель монархических газет в Париже, после 1945 г. представитель «Часового» и «Нашей Страны» во Франции. Капитан. Умер 9 января 1975 г. в Нейи (Франция).

263 **Бояринцев Митрофан Иванович,** р. в 1894 г. Киевское военное училище (1915). Штабс-капитан, командир батальона 5-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с сентября 1918 г. в Корниловском полку, затем командир сотни 5-го Кубанского пластунского батальона, затем вновь в Корниловском полку – командир роты и батальона. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17 сентября 1971 г. в Шелль (Франция).

264 **Калугин Серафим Михайлович.** Капитан 16-го гренадерского полка. В эмиграции в 1930–1936 гг. в Париже, казначей Союза офицеров Кавказской армии, с 1934 г. член общества друзей «Часового». Умер 13 мая 1962 г. в Париже.

265 Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 11.

266 **Старосельский Всеволод Дмитриевич,** р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник, командир Кабардинского конного полка. С 1919-го по декабрь 1920 г. начальник Персидской казачьей дивизии.

267 **Булацель Сергей Сергеевич (3-й),** Елисаветградское кавалерийское училище (1903). Ротмистр 4-го уланского полка, с 1917 г. в Персидской казачьей дивизии, с октября 1919 г.

начальник Тегеранского отряда, с 30 января 1920 г. начальник Гилянского отряда. В эмиграции в Марокко. Умер 9 августа 1971 г. в Танжере.

[268] Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 11.

[269] **Филаретов Парфений Варфоломеевич.** Виленское военное училище. Полковник, инструктор Персидской казачьей дивизии. До октября 1919 г. начальник Тегеранского отряда той же дивизии, затем начальник Хамаданского отряда. В эмиграции в Иране (Тегеран).

[270] **Фадеев Павел Андреевич,** р. в 1893 г. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Сотник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; командир 2-й Илецкой сотни Уральского сводного полка. В бою 26 октября 1919 г. лично зарубил 30 человек, за что награжден орд. Св. Архистратига Михаила. С 24 ноября 1919 г. командовал двумя Партизанскими сотнями из остатков 1-го и 2-го Партизанских полков, в марте 1920 г. есаул, командир 2-го полка в Форте Александровском, затем командир взвода во время похода в Иран, с июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии. Войсковой старшина. В эмиграции во Франции, к 1963 г. заместитель Уральского атамана. Умер 8 января 1977 г. в Париже.

[271] Впервые опубликовано: Родимый Край. № 89.

[272] **Толстов Владимир Сергеевич,** р. 7 июля 1884 г. Из дворян, сын генерала, казак ст. Гурьевской Уральского казачьего войска. Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 23 марта 1919 г. избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью в соответствии с приговорами станиц и остатков строевых частей армии. Генерал-майор. С 21 апреля 1919-го по январь 1920 г. командующий Уральской отдельной армией. 20 декабря 1919 г. сложил с себя обязанности войскового атамана и передал власть «Комитету Спасения Войска», оставаясь командующим Уральской отдельной армией. 5 апреля 1920 г. ушел из Форта Александровского с отрядом офицеров и казаков из 214 человек (пересекли границу Ирана 4 июня 163 человека). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). С 1921 г. член Русского Совета генерала Врангеля, с августа 1922 г. председатель правления казачьих войск и помощник правителя по казачьим войскам. Генерал-лейтенант. В эмиграции с 1923 г. (с 1942 г.) в Австралии. Умер в 1956 г. в Сиднее.

[1ПЪ] **Климов Иван Иванович.** Из казаков ст. Глининской

Уральского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров за боевое отличие в 1915 г. Сотник (1916). В белых войсках Восточного фронта; есаул, помощник войскового атамана Уральского казачьего войска, в начале 1919 г. член Уральского правительства. В декабре 1919 г. командир Гурьевского конного дивизиона, с марта 1920 г. командир 1-го полка Уральского казачьего войска, затем командир взвода в походе в Иран. Войсковой старшина. С июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии, затем начальник персидской кавалерии. В эмиграции в Чехословакии и Франции. Умер 4 сентября 1930 г. в Ницце (Франция).

[274] **Захарин Иосиф (Исидор) Евстафьевич,** р. в 1889 г. Подхорунжий Кубанского казачьего войска. С 1916 г., в мае 1920 г. в Персидской казачьей дивизии. В эмиграции во Франции. Умер 27 декабря 1982 г. в Сент-Женевь-ев-де-Буа (Франция).

[275] Впервые опубликовано: Часовой. Январь 1981. № 629.

[276] **Голубинцев Святослав Всеволодович,** р. около 1897 г. Из дворян ВВД, сын офицера. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917). Корнет 11-го гусарского полка. В Донской армии; с 1918 г. в л. – гв. Казачьем полку, затем ушел из полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции служил во французском Иностранном легионе в Марокко, с 1922 г. в Аргентине и Парагвае. Служил в парагвайской армии (капитан), затем в Бразилии (1930), секретарь начальника Департамента полиции, председатель Русского Офицерского Союза. Служил в Русском Корпусе. Литератор. Заместитель председателя кадетского объединения в Сан-Паулу. Ротмистр. Умер 15 июня (22 июля) 1985 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

[277] Впервые опубликовано: Родимый Край. № 121–123.

[278] **Сластников Дмитрий Семенович.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел», в конце 1918 г. в Сайгоне. В белых войсках Восточного фронта; с 16 января 1919 г. в Морском училище во Владивостоке. Георгиевская медаль 4-й ст. (1919). Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции с 1921 г. в Италии, с 1922 г. в Аргентине, затем в США, в 1929 г. окончил Колумбийский университет. Инженер. Умер 13 января 1968 г. в Вашингтоне.

[279] **Родзевич Станислав Мечиславович,** р. 24 августа 1898 г. в Минске. Полоцкий кадетский корпус. Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. Участник Белого движения на Западе России. Осенью 1918 г. на канонерской лодке «Кубанец» в Одессе, с марта 1919 г. на яхте «Лукулл». В белых войсках Восточного

фронта (прибыл на транспорте «Иерусалим») в Морском училище во Владивостоке. Эвакуирован 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). В эмиграции с 1922 г. в Аргентине. Умер 4 июня 1967 г. в Буэнос-Айресе.

[280] **Бабаш Владимир Григорьевич.** Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В эмиграции в Югославии, с 1921 г. в Италии, с 1922 г. в Аргентине, Парагвае и Перу. Умер в Аргентине.

[281] **Поляков Ефрем Васильевич.** Произведен в офицеры из вольноопределяющихся. Штабс-капитан Моршанского пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Бразилии. Инженер. Умер после 1956 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

[282] **Шеркунов Николай Иванович,** р. в 1890 г. Техническое училище, 1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков (1916). Поручик. В Донской армии; в ноябре 1919 г., 1920 г. в Донском офицерском резерве и Донском офицерском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции к 1956 г. в Сан-Паулу (Бразилия). Инженер.

[283] **Роменский Анатолий.** Московский лицей Цесаревича Николая (1917). Юнкер Николаевского кавалерийского училища. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м конном полку; с 5 августа 1919 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 11 – го гусарского полка до эвакуации Крыма. Корнет. В эмиграции в Праге, с 1924 г. в Бразилии. Умер 4 ноября 1962 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

[284] **Иваненко Константин Александрович.** 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1916). Поручик 6-го Заамурского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии в эскадроне 11-го гусарского полка до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии. Ротмистр. В эмиграции в Праге, с 1924 г. в Бразилии, к 1956 г. в Сан-Паулу, инженер-строитель. Умер 5 марта 1969 г. в Бразилии.

[285] **Керманов Николай Петрович.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец, командир 4-й роты Корниловского военного училища. Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Болгарии, с 1920-х гг. в Люксембурге, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев, с 1934 г. в Парагвае, с 1936 г. в парагвайской армии. С сентября 1958 г. снова в Люксембурге, с 1958 г. начальник подотдела РОВС. Умер 1 января 1959 г. в Эше (Люксембург).

[286] Впервые опубликовано: Часовой. Февраль – март 1935. № 144–145.

[287] **Беляев Иван Тимофеевич,** р. 19 апреля 1875 г. 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893). Офицер л. – гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир артиллерийской бригады Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир батареи, с августа 1918 г. начальник артиллерии 1-й конной дивизии, с 17 марта, в ноябре 1919 г. инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса, инспектор артиллерии Кавказской армии. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, с 1924 г. в Парагвае, в 1931 г. служил в армии и отличился в войне с Боливией. Генерал-лейтенант. Умер 19 января 1957 г. в Асунсьоне.

[288] Впервые опубликовано: Наши Вести. 1982.

[289] **Орефьев-Серебряков Василий Федорович.** Из казаков ст. Арчадинской Области Войска Донского. Есаул. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919 г. – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Парагвае. Майор парагвайской армии. Убит 28 сентября 1932 г. под Бокероном в Парагвайском Чако.

[290] **Касьянов Борис Павлович.** Ротмистр 2-го драгунского полка. В эмиграции в Парагвае. Майор парагвайской армии. Убит 16 февраля 1933 г. под Сааведрой.

[291] **Малютин Василий Павлович.** Сотник (хорунжий) Кубанского казачьего войска. В эмиграции в Парагвае. Капитан парагвайской армии. Убит 22 сентября 1933 г. под Пасо-Фаворито.

[292] **Салазкин Сергей Сергеевич.** Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Офицер Текинского конного полка. Сопровождал генерала Корнилова из Быхова. В Добровольческой армии в своем полку. Ротмистр. В эмиграции в Чехословакии, окончил Пражский политехнический институт, лесной инженер, до 1933 г. член Общества Галлиполийцев в Чехословакии. С 1928 г. в Парагвае: майор (подполковник), командир полка в парагвайской армии. Убит 30 октября 1933 г. под Ианавой (по другим данным – умер от ран 13 ноября 1933 г.).

[293] **Гольдшмит Николай Иосифович.** Прапорщик. В Добровольческой армии в Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку; в июле 1919 г. в 1-м Марковском полку, в Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в команде конных разведчиков Марковского полка в Галлиполи. Штабс-капитан. В эмиграции в

Паргвае, с 1931 г. капитан, командир 3-го кавалерийского полка в парагвайской армии. Убит 20(22) мая 1934 г. в Каньяда-Строгест.

[294] **Корсаков Николай Андреевич.** Поручик 3-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводно-уланском полку, разжалован в рядовые на 1,5 месяца 5 августа 1919 г. Ротмистр. В эмиграции в Парагвае. Майор парагвайской армии, с 1936 г. командир 9-го кавалерийского полка. Главный инспектор государственных работ. Председатель Союза русских офицеров в Парагвае. Умер 7 февраля (5 апреля) 1977 г. в Асунсьоне.

[295] **Высоколян Степан Леонтьевич,** р. в с. Наливайко Подольской губ. Из крестьян. Виленское военное училище (1916). Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции с 1921 г. в Риге, в 1928 г. окончил Пражский университет, в 1933 г. – Чехословацкую военную академию. С декабря 1933 г. в Парагвае, с 5 марта 1934 г. служил в парагвайской армии. Генерал-лейтенант профессор академии Генштаба. Умер 31 июля 1986 г. в Асунсьоне.

[296] **Стогов Николай Николаевич,** р. 10 сентября 1872 г. Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское военное училище (1893), академия Генштаба (1900). Офицер л. – гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии (в мае— августе 1918 г. начальник Всеросглавштаба). В 1918–1919 гг. член «Национального Центра» в Москве, начальник его военной организации (в августе 1919 г. возглавлял штаб Добровольческой армии Московского района). Арестован, бежал через линию фронта. В Вооруженных силах Юга России с сентября 1919 г., начальник укрепленной позиции у Ростова, с 18 января 1920 г. начальник штаба Кубанской армии. В Русской Армии комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 г. в Париже, помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 6 июля 1930 г. до 1934 г. начальник той же канцелярии, к 1 июля 1939 г. член объединения л. – гв. Волынского полка, в феврале 1941 г. заместитель начальника 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов, с 1949 г. председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л. – гв. Волынского полка, заместитель председателя Распорядительного комитета Гвардейского объединения и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской пехотной дивизии.

Умер 17 декабря 1959 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[297] Впервые опубликовано: Часовой. Сентябрь 1936. № 174.

[298] **Вейс Артур Ф.** Тайный советник, начальник санитарной части Кавказского военного округа. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 октября 1918 г. заведующий отдельным делопроизводством по санитарной части Военного и Морского отдела, с 4 января 1919 г. начальник санитарной части ВСЮР, весной 1919 г. врач Крымско-Азовского корпуса, на 15–29 октября 1919-го – начало 1920 г. начальник санчасти войск Новороссийской области. В эмиграции в Парагвае, с 1936 г. генерал медслужбы парагвайской армии.

[299] **Эрн Николай Францевич,** р. в июне 1879 г. 2-я Тифлисская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1906), Офицерская кавалерийская школа (1907). Офицер л. – гв. Казачьего полка, 1-го Кавказского казачьего полка. Полковник, командир 18-го драгунского полка. Генерал-майор, начальник штаба экспедиционного корпуса во Франции. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 19 ноября 1918 г. помощник дежурного генерала штаба Добровольческой армии (с декабря 1918 г. врид дежурного генерала). В Русской Армии помощник дежурного генерала штаба армии. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в Югославии, с 6 ноября 1923 г. по 1 августа 1924 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса. Участник составления истории л. – гв. Казачьего полка. С 1923 г. в Парагвае, с 1925 г. начальник Парагвайского отдела РОВС, член ВМС; с 1936 г. преподаватель военной школы в Парагвае, с 1936 г. генерал-инспектор парагвайской армии. Генерал-лейтенант, советник Генерального штаба и профессор военного училища и Академии Генштаба. Умер 19 июля 1972 г. в Асунсьоне.

[300] **Зимовский Николай Федорович,** р. 19 мая 1890 г. в Харькове. Реальное училище, мореходное училище, офицерский экзамен (1917). Мичман военного времени тральщика «Т-5». В белых войсках Северного фронта с 27 ноября 1918 г. на той же должности; до 19 июля 1919 г. при штабе Главнокомандующего войсками Северной Области, с октября 1919-го по февраль 1920 г. в штабе флотилии Северного Ледовитого океана. Орд. Станислава 3-й ст. м. б. (17 ноября 1919 г.). Эвакуирован в декабре 1919-го – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Парагвае, с 1936 г. майор артиллерии в парагвайской армии, служил в арсенале и на флоте, к 1959 г. генерал-майор.

[301] **Князь Туманов Язон Константинович,** р. в 1883 г. Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга. Капитан 1-го ранга. До августа 1918 г. в Закавказье. В конце 1918 г. начальник

Волжске-Каспийской флотилии при Астраханской армии. Во ВСЮР и Русской Армии. Капитан 1-го ранга (28 марта 1920 г.). В эмиграции к 1933 г. в Парагвае, с 1936 г. капитан парагвайского флота, на 20 января 1949 г. в Асунсьоне, член Исторической комиссии Общества бывших русских морских офицеров в Америке, председатель Парагвайской группы РОВС. Умер в 1955 г.

302 **Сахаров Вадим Николаевич,** р. в 1887 г. Произведен в офицеры из юнкеров флота (1912). Лейтенант. В Вооруженных силах Юга России. Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). Эвакуирован из Новороссийска. К лету 1921 г. в Константинополе. В эмиграции в Парагвае, в 1934–1937 гг. в Асунсьоне, служил во флоте, преподаватель телеграфного дела; затем в Бразилии, на 31 января 1944 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

303 **Леш Леонид Леонидович,** р. в 1890 г. в Таврической губ. Одесский кадетский корпус (1907), Михайловское артиллерийское училище. Полковник 3-й гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1 августа 1918 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1929 г. в Парагвае. Служил в парагвайской армии, с 1936 г. командир полка, майор. Умер в 1940 г.

304 **Бутлеров Юрий (Георгий) Михайлович,** р. в 1889 г. Из дворян, внук известного химика. Московская сельскохозяйственная академия. Офицер из вольноопределяющихся (1914). Поручик л. – гв. 1-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В феврале 1918 г. член подпольной офицерской организации в Кисловодске, весной 1918 г. в Кисловодске со Шкуро, затем в Добровольческой армии. В Вооруженных силах Юга России в батарее своей бригады. Штабс-капитан. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». В Русской Армии командир дивизиона в 8-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Есаул. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Константинополе, с 1932 г. во Франции (капитан), затем в Парагвае, с 1936 г. командир полка в парагвайской армии, майор, в 1959 г. подполковник, затем полковник. Умер 3 апреля 1962 г. в Асунсьоне.

305 **Чиркин Георгий Михайлович.** Штабс-капитан. Во ВСЮР

и Русской Армии комендант штаба в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Парагвае, к 1936 г. капитан в парагвайской армии, затем в Аргентине. Умер 14 августа 1960 г. в Буэнос-Айресе.

[306] **Фрей Борис.** Суворовский кадетский корпус. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне 6-го уланского полка. В эмиграции в Парагвае, топограф, к 1936 г. капитан в парагвайской армии.

[307] **Керн Сергей Николаевич.** О нем см. ранее в комментарии № 24.

[308] **Барон Унгерн фон Штернберг Константин Александрович,** р. в 1900 г. Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 1-й конно-горной (Дроздовской) батарее. Участник Бредовского похода. Подпоручик. Эвакуирован в Зеленик (Югославия). 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым. В эмиграции в Парагвае, к 1936 г. старший лейтенант (капитан) в парагвайской армии.

[309] **Эрн Борис Николаевич.** Корнет 18-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии. В эмиграции в Югославии, адъютант Общества Северских драгун в Белграде, затем в Парагвае, в 1936–1949 гг. старший лейтенант парагвайской армии; в 1930-х гг. начальник Парагвайского очага РФС. Позже в США. Умер после сентября 1967 г. в Нью-Йорке.

notes

Примечания

1

Похищен большевиками. Убит позже в Москве (см. с. 461). *(Примеч. ред.)*

2

Капитан 2-го ранга. *(Примеч. ред.)*

XIX столетия. *(Примеч. ред.)*